216943

ДѢТСКІЙ МІРЪ

и

ХРИСТОМАТІЯ.

491.71(082)
У-945

КНИГА ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ,

ПРИСПОСОБЛЕННАЯ КЪ ПОСТЕПЕННЫМЪ УМСТВЕННЫМЪ УПРАЖНЕНІЯМЪ И НАГЛЯДНОМУ ЗНАКОМСТВУ СЪ ПРЕДМЕТАМИ ПРИРОДЫ.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Исправленное и дополненное, съ 4мя таблицами рисунковъ).

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

СОСТАВИЛЪ

К. Ушинскій.

(Допущена къ употребленію въ первыхъ четырехъ классахъ гимназій и уѣздныхъ училищахъ, а также въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ IV Отдѣленію Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.

1863.

ГОС. НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
им.
К. Д. Ушинского

82-415
нр 2011

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 іюня 1863 года.

LTSP Valst
Respublikas
Biblioteka

ПРЕДИСЛОВІЕ

Ко второй части „Дѣтскаго Міра."

Статьи *первой* части «Дѣтскаго Міра» даютъ дѣтямъ возможность осмотрѣть ближайшій, окружающій ихъ міръ въ отдѣльныхъ, самыхъ простыхъ предметахъ и малосложныхъ явленіяхъ; во *второй* части представляются цѣлыя, иногда довольно сложныя картины, элементы которыхъ болѣе или менѣе уже знакомы дѣтямъ. *Вторую* часть моей книги я также, какъ и первую, раздѣлилъ на двѣ половины: «Дѣтскій Міръ» и «Христоматію», а «Дѣтскій Міръ» на четыре большіе отдѣла: 1) *статьи по географіи*, 2) *разсказы изъ русской исторіи*, 3) *статьи по естественной исторіи*, и 4) *первые уроки логики*; «Христоматію» раздѣлилъ я на стихи и прозу. Объ отношеніи «Христоматіи» къ «Дѣтскому Міру» сказано было въ предисловіи къ 1-й части: оно остается то же самое. Теперь слѣдуетъ сказать только о порядкѣ чтеній статей «Дѣтскаго Міра», который я имѣлъ въ виду при составленіи *второй* части.

Я предполагалъ, что преподаватель будетъ читать съ учениками *не одинъ отдѣлъ вслѣдъ за другимъ, а будетъ вести всѣ четыре отдѣла разомъ*, останавливаясь по временамъ въ томъ отдѣлѣ, гдѣ статьи покажутся ему еще несвоевременными, и прочитывая иногда три, четыре статьи по порядку изъ одного и того же отдѣла, если эти статьи, — какъ напр., нѣкоторыя статьи по географіи,—дополняютъ одна другую; чтеніе же и изученіе «Христоматіи» должно сопровождать постоянно чтеніе статей «Дѣтскаго Міра». Первая статья 1-го отдѣла, «*Поѣздка изъ столицы въ деревню*» (стр. 1 — 18), даетъ поводъ преподавателю обратить дѣтское вниманіе на окружающую дитя мѣстность. Весьма полезно будетъ, если преподаватель въ изустныхъ бесѣдахъ съ учениками побудитъ каждаго изъ нихъ описать знакомую ему родную мѣстность, родимый городъ, деревню, отцовскій домъ, конечно, поддерживая такой разсказъ вопросами. Во многихъ германскихъ руководствахъ излагаются систематически описанія дома, улицы, деревни, города; но такія описанія до того сухи и скучны, что я не рѣшился внести ихъ въ русскую книгу для чтенія, однакожъ, признавая пользу такихъ описаній, я полагаю только, что они должны выходить изъ изустныхъ бесѣдъ съ учениками, а не вычитываться ими изъ книги. Статья «*Поѣздка изъ столицы въ деревню*», не смотря на свою кажущуюся простоту, требуетъ многихъ объясненій со стороны преподавателя, а потому ее слѣдуетъ читать не торопясь.

Статья «*Вдали и вблизи*» (стр. 18) составляетъ уже введеніе въ научныя географическія статьи. Слѣдуетъ убѣдить учениковъ непосредственнымъ опытомъ, что предметы, чѣмъ дальше, тѣмъ кажутся менѣе,

иначе они будутъ принимать только на вѣру, что солнце можетъ быть гораздо больше земли и т. п. Въ статьѣ «*Земля*» (стр. 19)—одна мысль, потому-что эта мысль, какъ ни просто она выражена, принимается дѣтьми трудно. Статья «*Глобусъ*» (стр. 20) знакомитъ дѣтей съ понятіемъ картины, плана, карты и глобуса; но конечно хорошо познакомитъ ихъ съ этими понятіями только тогда, когда дѣти не только присмотрятся къ предметамъ, но и сами попробуютъ нарисовать планъ учебной комнаты, школы, сада, улицы, площади и т. п. Планъ той мѣстности (деревни или города), гдѣ находится школа, даетъ ученику возможность перейти къ вѣрному понятію о картѣ. «Но» — скажетъ, можетъ быть, иной преподаватель русскаго языка: «зачѣмъ я стану толковать дѣтямъ о предметахъ географическихъ? Для этого есть другой наставникъ». На это я могу отвѣтить только слѣдующее: до тѣхъ поръ, пока различные предметы учебнаго курса будутъ у насъ преподаваться, какъ бы совершенно не зная о существованіи другъ друга, ученье не будетъ оказывать никакого существеннаго вліянія на духовное развитіе дѣтей, предоставляя его только вліянію времени и жизни; — до тѣхъ поръ ученье будетъ не увлекательнымъ органическимъ процессомъ психическаго развитія, а невыносимо скучнымъ трудомъ для наставника и ученика. Можетъ ли быть что-нибудь скучнѣе этихъ многолѣтнихъ поисковъ за подлежащими, сказуемыми, опредѣленіями и дополненіями, этихъ вѣчныхъ толковъ о безжизненной формѣ, при которой, какъ будто нарочно, избѣгаютъ всякой встрѣчи съ живымъ, сколько нибудь занимательнымъ содержаніемъ? Развивайте, возбуждайте въ дѣтяхъ мысль — и будьте увѣрены, что она, сильно возбужденная къ жизни, сама выработаетъ себѣ форму; а вамъ останется только облегчить ей ея собственное дѣло, и только тотъ языкъ хорошъ, который непосредственно самъ выработался изъ мысли. Преподаватели закона Божія, географіи, исторіи, ариѳметики — естественные помощники преподавателя отечественнаго слова, который въ свою очередь, *по крайней мѣрѣ въ младшихъ классахъ*, полагаетъ прочную основу всякому ученью, если только въ его учебной дѣятельности выражается сознаніе, что логика и красота въ словѣ — плоды логики въ мысли и красоты въ чувствѣ. Не разъ удавалось намъ слышать жалобы преподавателей различныхъ предметовъ на преподавателя русскаго языка, что дѣти не умѣютъ связать правильно двухъ словъ ни изустно, ни на письмѣ, какъ будто на одномъ учителѣ русскаго языка лежитъ обязанность учить дѣтей думать и правильно выражать свои мысли, какъ будто только съ помощью грамматическихъ правилъ, безъ помощи логики въ мысляхъ, вѣрнаго пониманія и яснаго представленія предмета, зная только правила этимологіи и синтаксиса, можно выражаться логически. Таково необходимое послѣдствіе вреднаго раздѣленія предметовъ между нѣсколькими преподавателями даже въ младшихъ классахъ нашихъ учебныхъ заведеній, которое, по всей вѣроятности, еще долго у насъ останется. Одною изъ главныхъ цѣлей, для достиженія которыхъ я составилъ «Дѣтскій Міръ», было — по возможности—уменьшить вредъ, происходящій отъ такого раздѣленія.

Дальнѣйшія географическія статьи: «*Первое знакомство съ полушаріями*» (стр. 21), «*Колумбъ*» (стр. 24), «*Небесный сводъ*» (стр. 36), «*Движеніе земли*» (стр. 37), имѣютъ цѣлію, постепенно расширяя кругозоръ дѣтей, вводить ихъ, начиная съ самыхъ простыхъ и доступныхъ для нихъ понятій, въ возможно полное для дѣтскаго возраста міросозерцаніе. При чтеніи статьи «*Солнечные часы*» (стр. 45), слѣдуетъ показать дѣтямъ на практикѣ нахожденіе полуденной линіи, руководствуясь приложеннымъ для этой цѣли рисункомъ, и тогда эта статья не покажется трудною, — какъ показалась нѣкоторымъ, — но, какъ я убѣдился на опытѣ, доступною и занимательною. Въ первомъ изданіи она дѣйстви-

тельно была очень длинна, а потому я раздѣлилъ ее на нѣсколько статей. При статьѣ «*Луна*» (стр. 50), слѣдуетъ показать дѣтямъ нехитрый опытъ надъ бѣлымъ шарикомъ. Статья «*Телескопъ*» (стр. 52), передѣланная съ нѣмецкаго, имѣетъ цѣлью увлечь воображеніе дѣтей безграничностью Вселенной, а не опредѣленныя астрономическія свѣдѣнія. Въ статьѣ «*Горная страна*» (стр. 55), я старался возможно нагляднѣе ввести дѣтей въ представленіе горъ, которыя обыкновенно долго кажутся имъ черными шнурками на географическихъ картахъ. Статьи: «*Море*» (стр. 58), «*Горные ледники и плавающіе льды*» (стр. 62), имѣютъ подобное же назначеніе. Въ статьяхъ, заимствованныхъ изъ различныхъ путешествій, я желалъ представить главнѣйшіе географическіе типы мѣстностей народныхъ бытовъ; потомъ уже я считалъ возможнымъ познакомить дѣтей съ Россіею, на сколько, конечно, позволяетъ назначеніе книги. Какъ при изученіи отдѣльныхъ предметовъ природы въ *первой* части, точно также и при изученіи цѣлыхъ типическихъ мѣстностей во *второй*, слѣдуетъ безпрестанно прибѣгать къ сравненіямъ, имѣя постоянно въ виду, что только сравненіе выдвигаетъ наружу всѣ особенности предмета и запечатлѣваетъ ихъ въ душѣ. Сравните, напримѣръ, бытъ эскимосовъ (стр. 69) сначала съ бытомъ самоѣдовъ (стр. 72), потомъ съ бытомъ киргизовъ (стр. 74), и наконецъ, съ бытомъ голландцевъ (стр. 79) и русскимъ деревенскимъ бытомъ (стр. 1 — 18) и вы напечатлѣете вѣрныя и яркія представленія въ головѣ ученика, что̀ не только оживитъ для него изученіе географіи, но и дастъ ему возможность написать вамъ современемъ порядочное сочиненіе. Гравюры ландшафтовъ, какъ бы они ни были грубо нарисованы (только бы вѣрно) — будутъ прекраснымъ пособіемъ при такомъ чтеніи. Запасъ ландшафтовъ и историческихъ картинъ должна-бы имѣть каждая школьная библіотека, а сочиненія, писанныя учениками съ такихъ картинъ, объясненныхъ учителемъ, мы считаемъ однимъ изъ лучшихъ классныхъ упражненій въ сочиненіи: описаніе съ натуры, конечно, еще лучше: но много ли можетъ сдѣлать такихъ описаній дитя, особенно въ закрытыхъ заведеніяхъ, гдѣ благодѣтельное вліяніе природы на воспитаніе почти совершенно незамѣтно? «*Путешествіе по Волгѣ*» (стр. 87) помѣщено въ географическомъ отдѣлѣ послѣднею статьею въ томъ предположеніи, что когда дойдетъ до нея очередь, то ученики, читая совмѣстно и историческіе разсказы, уже прійдутъ къ окончанію и 2-го отдѣла.

Большая часть «*Разсказовъ изъ русской исторіи*» (стр. 108—169) заимствована мною изъ разсказовъ, составленныхъ по лѣтописи г. Соловьевымъ, впрочемъ съ нѣкоторыми необходимыми для дѣтской книги сокращеніями, добавленіями и измѣненіями, сдѣланными тоже по лѣтописи. Необыкновенная простота и живость Несторова языка окажетъ, безъ сомнѣнія, весьма полезное вліяніе на слогъ учениковъ, и пріучитъ ихъ къ той простотѣ, которая и составляетъ истинное изящество: мы уже имѣли случай убѣдиться въ благодѣтельности такого вліянія; исторія же Карамзина для этой цѣли мало пригодна. Статьи: «*Ослѣпленіе Василька*» (стр. 133), «*Битва съ татарами на рѣкѣ Калкѣ*» (стр. 145), составлены мною также по лѣтописи; статья «*Походъ Игоря на половцевъ*» (стр. 136),—по лѣтописи и «*Слову*». Характеристику Петра Великаго слѣдуетъ добавить изъ другихъ мѣстъ «Дѣтскаго Міра»; а именно стихотвореніемъ А. Пушкина, «*Петербургъ*» (Дѣтск. М. стр. 86), и стихотвореніемъ Майкова: «*Кто онъ?*» (Христ. стр. 17).

Въ отдѣлѣ III, *статьи по естественной исторіи* представляютъ уже нѣкоторую сложность сравнительно съ подобными же статьями *первой* части; но я надѣюсь, что онѣ будутъ понятны дѣтямъ, при небольшихъ объясненіяхъ со стороны преподавателя и всякому доступныхъ опытахъ.

Теперь нѣсколько словъ о послѣднемъ отдѣлѣ: «*уроки логики.*» Если дѣти при чтеніи *первой части* занимались логическими упражненіями, на которыя я указывалъ въ своемъ мѣстѣ, то при самомъ началѣ чтенія *второй части* слѣдуетъ уже приступить къ чтенію *статей логики*, вводя это чтеніе понемногу въ уроки каждой недѣли, и приступая къ чтенію слѣдующей логической статьи только тогда, когда первая вполнѣ усвоена посредствомъ многочисленныхъ примѣровъ и упражненій. Послѣднія статьи «*логики*» находятся въ связи съ статьями «*о человѣкѣ*» III отдѣла.

Въ «Христоматію» я внесъ нѣсколько разсказовъ г. Тургенева собственно для той цѣли, чтобы пріучить учениковъ къ обрисовкѣ человѣческихъ характеровъ, потому что природою они уже занимались довольно.

Собственно о грамматическихъ занятіяхъ я не буду здѣсь говорить: это повело бы меня слишкомъ далеко и каждый преподаватель притомъ имѣетъ въ этомъ отношеніи свою методу, на которую не оказываетъ существеннаго вліянія выборъ той или другой книги для чтенія.

PS. Въ *четвертомъ* изданіи «Дѣтскаго Міра» сдѣланы нѣкоторыя измѣненія, нисколько не затрудняющія употребленія въ классѣ экземпляровъ разныхъ изданій, а именно: вмѣсто отрывка изъ исторіи Полеваго *(Минин и Пожарскій)* помѣщенъ отрывокъ изъ драмы Островскаго «*Козьма Минин*» и въ Христоматіи вмѣсто аллегоріи Гердера «*Пустой Островъ*» помѣщено стихотвореніе «*Капитанъ Бопп*». Кромѣ того помѣщено стихотвореніе г. Майкова «*Манифестъ 19 февраля 1861 года*». Эти перемѣны сдѣланы вслѣдствіе замѣчаній, полученныхъ мною отъ гг. преподавателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ ДѢТСКАГО МІРА.

Отдѣлъ I.

Статьи по географіи.

Стр.

Поѣздка изъ столицы въ деревню
Гл. 1. *Столица и ея окрестности* . . 1
Гл. 2. *Большая почтовая дорога* . . 3
Гл. 3. *Деревня, уѣздный и губернскій городъ* 6
Гл. 4. *Проселочная дорога* 10
Гл. 5. *Крестьянская изба* 11
Гл. 6. *Прибытіе на мѣсто* 15
Вблизи и вдали 18
Земля 19
Глобусъ 20
Первое знакомство съ полушаріями 21
Христоферъ Колумбъ 24
Васко-де-Гама 29
Магелланъ 31
Капитанъ Кукъ 33
Небесный сводъ 36
Движеніе земли 37
Пиѳагоръ 38
Коперникъ . . . . . —
Галилей 39
Ньютонъ 41
Земная ось, полюсы и экваторъ . . 43
Солнечные часы 45
Разнообразіе климатовъ 49
Луна 50
Телескопъ 52
Горная страна 55
Море 58
Горные ледники и плавающіе льды 62
Рейнскій водопадъ (*Н. Карамзина*) . 64
Геркуланъ (*Яковлева*) 65
Ночь на Везувіи (*Его же*) 66
Эксимосы 69
Самоѣды (*Максимова*) 72
Киргизскія степи (*Ковалевскаго*) . . 74
Южно-русская степь (*Гоголя*) . . . 77
Голландцы 79
Въѣздъ въ Лондонъ съ моря (*Михайлова*) 80
Іерусалимъ (*Норова*) 82
Кіевъ (*А. Хомякова*) 85
Москва (*Глинки*) . . . . . —
Кавказъ (*А. Пушкина*) 86
Финляндія (*Батюшкова*) . . . . . —
Петербургъ (*Пушкина*) . . . . . —

Путешествіе по Волгѣ.

1 Письмо (*отъ Петербурга до Твери*) 87
2 Письмо (*отъ Твери до Нижняго* . 92
3 Письмо (*Нижній Новгородъ*) . . 102

Отдѣлъ II.

Разсказы изъ Русской Исторіи.

Несторъ 108
Лѣтописецъ (*А. Пушкина*) 109
Славянскія племена 110
Призваніе князей 111
Олегъ 112
Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ (*А. Пушкина*) 113
Игорь 114
Святая Ольга 116
Святославъ . . . . . —
Первые удѣлы и раздоры 120
Владиміръ язычникъ 122
Крещеніе Руси 123
Владиміръ христіанинъ 124
Илья Муромецъ (*народная сказка*) . 126
Святополкъ братоубійца 128
Ярославъ мудрый 131
Ослѣпленіе Василька 133
Походъ Игоря князя Новгородсѣверскаго на половцевъ 136
Битва съ татарами на рѣкѣ Калкѣ . 145
Взятіе Владиміра татарами и битва на Сити (*Карамзина*) 147
Куликовская битва (*Его же*) . . . 149
Іоаннъ III-й 151

Стр.
Взятіе Казани (*Карамзина*) 153
Народная пѣсня про покореніе Казани 154
Великодушіе св. Филиппа 155
Первое извѣстіе о Самозванцѣ (*А. Пушкина*) 156
Чудо св. Димитрія (*Его же*) . . . 158
Начало осады Троицкой Лавры (*Карамзина*) . . . . . —
Козьма Захарьевичъ Мининъ, Сухорукъ (*Отрывокъ изъ драмы Островскаго*) 160
Избраніе Михаила Ѳеодоровича на царство 163
Петръ Великій въ Голландіи (*Устрялова*) 164
Полтавская битва (*Пушкина*) . . . 167
Бородино (*Лермонтова*) 168
Манифестъ 19 февраля 1863 года (*А. Майкова*) 170

Отдѣлъ III.

Статьи по естественной исторіи.

Грифельная доска 170
Гранитный валунъ 172
Известь 175
Тѣла воздухообразныя или газы . 176
Ручей 179
Звукъ и свѣтъ 183
Громъ и молнія 185
Строеніе растеній 188
Стр.
Питаніе растенія 191
Рожь 193
Грибы (*Я. П.*) 199
Питаніе человѣка 202
Польза, доставляемая человѣку растеніями и животными 205
Животное и растеніе 207
Способности души 210
Сходство между человѣкомъ и животнымъ 212
Отличіе человѣка отъ животнаго . 213
Сотвореніе человѣка 217

Отдѣлъ IV.

Первые уроки логики.

Роза и Гвоздика 218
Классная доска и грифельная доска 219
Что такое различіе и сходство . . —
Различіе признаковъ 220
Сужденіе 221
Тѣло 222
Различіе предметовъ 223
Роды и виды 224
Признаки видовые и родовые . . . 225
Споръ (*Понятіе*) . . . . . —
Опредѣленіе 227
Явленіе, причина и слѣдствіе . . . 229
Существо и явленіе 230
Цѣль и назначеніе 231
Законъ 233
Законъ естественный и нравственный 234

ОГЛАВЛЕНІЕ ХРИСТОМАТІИ.

Отдѣлъ 1-й.

Стихи.

	Стр.
Зимняя дорога (*А. Пушкина*)	1
Двѣ Бочки (*И. Крылова*)	—
Прохожіе и Собаки (*Его же*)	—
Крестьянинъ и Работникъ (*Его же*)	2
При пальмы (*Лермонтова*)	—
Что ты спишь, мужичокъ? (*Кольцова*)	3
Раздумье селянина (*Его же*)	4
Судъ Божій надъ Епископомъ (*Жуковскаго*)	—
Волкъ на псарнѣ (*Крылова*)	5
Солнце и мѣсяцъ (*Полонскаго*)	6
Косарь (*Кольцова*)	—
Ангелъ (*Лермонтова*)	7
Водопадъ (*Державина*)	—
Весенняя гроза (*Тютчева*)	—
Мірская сходка (*Крылова*)	8
Два мужика (*Его же*)	—
Овсяный кисель (*Жуковскаго*)	—
Нива (*Майкова*)	10
Утро на берегу озера (*Никитина*)	11
Мельница (*Его же*)	12
Ночлегъ въ деревнѣ (*Его же*)	—
Демьянова Уха (*Крылова*)	—
Три мужика (*Его же*)	13
Какъ мыши кота хоронили (*Жуковскаго*)	—
Невольничій корабль (*Изъ Гейне, перев. Водовозова*)	15
Шоссе и обыкновенная дорога (*Аксакова*)	17
Кто онъ? (*Майкова*)	17
Пѣсня лихача (*Кольцова*)	18
Нищій (*Никитина*)	—
Капитанъ Боппъ (*В. Жуковскаго*)	19
Бэда Проповѣдникъ (*Полонскаго*)	23

Отдѣлъ II-й.

Проза.

Пшеница и плевелы (*Денцеля*)	23
Воспитаніе (*Круммахера*)	24
Отцовскій долгъ (*Кокорева*)	25
Бѣленькій цвѣточекъ (*Андерсена*)	27
Гостинница въ степи	30
Истинно христіанская жизнь (*съ фран.*)	39
Переправа черезъ рѣку (*Круммахера*)	43
Смерть и сонъ (*Его же*)	44
Корона старости (*Его же*)	—
Возвращеніе на родину (*Пушкина*)	45
Первые каникулы гимназиста (*Аксакова*)	46
Ермолай и его Валетка (*Тургенева*)	48
Льговъ (*Его же*)	50
Бирюкъ (*Его же*)	56
Китайцы и Индійцы (*Гончарова*)	62
Ярмарка (*Григоровича*)	63
Петербургскіе шарманщики (*Его же*)	64
Помѣстье Плюшкина (*Гоголя*)	65
Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна (*Гоголя*)	68
Переѣздъ въ горахъ (*Лермонтова*)	—

ДѢТСКІЙ МІРЪ.

ОТДѢЛЪ I.

СТАТЬИ ПО ГЕОГРАФІИ.

ПОѢЗДКА ИЗЪ СТОЛИЦЫ ВЪ ДЕРЕВНЮ.

ГЛАВА I.

Столица и ея окрестности.

Володя и Лиза родились и выросли въ Петербургѣ, т. е. выросли на столько, на сколько можно въ одинадцать и двѣнадцать лѣтъ жизни. Мать ихъ умерла, когда Володѣ было только еще три года, а Лизу носили на рукахъ. Отецъ Володи и Лизы, Александръ Сергѣевичъ Громовъ, былъ постоянно занятъ службою и даже лѣтомъ не могъ переѣзжать на дачу. Вотъ почему бѣдныя дѣти во всю свою жизнь ни разу не были въ деревнѣ, и знали о ней только по разсказамъ, да по книгамъ.

Можно себѣ представить, какъ удивились и обрадовались Володя и Лиза, когда услыхали отъ отца, что черезъ недѣлю они поѣдутъ на цѣлое лѣто въ деревню, въ настоящую деревню, за 600 съ лишнимъ верстъ отъ Петербурга. Александръ Сергѣевичъ совершенно неожиданно получилъ въ наслѣдство маленькое имѣніе въ одной отдаленной губерніи и хотѣлъ отправиться осмотрѣть его. Это извѣстіе сильно взволновало дѣтей. Каждую свободную минуту маленькіе горожане мечтали вдвоемъ о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя, безъ сомнѣнія, ожидаютъ ихъ въ деревнѣ. Володя купилъ даже удочку, приготовляясь къ рыбной ловлѣ въ рѣчкѣ. „Конечно,“ думалъ онъ, „въ деревнѣ есть рѣка и въ рѣкѣ множество рыбы.“ Лиза запаслась двумя корзинками для будущихъ грибовъ и ягодъ.

Наконецъ насталъ день отъѣзда. Къ крыльцу большаго дома, гдѣ Громовы занимали одну изъ множества квартиръ, подъѣхалъ укладистый тарантасъ, запряженный тройкою почтовыхъ лошадей. Самъ Александръ Сергѣевичъ, кухарка Марья и дѣти дружно принялись укладывать вещи въ экипажъ. Но какъ ни торопились, а только къ вечеру маленькая семья, за исключеніемъ Марьи, усѣлась въ тарантасъ. Ямщикъ взлѣзъ на козлы, и колеса экипажа запрыгали по каменной мостовой. Но до заставы надобно было проѣхать почти весь городъ изъ конца въ конецъ.

Улицы черезъ двѣ тарантасъ выѣхалъ на набережную Невы и поѣхалъ по длинному каменному мосту, съ чугунными перилами, сдѣланными точно изъ кружевъ. На широкой величественной рѣкѣ мелькали сотни лодокъ, летѣли одинъ за другимъ дымящіеся пароходы; а вдали, какъ лѣсъ, стояли безчисленныя мачты стройныхъ кораблей. Великолѣпная гранитная набережная, уставленная дворцами, величественныя церкви, обширныя красивыя площади, широкія, богатыя, шумныя улицы, чудесные памятники — все это дѣти видали уже часто и все это имъ было не въ диковинку.

За мостомъ тарантасъ поѣхалъ по одной изъ лучшихъ улицъ столицы. Сплошные ряды громадныхъ каменныхъ домовъ подымались высокими стѣнами по обѣимъ сторонамъ. Тысячи раззолоченныхъ вывѣсокъ пестрѣли на домахъ. За огромными, зеркальными окнами великолѣпныхъ магазиновъ и богатыхъ лавокъ были выставлены и разложены самые разнообразные и привлекательные товары. Здѣсь было все, что угодно; золотыя и серебряныя вещи, чудныя издѣлія изъ дорогихъ каменьевъ, роскошныя матеріи для платьевъ, шитые костюмы, картины, статуэтки, книги, часы, игрушки, конфекты и пирожныя, рѣдкіе, дорогіе фрукты, заманчиво разложенная зелень.... Но у крыльца одного изъ такихъ магазиновъ дѣти замѣтили бѣдняка въ лохмотьяхъ, который робко посматривалъ вокругъ, не подастъ ли ему кто нибудь гроша, который, конечно, нуженъ былъ ему для куска хлѣба, одежды и найма квартиры, гдѣ нибудь въ подвалѣ этихъ роскошныхъ домовъ.

Блестящіе экипажи съ грохотомъ неслись по мостовой; разряженныя толпы народа двигались по тротуарамъ; безпрестанно попадались на встрѣчу конные и пѣшіе отряды солдатъ, оружіе которыхъ сверкало на солнцѣ. Но Володѣ и Лизѣ хотѣлось поскорѣе за городъ: въ лѣса, въ поля, въ деревню.

Часа черезъ полтора тарантасъ выѣхалъ за заставу и поѣхалъ по шоссе, гладкому, прямому, какъ стрѣла, съ каменными мостиками, съ каменными верстовыми столбами. По обѣимъ сторонамъ его стояли красивенькія дачи съ маленькими запыленными садиками. Шуму и толкотни здѣсь было меньше, чѣмъ гдѣ-нибудь на Невскомъ; но все-еще очень и очень много.

На встрѣчу нашимъ путешественникамъ безпрестанно попадались: то громадныя почтовыя кареты съ разодѣтыми кондукторами впереди, которые то и дѣло трубили въ мѣдные рожки; то блестящіе городскіе экипажи; то длинные, тяжело-нагруженные товарами обозы; даже городскіе, легковые извощики съ номерами на затылкахъ. Всѣ эти предметы были очень хорошо знакомы дѣтямъ и мало напоминали собою деревню. Правда, проѣхали они двѣ или три деревни; но эти деревни не походили на деревни: каменные двухъ-этажные дома, овощныя лавки, вывѣски портныхъ и сапожниковъ, трактиры и гостинницы для проѣзжающихъ, великолѣпныя станціи—все это еще очень напоминало городъ. Вдали отъ дороги, дѣти, правда, замѣтили двѣ или три сѣренькія чухонскія деревеньки; на далекомъ *горизонтѣ*, правда, раза

два выглянулъ темный большой лѣсъ; вмѣсто огородовъ и кладбищъ, окружающихъ Петербургъ, стали попадаться поля, зеленѣющія подъ рожью; но облака пыли, стукъ колесъ по твердому шоссе, крики кучеровъ, ямщиковъ—все это не давало дѣтямъ возможности живо представить себѣ, что они уже за городомъ. Они даже плохо слышали колокольчикъ, который болтался подъ дугою; а нарядный ямщикъ, сидѣвшій у нихъ на козлахъ, походилъ болѣе на кучера, чѣмъ иной бѣдный петербургскій извощикъ. Близость огромнаго, многолюднаго города слышна и видна была еще повсюду.

Начинало вечерѣть. Дѣти проснулись сегодня чуть-ли не въ три часа утра, провозились за укладкою цѣлый день; а потому глаза ихъ слипались, головки клонились на подушки, которыхъ было довольно въ тарантасѣ. Скоро наши маленькіе путешественники заснули, и спали долго и крѣпко, какъ спятъ только усталыя дѣти, на вольномъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, при небольшой, убаюкивающей качкѣ экипажа, подъ усыпительные звуки почтоваго колокольчика.

Короткая петербургская ночь была свѣтла. Тарантасъ быстро удалялся отъ Петербурга. Александръ Сергѣевичъ торопился и останавливался на станціяхъ только за тѣмъ, чтобы перемѣнить лошадей. Дѣти, укрытые заботливою рукою отца, спали крѣпко и сладко. Они, вѣроятно, видѣли во снѣ свою маленькую квартиру, кухарку Марью, свои книги и игрушки, не подозрѣвая, что съ каждымъ часомъ становятся на десять или на двѣнадцать верстъ дальше отъ столицы.

Солнце уже было высоко и тарантасъ успѣлъ уѣхать болѣе ста верстъ, когда Володя и Лиза проснулись. Разоспавшіяся дѣти насилу могли вспомнить, что съ ними дѣлается, гдѣ они и что это за колокольчикъ звенитъ передъ ними. Но едва только мелькнула у нихъ мысль, что они въ дорогѣ, на пути въ деревню, ѣдутъ на почтовой тройкѣ и притомъ еще съ колокольчикомъ, какъ сна будто и не бывало! Весело и бодро вскочили они и съ любопытствомъ стали осматриваться кругомъ.

ГЛАВА II.

Большая почтовая дорога.

Твердое, каменистое шоссе уже изчезло. Экипажъ тихо катился по мягкой, простой почтовой дорогѣ и почтовый колокольчикъ звонко побрякивалъ въ чистомъ утреннемъ воздухѣ. Ямщику понадобилось поправить упряжь пристяжныхъ лошадей: онъ остановилъ тройку и слѣзъ съ козелъ. Прежде всего поразила дѣтей глубокая тишина, царствовавшая въ поляхъ. Они до этого времени жили безвыѣздно въ многолюдномъ и шумномъ городѣ и не имѣли понятія о томъ, что такое сельская тишина. Только гдѣ-то, высоко, пѣлъ невидимый жаворонокъ. Серебрянныя трели его вольной

пѣсни звонко раздавались въ прозрачномъ, чистомъ воздухѣ, наполненномъ благоуханіями полей. По обѣимъ сторонамъ дороги, по волнистымъ холмамъ, подымались полосы разноцвѣтныхъ нивъ, то покрытыхъ зеленѣющими хлѣбами, то черныхъ, *отдыхающихъ подъ паромъ*. На горизонтѣ, гдѣ небо сходится съ землею, тянулась синяя, зубчатая полоса далекаго лѣса. Въ лощинѣ, между двумя длинными холмами, виднѣлись соломенныя крыши большаго *села*, разбросаннаго на скатѣ. Позолоченный крестъ сельской церкви ярко горѣлъ на солнцѣ. Съ другой стороны дороги можно было замѣтить вдали небольшую *деревню*, въ которой не было церкви. Подъ самымъ лѣсомъ, верстъ за десять, блестѣлъ чуть замѣтный крестикъ другаго села. Внизу, впереди—потому-что дорога шла подъ гору—огромное стадо паслось между молодыми кустарниками. Нѣсколько крестьянъ пахали, таща свои тяжелыя сохи, въ которыя были впряжены небольшія, деревенскія лошаденки.

Дѣти молчали: новость и прелесть сельской картины глубоко на нихъ подѣйствовала.

Минутъ черезъ двадцать тарантасъ застучалъ по деревянному, довольно ветхому мосту, построенному черезъ глубокій оврагъ. На днѣ оврага, въ высокой травѣ сверкала маленькая рѣчка. За мостомъ вскорѣ начался густой, темный лѣсъ. Громадныя вѣковыя сосны протягивали надъ дорогой свои длинные, красноватые, смолистые сучья, съ колючими, всегда зелеными вѣтвями. Колеса тарантаса врѣзались въ песокъ—и лошади пошли шагомъ.

Лѣсъ былъ большею частію сосновый, но кое-гдѣ виднѣлись пирамидальныя ели съ своими стройно разположенными сучьями, выгнутыми къ низу, какъ крыши китайскихъ домиковъ. Тамъ-и-сямъ бѣлѣли стройныя березы съ кудрявыми, ярко-зелеными верхушками; трепетали вѣчно дрожащіе листочки осины. Внутри лѣса, между деревьями, царствовали тѣнь, прохлада и тишина. По временамъ густой лѣсъ прерывался полянами. На опушкахъ такихъ полянъ, покрытыхъ свѣжей травою, береза, осина, небольшія елки и тонкій, гибкій орѣшникъ, перемѣшиваясь, составляли красивыя группы. Въ высокой, сочной травѣ видно было много цвѣтовъ; а кое-гдѣ блестѣли, какъ кораллъ, ярко-красныя ягодки вызрѣвшей земляники. Кукушка отзывалась гдѣ-то далеко въ глуши лѣса, по временамъ раздавался зконкій, рѣзкій крикъ иволги.

Тарантасъ ѣхалъ очень тихо, и наши путешественники пошли пѣшкомъ. Черезъ четверть часа, когда дѣти опять садились въ экипажъ, у нихъ въ рукахъ было уже по огромному букету лѣсныхъ цвѣтовъ. Правда, эти цвѣты были не такъ велики и красивы, какъ тѣ, которые бываютъ въ садахъ или цвѣточныхъ лавкахъ; но за то, какъ они были свѣжи! У иныхъ на листьяхъ еще дрожали алмазныя капли росы, неуспѣвшей высохнуть. Кромѣ того, въ корзинкѣ у Лизы краснѣлись горсти двѣ только-что сорванной,

сочной земляники, непомятой, необыкновенно душистой, какой дѣти никогда не видывали въ Петербургѣ.

Высокій лѣсъ тянулся верстъ на пять и дѣти не могли имъ налюбоваться. Но лошадямъ трудно было тащить тарантасъ по глубокому сыпучему песку и, кромѣ того, бѣдныхъ животныхъ безпокоили овода. Наконецъ, лѣсъ сталъ рѣдѣть и, вмѣсто большихъ сосенъ, показались кустарники. Опушка лѣса продолжалась еще съ полверсты: потомъ колеса экипажа застучали по болѣе твердому грунту. Опять по обѣимъ сторонамъ дороги пошли безконечныя поля, разстилающіяся по холмамъ до самаго горизонта.

Черезъ полчаса ямщикъ сильно погналъ лошадей и остановился у небольшаго домика. У крыльца его стояла толпа ямщиковъ съ мѣдными бляхами на шляпахъ, двѣ или три телѣги и тройка, только-что воротившихся лошадей. Это была станція. Володя обратилъ вниманіе на большой, полосатый столбъ, на которомъ было крупными буквами написано: *отъ С.-Петербурга 154 версты.*

Станціонный смотритель, въ чиновничьемъ сюртукѣ съ свѣтлыми пуговицами, ласково встрѣтилъ пріѣхавшихъ и спросилъ ихъ: не хотятъ ли они напиться чаю? Жена же смотрителя объявила, что у нея есть сливки, молоко и свѣжія яйца. Здоровый воздухъ полей, прогулка пѣшкомъ по лѣсу и легкая качка экипажа сильно возбудили дѣтскій аппетитъ. Предложеніе станціоннаго смотрителя было принято съ радостію. Большой самоваръ, правда, давно нечищенный, огромный горшокъ молока съ толстымъ слоемъ сливокъ наверху, тарелка яицъ, круглыя деревянныя ложки и большой ломоть чернаго хлѣба мигомъ появились на столѣ. Дѣти не заставляли себя упрашивать: чай, молоко, яйца и хлѣбъ изчезали быстро.

Самоваръ, скатерть, чашки, мебель, — все на станціи было некрасиво и бѣдно. Простой, грубый, ничѣмъ необитый диванъ и такіе же стулья, голыя стѣны, на которыхъ висѣли почтовыя объявленія въ рамкахъ, да какая-то картинка, запачканная мухами, — все это далеко не напоминало собою той великолѣпной почтовой станціи, гдѣ наши путешественники останавливались вчера вечеромъ, ѣдучи по шоссе. Тамъ стѣны высокихъ комнатъ были обиты дорогими обоями, мебель ясеневаго дерева блестѣла и лоснилась, на стѣнахъ висѣли прекрасные портреты, на столъ къ чаю былъ поданъ великолѣпный сервизъ. Но, не знаю почему, дѣтямъ какъ-то особенно нравилась скромная станція съ ея голыми стѣнами и скрипучимъ поломъ. Пріятное впечатлѣніе еще болѣе усилилось, когда Александръ Сергѣевичъ открылъ окно, и свѣжій деревенскій воздухъ, въ которомъ казалось не было ни одной пылинки, хлынулъ въ комнату.

Скоро подъ окномъ станціи собралась толпа босоногихъ мальчишекъ и дѣвочекъ, въ грязныхъ рубашонкахъ, съ волосами, не совсѣмъ гладко разчесанными, съ лицами и руками, не совсѣмъ чисто вымытыми. Но въ этихъ

грязныхъ дѣтскихъ рученкахъ, протянутыхъ къ верху, видна была очень привлекательная вещь. На деревянныхъ маленькихъ тарелочкахъ лежала крупная, сочная, совершенно вызрѣвшая земляника. Дѣти наперерывъ предлагали проѣзжающимъ свой товаръ. Наши маленькіе горажане съ трудомъ понимали, что говорили имъ эти жители села, которые также никогда не покидали деревни, какъ они никогда не покидали города: такъ языкъ деревенскихъ дѣтей мало походилъ на тотъ, къ которому привыкли Володя и Лиза въ столицѣ.

Послѣ небольшаго торгу, при чемъ объяснилось, что продающіе считали еще на ассигнаціи, тогда-какъ покупающіе считали на серебро, нѣсколько тарелочекъ земляники было куплено. Душистая, сочная ягода, съ прекрасными сливками, вполнѣ расположила нашихъ маленькихъ путешественниковъ въ пользу деревенскихъ жителей. Дѣтямъ не хотѣлось даже разставаться со станціею: такъ она имъ понравилась. Володя взобрался на диванъ и прочелъ всѣ почтовыя объявленія, Лиза раздарила дѣвочкамъ нѣсколько обрывковъ лентъ и лоскутковъ ситцу. Маленькіе дикари были въ восторгѣ отъ такихъ подарковъ. Черезъ полчаса новая тройка была уже впряжена въ тарантасъ; новый и звонкій колокольчикъ побрякивалъ подъ дугою. Ямщикъ, старикъ съ сѣдою бородою, приправилъ послѣднія постромки и, перекрестясь, кряхтя, взлѣзъ на высокія козлы. Александръ Сергѣевичъ заплатилъ станціонному смотрителю прогоны, далъ на водку прежнему ямщику, расплатился также съ хозяйкою за самоваръ, яйца и кринку молока, причемъ, припоминая петербургскія цѣны, удивился, что съ него взяли такъ мало. Потомъ, простившись съ смотрителемъ и его женою, вся семья усѣлась въ тарантасъ. Ямщикъ махнулъ рукавицей, крикнулъ на лошадей: „эй, вы, голубчики!“ и покатилъ дальше по большой дорогѣ.

ГЛАВА III.

Деревня, уѣздный и губернскій городъ.

Мѣняя лошадей на станціяхъ, останавливаясь только напиться чаю и поѣсть, ночуя въ экипажѣ, потому-что погода во всю дорогу стояла прекрасная, ѣхали наши путешественники два дня или, лучше сказать, двое сутокъ; потому-что они ѣхали день и ночь, уѣзжая въ сутки верстъ по двѣсти и болѣе. Много они проѣхали маленькихъ деревень. Въ иныхъ всего-то было 10 или 15 домовъ, низенькихъ, пошатнувшихся на бокъ, съ почернѣвшими бревенчатыми стѣнами, съ полусогнившими соломенными крышами. Много проѣхали они и большихъ селъ, гдѣ иногда попадались прекрасныя каменныя церкви, нѣсколько домовъ почище другихъ и двѣ-три маленькія грязныя лавчонки, въ которыхъ деготь и баранки, пряники

и колеса, продавались вмѣстѣ. Эти лавчонки были бѣднѣе товаромъ, меньше и грязнѣе на видъ самой жалкой изъ овощныхъ лавокъ столицы.

Наши путешественники проѣхали также три уѣздные города и даже одинъ губернскій. Губернскій городъ походилъ еще на городъ. По главнымъ улицамъ его была каменная мостовая; кое-гдѣ попадались огромные каменные дома; но между ними немного было такихъ, къ какимъ дѣти привыкли въ столицѣ. Только одинъ губернаторскій домъ, да новыя присутственныя мѣста, высокій, прекрасный соборъ и нѣсколько старинныхъ церквей могли-бы, какъ казалось дѣтямъ, стоять безъ стыда и на петербургскихъ улицахъ. Но гостинный дворъ, посреди огромной, пустой площади, показался имъ и малъ, и бѣденъ, и грязенъ. Тутъ были, правда, два-три магазина; но какое сравненіе съ петербургскими магазинами! Было десятка-два вывѣсокъ; но какое сравненіе съ петербургскими вывѣсками! Народу и экипажей на улицахъ несравненно меньше.

Уѣздные города были еще меньше и бѣднѣе губернскаго: три, четыре немощеныя улицы, обставленныя низенькими деревянными домами; длинные иногда полуразвалившіеся заборы; огороды и сады посреди города; деревянные столбики вмѣсто тротуаровъ; коровы и свиньи, бродящія по улицамъ; пустота, тишина, — отсутствіе движенія! Только пять или шестъ каменныхъ домовъ, площадь, на которой помѣщались десятка два лавокъ, каменныя присутственныя мѣста, выкрашенныя когда-то желтою охрою, пять-шесть полуистертыхъ вывѣсокъ сапожниковъ и портныхъ, вывѣшенный на палкѣ крендель булочника, да изрѣдка городскія дрожки доказывали, что это не деревня, а городъ.

Одинъ изъ такихъ городковъ наши путешественники проѣхали такъ быстро, что Володя, вспомнивъ, какъ они часа полтора тащились по Петербургу, спросилъ у отца: — Неужели это городъ?

— Города бываютъ разные, отвѣчалъ ему отецъ съ улыбкою: въ Петербургѣ 500,000 жителей; въ губернскомъ городѣ, который мы проѣхали, не болѣе тридцати тысячъ; а здѣсь хорошо, если наберется тысячи три. Но есть города больше Петербурга. Въ Лондонѣ, столицѣ Англіи, два мильона пятьсотъ тысячъ жителей, то есть, въ пять разъ больше, чѣмъ въ Петербургѣ.

— Вотъ городъ, такъ городъ! Вотъ должна быть толкотня на улицахъ! замѣтила Лиза.

— Да, сказалъ отецъ, говорятъ, что тамъ по улицамъ каждый день такое множество народа, какъ въ Петербургѣ въ Лазареву Субботу, у гостиннаго двора. Кто же изъ уѣзднаго города въ первый разъ заѣдетъ въ Петербургъ, тому и въ простой день покажется, что онъ попалъ на *ярмарку*.

— А сколько жителей въ селѣ? спросилъ Володя.

— Села, какъ и города, бываютъ различны, отвѣчалъ Александръ Сергѣевичъ: въ иномъ селѣ бываетъ жителей тысячи двѣ и больше, а въ другомъ не наберешь и пятисотъ. Въ иной же деревнѣ бываетъ душъ пятьдесятъ и даже менѣе. Гдѣ же мало жителей, тамъ не можетъ быть ни хорошихъ лавокъ, ни богатыхъ магазиновъ; потому-что магазины и лавки живутъ покупателями.

— Теперь я понимаю, сказалъ Володя, почему въ маленькихъ городахъ нѣтъ и хорошихъ вывѣсокъ; а въ деревняхъ и совсѣмъ ихъ нѣтъ.

— Къ чему въ деревняхъ вывѣски, прибавила Лиза: въ деревнѣ, я думаю, каждый и такъ знаетъ, гдѣ кто живетъ.

Но, не смотря на бѣдный видъ уѣздныхъ городовъ, одинъ изъ нихъ, не помню уже какой, чрезвычайно понравился нашимъ путешественникамъ. Но лучше я разскажу по порядку, какъ это было.

На третій день пути, Александръ Сергѣевичъ очень рано поутру, когда солнце только-что встало, разбудилъ разоспавшихся въ тарантасѣ дѣтей, говоря, что нужно выйти изъ экипажа и идти пѣшкомъ. Дѣти встали, дрожа отъ свѣжести утренняго воздуха, и начали съ любопытствомъ осматриваться вокругъ. Тарантасъ стоялъ на берегу рѣки, къ которой круто спускалась дорога. На рѣкѣ моста не было: но съ той стороны рѣки два перевозчика, въ синихъ рубахахъ, гнали къ берегу на шестахъ небольшой, довольно ветхій паромъ. На этомъ берегу столпилось, въ ожиданіи парома, множество крестьянъ и крестьянокъ, пѣшкомъ и въ телѣгахъ, и возовъ до двадцати съ различною кладью. Возы были нагружены сѣномъ, соломой, мѣшками съ мукой, горшками, кирпичемъ, дровами; на иныхъ телѣгахъ мычали телята и бараны или визжали поросята; у другихъ были привязаны сзади крестьянскія лошаденки, быки и коровы. Крестьяне и крестьянки, укрывшись тулупами и рогожами, сидѣли и лежали на телѣгахъ и просто на землѣ, хотя трава была покрыта серебристой росою. За плечами у крестьянокъ висѣли корзины съ яйцами, въ рукахъ были кадочки съ масломъ; иныя держали куръ, гусей, пучки луку, рыбу въ судкахъ и раковъ въ корзинкахъ, наполненныхъ крапивой. Это необыкновенное собраніе народа заинтересовало Володю. Ѣхали по довольно пустынной почтовой дорогѣ уже два дня, онъ ни разу не встрѣчалъ такой кучи людей вмѣстѣ; хотя, говоря правду, куча была не очень большая, и на каждомъ перекресткѣ двухъ порядочныхъ улицъ въ Петербургѣ можно всякую минуту видѣть въ трое больше народа.

Александръ Сергѣевичъ узналъ отъ крестьянъ, что они отправляются на ярмарку въ уѣздный городъ, который былъ видѣнъ на противуположномъ, крутомъ и высокомъ берегу рѣки. Володя видѣлъ, какіе товары крестьяне везли въ городъ; но ему захотѣлось узнать что они будутъ покупать тамъ. Съ этимъ вопросомъ онъ обратился къ сѣдому старику, кото-

рый, накрывшись тулупомъ, сидѣлъ на своей телѣгѣ, терпѣливо дожидаясь перевоза. Старикъ съ трудомъ понялъ, о чемъ его спрашивалъ Володя; но, понявши, усмѣхнулся и ласково отвѣчалъ:

— Что намъ нужно въ городѣ? Какъ что? да вотъ, маленькій баринъ, мнѣ нужно купить соли, а соли въ деревнѣ не достанешь, нуженъ мнѣ и топоръ — мой совсѣмъ иступился; нужно еще двѣ косы — ужь косовица подходитъ. Женѣ куплю въ городѣ ситцевый платокъ, а дѣтямъ по пряннику. Вѣдь у насъ въ деревнѣ, кромѣ чернаго хлѣба, луку, молока, да яицъ, ничего не найдешь. Кто можетъ, ѣдетъ купить себѣ сапоги; а другому нужна шляпа, кушакъ или рукавицы. Вотъ зятьку моему понадобились стекла, замокъ къ дверямъ и петли: онъ, вишь, строитъ себѣ избу; а стеколъ-то у насъ въ деревнѣ не дѣлаютъ и слесарей нѣтъ; гвоздей тоже, чай, захватитъ, потому-что и гвоздей у насъ не найдешь. А тамъ-отъ-ко стоитъ моя сноха съ пѣтухомъ и съ корзиной яицъ: ей нужно кумачу на кичку, ситцу на сарафанъ; иголки, чай, всѣ вышли; а можетъ, купитъ она желѣзный ковшъ для воды или пару серповъ. Да мало ли чего кому нужно! У насъ же въ деревнѣ, почитай, ничего нѣту. Что есть, то, какъ видишь, и веземъ продавать. Всѣмъ же намъ, баринъ, кромѣ того нужны деньги....

— А зачѣмъ же вамъ деньги? спросилъ необдуманно Володя.

— Деньги-то зачѣмъ? отвѣчалъ крестьянинъ, засмѣявшись: какъ, зачѣмъ деньги? Извѣстно зачѣмъ? надо подати платить, да и про черный день копѣйку спрятать не мѣшаетъ!

Пока Володя разговаривалъ съ крестьяниномъ, паромъ причалилъ къ берегу. Крестьяне засуетились съ телѣгами. Но всѣхъ не пустили разомъ на паромъ, иначе онъ могъ бы потонуть. Тарантасъ нашихъ путешественниковъ спустили на рукахъ; кромѣ того, поставили десятка два возовъ, пустили тѣхъ, которые шли пѣшкомъ — и отчалили.

На высокомъ и крутомъ берегу живописно былъ раскинутъ маленькій уѣздный городокъ: красныя, зеленыя и сѣрыя крыши его пестрѣли посреди цвѣтущихъ садовъ; позолоченные кресты церквей весело играли на солнышкѣ. Небольшой городокъ казался издали такимъ веселымъ, такимъ чистенькимъ; ему было такъ пріютно между цвѣтущими садами. Дѣти въ одинъ голосъ сказали, что въ такомъ городкѣ жить гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ пышномъ, красивомъ, но пыльномъ, душномъ и шумномъ Петербургѣ.

Напившись чаю въ городкѣ и перемѣнивъ лошадей на станціи, наши путешественники отправились далѣе.

Дорогою Александръ Сергѣевичъ распрашивалъ Володю, о чемъ онъ говорилъ съ крестьяниномъ на берегу и что узналъ отъ него новаго. Володя хорошо помнилъ что везли крестьяне въ городъ и что хотѣли купить тамъ. Онъ разсказалъ также отцу и свой вопросъ о томъ, къ чему нужны деньги и отвѣтъ старика.

— Вопросъ твой о деньгахъ, сказалъ Володѣ отецъ: не такъ простъ, какъ кажется. Въ самомъ-дѣлѣ, къ чему людямъ деньги? Нужны человѣку пища, одежда, посуда, лошадь и другіе предметы, которые онъ употребляетъ; денегъ же онъ ни на что не употребляетъ. Однакожъ всѣ ищутъ денегъ, потому-что за деньги все можно достать, хотя сами по себѣ онѣ никому не нужны и ни къ чему не годны. Но подумай хорошенько. Старику, съ которымъ ты говорилъ, нужны соль, топоръ и коса; а у него есть сѣно: вотъ онъ и везетъ сѣно въ городъ, чтобы промѣнять его на то, что ему нужно. Но сѣна вовсе не нужно тому купцу, у котораго есть соль, ни тому который торгуетъ топорами и косами. У того же, кому нужно сѣно, нѣтъ ни топора, ни косъ, ни соли; а купцу, у котораго есть всѣ эти вещи, нужно купить себѣ товаровъ, которыхъ нѣтъ у мужика. Какъ же тутъ быть? Не будь денегъ, и каждый бы остался при своемъ товарѣ и не получилъ бы того, что ему нужно. Но вотъ чиновникъ, которому нужно сѣно для лошадей, даетъ за него мужику деньги; за эти деньги мужикъ покупаетъ себѣ у купца соли; а купецъ на полученныя деньги покупаетъ, можетъ-быть, гдѣ нибудь очень далеко соли, желѣза, топоровъ или косъ, всего, чѣмъ онъ торгуетъ, и привозитъ свой товаръ въ городъ. Такимъ образомъ, ты видишь, что хотя деньги сами по-себѣ ни кому не нужны, но они необходимы для того, чтобы удобнѣе было промѣнивать товаръ на товаръ, и что безъ нихъ остановилась бы торговля.

— Да, худо было бы безъ денегъ, сказалъ Володя, подумавъ: а между-тѣмъ вещь, кажется, никуда негодная.

ГЛАВА IV.

Проселочная дорога.

На четвертый день пути наши путники должны были перемѣнить почтовыхъ лошадей на долгихъ и свернуть съ большой почтовой дороги на проселочную. Деревня, куда ѣхалъ Александръ Сергѣевичъ, находилась верстахъ въ шестидесяти въ сторонѣ отъ большой дороги. Наняли тройку долгихъ, и ямщикъ обѣщалъ къ вечеру же, покормивши лошадей на половинѣ дороги, доставить нашихъ путешественниковъ въ Карповку: такъ называли ту деревню, куда ѣхалъ Александръ Сергѣевичъ.

На проселочной дорогѣ картина нѣсколько измѣнилась, да и ѣхать было гораздо безпокойнѣе, чѣмъ по большой почтовой. Колеса широкаго тарантаса не попадали въ глубокія колеи, прорѣзанныя узкими крестьянскими телѣгами. Тарантасъ ѣхалъ какъ-то бокомъ и тряска увеличилась. Но дѣти не обращали на нее большаго вниманія: такъ занимало ихъ все, что они видѣли. По обѣимъ сторонамъ дороги стояла высокая, густая рожь. Она уже отцвѣла, налилась и начинала желтѣть. Золотистыми, колеблющи-

мися волнами разливалась она по обѣ стороны на необозримое пространство. Во ржи синѣло такое множество васильковъ, что дѣти, выйдя изъ экипажа, мигомъ нарвали два огромные пучка. Скоро два вѣнка, сплетенные искусными ручками Лизы, свѣжіе, синіе и блестящіе, перевитые съ колосьями ржи, украсили русыя головки дѣтей.

На дорогѣ почти никто не попадался. Изрѣдка только проѣдетъ мужикъ, таща въ своей телѣженкѣ тяжелую соху, пройдетъ косарь съ блестящей косой или вдали покажется пастухъ и пестрое стадо. Здѣсь деревни были ужь настоящія деревни: глухія, безмолвныя, окруженныя полями, лугами и лѣсами. Подъѣзжая къ деревнѣ, извощикъ долженъ былъ нѣсколько разъ вставать съ козелъ, чтобы отпирать скрипучія ворота околицы. Утлая огорожа, сдѣланная изъ жердей и кольевъ для того, чтобы скотъ, выходя изъ деревни, не вытаптывалъ поля, задолго еще предупреждала нашихъ путешественниковъ, что они приближаются къ деревнѣ.

Наступила рабочая лѣтняя пора и деревни были почти совершенно пусты. Всѣ крестьяне были въ полѣ, на работѣ; только ребятишки играли на улицахъ, да какая-нибудь старуха выходила набрать воды въ колодцѣ и немилосердно скрипѣла длиннымъ шестомъ, опуская бадью въ воду.

За деревней опять слѣдовали поля, луга, рощи. Попадались даже такія деревеньки, въ которыхъ и всего-то было пять-шесть дворовъ; но за то вдали виднѣлись иногда и большія села съ хорошенькими церквами и съ барскими высокими домами на горѣ, посреди большаго сада.

Въ полдень путешественники наши остановились кормить лошадей въ одной изъ деревень. Но и въ этой деревнѣ, хотя она была побольше другихъ, не было постоялаго двора; потому-что по проселочнымъ дорогамъ проѣзжающихъ мало. Но странно, что въ этой глуши дѣтямъ было какъ то особенно весело, просторно, привольно: Лизѣ даже захотѣлось сдѣлаться птичкою, чтобъ вѣчно носиться въ этомъ голубомъ воздухѣ, надъ этими волнующимися полями; а Володя съ ужасомъ вспомнилъ свою петербургскую квартиру, какъ улей, сверху до низу, набитую жильцами.

ГЛАВА V.

Крестьянская изба.

Извощикъ остановился кормить лошадей у знакомаго крестьянина, изба котораго была побольше и почище другихъ. Приходилось простоять часа три, и путешественники наши вздумали, что не дурно было бы напиться чаю; но на вопросъ о самоварѣ старушка усмѣхнулась.

— Какіе у насъ, батюшка, самовары! сказала она: мы и чаю-то, почитай што, отродясь, не пивали; а вотъ, когда сливочекъ или яичекъ милости вашей угодно, такъ это у насъ есть.

Пришлось довольствоваться тѣмъ, что было, и дѣти съ удовольствіемъ съѣли даже засохшую булку, которая одна только и осталась у нихъ отъ послѣдняго города. Старуха, правда, вынесла краюху чернаго хлѣба; но онъ былъ такъ черствъ, что избалованные горожане до него и не дотронулись.

Здѣсь въ первый разъ дѣти были въ настоящей крестьянской избѣ. Нечего грѣха таить, она показалась имъ и грязна, и тѣсна, и душна. Въ углу стояла огромная печь; наверху половину избы занимали полати, закоптѣлыя отъ дыма. Маленькія, запачканныя окна мало пропускали свѣта. Земляной полъ былъ грязенъ. По голымъ стѣнамъ, между почернѣлыми бревнами которыхъ торчалъ мохъ, ползало множество таракановъ. Вся мебель избы состояла изъ двухъ большихъ лавокъ по стѣнамъ, скамейки и большаго деревяннаго стола. На столѣ стояла деревянная же солонка и лежалъ хлѣбъ, закрытый грубымъ полотенцомъ. У печи висѣлъ на веревочкѣ глиняный рукомойникъ. Въ переднемъ углу видно было нѣсколько почернѣлыхъ образовъ, украшенныхъ засохшими цвѣтами и вѣтками березы. Въ другомъ углу, за ситцевой занавѣской, стояла непривлекательная постель.

Дома, кромѣ старухи и двухъ маленькихъ ребятишекъ, русыя всклокоченныя головки которыхъ виднѣлись съ полатей, не было никого; а по словамъ старухи семья у нея была большая. Старикъ — мужъ ея, двое женатыхъ сыновей, двѣ взрослыя, еще незамужнія дочери и даже внукъ, мальчишка лѣтъ 10-ти, съ ранней зори ушли на косовицу. Тамъ они останутся цѣлый день и воротятся только поздно, поздно вечеромъ; а можетъ быть и заночуютъ въ полѣ. Трудовую и нероскошную жизнь ведутъ наши крестьяне въ деревняхъ, но трудами ихъ кормится вся Россія. Изъ такихъ маленькихъ, мрачныхъ, курныхъ избъ выходятъ всѣ тѣ копѣйки и рубли, на которые выстроенъ и живетъ пышный Петербургъ со всѣми своими богатыми лавками и магазинами. Блестящіе пароходы и громадные корабли, которые наши дѣти видѣли на Невѣ, пришли изъ разныхъ государствъ большею частью за хлѣбомъ. Но хлѣбъ въ столицу собирается изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, по рѣкамъ, каналамъ и дорогамъ, изъ всѣхъ этихъ маленькихъ — бѣдненькихъ деревень. На подать, которую даетъ крестьянинъ, содержатся блестящія войска, строятся корабли и крѣпости; изъ нея же платится жалованье чиновникамъ. Изъ крестьянскаго оброка строятся великолѣпные дома, покупаются блестящіе экипажи. — Такъ маленькіе, незамѣтные, роющіеся въ землѣ корешки питаютъ пышную, душистую розу, гордо качающуюся на своемъ тоненькомъ стебелькѣ. Сорвите розу, вмѣсто ея появится другая: повредите корень, весь кустъ завянетъ — и пышная роза не будетъ больше гордо качаться на тоненькой вѣткѣ.

Александъ Сергѣевичъ объяснилъ это Володѣ и Лизѣ, и дѣти, которыя начали-было уже неосторожно кричать, что въ избѣ и душно, и грязно, и гадко—пріутихли. Они боялись оскорбить своими замѣчаніями добрую ста-

руху, и съ почтеніемъ смотрѣли на ея морщинистое загорѣлое лицо, на ея изсохшія, черныя руки. Видно было, что она довольно потрудилась въ свою жизнь; а теперь трудится еще на пользу общую ея мужъ, ея дѣти и внуки.

Володя былъ мальчикъ умный и добрый. Онъ понялъ, какого уваженія заслуживаетъ эта добрая старая женщина, несмотря на ея истасканный сарафанъ и босыя ноги, и съ удовольствіемъ называлъ ее *бабушкою*. Ему было пріятно, когда она своей морщинистой, черной, дрожащей рукой погладила его по русой, курчавой головкѣ.

— Вотъ такой бы и у меня былъ теперь парнишко внучекъ! — сказала при этомъ старушка и глубоко вздохнула: — такой же востроглазый и бѣленькій, да упалъ съ лошади и расшибся.

— Какъ же это случилось, бабушка? спросила Лиза съ участіемъ.

— Вишь-ты, поѣхалъ лошадокъ загонять, а силёнки еще не хватало. И падалъ-то онъ у насъ не разъ, кажись; да въ этотъ разъ пришлось головою о камень: раскромсалъ совсѣмъ, и на третій денекъ душу Богу отдалъ. По грѣхамъ нашимъ наказываетъ насъ, видно, Господь! окончила старушка и еще разъ глубоко вздохнула всею своею сухою, впалою грудью.

— Боже мой, какое несчастье! сказала Лиза, и слезы навернулись у ней на глазахъ: — неужели же нельзя было спасти бѣдняжку? Посылали ли вы, по крайней мѣрѣ, за докторомъ?

— Какіе ужь у насъ дохтура, барышенька моя милая, отвѣчала ласково старушка:—дохтура въ городѣ, и къ намъ не поѣдутъ. Мочили голову водкой, ажно голосилъ мой касатикъ, и ворожею позвали: та шептала, шептала, да не помогло. Видно ужь такъ Богу угодно — Его святая воля.

— Но зачѣмъ же было посылать дитя загонять скотъ? замѣтилъ Александръ Сергѣевичъ.

— А какъ же, баринъ, не посылать-то, отвѣчала старуха: — старшіе на работѣ въ полѣ; пріѣхалъ становой, лошадей требуетъ, кого жъ послать-то? У насъ парнишки не долго балуются; всѣмъ хлѣбушка нуженъ. Вонъ на полатяхъ еще лежатъ пока двое: одному по шестому, другому по пятому году, а годка черезъ три и тѣ пойдутъ въ работу.

— А въ школу, бабушка? перебилъ Володя: — когда же они ходятъ въ школу? когда учатся?

—Нѣтъ у насъ школъ, кормилецъ. Гдѣ ужь въ такой деревнюшкѣ школы? Вонъ, баютъ, въ Апраксинскомъ-то, на селѣ, — чай видѣли, коли мимо ѣхали, — завели школу и учителя принаняли. Приказано, вишь-ты, дѣтей грамотѣ учить, да и то невѣсть зачѣмъ. Къ чему намъ грамота? Мы люди темные, работящіе: некогда намъ книги читать. У насъ на деревнѣ и ни одного нѣту-ти грамотнаго, а живемъ же себѣ по милости Божіей не хуже другихъ. Да у насъ и выучиться-то не у кого; не въ Апраксинское же посылать; вѣдь это верстовъ пятнадцать отселева будетъ, а пожалуй и больше!

— Какъ странно говоритъ эта старуха, подумалъ про себя Володя:— не все и поймешь, и прибавилъ вслухъ: вотъ что значитъ жить въ деревнѣ: ни доктора, ни школы, ни учителя, ни книгъ! Нѣтъ, это не то, что у насъ въ Петербургѣ; тамъ школъ, учителей и книгъ сколько хочешь— учись только.

— Гдѣ ужь намъ до Питера, батюшка, проговорила старушка, вздохнувъ:—вонъ ужь и въ городѣ-то нашемъ, и весь-то онъ не величекъ, есть и дохтура, и учителя, а у насъ и церкви-то нѣту-ти близко, — за шесть верстъ къ обѣднѣ ходимъ. Мы, касатикъ, коли *Вѣрую*, да *Богородицу*, да *Отче нашъ* знаемъ, такъ слава-те, Христосъ; съ насъ и будетъ! Знали бы мы свое крестьянское дѣло: пахать да сѣять, жать да косить, сладить соху, срубить избу, справить телѣгу; да мало ли что надо знать въ нашемъ крестьянскомъ дѣлѣ!

— Что же? сказалъ Александръ Сергѣевичъ, это тоже наука; наука нелегкая и полезная. У насъ въ Петербургѣ ей не выучишься, а безъ нея и прожить нельзя. Всякому свое. Вы для насъ, добрые люди, работаете; а мы должны учиться, чтобы умѣть устроить вашу жизнь, какъ-можно лучше. Безъ книгъ и безъ ученья тоже жизнь очень дурна, прибавилъ онъ, обращаясь къ дѣтямъ, когда старушка ушла: — будетъ у насъ больше умныхъ, ученыхъ и образованныхъ людей, тогда и въ этой деревенькѣ, можетъ-быть, жизнь сдѣлается лучше, удобнѣе и пріятнѣе. Образованные люди придумали хорошія дороги, шоссе, паровыя машины, каналы, улучшенныя земледѣльческія орудія, фабрики. Съ помощію ихъ и въ эту деревню заглянетъ когда-нибудь образованіе, облегчится тяжелый трудъ крестьянина, выстроится школа и появятся здѣсь разныя удобства и удовольствія жизни, о которыхъ теперь и понятія не имѣютъ. Въ Германіи нѣтъ ни одного человѣка, который бы, по-крайней-мѣрѣ, не умѣлъ читать и писать. Въ Англіи и въ Америкѣ нѣтъ такой маленькой деревеньки, гдѣ бы не было школы. Тамъ уже начали косить, жать, сѣять, даже пахать машинами; а машина облегчаетъ и усиливаетъ трудъ человѣка. Надобно, чтобы и у насъ все это было такъ же. Мы, русскіе, гораздо позже другихъ народовъ начали учиться и во многомъ отстали: намъ надобно догонять. Учитесь же, дѣти мои, и помните, что мы должны чѣмъ нибудь отблагодарить крестьянъ за тотъ хлѣбъ, которымъ они насъ кормятъ; а отблагодарить мы можемъ только прилежнымъ ученьемъ и честными трудами въ пользу общую. Тотъ изъ насъ, кто ничего не дѣлаетъ и никому не приноситъ никакой пользы — живетъ на чужой счетъ: на счетъ этихъ бѣдныхъ людей, трудящихся съ утра до вечера въ потѣ лица. Стыдно и грѣхъ ѣсть даромъ чей-нибудь хлѣбъ, а еще болѣе хлѣбъ крестьянскій, добытый такими тяжелыми, неусыпными трудами! Не трудясь на поляхъ сами, съ утра до вечера и съ дѣтства до смерти, какъ эти бѣдные люди, имѣя много свободнаго

времени, котораго нѣтъ у крестьянъ, — мы должны употреблять это время на общую пользу. Ты вотъ, Володя, пойдешь служить; не забывай же никогда, что эти крестьяне поятъ и кормятъ тебя: служи честно, и заботься о нихъ, сколько станетъ у тебя силъ. Ты, Лиза, вѣроятно будешь современемъ учить дѣтей; дѣти, которыхъ выучишь ты, будутъ учить другихъ и, такимъ образомъ, образованіе, можетъ-быть, дойдетъ и до этой деревеньки, гдѣ живутъ и трудятся наши истинные кормильцы. Пусть всякій дѣлаетъ честно свое дѣло и всѣмъ будетъ хорошо. Въ одиночку человѣкъ и простаго гвоздя не сдѣлаетъ. Для крестьянъ нужны образованные и ученые люди, а ученые и образованные люди не проживутъ безъ крестьянскихъ трудовъ. Для бѣдныхъ деревень нужны города и столицы, гдѣ находятся правительство, присутственныя мѣста, войска, университеты, гимназіи, училища, богатые купцы, фабрики, лавки и магазины,—гдѣ живутъ люди, умѣющіе управлять государствомъ, вести торговлю, устроивать фабрики и заводы, рыть каналы, дѣлать желѣзныя дороги и шоссе, строить корабли, заниматься различными ремеслами, чеканить монету. Но для городовъ и столицъ еще болѣе нужны деревни и ихъ трудолюбивые, простые жители. Безъ деревень столицы и города существовать не могутъ: безъ столицъ, городовъ и образованныхъ людей крестьяне остались бы навсегда грубыми дикарями; а вы вѣрно читали въ вашихъ книжкахъ, какую жалкую жизнь ведутъ дикари.

ГЛАВА VI.

Прибытіе на мѣсто.

Накормивъ лошадей, попрощавшись съ доброй старушкой — отъ которой дѣти узнали столько полезнаго, хотя она сама и читать не умѣла— наши путешественники отправились далѣе. До Карповки оставалось верстъ двадцать, не больше, и извощикъ надѣялся поспѣть туда къ вечеру. Верстъ черезъ семь или восемь дорога пошла по крутому берегу живописной рѣчки: она извивалась, какъ огромная блестящая змѣя, на днѣ глубокой лощины, посреди кустовъ лозы и орѣшника. По ту сторону рѣчки разстилались далеко луга; на нихъ, въ разныхъ мѣстахъ, видны были косари, сверкающіе своими стальными косами. Извощикъ съ видимымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на эти обширные, зеленые луга.

— Вотъ луга, такъ луга! сказалъ онъ, обращаясь къ Володѣ, который съ позволенія отца усѣлся возлѣ ямщика на козлахъ: — какая-бы ни была засуха, на нихъ всегда есть трава, и покосъ всегда хорошій.

— Отъ чего же это? спросилъ Володя.

— Да оттого, маленькій баринъ, отвѣчалъ ямщикъ, что всякую весну эта рѣчёнка разливается куды-какъ широко — вонъ подъ тѣ самыя лозы, верстъ, чай, на семь! Какъ же вода потомъ сбудетъ, то, и трава пойдетъ

рости шибко, да гонко, — да такая зеленая, сочная! Эти луга, баринъ ты мой милый, *поёмные*, дорогіе луга, славные луга! Много они, сердешные, кормятъ лошадушекъ; а лошадушки, баринъ, кормилицы наши. Что бы мы безъ нихъ стали дѣлать? Они насъ и возятъ, милыя; они намъ и пашеньку пашутъ и боронятъ; а придется-ли дровецъ изъ лѣсу привести—опять-таки за лошадку. Они намъ и навозъ даютъ: безъ навоза же наши поля родятъ плохо. Вотъ и выходитъ, баринъ, что луга-то вещь дорогая, особенно луга поёмные. Поле вездѣ распахать можно, хоть бы изъ-подъ самаго густаго лѣсу: выруби деревья, повыкорчи корни, да и распахивай землицу-то; а поемнаго луга ужь не распашешь! Гдѣ Богъ далъ, тамъ онъ и есть; а гдѣ сѣна много, тамъ и лошадка, и коровка, и овечка сыты.... Эй, вы, сердешныя, трогай!—прибавилъ ямщикъ, подстегнувъ слегка правую пристяжную.

Начинало вечерѣть. Поверхность рѣчки блестѣла розовымъ свѣтомъ. Кое-гдѣ чернѣли на ней стада дикихъ утокъ. Длинноносый бекасъ со свистомъ перепархивалъ съ одного берега на другой; а бѣлыя чайки, блестя въ воздухѣ крыльями, съ печальнымъ крикомъ носились надъ водою: зорко высматривали онѣ, не выкажется ли гдѣ-нибудь серебристая спинка маленькой рыбки. Рыболовы—такъ называютъ этихъ чаекъ — большіе охотники до рыбы, и въ этотъ вечеръ, навѣрно, охотились удачно. Рыба то и дѣло всплескивалась тамъ-и-сямъ по рѣкѣ, ловя комаровъ и мошекъ, которые, ища сырости и не находя ея въ верху, кучами толклись надъ водою, предсказывая, что и завтра будетъ такая же прекрасная погода. Солнце стало садиться и окрасило самыми яркими цвѣтами, золотымъ, розовымъ и пурпуровымъ, серебряныя облака, столпившіяся къ западу, какъ-будто за тѣмъ, чтобы проводить на ночлегъ своего щедраго владыку, — огромное, покраснѣвшее солнце. Отражая косвенные вечерніе лучи, рѣчка сверкала, какъ растопленное золото. Становилось прохладнѣе: а подъ ивами, свѣсившимися надъ водою, было уже совершенно темно. Утомленныя длинной дорогой дѣти чувствовали усталость.

— Скоро ли будетъ Карповка? спросилъ Володя ямщика.

— Да вотъ, баринъ, только переѣдемъ на ту сторону: тутъ сейчасъ тебѣ и Карповка будетъ.

— Но какъ же мы переѣдемъ? опять на паромѣ? спросилъ Володя.

— Нѣтъ не на паромѣ, а по плотинѣ, маленькій баринъ. Вотъ сейчасъ плотина будетъ: слышь, какъ шумитъ!

Дѣти прислушались и, дѣйствительно, до нихъ достигъ отдаленный, пріятный звукъ падающей воды. Они никогда не видали плотины и потому любопытство ихъ было снова возбуждено. Шумъ все увеличивался. Минутъ черезъ десять дѣти увидѣли, что узкая рѣка разлилась широко, точно прудъ или маленькое озеро. Скоро показалась и самая плотина; а ми-

нутъ чрезъ пять тарантасъ уже прыгалъ по хворосту, бревнамъ и соломѣ. Въ концѣ длинной плотины шумѣла мельница.

— За чѣмъ же здѣсь не сдѣлали моста? По плотинѣ такъ тряско ѣхать! сказалъ Володя.

— Моста-то зачѣмъ не сдѣлали? отвѣчалъ улыбаясь извощикъ: — вотъ и видно, маленькій баринъ, что ты въ деревнѣ отродясь не живалъ. Подъ мостомъ-то вода себѣ, знай, течетъ, да течетъ; а тутъ надо было запрудить воду, чтобы мельницу поставить. Глянь-ка! вишь тамъ, отколева мы ѣхали и отколева течетъ рѣчка, вода-то стоитъ высоко; а глянь-ка на другую сторону плотины: ишь ты въ какой глуби течетъ тамъ та-жъ рѣчка. Во всю ширину рѣчки насыпали плотину, вода-то поднялась и сперлась: не оставили ей сердешной нигдѣ проходу — и некуда ей больше течь какъ вотъ подъ эвтотъ мостикъ; а изъ-подъ мостика и льется она на колесо; колесо вертится и вертитъ жернова; жернова перемалываютъ рожь на муку; мука же, чай, и самъ ты знаешь, къ чему годна.

Дѣти не совсѣмъ ясно поняли объясненіе извощика, хотя видѣли, что онъ говоритъ правду; что вода, стѣсненная плотиною, точно лилась на большое деревянное колесо мельницы, и колесо вертѣлось съ такою силою, что вся утлая мельница дрожала. Въ мельницѣ были видны люди и мѣшки съ мукою; а возлѣ мельницы стояло нѣсколько отпряженныхъ телѣгъ, на которыхъ также были мѣшки, вѣроятно, съ рожью.

За плотиной началась густая роща, гдѣ было уже совершенно темно. Ямщикъ весело погналъ лошадей и черезъ минуту путешественники наши, миновавъ околицу, въѣхали въ маленькую деревеньку, въ концѣ которой, на пригоркѣ, стоялъ небольшой барскій домъ.

Александръ Сергѣевичъ попросилъ встрѣтившагося мужичка кликнуть старосту; поговорилъ со старостой, и чрезъ минуту наши путешественники были уже въ своемъ новомъ жилищѣ. Здѣсь встрѣтила ихъ старушка-ключница и какой-то заспанный мальчишка, который съ изумленіемъ таращилъ глаза на пріѣхавшихъ баръ.

LTSP V. Respublika Biblioteka

Дѣти такъ устали, что не могли даже дождаться чаю. На скоро были постланы имъ постели, и крѣпкій дѣтскій сонъ быстро овладѣлъ нашими маленькими путешественниками.

На другой день Володя и Лиза проснулись довольно рано, торопливо одѣлись, торопливо напились молока, которое принесла имъ старая ключница, и выбѣжали на крыльцо. Съ крыльца побѣжали они въ садъ, изъ сада въ березовую рощу, находившуюся за садомъ, изъ рощи на скотный дворъ, оттуда въ темное гумно, гдѣ теперь было пусто и сыро; съ гумна побѣжали на мельницу, которая сильно заняла дѣтей. Они видѣли въ одинъ день столько новаго, что все перепуталось въ ихъ головкахъ. Все ихъ радовало, все приводило въ восторгъ: и высокая старая яблоня въ саду, и

развѣсистые клены, и пчельникъ, гудящій пчелами, и большое барское стадо, возвращающееся съ поля, и широкій дворъ, поросшій травою, и густые конопляники; все, все казалось дѣтямъ такъ ново и занимательно! Они теперь только вполнѣ почувствовали огромную разницу между городскою и деревенскою жизнію; но не вполнѣ еще понимали, въ чемъ состоитъ эта разница. Проживъ четыре мѣсяца безъ выѣзда въ деревнѣ, испытали дѣти на себѣ всѣ удобства и неудобства, достоинства и недостатки деревенской жизни.

ВБЛИЗИ И ВДАЛИ.

У кого зрѣніе хорошо, тотъ можетъ ясно читать на разстояніи аршина; но если ту же книгу отодвинуть аршинъ на пять, на шесть, то и дальнозоркій человѣкъ будетъ видѣть однѣ только черпѣющіяся строчки и много-много, если различитъ большія буквы. Пусть же кто нибудь возьметъ въ руки книгу и, продолжая держать ее такъ, чтобы мы могли видѣть листы и на нихъ строчки, станетъ уходить съ нею все дальше и дальше: за десять, за пятнадцать саженей строчки исчезнутъ; саженей за сто вся книга покажется бѣлымъ пятномъ; еще десятка два саженей дальше—и не только нельзя будетъ разобрать, что держитъ уходящій человѣкъ въ рукахъ, но и самаго человѣка трудно уже будетъ узнать по лицу на такомъ разстояніи. За версту нельзя уже различить цвѣта одежды уходящаго человѣка, а за пять, за шесть — и весь человѣкъ покажется чуть замѣтною точкою и, притомъ, точкою почти неподвижною, хотя бы онъ шелъ очень скоро: еще нѣсколько саженей далѣе — и самая эта точка исчезнетъ!

Случалось ли вамъ видѣть, какъ орелъ или коршунъ, снявшись съ камня или съ дерева, быстро начнетъ подыматься кверху? Сначала вы очень ясно различаете широкія крылья, хвостъ и голову хищной птицы; но черезъ минуту вся птица, быстро улетающая кверху, покажется вамъ чернымъ и почти неподвижнымъ пятномъ, хотя она улетаетъ съ прежнею быстротою: еще минута, другая — пятно превращается въ точку, а потомъ и самая точка исчезаетъ въ синевѣ небесной.

Всѣ предметы, какъ бы они велики ни были, дома, церкви, цѣлые города, громадныя горы уменьшаются для насъ по мѣрѣ того, какъ мы отъ нихъ удаляемся, и если вамъ скажутъ, что черточка, которую вы видите на горизонтѣ, находится отъ васъ на разстояніи десяти верстъ, то вы, зная, какъ уменьшаются предметы вдали, вѣроятно, догадаетесь, что эта черточка совсѣмъ не такъ мала, какъ вамъ кажется, и что это должно быть какое нибудь очень высокое зданіе, если его можно еще видѣть на разстояніи десяти верстъ. Но если вы увидите какой нибудь предметъ на горизонтѣ на разстояніи пятидесяти, шестидесяти верстъ, то хотя бы этотъ предметъ казался вамъ небольше болотной кочки, вы, безъ сомнѣнія, подумаете, что это должна быть какая нибудь громадная гора.

Но что же подумаете вы, если вамъ скажутъ, что луна, которая вамъ кажется величиною съ большую тарелку, находится отъ васъ почти за 400 тысячъ верстъ? Вѣроятно, вы повѣрите послѣ этого, что луна на-самомъ-дѣлѣ только въ 49 разъ менѣе всей этой земли, на которой мы живемъ. Солнце же, которое кажется намъ не меньше луны, еще гораздо, гораздо дальше! Можно себѣ представить, какъ громадно должно быть оно, если мы его еще видимъ такимъ большимъ почти за 150 милліоновъ верстъ? Многія звѣзды еще гораздо, гораздо дальше отъ насъ, чѣмъ самое солнце; какъ же должны быть велики эти маленькія звѣздочки, когда мы ихъ видимъ на такомъ неизмѣримо-далекомъ разстояніи!

ЗЕМЛЯ.

Мы уже знаемъ, что звѣздочки, которыя кажутся намъ блестящими, мигающими точками, такія большія земли, что на нихъ весьма просторно могли бы помѣститься многіе и многіе милліоны людей. Живутъ ли тамъ люди, мы не знаемъ; но знаемъ только то, что если бы, съ одной изъ этихъ звѣздочекъ можно было взглянуть на нашу землю, то ее или совсѣмъ не было бы видно, или она показалась бы намъ такою же крошечною блестящею точечкою, какою съ земли кажутся намъ звѣзды. Однако на этой точкѣ довольно мѣста для тысячи милліоновъ людей, для ихъ городовъ, селъ и полей, много необитаемыхъ пустынь, хотя болѣе двухъ третей всей земной поверхности занято водою: океанами и морями.

Естественно, что человѣку захотѣлось узнать, какую форму имѣетъ та звѣздочка, на которой онъ живетъ. Но какъ это сдѣлать? Мы знаемъ, что форму предметовъ человѣкъ узнаетъ посредствомъ зрѣнія и осязанія, и когда хотимъ узнать форму яблока, то беремъ его въ руки и осматриваемъ со всѣхъ сторонъ; но нельзя несогласиться, что съ землею это довольно трудно сдѣлать. Въ руки ее не возьмешь, да и осмотрѣть съ разу невозможно. Представьте себѣ, что по огромному, почти шарообразному куполу какой нибудь церкви, ползетъ маленькая, очень маленькая мошка: трудно будетъ ей узнать форму этого купола и долго она проползаетъ по немъ, прежде чѣмъ узнаетъ, что это шаръ. Человѣкъ же въ отношеніи земли, на которой онъ живетъ, меньше, чѣмъ самая маленькая мошка въ отношеніи самаго большаго церковнаго купола. И долго человѣкъ ходилъ и ѣздилъ по землѣ, прежде чѣмъ догадался, что Богъ далъ ей форму большаго *шара*.

Если человѣку удавалось быть на морѣ или на большой равнинѣ, гдѣ ни лѣса, ни горы не мѣшали его взору, то онъ видѣлъ только крошечную частичку земли, которая на краю повсюду сходилась съ небомъ. Неудивительно, что прежде чѣмъ угадали люди истинную форму земли, они считали ее плоскимъ кругомъ и полагали, что гдѣ-то далеко есть край земли, съ котораго, пожалуй, можно и соскочить; но куда соскочить — неизвѣстно.

Были, правда, такіе умные люди, которые догадывались, что это не такъ, и что у земли нѣтъ краевъ, какъ нѣтъ ихъ у шара; но такихъ людей было немного и имъ мало вѣрили. Но вотъ люди выучились дѣлать хорошіе корабли и стали плавать на нихъ по морю, каждый разъ заходя все дальше и нигдѣ не находя края земнаго. Наконецъ нашлись такіе смѣльчаки, которые плыли, плыли и, не возвращаясь назадъ, доплыли до того мѣста, съ котораго отправились. Точно то же случилось бы съ мухою, которая, если бы она ползла все прямо по куполу, хотя и не скоро, а опять, не возвращаясь назадъ, приползла бы къ тому мѣсту, съ котораго отправилась.

ГЛОБУСЪ.

Смотря на картинку, на которой нарисована ловля кита, мы говоримъ: какое большое животное! А между тѣмъ на картинкѣ это животное не больше вершка. Но китъ намъ кажется и на картинкѣ большимъ потому, что возлѣ него нарисована лодка, въ которой сидитъ человѣкъ десять китововъ; а лодка эта въ десять разъ меньше кита. Зная же, какъ великъ человѣкъ въ натурѣ, мы заключаемъ и о величинѣ громаднаго морскаго звѣря. На картинахъ по бо̀льшей части всѣ предметы изображаются гораздо меньше ихъ натуральной величины. Иная высокая гора на картинкѣ точно небольшое пятнышко; за то возлѣ такой горы человѣка и нарисовать нельзя: такъ онъ будетъ малъ; если же нарисуемъ человѣка, хотя въ вершокъ величиною, то самую гору сочтемъ за маленькій холмикъ. На картинахъ, слѣдовательно, предметы изображаются по бо̀льшей части въ уменьшенномъ видѣ, но *пропорціонально;* т. е. во сколько разъ уменьшенъ на картинѣ одинъ предметъ, во столько разъ уменьшенъ и другой. Если же на картинѣ иногда рисуютъ человѣка больше дерева или горы, то это для того, чтобы показать, что человѣкъ стоитъ ближе, а гора гораздо дальше; потому что, какъ вы уже знаете, чѣмъ дальше отъ насъ предметъ, тѣмъ онъ намъ кажется меньше.

На полу нашего класса можно умѣстить много листовъ бумаги; но весь полъ можно нарисовать на самомъ маленькомъ лоскуткѣ: сто̀итъ только вымѣрять, сколько будетъ нашъ полъ въ длину, сколько въ ширину, и нарисовать на лоскуткѣ бумаги такой четвероугольникъ, который столько же будетъ имѣть въ длину и въ ширину вершковъ, сколько самъ полъ имѣетъ саженей. На этомъ маленькомъ четвероугольникѣ, представляющемъ полъ нашего класса, мы можемъ легко означить, гдѣ стоятъ наши скамьи, гдѣ доска, гдѣ печка и т. д. Такъ же можемъ мы нарисовать и цѣлый садъ. Если мы нарисуемъ деревья, кусты, бесѣдки, и представимъ всѣ эти предметы въ такомъ видѣ, какъ они представляются глазамъ нашимъ, т. е. тѣ, которые поближе — въ большомъ видѣ, а тѣ, которые дальше — въ меньшемъ, то это будетъ *картина* сада. Но если мы вымѣряемъ нашъ

садъ во всѣхъ направленіяхъ и начертимъ на бумагѣ фигуру пространства, занимаемаго садомъ, конечно въ уменьшенномъ видѣ, а потомъ означимъ на этой фигурѣ положеніе дорожекъ, бесѣдокъ, пруда, деревьевъ, словомъ, всѣхъ предметовъ, которые находятся въ нашемъ саду, не изображая самихъ предметовъ, то это будетъ уже не картина, а *планъ* сада. Можно нарисовать такой же планъ большаго города, означивъ на планѣ теченіе рѣки, положеніе улицъ, площадей, церквей и даже всякаго дома по одиночкѣ. Имѣя такой планъ въ рукахъ, мы уже не можемъ заблудиться, куда бы мы ни зашли: намъ стоитъ узнать названіе улицы, и, взглянувъ на планъ, мы сейчасъ поймемъ, гдѣ мы находимся и куда намъ должно идти.

Можно нарисовать нетолько планъ дома, сада, города, но и планъ цѣлой большой страны и означить на этомъ планѣ всѣ рѣки, озера, моря, положеніе горъ, лѣсовъ, границы губерній, города; такой планъ называется уже *картою*. Но понятно, что рѣка, длиною въ двѣсти или триста верстъ въ натурѣ, будетъ на планѣ маленькою, узенькою черточкою въ полвершка длиною; цѣлый большой городъ—одною точкою; а домовъ или церквей и вовсе уже не будетъ, потому что ихъ слѣдовало бы сдѣлать такими маленькими, что и нарисовать невозможно. Можете же себѣ представить, какъ надобно уменьшить всѣ предметы, рѣки, озера, моря и цѣлыя государства, чтобы нарисовать планъ, или *карту* всей земли! Здѣсь уже рѣка въ тысячу верстъ длиною будетъ небольшою черточкою въ полвершка.

Но какже нарисовать карту земли: земля вѣдь шаръ, а бумага плоска? Дѣйствительно, это довольно трудно. Для этого дѣлаютъ шаръ изъ дерева и обклеиваютъ его бумагой, на которой уже нарисованы океаны, моря и земли съ озерами, горами и рѣками, въ томъ положеніи, въ которомъ они находятся на земномъ шарѣ. Такой шаръ, представляющій землю, называется *глобусомъ*. Если же хотятъ представить земной шаръ на плоской бумагѣ, т. е. нарисовать карту земнаго шара, то обыкновенно рисуютъ её въ двухъ кругахъ, представляющихъ два *полушарія*, но не выпуклыхъ, каковы полушарія въ натурѣ, а плоскихъ: въ одномъ кругѣ рисуютъ *карту* одной половины земнаго шара, въ другомъ—другой.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ПОЛУШАРІЯМИ.

Взглянувъ на карту двухъ земныхъ полушарій легко узнать, гдѣ нарисована вода, а гдѣ земля, или суша. Вода покрываетъ двѣ трети земнаго шара и вся вмѣстѣ называется *океаномъ*. Земля составляетъ остальную треть и расположена посреди воды огромными островами, которые зовутъ *материками* и между которыми разбросано множество маленькихъ *острововъ* и островковъ. Посреди материковъ, вы замѣчаете еще воду въ видѣ *озеръ*, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ землею, или въ видѣ рѣкъ, изображаемыхъ тоненькими, извивающимися черточками, потому что рѣки и въ натурѣ никогда не текутъ прямо, а всегда извиваются. Вы видите, что въ

нѣкоторыхъ мѣстахъ море вдается въ землю и образуетъ *заливы;* въ другихъ мѣстахъ земля выдается въ море и образуетъ *полуострова.* Иногда два моря, или заливъ съ моремъ, соединяются узкимъ водянымъ проходомъ: такой проходъ называется *проливомъ.* Иногда два куска суши соединены узкимъ *перешейкомъ.* Большія части океана, лежащія у береговъ или вдавшіяся въ материки, называются *морями.*

Присмотрѣвшись внимательно къ изображеніямъ обоихъ полушарій, вы замѣтите, что на одномъ изъ нихъ земли, или суши, больше чѣмъ на другомъ. На томъ полушаріи гдѣ больше воды, изображенъ Новый Свѣтъ, на другомъ—Старый. Длинный, вытянутый материкъ, составленный изъ двухъ большихъ кусковъ, соединенныхъ перешейкомъ, называется Новымъ Свѣтомъ или Америкой. Америка называется Новымъ Свѣтомъ потому, что европейцы долго не знали объ ея существованіи. Между Новымъ и Старымъ Свѣтомъ, къ востоку отъ Новаго лежитъ Атлантическій океанъ, а къ западу — Тихій океанъ; на югѣ земнаго шара — Южный, а на сѣверѣ — Сѣверный или Ледовитый. Всѣ эти океаны суть только части одного великаго океана земнаго шара, посреди котораго разбросаны материки и острова.

Въ Старомъ Свѣтѣ вы легко различите три части: Африку, Азію, соединенныя небольшимъ перешейкомъ, и Европу, самую малую часть свѣта, но жители которой, какъ вы знаете, распространяютъ теперь образованіе и христіанскую вѣру по всему земному шару.

Всѣ три части Стараго Свѣта, Европа, Азія и Африка, окружаютъ довольно большой заливъ Атлантическаго океана, называемый Средиземнымъ моремъ. Въ настоящее время почти во всей Европѣ живутъ образованные люди, тогда какъ въ другихъ частяхъ свѣта еще много дикарей; но двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ и въ Европѣ образованные народы были только на югѣ, по берегамъ Средиземнаго моря, а далѣе къ сѣверу жили дикія, необразованныя племена, незнавшія ни торговли, ни наукъ, ни искусствъ.

На одной части азіятскаго берега Средиземнаго моря жили финикіяне, народъ не большой, но предпріимчивый, который первый выучился строить хорошіе корабли и, отыскивая товары или развозя ихъ, пускался въ далекія морскія путешествія. Говорятъ даже, что финикіяне, по порученію одного египетскаго царя, по морю объѣхали кругомъ Африки; а это по тогдашнимъ познаніямъ людей, было подвигомъ необыкновенно-смѣлымъ, такъ что послѣ финикіянъ ни одинъ народъ долго не могъ на него рѣшиться. На африканскомъ берегу, тамъ, гдѣ течетъ большая рѣка Нилъ, жили египтяне, народъ тоже очень умный, но не любившій пускаться въ морскія поѣздки. Далѣе къ западу, на африканскомъ же берегу, жили карѳагеняне, предки которыхъ вышли изъ Финикіи. Карѳагеняне были тоже народомъ торговымъ, и странствовали по тогдашнему времени довольно далеко, — ѣздили даже въ самую Англію, населенную тогда дикарями.

На европейскомъ берегу Средиземнаго моря, на двухъ полуостровахъ, изъ которыхъ одинъ называется теперь Балканскимъ, а другой Аппенинскимъ, или Итальянскимъ, жили два самые образованные народа того времени: греки и римляне. Греки и римляне были люди очень умные, скоро полюбили науки и искусства, занимались и торговлею; но пускаться далеко въ море боялись. Не имѣя хорошихъ кораблей, не зная употребленія компаса, они плавали больше по Средиземному морю и выѣхать изъ Средиземнаго моря, за *Гибралтарскій проливъ*, казалось для нихъ великимъ подвигомъ, на который рѣшались не многіе. Если же какой-нибудь корабль и выплывалъ за проливъ, казавшійся тогда для грековъ и римлянъ концомъ свѣта, то старался держаться береговъ и не пускался въ открытое море, которому, по понятіямъ тогдашняго времени, и конца не было.

Изъ этого вы можете заключить, какую небольшую часть земли знали даже самые образованные люди изъ грековъ и римлянъ. Въ далекія образованныя страны Азіи, Китай и Индію, пробраться сухимъ путемъ, черезъ огромныя пустыни, по которымъ тамъ и сямъ бродятъ необразованныя, полудикія племена людей, и теперь не легко, а тогда было совершенно невозможно. Торговля съ Индіей, откуда привозили въ Европу золото, слоновую кость, дорогія ткани, различныя рѣдкія произведенія растительнаго царства, шла очень трудно и медленно. А между-тѣмъ ходили слухи, что въ Индіи богатствамъ и счету нѣтъ, такъ что многіе думали, какъ бы найти туда болѣе удобный путь, но не могли придумать.

Мы уже говорили, что и въ то время нѣкоторые умные люди догадывались, что земля не плоскій кругъ, а шаръ; но никому не приходило въ голову, что, отправившись изъ Европы *на западъ*, и не возвращаясь назадъ, можно доѣхать до Индіи, хотя она лежитъ *на востокъ* отъ Европы. Да если бы и пришла кому нибудь такая мысль, то этого было бы еще недостаточно: согласитесь, что не легко было, выѣхавъ за Гибралтарскій проливъ, пуститься въ открытое море, которому никто тогда не зналъ предѣловъ.

Прошло много лѣтъ: Римъ покорилъ Карѳагенъ, Грецію и Египетъ, почти весь извѣстный міръ того времени и, наконецъ, самъ былъ завоеванъ полудикими племенами, пришедшими съ сѣвера. Исчезла торговая Финикія, исчезъ и Карѳагенъ; образовались новыя государства, между которыми своею торговлею и своими далекими морскими путешествіями славились Венеція, Генуа, Испанія и Португалія. Нашлись европейцы, которые сухимъ путемъ добирались до Индіи и даже до Китая; но никто не рѣшался пуститься въ открытое море за Гибралтарскій проливъ, — никто не рѣшался попробовать объѣхать вокругъ земной шаръ. Наконецъ нашелся человѣкъ, у котораго было довольно ума и мужества, чтобы рѣшиться на такой великій подвигъ: этотъ человѣкъ былъ Христоферъ Колумбъ.

ХРИСТОФОРЪ КОЛУМБЪ.

Христофоръ Колумбъ, сынъ генуэзскаго ткача, родился въ 1436 году. Въ молодости своей онъ много и прилежно учился; занимался географіей и астрономіей и совершилъ нѣсколько морскихъ путешествій, и уже въ то время запала у него мысль, отправившись по морю на западъ, найти морской путь въ Индію. Долго обдумывалъ онъ эту мысль и наконецъ рѣшился ее выполнить. Но для этого нуженъ былъ флотъ. Напрасно предлагалъ Колумбъ свои услуги правительствамъ Генуи, Португаліи, Англіи: никто не рѣшался ввѣрить ему флотъ для такой, какъ думали тогда, безумной цѣли. Послѣ долгихъ, неудачныхъ искательствъ, удалось ему наконецъ выпросить у испанскаго короля Фердинанда и его супруги Изабеллы три небольшіе корабля и сто двадцать человѣкъ экипажа.

Маленькій флотъ Колумба отправился изъ Испаніи 3-го августа 1492 года и дней черезъ девять былъ уже за Гибралтарскимъ проливомъ, у Канарскихъ острововъ. Спутники Колумба были все люди смѣлые и предпріимчивые; но, выѣхавъ въ открытое и неизвѣстное море, стали призадумываться; одинъ только Колумбъ былъ вполнѣ увѣренъ въ успѣхѣ своего предпріятія.

Послѣ недолгаго затишья, которое задержало смѣлаго адмирала у Канарскихъ острововъ, 9-го сентября подулъ наконецъ попутный вѣтеръ, паруса наполнились, суда понеслись къ западу — и возвышенности острова Ферро скоро потонули въ морѣ: старый міръ изчезъ позади мореходцевъ, впереди же растилался безграничный и неизвѣданный океанъ. Плывутъ день, плывутъ другой, ничего невидно, кромѣ неба и моря. Наконецъ, на пятый день показались птицы: бѣлая хохлатая цапля и бѣлая трясогузка. Мореходцы обрадовались, не зная еще какъ далеко отъ берега могутъ улетать эти птицы. Плывутъ еще нѣсколько дней и надежда начала потухать въ сердцахъ моряковъ. Вѣтеръ постоянно былъ попутный, потому что тамъ гдѣ испанцы плыли, дуютъ осенью *пассатные* вѣтры; но самое это постоянство вѣтра пугало подчиненныхъ Колумба. Что будетъ съ нами, думали они, если вѣтеръ постоянно будетъ дуть все въ одну сторону? Заѣдемъ-то мы далеко, но какъ же воротимся назадъ?

Погода все время стояла отличная. Прохладный, освѣжающій воздухъ, кроткое, постоянно ясное небо, тихое море — все было хорошо: Колумбъ радовался, что ему благопріятствовала погода; но спутники его, не имѣвшіе ни его ума, ни его мужества, начинали призадумываться и можетъ быть скоро перестали бы повиноваться своему адмиралу, еслибы различныя, обманчивыя впрочемъ, явленія по временамъ не пробуждали въ морякахъ надежды, что берегъ близко. Скоро показалось на поверхности моря множество травы и чѣмъ далѣе плыли испанцы на западъ, тѣмъ болѣе ея появлялось: море казалось зеленымъ лугомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ растеній были тако-

го рода, что могли, казалось, расти только на берегу; другія были такъ свѣжи и зелены, какъ будто сейчасъ только отдѣлились отъ почвы. Часто возлѣ кораблей появлялись птицы, а летучія рыбы безпрестанно проносились надъ поверхностью моря. Но вотъ прошло уже пятьдесятъ дней съ тѣхъ поръ, какъ суда оставили Испанію и, не смотря на всѣ явленія, показывающія близость берега, берега не было. Въ сердца суевѣрныхъ спутниковъ Колумба начала закрадываться опасная мысль, что можетъ быть враждебныя силы нарочно заманиваютъ ихъ этими явленіями все впередъ да впередъ, чтобы тѣмъ удобнѣе погубить ихъ. Матросы начинали роптать.

Еще прошло нѣсколько дней и количество морской травы такъ умножилось, что испанцы стали бояться, какъ бы имъ не попасть на подводную скалу. Чтобы разсѣять этотъ страхъ, адмиралъ велѣлъ бросить лотъ: бросили — и не достали дна. Еще прошло нѣсколько дней: берега все невидать. Подчиненные Колумба стали роптать, собираться толпами, почти громко сожалѣть, что они ввѣрили свою судьбу упрямому человѣку, который хотѣлъ, во что-бы-то ни стало, прославить свое имя. Колумбъ видѣлъ всю опасность такого расположенія умовъ; но притворялся веселымъ: однихъ онъ успокоивалъ ласковыми словами, другимъ сулилъ близкія богатства и строго наказывалъ тѣхъ, которые своимъ упрямствомъ мѣшали путешествію. Тому, кто первый откроетъ землю, адмиралъ обѣщалъ большую награду; а съ какимъ нетерпѣливымъ ожиданіемъ онъ самъ смотрѣлъ на западъ, объ этомъ и говорить нечего: цѣлые дни онъ почти не сходилъ съ палубы. Въ одну изъ такихъ минутъ вдругъ послышался выстрѣлъ съ корабля, ѣхавшаго впереди, командиръ котораго, стоя на палубѣ махалъ шляпою и въ восторгѣ кричалъ: „Земля, земля! Сеньоръ мнѣ слѣдуетъ награда!“ Все взволновалось: матросы полѣзли на мачты, карабкались по снастямъ и всѣ утверждали, что земля точно видна на юго-западѣ; самъ Колумбъ поколебался и велѣлъ поворотить на юго-западъ. Но къ утру земля исчезла: облачко, которое всѣ приняли за землю, разсѣялось. Колумбъ снова велѣлъ править на западъ, но ему повиновались еще неохотнѣе прежняго: ничто такъ дурно не дѣйствуетъ на человѣка, какъ обманутая надежда.

По счету Колумба, флотилія его отъѣхала отъ Испаніи на семсотъ морскихъ миль, а берега не только не было видно, но 2-го октября исчезла трава и птицы перестали показываться. Матросы думали, что они миновали уже тотъ берегъ, откуда прилетали птицы, и роптали на упрямство Колумба, который не поворачивалъ ни къ сѣверу, ни къ югу, а все правилъ прямо на западъ. Къ счастію адмирала, черезъ два дня снова показались птицы и признаки близости земли такъ умножились, что надежда возродилась въ сердцахъ матросовъ, и они, желая получить обѣщанную награду, стали такъ часто кричать: „земля! земля!“, что не давали покою. Колумбъ долженъ былъ объявить, что тотъ, кто всполошитъ экипажъ напрас-

нымъ крикомъ, терятъ право на награду, еслибы потомъ и въ самомъ дѣлѣ увидалъ землю. Число птицъ съ каждымъ днемъ увеличивалось; показался даже пеликанъ, который, какъ думалъ Колумбъ, никогда не улетаетъ далеко отъ берега; самый воздухъ казался Колумбу напоеннымъ благоуханіями деревьевъ.

Однако прошло еще нѣсколько дней, а берега не было. Экипажъ началъ терять терпѣніе, и когда наконецъ, на семидесятый день пути, солнце, не освѣтивъ берега, снова погрузилось въ безграничный океанъ, — на корабляхъ началось возмущеніе. Всѣ требовали, чтобы Колумбъ поворотилъ назадъ, и положеніе адмирала было самое отчаянное. Но къ великому счастію, признаки земли на слѣдующій же день такъ умножились, что самые невѣрующіе стали вѣрить: появилась вѣточка съ ягодами, которая, казалось, еще недавно была оторвана отъ дерева, и наконецъ даже палка со всѣми признаками прикосновенія къ ней руки человѣческой. Снова всѣ стали глядѣть впередъ и каждый желалъ первый увидать землю.

Оставшись ночью на палубѣ, Колумбъ не спускалъ глазъ съ запада: онъ чувствовалъ, что еще одинъ день, и ему будетъ уже невозможно удерживать въ повиновеніи своихъ матросовъ, — еще одинъ день и планъ цѣлой жизни разрушенъ навсегда! Вдругъ, около десяти часовъ вечера, показалось Колумбу, что вдали мелькаетъ огонекъ. Опасаясь снова возбудить ложную надежду, адмиралъ подозвалъ одного изъ своихъ спутниковъ и тотъ подтвердилъ его замѣчаніе. Однакоже оба молчали, потому что огонекъ то появлялся, то исчезалъ. Борясь между страхомъ и надеждою, адмиралъ смотрѣлъ на мерцающій огонекъ до двухъ часовъ утра, когда наконецъ пушечный выстрѣлъ съ одного изъ судовъ возвѣстилъ о появленіи земли— и на этотъ разъ уже дѣйствительной земли, берегъ которой виднѣлся ясно невдалекѣ, не болѣе, какъ на разстояніи двухъ морскихъ миль.

Такъ совершилъ Колумбъ свое великое предпріятіе и разоблачилъ тайну, такъ долго скрываемую океаномъ. Мечта Колумба наконецъ осуществилась, и онъ добылъ себѣ славу, которая не исчезнетъ до тѣхъ поръ, пока міръ будетъ стоять.

Утромъ, 12-го октября 1492 года, увидѣлъ Колумбъ Новый Свѣтъ. Передъ испанцами лежалъ большой и прекрасный островъ, до того свѣжій, зеленый и покрытый деревьями, что казался однимъ огромнымъ садомъ. Однакоже, несмотря на всю дикую роскошь природы, на островѣ были люди. Они выбѣгали на берегъ и съ величайшимъ изумленіемъ и страхомъ смотрѣли на приближающіяся суда. Колумбъ велѣлъ бросить якорь, спустить шлюпки и самъ, держа въ рукѣ королевское знамя и одѣтый въ пурпуровое платье, сѣлъ на одну изъ нихъ съ толпою вооруженныхъ людей.

Приближаясь къ берегамъ, испанцы любовались громадными лѣсами, которые въ жаркомъ климатѣ растутъ съ необыкновенною роскошью; на

деревьяхъ были очень красивые, но незнакомые испанцамъ цвѣты и плоды. Чистота и пріятность воздуха, необычайная прозрачность моря, придавали всей этой картинѣ такую прелесть, что чувствительная душа Колумба была глубоко потрясена. Выйдя на берегъ, онъ бросился на колѣни, цѣловалъ землю и со слезами благодарилъ Бога. Всѣ послѣдовали его примѣру и сердца всѣхъ были переполнены чувствомъ благодарности. Колумбъ всталъ, вынулъ мечъ, распустилъ королевское знамя—и торжественно принялъ островъ въ обладаніе испанскихъ монарховъ. Острову онъ далъ имя Санъ-Сальвадоръ, что значитъ Спаситель. Потомъ Колумбъ потребовалъ, чтобы его спутники принесли ему клятву въ вѣрности какъ адмиралу и вице-королю. Всѣ спѣшили выразить Колумбу свою любовь и преданность: одни обнимали его, другіе цѣловали его руки, а тѣ, которые недавно еще оскорбляли его ропотомъ и недовѣріемъ, со слезами умоляли о прощеніи.

Жители острова, завидя въ утреннемъ полусвѣтѣ корабли, приняли ихъ сначала за чудовищъ, вынырнувшихъ ночью изъ морской глубины. Быстрое движеніе судовъ безъ видимыхъ усилій, паруса, напоминавшіе собою крылья громадной птицы, приводили дикарей въ крайнее изумленіе. Но когда они увидѣли, что изъ лодокъ выходятъ какіе-то диковинные бѣлые люди въ блестящихъ одеждахъ, тогда бросились бѣжать въ лѣсъ. Впрочемъ, черезъ нѣсколько времени они ободрились и стали понемногу приближаться къ испанцамъ, выражая глубочайшее благоговѣніе, падая на колѣни и простирая руки къ невѣдомымъ пришельцамъ, которыхъ они, казалось, приняли за боговъ, спустившихся съ голубаго неба на землю.

Внѣшность дикарей не выказывала ни богатства, ни образованія. Они были безъ одежды и раскрашены яркими красками; цвѣтъ ихъ кожи напоминалъ цвѣтъ мѣди, а бородъ у нихъ вовсе не было; волосы на головѣ были гладки и длинны; черты лица довольно пріятны.

Такъ какъ Колумбъ все продолжалъ думать, что онъ пріѣхалъ къ одному изъ индѣйскихъ острововъ, то и назвалъ этихъ жителей индѣйцами. Это имя такъ и осталось за жителями Америки, и даже острова, открытые Колумбомъ, до сихъ поръ называются Западною Индіею, въ отличіе отъ Восточной Индіи, до которой отъ Америки еще очень далеко.

Дикари были очень просты и добродушны, вооружены только копьями, въ концы которыхъ, вмѣсто желѣзныхъ наконечниковъ, были вдѣланы камни, зубы животныхъ и рыбьи кости. Желѣза дикари, казалось, никогда не видали и, хватаясь неосторожно, какъ дѣти, за блестящіе мечи, обрѣзывали себѣ руки. Они придавали величайшую цѣнность самымъ пустымъ подаркамъ и съ восторгомъ принимали отъ испанцевъ стеклянныя бусы и разноцвѣтные камешки, предлагая въ обмѣнъ попугаевъ и вкусные плоды. Но вниманіе испанцевъ было устремлено на небольшія золотыя украшенія, которыя у нѣкоторыхъ изъ дикарей были продѣты въ носъ. Ди-

кари охотно мѣняли эти украшенія на бусы и маленькіе колокольчики, удивляясь простотѣ испанцевъ, и знаками объясняли Колумбу и его спутникамъ, что къ западу отъ ихъ острова, есть большая земля, гдѣ много золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ.

Запасшись прѣсною водою, адмиралъ пустился далѣе и, плавая между множествомъ роскошныхъ острововъ, не хотѣлъ пристать ни къ одному изъ нихъ, жаждая большихъ открытій. Наконецъ, 28-го ноября, приблизился онъ къ большому острову Кубѣ и бросилъ якорь въ устьѣ прекрасной рѣки. Жители при приближеніи кораблей покинули свои хижины и разбѣжались. Адмиралъ посѣтилъ двѣ изъ этихъ хижинъ и нашелъ въ нихъ бѣдное имущество: пару сѣтей, сплетенныхъ изъ волоконъ пальмы, крючки, багры изъ костей и, кромѣ того, собакъ, замѣчательныхъ тѣмъ, что онѣ никогда не лаютъ. Плывя вверхъ по рѣкѣ, испанцы видѣли роскошные пальмовые лѣса, покрытые плодами и цвѣтами; огромными листьями этихъ пальмъ индѣйцы покрывали свои хижины.

Колумбъ былъ въ восторгѣ и въ своемъ дневникѣ не можетъ нахвалиться прелестями открытой имъ страны. По его словамъ, эти чудныя тропическія страны поражаютъ дивнымъ разнообразіемъ и роскошью растительности. Зелень лѣсовъ и краски цвѣтовъ на поляхъ и на деревьяхъ кажутся необыкновенно яркими въ этомъ прозрачномъ воздухѣ, подъ этимъ яснымъ, синимъ небомъ; лѣса оживлены множествомъ птицъ съ яркими, роскошными перьями; пестрые попугаи мелькаютъ въ темной зелени деревьевъ; крошечныя колибри, похожія на кусочки разбитой радуги, перепархиваютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ; ряды ярко-красныхъ птицъ (фламинго) показываются иногда вдали; милліоны блестящихъ, какъ бриліанты, насѣкомыхъ сверкаютъ въ воздухѣ; разноцвѣтныя, пестрыя рыбы наполняютъ воды и у иныхъ изъ этихъ рыбъ чешуя отливаетъ, подъ лучами яркаго солнца, то драгоцѣнными каменьями, то золотомъ, то серебромъ. Необыкновенная прозрачность Антильскаго моря, со дна котораго индѣйцы доставали драгоцѣнныя жемчужины, поражала испанцевъ. Словомъ Куба показалась Колумбу земнымъ раемъ.

Послѣ этого онъ открылъ еще нѣсколько прекрасныхъ острововъ и на одномъ изъ нихъ, который былъ названъ Испаньолой, или маленькой Испаніей, выстроилъ крѣпость и основалъ первую испанскую колонію.

Оставивъ въ новой крѣпости 30 человѣкъ своихъ спутниковъ, Колумбъ отправился назадъ въ Испанію. На дорогѣ онъ вытерпѣлъ до того сильную бурю, что уже потерялъ надежду спастись, а потому написалъ извѣстіе о своемъ открытіи на сверткѣ пергамента, вложилъ этотъ свертокъ въ бутылку и, закупоривъ ее плотно, пустилъ въ море. Однакоже буря миновалась, и 14 марта, при звонѣ всѣхъ колоколовъ, флотъ Колумба въѣхалъ въ Палосскую гавань. Король и королева приняли Колумба съ

величайшими почестями, возвели его въ достоинство гранда и назначили вице-королемъ новооткрытыхъ земель.

Мы не будемъ разсказывать въ подробности всей дальнѣйшей исторіи Колумба. Скажемъ только, что онъ предпринималъ еще нѣсколько экспедицій въ Новый Свѣтъ, пытаясь найти дорогу въ Восточную Индію, но не успѣлъ въ этомъ. Великій человѣкъ въ продолженіи остальной своей жизни много вынесъ отъ зависти и неблагодарности людей. Разъ даже король, повѣривъ наушникамъ, назначилъ другаго вице-короля и послалъ его смѣнить Колумба. Бобадилла, такъ звали этого злаго человѣка, прибывъ въ Гиспаньолу, заковалъ въ цѣпи Колумба и двухъ его братьевъ и въ такомъ видѣ отослалъ ихъ въ Испанію. Колумбъ оправдался; но никогда не могъ забыть страшнаго оскорбленія и, умирая, завѣщалъ положить къ себѣ въ гробъ цѣпи, которыми былъ скованъ.

Колумбъ умеръ 15 мая 1506 года въ бѣдности, преслѣдуемый злобой и неблагодарностью. Тѣло его, по завѣщанію, было перевезено на Сентъ-Доминго; но потомъ, когда Сентъ-Доминго былъ уступленъ французамъ, тѣло Колумба перевезли на островъ Кубу.

ВАСКО-ДЕ-ГАМА.

Колумбъ, какъ мы видѣли, поѣхалъ открывать путь въ Восточную Индію, а вмѣсто того открылъ Новый Свѣтъ, Америку. Въ это же самое время португальцы, тоже народъ предпріимчивый и торговый, старались пробраться въ Индію другимъ путемъ, а именно объѣхавъ вокругъ Африку.

Придерживаясь африканскихъ береговъ, португальцамъ уже удавалось забираться далеко на югъ, но никто изъ нихъ не рѣшался окончить предпріятія. Наконецъ король португальскій, Эмануилъ-Великій, снарядилъ четыре корабля и отдалъ ихъ въ распоряженіе опытному и умному мореходцу, по имени Васко-де-Гама. Выборъ короля палъ на достойнаго человѣка.

9-го іюля 1497 года Васко-де-Гама со своимъ небольшимъ флотомъ вышелъ изъ лиссабонской гавани и направился къ югу. Противный вѣтеръ задерживалъ мореходцевъ, и только 20-го ноября обогнули они южную оконечность Африки, мысъ Доброй-Надежды, и поворотили къ сѣверо-востоку. Васко-де-Гама также, какъ и Колумбъ, терпѣлъ много отъ недовѣрія и упрямства своихъ подчиненныхъ; но также имѣлъ довольно ума и силы характера, чтобы преодолѣть это упрямство. Попутный вѣтеръ принесъ наконецъ португальцевъ къ тому мѣсту, гдѣ нынѣ находится Софалъ. Въ началѣ марта 1498 года достигли они Зангвебарскаго берега Африки. Здѣсь ждала португальцевъ другая опасность: арабы или, какъ ихъ еще называютъ, мавры, жившіе и торговавшіе на этомъ берегу, узнали въ португальцахъ тотъ самый народъ, который такъ храбро и упорно сражался съ ними на сѣверномъ берегу Африки. Ненависть къ христіанамъ, а болѣе

всего опасеніе, чтобы богатая индѣйская торговля не перешла въ руки европейцевъ, заставила мавровъ возбуждать въ жителяхъ африканскихъ береговъ недовѣріе къ новымъ пришельцамъ.

Надобно замѣтить, что столѣтій черезъ шесть послѣ Рождества Христова, одинъ предпріимчивый арабъ, по имени Магометъ, выдавая себя за пророка, успѣлъ основать сильное и воинственное государство въ Аравіи. Государство это скоро распространило свои предѣлы завоеваніями, и мало по малу владычество *магометанъ* установилось не только во всей западной Азіи, но даже въ Египтѣ, на сѣверныхъ берегахъ Африки и въ Европѣ, гдѣ магометане завоевали Грецію и весь Балканскій полуостровъ. Съ этимъ вмѣстѣ вся индѣйская торговля перешла тогда въ руки магометанъ, такъ что испанцы, португальцы и жители торговыхъ городовъ Италіи, Венеціи, Генуи и др. вели торговлю съ Индіею не иначе, какъ черезъ посредство магометанъ. Сообразивъ все это, мы поймемъ, почему маврамъ такъ непріятно было видѣть, что смѣлая толпа христіанъ, обогнувъ Африку, сама, безъ ихъ посредства, пробирается въ богатую Индію. Много нужно было мужества и ума предпріимчивому португальскому адмиралу, чтобы преодолѣть всѣ тѣ препятствія и опасности, которыя выставляли ему мавры вездѣ, какъ только онъ приставалъ гдѣ нибудь къ африканскому берегу. Но уже дорога въ Индію была найдена, и 20-го мая прибылъ Васко-де-Гама въ Каликутъ, цвѣтущій городъ на Малабарскомъ берегу Индіи, гдѣ въ то время сосредоточивалась торговля Индіи, Аравіи и восточнаго берега Африки. Здѣсь также португальцы были встрѣчены враждебными маврами; но адмиралу удалось пріобрѣсть благосклонность государя этой страны.

Довольный сдѣланными открытіями, Васко-де-Гама отправился назадъ и въ сентябрѣ 1499 года прибылъ въ Лиссабонъ, гдѣ король осыпалъ его милостями. Въ другую свою экспедицію, по тому же пути, Васко-де-Гама основалъ на восточномъ берегу Африки двѣ португальскія колоніи: Мозамбикъ и Софалъ, которыя существуютъ и до настоящаго времени. Силою оружія наказалъ онъ мавровъ, строившихъ ему козни, и вошелъ въ дружескія сношенія со многими индѣйскими государями. Исполнивъ все это въ самое короткое время, Васко-де-Гама въ декабрѣ 1503 года возвратился въ Лиссабонъ съ тринадцатью богато-нагруженными судами.

Вскорѣ послѣ того Васко-де-Гама назначенъ былъ вице-королемъ португальскихъ владѣній въ Азіи. Онъ умеръ въ Индіи, въ 1534-мъ году. Тѣло его было перевезено въ Португалію и предано землѣ съ большими почестями, посреди огромнаго стеченія народа, которому геніальный человѣкъ подарилъ богатую, чрезвычайно выгодную торговлю.

Васко-де-Гама отличался необыкновеннымъ умомъ, присутствіемъ духа, честностію, непоколебимою вѣрностью своему слову и истиннымъ благочестіемъ. Его подвиги воспѣлъ одинъ великій португальскій поэтъ Камоэнсъ.

МАГЕЛЛАНЪ.

Великія открытія сдѣлали Колумбъ и Васко-де-Гама; но ни тотъ, ни другой не объѣхали вокругъ земнаго шара. Это предстояло сдѣлать третьему великому путешественнику, испанскому моряку, Фердинанду Магеллану, который, впрочемъ, по рожденію былъ португалецъ. Магеллану пришло въ голову выполнить мысль, невыполненную Колумбомъ, и отправившись изъ Испаніи на западъ, доѣхать до Восточной Индіи, обогнувъ Америку съ юга. Онъ изложилъ свой планъ испанскому королю Карлу V-му и этотъ государь далъ Магеллану всѣ средства для достиженія великой цѣли.

Утромъ 20-го сентября 1519 года, Магелланъ съ пятью кораблями оставилъ испанскіе берега и поплылъ сначала по тому самому пути, по которому, какъ мы видѣли, плылъ Колумбъ; но, доплывая до Америки, повернулъ къ югу и направился вдоль береговъ Южной Америки, заходя иногда въ устья ея большихъ рѣкъ. Вѣтеръ дулъ попутный; но, несмотря на это, только въ декабрѣ слѣдующаго года флотъ Магеллана сталъ подходить къ южной оконечности Америки, проплывъ отъ Испаніи около шести тысячъ верстъ.

Экипажъ, столь давно оставившій родину, много терпѣлъ отъ суровости климата и недостатка провизіи. Моряки были недовольны; недовольство скоро превратилось въ ропотъ, а ропотъ въ открытое возмущеніе: только необыкновенное мужество, присутствіе духа и твердость спасли Магеллана. Онъ унялъ бунтъ и заставилъ своихъ подчиненныхъ плыть далѣе.

Въ послѣднихъ числахъ того же мѣсяца флотъ Магеллана въѣхалъ въ тотъ проливъ, который отдѣляетъ материкъ Америки отъ острова Огненной Земли. Высокія горы стояли по обѣимъ сторонамъ пролива; но плыть было свободно, и скоро испанцы вышли изъ пролива въ огромный океанъ, который, какъ вы видите на картѣ, лежитъ по ту сторону Америки, занимаетъ болѣе половины земнаго шара и идетъ до береговъ Азіи или Стараго Свѣта. Отыщите на картѣ маленькій американскій полуостровъ Калифорнію, на которомъ недавно еще нашли такъ много золота, и найдите въ Старомъ Свѣтѣ Китай: отъ береговъ Китая до береговъ Калифорніи около тринадцати тысячъ верстъ. Теперь вы поймете, что это океанъ не маленькій. Четыре мѣсяца плылъ по немъ Магелланъ, не видя нигдѣ земли. Погода все это время была такъ хороша и такъ тиха, что Магелланъ назвалъ это огромное собраніе воды Тихимъ океаномъ; а проливъ, которымъ испанцы проѣхали въ Тихій океанъ, назвали потомъ, въ память смѣлаго мореходца, Магелановымъ проливомъ. И надобно согласиться, что стоило сдѣлать безсмертнымъ имя Магеллана. Теперь, правда, плаваютъ по Тихому океану очень покойно и очень скоро; но теперь всякій матросъ знаетъ, что ждетъ его впереди; а тогда не знали этого ни капитанъ, ни матросы и, пожалуй, многіе

изъ нихъ думали, что вотъ—доплывутъ до края земли, да и свалятся куда-нибудь въ бездонную пропасть. Надобно имѣть много смѣлости, чтобы четыре мѣсяца плыть, не зная куда, не видя земли, и все идти впередъ, да впередъ!

Первая земля, до которой въ Тихомъ океанѣ достигъ маленькій флотъ, оказалась группою острововъ, обитаемыхъ дикарями. Эти дикари были большіе охотники до чужихъ вещей, а потому Магелланъ и самые острова назвалъ Воровскими, или Разбойничьими. Отъ Разбойничьихъ острововъ смѣлый морякъ опять отправился далѣе на западъ и скоро достигъ другой группы острововъ, которые назвалъ Филиппинскими. На Филиппинскихъ островахъ король тамошнихъ дикарей принялъ Магеллана очень ласково и просилъ его помочь ему въ войнѣ съ другимъ сосѣднимъ королемъ, обѣщая за это принять христіанство и признать своимъ властителемъ короля Испаніи. Магелланъ согласился и съ частью матросовъ высадился на островъ, гдѣ жилъ тотъ король, съ которымъ онъ обѣщалъ воевать. Но едва испанцы вступили на враждебную землю, какъ были окружены огромною толпою дикарей, которые смѣло встрѣтили враговъ камнями, стрѣлами, дубинами. Испанцы, слышавшіе отъ прежнихъ путешественниковъ, какъ дикари, не зная употребленія пороха, боятся огнестрѣльнаго оружія, смѣло подвигались впередъ. Но на этотъ разъ дикари не испугались и такъ храбро защищали свою землю, что испанцы, видя какъ мало у нихъ остается зарядовъ, начали отступать. Какъ только дикари замѣтили это, то напали вдвое яростнѣе; испанцы спѣшили добраться до лодокъ. Корабельныя пушки однѣ могли бы устрашить дикихъ; но, къ несчастью, корабли, по причинѣ мели, стояли слишкомъ далеко отъ берега. Смѣлый Магелланъ шелъ тише всѣхъ, защищаясь какъ левъ, и только приказывалъ своимъ товарищамъ спасаться. Дикари замѣтили Магеллана, догадались, что это должно быть начальникъ и осыпали его градомъ стрѣлъ и копій. Скоро Магелланъ, пораженный дубиною въ ноги, упалъ и былъ убитъ. Король же, за котораго Магелланъ потерялъ свою жизнь, поступилъ какъ настоящій дикарь и язычникъ: забылъ всѣ свои обѣщанія и измѣнически перебилъ тѣхъ изъ испанцевъ, которые возвратились на его острова.

Когда испанцы, оставшіеся на корабляхъ, узнали печальную судьбу своихъ товарищей и своего капитана, то рѣшились, такъ какъ ихъ было слишкомъ мало, чтобы управлять тремя кораблями, сжечь одинъ изъ нихъ и идти далѣе. Скоро они достигли Молукскихъ острововъ и были ласково приняты тамошнимъ королемъ. Здѣсь корабли разстались: одинъ изъ нихъ попробовалъ было воротиться въ Европу мимо Америки, но попалъ въ руки враждебныхъ португальцевъ; другой же, подъ начальствомъ Себастіана дель-Кано, проѣхавъ мимо мыса Доброй-Надежды, возвратился въ Испанію 6-го сентября 1522 года. Такимъ образомъ совершилось первое кругосвѣтное плаваніе, доказавшее, что землю можно объѣхать вокругъ. Корабль, на

которомъ было сдѣлано это первое *кругосвѣтное* путешествіе, назывался Витторія (по-испански—побѣда). Испанцы вытащили его на берегъ и хранятъ теперь, какъ память о замѣчательномъ подвигѣ ихъ предковъ.

Въ настоящее время кругосвѣтное путешествіе не рѣдкость: множество кораблей и пароходовъ, уже изъ однѣхъ торговыхъ выгодъ, безпрестанно обходятъ землю вокругъ. Особенно часто совершаютъ это путешествіе англійскіе корабли, которые, отправляясь изъ *метрополіи*, идутъ мимо мыса Доброй-Надежды въ англійскія же *колоніи*, находящіяся въ Австраліи, плывутъ потомъ по Тихому океану, и черезъ Магеллановъ проливъ, мимо мыса Горна, выходятъ въ Атлантическій океанъ; а тамъ уже прямая дорога до Англіи.

КАПИТАНЪ КУКЪ.

Изъ всѣхъ знаменитыхъ мореплавателей, открытія которыхъ распространили наши познанія о поверхности земнаго шара, едва ли кто нибудь, за исключеніемъ Колумба, прибавилъ столько новыхъ географическихъ свѣдѣній, какъ капитанъ Джемсъ Кукъ. Дважды онъ объѣхалъ земной шаръ по морямъ, тогда почти еще неизвѣстнымъ, и только смерть, постигшая его на отдаленномъ островѣ Тихаго океана, помѣшала ему совершить третье кругосвѣтное путешествіе; кромѣ того, жизнь капитана Кука замѣчательна еще и потому, что въ ней мы видимъ примѣръ, какъ умъ и прилежаніе, постоянство и сила характера могутъ торжествовать надъ всякаго рода препятствіями.

Джемсъ Кукъ родился въ одной англійской деревнѣ 27 октября 1728 года. Родители его были люди очень бѣдные и не могли дать сыну хорошаго воспитанія. Едва выучившись читать и писать, молодой Кукъ поступилъ сидѣльцемъ въ лавку одного мелкаго торговца, жившаго въ приморскомъ городѣ. Должность сидѣльца, конечно, не представляла ничего привлекательнаго для молодаго человѣка, и хотя онъ исполнялъ ее очень добросовѣстно, но часто заглядывался на безграничный океанъ и съ жаднымъ любопытствомъ провожалъ взорами каждый парусъ, скрывавшійся за горизонтомъ.

По смерти отца, Кукъ оставилъ должность сидѣльца и опредѣлился простымъ матросомъ на одинъ купеческій корабль. Мечта его наконецъ исполнилась: онъ былъ на кораблѣ; но, увы, на такомъ кораблѣ, который плавалъ постоянно по одному направленію, возлѣ береговъ, перевозя каменный уголь изъ одного мѣста въ другое. Новая должность была не многимъ веселѣе прежней; но за то гораздо труднѣе. Нельзя не удивляться, какъ молодой Кукъ, пробывъ въ такой тяжелой должности около двѣнадцати лѣтъ и находясь постоянно въ обществѣ грубыхъ и необразованныхъ матросовъ, не потерялъ охоты и способности къ ученью. Напротивъ, суровая жизнь матроса была лучшею школою для будущаго великаго мореплавате-

ля; онъ пріобрѣлъ въ ней смѣтливость, опытность въ морскомъ дѣлѣ, привычку къ трудамъ и лишеніямъ и желѣзную твердость характера.

При первомъ представившемся случаѣ Кукъ бросилъ купеческій корабль и перешелъ въ службу на военное судно, гдѣ умъ, прилежаніе и опытность необыкновеннаго матроса скоро обратили на него вниманіе начальства. Получая повышеніе за повышеніемъ и вездѣ обнаруживая свои способности, знаніе и твердость характера, Кукъ черезъ нѣсколько лѣтъ занялъ уже довольно важное мѣсто въ англійскомъ флотѣ и воспользовался первымъ свободнымъ временемъ, чтобы пополнить недостатокъ первоначальнаго воспитанія. Будучи уже сорока лѣтъ, Кукъ принялся изучать геометрію и астрономію, убѣдившись опытомъ въ необходимости этихъ наукъ для моряка, не пренебрегалъ и литературою и, читая сочиненія лучшихъ англійскихъ писателей, скоро самъ привыкъ излагать свои мысли правильно и ясно.

Кукъ на практикѣ доказалъ, что учиться никогда не поздно, и скоро такъ успѣлъ въ астрономіи, что сдѣланныя имъ въ Америкѣ наблюденія надъ солнечнымъ затмѣніемъ обратили на наблюдателя вниманіе лучшихъ астрономовъ Англіи. Эти наблюденія и молва о твердомъ характерѣ и добросовѣстности Кука, побудили одно англійское ученое общество назначить его начальникомъ экспедиціи, отправляемой въ южное полушаріе для нѣкоторыхъ астрономическихъ наблюденій и открытій новыхъ земель. Нечего говорить, что Кукъ, у котораго страсть къ далекимъ путешествіямъ не только не остыла съ годами, но еще болѣе усилилась, принялъ съ восторгомъ предложеніе общества.

23 августа 1768 года корабль, по названію „Попытка,“ на которомъ Кукъ былъ капитаномъ, поднялъ паруса и вышелъ изъ плимутской гавани. Обогнувъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мысъ Горнъ, Кукъ только въ апрѣлѣ слѣдующаго года бросилъ якорь у острова *Отаити,* лежащаго на Тихомъ океанѣ. Окончивъ здѣсь всѣ предписанныя ему астрономическія наблюденія, капитанъ отправился далѣе и вскорѣ открылъ цѣлую группу маленькихъ острововъ, которымъ далъ названіе острововъ *Товарищества,* въ честь общества, или товарищества, снарядившаго экспедицію. Вслѣдъ за этимъ, повернувъ къ юго-западу, Кукъ открылъ два большіе острова, которымъ далъ названіе *Новой-Зеландіи.* Узкій проливъ, раздѣляющій эти два острова, и теперь называется проливомъ Кука. Описавъ эти острова, на что потребовалось болѣе шести мѣсяцевъ, капитанъ поплылъ обратно и едва было не погибъ въ Ботанибейскомъ заливѣ, гдѣ корабль его попалъ на кораловый *рифъ.* Отсюда, мимо сѣверныхъ береговъ Австраліи, черезъ Торрессовъ проливъ, достигъ Кукъ Индѣйскаго архипелага и датскихъ поселеній въ Батавіи, и наконецъ, мимо мыса Доброй-Надежды, воротился въ Англію, сдѣлавъ множество открытій, важность которыхъ была оцѣнена только впослѣдствіи.

Въ слѣдующемъ же году, капитанъ Кукъ, командуя двумя кораблями,

снова отправился на открытія, съ порученіемъ объѣхать землю вокругъ и подойти, какъ можно ближе, къ южному полюсу. Кукъ отправился къ югу, но проплавалъ нѣсколько мѣсяцевъ вблизи полярныхъ льдовъ и, не находя нигдѣ земли *), поворотилъ на сѣверъ, посѣтилъ открытые имъ прежде острова Товарищества, описалъ множество острововъ, открытыхъ прежде, открылъ снова нѣсколько маленькихъ острововъ и одинъ очень большой, которому далъ имя *Новой-Каледоніи*. Отсюда Кукъ повернулъ снова на югъ, сдѣлавъ еще нѣсколько открытій, мимо южной оконечности Америки и мыса Горна, прошелъ въ Атлантическій океанъ и воротился въ Англію, потерявъ во все время путешествія одного только матроса, не смотря на долгое плаваніе у полярныхъ льдовъ.

На родинѣ Кукъ получилъ прекрасное мѣсто и пользовался великою извѣстностью; но онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые, добившись хорошаго положенія, наслаждаются потомъ спокойно плодами своихъ трудовъ, и въ слѣдующемъ же году предложилъ свои услуги для новаго кругосвѣтнаго плаванія. Онъ убѣдился уже, что у южнаго полюса нѣтъ сколько нибудь значительной и интересной земли; но сѣверный полюсъ оставался для него еще тайною, и Кукъ надѣялся открыть сѣверный морской проходъ изъ Тихаго океана въ Атлантическій, чего никому еще не удавалось, не смотря на смѣлыя попытки многихъ мореплавателей и богатую премію, назначенную за этотъ подвигъ англійскимъ правительствомъ.

Кукъ самъ заботился о снаряженіи двухъ своихъ кораблей и даже взялъ съ собою нѣсколько штукъ рогатаго скота и барановъ, чтобы высадить ихъ на берега различныхъ острововъ. Замѣтимъ при этомъ, что много разъ бѣдствующія суда благодарили Кука за эту умную предусмотрительность. 12-го іюля 1786 года Кукъ покинулъ, и въ этотъ разъ уже навсегда, берега своей родины. Когда экспедиція, уже въ слѣдующемъ году, достигла Тихаго океана, то было слишкомъ поздно, чтобы предпринять путешествіе на сѣверъ. Не теряя даромъ времени, Кукъ описалъ въ подробности безчисленные острова Товарищества и, когда пришло время, отправился къ сѣверному полюсу. Открывъ по пути группу *Сандвичевыхъ* острововъ, Кукъ уже въ мартѣ мѣсяцѣ прибылъ къ берегамъ Сѣверной Америки и только въ августѣ вошелъ въ Беринговъ проливъ. Но напрасно старался смѣлый мореплаватель проникнуть за Беринговымъ проливомъ далѣе на западъ или на востокъ: массы льда, безпрестанныя бури и противные вѣтры заставили его удовольствоваться описаніемъ береговъ и воротиться назадъ на Сандвичевы острова, въ ожиданіи будущей весны. Но на этихъ островахъ ожидалъ Кука печальный конецъ. На островѣ Овайги началась у англичанъ ссора съ дикарями, которые безсовѣстно обкрадывали моряковъ, и въ этой

*) Теперь уже открыты здѣсь берега большой, но пустынной, никогда не стаивающей, земли.

ссорѣ, перешедшей скоро въ кровопролитную драку, знаменитый Кукъ былъ убитъ. Такъ неожиданно погибъ, въ 1788-мъ году, этотъ замѣчательный человѣкъ, подарившій Англію множествомъ новыхъ земель, а всѣхъ насъ множествомъ новыхъ географическихъ свѣдѣній.

НЕБЕСНЫЙ СВОДЪ.

Когда мы стоимъ у себя въ комнатѣ, то подъ ногами нашими находится полъ, а надъ головою потолокъ. Но когда выйдемъ на улицу, въ садъ или на поле, то подъ ногами нашими будетъ земля, а надъ головою небо: не низкій потолокъ, который иногда не трудно достать и рукою, но громадно-высокій, чистый какъ хрусталь, голубой сводъ.

На этомъ высокомъ, дивно-прекрасномъ сводѣ мы видимъ множество замѣчательныхъ явленій: днемъ—ярко блистающее солнце, ночью—кротко сіяющую луну, миріады весело сверкающихъ звѣздъ и изрѣдка, въ иные года, замѣчаемъ между звѣздами бродячую комету съ ея длиннымъ хвостомъ, который такъ пугаетъ суевѣрныхъ людей. Кромѣ того почти всегда носится по небу множество измѣнчивыхъ облаковъ, то темныхъ, лиловыхъ или синеватыхъ, то будто вылитыхъ изъ серебра, то отливающихъ, подъ лучами восходящаго или заходящаго солнца, пурпуромъ и золотомъ. Нерѣдко въ облакахъ мы видимъ сверкающую молнію, а послѣ дождя часто тѣшитъ наши взоры великолѣпная радуга: будто разноцвѣтная арка какихъ-то громадныхъ торжественныхъ воротъ, протягивается она красивою дугою черезъ весь небесный сводъ, упираясь концами въ края земли, обнятой со всѣхъ сторонъ голубымъ небомъ.

Если мы стоимъ на совершенно ровномъ полѣ и ни что не мѣшаетъ нашему взору, ни дома, ни лѣса, ни горы, то намъ кажется, что вездѣ небесный сводъ своими краями упирается въ землю, какъ круглая чаша, опрокинутая на столъ; а та черта, въ которой небо сходится съ землею, кажется намъ громаднымъ кругомъ, *посреди* котораго мы стоимъ. Но этотъ кругъ, называемый *горизонтомъ*—какой-то заколдованный кругъ: идите, куда хотите, летите за тысячи верстъ, и вы не только не выйдете изъ этого круга, но будете всегда находиться какъ-разъ посерединѣ его. Куда ни заѣзжалъ человѣкъ, вездѣ онъ видѣлъ небесный сводъ, подымающійся высоко надъ головою и себя въ серединѣ горизонта, какъ-разъ подъ самою высокою точкою свода. Наконецъ, объѣхавъ вокругъ весь земной шаръ, люди окончательно убѣдились, что нигдѣ небо съ землею не сходится, и что слѣдовательно, оно только кажется намъ сводомъ; на самомъ же дѣлѣ вовсе не сводъ, а просто прозрачный воздухъ, обливающій землю со всѣхъ сторонъ, который въ огромной массѣ (*атмосфера* имѣетъ верстъ пятьдесятъ въ толщину) кажется намъ голубымъ. Сквозь этотъ голубоватый воздухъ мы видимъ солнце, луну и звѣзды; облака же не ходятъ по небу, а пла-

ваютъ въ воздухѣ. Что же касается до радуги, то она вовсе не упирается въ землю своими концами, не пьетъ воды, какъ думаютъ иногда дѣти, и есть ни что иное, какъ преломленіе солнечныхъ лучей въ дождевыхъ капляхъ. Поставьте графинъ съ водою на окошко, въ которое смотритъ солнце, и вы увидите кусочикъ радуги на подоконникѣ. Брызнувъ водою, можно иногда замѣтить въ солнечный день, какъ въ брызгахъ сверкнетъ на мгновеніе разноцвѣтная радуга. Слѣдовательно радуга только кажется намъ дугою, а небо—только кажется намъ сводомъ.

ДВИЖЕНІЕ ЗЕМЛИ.

Паровозъ движется въ десять разъ быстрѣе, чѣмъ можетъ идти человѣкъ; но еслибы вокругъ земнаго шара была обведена желѣзная дорога, то паровозъ, ѣдучи день и ночь, не останавливаясь ни на минуту, объѣхалъ бы землю дней въ тридцать; потому что земной шаръ въ поперечникѣ имѣетъ около 12-ти тысячъ верстъ, а въ окружности болѣе 37-ми тысячъ. Шаръ немаленькій! По вычисленію же ученыхъ земля, со всѣми своими камнями и металлами, гораздо тяжелѣе гранита и всякаго другаго камня, хотя и легче желѣза. Можете же себѣ представить, какова должна быть тяжесть такого шара въ тридцать семь тысячъ верстъ въ окружности. Но, объѣхавъ всю землю вокругъ, люди нигдѣ не замѣтили подставокъ, на которыхъ этотъ тяжелый шаръ могъ бы держаться, и убѣдились, что вокругъ земли вездѣ воздухъ, а за нимъ пустое пространство.

Въ этомъ безграничномъ пространствѣ *вселенной*, земля не остается на одномъ мѣстѣ; но, постоянно вращаясь вокругъ самой себя, какъ мячикъ, брошенный въ воздухъ, въ тоже самое время обходитъ или, какъ говорятъ, описываетъ около солнца громадный кругъ, болѣе чѣмъ въ 1000 милліоновъ верстъ въ окружности. Вокругъ самой себя земля оборачивается въ двадцать четыре часа; вокругъ солнца успѣваетъ обойти только въ триста шестьдесятъ пять дней и шесть съ лишнимъ часовъ, хотя въ каждую минуту пробѣгаетъ болѣе 1800 верстъ. Но отчего же мы не замѣчаемъ, что земля мчится съ такою ужасною быстротою? Именно потому, что земля несется въ пустомъ пространствѣ, гдѣ ей не за что задѣть, не за что зацѣпиться; а останови ее что нибудь въ ея быстромъ полётѣ, хотя на мгновеніе, то отъ страшнаго сотрясенія погибло бы не только все живущее на землѣ, но и она сама разсыпалась бы въ куски. Если же мы при такой быстротѣ движенія земли не задыхаемся, то единственно обязаны этимъ тому, что вмѣстѣ съ нею движется и воздухъ или *атмосфера*, окружающая землю прозрачнымъ слоемъ, верстъ въ пятьдесятъ толщиною.

Мы несемся и вертимся вмѣстѣ съ землею и съ ея атмосферою; но совершенно не замѣчаемъ этого и намъ кажется, наоборотъ, что солнце ходитъ по небу, а земля стоитъ. Кому случалось быстро плыть въ лодкѣ или,

еще лучше, на пароходѣ, тотъ, вѣроятно, замѣчалъ, какъ убѣгаютъ берега въ противоположную сторону, хотя въ дѣйствительности бѣгутъ не берега, а пароходъ, на которомъ мы плывемъ. Точно также, обращаясь съ запада на востокъ, вмѣстѣ съ землею, мы видимъ, что солнце какъ будто идетъ съ востока на западъ. Но, посмотрѣвъ на колеса парохода, на воду, которую они разсѣкаютъ, мы убѣждаемся, что движется пароходъ, а не берега; тогда какъ ничто подобное не можетъ убѣдить насъ въ движеніи земли; потому что все, что есть на ней, вращается и несется въ пространствѣ вмѣстѣ съ нею.

Подумавъ хорошенько обо всемъ этомъ, мы будемъ изумляться не тому, что люди нѣсколько тысячъ лѣтъ считали землю неподвижною; но тому, какъ они узнали наконецъ, что земля движется, измѣрили ея величину, свѣсили ея тяжесть, вычислили быстроту, съ которою она ворочается вокругъ самой себя и мчится вокругъ солнца, и опредѣлили даже количество верстъ въ громадномъ кругѣ, который она описываетъ. И дѣйствительно, люди, открывшіе эти истины, были великіе, геніальные люди.

ПИѲАГОРЪ.

Первый, кому пришла въ голову мысль, что земля движется, былъ великій греческій мудрецъ, по имени Пиѳагоръ, жившій болѣе чѣмъ за пятьсотъ лѣтъ до Р. Хр. Въ молодости своей Пиѳагоръ много путешествовалъ и повсюду прилежно узнавалъ все, что знали другіе люди, и внимательно наблюдалъ все, что ему встрѣчалось. Возвратившись на родину, въ Грецію, Пиѳагоръ собралъ вокругъ себя множество учениковъ и передавалъ имъ много очень умныхъ мыслей; между прочимъ говорилъ онъ также и о томъ, что земля не стоитъ неподвижно, а вертится; что отъ этого происходятъ на землѣ день и ночь, и что, когда какое нибудь мѣсто земнаго шара повертывается къ солнцу, тогда на этомъ мѣстѣ начинается день, а когда оно уходитъ изъ подъ лучей солнца, тогда на этомъ мѣстѣ начинается ночь.

Пиѳагоръ велъ самую строгую жизнь, былъ умѣренъ въ удовольствіяхъ и хотя былъ язычникъ, но вѣрилъ въ безсмертіе души, во всемогущество и благость Божію; а потому спокойно ожидалъ будущаго и хладнокровно переносилъ мелкія несчастья жизни. Поэтому неудивительно, что онъ жилъ очень долго, хотя подъ старость терпѣлъ много отъ несправедливости людей и, какъ говорятъ, умеръ въ страшной бѣдности, почти отъ голода. Но если это и правда, то все же можно позавидовать участи великаго мудреца, который отъ своихъ знаній получалъ столько истиннаго счастья, сколько не можетъ получить самый богатый человѣкъ отъ своихъ богатствъ.

КОПЕРНИКЪ.

Не смотря на слова Пиѳагора, люди, не вѣрили въ движеніе земли очень долго, и прошло около двухъ тысячъ лѣтъ, пока явился другой человѣкъ,

подтвердившій истину, открытую греческимъ мудрецомъ. Въ началѣ XV-го столѣтія одинъ католическій священникъ, по имени Коперникъ, родомъ изъ Польши, жившій въ нѣмецкомъ городѣ Фрауэнбургѣ, сталъ наблюдать надъ движеніемъ солнца и звѣздъ и пришелъ къ тому убѣжденію, что земля кажущаяся неподвижною, безпрерывно обращается, какъ колесо, вокругъ своей оси и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мчится вокругъ солнца и что вокругъ него, кромѣ земли, обращаются еще и нѣкоторыя другія звѣздочки. Эти движущіяся звѣзды, въ отличіе отъ *неподвижныхъ*, необращающихся вокругъ нашего солнца, названы были *планетами*. Коперникъ изложилъ свои наблюденія въ особомъ сочиненіи и вскорѣ послѣ того, а именно въ 1543 году, умеръ, прежде чѣмъ мысли его стали извѣстны повсюду. Домъ, въ которомъ жилъ Коперникъ, сохранился во Фрауэнбургѣ до настоящаго времени и путешественники съ любопытствомъ осматриваютъ дыру, продѣланную въ стѣнѣ этого дома, черезъ которую знаменитый астрономъ наблюдалъ теченіе небесныхъ свѣтилъ.

ГАЛИЛЕЙ.

Открытіе Коперника хотя и было замѣчено, но не обратило на себя особеннаго вниманія, такъ что почти черезъ сто лѣтъ другой великій астрономъ, Галилей, долженъ былъ повторить людямъ ту же истину.

Галилей родился въ итальянскомъ городѣ Пизѣ, и учился такъ прилежно, что уже на двадцать пятомъ году своей жизни былъ профессоромъ математики въ пизанскомъ университетѣ. Въ молодости еще сдѣлалъ Галилей множество очень важныхъ открытій и пріобрѣлъ большую извѣстность. Узнавъ, что одинъ датчанинъ изобрѣлъ подзорную трубу, въ которую хорошо видны очень далекіе предметы и которою многіе забавлялись, какъ игрушкою, Галилей нашелъ, что изъ этой игрушки можетъ выйти очень важное дѣло; принялся самъ за нее и скоро сдѣлалъ первый *телескопъ*. Этотъ телескопъ былъ еще очень плохъ; но, тѣмъ не менѣе, помогъ Галилею повѣрить справедливость открытій Коперника и сдѣлать, кромѣ того, много новыхъ.

Галилей всегда и прежде думалъ, что звѣзды не маленькія искорки, а цѣлые большіе міры, движущіеся въ пространствѣ. Теперь же, съ помощію своего, еще очень несовершеннаго телескопа, онъ убѣдился въ справедливости своихъ предположеній. Смотря въ телескопъ на луну, онъ увидалъ, что на ней есть пропасти и горы, и даже нашелъ возможность измѣрить высоту этихъ горъ; смотря на солнце, онъ открылъ, что на немъ есть пятна и что эти пятна движутся, то скрываются, то вновь показываются, и заключилъ изъ этого, что солнце есть огромный шаръ, гораздо больше земли, и что этотъ шаръ, облитый вокругъ свѣтящейся атмосферой, обращается около своей оси. Потомъ Галилей сталъ разсматривать вечернюю, блестящую различными цвѣтами *планету*, извѣстную подъ именемъ Венеры, и увидалъ, что она похожа на нашу луну, прибываетъ и убываетъ, какъ луна,

и иногда тоже превращается въ тоненькій рожекъ. Возлѣ другой планеты, Сатурна, Галилей замѣтилъ что-то въ родѣ блестящихъ крыльевъ; но не могъ еще разсмотрѣть, что это не крылья, а два блестящія кольца, идущія вокругъ планеты. Продолжая наблюдать далѣе, онъ убѣдился, что вокругъ Юпитера, другой большой планеты, вертятся четыре хорошенькія звѣздочки; а наблюдая за движеніемъ этихъ звѣздочекъ, убѣдился, что это четыре *луны*, которыя съ различной быстротою обращаются вокругъ Юпитера, точно такъ же, какъ наша луна обращается вокругъ земли.

Мы можемъ себѣ представить, что всѣ эти открытія были сдѣланы Галилеемъ не въ одинъ день и даже не въ одинъ годъ: молодой профессоръ успѣлъ состарѣться, пока увидалъ все то, что мы разсказали здѣсь кое-какъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Въ это время имя Галилея, который сдѣлалъ много и другихъ важныхъ и полезныхъ для людей открытій, стало извѣстнымъ по всей Европѣ. Но гдѣ слава, тамъ непремѣнно явится и зависть. Завистники, а за ними и невѣжды, оклеветали Галилея, доказывая, что его открытія противорѣчатъ будто бы словамъ Священнаго Писанія; тогда какъ, напротивъ, открытія Галилея показывали только безграничную премудрость Создателя и его всемогущество. Однакоже *инквизиція* (такое дурное и злое судилище, которое воображало, что ложь и насиліе могутъ быть пріятны Господу Богу, и забывало, что Богъ далъ человѣку разумъ и свободную волю не для того, чтобы онъ ничего не дѣлалъ съ этими великими дарами) — инквизиція приговорила Галилея къ тюремному заключенію. Великаго, геніальнаго старца, который всю жизнь свою провелъ въ трудахъ для пользы науки и своихъ ближнихъ, посадили въ мрачную и сырую темницу. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія, бѣдный старикъ былъ выпущенъ съ тѣмъ тяжелымъ условіемъ, чтобы онъ публично отказался отъ своихъ открытій. Но, произнося торжественное отреченіе отъ великихъ истинъ, въ которыхъ былъ убѣжденъ, Галилей не выдержалъ и, ударивъ ногою о землю, сказалъ съ гнѣвомъ: „*пусть будетъ по вашему, а все же она движется.*“ За эти слова Галилея опять присудили запереть въ тюрьму и уже на всю жизнь. Впрочемъ, черезъ нѣсколько времени, по ходатайству сильныхъ людей и изъ снисхожденія къ старости Галилея, его выпустили изъ тюрьмы; но приказали ему жить безвыѣздно въ уединенномъ мѣстѣ, недалеко отъ Флоренціи. Здѣсь Галилей провелъ остатокъ своей жизни въ ученыхъ занятіяхъ, въ кругу немногихъ друзей, и еще подарилъ человѣчество нѣсколькими новыми истинами. Скоро отъ безпрестанныхъ занятій Галилей потерялъ зрѣніе; но до самой послѣдней минуты, пока владѣлъ еще однимъ глазомъ, продолжалъ наблюденія. Слѣпота, глухота, безсонница и боль во всѣхъ членахъ, слѣдствіе тюремной сырости, отравили послѣдніе годы жизни великаго старца. Наконецъ, 6 января 1641 года,

геніальный человѣкъ навсегда скрылся отъ всякихъ преслѣдованій. Тѣло Галилея покоится теперь въ церкви Святаго Креста во Флоренціи, а великій художникъ, Микель-Анджело, соорудилъ надъ нимъ прекрасный памятникъ.

НЬЮТОНЪ.

Лѣтъ за полтораста до нашего времени жилъ въ Англіи одинъ геніальный человѣкъ и великій ученый, по имени Исаакъ Ньютонъ (родился въ 1642, въ годъ смерти Коперника, а умеръ въ 1727 году). Онъ былъ такъ уменъ и такъ много зналъ, что часто, смотря на самые обыкновенные предметы, видѣлъ въ нихъ то, чего не видали прежде него тысячи людей.

Однажды Ньютонъ, прогуливаясь по саду, увидѣлъ, какъ яблоко, сорвавшись съ вѣтки, упало на землю. Тысячу разъ видѣлъ онъ, какъ падали яблоки, и не обращалъ на это вниманія; но теперь въ умѣ его родился вопросъ: почему яблоко, оторвавшись отъ вѣтки, упало на землю, а не полетѣло кверху или въ сторону? Ньютонъ зналъ, что каждое явленіе должно имѣть причину и спросилъ себя: какая причина, что всѣ тѣла падаютъ на землю, а не летятъ кверху или не остаются висѣть въ воздухѣ? Подумавъ хорошенько объ этомъ обыкновенномъ явленіи, на которое до тѣхъ поръ никто не обращалъ вниманія, Ньютонъ рѣшилъ, что въ землѣ, должно быть, находится такая же притягательная сила, какую давно уже замѣтили люди въ магнитѣ, съ тою только разницею, что магнитъ притягиваетъ желѣзо и сталь, а земля притягиваетъ всѣ тѣла, и твердыя, и жидкія, — и воду, которая потому не выливается изъ морей, и воздухъ, который потому не разлетается во всѣ стороны.

Ньютонъ не остановился на такомъ рѣшеніи: онъ сталъ наблюдать далѣе и скоро замѣтилъ, что не одна земля притягиваетъ къ себѣ всѣ тѣла, но что всякое тѣло притягиваетъ къ себѣ другое. Если на спокойную поверхность воды, налитой въ тарелку, бросить нѣсколько маленькихъ, легкихъ тѣлъ, т. е. такихъ, которыя притягиваются землею не очень сильно, то всѣ они мало-по-малу сблизятся другъ съ другомъ или пристанутъ къ краямъ тарелки. Маленькая щепка, пущенная на воду, держится у большой барки, а листья и другія легкія тѣла пристаютъ къ берегамъ. Скоро Ньютонъ убѣдился, что всѣ тѣла притягиваютъ одно другое, и что если камень не летитъ къ другому камню, лежащему возлѣ, то только потому, что притягательная сила земли во столько разъ больше притягательной силы камня, во сколько земной шаръ больше самаго камня; т.-е. въ нѣсколько сотъ милліоновъ разъ. Если одинъ мальчикъ везетъ колясочку, а другой станетъ удерживать ее сзади, то перетянетъ тотъ, кто изъ двухъ сильнѣе. Но если тотъ же мальчикъ схватится сзади за коляску, которую везетъ четверка лошадей, то лошади даже и не почувствуютъ, что кто-то уцѣпился сзади. Точно также, хотя всѣ тѣла, находящіяся на землѣ, при-

тягиваются другъ къ другу, но ихъ взаимная притягательная сила, въ сравненіи съ притягательною силою земли, гораздо ничтожнѣе, чѣмъ сила мальчика въ сравненіи съ силою четверки лошадей.

Что же такое тяжесть тѣла? Подымая камень съ земли, мы чувствуемъ, какъ онъ тяжелъ, или, другими словами, чувствуемъ, какъ сильно тянетъ его къ себѣ земля: это большее или меньшее притяженіе тѣла землею и даетъ большую или меньшую тяжесть тѣлу. Сравнивая тяжесть тѣла съ какою нибудь испытанною тяжестью, напр. съ тяжестью фунтовика, мы открываемъ *вѣсъ* тѣла: узнаемъ сколько въ немъ фунтовъ, пудовъ и т. д.

Желая опредѣлить тяжесть всѣхъ тѣлъ, или, другими словами, ту силу, съ которою каждое тѣло притягивается землею, ученые стали сравнивать тяжесть каждаго тѣла съ тяжестью совершенно чистой воды, и нашли, что стаканъ воды въ тринадцать съ половиной разъ легче стакана ртути, что желѣзо въ восемь съ половиной разъ тяжелѣе воды, золото въ девятнадцать съ половиной и т. д. Такой вѣсъ тѣлъ, взятый сравнительно съ вѣсомъ чистой воды того же объема, называется *относительнымъ* или *удѣльнымъ вѣсомъ*.

Теперь, подумавъ немного, вы легко поймете, почему маленькая свинцовая пуля, брошенная въ воду, быстро идетъ ко дну, тогда какъ большое бревно не тонетъ. Возьмите столько воды, сколько могло бы помѣститься въ бревнѣ, если бы оно было пусто въ серединѣ, взвѣсьте ее — и вы увидите, что такая масса воды будетъ въ нѣсколько разъ тяжелѣе всего бревна. Бревно не тонетъ, потому что *удѣльный вѣсъ* дерева менѣе *удѣльнаго вѣса* воды. Вода, какъ мы знаемъ, превращаясь въ ледъ, занимаетъ болѣе мѣста и разрываетъ бутылку, если бутылка была полна и крѣпко закупорена; а потому ледъ плаваетъ на водѣ. Масло, наоборотъ, замерзая, сжимается, и потому кусокъ замерзнувшаго масла потонетъ въ жидкомъ маслѣ точно такъ же, какъ кусокъ твердаго свинца потонетъ въ растопленномъ свинцѣ.

Но всѣ эти наблюденія не удовлетворили Ньютона; онъ обратилъ вниманіе и на то явленіе, что мячъ или камень, брошенные въ сторону, или пуля, пущенная изъ ружья, летятъ въ ту сторону, куда ихъ бросили; но въ то же время, склоняясь мало-по-малу, понемногу опускаются къ землѣ. Ньютонъ объяснилъ это явленіе слѣдующимъ образомъ: здѣсь, думалъ онъ, борются двѣ силы: одна съ которою я бросаю камень въ сторону, а другая — притягательная сила земли, которая тянетъ его книзу.

Ньютонъ зналъ уже, что луна обращается вокругъ земли и земля вокругъ солнца, и ему стало ясно, почему луна не отлетаетъ отъ земли, земля не удаляется отъ солнца. Безъ сомнѣнія потому, что земля больше луны, а солнце гораздо больше земли, и земля притягиваетъ луну, а солнце землю. Но почему же луна не упадетъ на землю, а земля не упадетъ на

солнце? Безъ сомнѣнія потому, что луна движется вокругъ земли, а земля вокругъ солнца съ необыкновенною силою и быстротою.

Это взаимное притяженіе всѣхъ небесныхъ тѣлъ названо было *тяготѣніемъ*. Но мало было открыть тяготѣніе: слѣдовало еще показать, какъ оно дѣйствуетъ. Наблюдая, какъ падаютъ тѣла различной тяжести, Ньютонъ вычислилъ, съ какою скоростью падаютъ тѣла на землю и какъ увеличивается эта скорость, по мѣрѣ приближенія тѣла къ землѣ. Онъ доказалъ, что если тѣло въ первую секунду своего паденія пролетаетъ 16 футовъ, то во вторую пролетитъ 16×3, т. е. 48 футовъ; въ третью 16×5, т. е. 80 футовъ; въ четвертую 16×7, т. е. 112 ф. и т. д.

Приложивъ открытый имъ *законъ* тяготѣнія къ наблюденіямъ надъ движеніемъ земли, луны, солнца и планетъ, Ньютонъ открывалъ законы движенія свѣтилъ небесныхъ, высчитывалъ съ величайшею точностью ихъ разстояніе отъ земли, быстроту ихъ движенія, ихъ величину, и вѣсъ, величину круговъ, которые они описываютъ около солнца, словомъ, далъ прочное основаніе великой наукѣ *астрономіи*.

Будучи однимъ изъ величайшихъ людей, какіе когда либо существовали на земномъ шарѣ, по необычайному уму своему, Ньютонъ былъ въ то же время необыкновеннымъ человѣкомъ и по своему истинно христіанскому характеру. Онъ былъ чрезвычайно кротокъ, ласковъ со всѣми, правдивъ во всемъ, простъ въ обращеніи, и вовсе не думалъ о томъ, что громадному генію его удивляются милліоны людей и будутъ удивляться отдаленнѣйшіе потомки. Вычисляя съ необыкновенною точностью движенія безчисленныхъ міровъ, взвѣшивая тяжесть этихъ громадныхъ тѣлъ, открывая законы свѣта, измѣряя быстроту его движеній, онъ считалъ себя ребенкомъ, играющимъ камешками на берегу безграничнаго океана вселенной. Во всемъ же, что удавалось ему открыть, онъ признавалъ помощь Творца — источника всякой истины.

Въ глубокой старости, когда сѣдины покрывали голову Ньютона, онъ, по живости своего ума и чувства, казался прекраснымъ юношею. Можно было подумать, что самое время не смѣетъ коснуться Ньютона! Однакоже, пришелъ часъ смерти — и великій человѣкъ былъ отозванъ къ Тому, чье имя онъ вспоминалъ такъ часто и всегда съ такимъ благоговѣніемъ. Ньютонъ скончался въ 1727 году, на 84 году своей жизни, занимаясь изученіемъ Слова Божія.

ЗЕМНАЯ ОСЬ, ПОЛЮСЫ И ЭКВАТОРЪ.

Вы, вѣроятно, умѣете заставить круглую монету вертѣться быстро по гладкому столу и, вѣроятно, замѣчали, что часто она вертится на одномъ мѣстѣ. Но присмотритесь внимательнѣе, и вы замѣтите, что монета, при быстромъ движеніи, кажется намъ полупрозрачнымъ шаромъ, въ серединѣ

котораго протянута темноватая линія. Остановите же монету, и вы не найдете на ней никакой линіи. Что же это такое за линія, которую мы видѣли, когда монета вертѣлась? Это именно та линія въ монетѣ, которая не перемѣняла мѣста, когда всѣ другія точки монеты описывали круги вокругъ этой линіи, и описывали ихъ такъ быстро, что вся монета казалась намъ вертящимся шаромъ. Возьмите ту же монету между двумя пальцами такъ, чтобы, ударяя по одному ея краю, вы могли заставить ее вертѣться, и вы увидите, что вся монета вертится, но мѣста своего не перемѣняетъ или, лучше сказать, что всѣ точки монеты обращаются, кромѣ тѣхъ двухъ точекъ, къ которымъ вы прикасаетесь, удерживая монету между пальцами, и линіи, которую можно провести между этими двумя точками и которая казалась намъ темноватою линіею, когда монета быстро вертѣлась. То же самое будетъ конечно, если вмѣсто монеты мы будемъ вертѣть шарикъ; только линіи, не перемѣняющей своего мѣста, вы не замѣтите, потому что она будетъ внутри шара.

Такъ какъ земля есть тоже вертящійся шаръ, то и въ ней, какъ въ каждомъ вертящемся шарѣ, должны быть двѣ точки, которыя при обращеніи шара не перемѣняютъ своего мѣста. Эти двѣ точки на земномъ шарѣ называются *полюсами:* одинъ *сѣвернымъ* полюсомъ, а другой *южнымъ*. Линія же, соединяющая эти точки, не перемѣняющая своего мѣста, какъ та темненькая линія, которую мы замѣтили въ серединѣ вертящейся монеты, называется *земною осью;* потому что она также не перемѣняетъ своего мѣста, какъ и ось вертящагося колеса. Земная ось соединяетъ оба полюса, сѣверный и южный, и проходитъ черезъ самый центръ земнаго шара. Но, разумѣется само-собою, что еслибы вы могли разрѣзать шаръ земной вдоль оси на двѣ равныя половины, какъ разрѣзываютъ яблоко, то не увидѣли бы тамъ никакой оси, какъ не видали и темненькой линіи посрединѣ остановившейся монеты.

Если на краю вертящейся монеты вы сдѣлали прежде нѣсколько мѣтокъ въ разныхъ мѣстахъ, то убѣдитесь, что чѣмъ ближе мѣтка къ одной изъ тѣхъ двухъ точекъ, которыя прикасаются къ вашимъ пальцамъ, тѣмъ меньшій кругъ будетъ она описывать при обращеніи монеты. Самый же большой кругъ будетъ описывать та мѣтка, которую вы положите посерединѣ, въ одинаковомъ разстояніи отъ обѣихъ точекъ, не перемѣняющихъ мѣста. Точно также и на земномъ шарѣ: чѣмъ дальше отстоитъ какое нибудь мѣсто отъ обоихъ полюсовъ разомъ, тѣмъ большій кругъ будетъ описывать оно при обращеніи земнаго шара. Но какая же точка на поверхности земнаго шара будетъ дальше всѣхъ отъ обоихъ полюсовъ разомъ? Конечно та, которая лежитъ посрединѣ, т. е. въ одинаковомъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ. Такихъ точекъ можно, конечно, наставить на шарѣ множество, одна возлѣ другой; но всѣ эти точки вмѣстѣ составятъ одну кру-

говую линію. Этотъ кругъ, всѣ точки котораго находятся въ одинаковомъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ, можетъ быть конечно только одинъ. Такой кругъ на земномъ шарѣ называется *экваторомъ*. На глобусѣ экваторъ чертятъ; но на земномъ шарѣ, конечно, никто его не начертилъ, и этотъ кругъ такой же *предполагаемый* кругъ, какъ земная ось предполагаемая линія. Такъ какъ экваторъ опоясываетъ землю въ одинаковомъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ, то слѣдовательно и раздѣляетъ землю на двѣ равныя половины, на два равныхъ *полушарія:* изъ которыхъ одно, гдѣ находится сѣверный полюсъ, называется *сѣвернымъ*, а другое, противоположное, *южнымъ* полушаріемъ. Это не тѣ полушарія, которыя произойдутъ, если мы разрѣжемъ землю вдоль оси: тѣ полушарія будутъ уже не сѣверное и южное, а восточное и западное.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ.

Проведите какую угодно прямую линію по поверхности шара—то это линія не будетъ уже совершенно прямая линія, а будетъ дуга. Если же вы будете вести линію все прямо по поверхности шара, то наконецъ обойдете весь шаръ и начертите на немъ правильный кругъ. Замѣтьте же какую нибудь точку на экваторѣ и ведите отъ нея линію по поверхности шара все прямо къ сѣверному полюсу, потомъ отъ сѣвернаго полюса по другой сторонѣ шара, не отклоняясь ни вправо, ни влѣво, ведите ту же линію къ южному полюсу; достигнувъ южнаго полюса, ведите далѣе, до экватора, и если вы проводили вашу линію вѣрно, не отклоняясь ни на право ни на лѣво, ни къ востоку, ни къ западу, то она непремѣнно придетъ къ той точкѣ, отъ которой вы начали ее вести, и вы начертите совершенно правильный кругъ, который пройдетъ черезъ оба полюса и пересѣчетъ экваторъ въ двухъ точкахъ. Такой кругъ, проходящій чрезъ оба полюса, называется *полуденникомъ* или *меридіаномъ*. Подумавъ немного, вы поймете и сами, что тогда какъ экваторъ можно провести только одинъ, полуденниковъ можно провести безчисленное множество: всѣ эти полуденные круги, сколько бы вы ихъ ни провели, непремѣнно пересѣкутся между собою въ каждомъ изъ полюсовъ. Вы легко также сообразите, что всѣ эти полуденники будутъ одинаковой величины.

Не то произойдетъ, если вмѣсто того, чтобы проводить круги черезъ полюсы, вы станете проводить ихъ *параллельно* экватору, т. е. такъ, чтобы всѣ точки проводимаго вами круга находились на одинаковомъ разстояніи отъ экватора. Вы увидите, что всякій кругъ, параллельный экватору, будетъ меньше экватора и тѣмъ меньше, чѣмъ дальше онъ будетъ отъ экватора и чѣмъ ближе къ полюсу. Такихъ круговъ, точно такъ же какъ и полуденныхъ, можно провести безчисленное множество; но конечно одинъ никогда не сойдется съ другимъ, какъ не сходятся никогда двѣ параллель-

ныя линіи. Такіе, тоже воображаемые круги, называютъ *параллельными кругами*, потому что они параллельны экватору.

Черезъ всякую точку земнаго шара можно провести параллельный кругъ и полуденникъ, а слѣдовательно ихъ можно провести и черезъ ту точку, на которой мы теперь находимся. Станемъ же на точку, гдѣ пересѣкутся эти два круга и, оборотившись лицомъ *къ югу*, будемъ наблюдать, какъ ходитъ солнце по небу. Прежде всего мы замѣтимъ, что утромъ солнце покажется изъ-за горизонта, на *востокѣ*, и будетъ подыматься все выше и выше, а потомъ станетъ спускаться, все ниже и ниже, и наконецъ спрячется за горизонтъ, *на западѣ*. Если бы солнце, проходя по небу, оставляло по себѣ слѣдъ, то мы увидѣли бы дугу, подобную дугѣ радуги, и эта дуга однимъ концомъ упиралась бы въ горизонтъ на западѣ, а другимъ на востокѣ. Самая высшая точка этой дуги будетъ та, поднявшись до которой, солнце начало спускаться. Эта точка будетъ какъ-разъ посерединѣ дуги, такъ, что солнце употребляетъ столько же времени, чтобы подняться до этой точки, сколько и для того, чтобы спуститься отъ нея къ западу. Слѣдовательно въ этой *срединной* точкѣ солнце бываетъ какъ-разъ посреди дня, т. е. ровно въ 12 часовъ. Если бы мы могли съ точностію замѣтить, когда солнце бываетъ въ этой точкѣ, то намъ ничего не стоило бы повѣрить наши часы. Но слѣдить за ходомъ солнца и подмѣтить ту точку, съ которой оно начинаетъ спускаться, очень трудно.

Однакоже есть одно довольно легкое средство повѣрять часы по солнцу. Стоитъ только на чистомъ и открытомъ мѣстѣ, усыпанномъ бѣлымъ пескомъ, и которое бы съ утра до вечера освѣщалось солнцемъ, воткнуть въ землю отвѣсно палку и замѣчать цѣлый день, какъ падаетъ на бѣлый песокъ тѣнь отъ этой палки. Когда солнце поутру покажется на востокѣ изъ-за горизонта, то отъ палки протянется по направленію къ западу такая длинная тѣнь, что трудно даже замѣтить, гдѣ она оканчивается. Къ западу тѣнь протянулась потому, что солнце свѣтитъ съ востока; длинна же она потому, что солнце очень низко, на самомъ горизонтѣ, и бросаетъ оттуда очень косвенные, почти скользящіе по землѣ, лучи. Мы замѣтимъ также, мимоходомъ, что эти косвенные лучи освѣщаютъ предметы хорошо, но грѣютъ мало. Чѣмъ выше будетъ подыматься солнце, тѣмъ тѣнь отъ палки будетъ становиться короче и тѣмъ далѣе будетъ она подвигаться по направленію отъ запада къ востоку. Въ полдень тѣнь будетъ самая короткая и будетъ падать по направленію отъ юга къ сѣверу. Тѣнь отъ палки будетъ направлена къ сѣверу, потому что солнце въ полдень стоитъ на югѣ; коротка она будетъ потому, что солнце стоитъ высоко и бросаетъ на нашу палку далеко не столь косвенные лучи, какіе бросало утромъ. При этомъ мы замѣтимъ также, что эти почти отвѣсные лучи грѣютъ гораздо сильнѣе, чѣмъ тѣ косвенные, которые бросало солнце утромъ. Наблюдая далѣе, мы замѣтимъ,

что послѣ полудня тѣнь отъ палки начнетъ снова увеличиваться и при закатѣ солнца будетъ такою же длинною, какою была при восходѣ, только протянется уже не къ западу, а къ востоку, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ ниже станетъ спускаться солнце къ горизонту, чѣмъ косвеннѣе будутъ падать его лучи на землю, тѣмъ и грѣть они будутъ все слабѣе и слабѣе. Если же полуденный жаръ не начинаетъ спадать тотчасъ послѣ 12-ти часовъ, то это безъ сомнѣнія потому, что за день воздухъ, земля и всѣ тѣла на землѣ нагрѣются сильно и не скоро успѣютъ охладиться; но къ вечеру солнце все же станетъ грѣть гораздо слабѣе. Отмѣчая на пескѣ движеніе тѣни, отбрасываемой палкою, мы замѣтимъ и ту точку, когда тѣнь была самою короткою и отъ которой она стала опять увеличиваться и повернула къ востоку. Въ то самое время, когда солнце отбрасывало самую короткую тѣнь, оно стояло на серединѣ своего пути отъ востока на западъ; слѣдовательно въ эту минуту былъ ровно полдень, т.-е. 12 часовъ *). Такъ, или почти такъ, устроиваются и солнечные часы, самые вѣрные часы на свѣтѣ, только очень неудобные, потому что въ пасмурный день палка не будетъ отбрасывать тѣни. Отмѣтимъ на пескѣ линіею самую короткую полуденную тѣнь, и эта линія пройдетъ какъ-разъ по направленію нашего полуденнаго круга, будетъ небольшимъ *кускомъ меридіана. Вотъ почему этотъ кругъ и называется полуденникомъ* или меридіаномъ: когда солнце станетъ надъ нимъ прямо, тогда у насъ бываетъ полдень.

Теперь предположимъ себѣ, что мы обладаемъ съ вами *ковромъ-самолетомъ*, на которомъ въ одно мгновеніе можно перелетать тысячи верстъ. Повѣримъ свои часы по солнцу и, сѣвши ровно въ 10 часовъ утра на диковинный коверъ, полетимъ сначала на востокъ, придерживаясь одного и того же параллельнаго круга; пролетимъ нѣсколько сотъ верстъ отъ того мѣста, гдѣ мы наблюдали солнце, и остановимся дѣлать новыя наблюденія. Здѣсь надъ нами будетъ такой же сводъ неба, упирающійся въ землю краями, вокругъ такой же горизонтъ, и солнце, идя по небу, будетъ описывать такую же огромную дугу. Устроимъ опять солнечные часы и замѣтимъ на нихъ, когда бываетъ полдень. Взглянемъ же теперь на наши карманные часы: что это сдѣлалось съ ними? какъ они страшно отстаютъ? На нихъ всего еще 10 часовъ, тогда какъ на солнечныхъ уже 12-ть. Но не браните напрасно ваши карманные часы; они ни въ чемъ не виноваты: они показывали время исправно только для того мѣста, на которомъ мы ихъ поставили по солнцу. На оставленномъ нами мѣстѣ дѣйствительно теперь только 10 часовъ и только черезъ два часа настанетъ тамъ полдень. Чѣмъ дальше къ востоку, тѣмъ полдень бываетъ раньше, и наоборотъ: чѣмъ дальше къ западу, тѣмъ полдень настаетъ позже. Но еслибы мы по тому же

*) Практическое нахожденіе полуденной линіи объяснено на рисункѣ; такъ что дѣти сами легко могутъ найти ее.

параллельному кругу пронеслись въ одно мгновеніе на противоположную точку земнаго шара, то увидѣли бы, что часы наши опять показываютъ вѣрно, только на небѣ вовсе нѣтъ солнца: часы же наши показываютъ полночь.

Но возвратимся опять на то мѣсто, гдѣ мы устроили первые солнечные часы и, поднявшись надъ землею, ровно въ полдень, остановимся на одномъ мѣстѣ, — остановимся и будемъ смотрѣть на землю. Съ изумительною быстротою улетятъ изъ подъ насъ не только наши солнечные часы, но и вся знакомая намъ страна *). Быстро замелькаютъ подъ нами города, гдѣ цѣлыя незнакомыя намъ рѣки, горы, моря, океаны; а солнце все будетъ стоять надъ нами неподвижно, какъ-разъ на полуднѣ. Ровно черезъ 12 часовъ мы можемъ преспокойно опуститься на противоположной точкѣ земнаго шара, противоположной той, гдѣ мы ставили солнечные часы. Но какъ же мы доберемся домой? Очень легко: подымемся опять кверху и ровно черезъ двѣнадцать часовъ наши солнечные часы будутъ подъ нашими ногами.

Прекрасно было бы путешествовать такъ быстро по землѣ, не трогаясь съ мѣста, да то бѣда, что это невозможно: все, что есть на землѣ, вращается вмѣстѣ съ нею, и самая атмосфера, которая ее окружаетъ; такъ что воздушный шаръ, поднявшись надъ землею, летитъ *съ запада на востокъ* вмѣстѣ съ атмосферой, въ которой онъ плаваетъ. Примиримся же съ этой невозможностью и станемъ снова наблюдать наши краснорѣчивые солнечные часы. Они еще не сказали намъ всего того, что могутъ сказать.

Вотъ мы стоимъ снова на точкѣ пересѣченія параллельнаго круга и меридіана. Солнце достигло самой высшей точки своего небеснаго пути, а на часахъ у насъ полдень. Выше солнце уже не подымется; но оно далеко еще не стоитъ прямо надъ нашею головою. Что же случится, если мы полетимъ прямо къ югу по направленію нашего меридіана? Не долетимъ ли мы до того мѣста, гдѣ солнце будетъ стоять прямо надъ нами? Какъ только долетимъ по меридіану до экватора, то солнце въ полдень будетъ прямо надъ нашею головою и его лучи, падающіе совершенно перпендикулярно, будутъ страшно жечь насъ. Мы очутимся посреди африканской пустыни, гдѣ отъ страшнаго жара все вымерло вокругъ: нѣтъ ни травки, ни деревца, и даже дикіе звѣри ходятъ только по ночамъ. Не хорошо здѣсь. Воротимся же поскорѣе домой и попробуемъ полетѣть на сѣверъ, придерживаясь по прежнему нашего меридіана: посмотримъ, не будетъ ли тамъ лучше. Чѣмъ ближе будемъ мы подлетать къ сѣверному полюсу, тѣмъ ближе къ горизонту будетъ намъ казаться полуденное солнце, тѣмъ косвеннѣе будутъ падать его лучи и тѣмъ менѣе будутъ давать они тепла. Но вотъ мы приближаемся къ полюсу: часы показываютъ полдень, а солнце почти лежитъ на горизонтѣ; косвенные, почти горизонтальные лучи его чуть задѣ-

*) Каждая точка экватора, при обращеніи земли около своей оси, пролетаетъ болѣе 1500 верстъ въ часъ.

ваютъ землю и грѣютъ очень слабо. Если же мы совершаемъ наше воздушное путешествіе зимою или поздней осенью, то можемъ прилетѣть въ такое мѣсто, гдѣ увидимъ солнце скрывающимся за горизонтъ, хотя и на нашихъ часахъ и на часахъ тамошнихъ жителей будетъ полдень. Еще нѣсколько далѣе къ сѣверу — мы солнца и днемъ не увидимъ. Но въ какія пустынныя мѣста мы залетѣли! Вокругъ также нѣтъ ни деревца, ни кустика, ни травки; море покрыто льдомъ и холодъ невыносимый. Подъ экваторомъ, въ африканской пустынѣ, нѣтъ жизни отъ палящаго жара; у полюсовъ, на берегахъ Ледовитаго океана, нѣтъ жизни отъ страшнаго холода. Поблагодаримъ же Создателя, который далъ намъ родину по срединѣ этихъ двухъ крайностей и назначилъ намъ жить *въ умѣренномъ климатѣ.*

РАЗНООБРАЗІЕ КЛИМАТОВЪ.

Еслибы климатъ того или другаго мѣста зависѣлъ единственно отъ большей или меньшей близости мѣста къ полюсу или къ экватору, то во всѣхъ мѣстностяхъ, лежащихъ на одномъ и томъ же разстояніи отъ экватора, между одними и тѣми же параллельными кругами, долженъ бы быть и одинаковый климатъ. Однакоже мы часто замѣчаемъ противное, и если мы возьмемъ, напримѣръ, какое нибудь мѣсто посрединѣ Сибири, лежащее на такомъ же разстояніи отъ экватора, на какомъ лежитъ Петербургъ, то увидимъ, что въ Сибири въ этомъ мѣстѣ климатъ будетъ гораздо суровѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, хотя солнце въ обѣихъ этихъ мѣстностяхъ, въ одно и то же время года, будетъ одинаково подыматься надъ горизонтомъ и впродолженіи одинаковаго времени будетъ оставаться на небѣ.

Это явленіе зависитъ отъ многихъ причинъ, изъ которыхъ мы перечислимъ главныя.

Первая причина—близость моря. Море у полюсовъ и зимою, и лѣтомъ загромождено пловучими льдинами, громадными ледяными горами; во всѣхъ же другихъ мѣстахъ море или вовсе не замерзаетъ, или замерзаетъ тамъ, гдѣ бываютъ холодныя зимы, и то только у береговъ. Незамерзнувшее море лѣтомъ охлаждаетъ воздухъ, вбирая изъ него излишній жаръ; а зимою согрѣваетъ воздухъ, отдавая ему набранное лѣтомъ тепло.

Вторая причина—вѣтеръ. Мы уже читали о вліяніи вѣтра на тепло и холодъ. Въ той странѣ, которую высокія горы заслоняютъ отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, будетъ всегда гораздо теплѣе, чѣмъ въ той, которую горы заслоняютъ отъ южныхъ вѣтровъ, несущихъ на сѣверъ нагрѣтый на югѣ воздухъ. Сибирь заслонена отъ южной Азіи высокими горами; а съ сѣвера совершенно открыта къ океану, на которомъ и лѣтомъ плаваютъ громадныя льдины. Вотъ почему въ Сибири такъ холодно.

Третья причина—возвышенность мѣста. Сидя въ комнатѣ, сильно нагрѣваемой солнцемъ черезъ стекло въ окошкахъ, мы можемъ сдѣлать

слѣдующій опытъ: дотронемся до стола, пола, мебели, освѣщенныхъ солнцемъ, и мы замѣтимъ, какъ они нагрѣлись; дотронемся до стекла въ окнѣ, черезъ которое проникаютъ солнечные лучи, и мы замѣтимъ, что оно осталось холоднымъ. Изъ этого мы можемъ вывести, что солнечный лучъ, проходя удобно сквозь прозрачное тѣло, мало его согрѣваетъ. Воздухъ еще прозрачнѣе стекла и потому солнечный лучъ, проходя сквозь воздухъ мало его согрѣваетъ и тѣмъ меньше, чѣмъ воздухъ рѣже и прозрачнѣе; если же воздухъ нагрѣвается, то это уже отъ земли нагрѣтой солнцемъ. Вотъ почему, чѣмъ дальше подыматься отъ земли, тѣмъ становится все холоднѣе: теплота земли достигаетъ все меньше и меньше, а воздухъ все прозрачнѣе и рѣже. Земля, нагрѣтая солнцемъ, нагрѣваетъ воздухъ и ночью, когда солнца не видать. Теперь мы поймемъ, почему вершины очень высокихъ горъ, лежащихъ даже въ самомъ тепломъ климатѣ, покрыты вѣчнымъ льдомъ и снѣгомъ, какъ земли лежащія у полюсовъ; тогда какъ у подошвы тѣхъ же горъ круглый годъ не только не бываетъ снѣгу, но даже листъ не спадаетъ съ деревьевъ, растутъ померанцы, лимоны, виноградъ, миндаль и даже пальма — это растеніе, свойственное только жаркому климату. Подымаясь на такую гору, мы испытаемъ всѣ тѣ же перемѣны климата и будемъ видѣть то же разнообразіе растительности, какое замѣтили бы, еслибъ полетѣли отъ экватора къ полюсу.

ЛУНА.

Луна по формѣ своей также шаръ, но по величинѣ въ 49 разъ меньше земли. Она обращается вокругъ земли въ 28 дней, а вмѣстѣ съ землею обходитъ и вокругъ солнца. Но почему же луна кажется намъ то кругомъ, то полукругомъ, то маленькимъ рожкомъ? Необразованные люди приписываютъ это явленіе самымъ страннымъ и невозможнымъ причинамъ: такъ монголы, полудикій народъ, кочующій въ степяхъ средней Азіи, думаютъ, что какой-то невидимый драконъ каждый мѣсяцъ глотаетъ луну, а потомъ ее снова выбрасываетъ. Маленькій бѣлый шарикъ, съ помощію зажженной свѣчи и небольшой наблюдательности съ нашей стороны, объяснитъ намъ это явленіе очень просто. Дѣло въ томъ, что такъ какъ луна не имѣетъ своего собственнаго свѣта, а освѣщается солнцемъ, то мы видимъ только освѣщенную часть луны. Солнце освѣщаетъ всегда половину луны, потому что луна — шаръ; но мы не всегда, а только въ полнолуніе видимъ всю эту освѣщенную половину луны; въ другое же время видимъ только бо́льшую или меньшую часть этой половины, или вовсе ея не видимъ.

Возьмите бѣлый шарикъ и, держа его передъ глазами нѣсколько повыше головы, станьте затылкомъ къ зажженной свѣчѣ: вы, невидя свѣчи, увидите тѣмъ не менѣе цѣлую половину шарика, освѣщенную свѣтомъ, падающимъ на него отъ свѣчи. Но, ставши къ свѣчѣ бокомъ, вы безъ труда уставите вашъ шарикъ такъ, что будете видѣть только половину освѣщен-

ной половины, или четверть шарика. Если бы вы не видали вовсе неосвѣщенной части шарика, какъ не видите неосвѣщенной части луны, и не чувствовали, что держите въ рукахъ шаръ, то вамъ показалось бы, что передъ вами не шаръ, а половина плоскаго круга. Подвигайте же шарикъ все ближе къ свѣчѣ и эта половина плоскаго круга будетъ все уменьшаться и уменьшаться, такъ что вы, наконецъ, будете видѣть только краешекъ освѣщенной половины шарика, — небольшой рожокъ, какимъ вамъ кажется иногда луна. Когда же вы поставите шарикъ какъ-разъ передъ свѣчкою, немного выше или ниже, то вовсе не увидите освѣщенной половины шара; по той же самой причинѣ мы иногда не видимъ луны и ночью, хотя она бываетъ на небѣ. Днемъ же мы не видимъ луны потому (хотя она бываетъ иногда на небѣ и днемъ), что солнце свѣтитъ слишкомъ ярко, такъ что слабый свѣтъ луны вовсе не замѣтенъ. Вы, вѣроятно, видѣли, какъ иногда по утрамъ мало по малу блѣднѣетъ луна, если солнце застанетъ ее на небѣ, и наконецъ совершенно исчезаетъ.

Продолжая подвигать вашъ шарикъ далѣе, вы увидите снова небольшой его краешекъ, который будетъ, по мѣрѣ обращенія шарика, все увеличиваться и увеличиваться, или, какъ говорится о лунѣ—*прибывать*. Появленіе маленькаго краешка луны на небѣ, послѣ того, какъ она было исчезла на нѣсколько дней, называется *рожденіемъ мѣсяца*; потомъ изъ маленькаго рожка сдѣлается луна половиною круга: это, какъ говорится, *первая четверть* луны; за тѣмъ пойдетъ *полнолуніе*. Послѣ полнолунія луна снова пойдетъ убывать, до тѣхъ поръ, пока опять сдѣлается полукругомъ: *это вторая четверть луны*. Наконецъ эта вторая четверть мало по малу исчезнетъ и начнется *новолуніе*.

Вы можете такъ уставить вашъ шарикъ, что онъ совершенно заслонитъ пламя свѣчи. Если луна заслонитъ собою солнце такимъ же образомъ, то произойдетъ *солнечное затмѣніе*; если же, наоборотъ, земля заслонитъ солнце отъ луны, такъ что на лунѣ отразится круглая тѣнь земли (отъ чего круглая?), то произойдетъ лунное затмѣніе. Но какъ пугаютъ дикихъ и необразованныхъ людей эти простыя, понятныя явленія! тогда какъ у образованныхъ народовъ въ календаряхъ печатается всегда впередъ не только день, часъ, но даже минута, когда будутъ солнечное или лунное затмѣніе. Но не со всѣхъ мѣстъ земнаго шара видны бываютъ эти затмѣнія, потому что солнце и луна не въ одно и то же время видны на всей поверхности земнаго шара. Часто солнечное затмѣніе совершается тогда, когда у насъ бываетъ ночь, и слѣдовательно видно только для тѣхъ, кто живетъ на другой половинѣ земнаго шара. Часто также лунныя затмѣнія совершаются тогда, когда у насъ бываетъ день и, слѣдовательно, мы не видимъ луны.

Если вы поняли, отчего мы видимъ иногда то краешекъ луны, то четверть ея, то половину, то совсѣмъ не видимъ; то поймете также, что то же

самое должно совершаться и съ тѣми планетами, которыя, обращаясь вокругъ солнца подобно землѣ, находятся къ нему ближе земли и, слѣдовательно, могутъ принимать различныя положенія между землею и солнцемъ. Одну изъ такихъ планетъ, хорошенькую утреннюю и вечернюю звѣздочку, *Венеру*, вы вѣроятно замѣтили. Убыль и прибыль этой звѣздочки мы не можемъ замѣтить простыми глазами, потому что и вся она кажется намъ небольшою ярко-блестящею точкою. Но въ телескопъ, такую большую зрительную трубу, которую употребляютъ для того, чтобы разсматривать очень отдаленные предметы, можно видѣть, что Венера подвержена тѣмъ же перемѣнамъ, какъ и луна.

Простыми глазами мы видимъ на лунѣ какія-то пятна; но только въ телескопъ можно разсмотрѣть что̀ это такое за пятна. Въ сильный телескопъ луна кажется намъ такой величины, какой мы видѣли бы ее, еслибы она отстояла отъ земли не на 350 т., а только на 30 тысячъ верстъ. Въ такой телескопъ видны на лунѣ огромныя горы, обширныя долины и глубокія пропасти. Но на лунѣ, какъ доказываютъ ученые, нѣтъ ни воздуха, ни воды, слѣдовательно, на ней не только не могутъ жить животныя и люди, но даже не можетъ быть и растеній, потому что для растеній, какъ мы знаемъ, необходимы вода и воздухъ. Впрочемъ, мы видимъ только одну половину луны, другою же своею половиною луна никогда къ землѣ не обращается.

ТЕЛЕСКОПЪ.

Къ одному ученому человѣку, который любилъ заниматься астрономіей и часто по цѣлымъ ночамъ наблюдалъ за движеніемъ небесныхъ свѣтилъ, пріѣхала въ гости его сестра съ своимъ сыномъ, Сашей, мальчикомъ лѣтъ тринадцати. Послѣ довольно-поздняго обѣда, кончившагося при свѣчахъ, сестра хозяина подошла къ окну и любовалась множествомъ яркихъ звѣздъ, блестѣвшихъ на темномъ небѣ, и полною луною, которая плыла по небу, обливая землю своимъ мягкимъ, пріятнымъ свѣтомъ. Въ это время подошелъ къ ней братъ и сказалъ:

— Я давно обѣщалъ Сашѣ показать луну и звѣзды въ телескопъ: не хочешь ли ты, чтобъ я исполнилъ теперь свое обѣщаніе?

Сестра согласилась охотно на предложеніе брата, а Саша былъ въ восторгѣ: онъ давно ужь слышалъ, что у дяди есть такая большая зрительная труба, въ которую онъ по ночамъ смотритъ на мѣсяцъ и звѣзды; Саша даже видѣлъ эту трубу, стоявшую на окнѣ въ кабинетѣ и ему давно хотѣлось знать, что можно въ нее видѣть. Всѣ вошли въ кабинетъ.

Хозяинъ направилъ одинъ конецъ трубы на полный мѣсяцъ и Саша, взглянувъ въ телескопъ, сказалъ съ восторгомъ:

— Теперь я вижу своими глазами, что луна не плоскій кругъ, но со-

вершенный шаръ и что на ней находятся дѣйствительно большія горы. Какъ странно видѣть горы на лунѣ!

Дядя. Есть телескопы еще больше моего, и въ нихъ такъ ясно видны горы и долины на лунѣ, что астрономы нарисовали подробную ея карту. Луна — самое ближайшее къ намъ небесное тѣло и находится отъ насъ очень недалеко: всего-то какихъ нибудь 350 тысячъ верстъ или 50 тысячъ миль.

Саша. Неужели это не далеко! Да это такъ далеко, что и подумать страшно.

Дядя. Паровозъ идетъ въ часъ не болѣе восьми миль, и если бы отъ земли до луны была проведена желѣзная дорога, то при самой быстрой ѣздѣ, ѣдучи день и ночь, нужно было бы ѣхать двѣсти шестьдесятъ сутокъ, чтобы доѣхать до луны. Но это разстояніе ничтожно въ сравненіи съ разстояніемъ земли отъ солнца: до солнца отъ земли болѣе двадцати милліоновъ миль, и еслибы туда была проведена желѣзная дорога, то паровозъ долженъ былъ бы ѣхать почти сто сорокъ три года, чтобы доѣхать до солнца.

Саша. Сто сорокъ три года? Да для этого нужна не одна, а двѣ человѣческія жизни.

Дядя. Конечно: человѣкъ живетъ около семидесяти лѣтъ, а въ семдесятъ лѣтъ онъ не проѣхалъ бы и половины пути отъ земли до солнца.

Мать Саши. Это такъ далеко, что если рай находится на свѣтломъ солнышкѣ, то не скоро же до него доберется душа наша послѣ нашей смерти.

Дядя (*улыбнувшись*). Конечно, еслибы она отправлялась туда такъ же медленно, какъ ѣдетъ паровозъ. Но не должно забывать, что свѣтъ долетаетъ отъ солнца до земли въ 8 минутъ и 13 секундъ, а духъ нашъ безъ сомнѣнія быстрѣе свѣта. Паровозъ проходитъ въ часъ 8 миль. Но солнце еще не очень далеко отъ насъ. (*Направляетъ телескопъ на одну изъ звѣздъ*). Взгляните вотъ на эту звѣзду.

Саша. Ахъ, какой хорошенькій золотой шарикъ, и какъ блестятъ вокругъ него какія-то четыре серебряныя точечки!

Дядя. Это Юпитеръ съ своими четырьмя спутниками или лунами: самая большая изъ всѣхъ планетъ, обращающихся вокругъ нашего солнца. Онъ въ четыре раза дальше отъ насъ, нежели солнце, и нашъ паровозъ едва бы добрался до него въ тысячу лѣтъ. Уранъ еще дальше Юпитера и паровозъ, проѣзжая каждый часъ восемь миль, доѣхалъ бы до него только въ шесть тысячъ пятьсотъ лѣтъ. А есть одна планета, которую не давно открыли, Нептунъ, — та еще гораздо дальше.

Мать Саши. О, какъ же велика, какъ неизмѣримо велика вселенная!

Дядя. Всѣ эти разстоянія весьма малы въ сравненіи съ тѣми, въ которыхъ находятся отъ насъ *неподвижныя звѣзды:* здѣсь уже самое измѣреніе становится невозможнымъ. Мы можемъ только предполагать, что са-

мая близкая изъ неподвижныхъ звѣздъ находится отъ насъ не ближе четырехъ билліоновъ миль.

Сестра. Но какъ же могли высчитать такія громадныя разстоянія?

Дядя. Это дѣйствительно должно казаться удивительнымъ тому, кто не знакомъ съ астрономическими наблюденіями. Но вы знаете, какъ астрономы вѣрно предсказываютъ затмѣнія солнца, луны и появленіе кометъ; по этому судите, что они считаютъ не дурно. (*Перемѣняетъ направленіе телескопа*). Посмотрите-ка теперь.

Саша. Боже мой, какой блескъ, какое множество звѣздъ!

Дядя. Это Плеяды — сорокъ четыре громадныя солнца, а издали намъ кажется, что они такъ близко отстоятъ одно отъ другаго. Но этого мало: посмотрѣвъ на *млечный путь* въ болѣе сильный телескопъ, мы увидали бы, что вся эта серебристая полоса состоитъ изъ такихъ же звѣздъ или солнцевъ, которыя только по своему страшному отдаленію сливаются для насъ въ одну серебристую полосу.

Саша. Видно нельзя пересчитать всѣхъ звѣздъ.

Дядя. Еще бы! Можетъ ли слабый человѣкъ счесть творенія Создателя? И представь себѣ еще, что, по всей вѣроятности, наша земля, или, лучше сказать, наше солнце со всѣми его планетами и съ землею, составляютъ только одну звѣздочку млечнаго пути, въ которомъ для насъ ближайшія звѣзды кажутся стоящими отдѣльно другъ отъ друга, а дальнѣйшія сливаются въ одну слабо-блестящую серебристую полосу, протянувшуюся черезъ все небо. Но нѣтъ сомнѣнія, что, кромѣ нашего млечнаго пути, есть еще множество такихъ же собраній безчисленныхъ звѣздъ, которыя и въ самые сильные телескопы кажутся намъ едва видными *туманными пятнами*. А каждое изъ этихъ туманныхъ пятенъ такой же млечный путь, какъ и нашъ.

Саша. О, какъ безконечно-великъ Создатель вселенной!

Дядя. Да, и припомни теперь слова псалмопѣвца Давида: „Небеса повѣдаютъ славу Божію.“

Саша. Но какъ же малъ и ничтоженъ человѣкъ въ сравненіи со всѣми этими безчисленными мірами!

Дядя. Конечно малъ; но не забудь, что звѣзды ничего не видятъ и не понимаютъ, а мы удивляемся ихъ безконечности и громадности, вычисляемъ ихъ пути, измѣряемъ ихъ отдаленности и величину — и возносимся душою ко всемогущему Создателю всѣхъ этихъ міровъ.

Сестра. Но, безъ сомнѣнія, на этихъ планетахъ также живутъ люди или какія-нибудь существа, подобныя людямъ.

Дядя. Этого, конечно, никто не знаетъ; но нельзя же предполагать, чтобы сознательныя существа жили только на одной нашей землѣ — маленькой *планетѣ*, которая въ милліонъ триста тысячъ разъ меньше солнца; тогда какъ такихъ солнцевъ, изъ которыхъ вокругъ каждаго обращаются

свои планеты, безчисленное множество. Мы видимъ только тѣ планеты, которыя обращаются вокругъ нашего солнца; планетъ же другихъ солнечныхъ системъ мы и видѣть не можемъ. Но не правда ли, что и то немногое, что я могъ показать вамъ сегодня, довольно уже поражаетъ вашъ умъ безпредѣльностью созданія и безконечностью всемогущества и мудрости Создателя?

ГОРНАЯ СТРАНА.

Живя посреди Россіи, мы не можемъ составить себѣ яснаго понятія о томъ, что такое горная страна. Наши невысокіе, отлогіе холмы, на которые въѣзжаешь, почти ихъ не замѣчая, подымающіеся много что на сто или на полтораста саженей, и по скатамъ которыхъ мы видимъ все одни и тѣ же поля, лѣса, рощи, села и деревни, конечно, мало походятъ на высокія горы, вершины которыхъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ и, подымаясь на три, на четыре версты къ верху, уходятъ далеко за облака. Въ равнинѣ вы ѣдете сто, двѣсти верстъ, повсюду встрѣчая одинаковые виды, одинаковую растительность, одинаковый образъ жизни. Не то въ горахъ! Сколько разнообразія представляетъ даже одна большая гора, если взбираться на нее по дорогамъ, проложеннымъ въ долинахъ, а потомъ и по опаснымъ горнымъ тропинкамъ, которыя извиваются по ея уступамъ. Вамъ кажется тепло и даже жарко, когда вы стоите у подошвы горы: кругомъ васъ лѣто, сады съ поспѣвающими плодами и поля съ созрѣвшимъ уже хлѣбомъ; но запаситесь теплой одеждой, если думаете добраться до вершины; потому что тамъ встрѣтитъ васъ полная зима—снѣгъ, ледъ, холодъ, и вы, посрѣди лѣта, легко можете отморозить себѣ руки и ноги. Запаситесь также прочными сапогами съ крѣпкими подошвами, чтобы онѣ не истерлись о камни, крѣпкою палкою съ желѣзнымъ наконечникомъ, провизіей; но главное запаситесь силою и терпѣніемъ, потому что вамъ придется неутомимо работать ногами цѣлый день, а можетъ быть и два. Хотя вершина горы подымается только на три или на четыре версты, но это, вѣдь, считается въ отвѣсъ, и чтобы добраться до вершины, вамъ прійдется сдѣлать 15 или 20-ть верстъ самаго труднаго пути по крутымъ уступамъ. Запаситесь также и смѣлостью, чтобы у васъ не закружилась голова, когда, взобравшись на иной уступъ, вы взглянете внизъ. Но прежде всего возьмите опытнаго проводника, потому что безъ него легко можно заблудиться между скалистыми вершинами горы, въ ея темныхъ лѣсахъ, между бесчисленными ручьями и рѣчками, скатывающимися съ ея боковъ, въ ея снѣжныхъ поляхъ и ледникахъ. Иногда, пожалуй, можно взобраться на такую вершину и зайти въ такую глушь, въ средину неприступныхъ уступовъ или на край зіяющей пропасти, что не будешь знать, какъ и выбраться. Надобно хорошо знать горныя тропинки, чтобы пуститься въ горы.

Подняться на высокую заоблачную гору большой трудъ; но трудъ этотъ

окупается удовольствіемъ. Сколько разнообразной растительности встрѣтите вы отъ подошвы до вершины! Сколько разнообразія въ образѣ жизни людей! Если гора, на которую вы взбираетесь, лежитъ въ тепломъ климатѣ, то у подошвы ея вы покинете лимонныя и померанцовыя рощи; выше встрѣтятъ васъ деревья умѣренныхъ странъ: тополь, букъ, каштанъ, липа, кленъ, дубъ; далѣе найдете вы угрюмые хвойные лѣса и деревья сѣвера: осину, березу. Еще выше и деревья уже прекращаются, цвѣтовъ и травы даже очень мало — только альпійская душистая роза будетъ провожать васъ до самой границы вѣчныхъ снѣговъ, да тощій мохъ напомнитъ вамъ о полярныхъ странахъ, гдѣ онъ составляетъ почти единственную пищу сѣверныхъ оленей. Еще выше—и вы вступите въ страну вѣчныхъ льдовъ, хотя можетъ быть находитесь за нѣсколько тысячъ верстъ отъ полярнаго моря.

Внизу вы покинули шумные, дѣятельные города; поднявшись выше, встрѣтили хорошенькія деревеньки, еще окруженныя обработанными полями и плодовыми садами; далѣе вы не встрѣтите ни полей, ни садовъ, а только тучные луга въ горныхъ долинахъ и полюбуетесь на прекрасныя стада; небольшія пастушьи деревеньки прислонены къ горамъ, такъ что иной домикъ лепится у скалы, точно птичье гнѣздо; на крышахъ домовъ наложены рядами большіе камни: безъ этой предосторожности, буря, заревѣвшая въ горахъ, могла бы легко снести крышу. Далѣе вы еще найдете кое-гдѣ отдѣльныя хижины горныхъ жителей: это лѣтнія жилища пастуховъ, оставляемыя зимою. Сочная, прекрасная трава привлекаетъ сюда лѣтомъ стада. Еще выше—и вы не будете встрѣчать уже человѣческихъ жилищъ. Цѣпкія домашнія козы еще лѣпятся по уступамъ; но еще немного далѣе и вамъ попадутся, можетъ быть, однѣ небольшія стада легконогихъ дикихъ сернъ и кровожадные орлы; а затѣмъ вы вступите въ страну, гдѣ нѣтъ ни растительной, ни животной жизни.

Какъ хороши и говорливы горные потоки, какъ чиста и холодна въ нихъ вода! Они берутъ свое начало въ ледникахъ и образуются изъ тающаго льда; начинаются маленькими чуть замѣтными струйками; но потомъ эти струйки соберутся вмѣстѣ—и шумный быстрый потокъ, то, извиваясь серебрянной лентой, то прыгая съ уступа на уступъ водопадомъ, то скрываясь въ темномъ ущельѣ и снова появляясь на свѣтъ, то журча по камнямъ, покатится внизъ смѣло и быстро, пока не доберется до болѣе отлогой долины, по срединѣ которой побѣжитъ уже спокойной и порядочной рѣчкой.

Если буря не реветъ въ горахъ, то чѣмъ выше вы будете подниматься, тѣмъ безмолвнѣе будетъ окрестность. На самой вершинѣ, среди вѣчныхъ снѣговъ и льдовъ, гдѣ солнечные лучи, отражаясь отъ снѣговыхъ полей, ослѣпляютъ глаза—царствуетъ мертвая тишина; развѣ камень, сдвинутый вашею ногою, надѣлаетъ шуму и стуку на всю окрестность. Но вдругъ раздается страшный и продолжительный грохотъ, повторяемый горнымъ эхомъ;

вамъ кажется, что гора дрожитъ подъ вашими ногами, и вы спрашиваете у проводника: „что это такое?“ — „Это лавина,“ отвѣчаетъ онъ вамъ спокойно: большая масса снѣгу сорвалась съ вершины, и, увлекая съ собою камни, а пониже деревья, стада, людей и даже дома пастуховъ, понеслась внизъ по горнымъ уступамъ. Дай Богъ, чтобы она не рухнула на какую нибудь деревню и не похоронила подъ собою ея домовъ и жителей! Лавины чаще всего скатываются съ горъ весною и осенью: весною потому, что снѣгъ, напавшій зимою, подтаетъ; осенью потому, что снѣгу наляжетъ на вершину черезъ чуръ много.

Но если, преодолѣвъ всѣ эти трудности и страхи, вы доберетесь наконецъ до высокой горной площадки, гдѣ проводникъ посовѣтуетъ вамъ усѣсться на камняхъ, позавтракать и отдохнуть, то будете вполнѣ вознаграждены. Хотя здѣсь довольно холодно и каждое, сколько нибудь сильное движеніе утомляетъ васъ, сердце бьется часто и дыханіе ускорено; но вамъ какъ то легко и пріятно и вы вполнѣ наслаждаетесь величественною картиною. Вокругъ васъ скалы и ледники; повсюду видны пропасти и ущелья; вдали поднимаются вершины другихъ горъ, то темныя, то лиловыя, то розовыя, то отливающія серебромъ; а внизу верстъ на шестьдесятъ открывается зеленая, цвѣтущая долина, врѣзывающаяся далеко въ горы: извивающіяся по ней рѣки, блестящія озера, города и деревни будто на ладони передъ вами. Большія стада кажутся вамъ движущимися точками, а людей и вовсе не видать. Но вотъ подъ вашими ногами стало все закрываться туманомъ; это облака стягиваются вокругъ горы; надъ вами блеститъ яркое солнышко, а внизу изъ этого тумана идетъ, можетъ быть, проливной дождь.

Но нельзя долго оставаться на такой высотѣ — для груди вредно дышать слишкомъ рѣдкимъ воздухомъ—и какъ ни хорошо здѣсь, а придется спускаться внизъ.

Самая прекрасная горная страна въ Европѣ—Швейцарія. Альпійскія горы всю ее наполняютъ; нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ страшной высоты: Юнгфрау (Дѣвичья гора) подымается на 12 т. футовъ надъ уровнемъ моря, а Монбланъ (Бѣлая гора) на 14 т. футовъ. Изъ Швейцаріи альпійскія горы распространяются по всей западной Европѣ; отрасли ихъ идутъ отсюда въ Германію, Австрію, Италію и Францію. Съ альпійскихъ же льдистыхъ вершинъ текутъ въ разныхъ направленіяхъ и самыя большія европейскія рѣки: Рейнъ въ Нѣмецкое море, Рона въ Средиземное и По въ Адріатическое.

Швейцарскія Альпы, находясь въ срединѣ западной Европы, раздѣляютъ собою самыя образованныя и богатыя ея страны и прекрасныя величественныя вершины этихъ горъ сильно затрудняютъ сообщенія. Сколько трудностей должны были преодолѣть люди, чтобы проложить удобную дорогу, отличное шоссе, черезъ такія вершины, каковы Сенъ-Готтардъ и Симплонъ! Эта дорога то подымается, то опускается, то идетъ по краю страшныхъ

пропастей, то по мостамъ, висящихъ надъ бездною, то въ срединѣ скалъ, которыя нужно было пробить для этой цѣли. Много трудовъ стоила симплонская дорога, но за то по ней ѣздятъ теперь очень удобно и безопасно, и путешественникъ, нисколько не утомляясь и не опасаясь за свою жизнь, наслаждается чудными картинами горной природы.

МОРЕ.

Кто въ первый разъ увидитъ передъ собою безбрежное море, тотъ, безъ сомнѣнія будетъ пораженъ этимъ величественнѣйшимъ явленіемъ земнаго шара. Хорошо оно, когда, отражая въ себѣ небо, солнце и облака, тянется къ горизонту гладкою, блестящею, какъ зеркало, поверхностью. Оно кажется тогда безпредѣльнымъ и сходится вдали съ небомъ такъ, что глазъ не различаетъ, гдѣ оканчивается вода и начинается небо. Хорошо море и тогда, когда вѣтеръ колышетъ его поверхность; хорошо, хотя и страшно немного! Высокія волны съ пѣнистыми гребнями бѣгутъ одна за другою безконечными рядами, набѣгаютъ съ шумомъ на скалистый берегъ, какъ будто хотятъ вскочить на него, но, отпрянувъ назадъ отъ твердаго камня, съ жалобнымъ стономъ и плескомъ рушатся снова въ море, уступая свое мѣсто другимъ. Весело смотрѣть, когда разъиграется, расходится море; весело слушать его грозный говоръ; но только весело тогда, когда стоишь на высокой и твердой скалѣ и знаешь, что, бушуй оно, сколько хочетъ, до тебя не дохватить. Но должно очень свыкнуться съ моремъ, чтобы наслаждаться этою неумолкающею игрою волнъ, стоя на палубѣ корабля, когда его кидаетъ то вверхъ, то внизъ, словно легкую щепку.

Но и безъ вѣтру два раза въ день высоко подымается море, заливая далеко отлогіе берега, и два раза въ день опускается снова, открывая далеко отлогое, мелкое дно и оставляя на берегу песокъ, небольшіе камни, раковины, множество морскихъ животныхъ и растеній. Это постоянное движеніе моря называется *приливомъ* и *отливомъ*. Въ небольшихъ моряхъ, далеко вдавшихся въ средину суши, приливы и отливы бываютъ малы, а часто и вовсе незамѣтны; но въ открытомъ океанѣ они очень сильны.

Хотя въ морѣ есть много органическихъ остатковъ, гніющихъ труповъ животныхъ и гніющихъ растеній, но вода въ немъ никогда не портится, какъ портится она въ небольшомъ, отовсюду закрытомъ и неподвижномъ пруду,—никогда не цвѣтетъ и не покрывается плѣсенью. Это происходитъ, во первыхъ, отъ того, что океанъ со всѣми своими морями, обливающій весь земной шаръ, очень великъ; во вторыхъ, отъ того, что море постоянно движется и въ третьихъ, отъ того, что вода въ немъ пропитана солью.

Но не только вѣтеръ, приливы и отливы приводятъ море въ движеніе; въ немъ есть еще свои собственные *морскіе потоки* или *теченія*.

Въ Тихомъ океанѣ, начиная отъ крутыхъ береговъ Чили и Перу, дви-

жется вода подобно громадной рѣкѣ, берега которой составляетъ тоже море, и движется безпрестанно отъ востока къ западу, тогда какъ земля обращается съ запада на востокъ; этотъ морской потокъ, доходящій до восточнаго берега Азіи, прорывается потомъ между островами индѣйскаго архипелага, Борнео, Целебесомъ, Явою, идетъ къ Цейлону и Мадагаскару и, ударяясь о восточные берега Африки, раздѣляется на два потока: одинъ проникаетъ въ Чермное море, потопившее когда-то Фараона и его воинство; а другой идетъ на югъ и огибаетъ мысъ Доброй Надежды.

Другое морское теченіе направляется отъ западныхъ береговъ Африки къ восточному берегу Америки и называется экваторіальнымъ; оно раздѣляется на южное и сѣверное. Сѣверный морской потокъ носитъ особое названіе гольфстрома, *залѣвнаго потока*, потому что, выходя изъ Мексиканскаго залива, онъ идетъ сначала къ сѣверу вдоль береговъ Америки, потомъ поворачиваетъ на востокъ къ западнымъ берегамъ Европы и Африки. За долго до открытія Америки, гольфстромъ приносилъ къ европейскимъ берегамъ американскіе плоды, растенія и сѣмена; это наводило на мысль, что къ западу отъ Европы, за моремъ, котораго никто еще не рѣшался проѣхать, должна быть большая земля. Нагрѣвшись въ жаркихъ странахъ, этотъ потокъ приноситъ также тепло къ западнымъ берегамъ Европы, почему на этихъ берегахъ могутъ поспѣвать самые нѣжные плоды.

Морскія теченія очень полезны для мореплаванія: корабль, который попадаетъ въ средину такого потока, уносится его теченіемъ, какъ лодка теченіемъ рѣки.

Бури, когда сильный вѣтеръ страшно волнуетъ поверхность моря, — самые опасные враги мореходцевъ. Если корабль находится въ открытомъ морѣ, вдали отъ береговъ, то искусный капитанъ легко можетъ его спасти и въ самую сильную бурю; но когда корабль застигнутъ бурею вблизи отъ берега, да еще такого берега, возлѣ котораго есть мели и подводные камни, тогда онъ легко можетъ разбиться объ эти камни или сѣсть на мель. Когда начинается буря, то всѣ отверстія на кораблѣ, *люки*, плотно запираютъ, чтобы волны не могли пробраться въ средину корабля. Матросы лезутъ по веревочнымъ лѣстницамъ и проворно убираютъ паруса: и безъ парусовъ вѣтеръ слишкомъ сильно упираетъ въ корабль и бросаетъ его во всѣ стороны. Матросу не въ диковинку, если соленая вода окатитъ его съ головы до ногъ; корабль кидаетъ какъ мячикъ, а матросъ бѣгаетъ по палубѣ, какъ по неподвижному полу и съ быстротою и цѣпкостью бѣлки карабкается по веревкамъ. Если вѣтеръ ужъ слишкомъ силенъ, то иногда приходится даже рубить мачты, чтобы только дать вѣтру какъ можно меньше упору. Безъ мачтъ и парусовъ корабль, впрочемъ, какъ птица безъ крыльевъ, несется по морю, куда угодно вѣтру, и можетъ легко нанестись на скалу или на мель.

Если не опасно, какъ буря, то за то гораздо несноснѣе для мореходца—*безвѣтріе* или *штиль*. Море неподвижно, какъ зеркало; въ воздухѣ не шелохнется, паруса висятъ; а тропическое солнце (штили бываютъ чаще между тропиками), стоя прямо надъ головою, льетъ свои жгучіе лучи на спящее море и на корабль, который не можетъ двинуться съ мѣста. Пароходъ штилей не боится: онъ движется силою пара и если паруса его, не наполняемые вѣтромъ, не помогаютъ ему идти впередъ, за то колеса его дружно работаютъ.

При *попутномъ*, свѣжемъ вѣтрѣ, парусное судно несется быстро; но при вѣтрахъ, сколько нибудь *противныхъ*, оно должно, безпрестанно перемѣняя паруса, ловить вѣтеръ, и, *лавируя* изъ стороны въ сторону, неправильной, ломанной линіей медленно приближаться къ своей цѣли. Движеніе парохода не столько зависитъ отъ вѣтра, хотя и ему идти гораздо легче при попутномъ вѣтрѣ, распустивъ паруса въ помощь колесамъ.

Къ прекраснѣйшимъ морскимъ явленіямъ принадлежитъ *морское сіяніе*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ океана судно, гонимое вѣтромъ или парами, оставляетъ за собою длинный пламенный слѣдъ; волны, всплескиваясь, разсыпаются огненнымъ дождемъ, и даже въ глубинѣ моря видны маленькія свѣтящіяся точки. Этотъ свѣтъ зависитъ отчасти отъ гніющихъ маленькихъ морскихъ животныхъ и растеній; а отчасти и отъ такихъ животныхъ, которыя и при жизни свѣтятся въ темнотѣ. Первое явленіе напоминаетъ намъ наши свѣтящіяся гнилушки, а другое нашихъ ивановскихъ червячковъ. Мы замѣтимъ здѣсь только одно изъ такихъ свѣтящихся животныхъ, принадлежащихъ къ породѣ полиповъ, — *морское перо*. Это не одно животное, но тысячи крошечныхъ животныхъ, расположенныхъ, какъ пушистая бородка пера, на одномъ стержнѣ. Всѣ эти животныя движутся разомъ, какъ будто управляемыя одною волей; въ темную ночь, двигаясь и сверкая своимъ тѣломъ по поверхности воды, доставляютъ они прекрасное зрѣлище.

Чтобы измѣрять глубину моря, употребляютъ *лотъ* — кусокъ свинца, привязанный къ веревкѣ, на которой узлами отмѣчены сажени. Во многихъ мѣстахъ море довольно мелко; въ другихъ глубина его идетъ на нѣсколько верстъ, такъ что мореходцы не могутъ и лотомъ достать дна. Дно морское не ровно, такъ какъ и поверхность суши: на немъ также есть равнины, холмы, простыя и огнедышущія горы, скалы, ущелья, источники, лѣса коралловъ. Иная гора, подымаясь со дна моря на многія тысячи футовъ, высовывается на поверхность небольшимъ островкомъ. Случается и такъ, что вдругъ изъ моря выдвинется огнедышущая гора, нѣсколько дней выбрасываетъ пламя, лаву, камни и дымъ; а потомъ также быстро снова скроется подъ водою. Мы уже въ другомъ мѣстѣ говорили о такихъ островахъ, которые появленіемъ своимъ обязаны неутомимой работѣ коралловыхъ полиповъ.

Безчисленное множество живыхъ существъ, большихъ и малыхъ рыбъ,

громадныхъ морскихъ звѣрей, изъ которыхъ мы знаемъ уже кита, тюленя и моржа, обитающихъ преимущественно въ холодныхъ моряхъ, и неизчисленное множество мелкихъ морскихъ животныхъ населяютъ глубину моря. Здѣсь мы упомянемъ только о невинныхъ дельфинахъ, которые, выпрыгивая изъ воды, играми своими забавляютъ мореходцевъ, летучихъ рыбахъ, которыя иногда стаями проносятся надъ поверхностью теплыхъ морей, и о зубастой акулѣ, которая, равно какъ и дельфинъ, относится къ породѣ морскихъ звѣрей, но своею жадностью и дерзостью приводитъ въ ужасъ моряка, когда ему приходится или купаться возлѣ корабля, или спускаться къ водѣ, чтобы осмотрѣть его бока. Акулы жадными толпами сопровождаютъ корабли, на которыхъ гнусные торговцы людьми украдкой перевозятъ негровъ. Жадные морскіе звѣри, разѣвая свою широкую пасть, усѣянную острыми зубами, поджидаютъ невольничьихъ труповъ. Они какъ будто знаютъ, что несчастные черные люди умираютъ десятками во время этихъ страшныхъ переѣздовъ,—умираютъ отъ тѣсноты, дурнаго содержанія въ душныхъ каютахъ, но болѣе всего отъ невыносимой тоски по родинѣ и свободѣ.

На днѣ морскомъ скрыто много богатствъ: есть безъ сомнѣнія и дорогіе камни и драгоцѣнные металлы; но они не доступны человѣку. Въ Индѣйскомъ морѣ преимущественно достаютъ жемчугъ, который находится на днѣ моря въ створчатыхъ раковинкахъ, называемыхъ жемчужными. Эта ловля особенно прибыльна у береговъ Цейлона. Жители этихъ береговъ очень привыкли нырять на дно моря: опустившись туда съ лодки на веревкѣ, они спѣшатъ набрать въ коробъ какъ можно больше жемчужныхъ раковинъ и могутъ пробыть въ водѣ до двухъ минутъ; но у бѣдняковъ, не смотря на то, что они затыкаютъ себѣ ноздри и уши хлопчатою бумагою и берутъ въ ротъ губку, напитанную масломъ, кровь часто идетъ горломъ и носомъ. Однакоже, отдохнувъ минутъ двадцать на берегу, смѣльчаки опять пускаются на свой опасный промыселъ.

Если вы никогда не видали большаго стройнаго корабля, когда онъ, распустивъ свои бѣлые паруса, гордо несется по морскимъ волнамъ, или большаго сильнаго парохода, когда онъ, разрѣзывая колесами морскую поверхность, разстилаетъ по воздуху длинный хвостъ дыма,—то вы не видали одного изъ величайшихъ созданій человѣческаго генія. У большихъ военныхъ кораблей, которые называютъ линейными, видны надъ водой четыре этажа, да подъ водою скрываются еще два. Грозныя жерла ста двадцати пушекъ четырьмя рядами выглядываютъ въ его люки; для тысячи человѣкъ экипажа достаточно мѣста на кораблѣ; множество пороха, ядеръ, провіанта, дровъ или каменнаго угля и наконецъ прѣсной воды въ бочкахъ скрывается въ его нижней части. Можно себѣ представить, что постройка и вооруженіе такого огромнаго судна обходится недешево и что не напрас-

но считаютъ великимъ бѣдствіемъ для цѣлаго государства, если десятокъ подобныхъ кораблей погибнетъ въ морскомъ сраженіи: если одни изъ нихъ пойдутъ ко дну, а другіе взлетятъ на воздухъ отъ взрыва пороха. Хорошо построенный корабль, если съ нимъ не случится никакого несчастія, можетъ прослужить около пятидесяти лѣтъ. До тысячи большихъ деревьевъ нужно для постройки сто-пушечнаго корабля. Купеческіе корабли и пароходы бываютъ меньше, не такъ стройны и красивы; но за то, перевозя товары между самыми отдаленными странами, они, повсюду развозятъ довольство и образованіе; — тогда какъ военныя суда охраняютъ берега отъ нападеній или грозятъ непріятельскому флоту или прибрежнымъ непріятельскимъ городамъ своими страшными пушками. Можно себѣ представить, какой адъ творится тогда, когда десятка три такихъ морскихъ колоссовъ заревутъ другъ на друга въ морскомъ сраженіи, изрыгая изъ своихъ боковъ пламя и тысячи бомбъ и ядеръ!

ОРНЫЕ ЛЕДНИКИ и ПЛАВАЮЩІЕ Л ы.

Мы уже знаемъ, что на землѣ есть много горъ, вершины которыхъ подымаются высоко, въ высшіе слои атмосферы, гдѣ очень холодно. Понятно, что на такія вершины вода не падаетъ иначе, какъ въ видѣ снѣга, и что снѣгъ этотъ, оставаясь тамъ, никогда не таетъ, а накопляясь съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, покрываетъ всю вершину горы. Однакоже замѣчено, что количество снѣга не увеличивается на горахъ, а остается съ небольшими измѣненіями постоянно одно и то же. Это потому, что снѣгъ, когда его набирается много, и когда по этому тяжесть его увеличивается, скользитъ мало по малу по ущельямъ горъ и сходитъ въ долины, расположенныя внизу. Но въ то время, когда снѣгъ, двигаемый тяжестью новыхъ слоевъ, медленно спускается по покатостямъ горы, онъ мало по малу превращается въ твердый ледъ, потому что солнце въ продолженіи дня растапливаетъ поверхность снѣга, и вода, пробираясь въ снѣжныя *поры*, снова тамъ замерзаетъ. Такимъ образомъ, мало по малу, вся масса снѣга дѣлается твердою и льдистою. Достигая какихъ нибудь узкихъ мѣстъ въ ущельяхъ горъ, льдистая скользящая масса останавливается. Но часто не можетъ выдерживать все прибывающаго и прибывающаго снѣга, уступаетъ наконецъ силѣ давленія и входитъ черезъ ущелья въ высокія горныя долины, наполняя, такимъ образомъ, льдистою массою всѣ значительныя углубленія. Вотъ почему большія центральныя снѣжныя поля высокихъ горъ окружены всегда бахрамою твердаго льда, залегающаго въ ущельяхъ и долинахъ: это такъ называемые *горные ледники*, которые подвигаясь все ниже и ниже, появляются иногда въ цвѣтущихъ населенныхъ долинахъ. По большой части, однако, горные льды остаются на одномъ и томъ же мѣстѣ, потому что отъ солнца и теплаго воздуха долинъ края ихъ обтаиваютъ на столько, на сколько ихъ при-

будетъ зимою. Ледники эти приносятъ съ собою огромные куски скалъ и кучи мелкихъ камней, изъ подъ которыхъ журчатъ тысячи ручьевъ свѣтлой и холодной воды. Эти ручьи, образовавшись отъ таянія льда, стремятся найти себѣ выходъ въ открытыя долины, гдѣ образуютъ небольшія быстрыя горныя рѣчки; горныя рѣчки, сливаясь вмѣстѣ, образуютъ большія рѣки.

Чѣмъ холоднѣе та страна, въ которой находятся такія высокія снѣжныя горы, тѣмъ ниже, конечно, могутъ спускаться льдины, не подвергаясь таянію, а въ полярныхъ странахъ горная льдина можетъ спуститься даже на берегъ моря и въ самое море. Когда капитанъ англійскаго корабля Бухананъ и спутникъ его, въ послѣдствіи погибшій безъ вѣсти въ полярныхъ моряхъ, Сиръ Джонъ Франклинъ, были посланы въ 1818 году найти морской путь къ сѣверному полюсу, то должны были остановиться у Шпицбергена, потому, что проходъ былъ запертъ огромными ледяными горами, плававшими въ морѣ. Въ это время смѣлые моряки видѣли, какъ страшная масса льда, около 200 саженъ въ окружности, сорвалась съ горы и ринулась въ море. Англійскій корабль стоялъ тогда на якорѣ, въ 6-ти верстахъ отъ этого мѣста; но тѣмъ не менѣе его сорвало съ якоря: такъ сильно взволновалось море, раступившееся, чтобъ принять въ себя новаго громаднаго гостя, который цѣлыя столѣтія будетъ плавать по его волнамъ. Нѣкоторые полагаютъ, что и всѣ ледяныя горы, плавающія въ такомъ множествѣ въ моряхъ, окружающихъ полюсы земнаго шара, произошли такимъ же образомъ. Справедлива ли эта догадка или нѣтъ, вполнѣ убѣдиться трудно; но только эти ледяныя горы плаваютъ тамъ въ огромномъ количествѣ и если имъ случится столкнуться, то это столкновеніе раздается громче пушечнаго выстрѣла. Понятно, что отважные моряки, которыхъ любопытство заводитъ и въ эти негостепріимныя страны, больше всего боятся, чтобъ ихъ корабли не были затерты страшными ледяными горами, которыя имъ не всегда удается разбить выстрѣлами изъ пушекъ. Въ безвѣтренную зиму ледяныя горы смерзаются иногда въ одну громадную гористую страну, въ которую осмѣливается пускаться, на собакахъ или на лыжахъ, только смѣлый дикарь — охотникъ, да изрѣдка любознательный путешественникъ. Но стоитъ подуть сильному вѣтру — море взволнуется, ледъ начнетъ ломаться съ ужаснымъ трескомъ и страшныя горы снова задвигаются и заходятъ. Только моржъ, тюлень, да бѣлый медвѣдь, эти жители полярныхъ странъ, чувствуютъ себя, какъ дома, въ этомъ хаосѣ природы; человѣкъ же часто платится дорого за свою неустрашимую любознательность. Знаменитый англійскій мореплаватель, Франклинъ, о которомъ мы упомянули, сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ въ арктическія моря; но, наконецъ, отправившись для открытія морскаго пути мимо сѣвернаго берега Америки, пропалъ безъ вѣсти. Благодарные соотечественники снаряжали нѣсколько морскихъ экспедицій, чтобы найти Франклина или, по-

крайней-мѣрѣ, узнать, что съ нимъ сдѣлалось; и теперь уже окончательно убѣдились, что онъ погибъ со своими спутниками. Въ одну изъ экспедицій для открытія слѣдовъ Франклина удалось узнать, что дѣйствительно есть морской проходъ мимо сѣверныхъ береговъ Америки; но въ то же время убѣдились, что этотъ проходъ такъ загроможденъ плавающими льдами, что отъ него не можетъ быть никакой пользы ни мореплаванію, ни торговлѣ.

РЕЙНСКІЙ ВОДОПАДЪ.

Послѣ обѣда поѣхали мы въ наемной колескѣ къ водопаду, до котораго отъ города будетъ около двухъ верстъ. Пріѣхавъ туда, сошли съ горы и сѣли въ лодку. Стремленіе воды было очень быстро. Лодка наша страшно качалась; и чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ другому берегу, тѣмъ яростнѣе мчались волны. Одинъ порывъ вѣтра могъ бы погрузить насъ въ кипящей быстринѣ. Приставъ къ берегу, съ великимъ трудомъ вылѣзли мы на высокій утесъ, потомъ опять спустились ниже, и вошли въ галлерею, построенную, такъ сказать, въ самомъ водопадѣ. Теперь, друзья, мои, представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолѣвая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростію, и наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ, и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшіе брызги разновидныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростію летящихъ одна за другою, міріадами подымаются вверхъ и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ не проницаемой, пыли. Доски, на которыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облитъ былъ водяными частицами, молчалъ, смотрѣлъ и слышалъ разные звуки ниспадающихъ волнъ: ревущій концертъ, оглашающій душу! Феноменъ дѣйствительно величественный! Воображеніе мое одушевляло хладную стихію: давало ей чувство и голосъ: она вѣщала мнѣ о чемъ-то неизглаголанномъ! Долѣе часа стояли мы въ сей галлереѣ; но это время показалось мнѣ минутою. Переѣзжая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли, что составляетъ прекрасное великолѣпное зрѣлище. Послѣ сильныхъ движеній, бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нужно было отдохнуть. Я сѣлъ на Цюрихскомъ берегу и спокойно разсматривалъ картину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой низвергается Рейнъ, вышиною будетъ около семидесяти пяти футовъ. Въ срединѣ сего паденія возвышаются двѣ скалы, или два огромные камня, изъ которыхъ одинъ, не смотря на усиліе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимо; а другой едва держится на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ крутомъ берегу

представлялись мнѣ старый замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, виноградные сады и деревья: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ.

Н. Карамзинъ.

ГЕРКУЛАНЪ.

Когда я пріѣхалъ въ Неаполь, Везувій дремалъ. Днемъ надъ нимъ лѣниво клубился дымокъ, бѣлый какъ страусово перо; ночью, когда море исчезло подъ темною синевою сумрака, и у подножія горы, вдоль берега, засвѣчивались огоньки, волканъ по временамъ выкатывалъ изъ своего жерла багровую звѣзду пламени, которая, блеснувъ на вершинѣ, быстро потухала. Эти грозные огненные вздохи подъ небесами и эти мирные вечерніе огоньки внизу, сонный заливъ и шумный, суетящійся, осыпанный газовыми огнями Неаполь — все это сливалось въ магическую картину, отъ которой невозможно отвесть глаза безъ сожалѣнія.

Перваго августа подземные огни работали дѣятельнѣе, чѣмъ обыкновенно. Густые клубы сѣраго дыма вырывались изъ жерла и длинной цѣпью стлались надъ „кратеромъ,“—такъ неаполитанцы называютъ свой заливъ. Вечеромъ, когда солнце готово было опуститься за величественныя скалы Искіи, я помчался въ Портичи по желѣзной дорогѣ. Нигдѣ въ мірѣ рельсы не разлеглись по болѣе живописнымъ мѣстамъ: справа весело блещетъ яхонтовый заливъ, омывая амфитеатръ бѣлыхъ, желтыхъ, розовыхъ домовъ Неаполя; слѣва холмы, покрытые гранатовыми, персиковыми деревьями, виллы, потопленныя въ зеленомъ морѣ лимонныхъ садовъ и виноградниковъ; и надъ всѣмъ этимъ мрачный Везувій, мѣняющій свой цвѣтъ и и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ. При послѣднемъ, вечернемъ освѣщеніи онъ былъ бархатисто-фіолетоваго цвѣта. Обворожителенъ этотъ берегъ; но какъ безподобенъ былъ онъ за двѣ тысячи лѣтъ до насъ, когда, вмѣсто нынѣшнихъ прозаическихъ городишекъ, макаронныхъ фабрикъ и загроможденныхъ пепломъ развалинъ, широкое основаніе Везувія было окаймлено изящными портиками, амфитеатрами, колонадами и статуями.

Въ Резинѣ я вспомнилъ, что хожу по пластамъ лавы, затопившей изящный Геркуланъ. Резина — это собраніе довольно пошлыхъ каменныхъ домиковъ. Въ одномъ изъ тѣсныхъ переулковъ городка указали мнѣ на жалкій домишко, и объявили, что тутъ входъ въ Геркуланъ. Глубоко подъ массами лавы, отвердѣвшей до степени камня, лежитъ античный городъ, этотъ изящный Геркуланъ, охваченный волканическими потоками.

Съ зажженнымъ факеломъ сошелъ я въ могилу погребеннаго города; спустившись въ глубокое подземелье по каменнымъ ступенямъ, мы очутились въ мрачномъ корридорѣ: это галлерея театра. Сначала вы не можете сообразить, какимъ случаемъ эти правильныя архитектурныя линіи попали сюда въ нѣдра громадъ, подобныхъ граниту. Воображеніе отказывается представить вамъ потокъ расплавленнаго камня, нахлынувшій на самый

городъ и — застывшій навѣки! Лава такъ тверда, что уступаетъ только топору и лому. Она вкатилась во внутренность домовъ, охватила памятники, колонны, многіе изъ нихъ пошатнула, нѣкоторые уронила. Не такъ губительна была налетавшая сюда волканическая зола: она ложилась легкими слоями, наполнила собою вазы, вытѣснила изъ амфоръ вино, изъ могильныхъ урнъ пепелъ и, вѣроятно, еще была горяча: многія двери найдены обугленными даже въ тѣхъ жилищахъ, куда лава не проникла, такъ-что множество папирусовъ, хлѣбъ, рожъ — уцѣлѣли, сохранили свои формы. Везувій губитъ, но онъ же и сохраняетъ. Онъ залилъ своей смолой, закупорилъ въ прокъ два - три изъ древнихъ городовъ роскошной Кампаніи, на удивленіе и въ назиданіе потомству.

Извѣстно, что Геркуланъ открытъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Рыли колодезь, и заступы остановились на ступеняхъ полуциркульнаго театра. Теперь, сквозь этотъ цилиндрическій, значительно расширенный колодезь, на днѣ котораго я стою, проникаетъ сюда слабый свѣтъ дневной. Впослѣдствіи, были откапываемы многія зданія и храмы древняго города, расписанные фресками, но все это не долго было пищей законнаго любопытства ученыхъ и туристовъ: опасенія разрушить Резину, заставили правительство снова завалить всѣ подкопы подъ ея домами. Разумѣется, это дѣлалось не прежде, какъ по тщательномъ обобраніи древнихъ жилищъ.

НОЧЬ НА ВЕЗУВІИ.

Я вскочилъ на добраго коня, проводникъ мой взобрался на осла и мы поѣхали между виноградниками, которыми покрыта подошва Везувія. Далѣе — сѣрая, угрюмая пустыня. Это море лавы, нѣкогда бушевавшее. Конь мой шагалъ по старинным руслам огненныхъ потоковъ. Часа черезъ два ѣзды мы были на небольшой платформѣ, лежащей маленькимъ оазисомъ посреди безмолвной нагорной пустыни. Я поспѣшилъ насытить мои глаза зрѣлищемъ блистательной панорамы, открывшейся съ этой высоты. Прекрасная поляна, озаренная розовымъ и золотымъ блескомъ вечера, разстилалась подо мной, какъ эдемъ, охраняемый со всѣхъ сторонъ горами, которыя принимали различные оттѣнки опаловъ. Улыбающіяся виллы дремали посреди лавровыхъ и миртовыхъ садовъ.

Теперь понимаю, почему широкіе скаты Везувія усѣяны виллами и селеніями, почему каждый лоскутъ земли такъ смѣло оспаривается у волкана. Неаполитанцу дорога его *гора*, какъ кормилица; онъ былъ бы глубоко огорченъ, еслибъ небо лишило Неаполь благодѣтельнаго волкана. Всѣ эти города, построенные на развалинахъ другихъ городовъ, погубленныхъ и лавой, и пепельнымъ дождемъ, и землетрясеніями, всѣ они спятъ спокойно, охраняемые изображеніемъ святаго Януарія. Настанетъ грозный часъ: колодези мгновенно высыхаютъ, земля колеблется какъ море: волкана не ви-

дно, но слышенъ ревъ его и рѣки лавы, огненными цѣпями, медленно, но неотразимо, спускаются къ садамъ и жилищамъ: пышные виноградники блѣднѣютъ и чахнутъ въ одно мгновеніе: листья деревьевъ желтѣютъ, и огонь отъ корня разливается по вѣтвямъ... Когда же постигнутые несчастіемъ люди, изумленные, видятъ, что палящая рѣка переступила за деревянный крестъ, поставленный ей преградой, тогда ужасъ заступаетъ мѣсто безпечности.

Прошло нѣсколько дней, и на мѣстѣ гибели и разрушенія громоздятся новыя плоско-кровельныя жилища. При видѣ здѣшнихъ очаровательныхъ мѣстъ, эта безпечность понятна. Природа, когда перестаетъ губить, становится здѣсь такъ обольстительна, съ такою изумительною щедростью торопится прикрыть слѣды своей ярости. Везувій губитъ впродолженіи немногихъ дней, оплодотворяя почву на цѣлые вѣка. Поглядите на Резину, построенную на трупѣ Геркулана. Справа и слѣва—слѣды страшнаго разрушенія; высоко, надъ городомъ — вѣчно дымящійся сосѣдъ, ежеминутно грозящій гибелью. Но куда ни поглядишь, — жизнь здѣсь кипитъ, какъ-будто эта земля никогда не знала ни единой могилы. Веселые горожане, въ алыхъ колпакахъ на черныхъ кудряхъ, при звонкихъ пѣсняхъ, сплетаютъ виноградныя лозы съ вѣтвями шелковичныхъ деревьевъ. Женщины, сидящія у своихъ дверей, прядутъ ленъ, и мелодическая итальянская болтовня звучитъ по улицѣ, между тѣмъ какъ черноглазые ребятишки прыгаютъ въ шумныхъ хороводахъ.... И ни одной изъ этихъ матерей не приходитъ на память отрытый въ Геркуланѣ домикъ, гдѣ въ ваннѣ найдены два младенческіе скелета.

Сумракъ палъ. Я зажегъ мой факелъ и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже у самой крути горы. Отсюда кажется, что вершины можно достигнуть менѣе, чѣмъ въ четверть часа. Дорога крута, ноги тонутъ въ сыпучей золѣ; но я шагаю съ энергіею отъявленнаго туриста и оставляю проводника далеко за собою. Чтобъ подвинуться впередъ на шагъ, надо шагнуть три раза. Между тѣмъ сумракъ густѣетъ, но какой сумракъ! Это голубое небо, опускающееся на землю. Живописцы сознаются, что такого колера на палитрѣ не существуетъ.

Мы подвигались впередъ весьма не прытко. Глубокія волны пепла и шлаковъ были намъ помѣхою. Вѣтеръ потушилъ мой факелъ. Я продолжалъ подыматься посреди глубокаго мрака. Вдругъ путь мой озарился адскимъ блескомъ. Я былъ уже во владѣніяхъ огня: желтые слѣды его прикосновенія замѣтны здѣсь на каждомъ камнѣ: но ни кратера, ни пламени не видно до той минуты, покуда не ступишь на вершину, или точнѣе на плечо горы: это обширная площадь, изрытая, изборожденная взрывами волкана. Посреди ея, въ сотнѣ шаговъ отъ меня, поднимается коническій холмъ; это кратеръ, это голова волкана съ вѣчно-открытою чудовищною пастью, изъ которой поднимается черный дымъ. Сильный сѣрный запахъ захватываетъ дыханіе; кругомъ меня опять темно; рѣзкій вѣтеръ, дующій

здѣсь непрерывно, убѣдилъ меня, что вершина волкана — самое прохладное мѣсто въ Неаполѣ. Подъ ногами у меня черная, нерасплавленная, но уже нагрѣтая лава; а тамъ на ребрахъ конуса блещутъ два широкіе потока, яркіе какъ растопленное золото: это раскаленная лава.

Часть площадки, отдѣлявшей меня отъ кратера, волновалась; толстая кора волкана лопалась, раздиралась на полосы, на мелкіе куски; широкія трещины зіяли кровавымъ огнемъ, и изъ нихъ съ свистомъ вырывался густой желтый дымъ; почва раскалялась до-бѣла, и расплавленная, струями подвигалась къ краю площадки, потомъ медленно лилась внизъ по склону горы, — вотъ лава! Забывъ опасность, а пытался приблизиться къ этимъ адскимъ потокамъ. Сильный вѣтеръ оледенялъ мнѣ затылокъ, между тѣмъ какъ жаръ, пышащій отъ лавы, палилъ мнѣ лицо; подошвы мои обугливались... Я старался вонзить оконечность моего посоха въ это раскаленное вещество, но напрасно: лава вовсе не жидкость; она имѣетъ видъ и плотность раскаленнаго желѣза, хотя течетъ подобно растопленному свинцу. Я еще не могъ отвесть глазъ отъ этого невиданнаго зрѣлища,—вдругъ облако дыма надъ кратеромъ побагровѣло, послышался гулъ подземныхъ громовъ, вся громада Везувія страшно дрогнула, и широкій снопъ ослѣпительнаго огня вырвался изъ жерла.... Багровые шары высоко взлетѣли къ небу, посреди огненнаго дождя пепла: это раскаленные камни, фута въ два величиною, отрываемые силою огня отъ внутреннихъ стѣнъ кратера. Меня уже предупредили, что этихъ каменныхъ ядеръ нечего бояться. Брошенные вверхъ перпендикулярно, они упадаютъ въ томъ же самомъ направленіи въ жерло или на его закраины. Нѣсколько секундъ волканъ дрожалъ подъ моими ногами и снова все погрузилось въ мракъ; но глухое клокотаніе въ жерлѣ не умолкало, и тяжело движущаяся лава разливала кругомъ себя красноватое зарево.

Я чувствовалъ неодолимое влеченіе къ этому грозному дѣятелю природы; мнѣ хотѣлось заглянуть въ лабораторію, гдѣ работаютъ ея таинственныя силы: я былъ отъ этой мастерской такъ недалеко... Ни удушливые газы, ни сѣрнистый дымъ, ни зола, взвѣваемая вѣтромъ, не могли остановить меня. Я покушался взобраться на самый конусъ, до края широкой бездны,—но колебавшаяся подъ моими ногами кора кратера и новые взрывы волкана остановили меня на пол-пути. По скользкимъ сугробамъ золы я скатился назадъ на площадку, ошеломленный, черный и опаленный.

Я провелъ ночь на волканѣ. Луна взошла поздно. Мой вожатый разнѣжился, лежа въ теплой золѣ, и заснулъ, какъ убитый. Я, сидя на грудѣ камней, глядѣлъ внизъ. Подъ яркимъ блескомъ италіянской луны, море сверкало, и ясно обозначалось бѣлѣющее зданіями полукружіе береговъ Неаполя; ночные огни, и неподвижные, и перебѣгающіе, одинъ за другимъ постепенно погасали. Утро было близко. Звѣзды блѣднѣли; на восто-

кѣ, за темной стѣной Апенинъ, бѣлесоватая полоса яснѣла и яснѣла! Воздухъ становился неизъяснимо прозраченъ. Небеса были пріятнаго фіалкова гоцвѣта. Вдали, утесистые берега Сорренто, скалы Капри сбрасывали съ себя ночныя покрывала, и являлись въ полномъ блескѣ цвѣтистыхъ утреннихъ нарядовъ. Не помню ни одной картины, не знаю ни одной страницы, гдѣ бы эти магическіе эффекты были выражены такъ удовлетворительно.

Свѣжій разсвѣтный вѣтерокъ вызвалъ десятки парусовъ на голубыя зыби залива. До меня долеталъ шопотъ пробуждавшихся селеній, вмѣстѣ съ утреннимъ ароматомъ лимонныхъ садовъ. Морской вѣтерокъ заколыхалъ фестоны виноградныхъ лозъ, сплетенные съ вѣтвями тополей. Солнце, поднявшееся надъ мертвой Помпеей, разсыпало свои искры по волнамъ. Въ минуту горизонтъ былъ потопленъ золотистымъ паромъ, воздухъ наполнился благоуханіемъ, все въ природѣ, казалось, готовилось къ какому-то торжеству. Волканъ трепеталъ и бормоталъ. Румяное облачко, ночевавшее на сосѣдней горѣ, подплывало къ вершинѣ Везувія... Я воображалъ, что сейчасъ зароюсь въ розовый пухъ,—и былъ окутанъ густымъ, холоднымъ туманомъ... Нѣсколько минутъ, проведенныхъ въ тучѣ, подарили меня лихорадкой. Потомъ я видѣлъ, какъ облако, улетая, таяло въ воздухѣ на первыхъ лучахъ солнца.

ЭСКИМОСЫ.

Въ полярныхъ странахъ земнаго шара впродолженіи девяти мѣсяцевъ въ году, все, и земля, и вода, покрыто однообразной снѣжной пеленою; а впродолженіи трехъ мѣсяцевъ изъ этихъ девяти, солнце не показывается ни на минуту и тьма, нарушаемая только свѣтомъ луны и сѣвернымъ сіяніемъ, покрываетъ печальную снѣжную пустыню. Однакоже и въ этой нетостепріимной странѣ живутъ люди; тамъ родятся и остаются всю жизнь, лѣто и зиму, не подозрѣвая даже, что есть на землѣ другія страны, болѣе теплыя и счастливыя. Таковы дикія племена, живущія въ трехъ частяхъ свѣта, на ихъ сѣверныхъ границахъ; но мы займемся только однимъ изъ этихъ племенъ — *эскимосами*.

Эскимосы живутъ въ Сѣверной Америкѣ, по берегамъ Ледовитаго и Тихаго океановъ, отчасти въ русскихъ американскихъ владѣніяхъ, отчасти по независимымъ землямъ, рѣдко удаляясь отъ берега далѣе шестидесяти или семидесяти верстъ. Это племя, и безъ того немногочисленное, раздѣлено на множество мелкихъ поколѣній, которыя всѣ носятъ разныя названія.

Съ виду эскимосъ очень некрасивъ: круглая, несоразмѣрно большая голова, широкое, плоское лицо съ выдавшимися скулами, маленькій, запавшій носъ, черные, длинные, жесткіе волосы, замѣчательно небольшія руки и ноги, короткіе пальцы, красновато-бурый цвѣтъ кожи, вѣчно холодной и покрытой толстымъ слоемъ грязи и жиру,—вотъ отличительныя черты эскимоса.

У эскимосовъ нѣтъ ни полей, ни садовъ, и вообще, они не занимаются разведеніемъ растеній; да это и невозможно въ странѣ, гдѣ десять мѣсяцевъ въ году почва бываетъ скована морозомъ. Они, по необходимости, должны ограничиваться одною *животною* пищею.

Море, у береговъ котораго преимущественно живутъ эскимосы, изобилуетъ множествомъ различной рыбы, а также и морскими звѣрями, а именно: тюленями, моржами и китами. Сѣверные олени, лисицы, волки и бѣлые медвѣди также бродятъ по снѣжнымъ пустынямъ. Охота за этими звѣрями даетъ эскимосу пищу, одежду и топливо. Но у эскимосскаго охотника нѣтъ ни ружья, ни пороху, ни лошади. Онъ самъ себѣ дѣлаетъ копье, лукъ, стрѣлы, багры и крючки, заостривая всѣ эти оружія костями, потому что употребленіе желѣза не было извѣстно эскимосамъ до ихъ знакомства съ европейцами, да и теперь еще желѣзо распространено между дикарями весьма мало. У эскимосовъ нѣтъ пеньки, а потому нѣтъ и нашихъ веревокъ; вмѣсто ихъ, они употребляютъ жилы и кожи звѣрей, разрѣзанныя длинными полосами. Изъ этихъ кожаныхъ веревокъ и изъ крючковъ приготовляютъ они западни и, устроивъ ихъ, терпѣливо выжидаютъ добычу. Съ этими скудными средствами дикарь ловитъ однако быстроногаго оленя, кровожаднаго волка и сѣвернаго силача, медвѣдя; собравшись же значительною толпою, эскимосы одолѣваютъ даже царя морей, кита.

Эскимосы ѣдятъ необыкновенно много, такъ что обжорство ихъ приводитъ въ ужасъ европейца; но за то они и голодаютъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ, потому что рѣшительно не знаютъ предусмотрительности и не запасаютъ пищи на черный день. Они наслаждаются покоемъ, пока у нихъ есть что ѣсть, и только голодъ выгоняетъ ихъ изъ жилищъ. Непредусмотрительность и лѣнь, вообще отличающія дикаго человѣка отъ образованнаго, доходятъ у эскимосовъ до высшей степени. Все удовольствіе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы набить себѣ животъ, какъ можно болѣе. Особенно любятъ они жиръ, котораго очень много у всѣхъ животныхъ полярныхъ странъ, и который составляетъ для эскимоса пищу, топливо и освѣщеніе. Когда англійскій мореплаватель, капитанъ Парри, встрѣтился съ эскимосами на полуостровѣ Мельвилѣ и предложилъ имъ разныя европейскія сладости и сахаръ, то не произвелъ этимъ на дикарей никакого пріятнаго впечатлѣнія; но получивъ сальныя свѣчи, эскимосы начали пожирать ихъ съ такою быстротою, что матросы съ трудомъ могли вырвать изо-рта у нихъ свѣтильни, которыми они могли подавиться. Вкусъ дикарей такъ не развитъ и они такъ мало имѣютъ понятія о чистотѣ, что европейца тошнитъ, когда онъ смотритъ на ихъ обѣдъ. Пристрастіе эскимосовъ къ жиру объясняется впрочемъ тѣмъ, что это вещество всего способнѣе поддерживать въ тѣлѣ теплоту, которая такъ нужна бѣдному жителю отдаленнаго сѣвера; обжорство же зависитъ отъ недостатка предусмотрительности. Завидя пищу, эс-

кимосъ старается съѣсть ея какъ можно болѣе, и дѣйствительно съѣдаетъ за одинъ присѣстъ такое количество смердящаго жира, какого, будь эта пища гораздо вкуснѣе, не съѣсть европейцу и въ десять дней.

Жилища эскимосовъ также очень оригинальны: не имѣя ни дерева, ни кирпичей, эскимосы строятъ свои дома изъ единственнаго матеріала, котораго у нихъ много — изъ снѣгу. Какъ только начинается зима, они сбиваютъ снѣгъ въ твердые и большіе куски и, складывая одинъ кусокъ на другой, выводятъ стѣны своего круглаго жилища, похожаго формою на копну сѣна, оставляя небольшое отверстіе вмѣсто двери и вставляя вмѣсто оконъ большія льдины. Ко входу они придѣлываютъ также изъ снѣгу нѣчто въ родѣ сѣней или, лучше сказать, длинной трубы, черезъ которую они на четверенькахъ влѣзаютъ въ свой снѣжный домъ. Теплота подъ снѣгомъ сохраняется довольно хорошо, потому что снѣгъ *дурной проводникъ тепла;* но можно себѣ представить, какъ неудобно жить въ такомъ снѣговомъ домѣ. Впродолженіи зимы жилища эскимосовъ совершенно заносятся снѣгомъ, и тогда можно сказать, что эскимосы живутъ какъ звѣри — въ норахъ. При наступленіи недолгаго, но жаркаго лѣта, когда солнце, невидимое нѣсколько мѣсяцевъ, почти не сходитъ съ неба, эскимосскія деревни таютъ быстро и жители ихъ на все лѣто остаются подъ открытымъ небомъ.

Одежда эскимосовъ приспособлена къ холодному климату ихъ страны. У нихъ, конечно, нѣтъ ни сукна, ни полотна; а потому, они дѣлаютъ себѣ платье изъ оленьихъ шкуръ, сшивая ихъ звѣриными жилами и притомъ по двѣ кожи вмѣстѣ, одну, вмѣсто подкладки, внутрь шерстью, другую — наружу. Одежда эта состоитъ изъ оленьей рубашки съ капишономъ, надѣваемымъ на голову, оленьихъ же широкихъ панталонъ и такихъ же сапоговъ. Платье женщинъ почти ничѣмъ не отличается отъ платья мужчинъ; только голенища ихъ сапоговъ необыкновенно широки, потому что за голенищами лежатъ у нихъ дѣти.

Благоустроеннаго государства и правительства эскимосы не знаютъ: они живутъ *семьями* и *родами*, уважаютъ только мужество и физическую силу. Понятія о Богѣ у нихъ самыя скудныя.

Сравнивъ жизнь эскимоса съ жизнью жителей Петербурга, Лондона или Парижа, трудно повѣрить, что было время, когда на мѣстѣ этихъ великолѣпныхъ городовъ жили дикари, подобные самоѣдамъ. Однакоже это *фактъ*, неподлежащій ни малѣйшему сомнѣнію. Въ старыхъ могилахъ, которыхъ много уже разрыто и на британскихъ островахъ, и по берегамъ Балтійскаго моря, находятъ оружія, сдѣланныя изъ заостренныхъ камней; а это показываетъ ясно, что было время, когда жители этихъ мѣстностей не знали употребленія ни желѣза, ни мѣди, и слѣдовательно, вели тяжелую жизнь дикарей.

Любопытно бы знать, какимъ образомъ многіе народы вышли изъ ди-

каго состоянія и достигли высокой степени образованности; какъ люди сдѣлали множество открытій, о которыхъ и не мечталъ дикарь; какъ бросили они дикій бытъ и установили благоустроенныя государства; какъ изъ язычниковъ сдѣлались христіанами, а изъ грубыхъ дикарей, которые видомъ и жизнью своею напоминаютъ животныхъ, образованными людьми. Все это современемъ разскажетъ намъ *исторія*, когда мы будемъ ее изучать.

САМОѢДЫ.

При этомъ имени, какъ живая, возстаетъ теперь въ моемъ воображеніи жалкая фигура приземистаго, низенькаго самоѣдина, съ лицемъ обезображеннымъ оспою и украшеннымъ снизу рѣденькой бороденкой, плохо выросшей, а сверху—черными, жесткими волосами, торчащими копной. При входѣ въ дверь моей комнаты, онъ обѣими руками быстро схватилъ съ головы своей шапку — пыжицу съ длинными ушами, разукрашенными по мѣстамъ разноцвѣтными сукнами, и повалился въ ноги. Тяжело приподнявшись, онъ промычалъ, искоса взглядывая на меня:

— Чумъ, ѣхать, ну!....

И онъ махнулъ при этомъ правой рукой съ шапкой въ сторону окна, уставившись потомъ глазами въ землю.

Это былъ мой проводникъ, присланный самоѣдскимъ старшиной — истинный типъ, годный для фотографіи, какъ лучшій образецъ самоѣдскаго облика.

Мы отправились. Опять снѣжныя поля раскинулись со всѣхъ сторонъ; опять скакали впереди саночекъ наши олешки, понуривъ головки; опять приходилось мнѣ прятать свое лицо, поворачиваясь спиной къ сѣверу, откуда тянуло невыносимымъ морозомъ, хотя при полномъ безвѣтріи. Наконецъ, мы выѣхали изъ кустарника на поляну. Вся она уже была подернута густыми сумерками; въ трехъ разныхъ мѣстахъ ея мелькали огоньки: одинъ словно теплина, которую раскладываютъ волжскіе пастухи на *ночлинъ;* два другихъ пускали пламя и дымъ, густой, стоявшій неподвижнымъ столбомъ. Кругомъ — олени; по всей полянѣ разбрелись они, и бѣлая поляна превратилась почти въ сплошную, черную: одинъ постукиваетъ то правой, то лѣвой передними ногами въ снѣгъ, перестаетъ на время, наклоняется, какъ будто обнюхиваетъ то мѣсто и опять начинаетъ стучать копытами, смѣняя одно другимъ, и стучитъ долго, настойчиво. Другой олень стоитъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, какъ-будто вросъ въ него, уткнувшись мордой въ черную тундру; нѣсколько другихъ оленей бѣгаютъ въ круги, двое дерутся рогами. И надъ всѣмъ этимъ глубокое, невозмутимое ничѣмъ, молчаніе. Какъ копны, какъ стоги сѣна, уединенно стоятъ поодаль конусообразные чумы — цѣль нашей поѣздки. Входимъ въ ближайшій, или лучше, пролѣзаемъ въ него черезъ узенькое отверстіе и дальше лѣзть уже не мо-

жемъ: прямо передъ нами, посрединѣ чума, разложены горящіе дрова, надъ ними кипитъ котелокъ и клокочетъ вода, дымъ свободно лѣзетъ въ отверстіе наверху и все-таки много этого дыма остается въ чумѣ; дымъ ѣстъ глаза, не позволяя и подняться на ноги. Садишься на корточки и, при свѣтѣ довольно-сильно разгорѣвшихся дровъ, видишь изумленныя, недоумѣвающія лица: одно, сколько можно судить по ребенку на груди, принадлежитъ *иньк*ѣ, можетъ быть женѣ хозяина чума, другое—ему самому, потому что всѣ остальныя моложавы, хотя уже съ поразительными задатками на то, чтобы черезъ пять, шесть лѣтъ рѣшительно, капля въ каплю, походить на отца или, все равно, и на мать. Въ чумѣ тепло, сколько можно судить объ этомъ по тому, что у мальчишекъ на рубашкахъ растегнуты вороты и видны голыя смуглыя груди. Самоѣдъ-хозяинъ стружетъ ножемъ мерзлую рыбу и, видимо, съ наслажденіемъ ѣстъ эти стружки; инька, покормивши ребенка, садится съ иглой и сшиваетъ оленьими жилами одну оленью постель съ другою; ребятишки, тоже какъ-будто освоившись съ новымъ лицемъ, продолжаютъ дѣлать свое; одинъ скоблитъ оленью постель, другой мастеритъ какую-то игрушку. И все это творится въ глубокомъ сосредоточенномъ молчаніи. Осмотришься кругомъ: закоптѣлыя и значительно подержанныя оленьи постели лежатъ на шесткахъ, сближающихся къ верхнему отверстію. Оттуда, по временамъ, какъ-будто дунетъ кто-то и чумъ вслѣдъ за тѣмъ вплотную наполнится дымомъ, который слѣпитъ глаза и мѣшаетъ производить дальнѣйшій обзоръ чума. Вырвется этотъ дымъ на волю, и опять все старые виды: инька шьетъ, мужъ ея стружетъ рыбу, надъ котломъ въ дыму и на деревянной рѣшеткѣ коптится или вялится мясо, можетъ быть *песцевина* (мясо песца), можетъ быть *лисицевина*, или, наконецъ, даже оленина. По временамъ мясо это пускаетъ отъ себя непріятный одуряющій запахъ, и, того гляди, не усидишь дольше въ чумѣ на этомъ коврѣ, плетенномъ изъ тростника ерки, подлѣ этихъ *латъ* — деревянныхъ досокъ, которыми огороженъ со всѣхъ сторонъ огонь.

— Давно ли вы стоите здѣсь? спросилъ я самоѣда, чтобы о чемъ нибудь заговорить съ нимъ.

— Вчера, отвѣчалъ онъ урывисто, по обыкновенію, и по обыкновенію потушилъ глаза.

— А когда снимаетесь?

— А вонъ!

Самоѣдъ тряхнулъ головой и, не отвѣтивъ ничего больше, медленно приподнялся съ мѣста, отбросилъ рыбу въ сторону и, накинувши на себя малицу, вышелъ вонъ. Я сталъ прислушиваться: глухо раздавался вдали лай собаченокъ по разнымъ мѣстамъ на полянѣ, мать-самоѣдка и ребятёнки стали спѣшно подбирать подручное, укладывая все это въ коробки, плетушки, мѣшки. Я поспѣшилъ вылѣзть на воздухъ. На встрѣчу попа-

дается самоѣдъ, останавливается и всматривается въ меня, тоже какъ-будто недоумѣвая и удивляясь.

— Что такъ рано снимаетесь? спрашиваю я его, желая хоть этимъ вопросомъ вывести его изъ недоумѣнія. Самоѣдъ улыбается, однако находится на отвѣтъ.

— Олешка мохъ съѣлъ.... велитъ дальше!....

И, съ этими словами, ловко бросаетъ онъ петлю на рога набѣжавшаго на насъ оленя; тотъ останавливается, испуганный; дрожа всѣмъ тѣломъ. Самоѣдъ привязываетъ его къ чуму; ловитъ другаго, третьяго.... и съ ними дѣлаетъ то же. Между тѣмъ три хохлатыхъ собаченки продолжаютъ обѣгать съ удушливымъ лаемъ, вокругъ стада, останавливаясь передъ тѣми оленями, которые, не слушаясь лая, еще щиплютъ мохъ; собаки лаютъ на нихъ долго и много; наконецъ, и этихъ спугиваютъ съ мѣста и ихъ обращаютъ въ бѣгство на настороженный арканъ хозяевъ. Вскорѣ уже много оленей стояли привязанными къ чумамъ; остальные сбиты собаченками въ неподвижную, послушную кучу. Откинутые отъ чумовъ, санки стоятъ уже на готовѣ, нагруженныя кое-какимъ мелкимъ скарбомъ, снесеннымъ иньками; на остальныя изъ нихъ складываются затѣмъ нюки, поднючья (тѣ же оленьи шкуры, которыя въ чумѣ замѣняютъ нижнюю настилку); на третьи санки кладутъ шесты, на четвертыя садятся ребетёнки, по одному и по два, на шестыя мать съ грудным ребенкомъ, на седьмыя бросаютъ хохлатыхъ собаченокъ, сдѣлавшихъ свое дѣло и прикурнувшихъ, на восьмыя, переднія, взлѣзаетъ самъ хозяинъ чума и—*аришъ* готовъ. И ѣдетъ онъ на другое мѣсто, гдѣ больше моху, еще невытравленнаго, и гдѣ также оставитъ онъ послѣ себя тундру взбитою и такою же почернѣлою, какъ и эту, которая лежитъ теперь передъ глазами моими во всемъ пустынномъ однообраніи. На новомъ мѣстѣ, верстъ за 50 отсюда, разобьютъ въ полчаса эти же чумы самоѣды и опять постоятъ на немъ два, много три дня, какъ бы исключительно для того, чтобы перебраться на иныя мѣста. Самоѣды всегда зависятъ отъ прихоти своихъ оленей, которымъ нужна свѣжая пища, новыя мѣста, и *становятся чумами* тамъ, гдѣ указываетъ инстинктъ этихъ животныхъ. И вотъ почему и самая жизнь самоѣда тѣсно сливается съ проявленіемъ животнаго существованія тѣхъ же самыхъ оленей, которые поставлены въ необходимость отыскивать себѣ пищу тамъ, гдѣ она есть — и самоѣды плетутся за ними туда же, какъ вѣрные слуги. Этимъ оправдывается и кочевая жизнь этого инородческаго племени сѣверной Россіи.

КИРГИЗСКІЯ СТЕПИ.

Купеческій караванъ уже собрался и черезъ нѣсколько дней уже готовъ былъ выступить изъ Семипалатинска по направленію къ Чугучаку и Куль-

жѣ. Мы отправились впередъ, въ степь къ султану Кошъ-Магоммету, чтобы потомъ присоединиться къ каравану.

15-го ноября мы оставили Семипалатинскъ. Два слова о Семипалатинскѣ: это маленькій пограничный городокъ въ Западной Сибири, на Иртышѣ. Лѣтомъ въ Семипалатинскѣ чрезвычайно жарко и весь онъ занесенъ сугробами песку. Зимою въ Семипалатинскѣ очень холодно и весь онъ занесенъ сугробами снѣга. Одно въ немъ постоянно, — вѣтеръ, который лѣтомъ дуетъ съ раскаленныхъ, отовсюду обнаженныхъ степей, а зимою со снѣжныхъ горъ.

Дня черезъ два мы уже приближались къ *зимовью* султана. Десятокъ юртъ, бѣдныхъ и побогаче, смотря потому, принадлежатъ ли онѣ слугамъ или женамъ султана, и посрединѣ маленькій кое-какъ сложенный, деревянный домикъ, подъ затишьемъ пригорковъ, окружающихъ озеро Сарыбулакъ, подъ защитою сотни казаковъ, составляли зимнее жилище султана, въ которое онъ незадолго до нашего прибытія перекочевалъ. Все было пестро и въ разладѣ одно съ другимъ.

Послѣ радушнаго пріема, султанъ, желая выказать въ высшей степени свое къ намъ расположеніе и довѣренность, пригласилъ насъ посѣтить кибитку своей жены. Но пояснимъ хотя нѣсколько слово „кибитка:“ это куполообразный, войлочный шатеръ, съ войлочнымъ запоромъ вмѣсто двери, съ отверстіемъ вверху, замѣняющимъ окно и трубу. Основаніемъ кибитки служитъ круглая, деревянная рѣшетка, а куполъ поддерживаютъ жерди, прикрѣпленныя петлями снизу къ рѣшеткѣ, сверху къ правильному кругу. Избавляемъ читателей отъ киргизскихъ названій всѣхъ принадлежностей кибитки. Снаружи кошмы или войлоки обтягиваются веревками и тесьмами, которыя проходятъ внутрь и закрѣпляются близъ дверей. Все это на случай похода снимается въ пять минутъ; рѣшетка плотно сжимается, жерди собираются въ пучокъ, то и другое обвивается кошмами, и въ двѣ минуты кибитка уложена, навьючена на верблюда и отправлена; еще пять минутъ — и она вновь разставлена.

Кибитка старшей султанши, въ которую насъ вводили, была убрана богато. Рѣшетка внутри застилалась тонкимъ войлокомъ, испещреннымъ тесьмами, а полъ коврами; съ правой стороны стоялъ рядъ раскрашенныхъ казанскихъ сундуковъ, надъ которыми возвышался другой; турсукъ, или большой кожанный мѣшокъ съ кумысомъ, занималъ почетное мѣсто и отличался роскошью отдѣлки; далѣе, нѣсколько тюфяковъ и другихъ постелей и сѣдалищъ были расположены вдоль рѣшетки и покрыты богатыми одѣялами и коврами; одна постель была застлана краснымъ сукномъ, окаймленнымъ мишурной бахромой. На этотъ разъ кибитка была очищена отъ всѣхъ душистыхъ предметовъ киргизской гастрономіи, и все показывало нѣкоторый порядокъ и приготовленіе къ принятію русскихъ.....

Мало по малу собирались къ намъ отдѣльныя толпы киргизовъ, караванныхъ возчиковъ, съ навьюченными верблюдами; наконецъ, оставивъ гостепріимный кровъ султана, мы вскорѣ увидѣли въ дали обширный таборъ: это была часть каравана, вышедшая изъ Семипалатинска черезъ нѣсколько дней послѣ насъ, съ караванъ-башемъ Мирза-Баемъ, и уже поджидавшая нашего прихода; тутъ же были базарчи — киргизы, ходившіе въ Семипалатинскъ для мѣны и возвращавшіеся съ хлѣбомъ въ свои аулы; все смѣшалось въ одну общую, нестройную массу; начались споры и совѣщанія относительно направленія пути; наконецъ, условились, какъ хотѣлось караванъ-башу: соединились въ одинъ огромный караванъ и двинулись впередъ, придерживаясь китайской пограничной линіи. По соединеніи своемъ въ одно, весь караванъ состоялъ изъ 1500 купеческихъ верблюдовъ и 1000 принадлежавшихъ базарчіямъ, изъ которыхъ большая часть должна была впослѣдствіи отдѣлиться отъ насъ.

Какая безконечная пустыня! Горе страннику безъ путеводителя: ни холма, по которому бы онъ замѣтилъ направленіе пути, ни ручья, гдѣ бы могъ утолить жажду, ни пріюта отъ бури, ни защиты отъ звѣря. Одинъ киргизъ усвоилъ себѣ это безбрежное пространство степи; здѣсь онъ дома, хотя бы пороходилъ отъ устья Эмбы до вершины Аяузы, отъ береговъ Каспійскихъ — на Иртышъ; все служитъ ему указателемъ пути: звѣзда, направленіе вѣтра, наклоненіе травы; каждая мулла (мазарка, киргизская могила) ему знакома. Пищей для него служатъ въ случаѣ нужды коренья, кусокъ кожи, лоскутъ его сальной одежды; воду киргизъ находитъ въ извѣстныхъ ему мѣстахъ, углубившись не болѣе какъ на пол-аршина отъ поверхности, а нѣтъ — онъ обойдется и безъ нея; ни одно животное не въ состояніи перенести того, что можетъ перенести киргизъ; окрѣпшій привычкой безпрерывной нужды, онъ подавилъ въ себѣ всѣ страсти, онъ довелъ свои чувства до того огрубѣлаго состоянія, которое равняетъ его съ животнымъ въ нравственномъ отношеніи, между тѣмъ какъ въ отношеніи физическомъ и по дару инстинкта, онъ превосходитъ большую часть животныхъ, съ которыми ему приходится имѣть дѣло чаще, чѣмъ съ людьми.

Какое грустное однообразіе: сегодня какъ завтра, завтра какъ вчера. Далеко до разсвѣта пробуждаетъ васъ ревъ верблюдовъ, изрѣдка прерываемый словами „чокъ, чокъ“ или дребезжащимъ голосомъ караванъ-баши. Скорость вьюченья верблюдовъ, разставленія джулумы, да еще кипяченіе чайника составляетъ славу и гордость караванныхъ людей; въ часъ все готово: джулумы сняты и навьюченные верблюды отправлены; огоньки, дотолѣ прикрытые джулумами, вырвавшись на свободу, вспыхиваютъ ярко и переигрываютъ со звѣздами своимъ блескомъ, темнота ночи дѣлается еще чернѣе. Наконецъ, пускаются и вершники въ догонку за своими верблюдами; оглянитесь назадъ: еще мерцаютъ огоньки; но какъ все глухо

и пусто тамъ, гдѣ нѣсколько минутъ до того кипѣла цѣлая движущаяся община, съ ея желаніями, страстями и пороками.

ЮЖНО-РУССКАЯ СТЕПЬ.

Степь уже давно приняла Тараса Бульбу, двухъ его сыновей и 10-ть человѣкъ казаковъ въ свои зеленыя объятія, и высокая трава, обступивши, скрыла ихъ, и только черныя казачьи шапки однѣ мелькали между колосьями!

„Э, э, э! Что же это вы, хлопцы, такъ притихли?“ сказалъ наконецъ Бульба, очнувшись отъ своей задумчивости: „какъ будто какіе-нибудь чернецы! Ну, разомъ, разомъ! Всѣ думки къ нечистому! Берите въ зубы люльки, да закуримъ, да пришпоримъ коней, да полетимъ такъ, чтобы и птицы не угнались за нами.“

И казаки, прилегши нѣсколько къ конямъ, пропали въ травѣ. Уже и черныхъ шапокъ нельзя было видѣть: одна только быстрая молнія сжимаемой травы показывала бѣгъ ихъ.

Солнце выглянуло давно на расчищенномъ небѣ и живительнымъ теплотворнымъ свѣтомъ своимъ облило степь. Все, что смутно и сонно было на душѣ у казаковъ, вмигъ слетѣло; сердца ихъ встрепенулись, какъ птицы.

Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда (въ половинѣ XVII столѣтія) весь югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію, до самаго Чернаго моря, было зеленою дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній; одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничто въ природѣ не могло быть лучше этихъ степей. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубыя, синія и лиловыя волошки: желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный Богъ знаетъ откуда колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистковъ. Въ небѣ неподвижно стояли ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ, двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался, Богъ знаетъ, въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы поднималась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха; вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкою; вонъ она перевернулась крылами и блеснула передъ солнцемъ... Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!...

Наши путешественники остановились только на нѣсколько минутъ для обѣда; причемъ ѣхавшій съ ними отрядъ, состоявшій изъ десяти каза-

ковъ, слѣзалъ съ лошадей, отвязывалъ деревянныя баклажки съ горелкою и тыквы, употребляемыя вмѣсто сосудовъ. Ѣли только хлѣбъ съ саломъ, или коржи, пили только по одной чаркѣ, единственно для подкрѣпленія, потому-что Тарасъ-Бульба не позволялъ никогда напиваться въ дорогѣ, и продолжали путь до вечера. Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнилась все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видно было, какъ тѣнь перебѣгала по немъ и она становилась темно зеленою; испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускали амбру, и вся степь курилась благовоніемъ. По небу изъ-голуба-темному, какъ будто исполинскою кистью, наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками легкія и прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался до щекъ. Вся музыка, наполнявшая день, утихала и смѣнялась другою. Пестрые овражки выпалзывали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого-нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухѣ. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлегъ, раскладывали огонь и ставили на него котелъ, въ которомъ варили себѣ кулишъ; паръ отдѣлялся и косвенно дымился въ воздухѣ. Поужинавъ, казаки ложились спать, пустивши по травѣ спутанныхъ коней своихъ. Они раскидывались на свиткахъ. На нихъ прямо глядѣли звѣзды. Они слышали своимъ ухомъ весь безчисленный міръ насѣкомыхъ, наполнявшихъ траву; весь ихъ трескъ, свистъ, все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ ночномъ воздухѣ и доходило до слуха гармоническимъ. Если кто-нибудь изъ нихъ подымался и вставалъ на время, то ему представлялась степь усѣянною блестящими искрами свѣтящихся червей. Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ пылало дальнимъ заревомъ отъ выжигаемаго по лугамъ и рѣкамъ сухаго тростника, и темная вереница лебедей, летѣвшихъ на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебряно-розовымъ свѣтомъ, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу.

Путешественники ѣхали безъ всякихъ приключеній. Нигдѣ не попадались имъ деревья: все та же безконечная, вольная, прекрасная степь. По временамъ только въ сторонѣ синѣли верхушки отдаленнаго лѣса, тянувшагося по берегамъ Днѣпра. Одинъ только разъ Тарасъ указалъ сыновьямъ на маленькую чернѣвшую въ дальней травѣ точку, сказавши: „смотрите, дѣтки, вонъ скачетъ татаринъ!“ Маленькая головка съ усами уставила издали прямо на нихъ узенькіе глаза свои, понюхала воздухъ, какъ гончая собака, и, какъ серна, пропала, увидѣвши, что казаковъ было тринадцать человѣкъ. „А ну, дѣти, попробуйте догнать татарина! и не про-

буйте; у него конь быстрѣе моего чорта.“ Однакожъ Бульба взялъ предосторожность, опасаясь гдѣ-нибудь скрывавшейся засады. Они прискакали къ небольшой рѣчкѣ, называвшейся Татаркой и впадающей въ Днѣпръ, кинулись въ воду съ конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть слѣдъ свой, и тогда уже, выбравшись на берегъ, продолжали путь. Черезъ три дня послѣ этого, они были уже недалеко отъ мѣста, бывшаго предметомъ ихъ поѣздки. Въ воздухѣ вдругъ захолодѣло; они почувствовали близость Днѣпра. Вотъ онъ сверкаетъ вдали, и темною полосою отдѣлился отъ горизонта. Онъ вѣялъ холодными волнами, и разстилался ближе, ближе и, наконецъ, обхватилъ половину всей поверхности земли. Это было то мѣсто Днѣпра, гдѣ онъ, дотолѣ спертый порогами, бралъ наконецъ свое и шумѣлъ какъ море, разлившись по волѣ, гдѣ брошенные въ средину его острова вытѣсняли его еще далѣе изъ береговъ, и волны его стлались по самой землѣ, не встрѣчая ни утесовъ, ни возвышеній. Казаки сошли съ коней своихъ, взошли на паромъ и черезъ три часа плаванія были уже у береговъ острова Хортицы, гдѣ была тогда сѣчь, такъ часто перемѣнявшая свое жилище. Куча народу бранилась на берегу съ перевозчиками. Казаки оправили коней; Тарасъ пріосанился, стянулъ на себѣ покрѣпче поясъ и гордо провелъ рукою по усамъ.

ГОЛЛАНДЦЫ.

Кто пріѣдетъ въ Голландію и взглянетъ на жизнь голландцевъ, на ихъ набережныя, каналы, рвы, шлюзы, плотины, на ихъ прекрасныя гавани, верфи, шоссе, желѣзныя дороги, чистенькіе города, крѣпости, башни; — кто присмотрится къ голландской смѣлости, предусмотрительности, чистотѣ, умѣренности, ясности въ словахъ и отчетливости въ поступкахъ: — тотъ будетъ пораженъ изумленіемъ. Но кто узнаетъ голландцевъ поближе, и познакомится съ ихъ исторіей, тотъ съ почтеніемъ будетъ смотрѣть на этотъ народъ. Вся эта богатая страна, эти прекрасные города, эти миленькія, блестящія чистотою деревни созданы рукою человѣка, — созданы на землѣ, отнятой большею частью у морскихъ волнъ. Войдя въ городъ или деревню и взглянувъ на этихъ спокойныхъ, важно двигающихся людей, которые встрѣчаютъ васъ всегда кроткой улыбкой и медленной рѣчью, трудно подумать, чтобы всѣ эти гигантскія постройки были сдѣланы ими. Взглянувъ на голландца, на его чистое платье, на его причесанный парикъ, на цвѣты и травы, которые въ самомъ строгомъ порядкѣ украшаютъ его сады и палисадники; заглянувъ на голландское гумно и въ голландскій хлѣвъ, въ которомъ такъ чисто, что разодѣтая барыня не запачкаетъ краевъ своего платья—не вѣрится, чтобы эти спокойные, чопорные люди создали такую чудную землю изъ болота, въ которомъ плодились только жабы да лягушки; не вѣрится, чтобы эти медленные, спокойные, осторожные люди могли бороться

съ моремъ и побѣдить его. Все, что вы видите въ Голландіи, дѣло могучихъ рукъ голландца, рукъ, вооруженныхъ заступомъ, лопатою и весломъ.

На морѣ тяжеловѣсный, спокойный голландецъ перерождается: взоръ его сверкаетъ, въ сильныхъ рукахъ кипитъ работа, и видѣнъ въ немъ человѣкъ, привыкшій заставлять повиноваться себѣ морскія волны. Голландецъ тихъ, хладнокровенъ, спокоенъ; но въ душѣ его желѣзная воля, отвага и рѣшимость. Разъ выбравши цѣль, онъ идетъ къ ней твердо, разчитанно и вѣрно, и никакое препятствіе не заставитъ его своротить съ дороги.

Голландецъ любитъ строжайшій порядокъ и безукоризненную чистоту, и соблюдаетъ ихъ вездѣ и во всемъ, не только въ домѣ, въ платье, но въ словахъ и поступкахъ. Цвѣты и домашнее хозяйство составляютъ страсть голландца. Онъ любитъ комфортъ; но когда дѣло дойдетъ до труда, никакая работа не кажется ему ни слишкомъ грязною, ни слишкомъ тяжелою; онъ знаетъ, что нѣтъ такой работы, которая не облагороживала бы человѣка; онъ убѣжденъ, что нѣтъ такого тяжелаго труда, котораго не могъ бы побѣдить человѣкъ своимъ постоянствомъ. Болѣе всего на свѣтѣ боится голландецъ нечистоты, безпорядка и лѣни, и видитъ въ нихъ или причину, или слѣдствіе всѣхъ возможныхъ пороковъ, нищеты и невѣжества.

ВЪѢЗДЪ ВЪ ЛОНДОНЪ СЪ МОРЯ.

Пароходъ, на которомъ мы ѣхали, шелъ-себѣ да шелъ впередъ, и когда завтракъ въ каютѣ кончился, мы были уже въ Темзѣ. Но гдѣ кончилось море, гдѣ началась рѣка, вѣрно никто изъ насъ не могъ бы сказать. Очертанія береговъ справа и слѣва были еще неясны. Казалось, пароходъ вступилъ въ широкую морскую бухту, и только оттого не шелохнется.

Нѣтъ другой рѣки въ мірѣ, которая была бы такъ, какъ Темза, способна къ громаднѣйшему развитію торговой дѣятельности. За то неугомонно-кипучая жизнь, котороя завладѣла ея берегами и взмутила ея воды, поражаетъ и подавляетъ своимъ грознымъ движеніемъ каждаго чужестранца. Темза судоходна на протяженіи ста восьмидесяти восьми англійскихъ миль*) и на семдесятъ миль подвержена вліянію морскаго прилива и отлива. До Лондонскаго моста, до котораго считается отъ устья сорокъ пять съ половиною миль, доходятъ самыя большія купеческія суда. Ни одному изъ кораблей, доходящихъ до Лондонскаго моста, не нужно во время отлива ни парусовъ, ни пара, чтобы пуститься въ путь: отливъ выноситъ ихъ безъ хлопотъ въ открытое море.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, все чаще и чаще попадались намъ на встрѣчу большіе суда и пароходы, отправлявшіеся можетъ

*) Англійская мила—верста и три четверти.

быть въ очень далекія странствованія, и все ближе сдвигались берега, пока еще не загороженные лѣсами мачтъ и черными зданіями верфей.

Скоро показался справа и первый англійскій городъ, Гревзендъ, расположенный на пологомъ скатѣ берега. Контуры его зданій виднѣлись, какъ сквозь легкую прозрачную дымку. Туманъ начиналъ уже тихо подниматься съ рѣки и класть на все свою сѣрую тушевку.

До пристани оставалось намъ еще двадцать двѣ мили: но тутъ и берега и рѣка начинали уже кипѣть жизнью, и путь не могъ казаться скучнымъ. Кромѣ большихъ и малыхъ пароходовъ, кромѣ парусныхъ судовъ, качавшихся на всѣхъ моряхъ, и новыхъ кораблей, только что спустившихся съ подмостокъ мастерской, намъ безпрестанно попадались большія барки и маленькія лодки съ грудами каменнаго угля и рыбачьи челноки съ крашеными, коричневыми парусами. Запахъ угля становился все сильнѣе, даль все кутался въ туманъ. Солнца, которое свѣтило очень ярко, когда мы вступали въ устье Темзы, нельзя было узнать. Оно то сквозилось краснымъ раскаленнымъ ядромъ изъ-за густыхъ, черныхъ клубовъ дыма, подымавшагося надъ пароходами, то прорѣзывалось тонкимъ золотымъ кольцомъ, когда дымъ на минуту рѣдѣлъ, и разстилался по небу мутнымъ пологомъ. У береговъ сѣрый туманъ начиналъ превращаться въ черный, и изъ этого унылаго мрака слышался непрерывный стукъ тысячи молотовъ. Рѣзко и грозно разносились вдоль по рѣкѣ ихъ тяжелые и частые удары по наковальнямъ; къ нимъ примѣшивался по временамъ гулъ машинныхъ колесъ и свистъ пилъ.

Почти на протяженіи цѣлой мили, тянутся у праваго берега, на которомъ стоитъ Вульвичъ, мрачные навѣсы военной верфи. Подъ ними мы различали порой огромные остова и ребра кораблей: но ни людей, кующихъ тутъ въ чадной угольной тмѣ морское величіе Британіи, ни ихъ тяжкой работы нельзя было разглядѣть, и тѣмъ грознѣе казался безустанный и неумолчный грохотъ этого невидимаго движенія. За высокой стѣной, ограждающей полосу берега, на которой построена вульвичская верфь, изъ-за ея высокихъ навѣсовъ, изъ-подъ глухихъ кровель ея мастерскихъ — солнца не увидишь иначе, какъ въ вѣчномъ затмѣніи.

Едва началъ становиться за нами глуше и смутнѣе стукъ молотковъ и машинъ, до насъ сталъ доноситься такой же гулъ и грохотъ спереди. Мы миновали мѣстечко Блэкволь, гдѣ у пристани тѣснились пароходы, и пассажиры ихъ спѣшили на желѣзную дорогу, которая идетъ отсюда по улицамъ Лондона и надъ его домами, въ самую средину Сити. Пароходъ нашъ приближался къ громаднымъ вестъ-индскимъ докамъ. Рѣка дѣлаетъ тутъ поворотъ влѣво и, поворачивая дальше вправо, на линію своего прежняго теченія, образуетъ большой мысъ, который прорѣзанъ на сквозь каналами и бассейнами доковъ.

Пароходъ нашъ пошелъ тише. Темза становилась своей суетой похожа

на нашу садовую въ Вербную субботу; вся разница была въ томъ, что вмѣсто омнибусовъ, каретъ и саней, тутъ сновали корабли, пароходы, барки и лодки. Проѣзжая дорога съузилась. Къ берегамъ тѣсно жались въ нѣсколько рядовъ суда всевозможныхъ размѣровъ и формъ. Число имъ—легіонъ, хотя, можетъ быть, только десятая доля судовъ, стоящихъ у Лондона, стоитъ въ рѣкѣ. Остальные пристаютъ къ докамъ, и безчисленныя иглы ихъ мачтъ видны изъ-за прибрежныхъ домовъ. Глазу безпрестанно кажется, что эти дома выстроились на узкой полоскѣ земли, за которою лежитъ если не море, то такая же широкая рѣка, какъ Темза.

Дома, или лучше сказать черныя кирпичныя стѣны на обѣихъ сторонахъ рѣки жались другъ къ другу все плотнѣе и плотнѣе. На каждой стѣнѣ бѣлѣли большія прописныя буквы надписей, объяснявшихъ, что за стѣной помѣщается или верфь, или мастерская, или складочное мѣсто. За первымъ рядомъ стѣнъ виднѣлся другой рядъ, выше, съ такими же надписями, а черезъ него глядѣли опять стѣны и опять вывѣски. Порой, вмѣсто втораго и третьяго ряда стѣнъ, снова подымались сотни мачтъ. Мы были около лондонскихъ доковъ св. Екатерины. Въ тѣсныя ущелья между двухъ домовъ, то и дѣло осторожно входили или пароходъ, или парусное судно. Оставайся всѣ они на рѣкѣ, по ихъ палубамъ можно было бы пройти, не замочивъ подошвы, отъ Лондонскаго моста до Гревзэнда.

Мы уже почти у пристани. Вотъ и Лондонскій мостъ съ его тяжелыми сѣрыми арками, предѣлъ собственно-морской жизни. За его сводами видны вдали своды другаго моста; если бы не туманъ, который здѣсь особенно густъ, мы увидали бы и еще мостъ, третій. Всѣхъ ихъ въ Лондонѣ семь, и всѣ кипятъ жизнью; но первенство въ этомъ отношеніи принадлежитъ Лондонскому мосту. Глядя съ парохода, можно подумать, что въ этой давкѣ не пройдешь, не проѣдешь. Тихо движутся по срединѣ громадные возы, чудовищные омнибусы, кареты и кэбы; тысячи круглыхъ мужскихъ шляпъ на тротуарѣ кажутся изъ-за стѣнъ моста какимъ-то чернымъ потокомъ.

Почти такая же толкотня, какъ на мосту, и у пристаней по сю и по ту сторону. Однѣ толпы тѣснятся къ пароходамъ, другія бѣгутъ плотною массою съ пароходовъ имъ на встрѣчу, еще толпы пробираются по живому мосту сдвинувшихся судовъ. Всѣ голоса и звуки мѣшаются въ одинъ смутный гулъ: и крики матросовъ, и шипѣніе выпускаемаго пара, и шумъ водяныхъ колесъ. Надо родиться на этихъ туманныхъ берегахъ и съ дѣтскихъ лѣтъ привыкнуть къ этому страшному движенію, чтобы не почувствовать какой-то невольной робости, какого-то неиспытаннаго одиночества.

ІЕРУСАЛИМЪ.

Мнѣ казалось, что я сталъ дышать свободнѣе, когда мы начали подниматься на торжественныя крутизны Іудеи. Взъѣхавъ на горы, мы скоро

поровнялись съ древними развалинами мѣстечка *Латрунъ*, гдѣ, по преданію, родился распятый одесную Спасителя преступникъ, которому одинъ вздохъ отверзъ двери рая. Съ крестнымъ знаменіемъ мы промчались мимо, и конечно не одинъ изъ насъ воскликнулъ мысленно: „Помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ!“

Ущелья горъ дѣлались ежеминутно тѣснѣе и живописнѣе; благовоніе розъ и незнакомыхъ мнѣ бѣлыхъ цвѣтовъ разносилось по воздуху; стада паслись по обрывистымъ скатамъ. Часа черезъ три пути мы въѣхали въ узкій дефилей, самой дикой наружности; онъ задержалъ наше стремленіе. Горы Іудейскія носятъ на себѣ отпечатокъ чего-то необыкновенно-вдохновительнаго. Вскорѣ нѣсколько ветхихъ маслинъ и фиговыхъ деревъ обозначаютъ границу земель Рамлы и Іерусалима. Раза два мы утоляли жажду свою и усталыхъ лошадей нашихъ у колодезей. Часы быстро летѣли и я сгоралъ нетерпѣніемъ увидѣть святой городъ. Горы начали становиться дичѣе и обнаженнѣе, но лиловый отливъ скалъ, смѣшанный съ зелеными полосами мховъ, пріятно отѣнялъ ихъ. Путь въ иныхъ мѣстахъ едва былъ проходимъ для лошадей. Поднимаясь съ горы на гору, я былъ въ безпрестанномъ ожиданіи открыть Іерусалимъ; но горы продолжали вставать передо мною, перемѣнивъ прежній оттѣнокъ свой на красноватый. Я началъ приходить въ уныніе, что не увижу святаго города при свѣтѣ дня; — я далеко опередилъ своихъ спутниковъ; въ самое это время встрѣтился мнѣ прохожій арабъ, — и конечно, пораженный написаннымъ на лицѣ моемъ грустнымъ нетерпѣніемъ, поравнявшись со мною, закричалъ мнѣ: *скоро! скоро!* — Такое предвѣдѣніе поразило меня удивленіемъ: я ему сказалъ все, что зналъ по-арабски нѣжнаго за радостное извѣстіе. Я поднялся на высоту, — вдругъ предсталъ Іерусалимъ! Кинувъ повода лошади, я бросился на землю съ сладкими слезами. Я узналъ гору Элеонскую по ея священнымъ маслинамъ; вздохи стѣснили грудь мою. Спутники мои нагнали меня и также поверглись на землю. Въ нѣмомъ восторгѣ и не сводя глазъ съ этого священнѣйшаго мѣста земнаго шара, мы спускались уже пѣшіе по разметаннымъ камнямъ. Небо было облачно, — покровъ печали облегалъ Іерусалимъ.... Вожатый сказалъ мнѣ, что если мы не сядемъ на лошадей, то съ захожденіемъ солнца, близкаго уже къ горизонту, ворота Іерусалима затворятся; —это меня испугало; —я убоялся, чтобы святыня не скрылась отъ меня по грѣхамъ моимъ — и поспѣшилъ въ лоно святаго города вкусить полную чашу блаженства, совершивъ свой обѣтъ.

Мы въѣхали въ укрѣпленныя Виолеемскія или Яфскія ворота, и очень скоро сошли у дверей патріаршей обители. Это было марта 31 числа. Сынъ далекаго сѣвера, я не менѣе того вступилъ въ Іерусалимъ, какъ въ свою родину, близкую сердцу моему. Послѣ долгаго пребыванія съ невѣрными, радостно было мнѣ среди братій, подъ кровомъ иконъ нашей церкви. Я едва

вѣрилъ, что нахожусь близъ Гроба Христова, и поспѣшилъ въ храмъ; но двери его, стрегомыя мусульманами, были еще заперты. Митрополитъ пригласилъ меня идти вмѣстѣ съ нимъ къ заутрени.

Среди тишины темной ночи, я приступилъ въ первый разъ къ величественному преддверію храма Гроба Господня. Обѣ половины огромныхъ воротъ были открыты настежь. Безчисленные огни свѣчей блистали передъ большими стѣнными иконами, изображающими снятіе со креста и погребеніе Спасителя. Тотчасъ при входѣ, въ ложѣ привратника, увидѣлъ я сидящихъ, поджавшихъ ноги, турокъ, съ трубками во рту и играющихъ въ шахматы; — мое сердце сжалось грустію. Толпа разступилась передъ нашимъ янычаромъ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ лежалъ на помостѣ камень, одѣтый желтымъ мраморомъ и окруженный большими свѣчами, — это тотъ самый, на которомъ благообразный Іосифъ облекалъ въ плащаницу снятое со креста тѣло Іисусово. „Господи!“ сказалъ я невольно, павъ ницъ со слезами: „страданія Твои еще не прекратились! Крещенные во святое Имя Твое и искупленные Тобою владѣютъ этимъ міромъ, а нечестивые стерегутъ святилища твои!“ Но христіане не должны смущаться, что тякія великія святыни находятся въ униженіи языческомъ: Спаситель міра и себя подвергнулъ на землѣ тяжкимъ страданіямъ. Въ смятеніи чувствъ, я не помню, какъ я дошелъ до гроба Спасителя. Тутъ я дышалъ свободнѣе; отдѣльный придѣлъ скрываетъ погребальный вертепъ Господа. Тамъ я пролилъ слезы покаянія, и первая молитва моя была за давшихъ мнѣ жизнь и за близкихъ сердцу моему. Не могу описывать, — и какъ выразить восторгъ, умиленіе, горесть христіанина-грѣшника у Гроба Спасителя, и наконецъ на Голгофѣ, у отверстія, гдѣ стоялъ крестъ, у разсѣлины распавшейся скалы!

Началась заутреня. Не только что помостъ храма былъ весь закрытъ народомъ, но всѣ придѣлы, всѣ хоры, всѣ галлереи и даже нѣкоторые карнизы имѣли своихъ богомольцевъ или зрителей. Нынѣшній годъ для всѣхъ христіанъ Пасха приходилась въ одинъ и тотъ же день. Зрѣлище этой необъятной толпы, чьи лица рѣзко изображали представителей всѣхъ частей свѣта,— поразительно! Глухой шумъ слитыхъ голосовъ сначала удивляетъ и безпокоитъ европейскаго христіанина, привыкшаго къ благочестію храмовъ Божіихъ; но при видѣ непоколебимаго и ни чѣмъ неразвлекаемаго благочестія многихъ истинно молящихся людей — этотъ шумъ кажется шумомъ бурной стихіи. Возженіе свѣчей съ принятіемъ ваій вдругъ обнаружило несмѣтное число нашихъ единовѣрцевъ. Весь ходъ направился съ хоругвями и съ пальмовыми ваіями въ рукахъ, отъ греческаго алтаря, сквозь царскія двери, прямо ко гробу Христову, который находится на противной сторонѣ оконечности храма. Съ разрѣшенія митрополита, тѣ свѣтскія лица, которыя находятся въ алтарѣ, должны слѣдовать за духовенствомъ черезъ царскія двери, чтобы охраниться отъ толпы; съ трудомъ покорился я этой

необходимости. Впереди священнаго хода шелъ мусульманскій привратникъ храма, и съ крикомъ разгонялъ бичомъ напирающую толпу. Вотъ какъ изображено смиренное шествіе Искупителя въ Іерусалимѣ!

КІЕВЪ.

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.
Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!
Громко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ:
«Вы откуда собралися,
Богомольцы на поклонъ?»
— «Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса полей.»
— «Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!»
— «Край мой — теплый брегъ Евксина!»
— «Край мой — брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ.»
— «Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная!»
— «Мнѣ отчизна старый Псковъ.»
— «Я отъ Ладоги холодной,—
«Я отъ синихъ волнъ Невы.»
— «Я отъ Камы многоводной,»
«Я отъ матушки Москвы.»
Слава, Днѣпръ—сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ — чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ.
Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древню ночь и мракъ глубокъ,
Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца вѣчнаго Востокъ!

МОСКВА.

Городъ чудный, городъ древній!
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!
Опоясанъ лентой пашень,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ;
Сколько храмовъ, сколько башень
На семи твоихъ холмахъ!
Исполинскою рукою
Ты, какъ хартія, развитъ,
И надъ малою рѣкою
Сталъ великъ и знаменитъ!
На твоихъ церквахъ старинныхъ
Выростаютъ дерева;
Глазъ не схватитъ улицъ длинныхъ...
Это — матушка Москва.
Кто силачъ, возьметъ въ охапку
Холмъ Кремля — богатыря?
Кто собьетъ златую шапку
У Ивана звонаря?
Кто царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?...
Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ;
Развѣ насынки Россіи
Не поклонятся тебѣ!
Ты, какъ мученикъ горѣла,
Бѣлокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла,
Бурнопламенная!
И подъ пепломъ ты лежала
Полоненною,
И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнною!...
Процвѣтай же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ!
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной Россіи градъ!

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ стою надъ снѣгами у края стремнины: орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины, паритъ неподвижно со мной наравнѣ. Отселѣ я вижу потоковъ рожденье и первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной; сквозь нихъ, низвергаясь, шумятъ водопады; подъ ними утесовъ нагія громады; тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой; а тамъ уже рощи, зеленыя сѣни, гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужь и люди гнѣздятся въ горахъ; и ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ, и пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ, гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ, и нищій наѣздникъ таится въ ущельи, гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи; играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой, завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной, и бьется о берегъ въ враждѣ безполезной и лижетъ утесы голодной волной... Вотще! нѣтъ ни пищи ему, ни отрады: тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

ФИНЛЯНДІЯ.

Суровый край: его красамъ, пугаяся, дивятся взоры; на горы каменныя тамъ поверглись каменныя горы. Синѣя, всходятъ до небесъ ихъ своенравныя громады; на нихъ шумитъ сосновый лѣсъ, съ нихъ бурно льются водопады. Тамъ холмъ очей не веселитъ; онъ лавой каменной облитъ. Главу одѣвши въ мохъ печальный, огромнымъ сторожемъ стоитъ на немъ гранитъ пирамидальный. По дряхлымъ скаламъ бродитъ взглядъ; пришлецъ исполненъ смутной думы: не міра ль давняго лежатъ предъ нимъ развалины угрюмы?

ПЕТЕРБУРГЪ.

На берегу пустынныхъ волнъ стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ, и вдаль глядѣлъ. Предъ Нимъ широко рѣка неслася; бѣдный чолнъ по ней стремился одиноко. По мшистымъ топкимъ берегамъ чернѣли избы здѣсь и тамъ, пріютъ убогаго чухонца; и лѣсъ невѣдомый лучамъ, въ туманѣ спрятаннаго солнца, кругомъ шумѣлъ.

И думалъ Онъ: „Отсель грозить мы будемъ шведу; здѣсь будетъ городъ заложенъ, на зло надмѣнному сосѣду; природой здѣсь намъ суждено въ Европу прорубить окно, ногою твердой стать при морѣ; сюда, по новымъ имъ волнамъ, всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ — и запируемъ на просторѣ.“

Прошло сто лѣтъ—и юный градъ, полнощныхъ странъ краса и диво— изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ вознесся пышно, горделиво: гдѣ прежде финскій рыболовъ, печальный пасынокъ природы, одинъ у низкихъ бере-

говъ бросалъ въ невѣдомыя воды свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ, по оживленнымъ берегамъ, громады стройныя тѣснятся дворцовъ и башенъ; корабли толпой со всѣхъ концовъ земли къ богатымъ пристанямъ стремятся; въ гранитъ одѣлася Нева; мосты повисли надъ водами; темнозелеными садами ея покрылись острова, — и передъ младшею столицей главой склонилася Москва, какъ передъ новою царицей порфироносная вдова. Люблю тебя, Петра творенье, люблю твой строгій, стройный видъ, Невы державное теченье, береговой ея гранитъ; твоихъ оградъ узоръ чугунный, твоихъ задумчивыхъ ночей прозрачный сумракъ, блескъ безлунный, когда я въ комнатѣ моей пишу, читаю безъ лампады, и ясны спящія громады пустынныхъ улицъ, и свѣтла адмиралтейская игла. И, не пуская тьму ночную на золотыя небеса, одна заря смѣнить другую спѣшитъ, давъ ночи полчаса. Люблю зимы твоей жестокой недвижный воздухъ и морозъ, бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой, дѣвичьи лица ярче розъ. Люблю воинственную живость потѣшныхъ Марсовыхъ полей, пѣхотныхъ ратей и коней однообразную красивость, въ ихъ стройно-зыблемомъ строю лоскутья ихъ знаменъ побѣдныхъ, сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ, насквозь прострѣленныхъ въ бою. Люблю, военная столица, твоей твердыни дымъ и громъ, когда полнощная Царица даруетъ сына въ Царскій домъ, или побѣду надъ врагомъ Россія снова торжествуетъ, или, взломавъ свой синій ледъ, Нева къ морямъ его несетъ и, чуя вешни дни, ликуетъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой неколебимо, какъ Россія! да умирится же съ тобой и побѣжденная стихія. Вражду и плѣнъ старинный свой пусть волны Финскія забудутъ, и тщетной злобою не будутъ тревожить вѣчный сонъ Петра!

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ВОЛГѢ.

(ПИСЬМА КЪ ПРІЯТЕЛЮ).

1-е письмо.

(Отъ Петербурга до Твери).

Прощаясь съ тобою на Петербургской станціи, я далъ тебѣ слово описать свое путешествіе по Волгѣ. „Не давши слова крѣпись, а давши держись:“ въ слѣдствіе этой пословицы, я опишу тебѣ хотя нѣсколько тѣ впечатлѣнія, которыя сдѣлала на меня эта великая рѣка; но еслибы я захотѣлъ разсказать тебѣ все, что видѣлъ, проѣхавши отъ Твери до Нижняго-Новгорода, то долженъ былъ бы написать цѣлую и большую книгу, а не короткое письмо.

Паровозъ быстро унесъ насъ изъ туманнаго и сыраго Петербурга. Болота, прорывающіяся лужами, жалкіе, жиденькіе еловые лѣски, напоми-

нающіе щетинистую бороду худо выбритаго человѣка, форменныя будки сторожей,—словомъ, окрестности Петербурга быстро мелькали передомною въ окошкѣ вагона. Какою печальною представляется мнѣ вся эта низменная и бѣдная страна отсюда, послѣ того, какъ я видѣлъ прекрасные берега Волги! Окрестности сѣверной столицы и такъ не очень пышны, а московская желѣзная дорога, какъ нарочно, летитъ стрѣлою по самымъ непріятнымъ пустырямъ.

Чѣмъ далѣе уѣзжали мы отъ Петербурга, тѣмъ болѣе оживлялась мѣстность: становилось холмистѣе, зеленѣе; лѣса дѣлались гуще и разнообразнѣе; луга и поля суше и цвѣтистѣе; деревни болѣе похожи на добровольныя поселенія людей, чѣмъ тѣ вытянутые въ струнку ряды домовъ, которые выдаютъ за села и деревни въ окрестностяхъ Петербурга; въ воздухѣ было замѣтно болѣе свѣта и тепла и менѣе той зубатой сырости, которая гложетъ въ Петербургѣ гранитъ и чугунъ, а не только уже прохватываетъ до костей бѣднаго человѣка.

Новгородская губернія, въ которую мы въѣхали изъ петербургской, также не очень привлекательна, но все немного повеселѣе. Когда нашъ поѣздъ готовился переѣзжать мутный Волховъ, по великолѣпному мосту, будто висящему въ воздухѣ, я выйдя на платформу небольшой станціи, въ первый разъ полюбовался окрестностью. По обѣимъ сторонамъ моста—бездна воды; у пристани дымился пароходъ, и къ нему поспѣшали пассажиры, желавшіе подняться вверхъ по Волхову до великаго Новагорода, который, какъ говорятъ, теперь очень невеликій и очень обыкновенный губернскій городъ, хотя и стоитъ по прежнему не вдалекѣ отъ истока Волхова изъ озера Ильменя. Съ другой стороны моста видно было множество барокъ, которыя отправляются внизъ къ Ладогѣ, съ тѣмъ—чтобы оттуда по Ладожскому каналу, мимо южныхъ береговъ бурнаго и каменистаго Ладожскаго озера, у Шлиссельбурга, войти въ Неву и прибыть къ вамъ въ Питеръ. Это уже волжскіе гостинцы Петербургу. Когда мы отправились, я спросилъ у одного ладожанина, который ѣхалъ съ нами въ Тверь: есть ли какіе нибудь слѣды пребыванія Рюрика въ Ладогѣ, оставшіеся съ тѣхъ поръ, когда этотъ князь, призванный новгородцами, поселился тамъ, чтобы запереть другимъ смѣлымъ варягамъ, приходящимъ на судахъ съ Балтійскаго моря, Невы и Ладожскаго озера, входъ въ устье Волхова—эти ворота въ Новгородскую область.

— Съ тѣхъ поръ прошло уже тысяча лѣтъ, отвѣчалъ мнѣ ладожникъ: могло ли же что нибудь сохраниться? Большихъ построекъ тогда не дѣлали, а защищали страну болѣе грудью. Не доѣзжая до Ладоги, на лѣвомъ берегу Волхова, есть, правда, остатки валовъ и каменныхъ стѣнъ крѣпости; но эта крѣпость строилась позже для защиты отъ шведовъ, приходившихъ тѣмъ же путемъ грабить богатый Новгородъ. Эти грабежи продолжались бы долго, еслибъ Петръ Великій не завоевалъ сначала Орѣшка,

нынѣшняго Шлиссельбурга, а потомъ не завладѣлъ бы устьемъ Невы и не выстроилъ кронштатской крѣпости, около которой напрасно еще недавно разгуливалъ англо-французскій флотъ. Да, Кронштатъ важная крѣпость! За ея пушками мы плаваемъ и торгуемъ здѣсь спокойно. Но не такъ было прежде, и въ воды Волхова много пролито крови, а по берегамъ его много могильныхъ холмовъ, показывающихъ, что здѣсь не разъ отстаивали Новгородцы свой вольный городъ.

Подъѣзжая къ Валдаю и за Валдаемъ мѣстность становится очень холмиста; но эти отлогія Валдайскія горы, покрытыя лѣсами и болотами, мало похожи на горы, однакоже порядочно затрудняютъ поѣздъ. Желѣзная дорога то подымается на отлогіе бока холмовъ, то спускается съ нихъ; гдѣ же подъемъ или спускъ сколько нибудь круты, тамъ сдѣланы часто огромныя насыпи, соединяющія два холма; иногда дорога прорѣзываетъ холмы, и тогда зеленые валы стоятъ, какъ крѣпостныя стѣны, по обѣимъ сторонамъ летящаго вагона. Какъ хороши иные мосты, смѣло висящіе въ воздухѣ! Взглянешь внизъ—голова закружится! Далеко внизу, подъ мостомъ, протекаетъ рѣка, по которой тянутся барки, на берегу деревни, лѣски,—и все такъ миньятюрно, что кажется хорошенькою игрушкою. Хотѣлось бы мнѣ оттуда, снизу, взглянуть на нашъ паровозъ и цѣлый рядъ вагоновъ, несущихся высоко надъ головою.

Какихъ страшныхъ трудовъ и издержекъ стоило провести въ этомъ мѣстѣ желѣзную дорогу; но не потому, чтобы горы Валдайскія были слишкомъ высоки—это ли горы?—но потому, что здѣсь неисчислимое множество болотъ, лежащихъ даже по вершинамъ горъ, и такихъ глубокихъ, что у иныхъ и дна не достали. Говорятъ, что когда нужно было на нѣкоторыхъ болотахъ дѣлать насыпи, то вбивали огромнѣйшія сваи, одна за другою, и онѣ, входя въ болото, пропадали, а потомъ черезъ нѣсколько времени выплывали гдѣ нибудь на озерѣ, версты за три. Это объясняется тѣмъ, что многія изъ здѣшнихъ болотъ—не что иное, какъ озера, только сверху заросшія тонкимъ слоемъ торфа, образовавшагося изъ гніющихъ растеній, и мховъ. Водное богатство этой страны неизмѣримо. Да и можетъ ли быть иначе, когда она питаетъ три такія рѣки, какъ Волга, Днѣпръ и Западная Двина и безчисленное множество мелкихъ рѣкъ и рѣчекъ? Всѣ эти три громадныя рѣки берутъ свое начало почти въ одномъ мѣстѣ: на холмистыхъ возвышеніяхъ, помѣщающихся въ самомъ центрѣ Европейской Россіи и покрытыхъ лѣсами, болотами и озерами. Говорятъ, что индѣйцы поклоняются источникамъ Ганга, вытекающаго изъ высокихъ ледниковъ Гималая: если-бы русскіе, будучи язычниками, знали хорошо географію своей страны и причины ея воднаго богатства, то вѣроятно поклонялись бы болотамъ нынѣшней Тверской и Новгородской губерніи. Эти болота поятъ

безчисленныя рѣки Россіи, а эти рѣки поятъ, кормятъ и одѣваютъ десятки милліоновъ русскихъ людей.

Городовъ я почти не видалъ при проѣздѣ по желѣзной дорогѣ, потому что она почти не проходитъ черезъ города. О близости Торжка я узналъ только по вышитымъ золотымъ башмакамъ, которые мнѣ навязывали на станціи; о близости Валдая—по *малиновому* звону колокольчиковъ, вынесенныхъ на продажу, да по связкамъ баранокъ. Одинъ Вышній Волочокъ успѣлъ я разсмотрѣть лучше: это хорошенькій, дѣятельный городокъ, обязанный своею богатою торговлею тому, что онъ стоитъ на перекресткѣ двухъ важнѣйшихъ путей сообщенія: московской желѣзной дороги, или чугунки, какъ ее здѣсь называютъ, и воднаго *Вышневолоцкаго* пути, главнѣйшаго изъ трехъ водныхъ путей, связывающихъ Волгу съ Невою и, слѣдовательно, съ Балтійскимъ моремъ.

Рано утромъ мы пріѣхали въ Тверь, и городской извощикъ перевезъ меня въ городъ, отстоящій довольно далеко отъ станціи желѣзной дороги, въ гостинницу, стоящую на берегу Волги. Съ большимъ нетерпѣніемъ побѣжалъ я взглянуть на царицу европейскихъ рѣкъ, которая на 1070 верстъ длиннѣе Рейна и на 630 вер. длиннѣе Дуная,—пришелъ на набережную и увидалъ очень неширокую и очень неполноводную рѣку, втрое уже и бѣднѣе водою нашей прекрасной Невы: ширина Волги у Твери неболѣе 100 саженъ. Тверь — чистенькій городокъ, а множество очень старинныхъ церквей и монастырей говорятъ краснорѣчиво о древности бывшей столицы Великаго Княжества Тверскаго, соперничествовавшей когда-то съ Великимъ Новгородомъ. Но и Новгородъ и Тверь должны были пасть передъ юною, а теперь уже очень древнею Москвою; Москва же въ свою очередь склонилась передъ молодымъ, щеголеватымъ Петербургомъ.

Множество тяжело-нагруженныхъ барокъ и 5 — 6 пароходовъ стояли у пристани. Мнѣ сказали, что готовится цѣлый *караванъ* барокъ для отправленія въ Петербургъ по Вышневолоцкой *системѣ* рѣкъ и каналовъ. Но я, къ стыду моему, не замѣтилъ даже Тверцы, которая впадаетъ въ Волгу у самой Твери и вверхъ по которой идутъ барки до Вышневолоцкаго канала, соединяющаго Тверцу съ рѣкою Мстою, впадающею въ Ильмень: такъ боялся я опоздать на пароходъ, уже неистово свистѣвшій внизу, подъ крутою лѣстницею, ведущею съ высокой, красивой набережной. Черезъ полчаса пароходъ нашъ уже отчалилъ и понесся,—нельзя сказать чтобы очень быстро, внизъ по рѣкѣ — „внизъ по матушкѣ по Волгѣ.“ Пассажировъ было много; они не успѣли еще усѣсться, суетились, возились съ вещами. Я стоялъ у перилъ и смотрѣлъ на знаменитую Волгу. Признаюсь, что послѣ Невы, она казалась мнѣ очень узкой и бѣдноводною рѣкою, на которой съ трудомъ разъѣзжали безпрестанно встрѣчающіеся пароходы и барки; бородатый помощникъ еще болѣе бородатаго лоцмана,

сидя на носу, безпрестанно мѣрялъ шестомъ глубину, и глубина оказывалась незначительная. Волга нетолько не широка, но и не глубока; на ней множество мелей, на которыя попасть непріятно. Волжскіе лоцманы, провожающіе суда и пароходы по Волгѣ, должны быть люди очень опытные и зоркіе, должны хорошо знать *фарватеръ* Волги, и быть насторожѣ каждую минуту, чтобы избѣгнуть счастливо безчисленнаго числа скрывающихся подъ водою мелей, которыя къ тому жъ, послѣ весеннихъ разливовъ, несущихъ песокъ, илъ и карчи, очень часто мѣняютъ свое мѣсто, и появляются тамъ, гдѣ ихъ еще въ прошломъ году не было.

На пароходѣ я встрѣтился съ знакомымъ мнѣ почтеннымъ старикомъ, купцомъ, барки котораго ежегодно совершаютъ путешествіе отъ Саратова и Нижняго до Петербурга и который приходитъ въ восторгъ при одномъ имени Волги, можетъ быть потому, что она выстроила ему въ Петербургѣ три громадные каменные дома.

— Не широка же ваша хваленая Волга, сказалъ я купцу, съ намѣреніемъ вызвать его на бесѣду.

— Вы бы заѣхали еще повыше, къ самому Іордану, сказалъ онъ съ маленькой досадой: тамъ можно пожалуй и перешагнуть черезъ Волгу.

— Что это за Іорданъ? спросилъ я: конечно, это не знаменитая рѣка Палестины?

— Іорданомъ называется, отвѣчалъ мнѣ купецъ, родникъ, обдѣланный въ колодезь, изъ котораго беретъ начало свое Волга. Этотъ колодезь находится въ Осташковскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, при деревнѣ, которую и зовутъ *Волго*. Тамъ Волга маленькій ручеекъ — и только; но чрезъ нѣсколько же верстъ, благодаря множеству впадающихъ въ нее ручейковъ, обилію болотъ и множеству большихъ и малыхъ озеръ, которыя она протекаетъ, Волга становится очень порядочною рѣкою. Особенно много воды даетъ Волгѣ озеро Селигеръ, изъ котораго, подъ Осташковымъ, вытекаетъ небольшая рѣчка Селижаровка, впадающая въ Волгу. Здѣсь ужь Волга и въ *мѣженное время* имѣетъ саженей 20 въ ширину. Когда же вольются въ Волгу Вазуза съ Гжатью, тогда она становится порядочной *судоходной* рѣкою, по которой ходятъ довольно большія барки.

— Какія все странныя названія! замѣтилъ я: Селигеръ, Селижаровка, Вазуза, Волго, все это, кажется, не русскія слова.

— Должно быть, не русскія, а чухонскія, или поученому финскія; финновъ и теперь можно еще найти въ Тверской губерніи, и прежде они занимали всю эту лѣсную и болотистую мѣстность, въ которой находятся верховья Волги, Западной Двины и Днѣпра.

— Куда же они потомъ дѣлись?

— Должно быть обрусѣли, т. е. позабыли свой языкъ, приняли православную вѣру и русскіе обычаи, такъ что ихъ теперь и не отличишь отъ

русскихъ. А вы Волги прежде времени не хулите; я послушаю, что вы скажете о ней дня черезъ три, прибавилъ старикъ и принялся за чай, который подали намъ на палубу.

Однакоже письмо мое вышло неприлично-длинно; а я еще только начинаю путешествовать: прощай, до будущаго письма.

Письмо 2-е.

(Отъ Твери до Нижняго.)

Отъ Твери до Рыбинска я видѣлъ мало замѣчательнаго. Берега Волги, впрочемъ, довольно красивы и холмы появляются то на правой, то на лѣвой ея сторонѣ. Прибрежныя села велики и красивы, во многихъ старинныя каменныя церкви. По всему видно, что здѣсь давно живутъ люди и живутъ недурно, благодаря кормилицѣ Волгѣ. Одно изъ этихъ селъ, Кимры, замѣчательно тѣмъ, что въ немъ и вокругъ него, верстъ на 60, живутъ все сапожники, произведеніями которыхъ набиты наши гостинные дворы. Говорятъ, что въ двѣнадцатомъ году кимряне успѣвали снабжать обувью всю нашу армію. И въ другихъ селахъ, почти въ каждомъ, естъ свой особенный промыселъ, переходящій наслѣдственно отъ отцовъ къ дѣтямъ.

Но города Корчева и Колязинъ не замѣчательны. На колязинской площади, огромномъ пустырѣ, скудно обставленномъ плохими домиками, меня чуть не разорвали собаки: странно даже подумать, что это приволжскіе города. Но за то Угличъ, первый городъ Ярославской губерніи, очень меня заинтересовалъ: онъ стоитъ на высокомъ, довольно живописномъ берегу и множество очень старинныхъ церквей даютъ ему оригинальный видъ. Пока пароходъ нашъ запасался дровами, а пассажиры различной провизіей—кто рыбой, кто хлѣбомъ, молокомъ, ягодами, всѣмъ, что продавалось тутъ же у пристани—мы съ братомъ успѣли посмотрѣть дворецъ несчастнаго Дмитрія Царевича. Это очень небольшой и ветхій каменный двухъ-этажный домикъ, въ верхнемъ этажѣ котораго всего одна комната, обращенная теперь въ церковь. Передъ домикомъ площадка и, стоя на ней, я невольно вспомнилъ прекрасное описаніе страшнаго дѣла, изъ разсказа почтеннаго старца Пимена въ Пушкинской драмѣ, „Борисъ Годуновъ.“ Помнишь, какъ Пименъ разсказываетъ будущему самозванцу это страшное событіе, имѣвшее такое вліяніе на судьбу Россіи:

Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальный Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришолъ я въ ночь. На утро въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ, ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ; бѣгутъ на дворъ Царицы. Я

Спѣшу тудажъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу — лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ;
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ;
А тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
Безбожную предательницу-мамку....
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ
Является Іуда Битяговскій:
„Вотъ, вотъ злодѣй!“ раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца.
И чудо! вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
„Покайтеся“ народъ имъ завопилъ:
И — въ ужасѣ, подъ топоромъ, злодѣи
Покаялись — и назвали Бориса!

Отъ Углича до самой Мологи Волга течетъ почти прямо на сѣверъ; а у Мологи круто поворачиваетъ къ юго-востоку. Этотъ большой изгибъ Волги къ сѣверу очень важенъ для торговли, потому что въ этомъ изгибѣ впадаютъ въ Волгу съ лѣвой стороны двѣ большія рѣки, Молога и Шексна, изъ которыхъ первая соединяетъ Волгу съ Балтійскимъ моремъ, а вторая съ Балтійскимъ и Бѣлымъ. Смотря на этотъ изгибъ, кажется, что Волгѣ какъ будто хотѣлось проложить себѣ путь на сѣверъ, но она встрѣтила лѣсистые холмы, называемые *увалами*, идущіе отъ Уральскихъ горъ, и поворотила къ юго-востоку.

Мы пріѣхали въ Мологу очень поздно вечеромъ; пароходъ остановился у пристани недолго, и я не успѣлъ побывать въ городѣ. Издали Молога мнѣ понравилась: она стоитъ на довольно высокомъ мысу, который образуется здѣсь сліяніемъ Мологи и Волги. Устье Мологи все было заставлено судами и плотами. Нѣкоторыя изъ судовъ были нагружены и, казалось, готовились идти вверхъ по Мологѣ; другія, тоже нагруженныя, отправлялись повидимому на Волгу; третьи были еще пусты: это новыя суда, сдѣланныя гдѣ нибудь въ верховьяхъ Мологи, протекающей въ очень лѣсистой сторонѣ. Нѣсколько небольшихъ рѣчекъ и озеръ и, наконецъ, *Тихвинскій каналъ* соединяютъ Мологу съ Тихвинкой, которая впадаетъ въ Сясь. По теченію Сяси суда идутъ до Ладожскаго озера; но не входятъ въ это бурное и каменистое озеро, а отправляются по обводному каналу до Новой Ладоги, гдѣ входятъ въ Ладожскій каналъ.

По имени главнаго канала и весь этотъ водный путь называется *Тихвинскимъ*. По тихвинской системѣ ходятъ только небольшія суда, но она

имѣетъ то преимущество передъ Вышневолоцкою, что по ней суда могутъ ходить не только изъ Волги въ Неву, но и обратно, изъ Невы въ Волгу. Вотъ почему по Тихвинской системѣ каналовъ и рѣкъ приходятъ на Волгу и доставляются въ южныя губерніи и въ Астрахань всѣ заграничные товары, виноградныя вина, фрукты, кофе, издѣлія заграничныхъ фабрикъ и проч.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы отъѣхали отъ Мологи, и я заснулъ въ каютѣ. Но скоро разбудилъ меня страшный шумъ надъ головою: на палубѣ бѣгали, суетились и до меня долетали какіе-то неистовые крики: „направо! держи лѣвѣй! куда-тѣ несетъ, окаянный? али ослѣпъ, что-ли! бока проломишь! куды прешь, лѣшій, на якорь наѣхалъ!“ Эти грубые крики раздавались со всѣхъ сторонъ. „Экъ, плоты-то растянули,“ кричалъ нашъ капитанъ: „посторонись, берегись,“ ревѣлъ онъ въ рупоръ. Спать не было никакой возможности. Я вышелъ на палубу и остановился въ изумленіи: пароходъ, чуть пошевеливая колесами, пробирался посреди безсчетнаго множества плотовъ и барокъ, составлявшихъ почти одну сплошную массу во всю ширину рѣки. Лѣтняя ночь была тепла, но очень темна, не то что у васъ въ Петербургѣ, гдѣ въ это время ночи почти совершенно нѣтъ. Тысячи огоньковъ горѣли на обоихъ берегахъ; разноцвѣтные фонари сверкали на верху пароходовъ; безчисленныя барки казались въ темнотѣ громадами, на нихъ кое-гдѣ шевелились люди; по рѣкѣ разносились громко голоса перебранивающихся рабочихъ, которые особенно сердились на нашъ пароходъ, *затесавшійся промежъ барокъ* такъ поздно. Мы были въ Рыбинскѣ; но я не видалъ еще города, а только огоньки въ окнахъ его домовъ, сверкавшіе въ темнотѣ, на высокомъ, правомъ берегу Волги.

Я проснулся очень рано и тотчасъ же пошелъ въ городъ. Богатые каменные дома, тянувшіеся стройнымъ рядомъ по высокому берегу, прекрасная устланная камнемъ набережная съ хорошенькими перилами, отличный тротуаръ вдоль набережной — все показывало, что жители Рыбинска люди небѣдные. Городъ еще спалъ; только въ открытыхъ окнахъ трактировъ половые постукивали чашками. Съ высокой набережной открывался прекрасный и очень оригинальный видъ на широкую рѣку, на безчисленныя суда, на противоположный берегъ, застроенный складочными магазинами, амбарами и сараями.

Рыбинская пристань тянется на нѣсколько верстъ, и суда располагаются у берега правильными отдѣленіями, смотря по тому, съ какимъ они грузомъ и куда идутъ: плывутъ ли внизъ по Волгѣ, подымаются ли вверхъ до Твери, съ тѣмъ, чтобъ по Тверцѣ пробраться дальше къ Вышнему Волочку, къ Мологѣ ли, имѣя въ виду Тихвинскую систему, или войдутъ тутъ же, у Рыбинска, въ Шексну и по *Маріинской системѣ* рѣкъ и каналовъ отправятся до общей цѣли всѣхъ стремленій — петербургскаго порта. Въ Рыбинскѣ происходитъ главная перегрузка товаровъ съ большихъ су-

довъ на малыя; потому-что большія волжскія суда, придя къ Рыбинску съ низовья — изъ Нижняго, Казани, Саратова, Астрахани, — не могутъ идти далѣе вверхъ по Волгѣ, а тѣмъ болѣе пробираться по узкимъ каналамъ. Многія изъ этихъ судовъ доставлены въ Рыбинскъ пароходами на буксирѣ, но большая часть — бурлаками съ помощію лошадей. Бурлаковъ и всякаго рода рабочихъ людей, приходящихъ въ Рыбинскъ для выгрузки и перегрузки товаровъ, собирается лѣтомъ такое множество, что въ небольшомъ городкѣ, въ которомъ постоянныхъ жителей не болѣе 6000 душъ, бываетъ въ иную пору, лѣтомъ, до 100,000 человѣкъ. Конечно, городъ не могъ-бы вмѣстить и половины этого числа; но эти лѣтніе гости не прихотливы, и располагаются на баркахъ и плотахъ; а барокъ достаточное количество: иногда болѣе 2000 собирается ихъ въ одно время у рыбинскихъ пристаней! Волга, ширина которой достигаетъ въ Рыбинскѣ до 230 саженъ, покрывается почти сплошною массою судовъ, такъ что для проѣзда по ней остается весьма немного мѣста. А какъ разнообразны эти суда! Въ одномъ углу останавливается невольно глазъ на легкой, изящной *бѣлозеркѣ*, съ двума стройными мачтами и опрятной палубой; тамъ торчитъ безобразный *шитикъ* съ плоскимъ дномъ, круглыми бортами и палубой въ видѣ ослинаго хребта. Шитикомъ назвали судно потому, что прежде сшивали доски ивовыми прутьями. У однихъ судовъ выстроены на палубахъ цѣлые домики; на другихъ палубы совсѣмъ нѣтъ, и они имѣютъ видъ огромныхъ, длинныхъ, широкихъ лодокъ. Но нѣтъ барки, которая не была бы изукрашена самой узорчатой рѣзьбой, при чемъ, конечно, какъ и при постройкѣ избы, главную роль играютъ топоръ да ножъ,—изрѣдка развѣ долото.

Между судами, наиболѣе употребительными на верхней Волгѣ и по ея притокамъ въ этихъ частяхъ, а также и по каналамъ, первое мѣсто занимаютъ такъ называемыя *барки* и *полубарки:* первыя имѣютъ отъ 17 до 18 саженъ въ длину, и подымаютъ до 7000 пудовъ грузу; полубарки немного менѣе, и подымаютъ не болѣе 5000 пудовъ. Вообще должно замѣтить, что суда, плавающія по Волгѣ и ея притокамъ, очень разнообразны, и знатоки насчитываютъ ихъ до 40 родовъ. Почти каждая значительная рѣка и каждая система воднаго сообщенія имѣетъ исключительно ей принадлежащія суда; но нуженъ опытный глазъ, чтобы различить эти мокшаны, тихвинки, соминки, коломенки, бѣлозерки и т. д. Всѣ почти барки строятся по берегамъ рѣкъ, впадающихъ въ Волгу съ лѣвой стороны и текущихъ съ лѣсистыхъ отроговъ Урала. На одной Шекснѣ выстраивается въ годъ до 2000 барокъ. Многія мелкія барки, доставивъ товаръ на мѣсто, не возвращаются назадъ, а идутъ на дрова или легкія постройки; но большія суда берегутъ, потому что постройка ихъ обходится дорого.

Яростный свистокъ парохода увѣдомилъ меня, что я слишкомъ долго расхаживалъ по рыбинской набережной. На палубѣ знакомый мнѣ купецъ,

умывшись, разчесавъ сѣдую голову и бороду, помолился на рыбинскіе церкви и усѣлся за чай. Онъ пригласилъ меня и еще одного своего знакомаго, купца, только что прибывшаго изъ Бѣлозерска, распить вмѣстѣ чашку чаю. Между купцами скоро завязался разговоръ, интересный для моего знакомаго, потому что барки его, пробравшись на сѣверъ, вверхъ по Шекснѣ до Бѣла-озера, тянулись теперь по обводному Бѣлозерскому каналу.

Странно, что всѣ наши сѣверныя озера — Ильмень, Ладожское, Онежское, Бѣло-озеро — бурны, каменисты и неудобны для плаванія, что заставило устроить вдоль ихъ береговъ громадные *обводные каналы*. Бѣло-озеро получило даже свое названіе отъ бѣлыхъ пѣнистыхъ волнъ, которыми оно часто покрывается. Изъ Бѣлозерскаго канала суда идутъ вверхъ по рѣкѣ Ковжѣ, впадающей въ Бѣло-озеро; а изъ Ковжи, Маріинскимъ каналомъ, входятъ въ р. Вытегру, которая впадаетъ въ Онежское озеро. Изъ Шексны можно проѣхать водою и въ Бѣлое море, если, не доѣзжая до Бѣла-озера, поворотить направо и, посредствомъ Александровскаго канала и небольшой рѣчки Порозовицы въѣхать въ Кубенское озеро. Изъ Кубенскаго озера выходитъ р. Сухона, главный притокъ Сѣверной Двины, впадающей у Архангельска въ Бѣлое море; такимъ образомъ, одинъ великій водный путь, центромъ котораго является Волга, соединяетъ три отдаленнѣйшіе и главнѣйшіе пункта Европейской Россіи: Петербургъ на Балтійскомъ морѣ, Астрахань на Каспійскомъ и Архангельскъ на Бѣломъ. Но путь по Сухонѣ, по причинѣ пороговъ, мелей и камней, довольно затруднителенъ.

Рыбинскъ недавно скрылся у насъ изъ виду, а вотъ появляется новый городъ Ярославской губерніи, Романовъ-Борисоглѣбскъ. Это прежде были два города, стоящіе другъ противъ друга на противоположныхъ берегахъ Волги: Романовъ на правомъ, Борисоглѣбскъ на лѣвомъ. Города старинные со множествомъ старинныхъ красивыхъ церквей. Говорятъ, что въ настоящее время въ этихъ городахъ особенно занимаются кузнечнымъ дѣломъ. У Борисоглѣбской пристани мы оставались всего нѣсколько минутъ, спустили нѣсколькихъ пассажировъ, приняли новыхъ — и полетѣли далѣе.

По дорогѣ отъ Романова къ Ярославлю я видѣлъ очень печальную картину: громадное судно — расшива, что ли, право не помню — нагруженное солью и доплывшее сюда благополучно, можетъ быть, изъ Камы, сѣло на мель и отъ собственной своей тяжести переломилось. Множество народу хлопотало вокругъ него, перекладывая грузъ на двѣ барки. Говорятъ, что бѣда случилась отъ неосторожности лоцмана; но перегрузка обойдется хозяину не дешево.

Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Ярославля, мы проѣхали мимо Тольгскаго монастыря, стоящаго на лѣвомъ берегу Волги. Мнѣ сказали, что противъ этого монастыря скончался на баркѣ знаменитый патріархъ Никонъ, бывшій другъ царя Алексѣя Михайловича, возвращаясь при Ѳео-

дорѣ Алексѣевичѣ изъ тяжелой ссылки. — Въ монастырскомъ саду много кедровъ, на которыхъ, говорятъ, вызрѣваютъ шишки съ орѣхами. Далѣе къ сѣверу, въ лѣсахъ Вологодской губерніи, сибирскій кедръ ростетъ уже дико и во множествѣ.

Наконецъ мы у Ярославля. Какой это хорошенькій, чистенькій городъ, когда смотришь на него съ Волги! Надъ широкой рѣкой возвышается крутой берегъ, словно высокій крѣпостной валъ. Шесть лощинъ прорѣзываютъ берегъ. По этимъ лощинамъ, выложеннымъ камнемъ, очень удобно подыматься въ городъ; черезъ нихъ по набережной перекинуты красивые мостики. Съ Волги изъ-за деревъ бульвара, идущаго по набережной, видна только передняя часть города съ красивыми строеніями, надъ которыми царятъ высокія колокольни пятидесяти двухъ церквей, по большей части очень старинныхъ. На крутомъ мысу, который образуется при впаденіи рѣки Которосли въ Волгу, бѣлѣетъ въ зелени деревьевъ красивое зданіе Демидовскаго лицея. На лѣвомъ, луговомъ берегу Волги, видна еще значительная часть Ярославля; говорятъ, что во время разлива по улицамъ этой части можно плавать на лодкахъ. Пароходъ нашъ оставался у ярославской пристани болѣе часа, и я воспользовался этимъ временемъ, чтобы побывать въ городѣ, столь заманчивомъ издали. Улицы Ярославля красивы, но ни на улицахъ, ни на хорошенькомъ бульварѣ почти невидать людей; посреди огромной пустынной площади, которую окружаютъ лицей и присутственныя мѣста, стоитъ старинный соборъ и сильно попорченный памятникъ основателю лицея, Демидову. Говорятъ однако, что Ярославль—торговый и промышленный городъ, замѣчательный своими полотняными фабриками и обширною торговлею; но тѣмъ не менѣе, онъ показался мнѣ пустыннымъ.

Въ устьяхъ Которосли стояло множество судовъ. Которосль, небольшая, но довольно судоходная рѣчка, выходитъ въ Ярославской же губерніи изъ Ростовскаго озера (по фински Неро). Богатые черноземомъ берега озера вызвали у жителей Ростова,—города, очень древняго, построеннаго еще финнами—особую промышленность, огородничество, которою Ростовцы славятся по всей Россіи. Ростовскіе огородники не только развозятъ далеко произведенія своихъ огородовъ, сушеный сахарный горошекъ, бобы и пр., но снимаютъ огороды въ столицахъ и большихъ городахъ. Всѣ петербургскіе огородники и зеленьщики большею частію ростовцы.

— Не правда ли, хорошенькій городъ? сказалъ я стоящему возлѣ меня на палубѣ толстому господину, когда ярославскія церкви и дома еще бѣлѣли вдали.

— Да, снаружи, отвѣчалъ толстый господинъ, а въ серединѣ скука и поддѣльныя вина, которыми этотъ хорошенькій городокъ отравляетъ всю Россію.

— Какъ такъ?

— Да такъ! знаете ли вы, что ярославскіе виноторговцы покупаютъ ежегодно на Нижегородской ярмаркѣ до 150,000 астраханскаго и кизлярскаго чихиря, передѣлываютъ его въ вина Франціи, Германіи, Испаніи и распускаютъ такой самодѣльный хересъ, мадеру, лафитъ, портвейнъ по цѣлой Россіи. Я разъ чуть не уморилъ бутылочкой ярославскаго портвейна моего больнаго друга, которому докторъ посовѣтовалъ употреблять это вино для подкрѣпленія силъ. Съ тѣхъ поръ я не могу смотрѣть безъ злости на Ярославль.

Верстахъ въ десяти отъ Ярославля, я еще въ первый разъ встрѣтилъ такъ называемую *машину*, громадное, неуклюжее судно, которое тащило за собою два еще болѣе громадные *подчалка*, нагруженные горами товара. Сама машина имѣетъ саженъ 30 въ длину и около 7 въ ширину; на палубѣ ея ходятъ по вертящемуся кругу пять паръ лошадей, и вертятъ огромный чугунный брусъ; на этотъ брусъ при его обращеніи навертывается толстый канатъ, другой конецъ котораго, съ тяжелымъ якоремъ, завезенъ на лодкѣ впередъ машины и брошенъ въ воду. Такимъ труднымъ способомъ подвигается впередъ, около 15-ти верстъ въ день, эта громада, занимающая въ длину съ своими подчалками около четверти версты и тянущая иногда до 100,000 пудовъ грузу. Это изобрѣтеніе механика Пуадебарда, вошедшее въ употребленіе съ 1816-го года, облегчаетъ тяжелый трудъ человѣка; но еще лучше будетъ, если, вмѣсто этихъ *коноводныхъ машинъ*, будутъ употребляться для *буксировки* судовъ пароходы, что нынѣче уже и начинаетъ входить въ употребленіе.

Скажу при этомъ случаѣ и о другихъ большихъ судахъ, встрѣчавшихся мнѣ на Волгѣ: *мокшаны*, строющіяся на рѣкѣ Мокшѣ, болѣе 20 саженей въ длину, и подымаютъ до 40,000 пудовъ груза; *гусянки* везутъ на себѣ до 30,000; *суряки*, приходящіе изъ Суры до 20,000; *барки* до 12,000; *коломенки* до 8,000; *досчаники* до 1000.—Рабочихъ на большомъ суднѣ бываетъ болѣе 100 человѣкъ; на небольшихъ — отъ 4-хъ до 10-ти. Пять, шесть человѣкъ тащатъ по берегу за канатъ, привязанный къ мачтѣ, судно съ грузомъ тысячи въ четыре пудовъ. Разочти-ка, сколько нужно было бы лошадей, телѣгъ и людей, чтобы везти такой грузъ сухимъ путемъ, и по этому суди о благодѣяніи, которое оказываетъ людямъ Волга и другіе водные пути. Люди, взявшіе на себя доставить судно, составляютъ артель. Главныя лица въ артели: *лоцманъ*, который долженъ хорошо знать Волгу, чтобы, не посадить судна на мель; *водоливъ*, завѣдывающій хозяйствомъ судна, и *кашеваръ*, котораго выбираетъ артель для неприхотливой стряпни. Всѣ эти суда, исключая машинъ, называются *парусными*, потому, что при попутномъ вѣтрѣ идутъ на парусахъ; но такой попутный и сильный вѣтеръ случается рѣдко. Большею же частью суда тянутся бурлаками, иногда съ помощью лошадей. Бурлаки, на-

дѣвъ на себя лямку, привязанную къ канату, тянущему судно за мачту, тихо, тяжело, утѣшая себя грустными пѣснями, идутъ по берегу. Тяжела эта работа и неприбыльна: по большей части бурлакъ, дотащивъ судно отъ Саратова или Нижняго до Рибинска, проѣстъ дорогой все свое небольшое жалованье и возвращается домой, за тысячи верстъ, пѣшкомъ и безъ гроша въ карманѣ. Странно, что всѣ эти бурлаки большею частію изъ приволжскихъ, *низовыхъ* губерній, гдѣ земля такъ хороша и земли такъ много. Но эти люди любятъ бродячую жизнь, и охотно оставляютъ свои дома и поля. Къ счастію, впрочемъ, пароходы подрываютъ теперь сильно бурлацкій промыселъ, и скоро заставятъ, можетъ быть, бурлаковъ сидѣть дома и пахать землю. Грустно смотрѣть, какъ эти люди оборванные, обожженные солнцемъ и вѣтромъ, грудью напираютъ на лямку, пробираясь по берегу, то песчаному, то каменистому, то обрывистому, то заросшему кустами. Одна партія смѣняетъ другую, которая идетъ отдыхать на барку, и судно безпрестанно подвигается впередъ, но подвигается медленно, чуть замѣтно. Неужели эти люди, эти заросшія головы, эти черныя груди, въ которыхъ также бьется человѣческое сердце, неспособны ни къ чему лучшему, кромѣ этой лошадиной работы, отъ которой даже и лошадей освободилъ теперь благодѣтельный паръ?

Понятно, какъ радуются бурлаки, когда сильный попутный вѣтеръ надуетъ громадные паруса судна, бѣлые полотняные, иногда рогожаные, и самъ потащитъ судно вверхъ, освобождая бурлаковъ отъ труда. Подъѣзжая къ Костромѣ, я видѣлъ тамъ прекрасную картину: десятки громадныхъ судовъ, окрыленныхъ бѣлыми парусами, поднимались вверхъ по рѣкѣ и казались издали какими-то чудовищными птицами; бурлаки спали на палубахъ, раскинувшись въ самыхъ живописныхъ позахъ; другіе горланили какую-то пѣсню; до меня долетѣло нѣсколько словъ и мнѣ показалось, что они пѣли:

Ахъ туманы ль — вы, туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Какъ печаль, тоска, ненавистные!
Изсушили туманушки молодцовъ,
Сокрушили удалыхъ до крайности!
Ты взойди, взойди красно солнышко,
Надъ горой взойди, надъ высокою,
Надъ дубравушкой, надъ зеленою,
Надъ урочищемъ добра молодца,
Что Степана свѣтъ Тимофеича,
По прозванію Стеньки Разина.
Ты взойди, взойди красно солнышко,
Обогрѣй ты насъ людей бѣдныхъ:
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички;
Мы весломъ махнемъ — корабль возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ — караванъ собьемъ,
Мы рукой махнемъ — дѣвицу возьмемъ.

О Костромѣ я не могу сказать тебѣ многаго, потому что не выходилъ на берегъ. Красивый городъ расположенъ на высокомъ, лѣвомъ берегу Волги, при самомъ впаденіи въ нее судоходной рѣки, Костромы. Издали видѣлъ я Ипатьевскій монастырь. Онъ обнесенъ крѣпкими стѣнами съ бойницами,

и за этими стѣнами укрылся Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ со своею матерью, когда предувѣдомленный Сусанинымъ объ отыскивавшей его шайкѣ злодѣевъ, ушелъ изъ своего помѣстья, Домнина. Здѣсь же принялъ онъ 14-го марта 1613-то года русскій престолъ, предложенный ему торжественнымъ посольствомъ изъ Москвы, по избранію всей Россіи. Ипатьевскій монастырь строенъ предками царя Бориса Ѳедоровича Годунова, и здѣсь похороненъ его дѣдъ, а также отецъ и мать; могила же самаго царя Бориса въ Троицкой лаврѣ, въ 60-ти верстахъ отъ Москвы. Въ Ипатьевскомъ же соборѣ похороненъ, по повелѣнію царя Михаила Ѳедоровича, и крестьянинъ—герой Иванъ Сусанинъ. Въ Костромѣ же есть и памятникъ Сусанину; а подвигъ его тебѣ, безъ сомнѣнія, извѣстенъ. Въ Угличѣ я былъ на той самой площади, гдѣ началась кровавая драма междуцарствія, гдѣ погибъ послѣдній потомокъ царствующаго Рюрикова дома; здѣсь передо мною — тотъ самый монастырь, гдѣ избранъ на царство родоначальникъ новой династіи Романовыхъ; далѣе ждетъ меня городъ, на площади котораго простой человѣкъ, Мининъ, положилъ начало спасенія Россіи въ тяжелые годы междуцарствія.

Отъ Костромы до Нижняго Волга становится все красивѣе; громадныя села, часто съ нѣсколькими каменными церквами, не въ примѣръ больше, богаче и промышленнѣе многихъ уѣздныхъ городовъ, виднѣются на холмахъ, подымающихся то на правомъ, то на лѣвомъ берегу Волги. Многія изъ этихъ селъ славятся своими издѣліями; такъ въ селѣ Святомъ выдѣлывается отличное полотно и обработывается превосходный ленъ; села—Сидоровское и Пожня работаютъ различныя крестьянскія украшенія — серьги, кольца и проч.; въ Плесѣ выдѣлываются хорошіе топоры, расходящіеся отсюда далеко по Россіи. Мы ночевали у Плеса. Это заштатный и очень древній городъ, расположенный на живописномъ, гористомъ берегу. Здѣсь русскіе въ 1540-мъ году разбили татаръ, пробиравшихся къ Костромѣ; здѣсь Костромичи въ 1612-мъ году встрѣтили Минина и Пожарскаго, шедшихъ на освобожденіе Москвы. Здѣсь почти каждое село чѣмъ нибудь да замѣчательно, или въ историческомъ, или въ промышленномъ отношеніи. Вообще надобно замѣтить, что приволжскіе города и села, а часто и цѣлые округи селъ и деревень дружно раздѣлили между собой различныя отрасли промышленности: въ одномъ всѣ занимаются тканьемъ полотна, въ другомъ тачаютъ сапоги, въ третьемъ куютъ топоры; тамъ еще цѣлое село сбиваетъ бочки, ушаты, ведра, а тамъ всѣ выдѣлываютъ кожи; тамъ топятъ сало, дѣлаютъ свѣчи; а тамъ цѣлыя села занимаются постройкой судовъ; жители одной мѣстности идутъ въ извозъ, жители другой — прирожденные бурлаки, жители третьей—лоцмана; а Волга съ ея безчисленными притоками соединяетъ всѣ эти промышленные и ремесленные города и села въ одинъ громадный промышленный городъ, работающій на всю Россію.

По дорогѣ отъ Костромы до Нижняго многія мѣстности ознаменованы битвами или съ татарами, или съ поляками. Замѣчательны въ этомъ отношеніи городъ Кинешма и находящаяся въ верстахъ двадцати отъ нея, слобода Рѣшма. Кинешма и Рѣшма не хотѣли признать власти поляковъ, и были разорены до тла. Видно вообще по всему, что въ этой приволжской сторонѣ жили истинно русскіе люди, которые лучше хотѣли умирать, чѣмъ признавать надъ собою ненавистную власть. Недалеко за Рѣшмой впадаетъ въ Волгу судоходная рѣка Унжа, берущая свое начало въ лѣсахъ Вологодской губерніи. По Унжѣ сплавляется въ Волгу большое количество строеваго лѣса, барокъ, смолы и дегтю.

Противъ устья Унжи, на крутизнахъ гористаго праваго берега Волги, стоитъ старинный, теперь незамѣчательный и бѣдный городъ, Юрьевецъ Поволжскій, также разоренный сначала татарами, а потомъ поляками. Жители его занимаются постройкой судовъ; судостроеніе вообще составляетъ главный промыселъ приволжскихъ селъ, невдалекѣ отъ Нижняго. Посадъ Пучежъ гораздо богаче города Юрьевца. На границѣ Нижегородской губерніи замѣчательно также село Катунка, въ которомъ выдѣлываются опойки. Въ огромномъ селѣ Городцѣ съ его приселками, болѣе семи тысячъ жителей. Невдалекѣ отъ него расположены на горѣ Оползень остатки валовъ стараго Городца. На этой горѣ, по преданію, ночью будто бы горятъ огоньки на забытыхъ могилахъ князей городецкихъ. Про другую городецкую гору, Кирилову, одинъ изъ пассажировъ разсказалъ намъ довольно поэтическое преданіе.

— Если, говорилъ онъ, мимо Кириловой горы раннимъ утромъ проходитъ судно, на которомъ всѣ люди благочестивы, то Кирилова гора раскрывается; изъ нея выходятъ старые монахи, кланяются и просятъ свезти поклонъ братьямъ ихъ, жигулевскимъ старцамъ (Жигули, или Жигулевскія горы, расположенныя на правомъ берегу Волги въ Симбирской губерніи). Подъѣзжая къ Жигулямъ, стоитъ только крикнуть: „жигулевская братія! шлютъ вамъ поклонъ старцы Кириловой горы;“ тогда разступаются Жигулевскія горы, изъ нихъ выходятъ старые монахи и кланяются до земли.

Отъ Юрьевца Поволжскаго Волга поворачиваетъ почти прямо на югъ, и далѣе съ каждымъ часомъ ѣзды воздухъ замѣтно становится теплѣе и теплѣе; холмистые берега зеленѣе, цвѣтистѣе, лѣса и рощи полнѣе, гуще и разнообразнѣе; хвойныхъ деревьевъ видно менѣе, дубъ и липа встрѣчаются чаще и растутъ роскошнѣе. Правый гористый берегъ Волги здѣсь иногда чрезвычайно живописенъ.

Но я не сказалъ тебѣ еще ничего о моей жизни на пароходѣ, а она стоитъ того, чтобы описать ее подробнѣе. Пассажиры на нашей палубѣ мѣнялись безпрестанно и, не сходя съ парохода, можно было бы изучать образцы почти всѣхъ русскихъ племенъ и народностей, встрѣтить предста-

вителей всѣхъ губерній и всѣхъ возможныхъ промысловъ. Изъ Твери почти до самаго Нижняго, но болѣе до Костромы и Ярославля, ѣхало съ нами множество молодыхъ людей и даже мальчиковъ изъ петербургскихъ и московскихъ лавокъ, трактировъ, гостинницъ, кузницъ, слесарень, булочныхъ, пивоварень и т. д. Этотъ молодой народъ, просидѣвъ два, три года въ какой нибудь лавкѣ, гостинницѣ или мастерской, ѣхалъ теперь домой *на побывку*, т. е. погостить два, три лѣтніе мѣсяца у родныхъ. Пріятно было видѣть, какъ счастливы и веселы были эти маленькіе половые, кузнецы, слесаря, съ какимъ нетерпѣніемъ дожидались они той пристани, гдѣ могли выйти на берегъ съ тѣмъ, чтобы отправиться въ родимое село, отстоящее иногда за десятки верстъ отъ берега. Съ узелкомъ за плечами, въ которомъ непремѣнно скрываются гостинцы отцу, матери, сестрѣ или маленькому брату, весело вбѣгаетъ молодой работникъ на пристань, и бодро идетъ по знакомой ему дорогѣ. Случалось иногда и такъ, что старикъ-отецъ или старушка-мать встрѣчали тутъ же на пристани своего ненагляднаго Ванюшку, котораго не видали 5 или 6 лѣтъ. При этомъ не лишнее будетъ замѣтить, что костромичи и въ особенности ярославцы цѣлыми толпами уходятъ на заработки въ Петербургъ и Москву; потому что почва этихъ губерній представляетъ мало удобствъ для земледѣлія, но еще болѣе потому, что бойкому, смѣтливому ярославцу не сидится на мѣстѣ.

Письмо 3-е.

Нижній Новгородъ.

Отправившись отъ Балахны, мы скоро увидали издали Нижній. Это было рано утромъ. Какой то прозрачный паръ стоялъ надъ Волгою, и сквозь него заблестѣли главы множества старинныхъ церквей и верхушки крѣпостныхъ башенъ. Скоро показался и весь городъ, стоящій на довольно высокой и крутой горѣ, у подошвы которой сливаются двѣ большія рѣки — Волга и Ока; послѣдняя показалась мнѣ здѣсь немногимъ уже Волги. Цѣлый лѣсъ мачтъ, дымящіяся трубы пароходовъ, множество пристаней, толпы народа, суетившагося по берегу — все это придавало чрезвычайно оживленный видъ Нижнему. Страшно только, что у Нижняго почти не существуетъ искусственной набережной и что люди и лошади на пристани тонутъ въ грязи.

По крутой, довольно неудобной дорогѣ взвезъ меня извощикъ на высокую гору, на которой расположенъ верхній городъ. Улицы въ Нижнемъ показались мнѣ такими же пустыми, какъ и въ Ярославлѣ. Плохая, грязная, но дорогая гостинница дала мнѣ на время пріютъ. Половой, впрочемъ, утѣшалъ меня, говоря, что во время ярмарки я за ту же самую комнату заплатилъ бы въ пять разъ дороже.

Переодѣвшись, поспѣшилъ я прежде всего въ Нижегородскій *Кремль*.

Его древняя стѣна и многочисленныя, красивыя башни манили меня еще издали. Съ почтеніемъ взглянулъ я на старинный Спасо-Преображенскій соборъ, существующій уже болѣе 600 лѣтъ. Сколько великихъ историческихъ событій видѣлъ этотъ соборъ на своемъ вѣку! Въ склепѣ, подъ соборомъ, посреди гробницъ князей и епископовъ, стоитъ и гробница простаго человѣка, нижегородскаго мясника, Козьмы Захарьевича Минина-Сухорукаго. Посѣтивъ здѣшнюю соборную усыпальницу, Петръ Великій поклонился до земли гробницѣ Минина и сказалъ: „здѣсь лежитъ избавитель Россіи.“ Другіе императоры и императрицы наши, бывавшіе въ Нижнемъ, не забывали также гробницы нижегородскаго мясника. На площади Кремля, теперь пустынной, совершилось великое событіе, положившее начало побѣдоносному выходу Россіи изъ тяжкой годины междуцарствія, когда толпы поляковъ и шайки разбойниковъ расхаживали по ней изъ конца въ конецъ, города и села обливались кровью, пылали или уже лежали въ развалинахъ, оставленные жителями; — когда самое сердце Россіи, Москва, была въ рукахъ наглыхъ пришельцевъ, — когда, наконецъ, русскій народъ еще существовалъ, но русскаго государства уже не было. Въ это безотрадное время великая и необычайно смѣлая мысль зародилась въ умѣ простаго нижегородскаго ремесленника. Онъ задумалъ спасти Россію ея собственными силами, любовью русскаго народа, не призывая на помощь никакихъ иноземцевъ. Нижегородцы знали Минина за честнаго, простодушнаго, умнаго человѣка; но подозрѣвалъ ли кто нибудь, что въ этомъ простомъ человѣкѣ скрывается герой, имя котораго переживетъ вѣка? Когда Мининъ началъ говорить о необходимости спасти отечество, то въ его словахъ было столько силы, столько любви къ родной странѣ, что они подѣйствовали на слушавшихъ, тѣмъ болѣе, что всѣ чувствовали то же, о чемъ Мининъ сталъ говорить громко. Сюда, на эту площадь, стекались нижегородцы толпами, принося все свое имущество на дѣло спасенія отчизны; отсюда отправились они освобождать Москву. Въ память этого величайшаго событія русской исторіи стоитъ теперь на кремлевской площади весьма небольшой и не очень красивый памятникъ; но такія событія не нуждаются въ великолѣпныхъ памятникахъ: никто ихъ безъ памятниковъ не забудетъ.

Осмотрѣвъ соборъ, памятникъ, взглянувъ на дворецъ, въ которомъ живетъ губернаторъ, и на пустынную площадь, окруженную какими-то казармами, я отправился на кремлевскую стѣну и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по ней, остановился, пораженный необыкновенно обширнымъ и красивымъ видомъ. Внизу, подъ горою, на которой стоитъ Кремль, расположенъ *нижній городъ*, который показался мнѣ гораздо оживленнѣе *верхняго*. Устья Оки почти не видно за множествомъ судовъ. На другомъ, плоскомъ берегу ея расположены ярмарочныя зданія, между которыми шевелилось множество народа, хотя знаменитая ярмарка еще не начиналась. Но

какой очаровательный видъ открывается вдаль, внизъ и вверхъ по Волгѣ и на ея луговую сторону, которой кажется, и конца нѣтъ! Какое обиліе воды! какія синія волны! какой прозрачный воздухъ и какъ его много! Большая барка, посреди Волги, кажется отсюда маленькою лодкою, а лодка, поднявшая свой бѣлый парусъ,—бѣлокрылою чайкою, которая, сверкая на солнцѣ своими крыльями, купается въ синей волнѣ. Въ первый разъ въ моей жизни я видѣлъ такую даль, такое обиліе воды и зеленыхъ луговъ, и потому неудивительно, что усѣвшись между крѣпостными зубцами, я не могъ оторвать взора отъ очаровательной картины. Не знаю, долго-ли бы я просидѣлъ такъ, еслибы чья-то мощная рука не налегла мнѣ на плечо. Я оглянулся: это былъ мой знакомый старикъ, петербургскій купецъ.

—Ну, что скажете вы теперь о матушкѣ-Волгѣ? спросилъ онъ меня съ улыбкой.

— Удивительно! превосходно! Чудная рѣка! отвѣчалъ я ему: я сижу здѣсь вотъ уже цѣлый часъ, и не могу рѣшиться уйти.

—Это понятно: вы въ первый разъ видите Волгу въ Нижнемъ. Я выросъ и состарѣлся на Волгѣ, я проѣхалъ ее съ верху до низу и съ низу вверхъ безсчетное число разъ; мало этого — что грѣха таить? быль молодцу не укоръ!—истопталъ своими ногами всѣ берега Волги:—а между тѣмъ всякій разъ, какъ бываю въ Нижнемъ и взойду вотъ сюда, на стѣну, то смотрю, смотрю—и немогу насмотрѣться, не могу отвести глазъ! А въ разливъ, когда затопитъ водою вотъ всю ту луговую сторону Волги,—это просто море. Недурно также взглянуть на ярмарочную площадь въ іюлѣ и августѣ: тутъ, батюшка мой, тогда всякаго народу и всякаго товару, чего только душа пожелаетъ. Не говоря уже о нашихъ русскихъ, которые съѣзжаются на Макарьевскую ярмарку изъ всѣхъ самыхъ отдаленныхъ губерній, кого только и кого здѣсь не бываетъ! И нѣмцы-то изъ за границы, и татары, и турки, греки, армяне, бухарцы, персіяне, башкирцы, киргизы, калмыки. И всякой-то свой товаръ везетъ на Макарьевскую, и всякій съ другимъ товаромъ уѣзжаетъ. Какіе тутъ милліоны ворочаются! Иной разъ товару милліоновъ на 70 серебромъ навезутъ и милліоновъ на 50 продадутъ. Кромѣ того на Макарьевской же многіе торговцы сводятъ свои годовые, милліонные счеты: долги платятъ, долги получаютъ, товаромъ ли, деньгами ли.

— Почему Нижегородская ярмарка называется Макарьевскою?

— Потому что въ 1818 году эта ярмарка переведена въ Нижній изъ Макарьева. Я самъ еще ѣзжалъ въ Макарьевъ на ярмарку и привыкъ называть ее по прежнему.

— Какое множество судовъ на Окѣ! замѣтилъ я.

— Ока, батюшка, правая рука Волги, отвѣчалъ словоохотливый купецъ: какіе у нея чудные берега — холмы, разлоги, зеленые, бархатные луга, старинные русскіе города, чисто русскія, великорусскія села и дерев-

ни! Волгу можно назвать первою рѣкою русскаго государства; по берегамъ ея живетъ много разноязычныхъ племенъ: русскіе, чуваши, черемисы, татары, башкиры, киргизы, калмыки; Ока же великорусская рѣка: только на Мокшѣ, что впадаетъ въ Оку съ юга, живетъ мордва, да и та уже русѣетъ, а то все русскіе.

Истокъ Оки находится почти у границы благословенной, хлѣбной Малороссіи, гдѣ царствуетъ уже не Волга, а Днѣпръ. Скоро сдѣлавшись порядочною судоходною рѣчкою, Ока протекаетъ или задѣваетъ своимъ теченіемъ богатыя губерніи, богатыя или хлѣбомъ или пенькою, или промысломъ и торговлею: Орловскую, Тульскую, Калужскую, Московскую, Владимірскую, Рязанскую, Тамбовскую, Нижегородскую. А какіе славные, замѣчательные города стоятъ на Окѣ и ея притокахъ: на самой Окѣ—Орелъ, Калуга, Рязань, Нижній; на Упѣ—Тула; на рѣкѣ Москвѣ—наша матушка Москва, бѣлокаменная; на Клязьмѣ—Владиміръ, древняя столица Руси, еще древнѣе Москвы, хотя и помоложе Кіева; на Цнѣ, впадающей въ Мокшу,—Тамбовъ; а Мокша притягиваетъ къ Окѣ и Пензенскую губернію, одну изъ самыхъ хлѣбородныхъ нашихъ губерній. На сѣверной сторонѣ Оки, гдѣ земля похуже, особенно въ губерніяхъ Владимірской, Московской, Калужской, занимаются болѣе фабричнымъ дѣломъ и торговлею; по южной, гдѣ идетъ богатая черноземная полоса, какъ напримѣръ въ Тамбовской, Пензенской, занимаются болѣе хлѣбопашествомъ. Такъ уже видно Богъ раздѣлилъ это мѣсто: однимъ назначилъ прясть, ткать, ковать, другимъ—землю пахать. Во Владимірской губерніи, напримѣръ, что ни село, то фабрика, а иногда и десятокъ: тамъ ткутъ полотна, парусину, тамъ вьютъ канаты, набиваютъ ситцы, дѣлаютъ ножи и всякаго рода стальные товары; тамъ пишутъ образа на всю Россію; оттуда офени ,съ коробками за плечми, расходятся по всѣмъ губерніямъ. Побывайте только въ Шуѣ, уѣздномъ городѣ Владимірской губерніи, и вы увидите столько ситцевыхъ фабрикъ, сколько насчитаете развѣ подъ Москвою; а село Иваново, Павлово.... это, батюшка, цѣлые фабричные города, хоть и называются селами.

— Мнѣ-бы хотѣлось знать, сказалъ я, смотря въ даль на уходящую изъ глазъ Волгу: какова-то Волга тамъ, дальше?

— За Нижнимъ она почти нигдѣ уже версты не бываетъ; правый берегъ ея крутъ и высокъ, лѣвый — низменный, ровный и называется луговымъ, или просто *луговою*, потому что по немъ стелются безконечные и богатые луга. Какъ выходить Волгѣ изъ Нижегородской губерніи, тутъ впадаютъ въ нее двѣ довольно большія рѣки: съ лѣвой стороны Ветлуга, съ правой Сура. Ветлуга—это лыковая рѣка: по ней каждое лѣто сплавляется множество лубья, лыкъ, мочалъ, рогожъ.

— Не важный товаръ, замѣтилъ я съ улыбкой.

— Ну, не говорите: товаръ, конечно, не дорогой; но много его надобно

на коробки, на рогожи, на лапти, и въ иной годъ на Макарьевскую ярмарку привозятъ этого товару тысячъ на полтораста рублей серебромъ и болѣе.

— Изъ чего же дѣлаютъ лыко?

— Изъ луба молодыхъ липовыхъ деревьевъ: весною надрѣзываютъ на молодыхъ липахъ кору, и она потомъ легко сдирается, а подъ нею лежитъ лубъ, изъ котораго выходитъ и лыко и лубье для коробовъ: мочало же дѣлается изъ луба съ вѣтокъ; потомъ лыко мочатъ въ водѣ, а къ осени вынимаютъ и сушатъ. Вотъ и все производство, а много людей живутъ этимъ нехитрымъ промысломъ! По берегамъ Ветлуги цѣлые лѣса липъ, и на лыко идетъ только молодой лѣсъ, который скоро опять выростаетъ.

— Чѣмъ же замѣчательна Сура?

— По ней много сплавляется хлѣба изъ Пензенской и Нижегородской губерніи; за Сурой же пойдутъ уже татары, чуваши, черемисы, все народъ не русскій, хоть живутъ и въ русскомъ царствѣ. Сама Казань уже полутатарскій городъ, бывшая столица казанскаго царства, а теперь самый красивый изъ нашихъ губернскихъ городовъ, въ которомъ есть и университетъ. Когда поѣдете отъ пристани къ Казани, то увидите широкую, каменную пирамиду, поставленную въ воспоминаніе взятія Казани Грознымъ Царемъ. Съ этого времени татарское царство кончилось на вѣки; за Казанью покорилась Астрахань, за Астраханью Сибирь, а тамъ дошла очередь и до Крыма, а тамъ мы побывали и въ Адріанополѣ.—Верстахъ въ семидесяти за Казанью съ лѣвой стороны впадаетъ въ Волгу Кама, самый большой изъ волжскихъ притоковъ. Она несетъ въ Волгу безчисленныя богатства Урала и губерній пріуральскихъ: мѣдь, желѣзо, соль, лѣсъ, разные цѣнные камни — мраморъ, малахитъ.... Кама сама течетъ не менѣе 2 т. верстъ и принимаетъ двѣ большія рѣки—Вятку, на которой стоитъ Вятка, и Бѣлую, по берегамъ которой живутъ башкиры.

— А за Камой какова Волга?

— За Камой Волга дѣлается истинно великаномъ-рѣкою и разстилается въ меженное время отъ 4-хъ до 5-ти верстъ, а въ разливъ на десять верстъ. Съ одного берега на другой человѣка не видать! А какія все богатыя хлѣбныя губерніи протекаетъ она въ этомъ мѣстѣ: Казанскую, за Казанской—Симбирскую, за Симбирской—Саратовскую. Изъ этихъ-то *низовыхъ* губерній везутъ къ намъ въ Питеръ золотую пшеницу, а изъ Питера везутъ ее на корабляхъ въ чужія земли. Отъ самой Казани до Царицына правый берегъ высокъ и красивъ, горы покрыты чудесными лѣсами, и въ этихъ-то лѣсистыхъ горахъ живали когда-то знаменитые волжскіе разбойники. Отъ Царицына Волга пойдетъ уже безплодною степью, и хотя здѣсь рѣка еще шире, но безпрестанно дѣлится на рукава. Когда же подъ Астраханью, во время разлива, всѣ эти рукава сольются въ одно, тогда уже Волга — просто цѣлое море, и въ бурю волны ходятъ по ней горами. За Царицынымъ идутъ берега

всѣ невеселые; пустая степь по обѣ стороны, а по степи бродятъ калмыки и киргизы. Въ Каспійское море Волга впадаетъ множествомъ рукавовъ, но мелка, что очень затрудняетъ судоходство.

— А вы и въ Астрахани бывали?

— Какъ не бывать! сколько разъ! Она построена на довольно высокомъ островѣ Волги, верстахъ въ 70-ти отъ моря. Здѣсь Волга дробится уже на безчисленное число рукавовъ, которые то раздѣляются, то соединяются, и образуютъ множество острововъ. Здѣсь, въ Нижнемъ, на городъ смотрятъ съ кремлевской стѣны. Въ Астрахани такой высокой горы и стѣны нѣтъ, и охотники взбираются на соборную колокольню, чтобы оттуда взглянуть на городъ. Улицы Астрахани широки, красивы, обсажены аллеями; за ними видна гавань, покрытая кораблями и барками, течетъ широкая Волга, усѣянная безчисленными зелеными островами. Народъ на астраханскихъ улицахъ — самый пестрый: тамъ сидятъ на лавкахъ предъ своими домами хивинцы въ высокихъ овчинныхъ шапкахъ; тамъ прохлаждаются важные персіяне; тамъ идетъ армянинъ, а ему на встрѣчу — русскій мужикъ въ своей рубахѣ; ѣдетъ верхомъ киргизъ, калмыкъ грязный, оборванный, съ такою широкою, плоскою образиною, что и взглянуть страшно. Однакоже соловья баснями не кормятъ, прибавилъ старикъ, взглянувъ на часы, и отъ хорошаго вида сытъ не будешь. Вы гдѣ остановились?

— Я назвалъ гостинницу.

— Ба! такъ мы съ вами сосѣди. Пойдемте же ко мнѣ завтракать, а за завтракомъ, коли есть охота слушать, еще поболтаемъ о Волгѣ.

Въ гостинницѣ, въ ожиданіи завтрака, купецъ показалъ мнѣ отличную карту Волги, на которой онъ своей рукой сдѣлалъ множество замѣтокъ: крестиковъ, точекъ, черточекъ.

— Вотъ она, матушка, какъ растянулась, говорилъ старикъ, водя пальцемъ по картѣ: почитай что всю Россію обогнула; начинается тамъ, гдѣ растутъ только елки да сосны, и оканчивается тамъ, гдѣ можно найти и виноградъ и шелковичное дерево; треть Европейской Россіи занимаетъ она со своими притоками; связываетъ три далекія моря; а сколько селъ, городовъ, губерній, сколько народу живетъ и кормится Волгой! Что была бы Россія безъ Волги? такая же дикая степь, какъ та, по которой бродятъ теперь киргизы и калмыки. Да, мой родимый, Волга величайшій даръ Божій Русской землѣ!

— Вы, кажется, замѣтилъ я, отлично знаете эту рѣку.

— Да, не дурно, а благодаря ей, и всю Россію: я, батюшка, ногами вытопталъ себѣ русскую географію.

— Какъ такъ?

— Да такъ! моя судьба — преудивительная судьба, и вы, видя меня петербургскимъ купцомъ, конечно, не подозрѣваете, что я въ молодости

былъ бурлакомъ, таскалъ лямку по берегамъ Волги и Оки, а потомъ пристался къ владимірскимъ офенямъ и съ коробомъ за плечами разносилъ бездѣлушки по святой Руси; потомъ ѣздилъ на своей собственной тройкѣ, развозя товары, куда приходилось; потомъ занялся хлѣбной торговлей — и сталъ, какъ видите, петербургскимъ кущомъ. Теперь у меня и дома каменные, и капиталъ есть, и уваженіемъ добрыхъ людей, слава Богу, пользуюсь; а какъ вспомню свое бурлачество, то, ей, всякій разъ вздохну. Сильно я состарѣлся; семья у меня теперь большая, внуки уже торгуютъ; а не могу отвыкнуть отъ бродячей жизни. Зимою еще туда-сюда, сижу дома, да почитываю кое что, больше все же о Волгѣ; но какъ только наступитъ весна, какъ только я завижу на Невѣ первую лодку, заслышу первый свистокъ парохода, такъ меня и подмываетъ на родимую мою Волгу: на ней я счастливъ, веселъ, молодъ попрежнему, и только тогда грустно станетъ, какъ подумаю, что вижу ее можетъ быть въ послѣдній разъ.

— Ваша жизнь должна быть прелюбопытна, сказалъ я, замѣтивъ, что почтенный старикъ разговорился.

— Да, есть что поразсказать; но когда нибудь въ другое время; а теперь пора завтракать.

Пора и мнѣ кончить къ тебѣ письмо, а то пожалуй его и въ пакетъ не упрячешь. Прощай, будь здоровъ, и при первой возможности поѣзжай самъ взглянуть на Волгу.

ОТДѢЛЪ II.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

НЕСТОРЪ.

Лѣтъ за восемьсотъ до нашего времени жилъ въ Кіевѣ разумный и благочестивый монахъ, по имени Несторъ. Юношей еще пришелъ онъ въ Кіевопечерскій монастырь и постригся въ монахи. Въ часы, незанятые богослуженіемъ или домашнею молитвою, умный Несторъ любилъ слушать разсказы старыхъ людей о томъ, что дѣлалось прежде его на Руси; а въ Кіевопечерскомъ монастырѣ было кого послушать: со всѣхъ концовъ земли русской, изъ всѣхъ сословій, богатые и бѣдные, бояре, витязи, купцы, простые люди стекались въ Кіевопечерскую лавру: одни помолиться Богу, поклониться нетлѣннымъ мощамъ и снова пуститься въ мірскую жизнь; другіе мирно окончить дни свои въ монашескомъ санѣ, подъ покровомъ монастыря. Особенно много поразсказалъ Нестору столѣтній старецъ, монахъ того же мо-

настыря, Янъ. Несторъ слушалъ внимательно, замѣчалъ все и потомъ, благословясь, рѣшился записать, что слышалъ и видѣлъ, на память потомкамъ. Такъ Несторъ положилъ начало великому дѣлу — *русской лѣтописи*. Лѣтопись Нестора потомъ переписывалась, переходила изъ рукъ въ руки, изъ монастыря въ монастырь. Между монахами находились люди, которые продолжали сказаніе Нестора и, переписавъ его лѣтопись, прибавляли къ ней свои замѣтки, записывая изъ года въ годъ, что случалось важнаго при нихъ на святой Руси, чему были свидѣтелями сами или что слышали отъ другихъ. Десятки поколѣній проходили, но лѣтопись Нестора сохранялась, какъ святыня, переписывалась бережно, хотя иногда съ большими ошибками по невѣжеству писцовъ, прибавлялась, росла, и вотъ изъ этой-то лѣтописи, начатой Несторомъ, мы знаемъ, что дѣлалось въ давнія времена въ нашемъ отечествѣ.

Несторъ жилъ долго, писалъ кромѣ лѣтописи Житія Святыхъ, велъ жизнь строгую, благочестивую, истинно христіанскую, и теперь нетлѣнныя мощи великаго перваго русскаго лѣтописца почиваютъ въ одной изъ Кіевопечерскихъ пещеръ.

Великій лѣтописецъ нашъ былъ такъ скроменъ, такъ чуждъ всякаго тщеславія, что даже не выставилъ своего имени на своемъ трудѣ. Онъ писалъ его изъ любви къ истинѣ, изъ желанія сохранить тѣ преданія, которыя безъ него могли бы исчезнуть навсегда, изъ желанія передать правнукамъ судьбу и дѣла ихъ прадѣдовъ, и скромно скрылъ свое имя; но молва назвала его первымъ русскимъ лѣтописцемъ, и имя Нестора не умретъ до тѣхъ поръ, пока будутъ живы русскіе люди.

Далѣе мы передадимъ нѣсколько отрывковъ изъ Несторовой лѣтописи, а теперь полюбуйтесь, какъ прекрасно представилъ намъ русскаго лѣтописца, одного изъ скромныхъ продолжателей лѣтописи Нестора, нашъ великій поэтъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

ЛѢТОПИСЕЦЪ.

(Келья Чудова монастыря въ Москвѣ; ночь; старый, сѣдой какъ лунь, монахъ Пименъ сидитъ и пишетъ передъ лампадой; молодой монахъ, послушникъ старика, Григорій, спитъ).

Пименъ. Еще одно, послѣднее сказанье — и лѣтопись окончена моя, исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога мнѣ грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ свидѣтелемъ Господь меня поставилъ и книжному искусству вразумилъ. Когда нибудь монахъ трудолюбивый найдетъ мой трудъ усердный, безъимянный; засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду, и, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ, правдивыя сказанья перепишетъ: да вѣдаютъ потомки православныхъ земли родной минувшую судьбу, своихъ царей великихъ по-

минаютъ за ихъ труды, за славу, за добро — а за грѣхи, за темныя дѣянья Спасителя смиренно умоляютъ.

На старости я съизнова живу; минувшее проходитъ предо мною.... Давно ль оно неслось событій полно, волнуяся, какъ море-окіанъ? Теперь оно безмолвно и спокойно. Немного лицъ мнѣ память сохранила, немного словъ доходитъ до меня, а прочее погибло невозвратно! Но близокъ день, лампада догораетъ — еще одно, послѣднее сказанье *(пишетъ)*.

Григорій *(пробуждается)*. Все передъ лампадой старикъ сидитъ, да пишетъ — и дремотой знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей. Какъ я люблю его спокойный видъ, когда, душой въ минувшемъ погруженный, онъ лѣтопись свою ведетъ. И часто я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ: о темномъ ли владычествѣ Татаръ? о казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна? о бурномъ ли новогородскомъ вѣчѣ? о славѣ ли отечества? Напрасно: ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ; все тотъ же видъ смиренный, величавый.... Такъ точно дьякъ *), въ приказахъ посѣдѣлый, спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ, добру и злу внимая равнодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

А. Пушкинъ.

СЛАВЯНСКІЯ ПЛЕМЕНА, ГДѢ И КАКЪ ОНИ ЖИЛИ.

Послѣ потопа, три сына Ноевы, Симъ, Хамъ и Афетъ раздѣлили землю: востокъ достался Симу, южная страна — Хаму, сѣверъ и западъ — Афету; отъ племени афетова пошелъ *народъ славянскій*. Спустя много вѣковъ, славяне сѣли по Дунаю, гдѣ теперь земля венгерская и болгарская. Отъ тѣхъ славянъ разошлись по землѣ многіе народы и назвались каждый своимъ именемъ, гдѣ кто сѣлъ на какомъ мѣстѣ; такъ напр. одни поселились на рѣкѣ, именемъ Моравь, и назвались моравами, а другіе назвались чехами [1]); а вотъ тоже славяне: бѣлые хорваты, сербы и хоружане [2]). Когда волохи [3]) напали на славянъ подунайскихъ, поселились среди нихъ и стали ихъ притѣснять, то славяне опять начали подвигаться къ сѣверу: такъ одни пришли и сѣли по Вислѣ, и прозвались ляхами; отъ этихъ ляховъ пошли поляки, лутичи, мазовшане, поморяне. Другіе славяне пришли и сѣли по Днѣпру, и назвались полянами, а другіе — древлянами, потому-что стали жить въ лѣсахъ; а другіе сѣли между Припетью и Двиною, и назвались дреговичами; полочане прозвались отъ рѣчки, именемъ Полоты, которая впадаетъ въ Двину. Тѣ, которые поселились около озера Ильменя, прозвались своимъ именемъ, славянами; они построили себѣ городъ и назвали его Новгородомъ. Такъ разошелся славянскій народъ.

Всѣ названныя племена жили особо другъ отъ друга, каждое на своемъ

*) Такъ назывался въ старыя времена главный чиновникъ въ судѣ.

[1]) Богемцы. — [2]) Каринтійцы. — [3]) Кельты.

мѣстѣ, и каждое имѣло свои нравы, обычаи и преданія. У полянъ были обычаи кроткіе и тихіе; а другія племена жили, какъ звѣри. Между полянами было три брата: одному имя Кій, другому — Щекъ, третьему — Хоривъ; сестру ихъ звали Лыбедью. Они построили городъ, который назвали, по имени старшаго брата, Кіевомъ. По смерти этихъ братьевъ, древляне и другіе окольные народы стали притѣснять полянъ; тогда пришли къ нимъ хозары и сказали: „платите намъ дань.“ Поляне подумали, и дали имъ по мечу отъ каждаго дома. Хозары принесли мечи къ князю своему и старшинамъ, и сказали: „вотъ мы нашли новую дань.“ Старшины спросили: „откуда вы это взяли?“ — „Да вонъ тамъ въ лѣсу, на горѣ, надъ рѣкою Днѣпромъ,“ — отвѣчали они. Тогда старцы хозарскіе сказали: „охъ, не хороша эта дань, князь! мы воюемъ саблями, острыми съ одной только стороны, а у этого народа мечи съ обѣихъ сторонъ острые: будутъ они брать дань и на насъ, и на другихъ странахъ.“ — Все и сбылось, что̀ предсказали старцы: русскіе и до-сихъ-поръ владѣютъ хозарами.

Поляне жили мирно и болѣе занимались земледѣліемъ; но черезъ ихъ землю шелъ большой торговый путь изъ земли варяжской (земли по ту сторону Балтійскаго моря) къ грекамъ и отъ грековъ къ варягамъ: вверхъ по Днѣпру, потомъ *волокомъ* до Ловати, по Ловати въ Ильмень-озеро, изъ этого же озера течетъ Волховъ въ озеро Великое, Нево (Ладожское), а изъ того озера можно пройти на судахъ въ море Варяжское (Балтійское). По этому морю можно дойти до Рима и изъ Рима по морю же къ Царьгороду, а изъ Царьгорода черезъ Понтъ-море (Черное) въ Днѣпръ. Днѣпръ же течетъ изъ Оковскаго лѣса (Валдайскія горы) и течетъ на полдень; а Двина изъ того же лѣса идетъ на западъ, въ море Варяжское; изъ того же лѣса выходитъ и Волга на востокъ и втекаетъ семьюдесятью жерлами въ море Хвалынское (Каспійское); такъ что изъ Руси можно плыть, куда хочешь: по Волгѣ къ болгарамъ и къ Хвалынскому морю; по Двинѣ къ варягамъ, а отъ варяговъ хоть въ Римъ и въ Царьгородъ, и по Днѣпру можно пройти въ Черное море и къ Царюграду.

ПРИЗВАНІЕ КНЯЗЕЙ.

(въ 862 году).

Въ то время, какъ поляне, сѣверяне и другія племена платили дань хозарамъ, по бѣлкѣ съ каждаго дома, варяги изъ-за моря брали дань на славянахъ новгородскихъ, на кривичахъ, также на чуди и мери*). Скоро однако эти народы прогнали варяговъ за море, перестали давать имъ дань, и начали владѣть сами собою. Но, прогнавши варяговъ, они никакъ не могли уладиться другъ съ другомъ: родъ возсталъ на родъ и нача-

*) Народы финскаго племени.

лись междоусобныя войны. Тогда они стали говорить между собою: „поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ наши дѣла по правдѣ;“ и отправили въ 862 году пословъ за море къ варягамъ, къ руси (Русью назывались эти варяги точно такъ же, какъ другіе варяги зовутся шведами, норвежцами, англичанами, готами). Чудь, новгородцы и кривичи сказали руси: „земля наша велика и обильна, да порядка въ ней нѣтъ; пойдите княжить и владѣть нами.“ Собрались три брата съ родственниками своими, взяли съ собою всю русь и пришли: Рюрикъ въ Новгородъ, Синеусъ на Бѣлоозеро, Труворъ въ Изборскъ; отъ нихъ-то и прозвалась Русская земля. Черезъ два года умерли Синеусъ и Труворъ; Рюрикъ одинъ принялъ всю власть, и роздалъ города приближеннымъ къ себѣ людямъ. Двое изъ нихъ, Аскольдъ и Диръ, которые не были ни родня Рюрику, ни бояре его, отпросились идти къ Царю-городу. Идучи внизъ по Днѣпру, они увидали на горѣ городокъ, и спросили: „чей это городокъ?“ Жители отвѣчали имъ: „были три брата: Кій, Щекъ и Хоривъ; они-то и построили этотъ городокъ, да послѣ изгибли, а мы вотъ платимъ дань хозарамъ.“ Аскольдъ и Диръ остались въ Кіевѣ, собрали много варяговъ, и начали владѣть полянами; а Рюрикъ княжилъ въ Новгородѣ.

Въ 866 году пошли Аскольдъ и Диръ на грековъ, при царѣ Михаилѣ. Царь въ это время пошелъ было войною на аравитянъ, но получивъ вѣсть, что русь идетъ на Царьгородъ, воротился. Между-тѣмъ Аскольдъ и Диръ вошли въ константинопольскую гавань, перебили множество христіанъ, и съ двумя стами кораблей облегли городъ. Царь съ патріархомъ всю ночь молились въ церкви Влахернской Богородицы, и потомъ, вынесши ризу Богородицы, погрузили ее въ воду. До того времени море было тихо; вдругъ поднялась буря, встали волны и разбили русскіе корабли; очень немногіе изъ аскольдовыхъ воиновъ спаслись отъ такой бѣды и возвратились въ отечество.

ОЛЕГЪ.

(879—912).

Умирая, Рюрикъ передалъ княженіе Олегу, своему родственнику; поручилъ ему и сына своего Игоря, потому что Игорь былъ еще младенецъ. Собравъ много войска, пошелъ Олегъ къ Смоленску, взялъ этотъ городъ и посадилъ въ немъ своихъ мужей. Оттуда пошелъ внизъ, взялъ Любечь и посадилъ въ немъ также своихъ мужей. Прійдя къ горамъ кіевскимъ и видя, что тамъ княжатъ Аскольдъ и Диръ, Олегъ скрылъ часть своихъ воиновъ въ лодкахъ, другихъ оставилъ позади, а самъ вышелъ на берегъ, неся малютку Игоря на рукахъ. Онъ послалъ сказать Аскольду и Диру: „мы купцы; идемъ въ Грецію отъ Олега и Игоря; придите повидаться съ нами.“ Аскольдъ и Диръ пришли. Тогда воины выскочили изъ лодокъ, а Олегъ

сказалъ кіевскимъ князьямъ: „вы не князья и не княжескаго рода, но я княжескаго рода, и вотъ сынъ Рюрика.“ Аскольда и Дира убили, понесли на гору и погребли тамъ. Олегъ сѣлъ княжить въ Кіевѣ и сказалъ: „это будетъ мать городамъ русскимъ.“ Послѣ этого началъ онъ строить города и уставилъ дани, приказавъ Новгороду платить варягамъ каждый годъ по триста гривенъ, ради мира. Наложилъ Олегъ дань на древлянъ и сѣверянъ, послалъ и къ радимичамъ спросить: „кому дань даете?“ Они отвѣчали „хозарамъ.“ Олегъ сказалъ имъ: „не давайте хозарамъ, но давайте лучше мнѣ.“ Радимичи согласились.

Въ 907 году, оставивъ Игоря въ Кіевѣ, пошелъ Олегъ на грековъ, на коняхъ и въ корабляхъ, и пришелъ къ Царю-городу; греки замкнули гавань и затворили городъ. Олегъ вышелъ изъ корабля, велѣлъ корабли вытащить на берегъ и раззорялъ окрестности. Русскіе перебили множество грековъ, раззорили дома, пожгли церкви, однимъ словомъ, поступали такъ, какъ обыкновенно поступаютъ непріятели. Греки, видя все это, испугались, выслали къ Олегу изъ города и сказали ему: „возьми дани сколько хочешь.“ Олегъ согласился, и возвратился въ Кіевъ, неся золото, драгоцѣнныя ткани, плоды и вина. Народъ прозвалъ его *Вѣщимъ* *).

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ отмстить неразумнымъ хозарамъ: ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ, обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ. Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ, князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ. Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему, идетъ вдохновенный кудесникъ, покорный Перуну старикъ одному, завѣтовъ грядущаго вѣстникъ, въ мольбахъ и гаданіяхъ проведшій весь вѣкъ. И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ:

— Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ, что сбудется въ жизни со мною? И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ, могильной засыплюсь землею? открой мнѣ всю правду, не бойся меня: въ награду любаго возьмешь ты коня.

„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ, а княжескій даръ имъ ненуженъ; правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ и съ волей небесною друженъ. Грядущіе годы таятся во мглѣ; но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ. Запомни же нынѣ ты слово мое: воителю слава—отрада; побѣдой прославлено имя твое; твой щитъ на вратахъ Цареграда; и волны и суша покорны тебѣ; завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ. И синяго моря обманчивый валъ въ часы роковой непогоды, и пращъ и стрѣла, и лукавый кинжалъ щадятъ побѣдителя годы... Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ; незримый хранитель могучему данъ. Твой конь не боится опасныхъ

*) Волшебникомъ.

трудовъ; онъ, чуя господскую волю, то смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ, то мчится по бранному полю, и холодъ и сѣча ему ничего, — но примешь ты смерть отъ коня своего."

Олегъ усмѣхнулся; однако чело и взоръ омрачилися думой. Въ молчаньи, рукой опершись о сѣдло, съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый; и вѣрнаго друга прощальной рукой и гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.

„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга; разстаться настало намъ время: теперь отдыхай; ужь не ступитъ нога въ твое позлащенное стремя. Прощай, утѣшайся; да помни меня. Вы, отроки-други, возьмите коня! Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ, въ мой лугъ подъ устцы отведите; купайте, кормите отборнымъ зерномъ; водой ключевою поите."

И отроки тотчасъ съ конемъ отошли, а князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ при звонѣ веселомъ стакана. И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ надъ славной главою кургана... Они поминаютъ минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

„А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ, скажите, гдѣ конь мой ретивый? Здоровъ ли? Все также ль легокъ его бѣгъ? Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?"

И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ давно ужь почилъ непробуднымъ онъ сномъ. Могучій Олегъ головою поникъ и думаетъ: „что же гаданье? К[о]десникъ, ты лживый, безумный старикъ! Презрѣть бы твое предск[а]занье: мой конь и донынѣ носилъ бы меня!" И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора, съ нимъ Игорь и старые [д]ружи, и видятъ: на холмѣ, у брега Днѣпра, лежатъ благородныя кости; ихъ м[о]ютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль, и вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ и молвилъ: „спи, другъ одинок[ій]! твой старый хозяинъ тебя пережилъ; на тризнѣ *), уже недалекой, не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь и жаркою кровью мой прахъ напоишь! Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя! Мнѣ смертію кость угрожала!" ...Изъ мертвой главы гробовая змія, шипя, между тѣмъ, выползала: какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась, и вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые запѣнясь шипятъ на тризнѣ плачевной Олега: князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ; дружина пируетъ у брега; бойцы поминаютъ минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

А. Пушкинъ.

ИГОРЬ.

(912 — 945)

По смерти Олега началъ княжить Игорь. Древляне затворились отъ него; Игорь пошелъ на нихъ, побѣдилъ и наложилъ дань больше, чѣмъ

*) Тризна—языческіе поминки; на могилѣ воина обыкновенно приносили въ жертву его лошадь.

Олегъ. Въ 941 году пошелъ Игорь по морю на грековъ. Болгары послали вѣсть къ царю, что идетъ русь на Царь-городъ. Русскіе вышли на азіатскій берегъ и производили страшныя жестокости, грабя села и убивая жителей, пока не пришли греческіе воеводы съ востока, которые окружили ихъ со свѣхъ сторонъ. Русскіе, послѣ злой сѣчи, сѣли ночью въ лодки и побѣжали. Но греческій воевода встрѣтилъ ихъ въ лодкахъ и началъ пускать трубами огонь на русскія лодки, такъ что страшно было смотрѣть. Русскіе, увидавъ пламя, метались въ морскую воду, чтобъ уйти отъ него какъ-нибудь. Возвратившіеся домой разсказывали своимъ о чудесномъ огнѣ: „У Грековъ въ рукахъ точно молнія небесная, которую они пускали и жгли насъ; вотъ почему и не одолѣли мы ихъ,“ — говорили воины Игоря. Игорь же, придя домой, началъ собирать большое войско, послалъ звать варяговъ изъ-заморя, и въ 944 году отправился къ Царю-городу въ лодкахъ и на коняхъ. Корсунцы, услыхавъ объ этомъ, послали сказать императору Роману: „идетъ русь; кораблей у нихъ множество; покрыли все море корабли.“ Также и болгары послали вѣсть: „идутъ русскіе, наняли и печенѣговъ.“ Тогда царь послалъ къ Игорю лучшихъ бояръ съ просьбою: „не ходи, но возьми дань, какую бралъ Олегъ; придамъ и еще къ той дани.“ Игорь, дойдя до Дуная, созвалъ дружину и началъ думать съ нею о предложеніи царя. Дружина Игорева сказала: „если царь такъ говоритъ, то чего же намъ еще больше: безъ битвы возьмемъ золото, серебро и дорогія ткани. Вѣдь не извѣстно, кто одолѣетъ: мы или они? съ моремъ нельзя заранѣе уговориться; теперь мы не по землѣ ходимъ, но по глубинѣ морской: здѣсь одна смерть грозитъ намъ всѣмъ!“ Игорь послушался дружины, и велѣлъ печенѣгамъ воевать болгарскую землю; а самъ, взявши у грековъ золото и ткани на всѣхъ воиновъ, воротился назадъ и пришелъ къ Кіеву, домой.

Послѣ этого, Игорь сталъ княжить мирно въ Кіевѣ; когда же пришла осень, началъ задумывать походъ на древлянъ, желая взять съ нихъ еще большую дань. Дружина Игорева сказалъ ему: „наши товарищи, которые со Свѣнельдомъ *), богаты оружіемъ и платьемъ, а мы наги; пойдемъ, князь, съ нами за данью: и ты добудешь, и мы.“ Игорь послушался ихъ: пошелъ къ древлянамъ и началъ насильно брать съ нихъ сверхъ установленной прежде дани; потомъ пошелъ было домой, но на дорогѣ раздумалъ и сказалъ дружинѣ своей: „ступайте-ка вы съ данью домой, а я ворочусь назадъ, похожу еще.“ Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ: отпустилъ дружину домой, а самъ съ немногими возвратился назадъ. Древляне, услыхавъ, что Игорь опять идетъ, начали совѣтоваться съ княземъ Маломъ; они говорили: „повадится волкъ къ овцамъ, перетаскаетъ все стадо, если не убьютъ его; такъ теперь и съ нами: если не убьемъ Игоря, то всѣхъ насъ погу-

*) Полководецъ Игоря.

битъ.“ Послѣ совѣщанія, они послали сказать Игорю: „зачѣмъ идешь опять; вѣдь ты уже взялъ всю дань.“ Но Игорь не послушался ихъ; тогда древляне вышли изъ города, убили Игоря и перебили дружину его, такъ-какъ она была очень мала.

СВЯТАЯ ОЛЬГА.

(945 — 969).

Услыхавъ о смерти Игоря жена его Ольга, вмѣстѣ съ сыномъ Святославомъ, собрала большое и храброе войско, и пошла на древлянскую землю. Древляне вышли противъ нея. Когда оба полка сошлись, Святославъ бросилъ копьемъ въ древлянъ; копье, пролетѣвъ между ушей его лошади, ударило ей въ ноги, потому-что Святославъ былъ еще дитя и не умѣлъ владѣть копьемъ. Тогда Свѣнельдъ и Асмудъ, дядька Святослава, сказали: „князь уже почалъ; пойдемъ, дружина, за княземъ.“ Древляне были побѣждены, побѣжали и затворились въ своемъ городѣ. Ольга взяла городъ и сожгла его; старшинъ городскихъ взяла въ плѣнъ, а прочихъ людей — иныхъ убила, другихъ отдала въ рабство своимъ приближеннымъ, остальныхъ обложила тяжелою данью. Кончивъ войну, пошла Ольга съ сыномъ своимъ и дружиною по древлянской землѣ; установила вездѣ дани и оброки; потомъ пришла въ городъ свой Кіевъ, и, пробывъ здѣсь годъ, отправилась къ Новгороду, и по дорогѣ уставила вездѣ также оброки и дани.

Въ 955 году пошла Ольга въ Грецію, и пришла въ Царь-городъ. Тамъ приняла христіанство, а воротясь въ Кіевъ, уговаривала и Святослава креститься; но онъ и слышать не хотѣлъ о томъ; если же кто другой хотѣлъ креститься, то ему не мѣшали, но только смѣялись надъ нимъ. Часто Ольга говаривала сыну: „я рада, что узнала истиннаго Бога, и ты будешь радоваться, когда узнаешь Его.“ Святославъ обыкновенно отвѣчалъ на это: „какъ мнѣ одному принять новую вѣру? дружина станетъ смѣяться надо мною!“ Тогда Ольга говорила ему: „если ты крестишься, то и всѣ станутъ дѣлать то же.“ Но Святославъ не слушался матери, и жилъ по языческимъ обычаямъ.

СВЯТОСЛАВЪ.

(964 — 972).

Когда Святославъ выросъ и возмужалъ, то началъ собирать около себя много храбрыхъ воиновъ; ходилъ легко, какъ барсъ, только и дѣлалъ, что воевалъ. Въ походахъ не возилъ за собою ни возовъ, ни котловъ, и не варилъ мяса; но, изрѣзавъ тонкими ломтями конину или мясо другаго какого-нибудь звѣря, пекъ его самъ на угляхъ и ѣлъ. Шатра у него не было, но спалъ на войлокѣ, положивъ сѣдло въ головы; точно также жили и всѣ остальные воины. Онъ посылалъ къ разнымъ народамъ ска-

зать имъ: „хочу на васъ идти.“ Ходилъ воевать на Оку и на Волгу; на Окѣ нашелъ вятичей, и спросилъ ихъ: „кому дань даете?“ Вятичи отвѣчали: „хозарамъ.“ Тогда пошелъ Святославъ на хозаръ, побѣдилъ ихъ и взялъ ихъ городъ; потомъ побѣдилъ ясовъ и касоговъ *); наконецъ, пошелъ на Дунай, на болгаръ, одолѣлъ ихъ, побралъ города по Дунаю, и сѣлъ княжить здѣсь въ Переяславцѣ.

Святославъ былъ въ Переяславцѣ, когда печенѣги въ первый разъ пришли на Русскую землю. Ольга затворилась въ Кіевѣ со внуками своими: Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ. Печенѣги обступили городъ со всѣхъ сторонъ, такъ что нельзя было ни выйти изъ города, ни вѣсти подать; народъ изнемогъ отъ голода и жажды. Жители другой стороны Днѣпра собрались въ лодкахъ; но ни одному изъ нихъ нельзя было пробраться въ городъ, ни изъ города къ нимъ. Встужили тогда жители города и говорили: „нѣтъ ли кого, кто бы могъ дойти на ту сторону и сказать имъ: если завтра никто насъ не выручитъ, то сдадимся печенѣгамъ?“ Вызвался одинъ мальчикъ и сказалъ: „я перейду,“—и точно пошелъ съ уздою изъ города, и ходилъ между печенѣгами, спрашивая: „не видалъ ли кто его лошади?“ (Онъ умѣлъ говорить по-печенѣжски, такъ что печенѣги приняли его за своего). Когда же онъ дошелъ до рѣки, то скинулъ платье, бросился въ Днѣпръ и поплылъ. Увидавъ это, печенѣги кинулись за нимъ и начали стрѣлять, но не могли уже ничего сдѣлать ему, потому-что жители другой стороны Днѣпра подъѣхали къ мальчику и взяли его въ лодку. Тогда мальчикъ сказалъ имъ: „если не подступите завтра къ городу, то жители его хотятъ сдаться печенѣгамъ.“ На это воевода, именемъ Прѣтичь, отвѣчалъ: „подступимъ завтра въ лодкахъ къ городу, схватимъ княгиню и молодыхъ князей, и умчимъ ихъ на эту сторону; если же такъ не сдѣлаемъ, то Святославъ погубитъ насъ.“ На другой день, сѣвъ въ лодки на разсвѣтѣ, начали они громко трубить; а люди въ городѣ отвѣчали имъ радостными кликами. Печенѣги подумали, что самъ князь пришелъ, и побѣжали въ разныя стороны отъ города, а Ольга со внуками вышла къ лодкамъ. Увидавъ это, князь печенѣжскій возвритился одинъ къ воеводѣ Прѣтичу и спросилъ: „кто это пришелъ?“ Ему отвѣчали: „лодки съ той стороны.“ Князь печенѣжскій спросилъ опять у Прѣтича: „а ты князь ли?“ Прѣтичь отвѣчалъ: „я его воевода, и пришелъ съ передовымъ отрядомъ; за мною идетъ полкъ съ княземъ, — безчисленное множество народа.“ Все это онъ сказалъ, чтобъ испугать печенѣговъ. Тогда печенѣжскій князь сказалъ Претичу: „будь мнѣ другомъ;“ Прѣтичь отвѣчалъ: „пожалуй.“ Печенѣжскій князь подарилъ Прѣтичу коня, саблю и стрѣлы; а этотъ подарилъ ему броню, щитъ и мечъ. Печенѣги отступили отъ города. Тогда кіевляне послали сказать

*) Народы при-кавказскіе.

Святославу: „ты, князь ищешь чужой земли и бережешь ее, а до своей тебѣ и дѣла нѣтъ; насъ едва-было не взяли печенѣги, вмѣстѣ съ твоею матерью и дѣтьми; если ты не придешь и не оборонишь насъ, то на насъ опять придутъ печенѣги: видно тебѣ не жаль ни родины своей, ни матери-старухи, ни дѣтей.“ Услыхавъ такія вѣсти, Святославъ съ дружиною тотчасъ сѣлъ на коней и пріѣхалъ въ Кіевъ. Радъ онъ былъ, что нашелъ мать и дѣтей своихъ въ безопасности; но очень жалѣлъ, что случилась съ ними такая бѣда, и, собравъ войско, прогналъ печенѣговъ въ степи.

Скоро наскучило Святославу въ Кіевѣ и онъ сталъ говорить матери своей и боярамъ: „не нравится мнѣ въ Кіевѣ; хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ; тамъ средина земли моей; туда привозятся всякія богатства: изъ Греціи туда идетъ золото, ткани, вина, плоды разные; изъ Богеміи и Венгріи — серебро и кони; изъ Руси—звѣриныя шкуры, воскъ, медъ и рыба.“ Тогда Ольга отвѣчала ему: „развѣ ты не видишь, что я уже больна; куда же ты хочешь отъ меня уйти? похорони меня, по-крайней-мѣрѣ, а тамъ уже ступай, куда хочешь.“ Черезъ три дня Ольга умерла; сынъ, внуки и всѣ люди много плакали по ней, потомъ вынесли тѣло и погребли. Ольга передъ смертію не велѣла дѣлать надъ собою тризны, потому-что при ней былъ священникъ, который и похоронилъ ее.

По смерти матери, Святославъ посадилъ Ярополка въ Кіевѣ, а Олега у Древлянъ. Въ тоже время пришли новгородцы просить и себѣ князя; они говорили: „если не пойдете къ намъ, то найдемъ себѣ другаго князя.“ Святославъ сказалъ: „да кто же пойдетъ къ вамъ?“ Ярополкъ и Олегъ отказались идти въ Новгородъ. Тогда Добрыня сказалъ новгородцамъ: „просите Владиміра.“ (Добрыня былъ дядя Владиміру по матери). Новгородцы такъ и сдѣлали. Тогда Святославъ сказалъ имъ: „вотъ вамъ онъ, возьмите.“ Такимъ-образомъ, Владиміръ пошелъ въ Новгородъ съ дядею своимъ Добрынею, а Святославъ — въ Переяславецъ.

Когда пришелъ Святославъ въ Переяславецъ, то болгары затворились въ городѣ и не пустили его. Потомъ болгары вышли изъ города на сѣчу противъ Святослава; сѣча была велика, и болгары начали одолѣвать. Тогда Святославъ сказалъ своимъ воинамъ: „видно уже намъ здѣсь умереть; такъ станемъ же биться мужественно, братья и дружина!“ Къ вечеру одолѣлъ Святославъ; взялъ городъ приступомъ, и послалъ сказать грекамъ: „хочу на васъ идти, взять и вашъ городъ, какъ взялъ этотъ.“ Греки отвѣчали: „мы не въ состояніи стать противъ васъ; но возьми съ насъ дань на себя и на дружину свою; а для этого скажите, сколько васъ, чтобъ намъ расчесть по числу людей.“ Хитрые греки сказали это, желая узнать, много ли русскихъ. Святославъ сказалъ имъ: „насъ двадцать тысячъ;“ десять тысячъ онъ прибавилъ, потому-что русскихъ всего было десять тысячъ. Тогда греки собрали девяносто тысячъ войска на Святослава, и не дали ему дани; Свято-

славъ пошелъ на грековъ. Когда же русскіе увидали противъ себя такое множество войска, то испугались. Святославъ сказалъ имъ: „уже намъ теперь некуда дѣться; волею и не волею должны биться; не посрамимъ Русской земли, но ляжемъ здѣсь костьми; мертвымъ намъ стыдно не будетъ; а если побѣжимъ, то ляжетъ на насъ стыдъ, отъ котораго некуда уйти; станемъ же лучше крѣпко. Я пойду передъ вами; когда же голова моя ляжетъ, тогда думайте сами о себѣ.“ Воины отвѣчали ему: „гдѣ твоя голова ляжетъ, князь, тамъ и мы свои сложимъ.“ Русь приготовилась къ битвѣ, и была сѣча велика. Святославъ одолѣлъ; греки побѣжали; тогда Святославъ пошелъ къ Византіи, воюя и раззоряя по дорогѣ города. Царь созвалъ бояръ своихъ въ палату и спросилъ: „что намъ дѣлать? не можемъ никакъ одолѣть русскихъ!“ Бояре отвѣчали: „пошли къ Святославу дары, поразвѣдать, на что онъ больше падокъ, на золото или на дорогія ткани.“ Такъ и сдѣлали; послали съ умнымъ человѣкомъ къ Святославу золото и ткани, наказавъ послу: „смотри, гляди ему въ лицо, какое на немъ будетъ выраженіе.“ Посолъ, взявъ дары, отправился. Святославу доложили, что пришли греки съ поклономъ; тогда онъ сказалъ: „введите ихъ сюда.“ Греки вошли, поклонились и разложили передъ Святославомъ золото и ткани. Святославъ, смотря равнодушно по сторонамъ, сказалъ слугамъ: „спрячьте.“ Послы, воротившись, сказали царю и боярамъ: „какъ пришли мы къ Святославу и подали дары, то онъ и не посмотрѣлъ на нихъ, велѣлъ только ихъ спрятать.“ Тогда одинъ бояринъ сказалъ царю: „попытайся еще пошли къ нему оружіе.“ Совѣтъ былъ принятъ; послали къ Святославу мечъ и разное другое оружіе. Когда принесли оружіе, Святославъ взялъ его, сталъ хвалить и любоваться, и велѣлъ благодарить царя. Узнавъ объ этомъ пріемѣ, бояре сказали царю: „лютъ долженъ быть этотъ человѣкъ: пренебрегаетъ золотомъ, а беретъ оружіе; согласись на дань.“ Тогда царь послалъ сказать Святославу: „не ходи къ городу, но возьми дань, сколько хочешь.“ Святославъ взялъ богатые дары и возвратился въ Переяславецъ; но увидавъ, что дружины осталось мало, началъ думать; „что если какою-нибудь хитростью перебьютъ дружину мою и меня? пойдти лучше въ Русь, привести побольше дружины.“ Съ этою цѣлію послалъ сказать царю: „хочу имѣть съ тобою твердый миръ.“ Царь, услыхавъ это, обрадовался и послалъ къ нему дары, еще больше, чѣмъ прежде. Святославъ принялъ дары, и началъ совѣтоваться съ дружиною, говоря такъ: „если не заключимъ мира съ царемъ, и онъ узнаетъ, что насъ мало, то, пришедши, обступятъ насъ въ городѣ; а Русская земля далеко; печенѣги съ нами въ войнѣ; кто намъ тогда поможетъ? Заключимъ лучше миръ съ царемъ; греки уже взялись давать намъ дань; будетъ съ насъ; если же перестанутъ исправно платить, то пойдемъ опять къ Царю-городу; тогда уже съ большимъ войскомъ.“ Эта рѣчь понравилась дружинѣ.

Заключивъ миръ съ греками, Святославъ пошелъ въ лодкахъ по Днѣпру къ порогамъ. Отцовскій воевода Аскольдъ говорилъ ему: „пойди лучше, князь, на коняхъ, потому что печенѣги стоятъ около пороговъ.“ Святославъ не послушался его и пошелъ въ лодкахъ. Тогда переяславцы послали сказать поченѣгамъ: „идетъ Святославъ въ Русь, съ большимъ имѣніемъ, но пѣшкомъ и съ малою дружиною.“ Услыхавъ объ этомъ, печенѣги заступили пороги, и когда Святославъ пришелъ, то негдѣ уже было пройти. Русскіе стали зимовать въ Бѣлобережьи; съѣстные припасы у нихъ повышли, и сдѣлался большой голодъ. Такъ провелъ Святославъ всю зиму. Весною двинулся онъ впередъ; но печенѣжскій князь Куря напалъ на него и убилъ, а Свѣнельдъ пришелъ въ Кіевъ къ Ярополку. Всего-на-все княжилъ Святославъ двадцать восемь лѣтъ.

ПЕРВЫЕ УДѢЛЫ И РАЗДОРЫ.

Въ 975 году сынъ Свѣнельда, именемъ Лютъ, вышелъ изъ Кіева въ лѣсъ на охоту; тутъ увидалъ его Олегъ, князь древлянскій, и спросилъ своихъ: „кто это такой?“ Ему отвѣчали: „сынъ Свѣнельда;“ тогда Олегъ убилъ Свѣнельдича за то, что тотъ охотился вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ лѣсу. Отсюда пошла ненависть между Ярополкомъ и Олегомъ. Свѣнельдъ, желая отомстить за сына, не переставалъ подговаривать Ярополка: „пойди на брата и отыми у него владѣніе.“ На третій годъ Ярополкъ пошелъ на брата своего Олега, въ Древлянскую землю; Олегъ вышелъ къ нему на встрѣчу, и стали сражаться: князь кіевскій побѣдилъ древлянскаго. Когда Олегъ съ воинами своими бѣжалъ въ городъ Овручь, то на мосту, перекинутомъ черезъ ровъ къ городскимъ воротамъ, столпилось множество бѣглецовъ, и въ тѣснотѣ воины спихивали другъ друга въ ровъ, въ томъ числѣ спихнули и самаго Олега: за нимъ попадали еще много воиновъ и съ лошадьми и лошади передавили людей. Междутѣмъ Ярополкъ вошелъ въ городъ Олеговъ, захватилъ тамъ всю власть и послалъ искать своего брата; искали, искали, и не нашли; тогда одинъ древлянинъ сказалъ: „я видѣлъ, какъ вчера спихнули его съ моста.“ Услыхавъ объ этомъ, Ярополкъ послалъ искать брата во рву: съ утра до полудня вытаскивали трупы изо рва; наконецъ, нашли Олега на самомъ исподу, внесли во дворецъ княжескій и положили на коврѣ. Пришелъ Ярополкъ, началъ надъ нимъ плакать и говорилъ Свѣнельду: „полюбуйся — вотъ чего тебѣ хотѣлось!“ Олега погребли у города Овруча; могила его и теперь тамъ. Владиміръ, услыхавъ въ Новгородѣ, что Ярополкъ убилъ Олега, испугался и бѣжалъ за море, а Ярополкъ посадилъ въ Новгородѣ своихъ посадниковъ, и владѣлъ одинъ на Руси.

Въ 980 году пришелъ Владиміръ съ варягами въ Новгородъ, и ска-

залъ Ярополковымъ посадникамъ: „ступайте къ брату моему и скажите ему: Владиміръ идетъ на тебя; пристроивайся противъ него биться.“

Когда Владиміръ пришелъ къ Кіеву со множествомъ войска, то Ярополкъ не могъ противустать ему, и затворился въ городѣ съ людьми своими и съ воеводою Блудомъ. Къ этому Блуду Владиміръ прислалъ съ такими рѣчами: „склонись на мою сторону; если мнѣ удастся убить брата, то ты будешь мнѣ вмѣсто отца и получишь отъ меня большую честь; вѣдь не я началъ избивать братьевъ, а онъ; я же пришелъ на него изъ страха, чтобъ онъ и меня не убилъ.“ Блудъ отвѣчалъ посламъ Владиміровымъ, что будетъ помогать ихъ князю; и точно, безпрестанно ссылался съ нимъ, убѣждая приступать къ городу, а Ярополка обманывалъ, мысля убить его; но, боясь гражданъ, не могъ совершить убійства. Тогда Блудъ замыслилъ погубить Ярополка коварствомъ, и началъ говорить ему: „бѣги скорѣе изъ Кіева: кіевляне пересылаются съ Владиміромъ, убѣждаютъ его приступать къ городу, обѣщаясь передать тебя ему.“ Ярополкъ послушался, выбѣжалъ изъ Кіева, и затворился въ городѣ Роднѣ, а Владиміръ вошелъ въ Кіевъ и осадилъ Ярополка въ Роднѣ, гдѣ скоро сдѣлался страшный голодъ; есть на Руси пословица и теперь: „бѣда, точно въ Роднѣ.“ Въ такихъ обстоятельствахъ Блудъ началъ говорить Ярополку: „видишь, сколько войска у твоего брата; намъ его не пересилить; заключай скорѣе миръ;“ все это онъ говорилъ, обманывая князя. Ярополкъ отвѣчалъ: „хорошо.“ Тогда Блудъ послалъ ко Владиміру съ такими рѣчами: „я приведу къ тебѣ Ярополка, а ты распорядись, какъ бы убить его.“ Получивъ это извѣстіе, Владиміръ пошелъ на отцовскій теремный дворъ, и сѣлъ тамъ съ дружиною, а Блудъ между-тѣмъ говорилъ Ярополку: „ступай къ брату и скажи ему: что мнѣ дашь, тѣмъ и буду доволенъ.“ Ярополкъ пошелъ, хотя вѣрный слуга его, Варяжко, говорилъ ему: „не ходи, князь, убьютъ тебя; бѣги лучше къ печенѣгамъ и приведи оттуда войско;“ но князь не послушался. Когда Ярополкъ пришелъ ко Владиміру, и сталъ входить въ двери, то два варяга пронзили его мечами подъ пазуху, а Блудъ между-тѣмъ захлопнулъ за нимъ двери, и не далъ ярополковой дружинѣ войти за своимъ княземъ: такъ былъ убитъ Ярополкъ.

Послѣ этого варяги сказали Владиміру: „городъ-то нашъ; вѣдь мы его взяли, и потому хотимъ брать окупъ на гражданахъ, по двѣ гривны съ человѣка.“ Владиміръ отвѣчалъ имъ: „подождите немного, пока соберутъ деньги за мѣсяцъ.“ Варяги ждали, ждали, но имъ ничего не давали; тогда они сказали Владиміру: „обманулъ ты насъ: позволь намъ по-крайней-мѣрѣ идти въ Грецію.“ Владиміръ отвѣчалъ имъ: „ступайте.“ Потомъ, выбралъ изъ нихъ мужей добрыхъ, смышленыхъ и храбрыхъ, и роздалъ имъ города въ управленіе; другіе же пошли въ Царь-градъ, къ грекамъ. Но Владиміръ прежде нихъ еще отправилъ пословъ къ императору съ такими

словами: „вотъ идутъ къ тебѣ варяги; не держи ихъ въ городѣ, а не то надѣлаютъ они тебѣ бѣдъ, какъ и у насъ здѣсь; лучше размечи ихъ по разнымъ мѣстамъ, а сюда къ намъ не пускай ни одного.“

ВЛАДИМІРЪ ЯЗЫЧНИКЪ.

(980 — 988).

Такъ Владиміръ началъ княжить въ Кіевѣ одинъ, и поставилъ разные кумиры на холму за дворомъ теремнымъ: Перуна деревяннаго, а голова у него серебрянная, усъ золотой; кромѣ него — Хорса, Дажбога, Стрибога, Симаргла и Мокоша. Приносили имъ жертвы, называя богами своими; приводили сыновей своихъ и дочерей, и закалывали ихъ въ жертву богамъ; осквернялн землю своими жертвами, — и осквернилась кровью земля Русская и холмъ тотъ. Но преблагій Богъ не хотѣлъ смерти грѣшникамъ: на томъ холмѣ теперь церковь стоитъ св. Василія.

Ходилъ Владиміръ на ляховъ и занялъ города ихъ: Перемышль, Червенъ и другіе, которые и теперь подъ Русью; побѣдилъ и Вятичей, и наложилъ на нихъ дань отъ плуга, какъ и отецъ его бралъ. Когда князь пришелъ къ Кіеву, и приносилъ жертву кумирамъ съ людьми своими, то старцы и бояре сказали ему: „бросимъ жребій на мальчиковъ и дѣвицъ: на кого падетъ, того и зарѣжемъ богамъ.“ Въ это время, жилъ въ Кіевѣ одинъ варягъ; дворъ его стоялъ тамъ, гдѣ теперь церковь св. Богородицы, построенная Владиміромъ. Варягъ тотъ пришелъ изъ Греціи, держалъ вѣру христіанскую, и былъ у него сынъ, прекрасный лицемъ и душею; на него-то и палъ жребій. Посланные отъ народа пришли къ старому варягу и сказали: „на твоего сына палъ жребій; боги выбрали его себѣ, чтобъ мы принесли его имъ въ жертву.“ Варягъ отвѣчалъ: „то не боги, а дерево; нынѣче есть, а завтра сгніетъ; ни ѣдятъ, ни пьютъ, ни говорятъ; сдѣланы руками изъ дерева; Богъ же одинъ, которому служатъ греки и кланяются; Онъ сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, и солнце, и человѣка, и далъ ему жить на землѣ; а эти боги что сотворили? они сами сдѣланы руками человѣческими; не дамъ сына своего бѣсамъ.“ Посланные пересказали слова варяга гражданамъ; тогда народъ, взявъ оружіе, пошелъ на варяга и разломалъ заборъ около его дома. Варягъ стоялъ на сѣняхъ съ сыномъ. Ему кричали: „отдай сына: намъ нужно его принести въ жертву богамъ.“ Онъ отвѣчалъ: „если то въ самомъ дѣлѣ боги, то пусть пошлютъ одного бога взять моего сына; а вы изъ-чего такъ хлопочете?“ Въ народѣ раздался яростный крикъ; толпа бросилась, подрубили сѣни подъ обоими варягами, и такимъ-образомъ убили ихъ, и никто не знаетъ, гдѣ ихъ похоронили.

КРѢЩЕНІЕ РУСИ.

(988 г.).

Въ 986-мъ году пришли ко Владиміру болгары вѣры Магометовой и стали уговаривать его принять ихъ вѣру. Но Владиміру не понравилось, что магометанскій законъ запрещаетъ пить вино: „Русь любитъ выпить," сказалъ онъ: „не можемъ быть безъ того." Потомъ прислали нѣмцы отъ папы и говорили ему о преимуществахъ своей вѣры. Выслушалъ и ихъ Владиміръ, но сказалъ: „никто изъ отцовъ нашихъ не принялъ вашей вѣры—идите себѣ." Услышавъ объ этомъ, хозарскіе жиды прислали также уговаривать Владиміра принять еврейскую вѣру; но когда князь спросилъ у нихъ: „гдѣ земля ваша?" то они должны были отвѣчать: „разгнѣвался Богъ на отцовъ нашихъ и расточилъ насъ по разнымъ странамъ, а наша земля отдана христіанамъ." „Если бы Богъ любилъ васъ и вашъ законъ," сказалъ имъ Владиміръ: „то не разогналъ бы васъ по разнымъ странамъ: развѣ вы хотите, чтобы и съ нами то же случилось?" Послѣ всѣхъ пришелъ ко Владиміру греческій мудрецъ и разсказалъ ему, въ чемъ состоитъ истинная христіанская вѣра. Владиміръ выслушалъ внимательно и отпустилъ философа съ дарами и съ великою честью.

Послѣ этого созвалъ Владиміръ бояръ и городскихъ старѣйшинъ и разсказалъ имъ все, что слышалъ отъ болгаръ, жидовъ, нѣмцевъ, и грековъ. „Никто своего не хулитъ, а всякій хвалитъ," отвѣчали бояре: „если хочешь узнать правду, то выбери нѣсколько умныхъ людей и пошли ихъ въ разныя страны посмотрѣть, какъ кто служитъ своему Богу." Владиміръ такъ и сдѣлалъ.

Когда послы Владиміровы воротились назадъ, тогда князь опять собралъ бояръ и старѣйшинъ, и, призвавъ пословъ, велѣлъ имъ говорить, что они видѣли. Послы разсказали по порядку, гдѣ были и что видѣли; но ни одно богослуженіе, кромѣ греческаго, имъ не понравилось. „Когда же мы видѣли богослуженіе греческое," говорили послы, „то не знали, на землѣ ли мы или на небѣ, и не можемъ забыть этой красоты: всякій человѣкъ, попробовавъ сладкаго, отвращается отъ горькаго, такъ и мы здѣсь не останемся." При этомъ бояре сказали Владиміру: „если бы дуренъ былъ законъ греческій, то и бабка твоя, Ольга, мудрѣйшая изъ людей, не приняла бы его." Но Владиміръ не принялъ тогда христіанской вѣры: ему казалось стыдно просить ее у грековъ, и онъ рѣшился добыть себѣ вѣру оружіемъ.

Въ 988 году, пошелъ Владиміръ съ войскомъ на Корсунь, городъ греческій; корсунцы заперлись въ городѣ, и крѣпко оборонялись. Владиміръ послалъ сказать имъ: „если не сдадитесь, то три года простою здѣсь;" но они не послушались. Тогда Владиміръ, устроивъ свое войско, велѣлъ дѣлать насыпи около города; но корсунцы, подкопавши городскую стѣну,

уносили насыпаемую землю къ себѣ въ городъ. Въ это время одинъ житель корсунскій, именемъ Настасъ, пустилъ стрѣлу въ станъ русскій, а на стрѣлѣ было написано: „на востокъ отъ тебя колодезь; изъ него вода идетъ по трубѣ въ городъ; откопай колодезь и перейми воду.“ Владиміръ тотчасъ велѣлъ копать, и точно: воду переняли у гражданъ; тогда послѣдніе, изнемогши отъ жажды, сдались. Владиміръ вошелъ въ городъ съ дружиною и послалъ къ императорамъ Василію и Константину съ такими словами: „вотъ я взялъ вашъ славный городъ; слышу, что у васъ есть сестра дѣвица: если вы не отдадите ее за меня, то и столицѣ вашей будетъ отъ меня то же, что и Корсуню.“ Оба царя, услыхавъ это, сильно огорчились, и отвѣчали: не прилично христіанамъ выдавать своихъ сестеръ за невѣрныхъ; если крестишься, то и сестру нашу получишь, и вмѣстѣ съ нею царство небесное, и съ нами будешь единовѣрецъ; если же не хочешь креститься, то не можемъ выдать за тебя сестры.“ Владиміръ отвѣчалъ посламъ: „скажите царямъ, что я готовъ креститься, потому-что прежде испыталъ вашъ законъ, и мнѣ нравится ваша вѣра и богослуженіе.“ Цари, услыша это, обрадовались, и послали сестру свою, именемъ Анну, которую насилу уговорили идти: она сѣла въ корабль, простилась съ родными и съ плачемъ поплыла черезъ море. Когда царевна пріѣхала въ Корсунь, Владиміръ крестился, а послѣ крещенья, обвѣнчался съ Анною, и пошелъ съ нею въ Кіевъ. Пришедши туда, онъ велѣлъ оповѣстить народу: „кто не придетъ къ рѣкѣ креститься, богатый или бѣдный, тотъ будетъ мнѣ противенъ.“ Услыхавъ это, люди шли съ радостью, говоря: „еслибъ эта вѣра была не хороша, то князь и бояре не приняли бы ее.“ На другой день, Владиміръ вышелъ съ духовенствомъ на Днѣпръ, куда собралось множество людей: всѣ вошли въ воду и стояли въ ней, одни по шею, другіе по грудь, малолѣтные у берега, возрастные же дальше, и держали на рукахъ младенцевъ, а священники читали молитвы.

ВЛАДИМІРЪ ХРИСТІАНИНЪ.

(988—1014).

Владиміръ велѣлъ строить церкви въ Кіевѣ и ставить ихъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ прежде стояли кумиры; такъ поставилъ онъ церковь св. Василія на холмѣ, гдѣ прежде стоялъ Перунъ и гдѣ приносили жертвы князь и люди; и по другимъ городамъ началъ ставить церкви и къ нимъ священниковъ, и людей приводить на крещенье по всѣмъ городамъ и селамъ. Послалъ также взять у лучшихъ гражданъ дѣтей, и отдалъ ихъ въ книжное ученье; при этомъ матери плакали по своимъ дѣтямъ, какъ по мертвецамъ, потому-что не были еще утверждены въ вѣрѣ.

Въ 991 году, пошелъ Владиміръ на хорватовъ. Только что возвратился онъ съ хорватской войны, какъ вотъ печенѣги пришли изъ степей;

Владиміръ пошелъ противъ враговъ, и встрѣтилъ ихъ на рѣкѣ Трубежѣ. Владиміръ сталъ на этой сторонѣ, а печенѣги на той, и не смѣли ни наши перейти на печенѣжскую сторону, ни печенѣги на нашу. Тогда пріѣхалъ князь печенѣжскій къ рѣкѣ, позвалъ Владиміра и сказалъ ему: „выпусти ты своего воина, а я своего, пусть поборются; и если твой осилитъ моего, то не будемъ воевать три года, если же нашъ одолѣетъ, то будемъ опустошать вашу землю цѣлые три года.“ Послѣ этого разговора, князья розошлись. Владиміръ, пришедши къ себѣ въ станъ, послалъ кликать по палаткамъ: „нѣтъ ли такого человѣка, который бы взялся биться съ печенѣгомъ!—и не сыскался никто. На другое утро, пріѣхали печенѣги и привели своего бойца, а у нашихъ никого не было. Сталъ тужить Владиміръ, и послалъ опять кликать по всему войску; тогда пришелъ къ князю старикъ и сказалъ ему: „князь, вышелъ я сюда на войну съ четырьмя сыновьями, а пятый, меньшой, остался дома; съ самаго дѣтства не было человѣка, кто бы его одолѣлъ: однажды онъ мялъ воловью кожу, а я сталъ его за что-то бранить, такъ онъ, разсердясь на меня, прорвалъ кожу руками.“ Князь, услыхавъ объ этомъ, обрадовался и послалъ за молодымъ человѣкомъ. Когда онъ пришелъ, то князь разсказалъ ему, въ чемъ дѣло; тотъ отвѣчалъ: „я не знаю, князь, могу ли биться съ печенѣгомъ, но, пусть испытаютъ меня: нѣтъ ли гдѣ здѣсь большаго и сильнаго быка?“ Нашли быка большаго и сильнаго, велѣли разъярить его раскаленнымъ желѣзомъ и пустили на волю; когда быкъ бѣжалъ мимо силача, тотъ схватилъ его рукою за бокъ и вырвалъ кожу съ мясомъ. Владиміръ, видя это, сказалъ ему: „можешь биться съ печенѣгомъ.“ На другое утро, пришли печенѣги, и начали опять кричать: „чтожъ? нашелся ли боецъ! а нашъ уже готовъ.“ Владиміръ еще за ночь велѣлъ своему бойцу вооружиться, и вотъ оба показались. Съ печенѣжской стороны вышелъ великанъ, страшный видомъ; выступилъ и Владиміровъ богатырь; онъ былъ средняго роста, и потому печенѣгъ, увидавъ его, началъ смѣяться. Размѣрили мѣсто между обоими полками, пустили борцовъ: тѣ схватились и начали крѣпко щемить другъ друга; нашъ стиснулъ печенѣга руками до смерти и ударилъ его о землю; тогда съ обѣихъ сторонъ раздался крикъ; печенѣги побѣжали; русскіе ударили въ слѣдъ за ними и прогнали ихъ. Владиміръ былъ радъ, сдѣлалъ богатыря большимъ человѣкомъ и отца его тоже; потомъ возвратился въ Кіевъ съ побѣдою и славою великою.

Въ 995 году, опять пришли печенѣги къ городу Васильеву. Владиміръ вышелъ противъ нихъ съ малою дружиною, и когда вступилъ въ битву, то не могъ удержаться, побѣжалъ и едва укрылся отъ враговъ подъ мостомъ. Тутъ обѣщался Владиміръ, если спасется, поставить церковь св. Преображенія въ Васильевѣ, потому-что въ тотъ день, когда была сѣча, было Преображеніе. Избавившись отъ бѣды, Владиміръ точно поставилъ церковь, и

сдѣлалъ большой праздникъ, наварилъ меду, и созвалъ бояръ своихъ и посадниковъ, и старшинъ изо всѣхъ городовъ, и всякихъ людей много, и роздалъ нищимъ триста гривенъ. Праздновавъ 8 дней, князь воротился въ Кіевъ на Успеніе Богородицы, и тутъ опять сдѣлалъ праздникъ большой, созвавъ безчисленное множество народа. Онъ приказывалъ всякому нищему и убогому приходить на княжій дворъ и брать все, что надобно: питье, кушанье и деньги изъ казны. Устроивъ это, онъ сказалъ: „вѣдь больные и слабые не могутъ дойти до моего двора,“ и потому велѣлъ дѣлать телѣги, накладывая на нихъ хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи разныя, медъ, квасъ, и развозить по городу, спрашивая: „гдѣ больные и нищіе, кто ходить не можетъ?“ Каждое воскресеніе завелъ онъ на дворѣ своемъ пиры, куда приходили бояре, дворяне, соцкіе, десяцкіе, лучшіе люди, при князѣ и безъ князя; бывало на тѣхъ пирахъ множество мяса: говядины и дичины, было много всего. Вотъ, бывало, какъ подопьютъ, то и начнутъ роптать на князя, говоря: „что это наше здѣсь за житье горькое! даетъ намъ ѣсть деревянными ложками, а не серебряными!“ Владиміръ, услыхавъ это, велѣлъ сдѣлать серебряныя ложки, сказавъ при этомъ: „серебромъ и золотомъ не найдешь дружины, а съ дружиною найду серебро и золото, какъ дѣдъ мой и отецъ съ дружиною доискались золота и серебра.“ Владиміръ любилъ свою дружину, и думалъ съ нею обо всякихъ дѣлахъ, объ устройствѣ земскомъ, о войнахъ, объ уставахъ земскихъ; съ окольными князьями жилъ онъ мирно, и съ польскимъ княземъ, и съ венгерскимъ, и съ богемскимъ: были между ними миръ и любовь.

Въ 1014 году, сынъ Владиміра, Ярославъ, — который княжилъ въ Новгородѣ, и давалъ каждый годъ въ Кіевъ по двѣ тысячи гривенъ, а тысячу раздавалъ въ самомъ Новгородѣ дружинѣ, что дѣлали и всѣ прежніе посадники новгородскіе — въ этотъ годъ вдругъ не захотѣлъ давать дани отцу своему. Владиміръ сказалъ: „поправляйте дороги и мостите мосты,“ потому-что хотѣлъ идти на Ярослава войною, да вдругъ разболѣлся. Между-тѣмъ, послышали, что печенѣги идутъ на Русь; Владиміръ выслалъ противъ нихъ сына своего Бориса, а самъ сильно захворалъ, и съ этой болѣзни и умеръ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

(*Народная сказка.*)

Какъ изъ славнаго города изъ Мурома, изъ того села Корочаева, какъ была-де поѣздка богатырская — наряжался Илья Муромецъ Ивановичъ ко стольному городу ко Кіеву, онъ тою дорогою прямоѣзжею, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, чрезъ тѣ лѣса брынскіе, чрезъ черны грязи смоленскія, и залегъ ту дорогу Соловей разбойникъ.

И кладетъ Илья заповѣдь велику: что проѣхать дорогу прямоѣзжую,

котора залегла ровно тридцать лѣтъ, не вымать изъ налушна тугой лукъ, изъ колчана не вымать калену стрѣлу. Беретъ благословеніе великое у отца съ матерью.

А и только его Илью видѣли, прощался съ отцемъ, съ матерью, и садился Илья на своего добра коня, а и выѣхалъ Илья со двора своего во тѣ ворота широкія; какъ стегнетъ онъ коня по тучнымъ бедрамъ — а и конь подъ Ильею разсержается, онъ перву скокъ ступилъ за пять верстъ, а другаго ускока не могли найти. Поѣхалъ онъ черезъ тѣ лѣса брынскіе, черезъ тѣ грязи смоленскія.

Какъ бы будетъ Илья во темныхъ лѣсахъ, во темныхъ лѣсахъ, во брынскихъ, наѣзжалъ Илья на девяти дубахъ, и наѣхалъ онъ Илья Соловья разбойника. И заслышалъ Соловей разбойникъ того ли топу коннаго, и тоя ли онъ поѣздки богатырскія; засвисталъ Соловей по соловьиному, а въ другой зашипѣлъ разбойникъ по змѣиному, а въ третьи зрявкаетъ по звѣриному. Подъ Ильею конь окорачился, и падалъ вѣдь на кукорачь. Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ: „А ты волчья сыть, травяной мѣшокъ! Не бывалъ ты въ пещерахъ бѣлокаменныхъ, не бывалъ ты конь во темныхъ лѣсахъ, не слыхалъ ты свисту соловьинаго, не слыхалъ ты шипу змѣинаго, а звѣринаго крику туринаго.“ Разрушаетъ Илья заповѣдь великую, вымаетъ калёну стрѣлу и стрѣляетъ въ Соловья разбойника; и попалъ Соловья, да въ правой глазъ. Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба комомъ къ сырой земли. Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья на бѣлы руки, привязалъ Соловья ко той ко лукѣ ко сѣдельныя; проѣхалъ онъ воровску заставу крѣпкую. И стегаетъ Илья онъ добра коня, а добра коня по тучнымъ бедрамъ; какъ бы конь подъ нимъ осержается — побѣжалъ Илья, какъ соколъ летитъ. Пріѣзжаетъ Илья онъ во Кіевъ градъ, среди двора княжецкаго, и скочилъ онъ Илья съ добра коня, привязалъ коня къ дубовому столбу. Приходилъ онъ во гридню въ свѣтлую, и молился онъ Спасу со Пречистою, поклонился Князю со Княгинею — на всѣ на четыре стороны. У Великаго Князя Владиміра, у него князя былъ почетный пиръ; а и много на пиру было князей и бояръ, много сильныхъ могучихъ богатырей; и поднесли ему, Ильѣ, чару зелена вина въ полтора ведра. Принимаетъ Илья единой рукой, выпиваетъ чару единымъ духомъ. Говорилъ ему ласковый Владиміръ Князь: „ты скажись молодецъ, какъ именемъ зовутъ? А по имени тебѣ можно мѣсто дать, по изотчеству пожаловати.“

И отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ: „А ты ласковой, стольной Владиміръ Князь! а меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ; и проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую изъ стольнаго города изъ Мурома, изъ того села Корочаева.“

Говорятъ тутъ могучіе богатыри: „А ласкаво солнце, Владиміръ Князь! въ очахъ дѣтина завирается: а гдѣ ему проѣхать дорогою прямоѣзжею?

Залѣгла та дорога тридцать лѣтъ отъ того Соловья разбойника.“ Говоритъ Илья Муромецъ: „Гой еси ты, Осударь, Владиміръ Князь! посмотри мою удачу богатырскую, вонъ я привезъ Соловья разбойника на дворъ къ тебѣ.“ И втапоры Илья Муромецъ пошелъ съ Великимъ Княземъ на широкій дворъ смотрѣть его удачи богатырскія. Выходили туто князья, бояра, всѣ русскіе могучіе богатыри: Самсонъ богатырь Колывановичъ, Суханъ богатырь, сынъ Домантьевичъ, Свѣтогоръ богатырь и Полканъ другой, и семь-то братовъ Збродовичи, еще мужики были Залешана, а еще два брата Хапиловы; только было у Князя ихъ тридцать молодцовъ. Выходилъ Илья на широкой дворъ къ тому Соловью разбойнику, онъ сталъ Соловья уговаривать: „Ты послушай меня, Соловей разбойникъ младъ! Просвисти Соловей по соловьиному, пошипи змѣй по змѣиному, зрявкай звѣрь по туриному, и потѣшь Князя Владиміра.“

Засвисталъ Соловей по соловьиному, оглушилъ онъ въ Кіевѣ князей и бояръ; зашипѣлъ злодѣй по змѣиному, онъ втретье зрявкаетъ по туриному. А князя и бояре изпужалися, на корачкахъ по двору наползалися, и всѣ сильны богатыри могучіе. И накурилъ онъ бѣды несносныя: гостины кони съ двора разбѣжалися — и Владиміръ Князь едва живъ стоитъ, со душой Княгиней Апраксѣевкой. Говорилъ тутъ ласковой Владиміръ князь: „А ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ! Уйми ты Соловья разбойника; а и эта шутка намъ не надобна.“

СВЯТОПОЛКЪ БРАТОУБІЙЦА.

(1015 — 1019).

По смерти Владиміра, въ Кіевѣ сѣлъ старшій сынъ его, Святополкъ. Онъ созвалъ кіевлянъ и началъ давать имъ имѣніе; они брали, но сердце ихъ не лежало къ нему, потому-что братья ихъ были съ Борисомъ. Борисъ уже возвращался съ войскомъ назадъ, не найдя печенѣговъ, какъ вдругъ пришла къ нему вѣсть: „отецъ у тебя умеръ.“ Борисъ горько плакалъ по отцѣ, потому-что былъ у него сынъ любимый. Отцовская дружина сказала ему: „вотъ у тебя отцовская дружина и войско: пойди, сядь въ Кіевѣ на отцовскомъ столѣ.“ Борисъ отвѣчалъ: „не подниму руки на брата старшаго; если и отецъ у меня умеръ, то пусть тотъ будетъ мнѣ вмѣсто отца.“ Услыхавъ это, воины разошлись отъ него, и Борисъ остался на рѣкѣ Альтѣ съ одними своими отроками *). Между-тѣмъ, Святополкъ, задумавъ беззаконное дѣло, послалъ къ Борису съ такими рѣчами: „хочу съ тобою любовь имѣть, и придамъ тебѣ еще къ тому, что ты получилъ отъ отца;“ но все это было одна лесть, — онъ хотѣлъ погубить его. Святополкъ пришелъ ночью въ Вышгородъ, тайно призвалъ Путшу и вышегородскихъ

*) Младшіе члены дружины.

старшинъ и сказалъ имъ: „преданы ли вы мнѣ всѣмъ сердцемъ?“ Путша и другіе вышгородцы отвѣчали: „головы свои за тебя сложимъ.“ Тогда онъ сказалъ имъ: „не говоря никому ни слова, ступайте и убейте брата моего Бориса;“ они обѣщались ему скоро это исполнить. Ночью пришли они къ рѣкѣ Альтѣ, и когда подступили поближе, то услыхали, что Борисъ поетъ заутреню: къ нему уже пришла вѣсть, что сбираются погубить его. Помолившись, онъ легъ на постель; и вотъ убійцы, какъ дикіе звѣри, напали на шатеръ, просунули въ него копья и прокололи Бориса; вмѣстѣ съ нимъ прокололи и слугу его, который палъ на него, желая своимъ тѣломъ защитить господина. Это былъ любимецъ Бориса, звали его Георгіемъ, родомъ онъ былъ изъ Венгріи. Борисъ его очень любилъ, и возложилъ на него большую золотую цѣпь, въ которой онъ всегда передъ нимъ находился. Тутъ же было побито много и другихъ отроковъ Борисовыхъ. Борисъ еще дышалъ, когда убійцы завернули его въ шатерное полотно, положили на колесницу и повезли. Святополкъ, узнавъ, что Борисъ еще дышетъ, послалъ двухъ варяговъ прикончить его; когда посланные пришли и увидали, что князь еще живъ, то одинъ изъ нихъ вынулъ мечъ и пронзилъ его въ сердце. Такъ скончался блаженный Борисъ; тѣло его принесли тайно въ Вышгородъ и положили въ церкви св. Василія. Тогда окаянный Святополкъ началъ думать: „вотъ я убилъ Бориса; какъ бы убить Глѣба?“ Для этого онъ послалъ съ лестію ко Глѣбу, веля сказать ему: „пріѣзжай сюда поскорѣе, отецъ тебя зоветъ, онъ очень боленъ.“ Глѣбъ немедленно сѣлъ на коня и пошелъ съ малою дружиною, потому-что онъ былъ послушливъ отцу. Въ это же время пришла вѣсть въ Новгородъ къ Ярославу отъ сестры его Предславы объ отцовской смерти, и Ярославъ послалъ сказать Глѣбу: „Не ходи: отецъ у тебя умеръ, а братъ твой убитъ Святополкомъ.“ Услыхавъ это, Глѣбъ горько заплакалъ объ отцѣ, но еще больше плакалъ онъ о братѣ. Когда Глѣбъ молился со слезами, внезапно пришли посланные отъ Святополка, которымъ поручено было убить Глѣба. Отроки Глѣбовы обмерли отъ страха; окаянный Горясѣръ, одинъ изъ посланныхъ Святополкомъ, велѣлъ тотчасъ же зарѣзать князя; поваръ Глѣбовъ, торчинъ (изъ народа торковъ), вынувъ ножъ, зарѣзалъ своего господина. Злодѣи возвратились назадъ и сказали Святополку: „мы исполнили, что ты приказалъ.“

Святополкъ окаянный убилъ и третьяго брата Святослава, пославши догнать его, когда тотъ бѣжалъ въ Венгрію. Послѣ этого, Святополкъ началъ думать: „перебью всѣхъ своихъ братьевъ, и стану владѣть одинъ всею Русскою землею.“ Когда еще Ярославъ новгородскій не зналъ объ отцовской смерти, то, сбираясь воевать съ Владиміромъ, призвалъ множество варяговъ. Эти варяги дѣлали новгородцамъ большое насилье. Новгородцы возстали и перебили варяговъ. Разгнѣвался Ярославъ и, пославъ сказать новгородцамъ: „уже мнѣ не воскресить убитыхъ,“ позвалъ къ себѣ на пиръ

лучшихъ мужей, которые убили варяговъ: обманулъ ихъ и всѣхъ перебилъ.

Въ ту же ночь, пришла къ нему вѣсть изъ Кіева отъ сестры его Предславы: „отецъ твой умеръ, а Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ, убилъ Бориса, а на Глѣба послалъ; берегись его.“ Когда Ярославъ услыхалъ это, то ему жаль стало отца и дружины. На другой день, собравъ остатокъ новгородцевъ, Ярославъ сказалъ: „Любезная моя дружина, кого вчера перебилъ, нынче были бы надобны.“ Потомъ, утеръ слезы и сказалъ народу на вѣчѣ: „отецъ мой умеръ, а Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ, да братьевъ убиваетъ.“ Новгородцы овѣчали: „хотя братья наши и перебиты, но все-таки можемъ стать за тебя.“ Тогда Ярославъ собралъ войско и пошелъ на Святополка, призвавши Бога во свидѣтели своей правды; онъ говорилъ: „не я началъ избивать братьевъ, но онъ; пусть будетъ Богъ мстителемъ за кровь братьевъ моихъ, потому-что Святополкъ безъ вины пролилъ кровь праведнаго Бориса и Глѣба.“ И пошелъ на Святополка. Тотъ, услыхавъ, что Ярославъ идетъ, пристроилъ множество войска, руси и печенѣговъ, и вышелъ къ Любечу. Оба брата стали, одинъ по сю, другой по ту сторону Днѣпра; но ни тотъ, ни другой не смѣли начать дѣло, и такъ стояли три мѣсяца другъ противъ друга. Тогда Святополковъ воевода, ѣздя возлѣ берега, началъ корить новгородцевъ: „что вы пришли съ вашимъ хромымъ княземъ? ахъ, вы плотники! Вотъ мы заставимъ васъ строить намъ хоромы.“ Услыхавъ такую брань, новгородцы сказали Ярославу: „завтра же перевеземся на ту сторону; если же кто не пойдетъ съ нами, того сами убьемъ.“ Въ это время уже настали морозы; Святополкъ стоялъ между двумя озерами, и всю ночь пилъ съ дружиною; а Ярославъ, рано утромъ приготовивъ свою дружину, на разсвѣтѣ перешелъ съ нею на другую сторону рѣки. Когда новгородцы вышли на берегъ, то оттолкнули лодки и пошли на враговъ. Сѣча была злая; печенѣгамъ нельзя было озеромъ помочь Святополку, и новгородцы притиснули непріятелей къ озеру; тѣ вступили на ледъ, ледъ подъ ними обломился, и Ярославъ началъ одолѣвать. Тогда Святополкъ побѣжалъ въ Польшу, а Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ.

Въ 1018 году, пришелъ Болеславъ, король польскій, со Святополкомъ на Ярослава. Ярославъ собралъ русь, варяговъ, славянъ, и пошелъ къ нимъ на встрѣчу; враги стали по берегамъ рѣки Буга. У Ярослава былъ воспитатель и воевода, именемъ Будый; онъ началъ смѣяться надъ Болеславомъ, говоря: „вотъ мы тебѣ проткнемъ палкою брюхо твое толстое.“ Болеславъ былъ великъ и тяжелъ, такъ что и на конѣ съ трудомъ могъ сидѣть, но былъ смышленъ; услыхавъ насмѣшки, онъ сказалъ дружинѣ своей: „если вы можете терпѣть такой укоръ, то я одинъ пойду на враговъ, хоть и погибну.“ Сказавъ это, сѣлъ на коня и въѣхалъ въ рѣку, за нимъ и войско его. Ярославъ не успѣлъ приготовиться, былъ побѣжденъ, и убѣ-

жалъ только съ четырьмя мужами въ Новгородъ, а Болеславъ вошелъ въ Кіевъ съ Святополкомъ. Когда Ярославъ прибѣжалъ въ Новгородъ, и хотѣлъ уже оттуда бѣжать за море, то посадникъ Константинъ съ новгородцами разсѣкли лодки Ярославовы, сказавши: „хотимъ еще биться съ Болеславомъ и съ Святополкомъ.“ Они начали сбирать деньги, призвали варяговъ, роздали имъ жалованье, и Ярославъ собралъ много войска. Болеславъ въ это время сидѣлъ въ Кіевѣ, а дружина его была разведена по городамъ; окаянный Святополкъ сказалъ своимъ: „сколько ни есть поляковъ по городамъ, бейте ихъ;“ — и поляковъ перебили. Тогда Болеславъ побѣжалъ изъ Кіева, взявши имѣніе и бояръ Ярославовыхъ, и людей множество повелъ съ собою въ плѣнъ, и города Червенскіе *) занялъ. Святополкъ же началъ княжить въ Кіевѣ, но услыхавъ, что Ярославъ идетъ на него, убѣжалъ къ печенѣгамъ.

Въ 1019 году, пришелъ Святополкъ съ печенѣгами въ силѣ тяжкой; Ярославъ также собралъ множество войска, вышелъ противъ него на рѣку Альту, и покрылось альтское поле множествомъ воиновъ. Была тогда пятница; только что показалось солнце, враги сошлись; сѣча была злая, какой еще не бывало на Руси; сѣклись мечами, схватывая другъ друга за руки; и схватывались трижды; кровь текла ручьями по удольямъ; къ вечеру одолѣлъ Ярославъ, а Святополкъ бѣжалъ. Во время бѣгства напалъ на Святополка такой страхъ, что онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не могъ идти. Отроки взяли его на носилки и понесли; но какъ только гдѣ нибудь хотѣли остановиться для отдыха, то Святополкъ вопилъ: „бѣгите со мною, за нами гонятся!“ хотя отроки не видѣли ни кого, кто бы гнался за ними. Святополкъ не могъ оставаться на одномъ мѣстѣ, и бѣгалъ изъ страны въ страну; наконецъ погибъ онъ гдѣ-то въ пустынѣ, мучимый совѣстью. Ярославъ же вошелъ въ Кіевъ, отеръ съ дружиною потъ послѣ великихъ трудовъ и сѣлъ на престолѣ отца своего.

ЯРОСЛАВЪ МУДРЫЙ.

(1019 — 1054)

Въ 1024 году, когда Ярославъ былъ въ Новгородѣ, пришелъ Мстиславъ изъ Тмуторакани къ Кіеву, и не приняли его кіевляне; тогда онъ пошелъ и сѣлъ въ Черниговѣ, а Ярославъ все былъ въ Новгородѣ. Услыхавъ о приходѣ Мстислава, онъ послалъ за море звать варяговъ, и пришелъ къ нему слѣпой Якунъ съ варягами. Тогда Ярославъ пошелъ съ нимъ на Мстислава, и оба брата сошлись при Лиственѣ. Мстиславъ съ вечера исполчилъ дружину, и поставилъ сѣверянъ въ серединѣ противъ варяговъ, а самъ сталъ съ дружиною своею по бокамъ. Ночь была претемная,

*) Теперь Галиція.

съ молніею, громомъ и дождемъ; тогда Мстиславъ сказалъ дружинѣ: „пойдемъ на нихъ.“ Враги сошлись; сѣверяне схватились съ варягами, и когда варяги утомились, поражая сѣверянъ, тогда наступилъ на нихъ Мстиславъ съ дружиною и началъ бить варяговъ. Сильна была сѣча! Какъ освѣтитъ молнія, такъ и заблеститъ оружіе; и гроза была большая, и сѣча была сильная и страшная. Когда Ярославъ увидѣлъ, что побѣжденъ братомъ, то побѣжалъ вмѣстѣ съ Якуномъ; Ярославъ пошелъ въ Новгородъ, а Якунъ за море. Мстиславъ же, на другой день на разсвѣтѣ, видя трупы своихъ сѣверянъ и Ярославовыхъ варяговъ, сказалъ: „кто этому не порадуется? вотъ лежитъ сѣверянинъ, а вотъ варягъ, а дружина моя цѣла.“ Послѣ этого Мстиславъ послалъ сказать Ярославу: „сядь въ своемъ Кіевѣ: ты старшій братъ, а мнѣ будетъ эта сторона.“ На другой годъ, Ярославъ заключилъ миръ съ братомъ, и раздѣлили Русскую землю по Днѣпръ: Ярославъ взялъ эту сторону, а Мстиславъ ту: и начали жить мирно въ братолюбіи; усобицы и мятежи перестали, и была большая тишина въ землѣ. Въ 1036 году, Мстиславъ вышелъ на охоту, разболѣлся и умеръ; и положили его въ церкви у св. Спаса, которую онъ самъ построилъ. Мстиславъ былъ полонъ, красноватъ въ лицѣ, съ большими глазами; былъ храбръ на войнѣ, милостивъ, очень любилъ дружину, не щадилъ для нея ни имѣнья, ни ѣды, ни питья. Владѣніе его досталось Ярославу, и сталъ Ярославъ самовластцемъ въ Русской землѣ.

Въ 1043 году, послалъ Ярославъ сына своего Владиміра на грековъ, и далъ ему много войска, а воеводство поручилъ Вышатѣ. Вотъ и пошелъ Владиміръ въ лодкахъ; пришли къ Дунаю, а оттуда отправились къ Царюграду. Вдругъ встала большая буря, русскіе корабли разбило, и самый княжескій корабль вѣтеръ разбилъ. Князя Владиміра взялъ къ себѣ въ корабль Иванъ Творимиричь, воевода Ярославовъ; прочіе же воины, числомъ 6,000, выброшены были на берегъ, и хотѣли идти назадъ въ Русь, но никто изъ дружины княжеской не хотѣлъ идти съ ними. Тогда Вышата сказалъ: „я пойду съ ними; останусь живъ, хорошо, а погибну, все лучше съ дружиною.“ Тогда къ грекамъ пришла вѣсть, что русскіе корабли разбиты бурею, и царь, именемъ Мономахъ, послалъ свои корабли вслѣдъ за непріятелемъ. Владиміръ, видя съ дружиною, что за ними погоня, оборотился назадъ, разбилъ греческіе корабли, и пришелъ въ Русь; но Вышату съ остальнымъ войскомъ греки взяли въ плѣнъ, и привели въ Царьгородъ, гдѣ много русскихъ ослѣпили; только уже черезъ три года, когда заключенъ былъ миръ, пустили Вышату въ Русь къ Ярославу.

Въ 1054 году, умеръ великій князь русскій Ярославъ. Еще при жизни, онъ урядилъ своихъ сыновей, сказавъ имъ: „вотъ я отхожу изъ этого свѣта, дѣти мои; любите другъ друга, потому-что вы дѣти одного отца и одной матери. Если будете жить въ любви другъ съ другомъ, то Богъ будетъ среди васъ, и покоритъ вамъ всѣхъ враговъ, и будете жить мирно; если

же будете ненавидѣть другъ друга, жить въ распряхъ и ссорахъ, то погибнете сами и погубите землю отцовъ своихъ и дѣдовъ своихъ, которую они достали себѣ трудомъ великимъ. Но живите мирно, слушаясь братъ брата. Вмѣсто себя, поручаю Кіевъ старшему сыну своему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, какъ меня слушались: онъ будетъ вамъ вмѣсто меня; а Святославу даю Черниговъ, Всеволоду Переяславль и Вячеславу Смоленскъ.“ Такъ подѣлилъ онъ между ими города, заказавъ имъ не вступаться въ братнія области и не выгонять другъ друга; а Изяславу сказалъ: „если кто вздумаетъ обижать брата своего, то ты помогай обиженному.“ Ярославъ умеръ въ Вышгородѣ; при немъ былъ тогда третій сынъ его, Всеволодъ, котораго онъ любилъ больше всѣхъ и держалъ всегда при себѣ. Всеволодъ положилъ тѣло отца своего въ сани и повезъ въ Кіевъ; по дорогѣ священники пѣли обычныя пѣсни, а народъ провожалъ съ плачемъ; привезя въ Кіевъ, положили его въ мраморномъ гробѣ, въ церкви св. Софіи, и плакали по немъ Всеволодъ и всѣ люди.

ОСЛѢПЛЕНІЕ ВАСИЛЬКА.

(1097 г.).

Послѣ Ярослава, дѣти его и внуки раздѣлили между собою Русскую землю. На престолѣ великокняжескомъ, въ Кіевѣ, долженъ былъ сидѣть *старшій въ родѣ, великій князь*, и быть удѣльнымъ князьямъ вмѣсто отца; но удѣльные князья мало слушались великаго князя, подымали ссоры и междоусобныя войны.

Въ княженіе внука Ярославова, Святополка II, съѣхалось много князей въ Любечѣ и сказали другъ другу: „зачѣмъ мы ссоримся и губимъ Русскую землю, а половцы радуются нашимъ раздорамъ, грабятъ и опустошаютъ Русь; будемъ жить въ мирѣ и каждый пусть будетъ доволенъ своею отчиною.“ И рѣшились князья жить мирно, раздѣлились между собою съ общаго согласія и на томъ цѣловали крестъ другъ другу. Но одинъ изъ удѣльныхъ князей, Давидъ Игоревичъ, недовольный своимъ удѣломъ, и по наущенію злыхъ совѣтниковъ, умыслилъ злое дѣло противъ другаго князя, Василька, и наклеветалъ на него великому князю Святополку. Когда Василько, возвращаясь изъ Любеча, проѣзжалъ мимо Кіева со своею дружиною, и остановился подъ Кіевомъ ночевать, то поутру Святополкъ прислалъ къ нему, говоря: „не уходи отъ имянинъ моихъ.“ Василько отвѣчалъ, что спѣшитъ домой; но тутъ прислалъ къ нему и Давидъ, говоря: „не ходи, братъ, не ослушайся брата старѣйшаго.“ Василько не послушалъ и Давида. „Видишь ли,“ сказалъ тогда Давидъ Святополку: „Василько не хочетъ слушать тебя, старѣйшаго брата; увидишь, что когда онъ придетъ домой, то станетъ отнимать у тебя твои города, тогда вспомнишь слова мои, да будетъ поздно. Созови-ка лучше кіевлянъ, схвати его и отдай мнѣ.“ Свя-

тополкъ послушалъ Давида и послалъ сказать Василько: „если не хочешь дожидаться имянинъ моихъ, то приди, по крайней мѣрѣ, проститься и побесѣдовать со мною и съ Давидомъ.“ Василько сѣлъ на коня и поѣхалъ въ Кіевъ. На дорогѣ встрѣтилъ его отрокъ и сказалъ ему: „Не ходи князь, въ Кіевъ: хотятъ тебя схватить.“ Но Василько подумалъ: „какъ-же имъ хотѣть схватить меня, когда они цѣловали мнѣ крестъ, чтобы намъ жить мирно. Да будетъ воля Господня!“ перекрестился — и поѣхалъ.

Когда Василько съ малою дружиною взъѣхалъ на княжескій дворъ, то Святополкъ встрѣтилъ его и ввелъ въ горницу, гдѣ Давидъ сидѣлъ молча, будто нѣмой. „Останься съ нами на праздникъ,“ сказалъ Святополкъ Васильку; но тотъ отвѣчалъ: „не могу остаться братъ; я уже приказалъ моему обозу отправиться впередъ.“ — „Позавтракай же, по крайней мѣрѣ, съ нами,“ сказалъ Святополкъ: „посидите здѣсь немного съ братомъ, а я пойду распоряжусь,“ и вышелъ вонъ. Оставшись съ Давидомъ, Василько началъ было заговаривать съ нимъ, но Давидъ не отвѣчалъ ни слова (у него на сердцѣ было злое дѣло), и, посидѣвъ немного, всталъ и вышелъ. Тогда вошли воины, заковали Василька въ оковы, заперли въ горницу и приставили къ ней на ночь стражу. Поутру Святополкъ созвалъ на совѣтъ бояръ своихъ и кіевлянъ и, разсказавъ имъ все, что говорилъ ему Давидъ о Васильке, спросилъ ихъ совѣта. „Тебѣ слѣдуетъ самому беречь свою голову,“ отвѣчали кіевляне: „если Давидъ сказалъ правду, то Василька слѣдуетъ казнить; если же нѣтъ—то Богъ отомститъ Давиду.“ Святополкъ хотѣлъ пустить Василька, но Давидъ сказалъ: „если пустишь—то ни тебѣ не княжить, ни мнѣ,“ и подговаривалъ на ослѣпленіе. Въ ту же ночь отвезли скованнаго Василька въ Бѣлгородъ, небольшой городъ, верстахъ въ 10 отъ Кіева, и засадили его въ тѣсную горницу, куда, спустя немного, вошелъ торчинъ и сталъ точить ножъ. Василько догадался, что его хотятъ ослѣпить и горько заплакалъ. За торчиномъ въ горницу вошли еще два конюха и бросились на Василька, стараясь повалить его, но не могли одолѣть, потому что онъ защищался изо всѣхъ силъ. Тогда пришли еще люди, повалили князя, наложили на него доски, такъ что кости его захрустѣли, и ослѣпили. Князь лежалъ безъ чувствъ, какъ мертвый; его завернули въ коверъ, положили въ телѣгу и повезли во Владиміръ. На дорогѣ, въ мѣстечкѣ Воздвиженьѣ, провожатые князя остановились обѣдать; сняли съ него окровавленную сорочку и отдали вымыть попадьѣ. Попадья одѣла князя въ чистую сорочку и, сидя возлѣ, плакала надъ нимъ, какъ надъ мертвымъ. Но князь очнулся и спросилъ: „гдѣ я?“ Ему отвѣчали: „въ Воздвиженьѣ;“ тогда онъ попросилъ напиться, напился и пришелъ въ себя; ощупалъ, что на немъ была чистая сорочка и сказалъ: „зачѣмъ меня переодѣли? пусть бы я въ той кровавой сорочкѣ умеръ и сталъ на судъ передъ Богомъ.“ Отобѣдавши, провожатые князя повезли его далѣе по дурной и тряской дорогѣ, по

грудѣ, потому что тогда была осень и грязь на дорогахъ взялась комьями. На шестой день привезли Василька во Владиміръ и засадили въ темницу.

Когда Владиміръ, одинъ изъ внуковъ Ярослава, прозванный Мономахомъ, услышалъ объ этомъ злодѣйскомъ дѣлѣ, то горько заплакалъ и сказалъ: „такого зла не было еще въ Русской землѣ, ни при дѣдахъ, ни при отцахъ нашихъ,“ и послалъ другимъ князьямъ сказать: „братья! поправимъ скорѣе это дѣло! Если мы начнемъ другъ съ другомъ расправляться ножами, то погибнемъ всѣ, а половцы придутъ и возьмутъ Русскую землю.“ Нѣкоторые князья пристали ко Владиміру и онъ послалъ отъ себя и отъ нихъ сказать Святополку: „что ты это сдѣлалъ? зачѣмъ ослѣпилъ брата своего? если онъ былъ виновенъ, то ты могъ обличить его передъ нами.“ Святополкъ началъ извиняться, сваливая всю вину на Давида: „Давидъ,“ говорилъ онъ, „сказалъ мнѣ, что Василько хочетъ убить меня, занять мои города и что онъ и Владиміръ поклялись другъ другу выгнать меня изъ Кіева. Я долженъ былъ поневолѣ защищать свою голову; да и не я его ослѣпилъ, а Давидъ; онъ же и увелъ его къ себѣ.“ — „Это не извиненіе,“ отвѣчали послы Владиміровы: „не въ Давидовѣ городѣ взятъ и ослѣпленъ Василько, а въ твоемъ,“ и, сказавши это, ушли. На другой день, утромъ, войска Владиміра и его братьевъ стали переправляться чрезъ Днѣпръ. Святополкъ испугался и хотѣлъ уже бѣжать изъ Кіева; но кіевляне не пустили его и послали къ Владиміру знатныхъ пословъ, говоря: „умоляемъ тебя, князь, и братьевъ твоихъ, не губите вы земли Русской: если вы будете воевать между собою, то половцы возрадуются и возьмутъ нашу землю. Отцы и дѣды ваши сражались за Русскую землю, а вы хотите погубить ее.“ Услышавъ это, Владиміръ заплакалъ: „по истинѣ такъ,“ сказалъ онъ: „отцы и дѣды наши соблюли Русскую землю, а мы ее губимъ! и согласился на міръ;] но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Святополкъ самъ шелъ на Давида, такъ какъ Давидъ первый поднялъ весь этотъ раздоръ.

Услышавъ о близкой бѣдѣ, Давидъ Игоревичъ ночью послалъ за однимъ монахомъ, Василіемъ, котораго Василько зналъ и любилъ. Этотъ-то Василій и описалъ страшное злодѣйство, которому былъ отчасти очевидцемъ, а мы съ его словъ разсказали вамъ. „Мнѣ говорили,“ сказалъ Давидъ Игоревичъ Василію, „что Василько изъявилъ желаніе послать ко Владиміру и уговорить его воротиться. Поди же ты къ своему тезкѣ и скажи ему, что если онъ это сдѣлаетъ, то я дамъ ему любой городъ,“ и перечислилъ при этомъ нѣсколько городовъ, принадлежавшихъ Васильку.

Монахъ пошелъ въ темницу къ Васильку и передалъ слова Давида. „Не обѣщалъ я посылать ко Владиміру,“ отвѣчалъ Василько, „но пожалуй, пошлю, чтобы изъ за меня не проливалась кровь; удивляюсь только, какъ это Давидъ даетъ мнѣ мои же города.“ Выславъ слугъ вонъ, сказалъ Василько монаху: „слышу я, что хочетъ Давидъ выдать меня ляхамъ, вид-

но не насытился онъ еще моей кровью—хочется еще! Я же ляхамъ много сдѣлалъ зла и хотѣлъ сдѣлать еще больше и отомстить за Русскую землю. Не боюся смерти; но вотъ что скажу тебѣ: справедливо наказалъ меня Господь за мою гордость; потому что когда пришла ко мнѣ вѣсть, что могутъ придти ко мнѣ на помощь берендеи, печенѣги и торки, то я подумалъ: скажу-ка я брату своему Володарю и Давиду: дайте только мнѣ свою младшую дружину, а сами пейте и веселитесь. Самъ же думалъ: пойду зимою на ляшскую землю, а къ лѣту и возьму ее, а потомъ пойду на болгаръ дунайскихъ, захвачу ихъ и посажу на мои земли; потомъ отправлюсь войною на половцевъ, и либо сложу свою голову, либо добуду себѣ славы. На братьевъ-же моихъ, клянусь Богомъ! я не умышлялъ ничего злаго; за гордость мою низложилъ меня Господь и смирилъ."

Однакоже Давидъ не выпустилъ Василька изъ тюрьмы, а далъ ему волю только тогда, когда братъ Василька Володарь принудилъ его къ тому силою.

Выпущенный на волю Василько, хотя и слѣпой, тотчасъ же принялся мстить Давиду и принудилъ его выдать ему тѣхъ людей, которые подучили Давида на злое дѣло. Василько повѣсилъ этихъ людей и велѣлъ разстрѣлять ихъ стрѣлами. Много перебилъ онъ и невинныхъ, мстя Давиду за свое ослѣпленіе.

Изъ этого разсказа объ ослѣпленіи Василька мы уже можемъ заключить, что Владиміръ прозванный Мономахомъ, былъ очень умный, справедливый и добрый князь, любилъ народъ и заботился о благѣ всей русской земли. Вотъ почему по смерти Святополка (въ 1113 г.) кіевляне собрались на совѣтъ и объявили, что не хотятъ имѣть другаго князя, кромѣ Владиміра, и послали звать его на престолъ великокняжескій.

ПОХОДЪ ИГОРЯ КНЯЗЯ НОВГОРОДСѢВЕРСКАГО НА ПОЛОВЦЕВЪ.

(1185 г.)

Велики южно-русскія степи: необозримой, безлѣсной равниной раскинулись онѣ отъ горъ Карпатскихъ и береговъ Дуная до Кавказа и Урала, охватили берега морей Чернаго и Каспійскаго! Но южно-русская степь только небольшой уголокъ безграничныхъ степей средней Азіи, въ которыхъ и теперь, отъ границъ Китая до береговъ Волги и устья Дона, бродятъ многіе полудикіе кочевые народы: не обработывая земли, не строя ни селъ, ни городовъ, переходятъ они съ мѣста на мѣсто со своими безчисленными стадами.

Три громадныя рѣки, Днѣпръ, Донъ, Волга, ведутъ изъ середины Русской земли, отъ Кіева, Владиміра, Великаго Новгорода и Москвы, въ южно-русскія степи, и по этимъ рѣкамъ владычество русскихъ, а съ нимъ христіанство, гражданская жизнь и торговля проникли до береговъ морей

Каспійскаго и Чернаго. Широкими воротами открывается на берегахъ Урала южно-русская степь въ степи средней Азіи, и кочевая орда, не измѣняя своего образа жизни, со своими подвижными кибитками, со своими женами и дѣтьми, со своими безчисленными стадами, подвигаясь отъ востока къ западу, могла незамѣтно перейти отъ китайской *стѣны* и южной подошвы Алтая къ устью Дона, Днѣпра и даже на Дунай. Много кочевыхъ народовъ прошло изъ Азіи въ Европу черезъ южно-русскія степи; многіе изъ нихъ врывались въ образованныя европейскія страны, въ богатыя области Греціи и Рима, грабя, раззоряя, превращая въ развалины цвѣтущія села и богатые города; многіе оставались надолго кочевать въ степи, внося гибель и опустошеніе въ южные предѣлы тогдашней Россіи, гдѣ славянскія племена, живя въ городахъ и селахъ, занимались земледѣліемъ и торговлею. Много такихъ народовъ видѣлъ и нашъ старый Кіевъ со своихъ прекрасныхъ горъ: хозаръ, печенѣговъ, угровъ (нынѣшнихъ венгровъ). Но никто такъ долго не оставался въ южно-русскихъ степяхъ, и никто столько не надѣлалъ зла Русской землѣ, какъ половцы, и еще болѣе ихъ степные наслѣдники — татары.

Отъ вѣщаго Олега, отъ первыхъ побѣдъ его надъ хозарами, до Екатерины II, когда послѣдняя степная орда, засѣвшая въ Крыму, покорилась Россіи, почти тысячу лѣтъ продолжалась эта борьба осѣдлой жизни съ кочевою, Европы съ Азіею, образованія съ дикостью, христіанства съ язычествомъ и магометанствомъ. Теперь въ южно-русскихъ степяхъ все тихо и смирно: степи заселяются, на нихъ возникаютъ богатыя села и промышленные города; но много труда и много крови потратили русскіе, пока успѣли очистить все это пространство отъ бродячей азіятской сволочи и утвердить на немъ гражданскую жизнь и порядокъ. Для этого понадобились цѣлые вѣка безпрерывныхъ кровавыхъ войнъ: много полегло въ степяхъ храбрыхъ русскихъ дружинъ, много храбрыхъ русскихъ князей сложили въ нихъ свои головы!

Мы разскажемъ здѣсь нѣсколько изъ этихъ великихъ битвъ, счастливыхъ и несчастныхъ, которыми Россія служила свою тяжкую службу Европѣ, образованію и христіанству; — нѣсколько.... потому что не только разсказать ихъ всѣ невозможно, но и сосчитать едва ли кто нибудь возьмется.

Князья наши могли бы справиться съ половцами, если бы дружно взялись за дѣло и терпѣливо довели его до конца; но въ томъ-то и бѣда, что раздѣливъ Русь на удѣлы, князья безпрестанно начинали между собою ссоры и междоусобицы, и нерѣдко, вооружаясь другъ на друга, сами призывали половцевъ въ Русскую землю. Изъ-за малаго забывали они про великое,— про свою службу Русской землѣ. Русскій народъ, мирные жители селъ и городовъ, у котораго половцы часто истребляли жилища, опустошали поля, захватывали въ полонъ женъ и дѣтей, съ негодованіемъ смотрѣлъ на кня-

жескія междоусобицы, и громко прославлялъ тѣхъ князей, которые вмѣсто того, чтобы драться другъ съ другомъ, ходили въ половецкія степи, и усмиряли, хотя на время, ненасытныхъ хищниковъ. Походъ на половцевъ былъ тогда дѣломъ честнымъ, христіанскимъ, любезнымъ народу и духовенству, службою Русской землѣ, христіанской вѣрѣ и человѣчеству. Для молодыхъ же князей и ихъ удалыхъ дружинъ набѣгъ въ половецкія степи былъ просто удальствомъ, пробнымъ камнемъ ихъ мужества, средствомъ прославить свое имя, добыть себѣ чести въ Русской землѣ.

Вотъ одинъ изъ такихъ удалыхъ набѣговъ, не только разсказанный подробно нашими лѣтописцами, но и громко воспѣтый древнимъ русскимъ поэтомъ, имя котораго осталось намъ неизвѣстнымъ, хотя поэма его и дошла до насъ. Со словъ лѣтописи и великаго древняго поэта разскажемъ и мы, какъ съумѣемъ, это событіе.

Въ 1184 и 1185 годахъ, половцы нападали на Русь, но были жестоко разбиты кіевскимъ княземъ Святославомъ. Въ этихъ славныхъ битвахъ не принималъ участія молодой новгородсѣверскій князь, Игорь Святославичъ; — не потому не принималъ, чтобы онъ отрекался идти на *поганыхъ* (такъ зовутъ лѣтописцы половцевъ); „не дай Богъ отрекаться,“ говорилъ князь Игорь: „поганые намъ общій врагъ!“ но—единственно потому, что не могъ же онъ перелетѣть птицею изъ Новгородсѣверска на мѣсто битвы. Поѣхалъ было даже князь, не смотря на убѣжденія старѣйшихъ изъ дружины, что ѣхать далеко и къ битвѣ онъ не поспѣетъ; но помѣшали ему сильные степные туманы, и онъ на дорогѣ узналъ, что половцы уже ушли въ степь.

Побѣды Святослава не давали, однакожъ, покоя удалому Игорю и его братьямъ, сѣверскимъ князьямъ.

„Развѣ мы также не князья?“ сказалъ Игорь: „пойдемъ и мы, добудемъ себѣ чести и славы!“ И сталъ готовиться къ походу: велѣлъ своему юному сыну, Владиміру, вести къ нему дружину изъ Путивля; велѣлъ племяннику своему Святославу спѣшить изъ Рыльска; выпросилъ себѣ въ помощь отрядъ черниговскихъ воиновъ, оповѣстилъ и своего младшаго брата Всеволода, князя трубчевскаго, прозваннаго *буйнымъ туромъ*, за свою неукротимость въ битвахъ; не далъ только Игорь знать въ Кіевъ старому Святославу, великому князю кіевскому: боялся Игорь, что Святославъ станетъ удерживать его отъ похода или захочетъ самъ принять въ немъ участіе.

Не долго ждалъ Игорь отвѣта отъ своего милаго брата, Всеволода Трубчевскаго.

— „Одинъ ты у меня братъ, одинъ свѣтъ, свѣтъ—Игорь; оба мы съ тобою Святославичи!“ извѣщаетъ Игоря Буйтуръ-Всеволодъ: „сѣдлай, братъ, своихъ борзыхъ коней, а мои ужь готовы, осѣдланы стоятъ у Кур-

ска. Куряне мои молодцы тебѣ извѣстные! Ихъ сповивали подъ звуки трубъ, подъ шлемами они выросли, концомъ копья вскормлены. Имъ вѣдомы всѣ степныя дороги, знакомы всѣ степные овраги; луки у нихъ натянуты, колчаны отворены, сабли отточены; сами же они, какъ сѣрые волки, рыщутъ по полю, ищучи себѣ чести, а князю славы."

Кони ржутъ за Сулою, трубятъ трубы въ Новгородсѣверскѣ, подняты стяги въ Путивлѣ: Игорь вступилъ въ свое золотое стремя, съѣхалъ съ горъ новгородсѣверскихъ и выѣхалъ съ дружиною въ чистое поле. Медленно подвигается онъ впередъ, собирая по дорогѣ дружину, поджидая князей. Вотъ уже и на берегахъ малаго Донца, по пути къ великому Дону. Но что это дѣлается на небѣ? Солнцу еще далеко до заката, а ночная тьма легла внезапно на поля и рощи; птицы — въ страхѣ кричатъ и мечутся въ воздухѣ, волы ревутъ въ стадахъ, кони ржутъ и подымаются на дыбы; изумленный Игорь смотритъ на небо—и видитъ, что солнце закрылось какимъ-то чернымъ щитомъ.

„Что это значитъ, братцы?" спрашиваетъ князь у своей дружины.

— „Не добрый знакъ, князь!" говорятъ старѣйшіе изъ дружины, печально опуская головы: „не добро сулитъ намъ это небесное знаменіе."

На минуту призадумался Игорь; но ему такъ сильно хотѣлось попытать счастья на берегахъ великаго Дона, что онъ не испугался даже и страшнаго небеснаго знаменія, и когда солнце опять засіяло на небѣ, сказалъ дружинѣ:

— „Чему быть, тому не миновать! Богъ — Господинъ всѣмъ намъ и этому знаменію: посмотримъ, что пошлетъ Онъ намъ, добро или зло. Сядемте-жъ, братцы, опять на своихъ добрыхъ коней и пойдемъ посмотрѣть синяго Дона. Хочу сломить копье мое о край Половецкой земли! Хочу либо сложить мою голову, либо шлемомъ моимъ зачерпнуть воды изъ широкаго Дона.

Двинулись русскіе далѣе. Дни стояли пасмурные; ночью ревѣли бури, такъ что птицы отъ страха вылетали изъ гнѣздъ, а зловѣщій филинъ наводилъ тоску своимъ крикомъ. Но Игорь, соединившись съ своимъ братомъ Всеволодомъ, идетъ все дальше и дальше. Вотъ уже Игорева дружина за границею Русской земли, за высокимъ Половецкимъ валомъ: за нимъ стелется безграничная, пустынная, враждебная степь, степь половецкая. Голоса соловьевъ замолкли въ русскихъ рощахъ, только что одѣтыхъ весеннею зеленью; а степные орлы уже носятся надъ Игоревою дружиною и клектомъ своимъ будто созываютъ дикихъ звѣрей на кровавый пиръ; крикливыя галки застилаютъ небо черными стаями и слѣдятъ за русскими, чуя кровавую добычу; волки воютъ въ степныхъ оврагахъ, а степныя лисицы, показываясь вдали, лаютъ на красные щиты Игоревой дружины; но она,

сомкнувшись стройными рядами, уходитъ все дальше и дальше въ безбрежную степь, ища себѣ чести, а князю славы.

Послали удальцовъ впередъ, въ степь, развѣдать, что дѣлаютъ половцы, и развѣдчики, воротясь, сказали князьямъ: „половцы всполошились, ихъ много и они готовятся къ битвѣ: или идите скорѣй, или воротитесь назадъ: теперь не наше время.“

— „Нѣтъ,“ отвѣчалъ Игорь и другіе князья: „ворочаться поздно; стыдъ хуже смерти. Пойдемъ дальше; что Богъ дастъ, то и будетъ.“

Ѣхали не быстро: кони у русскихъ были слишкомъ тучные; ѣхали весь день и всю ночь, и только на другой день къ обѣду встрѣтили полки половецкіе. Битва продолжалась не долго: перваго молодецкаго натиска не выдержали поганые и кинулись бѣжать къ своимъ вѣжамъ (кочевьямъ). Русскіе пошли въ погоню за половцами. Всполошилась вся половецкая степь: поспѣшно собираютъ половцы свои кибитки, укладываются наскоро какъ попало, гонятъ скотъ и, не разбирая дороги, напрямикъ бѣгутъ къ великому Дону. Повсюду распространилась тревога, и въ полночь половецкія телѣги скрыпятъ по степи, какъ распуганное стадо лебедей. Бѣгутъ половцы, а русская дружина въ погоню за ними, разсыпалась стрѣлами по полю: ловитъ плѣнныхъ, беретъ награбленное золото, парчи, дорогія ткани; столько набрали добычи, что половецкими войлоками и шубами гатили болота, устилали топи.

Только ночь остановила преслѣдованіе. Русскіе расположились отдыхать на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно стояли половецкія кибитки. Три дни пировали русскіе, пировали и хвалились: „братья наши съ княземъ Святославомъ били половцовъ, озираясь на Переяславль, не смѣя идти въ землю половецкую; мы же сами зашли сюда, въ самую средину половецкой земли, поганыхъ перебили, женъ и дѣтей ихъ переловили; а теперь пойдемъ за Донъ, дойдемъ до самаго моря, куда не ходили ни отцы, ни дѣды наши; перебьемъ поганыхъ до одного, и до конца возьмемъ себѣ всю славу и честь!“

Такъ-то отдыхали посреди половецкихъ степей внуки храбраго Олега Черниговскаго, птенцы одного родимаго гнѣзда. Далеко, далеко залетѣло ты, храброе гнѣздо Олегово! Но.... не на обиду порождено оно ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, черный воронъ, поганый половчанинъ!

Ханъ половецкій, Гзакъ, рыщетъ по степи сѣрымъ волкомъ, сбирая отовсюду своихъ распуганныхъ половцевъ; ханъ половецкій, Кончакъ, правитъ ему путь къ великому Дону.

На третій день встаетъ надъ степью кровавая заря, подымаются съ моря черныя тучи, трепещутъ въ нихъ синія молніи: быть грому великому; идти дождю стрѣлами надъ Дономъ великимъ; много переломится копій, много иступится сабель о половецкіе шлемы—на рѣкѣ на Каялѣ, у великаго Дона.

Земля стонетъ, рѣки мутятся, пыль столбами стоитъ на степи: половцы

идутъ отъ Дона и отъ моря, оглашаютъ степь пронзительнымъ крикомъ; какъ черныя тучи облегли они русскихъ со всѣхъ сторонъ; со всѣхъ сторонъ стоятъ, какъ стѣны, половецкіе полки.

—„Чтожъ, братцы! мы сами этого искали, сами подняли на себя всю половецкую землю!“ сказалъ Игорь, вынимая изъ ноженъ свой широкій мечъ; „если побѣжимъ, то простыхъ людей оставимъ и будетъ на насъ тяжелый грѣхъ; умремъ ли, будемъ живы, — но вмѣстѣ.“

И началась кровая сѣча.

Буй-Туръ Всеволодъ со своими курянами — впереди всѣхъ: онъ прыщетъ на половцевъ стрѣлами, гремитъ о ихъ шлемы стальными мечами; куда только Буй-Туръ ни кинется, своимъ золотымъ шлемомъ посвѣчивая, тамъ валятся половецкія головы, разлетаются въ щепы крѣпкіе аварскіе шлемы. Чего побоится Буй-Туръ, когда онъ все забылъ для славы: и родимый городъ — Черниговъ, и золотой престолъ своего отца, и свою милую жену, красавицу Глѣбовну?

Тяжело въ руку раненъ Игорь, но держится онъ еще на конѣ и ободряетъ воиновъ.

Съ утра до вечера и съ вечера до утра летятъ каленыя стрѣлы, гремятъ сабли о шлемы, трещатъ стальныя копья посреди необозримой глухой степи половецкой. Почернѣла зеленая степь подъ копытами лошадей; усѣяна она трупами, полита кровью; тяжелая печаль взойдетъ на ней для всей Русской земли!

Русскіе изнемогаютъ отъ усталости и жажды: половцы не пускаютъ ихъ зачерпнуть воды изъ рѣки Каялы. Пробились русскіе къ водѣ, но дорого это имъ стало: половцы прижали ихъ со всѣхъ сторонъ къ самому берегу. Много уже пало добрыхъ витязей; но бьются еще русскіе, живъ еще Игорь, буйнымъ туромъ носится еще Всеволодъ.

Бились день, бились другой — на третій день къ полудню пали стяги Игоревы! Игорь въ плѣну, Игоря везутъ поганые половцы, пересаживаютъ изъ княжескаго сѣдла въ поганое сѣдло половецкое. Но князь забылъ все и смотритъ только на любимаго брата Всеволода. Всеволодъ еще бьется; но уже окружили его половцы со всѣхъ сторонъ: и сталъ Игорь просить у Бога смерти, чтобы только не видать гибели брата. Но Всеволода также схватили половцы и потащили въ степь; схватили и молодаго сына Игорева; разлучились братья на долго, на берегу быстрой рѣки Каялы. Дружина же вся полегла головами: не осталось даже, кому принести печальную вѣсть на родину.

Такъ-то кончился этотъ пиръ! Не достало у васъ кроваваго вина, храбрые русскіе воины: сватовъ напоили вы до-сыта, и сами легли головами за русскую землю. Степная трава никнетъ отъ жалости, и тяжелая скорбь гнетъ дерево къ землѣ.

Влекутъ Игоря въ плѣнъ, а онъ горько вспоминаетъ, что по дѣломъ

наказалъ его Господь: вспоминаетъ, какъ, взявши на щитъ Переяславль, не пощадилъ онъ жителей и пролилъ кровь христіанскую.

Не случилось бы такой бѣды, если бы князья, позабывъ ссоры, не завидуя одинъ другому, пошли на половцевъ дружно;—если бы Игорь далъ знать о своемъ походѣ Святославу Кіевскому, а не ушелъ въ степь тайкомъ отъ него. Сгубила Игоря и его дружину молодецкая удаль. Святославъ Кіевскій уже собиралъ въ это время войска на половцевъ и, проходя мимо Новгородсѣверска, только тутъ узналъ, что Игорь съ братьями и дружиной уже ушли въ степь. Разгнѣвался сѣдой Святославъ на Игоря; но когда услыхалъ въ Черниговѣ о печальной Игоревой участи, то горько заплакалъ и, мѣшая со слезами золотыя слова, сказалъ: „какъ прежде сердитъ былъ я на Игоря, такъ теперь жаль мнѣ его стало. Любезные мои братья и дѣти, князья и дружина! не сдержали вы своей молодости, своей молодецкой удали; не дали вы мнѣ притомить поганыхъ; широко вы имъ раскрыли ворота въ Русскую землю.“

Быстро разнеслась печальная вѣсть: въ Кіевѣ — стонъ, въ Черниговѣ—скорбь; лютая тоска разлилась по всей Русской землѣ! А половцы не дремлютъ: Кончакъ уже грабитъ подъ Переяславлемъ, а Гзакъ подъ Путивлемъ, уводя въ полонъ русскихъ женъ и дочерей, отгоняя въ степь богатыя стада, зажигая пожары повсюду; а князья наши и тутъ еще ссорились и считались между собою. Услышавъ однако, что Святославъ съ своею дружиною уже плыветъ на лодкахъ по Днѣпру, половцы отхлынули въ степь, какъ морскія волны, унося съ собою много всякаго добра и оставляя по себѣ развалины, трупы, плачъ и стонъ.

Но кто же вступится за Игоря; кто отомститъ половцамъ за его раны? кто вырветъ его изъ постыднаго половецкаго плѣна? Что бы вступиться за Русскую землю хотя великому князю Владимірскому, Всеволоду? Но далеко онъ на сѣверѣ мутитъ синюю Волгу своими лодками! Что бы вступиться хотя смѣлымъ Рязанскимъ князьямъ? Развѣ ихъ золотые шлемы не забрызганы вражеской кровью? Что бы вступиться за Русь, хотя Ярославу Галицкому? Не онъ ли славится повсюду своимъ великимъ умомъ? Не онъ ли сидитъ высоко на златокованномъ престолѣ, подперъ горы Карпатскія своими желѣзными полками, заступилъ путь венгерскому королю, затворилъ ворота къ Дунаю и далеко—далеко по всѣмъ землямъ разсылаетъ свои стрѣлы, нагоняя страхъ на враговъ? Что бы ему послать хоть одну стрѣлу къ Кончаку, поганому Кащею, за землю Русскую, за раны Игоревы, удалаго Святославича? Но всѣ, всѣ забыли Игоря и дѣлятъ уже его города и села!

Не забыла удалаго Игоря одна только милая жена, прекрасная Ярославна: всякое утро выходитъ она на городскую стѣну въ Путивлѣ; все смотритъ въ далекое поле, не ѣдетъ ли ея милый, смотритъ, горько плачетъ и воркуетъ какъ горлица:

„Полечу я голубкою по степи; омочу мой бобровый рукавъ въ Каялѣ-рѣкѣ, утру князю его кровавыя раны.“

Рано, рано по утрамъ плачетъ Ярославна на путивльской стѣнѣ, плачетъ и приговариваетъ:

„О вѣтеръ, вѣтрило! зачѣмъ господинъ мой, ты такъ сильно вѣешь; зачѣмъ навѣваешь твоими легкими крыльями ханскія стрѣлы на дружину моего милаго? Развѣ мало тебѣ вѣять въ горахъ подъ облаками, лелѣять паруса кораблей на синемъ морѣ? Зачѣмъ же ты, вѣтеръ, разносишь мою радость вмѣстѣ съ ковылемъ по степи?“

Плачетъ рано Ярославна по утрамъ на путивльской стѣнѣ, плачетъ, приговаривая:

„О, Днѣпръ, Днѣпръ, рѣка славная! ты пробилъ каменныя горы, ворвался въ землю половецкую, ты не разъ носилъ на себѣ княжескія лодки къ полкамъ половецкимъ; принеси же ко мнѣ лелѣючи моего милаго.“

Плачетъ Ярославна на городской стѣнѣ въ Путивлѣ, плачетъ приговариваетъ:

„О свѣтлое, пресвѣтлое солнышко! для всѣхъ-то ты тепло и красно: зачѣмъ же ты, солнышко, мечешь свои жгучіе лучи на дружину моего милаго: въ безводной степи и такъ изсохли ихъ луки, разсыпались колчаны!“

Тяжело Игорю въ половецкомъ плѣну,—тяжело, хотя и самые половцы, устыдясь его удальства, держатъ его въ чести: приставили къ нему крѣпкую стражу; но позволяютъ тѣшиться княжеской забавой, соколиной охотой. Въ чести держатъ половцы и сына Игорева, молодаго князя Владиміра; сильно онъ приглянулся степной красавицѣ, дочери хана половецкаго, Кончака; полюбилъ его за удальство и самъ старый ханъ.

Но не тѣшитъ Игоря соколиная охота: скучно орлу и въ золотой клѣткѣ; гложетъ Игоря тоска о святой Руси; смотритъ онъ угрюмо въ пустую, безграничную степь, гдѣ уже осенній вѣтеръ катитъ серебристые, легкіе клубы ковыля; думаетъ князь крѣпкую думу, забываетъ онъ соколиную охоту: хочется ему на святую Русь.

Не сжалились люди—сжалился Богъ надъ Игоремъ. Нашелся между половцами одинъ добрый человѣкъ; предлагаетъ онъ князю бѣжать съ нимъ въ Русскую землю. Мать у Авлуря была русская, и ему давно хотѣлось убѣжать къ русскимъ: бросить поганое племя и поганую вѣру. Задумался князь на слова половчанина: стыдно показалось Игорю бѣжать тайкомъ отъ поганыхъ половцевъ. Но вѣрный конюшій, бывшій съ княземъ въ плѣну, говоритъ ему:

—„Бѣги, князь, если Богъ кажетъ тебѣ путь на Русскую землю; высокія мысли твои Богу не угодны; слышно, что половцы хотятъ перебить всѣхъ васъ русскихъ князей и истребить всю землю Русскую: не будетъ тебѣ тогда ни славы, ни жизни.“

И вотъ Игорь рѣшился бѣжать, а Авлурь взялся приготовить ему коня за рѣкою. Стало темнѣть; половцы перепились кумыса и заснули по своимъ кибиткамъ. Притворяется спящимъ и князь Игорь; но онъ не спитъ, а мысленно мѣряетъ поле отъ великаго Дона до малаго Донца.

Раздался свистъ за рѣкою: Авлурь даетъ знать князю, что быстрый конь уже ждетъ его.

Тихо поднялся Игорь со своей постели, поклонился Спасову образу и Кресту честному; горячо помолился онъ, хотя и коротка была его молитва: „Господи сердцевѣдче! спаси меня недостойнаго!“ сказалъ Игорь и надѣлъ на себя крестъ и икону, родительское благословеніе; поднялъ тихо полу кибитки, вышелъ: горностаемъ проскользнулъ въ тростникѣ, бѣлымъ гоголемъ проплылъ по водѣ — и кинулся на борзаго коня. Соколомъ летитъ князь по степи, прикрываемый ночною тьмою; сѣрымъ волкомъ спѣшитъ за нимъ Авруль, отрясая съ себя холодную ночную росу, загоняя на смерть легкаго коня; спѣшатъ они оба къ берегамъ Донца.

Проснулись поутру половцы, а князя уже и слѣдъ простылъ! Застрекотали поганые, какъ сороки, кинулись Гзакъ и Кончакъ въ погоню; но не могли найти, не могли догнать удалаго князя. Бѣглецы ѣхали быстро, пока несли ихъ добрые кони; но когда кони пали — пошли пѣшкомъ: днемъ — прямо по степи, а ночью — въ глубокихъ степныхъ оврагахъ. Часто приходилось имъ ползти ползкомъ въ травѣ, или красться по дну глубокаго оврага, угадывая путь только по птичьему крику, слушая, какъ раздавались надъ ними вверху пѣсни свободныхъ пташекъ.

Воротились ханы домой съ неудачной погони, воротились сердитые, злые, и Гзакъ говоритъ Кончаку:

„Если соколъ улетаетъ изъ гнѣзда, то соколенка должно разстрѣлять стрѣлами.“

Но старому Кончаку стало жаль молодаго Игорева сына, и сказалъ онъ злому Гзаку:

— Если соколъ улетѣлъ изъ гнѣзда, то мы опутаемъ соколенка красною дѣвицею.

— „Если опутаемъ соколенка красною дѣвицею,“ отвѣчаетъ Гзакъ: „то не будетъ у насъ ни соколенка, ни красной дѣвицы; а начнутъ насъ самихъ клевать хищныя птицы посреди нашихъ же степей половецкихъ.“

На одинадцатый день добрался Игорь до города Донца, а оттуда проѣхалъ въ Новгородсѣверскъ. Тяжело головѣ быть безъ тѣла; тяжело тѣлу быть безъ головы: тяжело было Новгородсѣверску безъ князя Игоря. Но недолго праздновалъ Игорь съ милой женой и друзьями: вспомнилъ онъ свою молитву и поѣхалъ въ Кіевъ къ Святой Богородицѣ Пирогощей: молился усердно, а потомъ просилъ своихъ братьевъ, князей, помочь ему отомстить поганымъ половцамъ.

Сынъ Игоря женился на красавицѣ, дочери стараго хана Кончака, и черезъ нѣсколько времени воротился на родину, вмѣстѣ съ дядею своимъ, Буй-Туръ Всеволодомъ.

БИТВА СЪ ТАТАРАМИ НА РѢКѢ КАЛКѢ.

(1224 годъ).

Разнесся слухъ въ Русской землѣ, что пришелъ изъ Азіи какой-то невѣдомый народъ и сильно бьетъ половцевъ. Одни говорили, что это татары, другіе называли ихъ таурменами, третьи печенѣгами; но никто не зналъ навѣрное, что это за люди, откуда вышли, какого они племени, что у нихъ за языкъ, что за вѣра. Слышно было только, что они покорили уже много народовъ и много странъ. Скоро прибѣжали половцы къ границамъ русскимъ, Днѣпру и валу Половецкому, прибѣжали уже не грабить, но съ просьбою о помощи. Князья ихъ съ ужасомъ говорили о новыхъ пришельцахъ, разсказывали, какъ татары убили ихъ старшаго хана, сына Кончакова, Юрія, перебили множество половцевъ, загнавъ ихъ на берегъ Азовскаго моря; покорили уже семь сильныхъ народовъ. Ханъ половецкій Котянъ, тесть галицкаго князя Мстислава Удалаго, щедро дарилъ русскихъ князей, прося у нихъ подмоги противъ татаръ: „помогите намъ,“ говорилъ онъ русскимъ князьямъ: „если же не поможете, то сегодня они побили насъ, а завтра побьютъ васъ.“

Русскіе князья съѣхались на совѣщаніе въ Кіевъ. Тутъ были три старѣйшіе князя, три Мстислава: Мстиславъ галицкій, прозванный удалымъ за свое мужество въ битвахъ; Мстиславъ кіевскій, князь добрый, но слабый; Мстиславъ черниговскій. Много здѣсь было и молодыхъ князей: Даніилъ Романовичъ волынскій, 18-лѣтній князь, сильный, смѣлый и прекрасный собою, у котораго, по словамъ лѣтописца, отъ головы до ногъ не было порока; Всеволодъ, сынъ кіевскаго князя; Михаилъ, племянникъ князя черниговскаго, и много другихъ князей. Мстиславъ галицкій сильно настаивалъ на томъ, чтобы помочь половцамъ: „если но поможемъ имъ,“ говорилъ онъ: „то они пристанутъ къ татарамъ, и тогда намъ будетъ еще труднѣе бороться съ ними.“ Долго совѣщались князья и наконецъ рѣшили на томъ, что лучше имъ встрѣтить татаръ въ половецкой землѣ, чѣмъ въ своей; оповѣстили другихъ князей, оповѣстили великаго князя владимірскаго; назначили всѣмъ войскамъ сойтись на Днѣпрѣ у Варяжскаго острова и выступили изъ Кіева. Тутъ пришли къ нимъ десять пословъ татарскихъ, и сказали: „слышали мы, что вы, послушавши поганыхъ половцевъ, нашихъ холопей и конюховъ, идете на насъ; но мы земли вашей не трогали, ни селъ, ни городовъ вашихъ не занимали. Половцы дѣлали вамъ много вреда: бейте же ихъ оттуда, какъ мы бьемъ отсюда, и добро ихъ берите себѣ.“ Но русскіе князья велѣли перебить татарскихъ пословъ, думая, что татары обма-

нываютъ ихъ, какъ обманули прежде половцевъ, которыхъ они сначала пригласили въ союзники, а потомъ стали бить.

Русскіе князья стояли уже на Днѣпрѣ, у Олешья, когда явились новые татарскіе послы: „вы послушали половцевъ," сказали они, „пословъ нашихъ перебили и идете противъ насъ: идите же, но помните, что мы васъ не трогали — и пусть Богъ разсудитъ." Этихъ пословъ князья отпустили.

Скоро на правомъ берегу Днѣпра, у Варяжскаго острова, собралось много бодраго русскаго войска: черниговцы, кіевляне, смольняне, волынцы, куряне, трубчане, путивльцы,—всѣ пришли со своими князьями. Галицкое войско, спустившись на лодкахъ по Днѣстру въ Черное море, вошло потомъ въ Днѣпръ и прибыло на сборное мѣсто. На Днѣпрѣ, у устья рѣчки Хортицы, собралось такое множество лодокъ, что по нимъ можно было перейти съ одного берега на другой, не замочивъ ногъ. Скоро наши сторожевые извѣстили, что вдали показались татары и желаютъ, вѣроятно, осмотрѣть русское войско. Даніилъ волынскій, а съ нимъ и другіе молодые князья кинулись на лошадей и поскакали впередъ, любопытствуя посмотрѣть, что такое за народъ татары. Татарскіе наѣздники, пустивъ нѣсколько стрѣлъ, скрылись въ степи, а русскіе молодые князья, воротившись назадъ, толковали о томъ, что видѣли. Одни говорили, что этотъ народъ пустой, еще хуже половцевъ; другіе замѣчали, что татары хорошо стрѣляютъ: „нѣтъ, это добрые воины," сказалъ опытный галицкій воевода Юрій.

„Нечего же здѣсь стоять," говорили молодые князья старымъ; „пойдемъ на нихъ." Старшіе согласились, и все русское войско двинулось въ половецкія степи. Скоро встрѣтили русскіе татарскихъ стрѣлковъ: ударили, прогнали и захватили при этомъ много скота.

На девятый день пришли русскіе къ берегамъ рѣки Калки, за которою стояли уже татары. Мстиславъ Удалой приказалъ половцамъ, Даніилу волынскому и другимъ войскамъ перейти за рѣку, и самъ пошелъ за ними. Осмотрѣвъ же татарскій станъ, немедленно началъ битву, не увѣдомивъ о своемъ рѣшеніи двухъ другихъ Мстиславовъ, съ которыми была у него ссора.

Даніилъ волынскій, сильный, смѣлый и пылкій, ворвался съ своею дружиною въ ряды татаръ и сгоряча не замѣчалъ даже, что тяжело раненъ въ грудь; Олегъ курскій съ своими курянами не отставалъ отъ Даніила; Мстиславъ Удалой готовился также кинуться въ битву. Но вдругъ половцы, послѣ первой же стычки съ татарами, обратили тылъ, и въ безпорядкѣ, съ крикомъ, бросились бѣжать отъ татаръ, топча и смѣшивая русскія войска; ворвались даже въ русскій станъ и все привели въ безпорядокъ. Измѣнники половцы дали побѣду татарамъ: Даніилъ, видя, что татары одолѣваютъ, оборотилъ коня, прискакалъ къ рѣкѣ, сталъ пить и тутъ только почувствовалъ, что раненъ въ грудь. Все побѣжало!

Мстиславъ кіевскій, стоя съ дружиною на каменистой горѣ, надъ рѣ

кою Калкою, видѣлъ бѣгство русскихъ и не тронулся съ мѣста. Онъ велѣлъ обгородить станъ свой тыномъ изъ кольевъ, и приготовился защищаться. Татары раздѣлились: одна часть ихъ облегла станъ Мстислава, а другая помчалась въ погоню за убѣжавшими къ Днѣпру русскими дружинами. Убійство было страшное: едва десятый человѣкъ изъ русскаго войска спасся; Мстиславъ черниговскій съ сыномъ были убиты; семдесятъ славныхъ богатырей погибли, а наши друзья, половцы, добивали раненыхъ и сдирали съ убитыхъ одежду. Мстиславъ Удалой, достигнувъ Днѣпра съ небольшою дружиною, кинулся въ лодки, переѣхалъ на другую сторону и велѣлъ лодки сжечь, чтобы татары не могли за нимъ гнаться.

Три дня отбивался Мстиславъ кіевскій отъ татаръ, и татары не могли взять укрѣпленнаго стана; наконецъ, татары прибѣгли къ хитрости и предложили Мстиславу отпустить его съ дружиною домой, если онъ дастъ выкупъ за себя и за дружину. Но едва только русскіе вышли изъ укрѣпленія, какъ татары бросились на нихъ, всѣхъ перебили, а трехъ князей, изловивъ, положили подъ доски и усѣлись на этихъ доскахъ, обѣдать.

Татары дошли до самаго Днѣпра, убивая всѣхъ кто попадался имъ на встрѣчу, зажигая села и города. Они могли бы зайти далеко: защищать предѣловъ было некому; но неожиданно повернули назадъ и скрылись въ свои степи такъ же быстро, какъ пришли. Племянникъ Юрія, великаго князя владимірскаго, Василько, велъ сѣверныя дружины на помощь южнымъ князьямъ; но, услыхавъ въ Черниговѣ о Калкской битвѣ, поворотилъ назадъ.

Никогда еще, говоритъ лѣтописецъ, не претерпѣвали русскіе такого пораженія: девять князей было убито, едва десятый человѣкъ изъ дружины воротился домой, пало семдесятъ славныхъ богатырей, однихъ кіевлянъ погибло до десяти тысячъ. Русскіе не знали, откуда налетѣла на нихъ эта грозная туча и куда она скрылась; но черезъ тринадцать лѣтъ татары снова появились въ Россіи, уже въ большей силѣ. Подъ начальствомъ знаменитаго Батыя прошли они почти всю Русскую землю изъ конца въ конецъ, и надолго подчинили ее своей власти.

ВЗЯТІЕ ВЛАДИМІРА ТАТАРАМИ И БИТВА НА СИТИ.

(1238-й годъ).

Татары явились подъ стѣнами Владиміра: народъ съ ужасомъ смотрѣлъ на ихъ многочисленность и быстрыя движенія. Всеволодъ, Мстиславъ и воевода Петръ Ослядюковичъ ободряли гражданъ. Чиновники Батыевы съ конным отрядомъ, подъѣхавъ къ златымъ вратамъ, спрашивали: гдѣ великій князь, въ столицѣ или въ отсутствіи? Владимірцы, вмѣсто отвѣта, пустили нѣсколько стрѣлъ; непріятели также. Пылая мужествомъ, Всеволодъ и Мстиславъ желали битвы. „Умремъ“ — говорили они дружинѣ, — „но

умремъ съ честію и въ полѣ.“ Опытный воевода Петръ удержалъ ихъ, надѣясь, что Георгій, собравъ войско, успѣетъ спасти отечество и столицу.

Февраля 5 владимірцы увидѣли, что непріятель готовитъ для приступа орудія стѣнобитныя и лѣстницы; а въ слѣдующую ночь огородилъ всю крѣпость тыномъ. Князья и бояре ожидали гибели: еще могли бы просить мира; но зная, что Батый милуетъ только рабовъ или данниковъ, и любя честь болѣе жизни, рѣшились умереть великодушно. Открылось зрѣлище достопамятное, незабвенное: Всеволодъ, супруга его, вельможи и многіе чиновники собрались въ храмѣ Богоматери, и требовали, чтобы епископъ Митрофанъ облекъ ихъ въ схиму или въ великій образъ ангельскій. Священный обрядъ совершился въ тишинѣ торжественной: знаменитые россіяне простились съ міромъ, съ жизнію; но стоя на прагѣ смерти, еще молили Небо о спасеніи Россіи, да не погибнетъ на вѣки ея любезное имя и слава! Февраля 7, въ воскресенье мясопустное, скоро по заутренѣ, начался приступъ: татары вломились въ Новый городъ у Златыхъ воротъ, Мѣдныхъ и Святыя Ирины, отъ рѣчки Лыбеди, также отъ Клязьмы у вратъ Волжскихъ. Всеволодъ и Мстиславъ съ дружиною бѣжали въ Старый или такъ называемый Печерный городъ; а супруга Георгіева, Агаѳія, дочь его, снохи, внучата, множество бояръ и народа затворились въ соборной церкви. Непріятель зажегъ оную: тогда епископъ, сказавъ громогласно: „Господи! простри невидимую руку Свою и пріими въ мирѣ души рабовъ Твоихъ,“ благословилъ всѣхъ людей на смерть неизбѣжную. Одни задыхались отъ дыма; иные погибали въ пламени или отъ мечей непріятеля; ибо татары отбили наконецъ двери и ворвались въ святый храмъ, слышавъ о великихъ его сокровищахъ. Серебро, золото, драгоцѣнные каменья, всѣ украшенія иконъ и книгъ, вмѣстѣ съ древними одеждами княжескими, хранимыми въ сей и въ другихъ церквахъ, сдѣлались добычею иноплеменниковъ, которые, плавая въ крови жителей, не многихъ брали въ плѣнъ, и сіи немногіе, будучи нагіе влекомы въ станъ непріятельскій, умирали отъ жестокаго мороза. Князья Всеволодъ и Мстиславъ, не видя уже никакой возможности отразить непріятелей, хотѣли пробиться сквозь ихъ толпы и положили свои головы внѣ города.

Завоевавъ Владиміръ, татары раздѣлились: одни пошли къ волжскому Городцу и костромскому Галичу, другіе къ Ростову и Ярославлю, уже нигдѣ не встрѣчая важнаго сопротивленія. Въ февралѣ мѣсяцѣ они взяли, кромѣ слободъ и погостовъ, четырнадцать городовъ великаго княженія — Переславль, Юрьевъ, Дмитровъ, — то есть, опустошили ихъ, убивая или плѣняя жителей. Еще Георгій стоялъ на Сити: узнавъ о погибели своего народа и семейства, супруги и дѣтей, онъ проливалъ горькія слезы и, будучи усерднымъ христіаниномъ, молилъ Бога даровать ему терпѣніе Іова. Чрезвычайныя бѣдствія возвеличиваютъ душу благородную: Георгій изъявилъ достохвальную твердость въ несчастіи; забылъ свою печаль, когда надле-

жало дѣйствовать; поручилъ воеводство дружины боярину Ярославу Михалковичу, и готовился къ рѣшительной битвѣ. Передовой отрядъ его, составленный изъ 3,000 воиновъ подъ начальствомъ Дорожа, возвратился съ извѣстіемъ, что полки Батыевы уже обходятъ ихъ. Георгій, братъ его Святославъ и племянники сѣли на коней, устроили войско и встрѣтили непріятеля. Россіяне бились мужественно и долго; наконецъ обратили тылъ. Георгій палъ на берегу Сити. Князь Василько остался плѣнникомъ въ рукахъ побѣдителя.

Сей достойный сынъ Константиновъ гнушался постыдною жизнію невольника. Изнуренный подвигами жестокой битвы, скорбію и голодомъ, онъ не хотѣлъ принять пищи отъ руки враговъ. „Будь нашимъ другомъ и воюй подъ знаменами великаго Батыя!“ говорили ему татары. „Лютые кровопійцы, враги моего отечества и Христа не могутъ быть мнѣ друзьями,“ отвѣтствовалъ Василько: „о темное царство! есть Богъ, и ты погибнешь, когда исполнится мѣра твоихъ злодѣяній.“ Варвары извлекли мечи и скрежетали зубами отъ ярости: великодушный князь молилъ Бога о спасеніи Россіи, Церкви православной и двухъ юныхъ сыновей его, Бориса и Глѣба. Татары умертвили Василька и бросили въ Шеренскомъ лѣсу. Между тѣмъ ростовскій епископъ Кирилъ, возвращаясь изъ Бѣла-озера, и желая видѣть мѣсто несчастной для россіянъ битвы на берегахъ Сити, въ кучѣ мертвыхъ тѣлъ искалъ Георгіева. Онъ узналъ его по княжескому одѣянію; но туловище лежало безъ головы. Кирилъ взялъ съ благоговѣніемъ сіи печальные останки знаменитаго князя, и положилъ въ ростовскомъ храмѣ Богоматери.

Н. М. Карамзинъ.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА.

(1380-й годъ).

6 Сентября войско наше приблизилось къ Дону, и князья разсуждали съ боярами, тамъ ли ожидать монголовъ, или идти далѣе? Мысли были несогласны. Ольгердовичи, князья литовскіе, говорили, что надобно оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка и Александръ Невскій шведовъ. Еще и другое, важнѣйшее обстоятельство было опорою сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ. Великій Князь рѣшился—и, къ одобренію своему, получилъ отъ св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣтились съ татарскими, и гнали ихъ. Димитрій собралъ воеводъ, и, сказавъ имъ: „часъ суда Божія наступаетъ,“ 6 сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго брода для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густой туманъ, но скоро разсѣ-

ялся; войско перешло за Донъ, и стало на берегахъ Непрядвы. Димитрій, стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, слыша всеобщія громогласныя восклицанія: „Боже! даруй побѣду государю нашему!“ и вообразивъ, что многія тысячи сихъ бодрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, — Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна, и простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на *черномъ знамени* великокняжескомъ, помолился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію; сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами *и милыми братьями*, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцомъ мученическимъ за гробомъ.

Войско тронулось, и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ друга, и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила татаръ еще превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностію служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку: усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. „Долгъ князя,“ — говорили они — „смотрѣть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть; а ты, государь любимый, живи и передай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды.“ Но Димитрій отвѣтствовалъ: „Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: *братья! умремъ за отечество?* Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ.“ Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію: громогласно читая псаломъ: *Богъ намъ прибѣжище и сила*, первый ударилъ на враговъ и бился мужественно, какъ рядовой воинъ; наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общею.

На пространствѣ десяти верстъ лилась кровь христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшались: индѣ россіяне тѣснили монголовъ, индѣ монголы россіянъ: съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ нѣкоторые московскіе неопытные юноши — думая, что все погибло — обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ большимъ или княжескимъ знаменамъ, и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы, и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Димитріемъ волынскимъ. Насталъ девятый часъ дня, — сей Димитрій, съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая всѣ движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечъ и сказалъ Владиміру: „теперь наше время.“ Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его

отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на монголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги, изумленные, разсѣянные, не могли противиться новому строю войска свѣжаго, бодраго, и Мамай, съ высокаго кургана смотря на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: „великъ Богъ христіанскій!“ и бѣжалъ вслѣдъ за другими. Полки россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телѣгъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣнностями.

Мужественный князь Владиміръ, герой сего незабвеннаго для Россіи дня, довершивъ побѣду, сталъ *на костяхъ* или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему князья и полководцы, но Дмитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: „гдѣ братъ мой и *первоначальникъ* нашей славы?“ Никто не могъ дать о немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ, воеводы разсѣялись искать его, живаго или мертваго; долго не находили: наконецъ два воина увидѣли великаго князя, лежащаго подъ срубленымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ; но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: „государь! ты *побѣдилъ* враговъ!“ Дмитрій всталъ: видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и знамена христіанскія надъ трупами монголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность Небу; обнялъ Владиміра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ, и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа, и не чувствуя изнуренія силъ. Шлемы и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровію невѣрныхъ: Богъ чудеснымъ бразомъ спасъ сего князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкостію подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрій, препровождаемый князьми и боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество россіянъ, но вчетверо болѣе непріятелей, такъ, что, по сказанію нѣкоторыхъ историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до двухъ сотъ тысячъ.

Н. М. Карамзинъ.

ІОАННЪ III.

(Отъ 1462 — 1505).

Куликовская битва показала русскимъ, что татаръ можно побѣждать, но не сбросила съ Россіи татарскаго ига. Тохтамышъ, новый татарскій ханъ, заступившій мѣсто Мамая, уже при Дмитріѣ Донскомъ ворвался въ Россію, разграбилъ и сжегъ Москву. При Василіѣ I-мъ, сынѣ и наслѣдникѣ Дмитрія Донскаго, новый страшный завоеватель, Тамерланъ или Тимуръ, вышелъ изъ степей средней Азіи, преслѣдуя Тохтамыша, также ворвался

въ Россію; но, къ счастію, отъ Ельца неожиданно поворотилъ назадъ. За Тамерланомъ мурза Едигей показалъ русскимъ, что татары еще сильны. При Василіѣ II-мъ *Темномъ*, сынѣ и наслѣдникѣ Василія I-го, произошли большіе раздоры въ Золотой Ордѣ: такъ называлось татарское царство, столицею котораго былъ Серай, основанный татарами при устьяхъ Волги. Отъ Золотой Орды отдѣлились два большія владѣнія: царство *Казанское* и ханство *Крымское*. Казань и Крымъ дѣлали много зла Россіи, пока не были окончательно покорены ею. Былъ еще въ это время у юнаго Московскаго государства другой сильный врагъ—Литва, подчинившая себѣ на долго Кіевъ и всю югозападную Русь; былъ еще и буйный Великій Новгородъ, нехотѣвшій признать надъ собою власти московскихъ князей; были еще и удѣлы, мѣшавшіе русскимъ сосредоточить свои силы для отпора внѣшнихъ враговъ. При Василіѣ II-мъ Темномъ, кровавыя удѣльныя усобицы еще разъ напомнили Россіи времена ослѣпленія Василька. Между Василіемъ II и его дядею Юріемъ, сыномъ Дмитрія Донскаго, завязалась распря о томъ, кому изъ нихъ сидѣть въ Москвѣ и быть великимъ княземъ. Эти семейные раздоры продолжались и при дѣтяхъ Юрія: Василіѣ Косомъ и Дмитріѣ Шемякѣ. Василій II-й ослѣпилъ своего двоюроднаго брата, Василія Косаго; но во время своей поѣздки въ Троицко-Сергіевскую Лавру попался въ руки Дмитрія Шемяки и былъ ослѣпленъ въ свою очередь, отчего и получилъ прозваніе *Темнаго*.

Въ такихъ обстоятельствахъ нуженъ былъ нашему отечеству государь осторожный, но твердый, который бы, не подвергаясь случайностямъ войны, сколь возможно щадя кровь и силы народа, умѣлъ сосредоточить въ рукахъ своихъ всѣ силы Россіи: таковъ былъ Іоаннъ III-й, сынъ и наслѣдникъ Василія II-го *Темнаго*. Въ продолженіе своего 43-хъ-лѣтняго царствованія, онъ окончательно присоединилъ къ Москвѣ Великій Новгородъ, уничтоживъ въ немъ вѣче и народное правленіе; присоединилъ Тверское великое княженіе, еще нѣсколько малыхъ удѣловъ, и сдѣлался самодержавнымъ государемъ всей тогдашней Россіи.

Іоаннъ III-й былъ, конечно, несравненно сильнѣе всѣхъ предшествовавшихъ ему московскихъ государей; однако, по крайней осторожности своей, не вступалъ въ открытую борьбу съ Ордою и продолжалъ платить ей унизительную дань; но между тѣмъ старался искустно воспользоваться раздѣленіемъ ея на части и ненавистью однихъ татарскихъ хановъ къ другимъ. Онъ подружился съ сильнымъ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ и, только увѣрившись въ его помощи, отказался платить обычную дань сарайскому хану, Ахмату, и выгналъ его пословъ изъ Москвы. Ахматъ спѣшилъ мстить Іоанну и смирить своего возмутившагося данника: собралъ значительное войско и пошелъ къ Москвѣ. На берегахъ Угры встрѣтилъ его Іоаннъ; но, не смотря на многочисленное и хорошо устроенное свое войско, не смотря

на убѣжденія духовенства, не рѣшился вступить въ битву съ татарами, которые также медлили. И хорошо сдѣлалъ Іоаннъ; потому что Ахматъ самъ поворотилъ назадъ, узнавъ, что Менгли-Гирей, соединившись съ отрядомъ москвичей, грабитъ и раззоряетъ столицу, Серай, оставленную безъ всякой защиты.

Такимъ образомъ, 1480 годъ мы можемъ считать годомъ, въ который окончилось татарское иго, тяготѣвшее надъ Россіею болѣе двухъ столѣтій. Болѣе 200 лѣтъ продолжалось это тяжелое иго, и въ то время, когда другія европейскія государства устроивались, образовывались, дѣлали быстрые успѣхи въ просвѣщеніи, мы — боролись съ татарами. Сообразивъ это, мы не будемъ удивляться, что тогдашняя Россія отстала далеко въ образованіи отъ другихъ европейскихъ государствъ и что иностранные послы, пріѣзжая въ Москву, удивлялись нашимъ татарскимъ обычаямъ, грубости нашихъ нравовъ и нашему невѣжеству.

Но, съ уничтоженіемъ татарскаго ига, не все еще кончилось: Россіи предстояло сломить Казань, покорить Астрахань, усмирить крымцевъ, вынести тяжелые годы междуцарствія, поставить предѣлы распространенію на востокъ Литвы и Польши, отбиться отъ ливонцевъ и шведовъ, проникавшихъ въ Россію съ сѣверо-запада, завоевать хотя одинъ портъ на Балтійскомъ или Черномъ морѣ, чтобы имѣть возможность войти въ непосредственныя сношенія съ образованными государствами Европы, — и тогда только думать о внутреннихъ преобразованіяхъ. Для этого нужно было еще два съ половиною столѣтія и цѣлый рядъ кровавыхъ войнъ!

ВЗЯТІЕ КАЗАНИ.

(Въ 1552 г.)

Заря освѣтила небо, ясное, чистое. Казанцы стояли на стѣнахъ; россіяне предъ ними, подъ защитою укрѣпленій, подъ сѣнію знаменъ, въ тишинѣ, неподвижно; звучали только бубны и трубы, непріятельскія и наши; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Наблюдали другъ друга; все было въ ожиданіи. Станъ опустѣлъ; въ его безмолвіи слышалось пѣніе іереевъ, которые служили обѣдню. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ Евангеліе, и едва произнесъ слова: *да будетъ едино стадо и единъ пастырь!* грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслась.... Государь вышелъ на паперть: увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслися вверхъ въ облакахъ дыма и пали на городъ. Священное служеніе прервалося въ церкви, Іоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослушать литургію. Когда діаконъ предъ дверями царскими громогласно молился, да утвердитъ Всевышній державу Іоанна, да повергнетъ всякаго врага и су-

постата къ ногамъ его, раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго—и тогда, воскликнувъ: *съ нами Богъ!* полки россійскіе быстро двинулись къ крѣпости, а казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: *Алла! Алла!* призывали Магомета и ждали нашихъ, не стрѣляя ни изъ луковъ, ни изъ пищалей; мѣряли глазами разстояніе, и вдругъ дали ужасный залпъ; пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ.... Но россіяне, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ; уже не береглися, не прятались за щиты: стояли открыто на стѣнахъ и помостахъ, презирая сильный огонь нашихъ бойницъ и стрѣлковъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибильно для россіянъ. Число ихъ уменьшилось; многіе пали мертвые или раненые, или отъ страха. Но смѣлые геройскимъ забвеніемъ смерти ободрили и спасли боязливыхъ: одни кинулись въ проломъ; иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ; несли другъ друга на головахъ, на плечахъ; бились съ непріятелемъ въ отверстіяхъ... И въ ту минуту, какъ Іоаннъ, отслушавъ всю литургію, причастясь Святыхъ Таинъ, взявъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена христіанскія уже развѣвались на крѣпости! Войско запасное однимъ кликомъ привѣтствовало государя и побѣду.

Н. М. Карамзинъ.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ ПРО ПОКОРЕНІЕ КАЗАНИ.

Вы, молодые ребята, послушайте, что мы, стары старики, будемъ сказывати про грознаго царя Ивана Васильевича, какъ онъ нашъ государь-царь подъ Казань городъ ходилъ, подъ Казанку подъ рѣку подкопы подводилъ, за Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ, а пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ.

А татаре по городу похаживаютъ, и всяко грубіянство оказываютъ; они грозному царю насмѣхаются: а и не быть нашей Казани за бѣлымъ за царемъ!

Ахъ, какъ тутъ нашъ государь разгнѣвался, что подрывъ такъ долго медлится; приказалъ онъ за то пушкарей казнить, подкопщиковъ и зажигальщиковъ, какъ всѣ тутъ пушкари призадумалися, а одинъ пушкарь поотважился: „прикажи, государь-царь слово выговорить!“ Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить, тогда лишь догорѣли зажигательныя свѣчи, и вдругъ разрывало бочки съ порохомъ, какъ стѣны бросало за Сулай, за рѣку. Всѣ татаре тутъ, братцы, устрашилися, они бѣлому царю покорилися.

ВЕЛИКОДУШІЕ СВ. ФИЛИППА.

(1568 г.).

Однажды, въ день воскресный, въ часъ обѣдни, Іоаннъ, препровождаемый нѣкоторыми боярами и множествомъ опричниковъ, входитъ въ соборную церковь Успѣнія: царь и вся дружина его были въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ: Іоаннъ приблизился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ бояре сказали: „Святый Владыко! се государь: благослови его!“ Тутъ, взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: „Въ семъ видѣ, въ семъ одѣяніи стран„номъ не узнаю царя православнаго; не узнаю и въ дѣлахъ царства.... „О государь! мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за олтаремъ льется не„винная кровь христіанская. Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ, не видано, не „слыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь „ужасно! Въ самыхъ невѣрныхъ, языческихъ царствахъ есть законъ и „правда, есть милосердіе къ людямъ, а въ Россіи нѣтъ ихъ! Достояніе и „жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства — „и совершаются именемъ царскимъ! Ты высокъ на тронѣ; но есть Всевыш„ній, судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ Его, обагренный кро„вію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки? ибо самые камни подъ но„гами твоими вопіютъ о мести!.... Государь, вѣщаю, яко пастырь душъ. „Боюся Господа единаго!“ Іоаннъ затрепеталъ отъ гнѣва; ударилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: „Чернецъ! доселѣ я излишне щадилъ васъ, мятежниковъ: отнынѣ буду, каковымъ меня нарицаете!“ и вышелъ съ угрозою. На другой день были новыя казни. Въ числѣ знатныхъ погибъ князь Василій Пронскій. Всѣхъ главныхъ сановниковъ митрополитовыхъ взяли подъ стражу, терзали, допрашивали о тайныхъ замыслахъ Филипповыхъ, и ничего не свѣдали.

Изобрѣли доносы, улики, представили Іоанну, и велѣли митрополиту явиться на судъ. Царь, святители, бояре сидѣли въ молчаніи; игуменъ Паисій стоялъ и клеветалъ на святаго мужа съ неслыханною дерзостію. Вмѣсто оправданія безполезнаго, митрополитъ тихо сказалъ Паисію, что злое сѣяніе не принесетъ ему плода вождѣленнаго, а царю: „Государь, ве„ликій князь! ты думаешь, что я боюся тебя или смерти: нѣтъ! достигнувъ „глубокой старости безпорочно, не знавъ въ пустынной жизни ни мятежныхъ „страстей, ни козней мірскихъ, желаю такъ и предать духъ свой Всевыш„нему, моему и твоему Господу. Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, „нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего „несчастнаго времени. Твори, что тебѣ угодно. Се жезлъ пастырскій; се „бѣлый клобукъ и мантія, коими ты хотѣлъ возвеличить меня. А вы, свя-

„тители, архимандриты, игумены и всѣ служители олтарей! пасите вѣрно „стадо Христово; готовьтеся дать отчетъ, и страшитеся Небеснаго Царя еще „болѣе, нежели земнаго.“ Онъ хотѣлъ удалиться: царь остановилъ его; сказалъ, что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судіею: принудилъ его взять назадъ утварь святительскую и еще служить обѣдню въ день архангела Михаила (8 ноября). Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ предъ олтаремъ въ храмѣ Успѣнія, явился тамъ бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооруженныхъ опричниковъ, держа въ рукѣ свитокъ. Народъ изумился. Басмановъ велѣлъ читать бумагу: услыхали, что Филиппъ соборомъ духовенства лишенъ сана пастырскаго. Воины вступили въ олтарь, сорвали съ митрополита одежду святительскую, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви *метлами* и повезли на дровняхъ въ обитель Богоявленія. Народъ бѣжалъ за митрополитомъ, проливая слезы: Филиппъ съ лицомъ свѣтлымъ, съ любовію благословлялъ людей, и говорилъ имъ: „молитеся!“ На другой день привели его въ судную палату, гдѣ былъ самъ Іоаннъ, для выслушанія приговора: Филиппу, будто бы уличенному въ тяжкихъ винахъ и въ волшебствѣ, надлежало кончить дни въ заключеніи. Тутъ онъ простился съ міромъ, великодушно, умилительно; не укорялъ судей, но въ послѣдній разъ молилъ Іоанна сжалиться надъ Россіею, не терзать подданныхъ, — вспомнить, какъ царствовали его предки, какъ онъ самъ царствовалъ въ юности, ко благу людей и собственному. Государь, не отвѣтствуя ни слова, движеніемъ руки предалъ Филиппа воинамъ. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ, въ узахъ, былъ перевезенъ въ обитель Св. Николая *Стараго*, на берегу Москвы рѣки; терпѣлъ голодъ и питался молитвою. Между тѣмъ Іоаннъ истреблялъ знатный родъ Колычевыхъ: прислалъ къ Филиппу отсѣченную голову его племянника, Ивана Борисовича, и велѣлъ сказать: „се твой любимый сродникъ: не помогли ему твои чары!“ Филиппъ всталъ, взялъ голову, благословилъ и возвратилъ принесшему. Опасаясь любви гражданъ московскихъ ко сверженному митрополиту — слыша, что они съ утра до вечера толпятся вокругъ обители Николаевской, смотрятъ на келію заключеннаго и разсказываютъ другъ другу о чудесахъ его святости,—царь велѣлъ отвезти страдальца въ Тверскій монастырь, называемый Отрочимъ, и немедленно избралъ новаго митрополита, троицкаго архимандрита, именемъ Кирилла, къ досадѣ Пимена, имѣвшаго надежду заступить мѣсто Филиппа. *Н. М. Карамзинъ.*

ПЕРВОЕ ИЗВѢСТІЕ О САМОЗВАНЦѢ.

(*Царскія палаты; царевичъ Ѳеодоръ чертитъ географическую карту; входитъ царь Борисъ*).

Царь.... А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

Ѳеодоръ: Чертежъ земли Московской, наше царство изъ края въ край.

Вотъ видишь: тутъ Москва, тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море; вотъ пермскіе дремучіе лѣса; а вотъ Сибирь.

Царь: А это что такое узоромъ здѣсь вiется?

Θеодоръ: Это Волга.

Царь: Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья! Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣть все царство вдругъ: границы, грады, рѣки. Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ намъ опыты быстротекущей жизни. Когда нибудь, и скоро, можетъ быть, всѣ области, которыя ты нынѣ изобразилъ такъ хитро на бумагѣ, всѣ подъ руку достанутся твою. Учись мой сынъ: и легче и яснѣе державный трудъ ты будешь постигать *(Входитъ Шуйскій. Борисъ обращается къ нему).* Мнѣ нужно, князь, съ тобою говорить. Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ: и выслушать хочу тебя сперва.

Шуйскій: Такъ, государь, мой долгъ тебѣ повѣдать вѣсть важную.

Царь: Я слушаю тебя.

Шуйскій (тихо, указывая на Θеодора): Но, государь.....

Царь: Царевичъ можетъ знать, что вѣдаетъ князь Шуйскій. Говори.

Шуйскій: Царь! изъ Литвы пришла къ намъ вѣсть....

Царь: Не та ли, что Пушкину привезъ вечоръ гонецъ?

Шуйскій (про себя): Все знаетъ онъ! *(вслухъ)* Я думалъ, государь, что ты еще не вѣдаешь сей тайны.

Царь: Нѣтъ нужды, князь; хочу сообразить извѣстія: иначе не узнаемъ мы истины.

Шуйскій: Я знаю только то, что въ Краковѣ явился самозванецъ, и что король и паны за него.

Царь: Чтожъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?

Шуйскій: Не вѣдаю.

Царь: Но чѣмъ опасенъ онъ?

Шуйскій: Конечно, царь, сильна твоя держава! Ты милостью, радѣньемъ и щедротой усыновилъ сердца своихъ рабовъ. Но знаешь самъ: безсмысленная чернь измѣнчива, мятежна, суевѣрна, легко пустой надеждѣ предана, мгновенному внушенію послушна, для истины глуха и равнодушна, и баснями питается она. Ей нравится безстыдная отвага; такъ если сей невѣдомый бродяга литовскую границу перейдетъ, къ нему толпу безумцевъ привлечетъ Димитрія воскреснувшее имя.

Царь: Дмитрія!... Какъ? этого младенца? Дмитрія!.. Царевичъ, удались!

Шуйскій (про себя): Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!...

Θеодоръ: Государь, дозволишь ли?

Царь: Нельзя, мой сынъ, поди *(Θеодоръ уходитъ).* Димитрія!...

Шуйскій (про себя): Онъ ничего не зналъ.

Царь: Послушай, князь: взять мѣры сей же часъ, чтобъ отъ Литвы

Россія оградилась заставами; чтобы ни одна душа не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай!*)

ЧУДО СВ. ДМИТРІЯ.

(Царскія палаты; царь Борисъ, патріархъ, бояре; патріархъ говоритъ Борису)

„Знай, государь, тому прошло шесть лѣтъ; въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь благословилъ на царскую державу—въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды простой пастухъ, уже маститый старецъ и чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну: „Въ младыхъ лѣтахъ," сказалъ онъ, „я ослѣпъ, и съ той поры не различалъ ни дня, ни ночи до старости: напрасно я лечился и зеліемъ, и тайнымъ нашептаньемъ; напрасно я ходилъ на поклоненье въ обители къ великимъ чудотворцамъ; напрасно я изъ кладязей святыхъ кропилъ водой цѣлебной темны очи — не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья. Вотъ наконецъ утратилъ я надежду, и къ тьмѣ своей привыкъ, и даже сны мнѣ видѣнныхъ вещей ужъ не являли, а снилися мнѣ только звуки. Разъ въ глубокомъ снѣ, я слышу дѣтскій голосъ мнѣ говоритъ: встань, дѣдушка, поди ты въ Угличъ-градъ, въ соборъ Преображенья; тамъ помолись ты надъ моей могилкой; Богъ милостивъ — и я тебя прощу. Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ. Царь небесный пріялъ меня въ ликъ ангеловъ своихъ, и я теперь великій чудотворецъ. Иди, старикъ. — Проснулся я и думалъ: что жъ? можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, Богъ мнѣ позднее даруетъ исцѣленье. Пойду — и въ путь отправился далекій. Вотъ Углича достигъ я, прихожу въ святой соборъ, и слушаю обѣдню, и разгорясь душой усердной, плачу такъ сладостно, какъ будто слѣпота изъ глазъ моихъ слезами вытекла. Когда народъ сталъ выходить, я внуку сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ царевича Димитрія. И мальчикъ повелъ меня— и только передъ гробомъ я тихую молитву сотворилъ, глаза мои прозрѣли; я увидѣлъ и Божій свѣтъ, и внука, и могилку." Вотъ, государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ *(Общее смущеніе. Въ продолженіе сей рѣчи Борисъ нѣсколько разъ отираетъ лице платкомъ).*"

„Я посылалъ тогда нарочно въ Угличъ, и свѣдано, что многіе страдальцы спасеніе подобно обрѣтали у гробовой царевича доски. Вотъ мой совѣтъ: во Кремль святыя мощи перенесть, поставить ихъ въ соборѣ Архангельскомъ; народъ увидитъ ясно тогда обманъ безбожнаго злодѣя, и мощь бѣсовъ исчезнетъ, яко прахъ."

А. Пушкинъ.

НАЧАЛО ОСАДЫ ТРОИЦКОЙ ЛАВРЫ.

(1608 г.)

Троицкая Лавра Св. Сергія (въ шестидесяти четырехъ верстахъ отъ

*) Отрывокъ изъ Бориса Годунова, гдѣ разсказывается убіеніе царевича Димитрія, помѣщенъ въ статьѣ: «Поѣздка по Волгѣ»

столицы), прельщая ляховъ своимъ богатствомъ, множествомъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, драгоцѣнныхъ каменьевъ, образовъ, крестовъ, была важна и въ воинскомъ смыслѣ, способствуя удобному сообщенію Москвы съ сѣверомъ и востокомъ Россіи: съ Новымъ-городомъ, Вологдою, Пермію, Сибирскою землею, съ областію Владимірскою, Нижегородскою и Казанскою, откуда шли на помощь къ царю дружины ратныя, везли казну и запасы. Основанная въ лѣсной пустынѣ, среди овраговъ и горъ, лавра еще въ царствованіе Іоанна IV была ограждена (на пространствѣ шестисотъ сорока двухъ саженей) каменными стѣнами (вышиною въ четыре, толщиною въ три сажени) съ башнями, острогомъ и глубокимъ рвомъ; предусмотрительный Василій успѣлъ занять ее дружинами дѣтей боярскихъ, казаковъ вѣрныхъ, стрѣльцовъ, и съ помощію усердныхъ иноковъ снабдить всѣмъ нужнымъ для сопротивленія долговременнаго. Сіи иноки—изъ коихъ многіе, бывъ мірянами, служили царямъ въ чинахъ воинскихъ и думныхъ—взяли на себя не только значительныя издержки и молитву, но и труды кровавые въ бѣдствіяхъ отечества; не только, сверхъ рясъ надѣвъ доспѣхи, ждали непріятеля подъ своими стѣнами, но и выходили вмѣстѣ съ воинами на дороги, чтобы истреблять его разъѣзды, ловить вѣстниковъ и лазутчиковъ, прикрывать обозы царскіе; дѣйствовали и невидимо въ станахъ вражескихъ, письменными увѣщаніями отнимая клевретовъ у самозванца, трогая совѣсть легкомысленныхъ, еще незакоснѣлыхъ, измѣнниковъ, и представляя имъ въ спасительное убѣжище лавру, гдѣ число добрыхъ подвижниковъ, одушевленныхъ чистою ревностію или раскаяніемъ, умножилось.

23-го сентября Сапѣга, а съ нимъ и литовскій князь Константинъ Вишневецкій, Тишкевичи и многіе другіе знатные паны, предводительствуя тридцатью тысячами ляховъ, казаковъ и россійскихъ измѣнниковъ, стали въ виду монастыря на Клементьевскомъ полѣ. Осадные воеводы лавры, князь Григорій Долгорукій и Алексѣй Голохвастовъ, желая узнать непріятеля и показать ему свое мужество, сдѣлали вылазку, и возвратились съ малымъ уронемъ, давъ время жителямъ монастырскихъ слободъ обратить ихъ въ пепелъ: каждый зажегъ домъ свой, спасая только семейство, и спѣшилъ въ лавру. Непріятель, въ слѣдующій день, осмотрѣвъ мѣста, занялъ всѣ высоты и всѣ пути, расположился станомъ и началъ укрѣпляться. Между тѣмъ лавра наполнилась множествомъ людей, которые искали въ ней убѣжища, не могли вмѣститься съ келліяхъ и не имѣли крова: больные, дѣти, родильницы лежали на дождѣ въ холодную осень. Легко было предвидѣть дальнѣйшія, гибельныя слѣдствія тѣсноты, но добрые иноки говорили: „Св. Сергій не отвергаетъ злосчастныхъ,“ — и всѣхъ принимали. Воеводы, архимандритъ Іоасафъ и соборные старцы урядили защиту: вездѣ разставили пушки; назначили, кому биться на стѣнахъ или въ вылазкахъ, и князь Долгорукій съ Голохвастовымъ первые, надъ гробомъ Св.

Сергія, поцѣловали крестъ въ томъ, чтобы *сидѣть въ осадѣ безъ измѣны.* Всѣ люди ратные и монастырскіе слѣдовали ихъ примѣру въ духѣ любви и братства, ободряли другъ друга и съ ревностію готовились *къ трапезѣ кровопролитной,* пить чашу смертную за отечество. Съ сего времени пѣніе не умолкало въ церквахъ лавры, ни днемъ, ни ночью.

Н. М. Карамзинъ.

КОЗЬМА ЗАХАРЬЕВИЧЬ МИНИНЪ, СУХОРУКЪ.

(Отрывокъ изъ драмы Островскаго).

(Дѣйствіе происходитъ на площади Нижегородскаго Кремля, подлѣ собора. Заря занимается. Народъ выходитъ изъ собора. Всѣ утираютъ слезы).

Проходятъ двое. — 1-й. Экой плачъ! Эко рыданіе во всемъ соборѣ!

2-й. Да и было отчего. Все тебѣ, какъ на ладонкѣ, видно, какъ Москва гибнетъ, какъ вѣру православную попираютъ. Какъ же тутъ не заплакать! Что мы, каменные, что-ли? *(Проходятъ).*

Старикъ и женщина. — Старикъ. Гибнетъ, говоритъ, все наше государство! гибнетъ вѣра православная! Легко сказать — гибнетъ вѣра православная! Скажи ты мнѣ, каково слышать!

Женщина. Тяжко-то оно слышать, тяжко, а хорошо, кабы почаще намъ эти слова напоминать! А то живемъ тутъ, бѣды большой надъ собой не видимъ, никакой муки не терпимъ: этакъ, не то что своихъ ближнихъ, и Бога-то забудешь. *(Проходятъ).*

Проходятъ четверо. — 1-й. Мы за вѣру православную должны до смерти стоять! Слышите, до смерти!

2-й. А кто же прочь? Да хоть сейчасъ умирать!

3-й. Потому, коли ты за вѣру пострадалъ, небесное царствіе наслѣдуешь.

4-й. Безпремѣнно. *(Проходятъ).*

(Выходитъ народъ и становится стѣнами, образуя улицы для выходящихъ изъ собора. Выходятъ: Воевода, Аксеновъ (богатый торговый человѣкъ), Поспѣловъ (боярскій сынъ), Темникъ, Губанинъ (торговые люди) и нѣсколько народа).

Поспѣловъ. Выходишь отъ обѣдни, помолясь съ усердіемъ и досыта поплакавъ, и такъ тебѣ легко на сердцѣ станетъ: и подъ ногами ты земли не чуешь, и ногъ не слышишь; и заря-то ярче горитъ на небѣ; точно сладкій медъ, пьешь воздухъ утренній. Такое диво! Какая легкость для души молитва! Взялся бы съ мѣста, да и полетѣлъ! А день придетъ — забота за заботой навалятся, опять отяжелѣешь.

Аксеновъ. Вѣстимо, утромъ человѣкъ помягче, пока не заболтался въ суетѣ; и разумъ крѣпче, да и воля тверже, и особливо помолясь усердно. Сейчасъ наказывалъ Кузьма Захарьичъ сказать народу, чтобъ не расходился. Пожалуй послѣ всѣхъ и не сберешь, да и сердца-то огрубѣть

успѣютъ. Теперь въ соборѣ заказалъ молебенъ онъ Ангелу Хранителю Косьмѣ—Безсребреннику. Вы поговорите съ народомъ-то, пока молебенъ кончатъ.

(*Темкинъ и Губанинъ отходятъ къ народу — одинъ въ одну сторону, другой въ другую*).

Темкинъ. Почтенные! Маленько подождите: Кузьма Захарьичъ хочетъ говорить.

Губанинъ. Коли не въ трудъ, повремените малость: Кузьма Захарьичъ приказалъ просить.

(*Мининъ выходитъ изъ собора*).

*Мининъ**). (*Съ лобнаго мѣста*). Друзья и братья! Русь святая гибнетъ! Друзья и братья! Православной вѣрѣ, въ которой мы родились и крестились, конечная погибель предстоитъ. Святители, молитвенники наши, о помощи взываютъ, молятъ слезно. Вы слышали ихъ слезное прошенье! Поможемъ, братья, родинѣ святой! Чтожъ, развѣ въ насъ сердца окаменѣли? Не всѣ ль мы дѣти матери одной? Не всѣ ль мы братья отъ одной купели?

Голоса. Мы всѣ, Кузьма Захарьичъ, всѣ хотимъ помочь Москвѣ и вѣрѣ православной.

Мининъ. И аще, братья, похотимъ помочь, не пожалѣемъ нашихъ достояній! Не пощадимъ казны и животовъ! Мы продадимъ дворы свои и домы! А будетъ мало — женъ, дѣтей заложимъ!

Голоса. Заложимъ женъ! Дѣтей своихъ заложимъ!

Мининъ. Что мѣшкать даромъ? Время насъ не ждетъ! Нѣтъ дѣла ратнаго безъ воеводы: изыщемъ, братія, честнаго мужа, которому то дѣло за обычай — вести къ Москвѣ и земскимъ дѣломъ править. Кто воеводой будетъ?

Голоса. Князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій! — Князь Пожарскій! Другаго намъ не надо!

Мининъ. Воля Божья! Пожарскаго избрали мы всѣмъ міромъ, ему и править нами. Гласъ народа — гласъ Божій. Выборныхъ людей пошлемъ просить и кланяться, чтобъ шолъ къ намъ на спѣхъ. Теперь, друзья, несите, кто что можетъ, на дѣло земское, на помощь ратнымъ. Я, Господи благослови начало, свои, копленыя и трудовыя, всѣ, до послѣдняго рубля, кладу!

Нѣсколько голосовъ. И мы, и мы всѣ за тобой готовы отдать свою копѣйку трудовую!

Другіе голоса. Что деньги! Деньги дѣло наживное; какъ живы будемъ, наживемъ опять.

---

*) Земскій староста Нижняго посада.

Мининъ. Да изъ собора я послалъ Нефеда*), чтобъ изъ дому несли, что подороже: жены Татьяны поднизи и серьги, весь жемчугъ, перстни, ферязи цвѣтныя, камку и бархатъ, соболь и лисицу; да взяли бъ у святыхъ иконъ взаймы, на время только, ризы золотыя. Пошлетъ Господь, оправимъ ихъ опять.

Голоса. Все отдадимъ! — Теперь не до нарядовъ! Въ нарядахъ суета мірская ходитъ! *(Начинаются приношенія).*

Мининъ. Ты, Петръ Аксенычъ, стань, блюди казну. Ты, дѣдушка, не знаю, какъ назвать-то, постой у денегъ. Принимайте вмѣстѣ.

(Аксеновъ и старикъ входятъ на лобное мѣсто и принимаютъ приношенія. Мининъ сходитъ. Народъ болѣе и болѣе тѣснится у лобнаго мѣста. Начинаютъ приносить даже вещи).

Губанинъ. (Темкину). Пойти домой, принесть свое хоботье! Оставлю чашку щей да хлѣба на день, съ меня и будетъ.

Темкинъ. Погоди, успѣешь! Мы первые пошли на это дѣло — не спятимся.

(Входитъ Колзаковъ, стрѣлецкій сотникъ).

Колзаковъ. (Минину). А я что дамъ? До питки домотался! А надо бы беречь на черный день. И у меня добра довольно было, да сплыло все. Теперь людямъ завидно. Не то завидно, милый человѣкъ, что хорошо живутъ да чисто ходятъ, а то завидно, что добро несутъ, а мнѣ вотъ нечего. И одежонка вся тутъ. Да! погоди! Тѣльникъ на шеѣ, серебряный, большой. Ну, слава Богу! Нашлось таки что Господу отдать. *(Снимаетъ).* Возьми! Возьми! Пускай хоть разъ-то въ жизни пойдетъ на дѣло и моя копѣйка.

(Входятъ Татьяна Юрьевна, жена Минина, и Нефедъ. За ними несутъ сундуки и ларцы).

Нефедъ. Какъ, батюшка, изволилъ приказать, такъ точно мы, по твоему приказу, и сдѣлали: все принесли сюда.

Мининъ. Вонъ, видишь, Петръ Аксенычъ собираетъ? Кладите въ кучу — послѣ разберутъ.

Татьяна Юрьевна Вотъ, государь ты мой, Кузьма Захарьичъ, ты приказалъ женѣ твоей, Татьянѣ, прислать тебѣ жемчугъ и ожерелья, и съ камушками перстеньки, и всю забаву нашу бабью. Я не знаю, на что тебѣ: я все въ ларецъ поклала, не думавши, взяла и принесла. Ты дума крѣпкая, Кузьма Захарьичъ, ты слово твердое — такъ что́ намъ думать.

Мининъ. Сама Петру Аксенычу отдай.

Татьяна Юрьевна. Все, государь, исполню, что прикажешь.

(Отходитъ. Входитъ Марѳа Борисовна, богатая вдова; за ней несутъ сундуки и ларцы).

---

*) Сынъ Минина.

Марѳа Борисовна. Богатое наслѣдство мнѣ осталось отъ мужа моего и господина. Отцы и дѣды прежде накопили, а онъ, своимъ умомъ и счастьемъ, много къ отцовскому наслѣдію прибавилъ, и умеръ въ раннихъ лѣтахъ; не судилъ ему Господь плоды трудовъ увидѣть, покрасоваться нажитымъ добромъ. Благословенья не было отъ Бога мнѣ на дѣтей,—однимъ одна осталась хозяйкою несчетнаго добра, добра чужаго, — я съ собою мало въ домъ принесла. Искала я родныхъ: родни его ни близкой не осталось, ни дальней. Вздумала я, догадалась раздать казну за упокой души,— и весело мнѣ стало, что заботу такую дорогую Богъ послалъ. И вотъ, благословясь, я раздавала по храмамъ Божьимъ на поминъ души, и нищей братьѣ по рукамъ, въ раздачу, убогимъ и слѣпымъ и прокаженнымъ, сиротамъ и въ убогіе дома, колодникамъ и въ тюрьмахъ заключеннымъ, въ обители — и въ Кіевъ, и въ Ростовъ, въ Москву и Угличъ, въ Суздаль и Владиміръ, на Бѣлоозеро, и въ Галичъ, и въ Поморье, и въ Грецію, и на Святую Гору, — и не могла раздать. Все прибавлялось, — то долгъ несутъ, то кортому съ угодій. И, не внуши вамъ Богъ такого дѣла, ни въ жизнь бы мнѣ не разсчитаться съ долгомъ. Тутъ много тысячъ! Сыпьте, не считайте! На добрыя дѣла, на обиходъ еще немного у меня осталось. Коли нужда вамъ будетъ, такъ возьмете. А мнѣ на что! съ меня и такъ довольно — однихъ угодій хватитъ на прожитокъ *(Отходитъ къ сторонѣ. Народу все больше прибываетъ на площадь).*

Одинъ изъ толпы. Вотъ шесть алтынъ, двѣ деньги!

Другой. Зипунишко! *(Подаютъ. Къ лобному мѣсту подходятъ толпами).*

Голоса. Вотъ наши деньги изъ кваснаго ряду! — Изъ рукавичнаго! — Отъ ярославцевъ! — Костромичи собрали — принимайте! Стрѣльцы Колзакова Банма сотни!

Поспѣловъ. Вотъ праздникъ, такъ ужь праздникъ! Ну, веселье!

Мининъ. И я смотрю, душа во мнѣ ростетъ. Не явно ли благословенье Божье! Теперь у насъ и войско, и казна, и полководецъ. Недалеко время, когда вооружась и окрылатѣвъ, какъ непоборные орлы, помчимся и грянемъ на враговъ. Пусть лютый врагъ, какъ левъ, зіяетъ, бѣсомъ воружаемъ; не страшенъ намъ злохитрый ковъ его! За насъ молитвы цѣлаго народа, дѣтей, и женъ, и старцевъ многолѣтнихъ, и пѣнье иноковъ, и клиръ церковный, елей лампадъ, куреніе кадилъ! За насъ угодники и чудотворцы, и легіоны грозныхъ силъ небесныхъ, полкъ ангеловъ и Божья благодать!

ИЗБРАНІЕ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА НА ЦАРСТВО.

(1613 г. 21 февраля).

Слова: *„Москва взята! Въ Москвѣ уже нѣтъ ляховъ!“* казались волшебными словами, утишившими буйныя страсти. Казалось, вся Россія

опомнилась послѣ безумнаго опьяненія, продолжавшагося *восемь лѣтъ*, съ тѣхъ поръ, когда самозванецъ вступилъ въ Россію *въ октябрѣ 1604 года* до того времени, когда истинная вѣра и безкорыстная любовь къ отечеству, преодолѣвая всѣ препятствія, отняли Кремль у поляковъ. *Въ октябрѣ 1612 года* къ искренней радости примирились и соединились всѣ бояре, вожди войска русскаго, духовенство. Никто не напоминалъ другъ другу о прошедшемъ: *кто не былъ грѣшенъ?* Предавая забвенію все минувшее, всѣ учредились по прежнему старшинству, и прежде всего рѣшились общею думою избрать царя. До тѣхъ поръ положили править государствомъ отъ общаго имени бояръ, и поклялись не приставать ни къ самозванцамъ, ни къ Владиславу. Противъ Заруцкаго отправили войско; его разбили, прогнали изъ рязанской области. Делагарди, обманутый напраснымъ ожиданіемъ, прислалъ пословъ,—говорить объ избраніи шведскаго принца; ему отвѣчали, что онъ опоздалъ. Отовсюду спѣшили въ Москву люди, избранные по городамъ, для выбора царя.

Въ Москву съѣхались зимою избранные люди изъ городовъ, отслужили молебенъ, приступили къ совѣщаніямъ. Авраамій, уважаемый всѣми, краснорѣчивый, умѣлъ согласить умы, утишить раздоры. Не хотѣли избрать ни кого изъ старыхъ, мятежныхъ бояръ, и всѣ голоса слились воедино, всѣ провозгласили юнаго непорочнаго *Михаила,* сына Филаретова, послѣднюю отрасль знаменитаго дома Захарьиныхъ, того, чье имя предлагалъ нѣкогда къ избранію страстотерпецъ Гермогенъ. Архіепископъ рязанскій Ѳеодоритъ, Авраамій и боярин Морозовъ вышли къ народу, нетерпѣливо дожидавшемуся рѣшенія земскаго совѣта. Едва произнесено было имя Михаилово, толпа привѣтствовала его радостными восклицаніями. Безъ условій, безъ оговорокъ, избраніе Михаила совершилось 21-го февраля 1613 года; 25-го Москва и земскій совѣтъ присягнули новому царю, *избранному отъ Бога, а не отъ человѣкъ*, по выраженію современниковъ; ибо единодушіе, съ какимъ произошло избраніе, приписали единственно милосердію и внушенію Божію.

Н. Полевой.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ГОЛЛАНДІИ.

(1697 г.)

Деревянный домикъ, подъ черепичною кровлею, въ два окна, раздѣленный на двѣ небольшія комнаты, съ изразчатою печью для приготовленія пищи, съ глухою каморкою для кровати и съ пристроеннымъ при входѣ чуланчикомъ, въ западной, наиболѣе уединенной части Саардама, на Кримнѣ, вотъ чертогъ, гдѣ поселился Петръ, тщательно скрывая свой санъ и добровольно обрекая себя тяжкому труду, чтобы втайнѣ изучить искусство, которое должно было возвеличить Россію.

Нетерпѣливо онъ ждалъ рабочей поры, и въ понедѣльникъ рано утромъ,

накупивъ въ лавкѣ вдовы Якова Ома плотничныхъ инструментовъ, записался корабельнымъ плотникомъ подъ именемъ Петра Михайлова на верфи Лигста Роге въ Бейтензанѣ. Ежедневно, съ солнечнымъ восходомъ, отправлялся на работу, и, потрудившись до поту лица, заходилъ въ какой нибудь гербергъ подкрѣпить свои силы; или посѣщалъ семейства саардамскихъ плотниковъ, выѣхавшихъ въ Москву. Въ потомствѣ ихъ доселѣ сохранились преданія, переходя изъ рода въ родъ, что дѣлалъ и говорилъ Царь московскій. У Маріи Гитмансъ, матери Томаса Іосіаса, женщины бѣдной, но радушной, онъ выпилъ стаканъ джину; у жены Яна Ренсена обѣдалъ; Антѣ Метье, спросившей о своемъ мужѣ, сказалъ:—„Онъ добрый мастеръ, я хорошо знаю его, потому что рядомъ съ нимъ строилъ корабль.“ — „Развѣ и ты плотникъ?“ возразила недовѣрчивая голландка. — „Да, и я плотникъ,“ отвѣчалъ Петръ. Чаще другихъ посѣщалъ онъ вдову искуснаго мастера Класа Муша, умершаго въ Москвѣ. Незадолго предъ тѣмъ она получила, по смерти мужа, отъ имени россійскаго Государя въ подарокъ 500 гульденовъ и, догадавшись, что московскій гость не простой плотникъ, просила сказать, при случаѣ, Его Царскому Величеству, что сердце ея преисполнено живѣйшей признательности за щедрую милость, утѣшившую ее въ горькомъ вдовствѣ. Петръ съ удовольствіемъ согласился передать слова ея Царю московскому и охотно остался у нея обѣдать.

Сохранились также преданія о посѣщеніи имъ, во время прогулокъ по Саардаму, разныхъ фабрикъ и заводовъ: самымъ тщательнымъ образомъ онъ вникалъ въ ихъ устройство, разспрашивалъ мастеровыхъ, иногда болѣе, чѣмъ могли или хотѣли объяснить ему, нерѣдко слышалъ грубые отвѣты, часто самъ брался за дѣло, и въ каждомъ мастерствѣ обнаруживалъ изумительную ловкость. Такъ на бумажной мельницѣ, подъ вывѣскою *Повара*, приглядѣвшись къ пріемамъ мастера, онъ попросилъ у него формы, проворно черпнулъ ею изъ чана, наполненнаго массою, и выкинулъ листъ безукоризненнаго совершенства. Довольный успѣхомъ и похвалою мастера, онъ подарилъ ему цѣлый талеръ на водку. Съ такимъ же любопытствомъ онъ осматривалъ лѣсопильни, маслобойни, бумагопрядильни, сукновальни и другія мельницы, наполнявшія занландскія деревни; въ Зандикѣ даже помогалъ рабочимъ въ строеніи крупчатки для купца Кальфа. Она существуетъ до сихъ поръ, подъ именемъ de Grodeworst (великій князь).

Любимая прогулка его была водою. На другой день по пріѣздѣ въ Саардамъ, онъ купилъ у корабельнаго маляра Гарменсона за 40 гульденовъ, съ придачею кружки пива, которую роспили съ продавцомъ въ гербергѣ близъ Овертома, небольшой яликъ, и весело катался на немъ по Зану, по каналамъ и по заливу Эй.

Между тѣмъ съ перваго дня появленія его на верфяхъ, въ Саардамѣ заговорили о московскомъ плотникѣ; величественный видъ, замѣтная при-

вычка къ господству, нетерпѣливость въ исполненіи желаній, даже невольные порывы гнѣва, все измѣняло тайнѣ. Голландцы, тѣмъ болѣе голландки, не хотѣли вѣрить, чтобы высокій, статный, красивый московитъ, съ повелительнымъ взоромъ,— простой плотникъ: они считали его знатнымъ господиномъ; не знали только, кто онъ; развѣдывали, разспрашивали, съ возрастающимъ любопытствомъ слѣдили за нимъ и нерѣдко около него собиралась толпа, къ немалой досадѣ его, которую онъ не всегда могъ скрыть. Вскорѣ высокій санъ его не былъ уже тайною для многихъ. Она обнаружилась сначала чрезъ цирюльника.

—Одинъ саардамскій плотникъ писалъ изъ Москвы на родину къ отцу своему, что въ Голландію отправилось великое посольство, что въ свитѣ скрывается самъ царь, что онъ безъ сомнѣнія посѣтитъ Саардамъ, и что его не трудно узнать по высокому росту, по трясенію головы, по размахиванію правою рукою и по небольшой бородавкѣ на правой щекѣ. Отецъ прочиталъ это письмо пріятелю своему, цирюльнику Помпу; вскорѣ послѣ того зашли въ цирюльню московскіе гости, и Помпъ, увидѣвъ, что одинъ изъ нихъ имѣлъ всѣ означенныя въ письмѣ примѣты, не замедлилъ разгласить о своемъ открытіи. Сначала не вѣрили ему; многіе обратились съ разспросами къ Герриту Кисту; тотъ хранилъ тайну и утверждалъ, что въ домѣ его живетъ простой плотникъ. Но жена Киста Ниль Максъ, въ присутствіи многихъ вскричала на мужа; „терпѣть не могу, когда ты, Геррitъ, говоришь неправду.“

Вечеромъ того же дня Петръ навѣстилъ купца Кальфа и, увидѣвъ у него бургомистра Іора, въ знакъ почтенія снялъ предъ нимъ шляпу. Бургомистръ спросилъ переводчика: „не угодно ли будетъ господину его откушать завтра рыбы по саардамски?“ Царь велѣлъ сказать: господинъ ихъ еще не пріѣхалъ, и отказался отъ приглашенія. Пріятель Кальфа, богатый купецъ Мейнертъ Блумъ съ своей стороны предлагалъ царю собственный домъ, болѣе удобный для помѣщенія, съ фруктовымъ садомъ, въ лучшей части Саардама, на восточной сторонѣ, и получилъ въ отвѣтъ: „Мы не знатные господа, а простые люди; для насъ довольно и той квартиры, гдѣ мы живемъ.“

Скоро молва о царѣ-плотникѣ достигла до Амстердама. Одни вѣрили ей, другіе сомнѣвались. Богатый негоціантъ Адольфъ Гоутманъ, неоднократно принимавшій Петра въ своемъ домѣ въ Архангельскѣ, поспѣшилъ отправить въ Саардамъ главнаго прикащика своего, Якова Избрандеса, удостовѣриться въ справедливости разсказовъ. Избрандесъ, увидѣвъ царя издали, тотчасъ узналъ его, но не смѣлъ къ нему подойти, возвратился къ хозяину, блѣдный какъ полотно, и донесъ, что царь дѣйствительно въ Саардамѣ. Гоутманъ и пріятель его Іонгъ немедленно туда отправились, встрѣтили Петра въ матросской курткѣ и съ изумленіемъ воскликнули: — „Вы

ли это, Ваше Величество?“ — „Вы сами видите,“ ласково отвѣчалъ царь, пригласилъ ихъ къ себѣ и долго съ ними бесѣдовалъ.

Въ тотъ же день купилъ онъ у Дирка Стофельса за 450 гульденовъ красивый буеръ и собственными руками придѣлалъ къ нему новый бугшпритъ. „Нельзя было не удивляться“ пишетъ Номесъ, „съ какимъ рвеніемъ, въ потѣ лица, трудился столь великій государь надъ своимъ буеромъ и какъ искусно прилаженъ былъ бугшпритъ.“ Герритъ Мушъ, братъ Класа, служилъ на буерѣ каютъ-юнгою. Царь былъ очень доволенъ его расторопностью и усердіемъ, не разъ бывалъ у него въ домѣ, приглашалъ жену его и невѣстку къ себѣ на обѣдъ, и подарилъ имъ по золотому кольцу.

Снарядивъ буеръ, Петръ весь слѣдующій день провелъ на водѣ. Въ 4 часа утра онъ былъ уже въ заливѣ; къ полудню возвратился въ Занъ; отобѣдалъ у куша Кальфа, а послѣ обѣда тотчасъ отправился въ заливъ. У Бейтензана пристали къ нему яхты и буеры, наполненные любопытными. Онъ хотѣлъ удалиться отъ нихъ и направилъ свой путь къ Галфвегу, плотинѣ, отдѣляющей заливъ отъ Гарлемскаго моря. Безотвязные голландцы не отставали. Причаливъ къ плотинѣ, Царь проворно выскочилъ на берегъ; толпа немедленно окружила его. Онъ разсердился и Корнелію Марсену, который, подошедши ближе другихъ, съ разинутымъ ртомъ смотрѣлъ ему прямо въ глаза, далъ крѣпкую пощечину. „Браво Марсенъ!“ закричали въ толпѣ — „ты пожалованъ въ рыцари!“ Разгнѣванный Петръ заперся въ гербергѣ. Уже позднимъ вечеромъ, когда разсѣялся народъ, онъ возвратился въ Саардамъ.

Н. Устряловъ.

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА.

1709 г. 27 іюня.

Горитъ востокъ зарею новой.
Ужь на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровой
Кругами всходитъ къ небесамъ
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся Шведы:
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ:

Но явно счастье боевое
Служитъ ужь начинаетъ намъ.
Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь;

Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужь близокъ полдень. Жаръ нылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
Ровняясь строятся полки.
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се — равнину оглашая,
Далече грянуло *ура:*
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова —
Въ премѣнахъ жребія земнова,
Въ трудахъ державства и войны,
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ вонственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье....
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На Русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними Царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины:
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Русскій — колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.

Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ; гнутся Шведы.
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ,
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его;
И Царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

А. Пушкинъ.

БОРОДИНО.

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!»
— Да, были люди въ наше время,

Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!
Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что жь мы? на зимнія квартиры?
Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе взорвать мундиры
О русскіе штыки?»
И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса спнія верхушки —
Французы тутъ-какъ-тутъ.
Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ, мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужь мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужь постоимъ мы головою
За родину свою!
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ,
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добраться до картечи!»
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.
Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось,
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
«Умремте жъ подъ Москвой,
«Какъ наши братья умирали!»
— И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.
Ну-жъ былъ денёкъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двигались какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами,
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!...
Носились знамена какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!...
Земля тряслась — какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять....
Вотъ затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.
Да; были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри — не вы.
Плохая имъ досталась доля:
Не многіе вернулись съ поля.
Когда бъ на то не Божья воля,
Не отдали бъ Москвы!

М. Лермонтовъ.

МАНИФЕСТЪ

19 февраля 1861 г.

Посмотри: въ избѣ, мерцая,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки-малютки
Собрался кружокъ;
И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.
Мужички въ глубокой думѣ:
Слушаютъ, молчатъ;
Разнѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ;
Бабы суютъ дѣткамъ соску,
Чтобы ротъ замкнутъ,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что нибудь...
Даже съ печи не слѣзающій
Много, много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ:
Что жъ такъ слушаютъ малютку,
Аль ужъ такъ умна?...
Нѣтъ, одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.

И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть!
Самой вѣсти смыслъ показѣлъ
Темень имъ и ей,
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней...
Вспыхнетъ, братцы, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!
Тьма пускай еще притснитъ!
День взойдетъ могучъ!
Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу,
Первый сладкій лучъ!
Онъ горитъ ужъ на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы-малютки
Съ книжкою въ рукахъ!
Воля, братцы, это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день.

А. Майковъ.

ОТДѢЛЪ III.

СТАТЬИ ПО ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ.

ГРИФЕЛЬНАЯ ДОСКА.

Многія произведенія изъ царства минераловъ играли важную роль въ жизни человѣка. Справедливо восхваляютъ каменный уголь, приводящій въ движеніе многія тысячи паровыхъ машинъ; справедливо славится и желѣзо, безъ котораго человѣкъ остался бы дикаремъ; драгоцѣнные каменья, украшающіе короны и скипетры, не разъ были прославляемы въ стихахъ и въ прозѣ: на скромный шиферъ не многіе обратили вниманіе. Однакожъ, несмотря на свой незамѣчательный матовый черный цвѣтъ, шиферная или, что все-равно, грифельная доска, не мало способствуетъ къ образованію лю-

дей, а мы съ вами такъ много ей обязаны, что изъ благодарности должны узнать ея исторію.

Вотъ тропинка, ведущая въ горы по берегу ручья. Замѣтьте, какъ темна въ немъ вода; это отъ того, что ручей бѣжитъ по руслу изъ чернаго шифернаго камня. Но вотъ и горы: мы слышимъ уже стукъ молотовъ, шумъ падающихъ каменьевъ и голоса людей. Еще нѣсколько шаговъ—и каменоломня передъ нами. Отвѣсный обрывъ горы, какъ гигантская книга, состоитъ весь изъ черныхъ слоевъ шифера, наложенныхъ одинъ на другой; наверху немножко земли, въ которой расползлись во всѣ стороны корни громадныхъ, вѣковыхъ сосенъ.

Отламывая большіе куски шифернаго камня, работники складываютъ его на телѣги и везутъ въ ближайшую деревню. Тамъ одни разрѣзываютъ его на мелкіе куски и выскабливаютъ изъ нихъ доски; а другіе постоянно смачиваютъ твердую поверхность шифера водою и сглаживаютъ ее пескомъ. Наконецъ угольнымъ порошкомъ и масломъ даютъ шиферу ту глянцовитость и политуру, которая дѣлаетъ его годнымъ для употребленія въ школахъ. Обдѣлать эти доски въ деревянныя рамки конечно уже нетрудно.

Разсказать, какъ дѣлается шиферная доска, было намъ довольно легко; но какъ сдѣлалась гора изъ шифера? Это никто навѣрное не знаетъ, хотя есть много предположеній, основывающихся на самомъ составѣ шиферная камня. Главнымъ образомъ онъ состоитъ изъ глины, тѣсно соединенной съ небольшимъ количествомъ кремня, и желѣзной охры и угля, отъ котораго зависитъ черный цвѣтъ шифера. Вы вѣроятно замѣтили, что иногда грифель проводитъ на доскѣ красную черточку: это признакъ, что въ этомъ мѣстѣ попалось побольше желѣзной охры; когда же грифель вдругъ зарѣжетъ доску, то виноватъ въ этомъ кусочекъ кремня; но почти всегда эти составныя части шифера такъ тонко раздроблены, такъ плотно соединены между собою, что ихъ трудно разсмотрѣть не только простыми глазами, но даже въ микроскопъ; только ученый химикъ можетъ разыскать составныя части шифера, раздѣлить ихъ и даже взвѣсить.

Расположеніе шифера въ горахъ правильными слоями повело къ тому предположенію, что онъ образовался въ то отдаленное время, когда земля еще была покрыта водою. Волны океана, размывая глинистыя и кремнистыя скалы, превращали ихъ въ илъ, и этотъ илъ осаживался слоями гдѣ нибудь въ спокойной бухтѣ; допотопныя морскія растенія, въ которыхъ было также много угля, какъ и теперь въ каждомъ растеніи, дали, по всей вѣроятности, угольныя частицы, а желѣзо и другія составныя частицы шифера были принесены водою. Такимъ образомъ изъ осаждающагося ила образовались мало-по-малу слоистыя массы шифера. Когда же потомъ, дѣйствіемъ подземнаго огня, эти слоистыя массы были выдвинуты наверхъ воды и образовали горы, тогда и шиферъ затвердѣлъ и сдѣлался такимъ, какимъ его теперь находятъ

Если же мы не видимъ въ немъ остатковъ прежнихъ морскихъ растеній, какъ въ другихъ слоистыхъ породахъ камней, произшедшихъ отъ осадка въ водѣ, то это можетъ быть потому, что подземный огонь, дѣйствуя на шиферъ, превратилъ растенія въ уголь, и въ тоже время помогъ соединиться тѣснѣе всѣмъ составнымъ частямъ камня.

ГРАНИТНЫЙ ВАЛУНЪ.

Вотъ самый обыкновенный гранитный булыжникъ, какихъ много валяется по полямъ; камни эти вовсе не рѣдкость, а между тѣмъ каждый изъ нихъ могъ бы разсказать намъ очень любопытную исторію, если бы умѣлъ говорить.

Разсмотримъ сначала, изъ чего онъ состоитъ. Онъ не похожъ на шиферъ нашей грифельной доски не только по цвѣту, но и по составу. Въ булыжникѣ вы не видите такихъ слоевъ, какъ въ шиферѣ: напротивъ, онъ какъ-будто весь слѣпленъ изъ маленькихъ кусочковъ различныхъ по цвѣту камней, крѣпко сплавленныхъ между собою. Каждый изъ этихъ кусочковъ, дѣйствительно, есть особенный камешекъ. Вотъ красное пятнышко — это *полевой шпатъ*, который встрѣчается во многихъ мѣстахъ отдѣльными громадными камнями; вотъ бѣлое, стекловидное зернышко—это кусочекъ кремня; а вотъ и свѣтлая блестка — это слюда, которую также находимъ отдѣльными довольно большими кусками.

Но какъ же эти различные камни соединились въ такую плотную массу? Этого также хорошенько никто не знаетъ; но видно только, что тутъ работалъ страшно-сильный огонь, плавившій камни, которыхъ мы теперь расплавить не можемъ. Геологи, ученые люди, занимающіеся изысканіемъ, изъ чего и какъ составлена наша земля, предполагаютъ, что страшный огонь и теперь горитъ внутри земнаго шара, и что въ прежнее время этотъ огонь былъ еще сильнѣе, и, прорываясь наружу, выдвигалъ наверхъ такіе сплавленные имъ камни.

Если вы размѣшаете кусокъ глины и горсть песку въ стаканѣ съ водою и дадите смѣси спокойно осѣсть на дно, то замѣтите, что глина и песокъ лягутъ слоями, какими легъ и шиферъ, изъ котораго сдѣлана ваша доска, но которыхъ въ гранитѣ нѣтъ. Вотъ почему геологи полагаютъ, что одни изъ камней произошли силою воды, а другіе, въ которыхъ слоевъ незамѣтно, силою огня. Гранитъ произошелъ силою огня, и потому называется *огненною* породою.

Но какъ же попалъ этотъ кусокъ гранита на наше поле? Не могъ же онъ вырость здѣсь, а въ землѣ нѣтъ нигдѣ дыры, откуда онъ могъ бы выскочить. Нѣтъ, родина его не здѣсь, а далеко на сѣверѣ, въ Финляндіи или, можетъ быть, даже въ Швеціи. Тамъ есть цѣлыя гранитныя горы, основанія которыхъ вѣроятно идутъ глубоко въ землю, и тамъ, дѣйствительно,

подземный огонь могъ выдвинуть наружу гранитныя горы и скалы. Раскаленныя, расплавленныя вышли они оттуда, и потомъ, мало по малу, застыли на воздухѣ. Съ изумленіемъ смотритъ теперь человѣкъ на эти громадныя гранитныя горы, застывшія въ самыхъ прихотливыхъ формахъ: то въ видѣ зубцовъ каменной крѣпости, то куполами, то остроконечными башнями.

Отъ этихъ-то скалъ оторваны и тѣ куски гранита, которые валяются по нашимъ полямъ и которыми мы мостимъ наши улицы. Стоитъ взглянуть на составъ этого булыжника, чтобы узнать, что онъ былъ когда-то частью скалы, и теперь стоящей гдѣ-нибудь въ Скандинавіи или Финляндіи. Но какъ же онъ попалъ сюда, за тысячу вёрстъ! Конечно никто не привезъ на лошадяхъ этихъ безчисленныхъ гранитныхъ камней и не разсыпалъ ихъ по нашимъ полямъ на зло земледѣльцу, которому они мѣшаютъ пахать землю. Да многіе изъ этихъ камней и слишкомъ велики для того, чтобы ихъ можно было привести для шутки. Скала, на которой стоитъ статуя Петра Великаго, вся высѣчена изъ одного такого камня, найденнаго невдалекѣ отъ Петербурга: такіе камешки возить для шутки неудобно!

Но какъ же, наконецъ, попалъ сюда нашъ камень? Должна же быть причина, передвинувшая его за сотни верстъ, потому-что самъ онъ не одаренъ способностью произвольнаго движенія? Спросимъ опять у геолога, и геологъ, разсказавъ намъ исторію происхожденія нашего камня, разскажетъ намъ о его путешествіи.

Нѣкогда, говоритъ геологъ, этотъ камень составлялъ часть скандинавской прибрежной гранитной скалы, у подошвы которой шумѣли бурныя волны; морскія птицы вили на этой скалѣ свои гнѣзда, а морскія животныя приплывали отдыхать у ея подошвы. Зима смѣнялась лѣтомъ, лѣто зимою, скала казалася все одною и тою же угрюмою, незыблемою скалою; но между тѣмъ и съ нею, какъ и со всѣмъ въ мірѣ, совершались перемѣны. Пословица не даромъ говоритъ, что вода, падая капля за каплей, точитъ камень. Много такихъ капель падало на нашу скалу, и мало-по-малу показались въ ней сначала едва замѣтныя трещины; въ эти трещины проникали новыя капли и углубляли ихъ все больше и больше. Зимою, когда эти капли, прокравшіяся въ гранитъ, замерзали, то, тѣмъ самымъ, раздвигали все дальше и дальше его частицы. Наполните бутылку водою и выставьте ее на морозъ: когда вода превратится въ ледъ, бутылка лопнетъ.

Вѣтеръ и солнце помогали водѣ и холоду, и вотъ нашъ камень, въ одно прекрасное утро, со множествомъ подобныхъ ему каменьевъ, захотѣлъ путешествовать — рухнулся со скалы и покатился внизъ въ море; а тамъ уже ждалъ его отличный экипажъ — громадная ледяная глыба, стоявшая у подошвы горы. Долго ли, коротко ли стояла эта глыба, но мало по малу она набрала много молчаливыхъ пассажировъ и ей пора было бы уже отправиться въ путь, да то бѣда, что она очень плотно примерзла къ берегу.

Однако же солнце и вѣтеръ дружными усиліями помогаютъ льдинѣ сняться съ якоря и пуститься странствовать по міру, куда глаза глядятъ, или, лучше сказать, куда гонитъ ее вѣтеръ. „Прощай на вѣки родина!“ могли бы сказать каменья, если бы у нихъ былъ языкъ.

Море въ тѣ отдаленныя времена занимало гораздо болѣе мѣста, чѣмъ теперь: только высокія, гористыя страны выглядывали изъ подъ него, а наша низменная, ровная матушка-Россія вся еще пряталась подъ водою, по которой очень удобно было странствовать ледянымъ глыбамъ.

Вотъ глыба, гонимая сѣвернымъ вѣтромъ, все подвигалась къ югу; а на югѣ, какъ вы знаете, солнце грѣетъ больше, и припекало глыбу, которая пустилась въ путь, позабывъ, что она ледяная. Глыба все движется дальше, и дальше, а солнце печетъ и топитъ ее все больше и больше; становится наконецъ глыбѣ не въ терпежъ, и вотъ она роняетъ сначала одинъ камень, за нимъ другой, — и растеряла всѣхъ своихъ пассажировъ по лицу будущей Россіи: „лежите, молъ, тутъ, голубчики, до скончанія вѣка;“ а наконецъ и сама вся растаяла.

Но не улежали камни на своихъ мѣстахъ. Пришелъ человѣкъ и принялся за нихъ: тамъ ему понадобилось расчистить поле, и онъ свезъ камни въ кучу, а которые были побольше, то сначала изорвалъ ихъ порохомъ на куски; въ другомъ мѣстѣ понадобилось ему строить фундаментъ для дома; тамъ ограду изъ камней; тамъ сложить изъ нихъ и цѣлую избу; тамъ вымостить мостовыя, выстроить плотину или мостъ. Но когда дѣло дошло до постройки шоссе, то тутъ сѣвернымъ гостямъ пришлось уже очень плохо. Тщательно разыскивали ихъ въ лѣсахъ и въ болотахъ, гдѣ они, никого не трогая, лежали тысячи лѣтъ и обросли мягкимъ мохомъ; отыскали, свезли въ кучи, и тысячи молотковъ принялись усердно колотить твердые камни на мелкіе кусочки и выкладывать ими крѣпкое шоссе. Казалось бы, что при желѣзныхъ дорогахъ могли и отдохнуть камни, но не тутъ-то было: нужно, чтобы дорога не раскачивалась подъ сильной, тяжелой машиною; опять бьютъ камень въ куски, въ щебенку, какъ говорятъ, и кладутъ его между рельсовъ, чтобы дорога была тяжелѣе и не качалась, когда по ней полетитъ тысячепудовая машина.

Такъ заботился Всемогущій Господь о человѣкѣ, когда еще человѣка не было на землѣ, и повелѣлъ стихіямъ, водѣ, вѣтру и огню, приготовить камень для шоссе и желѣзныхъ дорогъ, хотя долго еще послѣ того человѣкъ не имѣлъ понятія, ни о шоссе, ни о желѣзныхъ дорогахъ и таскался пѣшкомъ, не зная даже, что можно осѣдлать лошадь. Но Всевидящій Творецъ подарилъ человѣку умъ и зналъ, что этотъ подарокъ не пропадетъ даромъ.

Вотъ что разскажетъ намъ молчаливый булыжникъ, если мы съумѣемъ заставить его заговорить: и еслибы люди забыли Бога, то самые камни могли бы повѣдать имъ Его славу и Его любовь къ человѣку.

ИЗВЕСТЬ.

Отецъ давно обѣщалъ показать дѣтямъ, какъ добываютъ и обжигаютъ известь, и наконецъ повелъ ихъ за городъ, гдѣ, въ крутомъ и высокомъ берегѣ рѣки, множество работниковъ ломали известковый камень, разбивали его на болѣе мелкіе куски и складывали въ телѣги.

— „Теперь вы видѣли, откуда добывается известковый камень; но этого мало,“ сказалъ дѣтямъ отецъ: „пойдемъ за телѣгами и посмотримъ, куда это везутъ известковый камень и что съ нимъ дѣлаютъ.“

Телѣги, проѣхавъ нѣсколько десятковъ саженей, остановились у громадной печи.

— „Въ этой печи обжигаютъ известь,“ сказалъ отецъ: „въ нее, какъ вы видите, кладутъ известковые камни такъ, чтобы между ними оставались пустоты, въ которыя могло бы свободно проходить пламя. Внизу разводятъ сильный огонь и поддерживаютъ его нѣсколько дней сряду. Пламя, проникая между камнями, раскаляетъ ихъ до того, что изъ нихъ въ видѣ пара выходитъ вся находившаяся въ нихъ вода, а вмѣстѣ съ тѣмъ выходитъ особенное вещество, такое же прозрачное, невидимое и легкое, какъ воздухъ, но только не воздухъ: это вещество называется *углекислымъ газомъ* или просто *угольною кислотою*. Когда вся вода испарится и вся угольная кислота улетитъ, тогда гасятъ огонь и вынимаютъ изъ печи известь, которая получила новое удивительное свойство. Дотроньтесь влажною рукою или губами до куска обожженной извести, и вы почувствуете жгучую боль. Это происходитъ отъ того, что известь съ необыкновенною жадностью потянетъ въ себя влагу, которою покрыта ваша рука или ваши губы.“

Отецъ взялъ кусокъ обожженной извести и, положивъ на землю, сталъ на него лить понемного воду: вода шипѣла и испарялась, какъ будто бы ее лили на горячую плиту, и кусокъ извести, бывшій до того холоднымъ, сильно разгорячился, и наконецъ разсыпался въ мелкій порошокъ.

„Это значитъ гасить известь,“ сказалъ отецъ дѣтямъ, „возьмите этотъ порошокъ въ руки: вы чувствуете, что онъ совершенно сухъ, хотя въ немъ довольно много воды. Если на три фунта выжженной извести налить фунтъ воды, то мы получимъ четыре фунта такого бѣлаго порошка; слѣдовательно, въ этомъ сухомъ порошкѣ находится фунтъ воды, хотя ее совершенно незамѣтно. Такое соединеніе двухъ тѣлъ, при которомъ они образуютъ одно новое, называется *химическимъ соединеніемъ;* а стремленіе одного тѣла соединиться съ другимъ называется *химическимъ сродствомъ*. Негашенная известь и вода имѣютъ между собою химическое сродство. Большая часть тѣлъ — сложныя тѣла, и состоятъ изъ двухъ или нѣсколькихъ *простыхъ тѣлъ*, т. е. такихъ, которыхъ уже не могли *разложить* на какія нибудь другія тѣла. Вы знаете уже нѣсколько простыхъ тѣлъ: золото, желѣзо, ртуть,

мѣдь, уголь; но дерево, вода, соль и многія другія тѣла суть тѣла сложныя. Наука, которая показываетъ, изъ какихъ простыхъ тѣлъ и какъ сложены всѣ тѣла, называется *химіей*, а люди занимающіеся ею — *химиками*.

Замѣтивъ въ негашенной извести сильное сродство къ водѣ, люди пользуются этимъ свойствомъ, чтобы извлекать воду отовсюду, гдѣ ей не слѣдуетъ быть; такъ, напримѣръ: если нужно очистить спиртъ отъ воды, то кладутъ въ ведро со спиртомъ нѣсколько кусковъ негашенной извести, и хотя вода дружна со спиртомъ и раздѣлить ихъ трудно, но съ известью она еще дружнѣе; а потому она оставляетъ спиртъ и соединяется съ известью. Если оставить обожженную известь на воздухѣ, то она скоро потеряетъ свое острое, жгучее свойство, потому что въ воздухѣ всегда есть пары воды, съ которыми известь соединяется. Вотъ почему — когда хотятъ сохранить известь негашенною, то складываютъ и закрываютъ ее такъ, чтобы къ ней не прикасался воздухъ. Я также сказалъ вамъ, что огонь выгналъ изъ известковаго камня газообразное, похожее на воздухъ вещество, называемое угольною кислотою. Въ воздухѣ всегда довольно угольной кислоты, и потому, если известь долго оставлять на воздухѣ, то она химически соединится съ угольною кислотою и превратится въ мѣлъ.

Мѣлъ есть не что иное, какъ химическое соединеніе извести и угольной кислоты, или, какъ говорятъ химики, *углекислая известь*. При быстромъ гашеніи извести, когда на нее льютъ много воды, изъ нея образуется тѣсто, которое каменщики употребляютъ какъ цементъ для того, чтобы связывать кирпичи, изъ которыхъ строятся дома. Но кирпичъ съ кирпичемъ и песокъ съ известью соединяются *не химически* а *механически*. Механическимъ это соединеніе называется потому, что въ немъ каждая песчинка остается песчинкою, и каждый кусочекъ извести—известью; тогда какъ изъ воды и обожженной извести составляется новое тѣло, равно какъ изъ извести и угольной кислоты; а угольная кислота и вода исчезаютъ такъ, что ихъ можно выдѣлить только посредствомъ сильнаго огня.

ТѢЛА ВОЗДУХООБРАЗНЫЯ ИЛИ ГАЗЫ.

Мы познакомились уже съ однимъ изъ газовъ, воздухомъ, который совершенно необходимъ для нашей жизни, и обливаетъ насъ со всѣхъ сторонъ, какъ вода обливаетъ рыбу, плавающую въ рѣкѣ. Но такихъ газообразныхъ тѣлъ, какъ воздухъ, много, и если мы мало знакомы съ ними, то именно потому, что всѣ они похожи на воздухъ. Впрочемъ различные газы, хотя и похожи одинъ на другой своею воздушностью, легкостью и прозрачностью, имѣютъ различныя свойства, по которымъ химики узнали объ ихъ существованіи: въ одномъ, напримѣръ, зажженная лучинка горитъ необыкновенно ярко; въ другомъ, наоборотъ, потухаетъ; въ одномъ животное можетъ дышать, въ другомъ умираетъ мгновенно. Нѣкоторые газы имѣютъ

запахъ, другіе — безъ запаха; одни соединяются съ такими тѣлами, съ которыми другіе не соединяются, и проч.

Но не хотите ли сами добыть одинъ весьма замѣчательный газъ? Возьмемъ для этого высокую и не очень широкую банку; эта банка, какъ вамъ извѣстно, не пуста, но наполнена воздухомъ, и если опустимъ въ нее зажженную лучинку, то лучинка продолжаетъ горѣть: въ воздухѣ лучинка горитъ. Наскоблимъ же теперь ложки двѣ или три мѣлу, высыплемъ его въ банку и нальемъ на него уксусу: мѣлъ сильно зашипитъ и вздуется; начнетъ подыматься пузырями, которые, лопаясь, будутъ выпускать газъ. Опустимъ теперь въ банку туже зажженную лучинку, и она быстро погаснетъ, хотя мы не дотронулись ею до жидкости: не вправѣ ли мы заключить изъ этого, что въ банкѣ надъ жидкостью, вмѣсто воздуха, собралось какое-то другое воздухообразное вещество, въ которомъ лучинка горѣть не можетъ? Это новое вещество — *углекислый газъ*, или, какъ его еще называютъ, *угольная кислота*, который, какъ вы уже знаете, въ соединеніи съ известью, составляетъ мѣлъ. Газъ этотъ значительно тяжелѣе воздуха, а потому-то онъ, вытѣснивъ воздухъ изъ банки, какъ вытѣснила бы его вода, самъ изъ нея не вылетаетъ, хотя она и открыта. Другіе газы легче воздуха, и ихъ нельзя такъ собрать, какъ угольную кислоту, потому что они стремятся улетѣть вверхъ и разлетѣться въ воздухѣ. Углекислый газъ можно даже перелить осторожно изъ одной банки въ другую; но только надобно стараться, чтобы при этомъ не было ни малѣйшаго движенія въ воздухѣ: иначе газъ разойдется въ немъ. Если ко дну банки, въ которую переливается газъ, прикрѣпимъ маленькую зажженную свѣчу, то убѣдимся, что газъ, хотя его и невидно, дѣйствительно переливается; какъ только дойдетъ онъ до огня, то немедленно же и потушитъ его.

Нальемъ осторожно воды въ банку съ угольною кислотою; закроемъ банку плотнѣе и взболтаемъ воду хорошенько: перемѣшавшись съ газомъ, вода пріобрѣтетъ кисловатый вкусъ, похожій на тотъ, который бываетъ и въ квасѣ, и въ шампанскомъ. Вы вѣроятно знаете, что если нагрѣть хорошо закупоренную бутылку кислыхъ щей, то они сильно заиграютъ и пробка вылетитъ съ шумомъ;—это угольная кислота, пріобрѣтая отъ теплоты сильную упругость, стремится найти себѣ выходъ.

Если въ сосудъ, наполненный угольною кислотою, опустить животное, то оно скоро издохнетъ; изъ чего мы можемъ заключить, что хотя угольная кислота и похожа на воздухъ, но дышать ею нельзя. Близь Неаполя есть пещера, которую назвали *собачьей*, потому что, вбѣжавъ въ нее, собака быстро издыхаетъ, тогда какъ человѣкъ можетъ безопасно входить въ пещеру. Причина этого явленія для насъ теперь понятна: изъ известковыхъ камней, составляющихъ дно пещеры, отдѣляется много угольной кислоты; но такъ какъ этотъ газъ тяжелѣе воздуха, то онъ и стоитъ слоемъ

внизу, и собака, входя въ этотъ слой, погибаетъ, тогда какъ человѣкъ, продолжая дышать воздухомъ, ничего не замѣчаетъ.

Такимъ образомъ мы имѣемъ въ рукахъ тѣло, котораго не видимъ, но свойства котораго мы узнали посредствомъ опытовъ; оно имѣетъ тяжесть и тяжелѣе воздуха, почему можетъ переливаться, какъ жидкость, изъ сосуда въ сосудъ; при нагрѣваніи расширяется и пріобрѣтаетъ сильную упругость; сообщаетъ водѣ кислый вкусъ; не поддерживаетъ ни горѣнія, ни дыханія.

Но откуда же взялся углекислый газъ? Онъ находился въ мѣлу въ соединеніи съ извѣстью, а уксусъ выгналъ его оттуда; потому что находящаяся въ уксусѣ кислота, имѣетъ большее стремленіе соединяться съ известью, чѣмъ кислота угольная.

Другіе газы имѣютъ и другія свойства; только добыть другіе газы безъ особенныхъ химическихъ снарядовъ не такъ легко. Общія же свойства всѣхъ газовъ состоятъ въ томъ, что всѣ они прозрачны, почти всѣ легче воздуха, и потому постоянно стремятся улетѣть вверхъ; всѣ, какъ и воздухъ, безпрестанно стремятся расширяться во всѣ стороны и занять каждое пустое мѣсто; всѣ упруги, и при нагрѣваніи расширяются. Кто будетъ изучать химію, тотъ узнаетъ, какую важную роль въ жизни природы играютъ газы, и что многія твердыя и жидкія тѣла состоятъ изъ однихъ газовъ, которые, соединившись, составили новое тѣло, очень хорошо видимое, — узнаетъ, что нѣкоторые газы, если ихъ сильно охлаждать и въ то же время сжимать, превращаются въ жидкость, и что, наоборотъ, многія жидкія и твердыя тѣла, подъ вліяніемъ жара, превращаются въ газы. Вода, напримѣръ, состоитъ изъ двухъ газовъ, водорода и кислорода, химически соединенныхъ, а при испареніи сама превращается въ невидимый газъ. Воздухъ состоитъ изъ *смѣси* двухъ газовъ: кислорода и азота.

Самый замѣчательный изъ всѣхъ газовъ, входящій и въ воду и въ воздухъ, есть *кислородъ;* онъ находится почти во всѣхъ тѣлахъ, но добывать его очень трудно безъ особенныхъ химическихъ снарядовъ. Кислородъ замѣчателенъ тѣмъ, что безъ него невозможно ни гореніе тѣлъ, ни дыханіе животныхъ. За то въ самомъ кислородѣ все горитъ необыкновенно сильно и ярко. Если опустить тлѣющую лучинку въ банку съ кислородомъ, то лучинка вспыхнетъ сильнымъ пламенемъ; желѣзо, которое въ огнѣ мы можемъ только раскалить, въ кислородѣ горитъ, разбрасывая отъ себя множество яркихъ искръ; даже алмазъ—и тотъ сгораетъ безъ остатка въ кислородѣ. Кислородъ, соединяясь съ желѣзомъ, образуетъ ржавчину, которую мы замѣчаемъ на желѣзѣ, когда оно долго полежитъ на воздухѣ и особенно въ сыромъ мѣстѣ. Изъ соединенія кислорода со ртутью образуется красный порошокъ, называемый *окисью ртути.* Изъ этого порошка, нагрѣвая его, легко добыть чистый кислородъ; но надобно умѣть собрать газъ въ банку, потому что онъ, будучи легче воздуха, тотчасъ же улетитъ. Уголь-

ную кислоту зовутъ кислотою потому, что въ ней кислородъ въ соединеніи съ другимъ тѣломъ — *углеродомъ*. Углеродъ въ чистомъ видѣ есть тѣло твердое — это уголь, графитъ нашихъ карандашей и алмазъ. Не правда ли, трудно себѣ представить, что уголь и алмазъ состоятъ изъ одного вещества? Но сожигая алмазъ въ кислородѣ, убѣдились, что отъ этого, точно также, какъ и отъ сожиганія угля, происходитъ угольная кислота, т. е. соединеніе углерода съ кислородомъ.

Другой замѣчательный газъ, изъ соединенія котораго съ кислородомъ состоитъ вода, есть *водородъ*. Его можно добыть изъ воды, заставивъ посредствомъ жара кислородъ воды соединиться съ желѣзомъ: но этотъ опытъ труденъ и опасенъ. Водородъ—газъ горючій: если къ струѣ водорода поднести пламя, то водородъ загорится, т. е. будетъ соединяться съ кислородомъ, и изъ соединенія водорода съ кислородомъ образуется вода. Пламя къ водороду подносятъ за тѣмъ, чтобы нагрѣть сильно водородъ, безъ чего онъ не станетъ соединяться съ кислородомъ и не вспыхнетъ. Водородъ въ четырнадцать разъ легче обыкновеннаго воздуха, и потому имъ наполняютъ воздушные шары, которые подымаются въ воздухѣ по той же самой причинѣ, по какой подымается со дна воды пузырь, наполненный воздухомъ.

Воздухъ есть смѣсь двухъ газовъ, кислорода и азота; изъ этой смѣси легко получить чистый *азотъ*. Для этого возьмемъ чашку, наполненную водою, пустимъ на воду пробку съ кускомъ ваты, обмокнутымъ въ спиртъ, потомъ зажжемъ вату и покроемъ ее стаканомъ такъ, чтобы края его нѣсколько погружались въ воду. Спиртъ, продолжая горѣть подъ стаканомъ, соединяется съ кислородомъ воздуха, который находится подъ стаканомъ. Когда кислородъ истощится, то на мѣсто его войдетъ въ стаканъ вода, которая займетъ столько мѣста, сколько занималъ кислородъ. Надъ водою же будетъ находиться азотъ, въ которомъ, такъ же какъ и въ угольной кислотѣ, лучинка гаснетъ и животное издыхаетъ. Животное умираетъ въ этомъ газѣ не отъ вредныхъ свойствъ его, но отъ недостатка кислорода, который необходимъ для дыханія. Если въ комнатѣ можетъ помѣститься пять бочекъ воздуха, то чтобы этотъ воздухъ былъ годенъ для дыханія, въ немъ должна необходимо заключаться одна бочка кислорода и четыре бочки азота. Если воздухъ заключаетъ въ себѣ меньше кислорода, то дыханіе въ немъ затрудняется. Воздухъ также дѣлается негоднымъ для дыханія отъ примѣси къ нему другихъ вредныхъ газовъ, какъ напримѣръ угольной кислоты.

РУЧЕИ.

Много я слышалъ уже о журчащихъ ручьяхъ, но никто мнѣ еще не говорилъ, что́ такое они журчатъ. Вотъ свѣтлый источникъ, пробивающійся изъ подъ большаго камня: усядусь-ка возлѣ него и послушаю, что́ такое

онъ болтаетъ. Безчисленныя маленькія волны, перегоняя другъ друга, журча, пробиваются между каменьями и пескомъ, подымая и крутя его бѣлые зернышки.

— Послушайте-ка вы, маленькія рѣзвыя волны, разскажите мнѣ, зачѣмъ вы это такъ торопитесь, куда и откуда бѣжите, почему такъ суетливо толкаете другъ друга?

— О, залепетали волны: насъ много и очень много; тамъ, въ горѣ, насъ еще столько, что и счесть невозможно; мы всѣ хотимъ выйти на Божій свѣтъ, а ворота узки; вотъ почему мы такъ толкаемъ другъ друга, какъ школьники, когда учитель скажетъ имъ: классъ конченъ!

— Гдѣ же вы были до сихъ поръ и что вы дѣлали? Не сидѣли ли вы въ горѣ съ того самаго дня, какъ голубь принесъ Ною масличную вѣтвь въ знакъ того, что вода снова скрылась въ землю.

— О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—залепетали волны, перебивая другъ друга, и каждая изъ нихъ такъ хотѣла разсказать, что съ ней было, что я не могъ разобрать ни слова. Я наклонился къ источнику, зачерпнулъ горсть чистой, холодной воды и, пропуская ее сквозь пальцы, каплю за каплей, выслушивалъ ихъ по одиначкѣ. Какія дивныя исторійки онѣ поразсказали мнѣ!

— Мы, сказали двѣ другія капли, были снѣжинками въ прошедшую зиму и, лежа тамъ на горѣ, весело сверкали на солнцѣ, пока оно весною не растопило насъ.

— Мы были двумя градинками, залепетали другія капли, и увы, согрѣшили: положили на землю тяжелый колосъ. А мы были двумя росинками и напоили жаждущій ландышъ, сказали двѣ новыя капли. Мы носили корабли въ морѣ; мы утолили жажду жаждущаго и спасли ему жизнь; мы вертѣли мельничное колесо; насъ вспѣнивалъ пароходъ; мы были сладкимъ сокомъ въ вишняхъ; мы — вкуснымъ виномъ; мы — лекарствомъ; мы — ядомъ; мы — молокомъ, звенѣли одна за другою прозрачныя капли, скатываясь, какъ перлы съ моихъ пальцевъ.

Одна свѣтлая капелька повисла у меня на пальцѣ: я была когда-то слезою, прошептала она; я — каплею пота, сказала вслѣдъ за ней другая, падая на землю; а я была уже въ твоемъ сердцѣ, прозвенѣла третья, — была теплой капелькой крови, а потомъ, когда ты дохнулъ, я вылетѣла паромъ и понеслась къ облакамъ.

Я видѣлъ, что этимъ исторіямъ конца не будетъ и стряхнулъ обратно въ рѣку остальныя капли, не слушая ихъ болтовни.

Мнѣ хотѣлось пристыдить хвастливый ручей, и я сказалъ ему: разскажи-ка лучше, что ты видѣлъ новаго въ своей горѣ? Чему тамъ быть новому? думалъ я про себя: камни лежатъ неподвижно отъ созданія міра, и будутъ лежать тамъ вѣчно; развѣ человѣкъ выкопаетъ ихъ и построитъ

изъ нихъ дома. Но какъ же удивился я, когда ручей сталъ мнѣ говорить самыя диковинныя вещи!

— Каждая капелька, говорилъ онъ, побывавши дождемъ или снѣгомъ, градомъ или росою, проникаетъ въ землю и работаетъ въ ней изо всѣхъ силъ, не хуже нашихъ рудокоповъ: роетъ для себя самые затѣйливые ходы и переходы. Если тебѣ въ дѣтствѣ разсказывали сказки о подземныхъ горныхъ духахъ и карлахъ, которые будто бы живутъ внутри горъ и охраняютъ тамъ металлы и камни, прилежно работая надъ ними день и ночь, то знай, что эти карлы и эти духи — мы, маленькія капли воды. Мы кажемся тебѣ малы и безсильны; но ты видишь, какъ насъ много, и вѣрно слыхалъ, что капля, падая за каплей, пробиваетъ и твердый камень. Пробѣгая между каменными слоями горъ, каждая изъ насъ уноситъ непримѣтную для твоихъ глазъ частичку той или другой каменной породы. Но скоро тяжелая ноша становится не подъ силу маленькой каплѣ, и она оставляетъ свой кусочекъ камня или металла гдѣ-нибудь совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Такъ строимъ мы изъ известки и гипса блестящіе, красивые кристалы. Также мы заносимъ съ собою то красный кусочекъ желѣзной охры, то зеленый и голубой кусочекъ мѣднаго купороса, и раскрашиваемъ ими другіе каменья. Иногда доберутся капли воды внутри горы до большой, просторной пещеры... О, да и пещеру-то эту сдѣлали мы же! Она прежде вся была набита солью; но милліоны водяныхъ капель выпили эту соль и унесли ее куда нибудь въ другое мѣсто, можетъ быть въ море, гдѣ вода, какъ ты знаешь, такая соленая. Въ такой пещерѣ намъ привольно работать: звучно падаемъ мы съ потолка и, оставляя на немъ приносимые нами кусочки камня, строимъ самыя диковинныя вещи, похожія на ваши церкви и башни. Ты видѣлъ, вѣроятно, какъ зимою, растаивая на солнышкѣ и стекая съ крыши, превращаемся мы отъ холода въ длинныя, прозрачныя сосульки. Наша подземная работа немножко похожа на эту, только тамъ мы работаемъ сосульки не изъ воды, а изъ известки; сами же уходимъ дальше. На днѣ пещеръ собираются капли въ цѣлыя подземныя озера; потомъ выбѣгаютъ оттуда ручьями въ разсѣлины скалъ, или прыгаютъ шумными водопадами со скалы на скалу. Къ намъ прибѣгаетъ иногда напиться горная саламандра, небольшое длинненькое животное, блѣдное и слѣпое: вамъ скучно въ этихъ пещерахъ безъ солнца, а оно боится, какъ смерти, солнечныхъ лучей. Если на дорогѣ попадется намъ въ горѣ кусокъ дерева, мы начинаемъ хлопотать изо всѣхъ силъ: каждую клѣточку наполнимъ или кремнемъ, или известкой; древесину же разломаемъ и унесемъ прочь, словомъ, сдѣлаемъ то, что вы называете окаменѣлымъ деревомъ, но называете совершенно несправедливо, потому что тамъ дерева нѣтъ ни крошки, а все одинъ чистый камень: отъ дерева осталась одна только форма. И сколько намъ было хлопотъ, чтобы выдѣлать отчетливо изъ камня каждую жилку,

каждую ячейку! То же самое дѣлаемъ мы и съ раковинами, если онѣ намъ попадутся, и любимъ подражать ихъ формамъ. Раковины тоже сдѣланы изъ известки какимъ нибудь животнымъ, которое строило себѣ этотъ домикъ за многія тысячи лѣтъ до васъ; но намъ эта известка нужна, и мы ее всю растащимъ, а на память о бывшемъ животномъ и его домикѣ, выстроимъ этотъ домикъ изъ другихъ матеріаловъ.

Въ это самое время набѣжала новая волна и начала мнѣ разсказывать другую исторію: она говорила, какъ водяныя капли мало по малу подрыли цѣлую гору въ Швейцаріи, такъ что она со всѣми своими тяжелыми камнями, съ землею, покрывавшею эти камни, и съ деревьями, которыя росли на землѣ, рухнула въ долину и засыпала четыре деревни съ людьми и животными. Но я перервалъ печальный разсказъ и сказалъ волнамъ, что не люблю слушать о дѣлахъ разрушенія и гибели.

— Разскажи-ка мнѣ лучше, спросилъ я снова у ручья, что нибудь другое. Если твои капли внутри горы такъ много ѣдятъ и пьютъ, такъ много разрушаютъ и строятъ, то нѣтъ сомнѣнія, что и твоя свѣтлая вода, сквозь которую я такъ ясно вижу и маленькій камешекъ и крошечную блестящую рыбку, совсѣмъ не такъ чиста, какъ кажется съ виду?

— Легко, очень легко можетъ случиться, отвѣчалъ ручей, что тотъ или другой изъ моихъ маленькихъ работниковъ унесъ съ собою то тотъ, то другой матеріалъ.

— Но какіе же матеріалы, куда и зачѣмъ несутъ твои хлопотливые работники? спросилъ я у ручья.

— Мы несемъ известку, отвѣчали однѣ капельки: насъ уже давно ждутъ милліоны маленькихъ морскихъ животныхъ, улитокъ, полиповъ, морскихъ звѣздъ, которымъ нужно строить себѣ жилища и крѣпкіе кораллы, а для коралловъ нужно много извѣстки, потому что изъ нихъ дѣлаются цѣлые острова въ океанѣ.

— Мы несемъ кремнеземъ, пролепетали другія капли: множество инфузорій и растеній ждутъ насъ давно; даже травка на берегу и та проситъ, чтобъ мы дали ей частичку.—Мы несемъ воздухъ въ маленькихъ незамѣтныхъ пузырькахъ, звенѣли новыя капли,—воздухъ, безъ котораго не могли бы дышать въ водѣ ни рыбки, ни другія водяныя животныя. — Мы несемъ угольную кислоту, чтобы напоить ею корешки незабудки; — мы — гипсъ; мы—желѣзо; мы—фосфоръ; мы—множество соли, которая нужна безчисленнымъ растеніямъ, животнымъ и даже вамъ, людямъ. Не вы ли сами приходите искать соли тамъ, гдѣ мы ее сложимъ? Не вы ли приходите лечиться къ намъ и рады-радехоньки, когда почуете, что въ насъ есть или сѣра, или желѣзо, или какой нибудь другой минералъ, который вамъ помогаетъ въ болѣзняхъ? Тогда вы величаете насъ минеральными ключами, цѣлебными источниками, а иногда и теплыми ключами, если мы выходимъ

къ вамъ, нагрѣвшись прежде у подземнаго огня. Вы тогда ухаживаете за нами, вычищаете насъ отъ сору, устраиваете для насъ красивые бассейны, строите возлѣ насъ богатые дома, ванны, гостинницы, цѣлые города! Неужели ты ничего не слыхалъ о Баденъ-Баденѣ, Эмсѣ, Пятигорскѣ, Кисловодскѣ или другихъ какихъ-нибудь мѣстахъ, прославленныхъ нашими цѣлебными источниками?

— О, не думай, что мы ничего не дѣлаемъ, зажурчали всѣ капли вмѣстѣ: напротивъ, мы никогда не знаемъ покоя и трудолюбивѣе муравьевъ, которые вѣчно строятъ свое жилище, вѣчно суетятся, бѣгаютъ и таскаютъ кусочки соломы втрое больше себя. Наработавшись въ волю и въ облакахъ, и въ травѣ, и въ листьяхъ, которые мы такъ освѣжаемъ, напоивъ растенія, животныхъ и людей, — мы спѣшимъ въ ручей, а по дорогѣ вертимъ мельничныя колеса и носимъ лодки, изъ ручья бѣжимъ въ рѣчку, изъ рѣчки въ широкое безбрежное море, и тутъ бы, кажется, можно намъ было отдохнуть и успокоиться; но лучи солнышка пригрѣютъ насъ и превратятъ въ легкій туманъ. Поднявшись высоко, мы станемъ облаками и понесемся по небу, пока не найдемъ мѣста, гдѣ снова ожидаетъ насъ работа. Мы работаемъ безъ устали и не скучаемъ; намъ весело, что мы принимаемъ такое дѣятельное участіе въ Божіемъ мірѣ, и поимъ неисчислимые милліоны растеній, животныхъ и людей.

— Боже великій! сказалъ я, отходя отъ болтливаго ручья: нѣтъ предѣловъ Твоей премудрости. Сколько великихъ дѣлъ Ты совершаешь крошечною каплею воды! Сколько жизни и дѣятельности въ Твоемъ мірѣ! Сдѣлай такъ, чтобы и я не прожилъ безъ пользы: а не то мнѣ будетъ стыдно взглянуть на дѣятельную водяную каплю.

ЗВУКЪ И СВѢТЪ.

Если разбить камень на мелкіе куски, то каждый изъ этихъ кусковъ можно еще разбить на болѣе мелкіе кусочки; но и самую малѣйшую песчинку можно опять раздробить на нѣсколько частей, еще болѣе мелкихъ, и кажется, что нѣтъ такой маленькой частички, которую нельзя было бы раздѣлить еще на части. Но физики предполагаютъ, что есть такія маленькія частички, которыхъ уже нельзя раздробить болѣе; но что эти частички такъ малы, что мы не можемъ ни видѣть ихъ по-одиначкѣ, ни ощупать рукой. Такія *недѣлимыя* болѣе уже частички физики назвали *атомами*, и предполагаютъ, что изъ атомовъ состоитъ всякое тѣло: твердое, жидкое и воздухообразное. Въ твердыхъ тѣлахъ атомы сильно держатся другъ за друга, въ жидкихъ слабѣе, въ газообразныхъ еще слабѣе. Въ тѣлахъ упругихъ (какъ напр. стальная пружина или кусокъ резины) атомы, положеніе которыхъ нарушено какою-нибудь постороннею силою, какъ только эта сила перестанетъ дѣйствовать, стремятся опять прійти въ прежнее поло-

женіе: кусокъ резины, если его перестанутъ растягивать, опять сожмется; стальная пружина, если ее перестанутъ гнуть, опять выпрямится. Одни тѣла имѣютъ болѣе упругости, другія менѣе. Воздухъ—одно изъ самыхъ упругихъ тѣлъ.

Если мы бросимъ камень въ воду, то положеніе частичекъ воды нарушится: она заколышется, и отъ того мѣста, гдѣ упалъ камень, пойдутъ по поверхности воды круговыя волны, которыя, все расширяясь болѣе и болѣе, становятся все менѣе замѣтными и, наконецъ, исчезаютъ. Если волна дойдетъ до берега, то ударится о него и нѣсколько отхлынетъ назадъ. Долго волнуется рѣка, по которой пролетитъ быстрый пароходъ, и долго волны, поднятыя имъ, бьются о берега, всякій разъ отражаясь назадъ. Если маленькая лодочка пойдетъ по рѣкѣ вслѣдъ за пароходомъ, то ее долго качаетъ и подкидываетъ.

То же самое должно дѣлаться и въ воздухѣ, который, какъ вода, обливаетъ землю со всѣхъ сторонъ, съ тою только разницею, что волненія воды мы видимъ, а волненія воздуха мы видѣть не можемъ, потому что невидимъ самаго воздуха. Когда покой атомовъ, составляющихъ воздухъ, нарушенъ ударомъ, то эти атомы дрожатъ, ходятъ взадъ и впередъ и приводятъ въ движеніе сосѣдніе атомы; тѣ въ свою очередь толкаютъ другіе, и такимъ образомъ дрожь атомовъ воздуха распространяется на большое пространство; но чѣмъ далѣе, тѣмъ дѣлается слабѣе, точно также, какъ и волны воды, въ которую вы бросите камень. Если же дрожитъ какое-нибудь другое упругое тѣло, наприм. струна, то и воздухъ, прикасающійся къ этому тѣлу, также начинаетъ дрожать, и эта дрожь воздуха быстро распространяется на значительное разстояніе. Съ воздухомъ въ этомъ случаѣ дѣлается то же самое, что́ дѣлается съ водою, если вы нальете ее въ стаканъ и начнете стучать по краю сосуда. Дрожь сосуда сообщится водѣ, и по ней пойдутъ маленькія волны.

Наоборотъ, если какое-нибудь твердое тѣло будетъ находиться посреди всколыханнаго, дрожащаго воздуха; то волны воздуха будутъ биться о него, точно такъ же, какъ волны моря бьются о берега; если же предметъ маленькій и легкій, то станутъ колебать его, какъ колебали лодочку волны рѣки, по которой пролетѣлъ пароходъ. Повѣсьте листъ бумаги не въ дальнемъ разстояніи отъ пустаго стакана или отъ струны, начните ударять по стакану или заставьте дрожать струну, и вы увидите, что взволнованный воздухъ заставитъ дрожать и листъ бумаги. Бумага, конечно, не можетъ чувствовать, что она дрожитъ; но если вмѣсто бумаги мы представимъ себѣ слуховой нервъ животнаго, одареннаго чувствомъ, то поймемъ, что животное можетъ ощущать дрожаніе нерва и слѣдовательно дрожаніе воздуха. Такіе именно нервы находятся во внутреннемъ слуховомъ органѣ животныхъ, и кончики этихъ нервовъ плаваютъ тамъ въ жидкости, которую ко-

лыпетъ взволнованный воздухъ, ударяясь о перепонку, закрывающую эту жидкость, какъ ударяются волны рѣки о берега. Ощущеніе, которое испытываетъ слуховой нервъ, когда дрожащій воздухъ заставляетъ его самаго дрожать, называется *звукомъ*.

Струна дрожитъ и заставляетъ также дрожать воздухъ; дрожаніе воздуха, сообщаясь отъ атома къ атому, доходитъ до уха и заставляетъ дрожать натянутую въ немъ перепонку; отъ дрожи перепонки дрожитъ находящаяся за ней жидкость; отъ дрожанія жидкости дрожатъ плавающіе въ ней концы слуховыхъ нервовъ; а дрожаніе слуховыхъ нервовъ кажется животному звукомъ. Въ безвоздушномъ пространствѣ звуковъ не бываетъ, хотя бы язычекъ колокольчика бился о его стѣнки, или хотя бы натянутая струна дрожала. Кожа барабана звучитъ, когда по ней бьютъ; струна скрипки — когда по ней тянутъ смычкомъ; колонна воздуха, находящаяся внутри трубы, флейты, свистка — когда на нее сильно дуютъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дрожатъ сначала атомы звучащаго тѣла, отъ нихъ атомы воздуха, а отъ нихъ атомы слуховыхъ нервовъ.

Что звукъ происходитъ отъ дрожанія частичекъ воздуха, въ этомъ никто не сомнѣвается; но чтобы объяснить явленіе свѣта, ученые предполагаютъ существованіе какого-то наполняющаго міръ *эфира*, котораго въ спокойномъ его состояніи нельзя ощущать ни однимъ изъ пяти чувствъ. Этотъ эфиръ приводится въ движеніе горящими тѣлами и солнцемъ, которое окружено пламенной атмосферой, а отражаясь отъ земли и предметовъ, на ней находящихся, этотъ дрожащій эфиръ дѣлаетъ для насъ видимыми всѣ предметы. Когда заходитъ солнце, или изъ комнаты уносятъ свѣчу, тогда эфиръ приходитъ въ спокойное состояніе, и потому дѣлается темно; лучи солнца суть струи дрожащаго эфира, идущія во всѣ стороны отъ пламенѣющаго солнца; точно также какъ звукъ есть не что иное, какъ струя дрожащаго воздуха, идущая во всѣ стороны отъ дрожащаго предмета; первая поражаетъ наши зрительные нервы, вторая — наши нервы слуха.

ГРОМЪ И МОЛНІЯ.

Мы знаемъ уже, какое важное значеніе имѣетъ для насъ оконное стекло, защищающее наши жилища отъ холода и непогоды и свободно пропускающее отрадные лучи свѣта. Но вотъ искусный работникъ беретъ толстое стекло, дѣлаетъ изъ него большой кругъ и провертываетъ въ срединѣ стекляннаго круга дыру. Въ эту дыру всаживаетъ онъ валикъ съ ручкою, а валикъ утверждаетъ на двухъ стеклянныхъ же ножкахъ; словомъ, укрѣпляетъ стеклянный кругъ подобно тому, какъ точильщикъ укрѣпляетъ свое вертящееся каменное колесо. Съ одного края стекла, на той же доскѣ, на которой стоятъ ножки, поддерживающія кругъ, ставится деревянная подставка, и къ верхнему концу ея придѣлываются двѣ дощечки, такъ чтобы

онѣ, какъ двѣ широкія ладони, обнимали собою одинъ край стекляннаго круга. Дощечки эти съ той стороны, гдѣ онѣ прилегаютъ къ стеклу, обтягиваются кожею, а кожа намазывается смѣсью ртути и цинка. Вся же машина устроивается такъ, чтобы кругъ, когда станутъ вертѣть ручку валика, на которомъ онъ утвержденъ, терся о кожу, натянутую на дощечкахъ и намазанную *амальгамой:* такъ называютъ эту смѣсь ртути и цинка. Къ мѣдной скобкѣ, на которой держится подушка, привѣшивается металлическая цѣпочка, спускающаяся до земли *).

Если теперь начать вертѣть стеклянный кругъ и въ то же время поднести палецъ къ краю его, то изъ стекла перескакиваетъ въ палецъ маленькая голубая искорка, причемъ слышенъ легкій трескъ и во всемъ тѣлѣ, особенно въ суставахъ руки, чувствуется какое-то сотрясеніе: довольно замѣтный и быстрый ударъ. Вотъ вамъ громъ и молнія въ самомъ маленькомъ видѣ.

Въ стеклѣ находятся двѣ различныя, невидимыя жидкости, которыя обѣ называются *электричествомъ*, но одна—*положительнымъ* электричествомъ, а другая—*отрицательнымъ*. Обѣ эти невидимыя жидкости—двѣ старинныя неразлучныя пріятельницы, и гдѣ находится одна, тамъ и другая; если же ихъ раздѣлятъ насильно, то онѣ жадно ищутъ перваго случая, чтобы вновь соединиться: вотъ причина искорки, выскакивающей изъ стекла въ палецъ, а также причина грома и молніи.

Два дружныя электричества вы раздѣлили въ стеклянномъ кругѣ, терши его о подушки, намазанныя амальгамой: положительное электричество осталось на стеклѣ, а отрицательное ушло черезъ подушки, по мѣдной цѣпочкѣ, въ землю. Когда же вы подносите палецъ къ стеклу, то его сильное положительное электричество вызываетъ отрицательное изъ вашего тѣла и быстро съ нимъ соединяется; отъ этого соединенія происходитъ голубая искорка.

Въ тѣлѣ человѣка, какъ и во всякомъ другомъ тѣлѣ, находятся въ соединеніи два электричества—положительное и отрицательное; и пока они соединены, до тѣхъ поръ ничѣмъ не проявляютъ своего существованія.

Но почему же эти странныя жидкости назвали электричествомъ, и что это за слово? Слово электричество не русское, а происходитъ отъ греческаго слова *электронъ*, что значитъ янтарь. Электричествомъ же, или янтарностью, назвали эту силу потому, что прежде всего ее замѣтили въ янтарѣ. Если взять кусокъ янтарю и всякой другой смолы, потому что янтарь есть тоже смола, или даже просто кусочекъ сургуча, потому что и сургучъ дѣлается изъ смолы, и потереть имъ о сукно, то хотя искорки и не покажется, но сургучъ станетъ притягивать и отталкивать маленькіе кусочки бумажки или дерева; ту же самую силу замѣтимъ мы и въ кускахъ сѣры. Не только въ сте-

*) См. рисунокъ.

клѣ, смолѣ, сѣрѣ находятся оба электричества, но и въ каждомъ другомъ тѣлѣ: въ землѣ, въ водѣ, въ воздухѣ, въ камняхъ и металлахъ, растеніяхъ, животныхъ и людяхъ; но только не вездѣ ихъ такъ легко раздѣлить, какъ въ стеклѣ или въ смолѣ, а потому не вездѣ они такъ и замѣтны.

Мы знаемъ уже, что облака образуются преимущественно изъ морскихъ испареній; а при испареніи соленой воды положительное электричество уносится парами, и когда этого электричества скопится въ облакахъ много, тогда оно стремится соединиться съ отрицательнымъ электричествомъ земли, и, конечно, стремится къ самому ближайшему предмету на землѣ: къ верхушкѣ скалы, высокому дереву, высокой колокольнѣ или крышѣ дома. Почуя приближеніе облачнаго положительнаго электричества, другое, отрицательное, находящееся въ землѣ, стремится къ нему навстрѣчу. И это стремленіе съ обѣихъ сторонъ такъ быстро и сильно, что воздухъ едва успѣваетъ давать дорогу электричеству; а отъ сильнаго колебанія воздуха происходитъ громъ, точно такъ, какъ происходитъ слабый свистъ, когда вы машете палкой по воздуху. Если оба электричества, земное и облачное, соединяются въ деревѣ или въ крышѣ дома, или въ какомъ нибудь другомъ подымающемся кверху, горючемъ и неслишкомъ крѣпкомъ предметѣ, то онъ растрескивается и загорается. Если электричества соединяются въ пескѣ, то песокъ сплавляется въ стекловидные куски, которые зовутъ громовыми стрѣлами; а если, къ несчастію, на дорогѣ соединенія двухъ электричествъ попадется животное или человѣкъ, то погибель ихъ неизбѣжна, и за мгновеннымъ ударомъ слѣдуетъ мгновенная смерть.

Если къ краю стекла электрической машины мы вмѣсто пальца поднесемъ длинную мѣдную или желѣзную палочку, то искра такъ же быстро перебѣгаетъ по палочкѣ въ наше тѣло, какъ будто бы мы держали палецъ у самаго стекла. Если бы наша металлическая палочка была въ цѣлую версту длиною, то и тогда мы не успѣли бы мигнуть глазомъ, какъ почувствовали бы искру въ нашемъ тѣлѣ. Вотъ почему металлы называются *хорошими проводниками* электричества. Если же мы поднесемъ къ стеклу электрической машины кусокъ сургуча, стеклянную палочку или шелковый снурокъ, то не замѣтимъ, чтобы электричество передавалось нашей рукѣ. Вотъ почему шелкъ, смола и стекло называются *дурными проводниками*. Вотъ почему также электрическія машины ставятся не на металлическихъ, а на стеклянныхъ столбикахъ, которые не позволяютъ сбѣгать электричеству въ землю; и вотъ почему проводятъ мѣдную цѣпочку, когда хотятъ, чтобы электричество ушло въ землю. Замѣчательно, что эти-то дурные проводники и употребляются для добыванія электричества; потому, что электричество въ нихъ скопляется и задерживается лучше, чѣмъ въ хорошихъ проводникахъ, но передается съ нихъ слабо; а потомъ и искра, появляющаяся при прикосновеніи къ наэлектризованному стеклянному кругу, очень

слаба. Чтобы получить болѣе сильную искру, присоединяется къ электрической машинѣ мѣдный, пустой въ серединѣ, валикъ, называемый *кондукторомъ* или проводникомъ. На одномъ концѣ кондуктора—мѣдная вилка, обхватывающая край стекляннаго круга, не прикасаясь къ нему; на другомъ концѣ — мѣдный шарикъ на мѣдной же палочкѣ. Весь кондукторъ, чтобы съ него электричество не уходило въ землю, точно также какъ и стеклянный кругъ, ставится на стеклянныхъ столбикахъ. Сильное положительное электричество стекляннаго круга вызоветъ черезъ зубчатую вилочку отрицательное электричество кондуктора и станетъ съ ними соединяться: положительное же электричество кондуктора соберется на противоположномъ его концѣ и въ особенности на маленькомъ шарикѣ; а такъ какъ металлъ хорошій проводникъ и электричество сбѣгаетъ съ него легко, то при прикосновеніи къ шарику кондуктора получится яркая и сильная искра.

Если на верхушкѣ дома или колокольни поставить металлическій шпицъ и отъ этого шпица провести металлическую же проволоку въ землю или въ ближайшій колодезь, то молнія, попадая въ шпицъ, пойдетъ мимо дома по проволокѣ въ колодезь, потому что металлъ лучше проводитъ электричество, чѣмъ дерево. Такимъ образомъ предохраняются зданія отъ ударовъ молніи. Такія предохранительныя орудія называются *громоотводами*.

Вы вѣроятно замѣтили, что громъ всегда раздается послѣ того, какъ блеснетъ молнія, и чѣмъ дальше отъ насъ совершается гроза, тѣмъ дольше не слышно грома послѣ молніи. Причина этого очень понятна: свѣтъ (струя дрожащаго эфира) пробѣгаетъ въ секунду 280,000 верстъ, а звукъ (струя дрожащаго воздуха) только 157 саженей; слѣдовательно, звукъ движется гораздо медленнѣе, чѣмъ свѣтъ, и свѣтъ молніи долетаетъ къ намъ гораздо быстрѣе, чѣмъ звукъ грома. Вотъ почему по продолжительности времени, проходящаго отъ появленія молніи до громоваго удара, можно разсчитать приблизительно отдаленность грозы.

Электричество пробѣгаетъ въ людяхъ и животныхъ съ такою же неудержимостію и быстротою, какъ и въ металлической палочкѣ, и если бы тысяча человѣкъ взяли другъ друга за руки, и первый изъ этой длинной вереницы дотронулся до электрической машины, то послѣдній почувствовалъ бы электрическій ударъ почти въ то же самое мгновеніе, какъ и первый, и съ тою же самою силою. Вотъ почему случалось иногда, что цѣлое стадо лошадей, испуганное грозою и столпившееся въ кучу, было убиваемо однимъ громовымъ ударомъ.

Замѣчательно также, что молнія, попадая въ металлическія вещи, легко плавимыя и особенно блестящія, часто расплавляетъ ихъ совершенно.

СТРОЕНІЕ РАСТЕНІЙ.

Какое безчисленное множество листьевъ рождается каждую весну и

умираетъ каждую осень, утучняя собою землю! Кажется, для природы ничего не стоитъ произвесть такую пустую вещь, какъ листокъ; а между тѣмъ, разсмотрѣвъ хорошенько устройство листка, мы убѣдимся, что оно сложнѣе и труднѣе устройства самой трудной и сложной машины, сдѣланной руками человѣка. Посмотрите, сколько въ немъ жилокъ и какъ эти жилки, развѣтвляясь все больше и больше, становятся до того мелки, что за ними, безъ помощи микроскопа, и слѣдить невозможно. Но этого мало: если взять, напримѣръ, листокъ садовой гвоздики и ножичкомъ проскоблить его довольно крѣпкую верхнюю кожицу, то подъ нею мы увидимъ зеленую, влажную мякоть. Возьмемъ немного этой мякоти на кончикъ ножика и опустимъ ее въ каплю воды, въ которой она и расплывается. Если взглянуть теперь въ микроскопъ на такую каплю воды, то можно увидѣть, что въ ней плаваютъ маленькіе шарообразные, прозрачные пузырьки, наполненные жидкостью, въ которой въ свою очередь плаваютъ еще меньшія, крошечныя зеленыя крупинки, и отъ этихъ-то крупинокъ кажется зеленымъ весь листокъ. Эти крошечные пузырьки, съ крупинками въ серединѣ, ботаники называютъ *клѣточками* или *ячейками*.

Какъ ни мала эта клѣточка, но она имѣетъ большое значеніе, потому что изъ подобныхъ клѣточекъ составляется не только весь листъ, его мякоть, жилки и кожица, но все растеніе! вѣтки, сучья, стволъ, кора, корень, цвѣтокъ, плодъ, зерно и самый зародышъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что дома строютъ изъ кирпичей и можемъ въ этомъ легко убѣдиться, потому что кирпичъ видѣть не трудно; но видѣть клѣточки, изъ которыхъ состоитъ растеніе, можно только въ сильно-увеличивающій микроскопъ. Изъ одинаковыхъ кирпичей люди строятъ и дома, и колокольни, и мосты, и стѣны: изъ одинаковыхъ же клѣточекъ природа, которая гораздо искуснѣе людей, строитъ милліоны самыхъ разнообразныхъ растеній и въ каждомъ растеніи выдѣлываетъ самыя разнообразныя части. Трудно представить себѣ, что, напримѣръ, красивый цвѣтокъ розы, вкусная мякоть груши, полѣно березы или сосны и даже твердая шелуха орѣха состоятъ изъ одинаковыхъ клѣточекъ; а между тѣмъ это истина, — и все, что растетъ, даже тѣло всякаго животнаго и все тѣло человѣка, состоятъ изъ подобныхъ же растительныхъ *клѣточекъ*. Но это, впрочемъ, объясняется тѣмъ, что мягкія клѣточки не только могутъ принимать, смотря по обстоятельствамъ, самую разнообразную форму, но могутъ, кромѣ того, наполняться самыми различными веществами.

Стѣнки каждой растительной клѣточки обладаютъ чуднымъ свойствомъ пропускать внутрь клѣточки тѣ частицы различныхъ веществъ, находящихся и въ воздухѣ, и въ водѣ, и въ землѣ, которыя необходимы растенію, и выпускать вонъ тѣ, которыя растенію болѣе не нужны. При проходѣ сквозь стѣнки клѣточки и, находясь внутри ея, различныя вещества

разлагаются на свои составныя части, соединяются съ новыми и измѣняются такъ, что ихъ и узнать нельзя. Крошечная клѣточка — удивительнѣйшее созданіе Божіе, и человѣкъ не только не можетъ сдѣлать одной клѣточки, но даже не можетъ вполнѣ понять, какъ она работаетъ. Въ мягкихъ частяхъ растенія, клѣточки, которыхъ ничто не жметъ, имѣютъ шарообразную форму, или сдавлены другъ другомъ немного и наполнены тою или другою жидкостью; въ сухихъ, твердыхъ частяхъ онѣ, напротивъ, сжимаются, вытягиваются и сами сухи и тверды; въ лепесткѣ розы онѣ наполнены розовымъ веществомъ, въ листьяхъ—зеленымъ, въ картофелинѣ—крахмаломъ и т. д. Иногда клѣточка вытягивается въ длинную трубочку, иногда эта трубочка свертывается винтомъ; разорвите осторожно какой-нибудь мясистый листокъ, и вы увидите, какъ между двумя кусками листка потянутся тоненькія, какъ паутина, курчавыя нити: это клѣточки, свернутыя винтомъ или, какъ говорятъ, спиралью. Эти вытянутыя клѣточки, нити и трубочки такъ тонки, что ихъ на пространствѣ шириною въ палецъ можно уложить нѣсколько тысячъ; онѣ называются *сосудами*, такъ какъ въ нихъ въ молодости содержатся жидкости. Сосуды растеній бываютъ глухіе, т. е. закрытые съ обѣихъ сторонъ, потому что они не что иное, какъ вытянутыя клѣточки.

Есть растеніе, называемое *первопузырникомъ*, которое все состоитъ изъ одной только шарообразной клѣточки (пузырька), наполненной жидкостью, со множествомъ плавающихъ въ ней красноватыхъ крупинокъ. Эти крупинки мало-по-малу растутъ, разрываютъ содержащую ихъ клѣточку и дѣлаются новыми, самостоятельными клѣточками; въ нихъ опять появляются крупинки и, въ свою очередь, снова растутъ, снова разрываютъ содержащій ихъ пузырёкъ и т. д. Въ этомъ и состоитъ вся жизнь первопузырника, простѣйшаго изъ растеній. Отъ красныхъ первопузырниковъ, плавающихъ въ Красномъ или Чермномъ морѣ, зависитъ красноватый цвѣтъ его водъ, отъ котораго оно получило свое названіе. Но чѣмъ-же питается первопузырникъ, когда у него нѣтъ корней? Всею своею поверхностью: тонкія стѣнки его высасываютъ изъ воды и воздуха тѣ частички, которыя нужны растенію.

Проще первопузырника растенія быть не можетъ; но вотъ другое, немного посложнѣе: въ немъ клѣточки уже срастаются одна съ другою и образуютъ длинную тонкую нить зеленаго цвѣта. Это растеніе называется *зеленой нитчаткой*, и покрываетъ лѣтомъ поверхность стоячихъ водъ, каналовъ и прудовъ, въ видѣ нитокъ, сбитыхъ въ клочья. Какъ первопузырникъ, такъ и нитчатка причисляются къ семейству *водорослей*, потому что появляются всегда на водахъ.

Въ растеніяхъ, болѣе развитыхъ, клѣточки начинаютъ складываться не только вдоль, но въ ширину и толщину, нѣсколько сжимая другъ друга, но не превращаясь еще въ длинныя трубочки, или сосуды: таково устрой-

ство грибовъ и другихъ простыхъ растеній. Въ деревьяхъ, въ цвѣтахъ, въ травахъ клѣточки находятся уже не въ своемъ первоначальномъ видѣ; но, сжимаясь, растягиваясь, удлиняясь, свертываясь, высыхая или наполняясь жидкостями самыхъ разнообразныхъ свойствъ и цвѣтовъ, составляютъ разнообразнѣйшіе *сосуды*, изъ которыхъ состоитъ все растеніе. Растенія, состоящія изъ клѣточекъ, превратившихся уже въ сосуды, называются *сосудистыми;* а растенія, только сложенныя изъ клѣточекъ, почти въ [illegible]хъ первообразной формѣ, называются *клѣтчатными;* каковы, напримѣръ, плѣсень, лишаи, грибы и мхи.

ПИТАНІЕ РАСТЕНІЯ.

Растенія не только сложены изъ клѣточекъ, но и питаются посредствомъ тѣхъ же самыхъ клѣточекъ. У растеній, какъ мы знаемъ, нѣтъ особеннаго желудка, какъ у животныхъ; но такъ какъ все назначеніе растенія состоитъ въ томъ, чтобы разростаться (увеличиваться въ объемѣ и размножаться), то все его тѣло состоитъ изъ безчисленнаго множества крошечныхъ желудковъ или, лучше сказать, все растеніе есть одинъ желудокъ, всасывающій и переработывающій пищу. Теперь посмотримъ, какъ совершается этотъ процессъ питанія въ деревѣ.

Дождевая или снѣговая вода, проникая въ почву, гдѣ роются корни дерева, растворяетъ въ себѣ нѣкоторыя землистыя вещества, встрѣчаемыя ею на пути, подобно тому, какъ она растворяетъ обыкновенную поваренную соль. Растворъ этотъ всасывается не всею поверхностію корня, но только самыми тонкими корешками, такъ называемыми *корневыми мочками*, которыя идутъ во всѣ стороны отъ корня и похожи на нити или волоски. Корни растутъ сверху внизъ, а потому на концахъ корневыхъ мочекъ находятся всегда самыя молодыя, самыя свѣжія клѣточки съ тонкими стѣнками, способными сильно всасывать пищу, почему концы мочекъ иногда называютъ *губочками*. Всосанная корневыми мочками жидкость подымается вверхъ, переходя изъ клѣточки въ клѣточку и по промежуткамъ между клѣточками, почти такъ же, какъ подымается вода вверхъ по сахару, подмоченному снизу, или по кучѣ песку. Достигнувъ ствола, соки продолжаютъ подниматься выше вверхъ по стволу, по пути растворяютъ въ себѣ нѣкоторыя твердыя вещества, встрѣчаемыя ими въ растеніи, и дѣлаются гуще. Когда сокъ дойдетъ до листьевъ... Но позвольте, мы еще не знаемъ съ вами вполнѣ устройства листа, а потому не будемъ въ состояніи понять, что̀ дѣлаетъ листочекъ съ соками растенія.

Разсмотрѣвъ подъ микроскопомъ кожицу листа, мы увидимъ, что она вся состоитъ изъ клѣточекъ прозрачныхъ, плоскихъ, болѣе или менѣе сухихъ и плотно прилегающихъ одна къ другой. На нижней поверхности листа мы кромѣ того замѣтимъ въ кожицѣ множество маленькихъ отвер-

стій, ведущихъ въ *пещерки*, находящіяся въ листовой мякоти. Эти отверстія называются *устьицами*, потому что каждое изъ нихъ окружено двумя клѣточками, имѣющими вмѣстѣ форму губъ (устъ).

Достигнувъ листьевъ, восходящій сокъ растенія скопляется по преимуществу въ клѣточкахъ, окружающихъ маленькія пещерки. Здѣсь-то онъ соприкасается съ воздухомъ, который входитъ съ пещерки черезъ маленькія устьица, подобно тому, какъ кровь человѣка соприкасается съ воздухомъ въ легкихъ. Черезъ эти устьица испаряется лишняя вода, бывшая въ сокѣ, что легко повѣрить на опытѣ, если помѣстить подъ стклянку пучокъ листьевъ живаго растенія: при охлажденіи стклянки внутренность ея покрывается парами. Черезъ устьица же входитъ въ листочекъ воздухъ, который постоянно содержитъ въ себѣ небольшое количество газа, называемаго *углекислымъ*. Газъ этотъ отдѣляется при дыханіи животныхъ, горѣніи и гніеніи органическихъ тѣлъ.

Углекислый газъ, войдя въ пещерку вмѣстѣ съ воздухомъ, подъ вліяніемъ свѣта разлагается въ сокахъ на составляющія его простыя вещества: *углеродъ* и *кислородный газъ*. Углеродъ соединяется съ соками растенія, а кислородный газъ, необходимый для дыханія животныхъ и людей, возвращается опять въ воздухъ. Вотъ отчего намъ такъ легко и пріятно дышать днемъ въ мѣстахъ обильныхъ травами и деревьями. Ночью, наоборотъ, растенія поглощаютъ кислородъ, а испускаютъ *угольную кислоту*, почему вредно держать въ комнатѣ, гдѣ мы спимъ, много растеній, особенно въ цвѣту.

Растительные соки, обогатившись углеродомъ въ листьяхъ, переходятъ опять въ стволъ и опускаются внизъ между корою и твердою частью дерева, *древесиною*, образуя на своемъ пути новый слой коры (*лубъ*) и новый слой древесины (*заболонь*). Такъ какъ растительность на зиму прекращается и старые слои древесины постепенно отвердѣваютъ, то новый, однолѣтній слой ея всегда отличается нѣсколько по цвѣту отъ прежняго, прошлогодняго, и, взглянувъ на отрубъ дерева, по числу слоевъ или круговъ, идущихъ отъ сердцевины къ корѣ, можно судить о числѣ лѣтъ, прожитыхъ деревомъ. На отрубѣ толстой сосны вы можете иногда насчитать болѣе ста слоистыхъ круговъ: значитъ, эта сосна росла болѣе ста лѣтъ. Дубы растутъ по пяти сотъ лѣтъ и больше, а есть и такія деревья, которыя растутъ болѣе тысячи лѣтъ. Снаружи дерева лежитъ самый старый слой коры, который отъ прибавленія подъ нимъ ежегодно новыхъ слоевъ растягивается и, наконецъ, трескается. За корою идетъ молодой, недавно образовавшійся лубъ, далѣе ежегодные слои древесины, а въ серединѣ — сердцевина.

Жизнь цѣлаго растенія состоитъ въ жизни клѣточекъ, его составляющихъ. Всасывая тѣ или другія питательныя вещества, дѣятельныя клѣточки переработываютъ ихъ въ новые соки, деревянистые, крахмальные, сахаристые, маслянистые, которыми мы пользуемся, употребляя растенія для

той или другой цѣли. У сахарнаго тростника, напримѣръ, бо́льшая часть клѣточекъ, составлющихъ его сердцевину, наполнена растворомъ сахара; растворъ этотъ выжимаютъ и, выпаривъ изъ него воду, получаютъ сахарный песокъ. Клѣточки, составляющія картофельные клубни, наполнены водянистымъ веществомъ, содержащимъ въ себѣ крахмалъ, изъ котораго дѣлается и картофельная мука. Въ сѣменахъ льна, мака, подсолнечника, въ плодахъ маслины и многихъ другихъ растеній, клѣточки наполнены масломъ. Ароматъ цвѣтовъ и листьевъ нѣкоторыхъ растеній происходитъ отъ испаренія летучихъ маслъ, заключающихся въ клѣточкахъ. Твердыя части дерева состоятъ такъ же изъ клѣточекъ, наполненныхъ древеснымъ веществомъ, которое послѣ обжиганія дерева превращается въ уголь; это и есть тотъ углеродъ, который былъ поглощенъ растеніемъ изъ воздуха; но тамъ, въ соединеніи съ кислородомъ, онъ былъ углекислымъ *газомъ*, а здѣсь является въ твердомъ видѣ. Зола же, остающаяся при обжиганіи дерева, состоитъ изъ тѣхъ землистыхъ веществъ, которыя растеніе своими корнями добыло изъ почвы въ жидкомъ видѣ, въ растворѣ. При горѣніи, слѣдовательно, дерево только разлагается на свои составныя части, изъ которыхъ ни одна не уничтожается.

Ростъ и развитіе растенія зависятъ единственно отъ разрожденія клѣточекъ. Въ первопузырьникѣ мы видѣли, какъ изъ одной клѣточки разрождаются другія; то же самое дѣлается и въ каждомъ растеніи при его ростѣ; только вновь разродившіяся клѣточки не расходятся въ разныя стороны, какъ въ первопузырьникахъ, а прикрѣпляясь крѣпко другъ къ другу своими стѣнками, образуютъ нити, волокна, трубочки, сосуды. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа клѣточекъ, прибавляющихся ежегодно, растеніе прибываетъ въ вышину и толщину: и такимъ образомъ изъ зародыша какого-нибудь маленькаго сѣмени, черезъ десятки лѣтъ дѣлается громадное дерево.

Рожь.

Русскій народъ недаромъ называетъ рожь своею кормилицею: она дѣйствительно кормитъ многіе милліоны людей, и въ этомъ отношеніи стоитъ несравненно выше и душистой розы и могучаго дуба. Познакимся же поближе съ этимъ благодѣтельнымъ маленькимъ растеніемъ.

Вытащимъ изъ земли стебелекъ ржи въ концѣ іюня или началѣ іюля, когда рожь цвѣтетъ, и увидимъ, что этотъ стебелекъ имѣетъ тѣ же четыре главныя части, какія мы видѣли и у яблони: корень, стволъ, листья и цвѣты; но только все это у колоса ржи устроено совершенно иначе, по своему.

Корень весь состоитъ изъ небольшаго пучка тоненькихъ нитокъ (мочекъ), которыя начинаются у самаго основанія стебля и образуютъ собою небольшую кисточку, скрывающуюся въ землѣ. Тоненькій стебелекъ ржи, называемый соломинкою, то же, что́ у яблони стволъ; но соломинка пуста въ

серединѣ и раздѣляется на нѣсколько частей, соединяемыхъ колѣнцами, которыя внутри соломинки составляютъ перегородки. Высотою колосокъ соломинки бываетъ отъ двухъ до трехъ аршинъ, и если принять въ разсчетъ тонкость ея стѣнокъ, то нельзя не удивляться, какъ она при такой высотѣ, подымая тяжелый колосъ, часто гнется до земли подъ напоромъ вѣтра — и не ломается. Листья у ржи, которые можно видѣть, покудова рожь еще не отцвѣтетъ, длинны, заострены къ концу и не имѣютъ черешковъ, на которыхъ держатся, напримѣръ, листья яблони или дуба; листочикъ ржи прикрѣпляется къ соломинкѣ всѣмъ своимъ основаніемъ и, плотно обнимая ее, идетъ вверхъ; только уже на половинѣ начинаетъ онъ отворачиваться и потомъ, красиво, загнувшись качается въ воздухѣ. Разсмотрѣвъ внимательнѣе листокъ ржи, мы замѣтимъ еще другое важное отличіе его отъ листковъ яблони, вишни, березы и другихъ знакомыхъ намъ растеній: полоски его, называемыя нервами или жилками, идутъ параллельно вдоль всего листочка, а не развѣтвляются въ разныя стороны.

Цвѣтокъ ржи называется колосомъ; но колосъ есть не одинъ цвѣтокъ, а собраніе множества цвѣтковъ на одной и той же оси. Оборвавъ съ колоса маленькіе колоски, его составляющіе, мы найдемъ, что ось, на которой они держатся, изогнута въ разныя стороны колѣнцами, и что маленькіе колоски сидѣли именно на этихъ изгибахъ. Каждый маленькій колосокъ, во время цвѣтенія ржи, заключаетъ въ общей твердой оболочкѣ два совершенно развитые цвѣтка и одинъ, неразвитый, едва замѣтный. Но какъ просты эти полезные цвѣты! Замѣтимъ при этомъ, что все, что очень полезно, очень просто, и рѣдко отличается наружнымъ великолѣпіемъ или величественнымъ видомъ. У цвѣтка ржи тѣ же части, какія и у цвѣтка яблони; но по виду онѣ очень скромны. Его цвѣточная чашечка состоитъ только изъ двухъ неокрашенныхъ пленокъ, и на одной изъ нихъ торчитъ колючая *ость* или усикъ, очень длинный у нѣкоторыхъ хлѣбныхъ растеній, напримѣръ у пшеницы. Вмѣсто разукрашеннаго разноцвѣтнаго вѣнчика другихъ цвѣтовъ, у ржи опять же двѣ тоненькія, простыя, неокрашенныя *пленочки*. Посреди этихъ плёночекъ сидитъ маленькій плодничекъ, окруженный тремя желтыми пыльниками, которые пробиваются наружу, когда цвѣтетъ колосъ. Вотъ почему кажется, что колосъ цвѣтущей ржи весь окруженъ какимъ-то зелено-желтоватымъ пухомъ. Разсмотрѣвъ этотъ дрожащій пухъ въ увеличительное стекло, мы замѣтимъ, что это такія же тычинки, какія мы видѣли и въ цвѣткѣ вишни. Подсмотримъ же теперь, какъ роботаетъ искусный стебелёкъ ржи, какъ приготовляетъ онъ пищу милліонамъ людей. Начнемъ съ начала, т. е. съ зерна.

Чтобы разсмотрѣть хорошенько зерно ржи, для этого надобно сначала положить его дня на два между двумя мокрыми войлоками въ тепломъ мѣстѣ и, когда зернышко разбухнетъ, осторожно, тонкимъ и острымъ ножомъ,

разрѣзать его вдоль, пополамъ. Разсмотрѣвъ внимательно, съ помощью увеличительнаго стекла, внутренность ржанаго зерна, мы увидимъ, что въ немъ за сѣроватой и твердой оболочкой кожицы слѣдуетъ мучнистое бѣлое вещество, называемое *бѣлкомъ*. Этимъ-то бѣлкомъ, котораго почти нѣтъ въ зернѣ яблони и вовсе нѣтъ въ зернѣ боба или гороха, кормятся милліоны людей. Кромѣ того, мы замѣтимъ въ зернѣ крошечный бѣленькій зародышъ будущаго растенія, который и теперь уже представляется крошечнымъ растеніемъ, потому что у него есть корешекъ, и стебелекъ, и листочикъ. Обративъ вниманіе на этотъ листочикъ зародыша, скрывающійся уже въ сѣмени и называемый потому *сѣменнымъ листкомъ* или *сѣменною долею*, ботаники открыли, что этихъ зародышныхъ листковъ у ржи и многихъ другихъ растеній бываетъ всего по одному, а у дуба, липы, яблони, вишни и множества другихъ — по два, или по нѣскольку, какъ, напримѣръ, въ зернышкѣ сосны. Какое, кажется, ничтожное, едва замѣтное различіе! Но оно оказалось такъ важно, что ботаники на основаніи его раздѣлили всѣ сосудистыя, цвѣтковыя растенія на *односѣменодольныя* и *двусѣменодольныя*.

Для того, чтобы зародышъ началъ свою умную работу, ему нужны согрѣвающія и питающія нѣдра земли, нужна влага, тепло и на нѣкоторое время отсутствіе солнечнаго свѣта. Безъ этого зародышъ будетъ спать въ зернѣ, не показывая признаковъ жизни, и можетъ проспать такъ даже нѣсколько столѣтій. Въ гробахъ египетскихъ мумій были найдены зерна пшеницы: посаженныя въ землю, они развились и принесли плодъ; слѣдовательно, болѣе трехъ тысячъ лѣтъ сохранили они въ себѣ жизненную силу.

Когда, лежа въ землѣ, зернышко размокнетъ и согрѣется, тогда бѣлокъ его, напитавшись влагою, превращается въ мягкую и сладкую кашицу. Вы знаете, что человѣкъ въ младенчествѣ, прежде чѣмъ станетъ ѣсть всякаго рода пищу, питается молокомъ матери, которое Господь приготовилъ для него въ материнской груди: то же самое дѣлаетъ и младенецъ растительнаго царства, хлѣбный зародышъ: прежде, чѣмъ онъ будетъ въ силахъ самъ себѣ отыскивать пищу, ему необходимо вырости и окрѣпнуть—и вотъ Всемогущій Творецъ приготовилъ для него въ нѣдрахъ роднаго хлѣбнаго зернышка питательную, легко добываемую пищу.

Размокнувъ, зародышъ просыпается и начинаетъ дѣятельно всасывать мягкую, сладкую пищу; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ быстро растетъ и развиваетъ свои члены: корешекъ, стебелёкъ и листокъ. Скоро молодцу становится тѣсно въ родимомъ домикѣ, къ тому же и стѣнки домика размякли, и вотъ зародышъ выходитъ книзу корешкомъ и кверху листикомъ. И вотъ что замѣчательно: какъ ни положишь зерно (крестьянинъ, конечно, сѣетъ зерна, какъ попало), оно непремѣнно пуститъ листикъ кверху, а корешекъ книзу; перевернется даже, если надобно, но ни за что не выглянетъ ко-

решкомъ кверху. Что заставляетъ безчувственное зернышко такъ переворачиваться? Этого хорошенько еще никто не знаетъ.

Мы уже знаемъ, какіе корешки пускаетъ хлѣбное зерно, и замѣтимъ только, что корешки растутъ сверху внизъ, а не снизу вверхъ, какъ стебель; почему кончики корешковъ всегда молоды и нѣжны, и могутъ легко всасывать земную влагу.

Теперь посмотримъ на листокъ, выглянувшій кверху. У двусѣмядольныхъ растеній такихъ первыхъ листочковъ выглядываетъ два и между ними появляется стебелёкъ съ почечкой на верху, которая опять въ свою очередь развертывается въ листья, выгоняя между листьями новый стебелекъ, съ новой *верхушечной* почкой. Не то мы видимъ у ржи, растенія съ одной сѣменной долей: у нея не два *всходныхъ* листочка, а одинъ, и выходитъ трубочкой; изъ средины этого листка потомъ показывается другой, тоже трубочкою и т. д.; только концы этихъ остроконечныхъ листьевъ заворачиваются и качаются въ воздухѣ; нижнія же, свернутыя трубочкою половины ихъ, сросшись краями, обхватываютъ соломинку. Какъ только листокъ ржи выглянетъ наружу, то немедленно начинаетъ зеленѣть. Пока зародышъ тянулся вверхъ, пища, заготовленная ему въ нѣдрахъ родимаго зернышка, вся истощилась; но она и не нужна ему болѣе: онъ уже выросъ, окрѣпъ и можетъ самъ себѣ отыскивать пищу и въ землѣ, если она хорошо разрыхлена и удобрена, и въ воздухѣ, если онъ тепелъ и влаженъ.

Изъ чего же зародышъ строитъ такую длинную и крѣпкую соломинку? изъ чего выдѣлываетъ длинныя листья, колючій колосъ и питательное зерно? Изъ земли, воды и воздуха. Мы знаемъ уже, что вода имѣетъ прекрасное свойство растворять въ себѣ многія твердыя вещества, какъ напр. соль, сахаръ и известку. Вотъ такую-то, пропитанную разными веществами влагу всасываетъ зародышъ изъ земли своими нѣжными корешками и подымаетъ ее вверхъ до самаго окончанія колоса, — на огромную высоту, если взять въ разсчетъ, какъ тонки стѣнки соломинки.

Но не изъ одной земли беретъ себѣ пищу хлѣбное растеніе: земля даетъ ему только самый грубый матеріалъ, болѣе для одной постройки соломы. Матеріалъ, изъ котораго составляется мучнистое, дорогое для насъ зернышко, растеніе большею частію беретъ изъ воздуха; такъ что, кушая хлѣбъ, мы безъ большой ошибки можемъ сказать, что ѣдимъ воздухъ, только переработанный хлѣбнымъ колоскомъ въ мучнистыя зерна. Эту воздушную работу совершаютъ зеленые листья, качающіеся въ воздухѣ, и соломинка. Воздухъ проникаетъ въ клѣточки листьевъ и соломинки посредствомъ крошечныхъ отверстій, называемыхъ *устьицами*, и премудро созданное растеніе беретъ изъ воздуха то, что ему нужно, для работъ.

Но пора перестать стебельку ржи расти, выгонять листокъ за листкомъ и вытягивать длинную соломинку. Настаетъ время и изъ середины

послѣдняго листка выходитъ стебелёкъ. а на немъ начинаютъ образовываться маленькіе колоски, составляющіе потомъ всѣ вмѣстѣ одинъ колосъ.

Мы уже знаемъ, изъ чего состоитъ хлѣбный колосъ ржи, и изъ чего состоитъ каждый маленькій колосикъ; мы уже знаемъ, что у каждаго маленькаго колоска есть плодничокъ и тычинки съ плодотворной пылью. Настаетъ время—и мѣшочекъ съ пылью, качающійся на концѣ тычинки, раскрывается; плодотворная пылинка падаетъ на рыльце плодничка, опускается въ середину его и оживляетъ спящій тамъ зародышъ новаго сѣмени. Почуявъ оживленный зародышъ новаго сѣмени, растеніе быстро начинаетъ измѣняться: перестаетъ заниматься прежними работами, перестаетъ заботиться о цвѣтахъ, о листьяхъ, о постройкѣ соломинки; всѣ его лучшіе соки обращаются на то, чтобъ вскормить дорогое дитя и приготовить ему пищу—мучнистый сытный бѣлокъ,—приготовить про запасъ на будущее время, когда слабый зародышъ будетъ лежать одиноко въ сырой землѣ. Тычинки опадаютъ, каждый колосокъ снова крѣпко запирается; соломинка, не получая питательной влаги, сохнетъ и желтѣетъ; за то каждое зернышко *наливается*, толстѣетъ, а потомъ оболочка его твердѣетъ и сохнетъ. Еще пройдетъ нѣсколько дней — и зрѣлый, тяжелый, пожелтѣвшій колосъ гнется къ землѣ, и кланяясь, зоветъ къ себѣ жнецовъ.

Безчисленные, какъ песокъ морской, колоски разомъ исполнили свое дѣло—и спѣлая, золотистая рожь волнуется, какъ море. Выходитъ крестьянинъ на поле и любуется Божьимъ даромъ; беретъ колосъ въ руки, смотритъ и замѣчаетъ, достаточно ли затвердѣли и потемнѣли хлѣбныя зерна, которыя сначала мягки и бѣлы, а потомъ, къ концу іюля, становятся твердыми и темнѣютъ. Наконецъ приходитъ пора и жать хлѣбъ. Цѣлыми семьями берутся люди за серпы и цѣлые долгіе лѣтніе дни, не смотря на страшный жаръ, подрѣзываютъ они *подъ корень рожь высокую*, и бережно складываютъ ее въ снопы, а потомъ и въ копны. Спѣшатъ люди изо-всѣхъ силъ, спѣшатъ потому, что если хлѣбныя зерна совершенно созрѣютъ, то начнутъ сыпаться, какъ и всякія другія зерна; спѣшатъ и потому, что соломинкѣ становится уже не въ мочь держать тяжелый колосъ, а она сама стала тверже и ломче: если не срѣзать ее теперь, то скоро не только градъ или сильный дождь, но даже и вѣтеръ можетъ положить рожь лоскомъ; зерна ея разсыплются по землѣ, и тогда уже не собрать ихъ.

Работаютъ крестьяне день, другой; работаютъ недѣлю, двѣ; трудясь въ потѣ лица, спѣшатъ убрать Божій даръ. Наконецъ дѣло кончено — рожь сжата и на нивахъ, гдѣ еще недавно волновались золотыя колосья, стоятъ стройными рядами копны хлѣба. Съ радостью смотритъ крестьянинъ на свое богатство и спѣшитъ свозить его въ гумна. Осенью и зимою перемолотятъ рожь, потомъ перемелютъ, и повезутъ муку по цѣлому міру.

Сколько дѣятельности даетъ хлѣбный колосокъ человѣку! Сколько рукъ

и ногъ приводитъ онъ въ движеніе! Сколько шумныхъ мельничныхъ колесъ, сколько барокъ, сколько обозовъ двигается хлѣбнымъ колоскомъ! Онъ, этотъ великій даръ Божій, заставилъ человѣка промѣнять *кочевую* жизнь на *осѣдлую*, выстроить себѣ постоянное жилище и поселиться деревнями, пріучить лошадь и вола къ домашней жизни, разрывать горы, добывая изъ нихъ желѣзо, и дѣлать плуги, строить барки и корабли, прокладывать дороги, рыть канавы, вести торговлю и вмѣстѣ съ тѣмъ узнавать, что дѣлается въ Божьемъ мірѣ, учиться и образовываться. Трудна, умна, хлопотлива непримѣтная работа хлѣбнаго колоса; но за то, какія великія дѣла онъ дѣлаетъ! На колосѣ показалъ премудрый Творецъ, чего можетъ Онъ достигнуть самымъ маленькимъ созданіемъ. Крошечное хлѣбное зерно не только кормитъ милліоны людей, но заставляетъ ихъ строиться въ государства и образовываться! Мы знаемъ, что Спаситель накормилъ однажды пять тысячъ народа пятью хлѣбами; а здѣсь мы видимъ, что тотъ же Господь маленькимъ хлѣбнымъ зернышкомъ измѣняетъ жизнь рода человѣческаго. Когда люди начали сѣять рожь, неизвѣстно; но въ дикомъ состояніи ржи еще до сихъ поръ нигдѣ не найдено.

Къ хлѣбнымъ растеніямъ относятся у насъ: рожь, пшеница, ячмень и овесъ. Между всѣми этими растеніями много сходнаго, особенно между пшеницей и рожью, такъ даже, что колоса пшеницы и ржи непривычный человѣкъ и не различитъ. Но на колосѣ пшеницы маленькіе колоски расположены правильными рядами и усики длиннѣе, чѣмъ у ржи; у овса колоски разсыпаются метёлкой.

Рожь, пшеница, овесъ, ячмень извѣстны въ ботаникѣ подъ однимъ общимъ именемъ *злаковъ*. Къ злакамъ же относятся и другія хлѣбныя растенія, которыя въ нашемъ климатѣ рѣдко можно видѣть растущими, но плодами которыхъ мы часто пользуемся; таковы: *рисъ*, которымъ исключительно питаются жители Китая и Остъ-Индіи, и зерна котораго мы знаемъ очень хорошо; *маисъ* или *кукуруза*, растущая и у насъ въ южныхъ губерніяхъ и извѣстная въ Малороссіи подъ именемъ *пшеничи*. Сюда же относится *бамбукъ*, толстый, крѣпкій тростникъ, растущій только въ жаркихъ странахъ, и *сахарный тростникъ*, со стеблемъ, наполненнымъ сладкою влагою, изъ которой выдѣлываютъ сахаръ. Къ злакамъ же причисляютъ и нѣсколько полевыхъ травъ, которыя также всходятъ, растутъ и выдѣлываютъ колосъ, какъ и рожь, но только имѣютъ зерна очень мелкія. Мы безъ сомнѣнія много встрѣчали такихъ злаковъ на лугахъ, но мало обращали на нихъ вниманія. Теперь же, зная устройство одного изъ важнѣйшихъ злаковъ, ржи, мы легко отъищемъ на лугахъ тѣ растенія, которыя по устройству своему напомнятъ намъ колосокъ ржи, пшеницы, ячменя или овса. Между луговыми, не хлѣбными, злаками замѣчателенъ *лисій хвостъ*, одна изъ лучшихъ кормовыхъ травъ для лошадей. Лисій хвостъ

легко отличить отъ другихъ злаковъ по его мягкому пушистому колосу, который дѣйствительно имѣетъ сходство съ хвостомъ лисицы. *Тимовѣева трава, мятликъ, полевица, овсяница* и другіе злаки также встрѣчаются на нашихъ лугахъ и вмѣстѣ съ клеверомъ (дятлина), мышинымъ горошкомъ, кукушкинымъ цвѣтомъ и другими луговыми травами, которыя, хотя и травы, но къ злакамъ не принадлежатъ, покрываютъ лѣтомъ наши луга.

ГРИБЫ.

Если сравнимъ яблоню или вишню съ какимъ-нибудь изъ нашихъ обыкновенныхъ грибовъ, напр. съ рыжикомъ или съ бѣлымъ грибомъ, то на первый взглядъ мы не найдемъ ничего общаго между ними. Яблоня имѣетъ корень, стволъ, листья, цвѣты, плоды и сѣмена; у рыжика мы отличаемъ только округленный *пенёкъ* или ножку, которая поддерживаетъ *шляпку* гриба. Зеленый цвѣтъ, столь обыкновенный растеніямъ вообще, вовсе не свойственъ грибамъ; но они отличаются довольно разнообразными и яркими цвѣтами, не смотря на то, что растутъ въ тѣни.

Вникнувъ въ устройство и жизнь яблони и гриба, мы однакожъ найдемъ то сходство между ними, что оба эти существа рождаются, питаются, растутъ, размножаются и умираютъ, но лишены произвольнаго движенія и ощущенія; слѣдовательно, оба они растенія. Но кромѣ того, сравнивъ устройство гриба съ устройствомъ яблони, найдемъ еще, что оба они состоятъ изъ крошечныхъ ячеекъ или клѣточекъ, которыя составляютъ главный матеріалъ всякаго органическаго существа; точно также, какъ кирпичъ служитъ существеннымъ матеріаломъ для всѣхъ каменныхъ построекъ, не смотря на безконечно-разнообразный видъ самыхъ построекъ. Клѣточки яблони и гриба, при возрастаніи этихъ растеній, безпрестанно разрождаются одна изъ другой, группируются по плану, начертанному Творцомъ, и образуютъ болѣе сложные органы, отъ которыхъ зависитъ видъ, свойство и жизнь самыхъ растеній. У яблони однѣ изъ клѣточекъ, вытягиваясь и примыкая одна къ другой, образуютъ древесныя волокна, которыя современемъ твердѣютъ и располагаются слоями, обхватывающими другъ друга: изъ такихъ слоевъ, какъ мы знаемъ, состоитъ стволъ яблони. Другія клѣточки образуютъ трубочки, называемыя сосудами, служащія для содержанія и движенія соковъ. Вотъ почему яблоня и подобныя ей растенія называются *сосудистыми*. Грибъ, подобно яблонѣ, состоитъ также изъ клѣточекъ, но мягкихъ и наполненныхъ слизистыми и нерѣдко ядовитыми веществами. Клѣточки у гриба никогда не образуютъ такихъ волоконъ и сосудовъ, какъ у яблони, и если изъ нихъ составляются иногда тоненькія трубочки и нити, то онѣ никогда не располагаются слоями, обхватывающими одинъ другаго, какіе мы видѣли въ отрубѣ сосны. Вотъ почему всѣ грибы и подобныя имъ по устройству растенія называются растеніями *клѣтчатными*.

Яблоня и грибъ еще болѣе различаются способомъ размноженія. У яблони мы замѣчаемъ цвѣтки, существенную часть которыхъ составляютъ тычинки и плоднички. Изъ цвѣтовъ, послѣ оплодотворенія, образуется плодъ, служащій для храненія сѣменъ, которыя въ свою очередь служатъ хранилищами зародышей для будущихъ поколѣній. У грибовъ цвѣтовъ нѣтъ: они размножаются *крупинками*, которыя въ нѣсколько разъ меньше маковаго зернышка; въ крупинкахъ этихъ не открыто зародышей, почему онѣ, для отличія отъ настоящихъ сѣменъ, называются *крупинками* или *спорами*. Споры у нѣкоторыхъ грибовъ, какъ напр. рыжика или сыроѣжки, помѣщаются подъ шляпкою гриба, между тонкими и нѣжными пластинками или гребешками, идущими отъ вершины ножки гриба къ краямъ шляпки, на подобіе косточекъ зонтика. У бѣлыхъ грибовъ, березовиковъ, подосиновиковъ и проч., нижняя поверхность шляпки, вмѣсто пластинокъ, усѣяна маленькими дырочками, которыя суть не что иное, какъ кончики весьма тоненькихъ перепончатыхъ трубочекъ, расположенныхъ отвѣсно и плотно примыкающихъ одна къ другой, отчего вся нижняя сторона гриба нѣсколько похожа на губку. Внутри этихъ трубочекъ помѣщаются крупинки, служащія для размноженія грибовъ.

По различію въ устройствѣ органовъ размноженія, яблоня, вишня и подобныя имъ цвѣтущія растенія составляютъ въ ботаникѣ отдѣлъ растеній *сосудистыхъ, цвѣтковыхъ;* а грибы, лишаи, мхи и проч. отдѣлъ *клѣточатыхъ, безцвѣтковыхъ.*

Когда сѣмечко яблони попадаетъ въ сырую и теплую землю, то послѣ нѣкотораго времени появляются изъ него два сѣменные листочка; между этими листочками образуется молоденькая почка, изъ которой впослѣдствіи разовьется стебель съ листьями, цвѣтами и плодами. Грибъ, послѣ кратковременной своей жизни, весь разрушается или сгниваетъ; крупинки его, подобно сѣменамъ цвѣтковыхъ растеній, попадаютъ въ землю, отчасти удобренную мякотью самаго гриба, и развиваются въ новое растеніе совершенно иначе. Сначала крупинка пускаетъ отъ себя во всѣ стороны множество тонкихъ нитей, которыя, переплетаясь между собою, образуютъ родъ бѣловатой сѣтки, скрытой обыкновенно подъ слоемъ земли или подъ мхомъ. Нити этой сѣтки въ однихъ мѣстахъ скучиваются болѣе, нежели въ другихъ, и образуютъ родъ узловъ, которые появляются надъ поверхностью земли въ видѣ маленькихъ грибковъ. Пенёкъ и шляпка молоденькаго грибка, при его появленіи на свѣтъ, по большей части бываютъ покрыты одною общею перепонкою и запрятаны какъ-бы въ мѣшкѣ; впослѣдствіи перепонка эта разрывается, и шляпка гриба выходитъ наружу. На пенькѣ иногда можно замѣтить остатки общей разорванной оболочки, которая, напримѣръ, очень ясно видна на тоненькой ножкѣ опёнка.

Яблоня, какъ мы знаемъ, растетъ медленно, вслѣдствіе чего клѣточки

ея могутъ окрѣпнуть: грибы же, напротивъ, растутъ необыкновенно быстро, такъ что нѣкоторыя породы грибовъ въ одну ночь успѣваютъ вырости и состарѣться. Быстрый ростъ грибовъ вошелъ даже въ пословицу. По приблизительному вычисленію натуралистовъ, при наблюденіи за ростомъ одного большаго гриба, называемаго *гигантскимъ ноздревикомъ*, въ одинъ часъ образуется въ немъ около двадцати тысячъ новыхъ клѣточекъ. По причинѣ такого быстраго роста, большая часть грибовъ имѣетъ ткань мягкую, нѣжную и скоро разрушающуюся, почему и жизнь ихъ такъ непродолжительна.

Кромѣ обыкновенныхъ грибовъ, употребляемыхъ въ пищу, каковы: рыжики, березовики, масленики, подосиновики, бѣлые грибы (боровики), и проч., которые имѣютъ шляпку, укрѣпленную на пенькѣ или ножкѣ, попадаются грибы весьма разнообразные по наружному виду, величинѣ и другимъ свойствамъ. Есть грибы шаровидные, величиною съ человѣческую голову, прикрѣпленные къ землѣ коротенькою ножкою, толщиною въ гусиное перо; таковъ, напримѣръ, *гигантскій ноздревикъ*. Есть грибы микроскопическіе, т. е. такіе, которые едва замѣтны простымъ глазомъ, и могутъ быть хорошо разсмотрѣны только посредствомъ увеличительнаго стекла или микроскопа. Семейство грибовъ очень обширно: число ихъ породъ, извѣстныхъ до-сихъ-поръ, простирается до нѣсколькихъ тысячъ. Одни изъ грибовъ употребляются въ пищу, другіе ядовиты, каковъ, напримѣръ, мухоморъ.

Большая часть грибовъ *чужеядны*, т. е. живутъ на другихъ растеніяхъ и питаются ихъ соками; таковъ, напримѣръ, грибъ *трутнякъ*, который нерѣдко можно видѣть на корѣ старыхъ деревъ и въ особенности березъ; этотъ жесткій, деревянистый грибъ имѣетъ видъ конскаго копыта; его употребляютъ на выдѣлку трута для огнивъ. Плѣсень, которая такъ часто появляется на гніющихъ плодахъ, залежавшемся хлѣбѣ, чернилахъ, гнилыхъ щепкахъ, бревнахъ и на стѣнахъ въ сырыхъ погребахъ, причисляютъ также къ семейству грибовъ. Плѣсень можно легко произвести въ комнатѣ: стоитъ только густо варенный крахмалъ оставить на нѣсколько дней въ покоѣ; на вторыя или третьи сутки замѣтимъ уже на поверхности крахмала бѣловатую, бархатистую плѣсень въ видѣ небольшихъ островковъ и пятенъ. Каждый такой островокъ представляетъ цѣлый лѣсъ, состоящій изъ маленькихъ грибковъ особенной формы. Если посмотрѣть на плѣсень въ увеличительное стекло, то можно замѣтить, что каждый грибокъ ея состоитъ изъ тоненькой нити или ножки, оканчивающейся къ верху крошечнымъ пузырькомъ, въ которомъ содержатся крупинки для размноженія. Безъ-сомнѣнія, нѣсколько такихъ крупинокъ, плававшихъ въ воздухѣ, попало на поверхность крахмала и, найдя тамъ всѣ благопріятныя условія для дальнѣйшаго развитія, произвело новую семью едва замѣтныхъ грибковъ. Были примѣры, что микроскопическія крупинки чужеядныхъ грибовъ попадали въ лег-

кія нѣкоторыхъ водныхъ птицъ и развивались въ плѣсень на внутренней поверхности легочныхъ пузырьковъ. Чужеядные микроскопическіе грибки чернаго цвѣта, въ теплое и дождливое лѣто, покрываютъ колосья ржи и овса, какъ-бы сажею; грибки эти, поглощая растительные соки, совершенно пріостанавливаютъ ростъ сѣменъ. Микроскопическіе чужеядные грибы очень часто появляются также въ видѣ пятенъ и порошковатаго налета на листьяхъ и вѣткахъ многихъ растеній и нерѣдко въ такомъ огромномъ количествѣ, что убиваютъ дерево, истощая его соки.

ПИТАНІЕ ЧЕЛОВѢКА.

Сколько платья переноситъ человѣкъ впродолженіе своей жизни; а между тѣмъ иной лѣтъ семьдесятъ, восемьдесятъ и даже больше носитъ на себѣ тѣло и оно не изнашивается. Сколько тысячъ верстъ выходитъ человѣкъ впродолженіе своей жизни, сколько сапогъ истопчетъ онъ, изъ какой бы крѣпкой кожи они ни были сдѣланы; а между тѣмъ кожа на ногахъ его остается цѣла, хотя она гораздо тоньше сапожной кожи. Перчатку поносишь недолго и она развалится, а тонкую кожу на рукахъ мы носимъ всю жизнь и она все не стирается. Еслибы человѣкъ сдѣланъ былъ не то, что изъ дерева, но даже изъ желѣза,—то и тогда, впродолженіе такой долгой жизни, при безпрестанномъ движеніи, онъ долженъ бы, кажется, истереться, а всѣ суставы его разшататься и развинтиться; но нѣтъ: мягкое тѣло человѣка все живетъ, да живетъ, старѣется, морщится, но остается цѣлымъ!

Чтобы узнать, отъ чего такая разница между предметами не живыми и живымъ тѣломъ человѣка, должно сначала узнать, отъ чего неимѣющіе жизни предметы стираются отъ употребленія, уменьшаются въ объемѣ и вѣсѣ, а потомъ распадаются на куски. Потрите напилкомъ кусокъ дерева или желѣза, и вы замѣтите, что отъ нихъ отскакиваютъ маленькія частички. Частичка отламывается за частичкой, впадина все дѣлается больше и больше и, продолжая работать напилкомъ, мы всю вещь можемъ искрошить въ порошокъ. То же самое дѣлается при всякомъ употребленіи вещи, только не такъ быстро и не такъ замѣтно. Отъ безпрестаннаго тренія, которому подвергаются всѣ вещи (даже камень и тотъ трется вѣтромъ), онѣ стираются. Чѣмъ мягче вещь и треніе сильнѣе, тѣмъ быстрѣе разрушается она. Даже серебряная ложка, которою долго ѣдятъ, и та обтирается по краямъ, становится тоньше и дѣлается, наконецъ, негодною къ употребленію. Но что было бы, еслибы каждая, отдѣлившаяся отъ тренія частичка замѣнялась немедленно новою? Стерлась ли бы тогда вещь?

Отъ нашего тѣла, при его безпрестанныхъ движеніяхъ, точно также безпрестанно отдѣляются маленькія, едва замѣтныя или даже вовсе незамѣтныя частички и ихъ отдѣляется гораздо больше, чѣмъ отъ желѣза и дерева, потому что тѣло мягче и желѣза, и дерева. Но въ томъ-то и дѣло,

что въ тѣлѣ нашемъ эти частички, отдѣлившіяся или сдѣлавшіяся негодными, безпрестанно замѣняются новыми, и все оно безпрестанно подновляется, чего не дѣлается съ вещами, лишенными жизни. Вещи не *питаются* и потому, стираясь, не подновляются; но тѣло наше безпрестанно подновляется тою пищею и тѣмъ питьемъ, которыя человѣкъ, черезъ ротъ и горло, пропускаетъ къ себѣ въ желудокъ.

Пища, разжеванная, перемѣшанная со слюною во рту, проглатывается и пропускается черезъ *пищеводъ* въ желудокъ. Здѣсь, съ помощію особыхъ жидкостей, отдѣляемыхъ стѣнками желудка, поджелудочною железою и печенью*), пища передѣлывается въ пищевую кашицу. Изъ этой кашицы мелкія, годныя для питанія части, передѣлываясь сначала въ молочко, всасываются потомъ особенными тоненькими трубочками въ кровь, протекающую по нашимъ жиламъ; а твердыя или негодныя извергаются вонъ.

Кровь есть та красная жидкость, которая окрашиваетъ наши губы, языкъ, щеки и всему нашему тѣлу придаетъ красноватый оттѣнокъ. Кому случалось обрѣзать себѣ палецъ, тотъ знаетъ, что такое кровь. Она протекаетъ по всему нашему тѣлу въ безчисленномъ множествѣ тоненькихъ, мягкихъ трубочекъ, называемыхъ *жилами*. Смотря на нашу руку, мы замѣтимъ подъ кожею, какими вѣточками разстилаются по всему тѣлу жилы. Но мы видимъ только толстыя вѣточки, а самыхъ тонкихъ черезъ кожу и замѣтить нельзя. Но что жилы, по которымъ течетъ кровь, расходятся въ безчисленномъ множествѣ по всему тѣлу, въ этомъ легко убѣдиться: гдѣ бы мы ни прорѣзали себѣ кожу, вездѣ потечетъ изъ-за нее кровь. Самый красный цвѣтъ мяса происходитъ отъ того, что въ немъ безчисленное множество жилокъ, наполненныхъ кровью. Вотъ эта-то кровь питаетъ, т. е. подновляетъ все тѣло, и кости, и мускулы, и кожу; изъ нея же выдѣлываются волоса и ногти, которые беспрестанно растутъ, — слюна, потъ и слезы, которые постоянно отдѣляются. Но какъ изъ одной и той же крови выдѣлываются такія разнообразныя и разноцвѣтныя вещи? это вамъ объяснить невозможно. Богъ такъ премудро устроилъ человѣка, что, даже учившись очень много, нельзя понять всего, что въ немъ дѣлается. Но дѣло въ томъ, что кровь, подновивъ ту или другую частичку тѣла, и замѣнивъ отжившую частицу новою, забираетъ то, что уже сдѣлалось отъ употребленія негоднымъ, и, какъ хорошій работникъ, унося прочь это негодное, выбрасываетъ его вонъ черезъ желудокъ, черезъ дыханіе и черезъ потъ, или переработываетъ вновь.

Мелкія жилки, въ которыхъ течетъ кровь, не все остаются такими мел-

*) *Печень* — тоже железа, только очень большая: она отдѣляетъ желчь; точно также какъ *слюнная железа* — слюну, а *слезная* — слезы. Печень лежитъ въ правомъ боку, отчасти подъ нижними ребрами.

кими: соединяясь одна съ другою, онѣ становятся все толще и толще и уже въ видѣ толстыхъ трубокъ сходятся къ сердцу и вливаютъ въ него кровь.

Сердце для того и бьется, чтобы заставить кровь двигаться. Это—мясистый мѣшокъ (мускулъ), пустой въ серединѣ и состоитъ изъ двухъ, раздѣленныхъ перегородкою половинокъ, правой и лѣвой. Когда сердце сожмется, то погонитъ кровь въ жилы; когда разожмется, то кровь въ него вливается. Жилы, по которымъ кровь течетъ къ сердцу, называются *венами;* а жилы, по которымъ сердце разгоняетъ кровь по всему тѣлу, называются *артеріями.*

Кровь въ венахъ темно-краснаго цвѣта и не годится для питанія. Изъ венъ она двумя толстыми трубками вливается въ правую сторону сердца; а оттуда сердце, сжимаясь, выгоняетъ ее въ легкія. *Легкія* наполняютъ собою грудь и въ нихъ человѣкъ, посредствомъ дыхательнаго горла, вдыхаетъ воздухъ. Дыхательное горло раздѣляется въ груди на двѣ вѣтви, а эти вѣтви раздѣляются на множество маленькихъ вѣточекъ, оканчивающихся крошечными пузырьками. Къ этимъ-то пузырькамъ легкихъ подходитъ изъ сердца *венозная кровь,* а изъ дыхательнаго горла — воздухъ. Кровь, прикасаясь къ воздуху, соединяется химически съ кислородомъ воздуха и изъ темно-красной дѣлается ярко-красною, и изъ негодной для питанія тѣла — годною. Вотъ для чего человѣкъ безпрестанно дышетъ: если онъ перестанетъ дышать, то кровь перестанетъ соединяться съ кислородомъ, тѣлу нечѣмъ будетъ питаться и человѣкъ умретъ. Негодныя частицы крови выдыхаются нами вонъ черезъ легкія; а годная для питанія кровь идетъ по артеріямъ обратно въ сердце — только уже не въ правую, а въ лѣвую его половину. Принявъ артеріальную кровь, сердце раздуется, потомъ сожмется и погонитъ ее сначала по одной очень толстой артеріи, а потомъ, по безчисленному множеству болѣе и болѣе тонкихъ артерій, расходящихся, какъ вѣтки, по всему нашему тѣлу. Здѣсь кровь принимается за свое безпрерывное подновленіе частицъ нашего тѣла.

Такимъ образомъ происходитъ въ насъ *кровообращеніе* и кровь, безпрестанно обращаясь то къ сердцу, то изъ сердца въ легкія, изъ легкихъ опять въ сердце и изъ сердца опять по всему тѣлу, безпрестанно питаетъ, т. е. подновляетъ наше тѣло. Вотъ почему наше тѣло не изнашивается.

Безпрестанно питая тѣло, кровь сама издерживается; надобно, наконецъ, ее подновить, прибавить къ ней матеріалу. Эту обязанность исполняетъ желудокъ. Онъ, какъ мы уже знаемъ, вырабатываетъ изъ всего, что мы ѣдимъ и пьемъ, матеріалъ для крови: безъ этого кровь скоро истощилась бы, тѣлу нечѣмъ было бы питаться и подновляться: оно ослабѣло бы, обезсилѣло, а потомъ и совсѣмъ замерло. Вотъ почему пища и питье такъ необходимы для человѣка; вотъ почему при недостаточности пищи тѣло

худѣетъ, силы его ослабѣваютъ; а если питаніе совершенно прекратится, то и умираетъ.

Желудокъ, сердце и легкія работаютъ надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ. Втроемъ они заботятся, чтобы изъ пищи и питья приготовить кровь, сдѣлать ее годною къ питанію черезъ соприкосновеніе съ воздухомъ—и разослать ее по всему тѣлу. Кровь подновитъ все, что слѣдуетъ, какъ добрый работникъ унесетъ все, что сдѣлалось уже негоднымъ, и выброситъ вонъ эти негодныя, уже отжившія частицы.

Вся работа посредствомъ которой безпрестанно подновляется наше тѣло, называется *процессомъ питанія* или просто питаніемъ. Питаніе совершается въ человѣкѣ посредствомъ трехъ различныхъ работъ или процессовъ, дружно стремящихся къ одной цѣли: посредствомъ *пищеваренія, кровообращенія и дыханія.* Если хотя одна изъ этихъ работъ организма остановится, то вслѣдъ за ней остановится и другая, а потомъ прекратится и самая жизнь. Каждая изъ этихъ работъ выполняется нѣсколькими органами, изъ которыхъ мы назвали немногіе: каждый органъ дѣлаетъ свое дѣло, а всѣ они вмѣстѣ дѣлаютъ одно—поддерживаютъ жизнь въ организмѣ человѣка. Мы узнали только самыя крупныя работы организма; а не знаемъ еще тысячи мелкихъ, изъ которыхъ, тѣмъ не менѣе, каждая необходима для жизни. Будемъ учиться, узнаемъ болѣе; но всего не знаютъ и самые ученые люди. Мудро устроилъ Господь, человѣка, такъ мудро, что люди учатся, учатся—и до сихъ поръ еще не могутъ понять вполнѣ, какъ онъ устроенъ!

ПОЛЬЗА, ДОСТАВЛЯЕМАЯ ЧЕЛОВѢКУ ЖИВОТНЫМИ И РАСТЕНІЯМИ.

Человѣкъ, какъ господинъ земли, данной ему въ обладаніе, пользуется для удовлетворенія своихъ потребностей и даже своихъ прихотей царствомъ животнымъ и растительнымъ.

Отъ животныхъ мы получаемъ мясо, сало, ворвань, молоко, яица, кожу, шерсть, щетину, кость, рога и копыта, пухъ, перья, китовый усъ, жемчугъ, перламутръ, медъ, шелкъ и нѣкоторые другіе предметы. Многія животныя, не служа намъ ни для пищи, ни для одежды, приносятъ удовольствіе, напримѣръ: соловьи, канарейки, попугаи; другія возятъ насъ; третьи охраняютъ нашъ домъ; многія служатъ намъ, истребляя другихъ вредныхъ животныхъ: но есть и такія, которыя, сколько мы знаемъ, только вредны, какъ напримѣръ: ядовитыя змѣи, безполезный, хотя величественный левъ, надоѣдающая муха и пр.

Царство растительное доставляетъ намъ еще гораздо болѣе пользы, чѣмъ царство животныхъ. *Въ пищу* мы употребляемъ такое множество разнообразнѣйшихъ растеній, что перечесть ихъ трудно. У однихъ растеній мы съѣдаемъ плоды, каковы: яблоки, груши, апельсины, орѣхи,

ягоды и т. д. Другія намъ служатъ своими цвѣтами, напримѣръ: артишоки, мясистой коронкой которыхъ мы лакомимся; винныя ягоды, у которыхъ цвѣтокъ скрывается внутри плода; роза, изъ душистыхъ листьевъ которой варятъ варенье, и т. д. У третьихъ мы пользуемся сѣменами, таковы: рожь, пшеница, ячмень и всѣ вообще хлѣбныя растенія; конопля, ленъ, подсолнечникъ, изъ сѣмянъ которыхъ добываютъ различныя масла. Въ четвертыхъ идетъ намъ въ пищу сердцевина, какъ напримѣръ: сердцевина саговой пальмы, изъ которой дѣлаютъ саго. У пятыхъ мы беремъ листья, какъ напримѣръ: у капусты, мяты, у чайнаго дерева; потому что хотя иные чаи называются цвѣточными, но бѣлые листики, которые мы замѣчаемъ между черными, вовсе не цвѣты, а только молодые еще пушистые листочки того же чайнаго дерева. Шестыя предлагаютъ намъ свой сокъ, напримѣръ: сахарный тростникъ, береза, кленъ, свекла, изъ сока которой также выдѣлываютъ сахаръ. Седьмыя даютъ намъ свои луковицы, напримѣръ: лукъ, чеснокъ, картофель. Осьмыя — корни, напримѣръ: морковь, свекла, рѣпа и др., называемыя потому *корнеплодными* растеніями. Девятыя служатъ намъ всѣмъ своимъ тѣломъ, напримѣръ, грибы. Мы уже не говоримъ здѣсь о лекарственномъ употребленіи растеній: растеніямъ, идущимъ въ лекарства, и числа нѣтъ.

Растенія не только питаютъ, но и одѣваютъ насъ, таковы: ленъ, пенька, хлопчатобумажный кустарникъ, въ плодникахъ котораго, закрывая сѣмена, выростаетъ бѣлая, пушистая хлопчатая бумага. Многія растенія доставляютъ краску, которою мы раскрашиваемъ наши ситцы, кисеи, сукна, нашу мебель и стѣны домовъ.

Кромѣ пищи и одежды, растенія даютъ намъ матеріалъ для нашихъ построекъ, для нашихъ лодокъ и кораблей, для нашей мебели и для тысячи мелкихъ вещей, которыя мы употребляемъ: для бумаги, на которой мы пишемъ; для чернилъ, которыми мы пишемъ; только перья доставляютъ намъ крикливые гуси.

Но всего этого мало: растенія даютъ намъ еще чистый воздухъ для дыханія; они берутъ изъ воздуха угольную кислоту; отдѣляютъ изъ нея для себя уголь и отсылаютъ назадъ въ воздухъ чистый кислородъ, безъ котораго не можетъ жить ни одно животное. Растенія постоянно освѣжаютъ воздухъ, который портится дыханіемъ животныхъ: животныя, вдыхая воздухъ, выдыхаютъ угольную кислоту, необходимую растеніямъ.

Растенія кормятъ собою не только человѣка, но и все, что живетъ и дышетъ. Одни животныя кормятся прямо растеніями, а другія пожираютъ тѣхъ животныхъ, которыя кормились растеніями; но все, что живетъ, посредственно или непосредственно, кормится растеніями. Левъ разрываетъ маленькую серну, но серна выкормилась травою; орелъ терзаетъ бѣднаго зайчика, но зайчикъ выкормился корою молодыхъ деревьевъ, листьями и

зелеными стебельками овса; лиса лакомится курицею, а вкусное мясо курицы выработалось изъ хлѣбныхъ зеренъ; быкъ и корова даютъ намъ питательное мясо; но мясо это образовалось изъ травы и сѣна, переработанныхъ въ кровь въ желудкѣ животнаго. Крѣпкая, какъ сталь, слоновая кость выдѣлывается изъ рису, листьевъ и травы, которыми кормится травоядный слонъ. Пчелка приноситъ намъ медъ; но она беретъ его изъ чашекъ тѣхъ же растеній. Шелковичный червь прядетъ для насъ шелковичную нитку; но матеріалъ, изъ котораго выдѣлывается эта нитка — листья шелковичнаго дерева.

А сколько красоты придаютъ растенія нашей землѣ! Они прикрываютъ, оживляютъ и украшаютъ тѣ безжизненные камни, глины, пески, тѣ безжизненные минералы, изъ которыхъ состоитъ кора земнаго шара. Кто бывалъ въ песчаной или каменистой пустынѣ, гдѣ на многія сотни верстъ вокругъ нѣтъ ни деревца, ни травки, и потомъ вступитъ въ болѣе счастливую страну и, ставъ посреди роскошнаго, ярко зеленаго луга, взглянетъ на волнующіяся поля, полныя хлѣбныхъ колосьевъ, на пестрые цвѣты, на тѣнистыя рощи, въ которыхъ дышетъ прохладою, и на темные, задумчивые лѣса,—тотъ невольно возблагодаритъ Господа, создавшаго землю и повелѣвшаго ей облечься въ роскошную растительную одежду.

ЖИВОТНОЕ И РАСТЕНІЕ.

Каждый изъ насъ очень легко отличитъ животное отъ растенія; но если между животными и растеніями есть различіе, то есть между ними и сходство. — Отыщемъ сначала сходство.

1. Животныя растутъ и растенія также растутъ, т. е. изъ маленькихъ дѣлаются большими.

2. Животныя питаются, т. е. принимая въ себя пищу и питье, выдѣлываютъ изъ нихъ свое собственное тѣло. Растенія также питаются: берутъ изъ воздуха, воды и земли тѣ матеріалы, какіе имъ нужны, и изъ этихъ матеріаловъ строятъ свое тѣло: стволъ, кору, листья, цвѣты и плоды. Какимъ образомъ иначе маленькое сѣмечко могло бы сдѣлаться большою липою? Мы знаемъ уже, что только одинъ Богъ можетъ творить изъ ничего.

3. Животное, лишенное долгое время или питья или пищи, умираетъ: тоже самое дѣлается и съ растеніями: не поливайте цвѣтка, сорвите его, выдерните съ корнемъ изъ земли—онъ засохнетъ. Лишите животное воздуха—оно умретъ; для растенія воздухъ, какъ мы знаемъ, тоже необходимъ.

4. Прорѣжьте кожу животнаго, изъ-за нея потечетъ кровь: точно также изъ-за коры растенія потечетъ сокъ. Правда, кровь краснаго цвѣта, а древесный сокъ, по большей части, бѣлаго; но есть и животныя, у которыхъ кровь не красная, а бѣлая; напр. у паука, жука и другихъ насѣко-

мыхъ. Правда, кровь у животнаго теплая, а сокъ растенія холоденъ; но есть и животныя съ холодною кровью, какъ напр. рыбы.

5. У растенія нѣтъ сердца, которое бы разгоняло кровь по всему тѣлу и потомъ ее опять собирало; но соки въ растеніи такъ же обращаются. Они подымаются сначала отъ корней къ верху, по стволу доходятъ до листьевъ, въ которыхъ прикасаются къ воздуху, дѣлаются оттого годными для питанія, сгущаются (листья можно сравнить съ легкими животнаго) и потомъ спускаются внизъ и питаютъ все тѣло растенія. Отъ того все растеніе увеличивается въ объемѣ, дѣлается выше и толще, выгоняетъ новыя вѣтки, пускаетъ почки, развертываетъ листья и цвѣты, даетъ плоды и сѣмена.

6. У растенія нѣтъ особеннаго органа для пищеваренія, нѣтъ желудка; но оно также перевариваетъ пищу, т. е., взявъ матеріалъ изъ земли и воздуха, передѣлываетъ его въ соки, годные для питанія. Особеннаго желудка растенію и не нужно, потому-что оно не двигается съ мѣста и гдѣ растетъ, тамъ и находитъ пищу; тогда какъ животныя, обладающія способностью произвольнаго передвиженія, должны отыскать ее и унести съ собою про запасъ; почему животному и необходимъ для этого особенный мѣшокъ — желудокъ.

7. У растенія нѣтъ рта и зубовъ, но оно всасываетъ пищу своими корнями; а зубовъ ему не нужно, потому что оно всасываетъ пищу всегда въ жидкомъ или воздухообразномъ видѣ: у тѣхъ животныхъ, которыя питаются одной жидкою пищею, также зубовъ нѣтъ.

8. Отъ животныхъ родятся другія маленькія животныя, которыя потомъ выростаютъ: растенія также производятъ цвѣты, плоды и въ нихъ сѣмена, и изъ этихъ сѣмянъ происходятъ новыя растенія, совершенно подобныя тѣмъ, отъ которыхъ произошли сѣмена.

9. У животныхъ есть множество органовъ, которыми оно питается и живетъ; у растенія также есть органы: корни, листья, кора, цвѣты, плоды, сѣмена.

10. Способностію питаться, расти, то-есть жить, животныя и растенія одинаково отличаются отъ камней, металловъ, земель, солей, отъ воздуха, воды, отъ земли, солнца, луны и звѣздъ, отъ всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые не питаются, не растутъ и не живутъ; а потому и не имѣютъ необходимыхъ для этого органовъ. Всѣ предметы, не имѣющіе жизни, а потому не имѣющіе и органовъ, необходимыхъ для жизни, называются *безжизненными* или *неорганическими*. Предметы, живущіе, и имѣющіе органы, необходимые для жизни, называются *живыми*, *органическими*, таковы: растенія, животныя и люди. Мы говоримъ: живая муха, живые цвѣты, и этимъ отличаемъ ихъ отъ искуственныхъ мухъ и поддѣльныхъ цвѣтовъ, которые, хотя съ виду очень могутъ быть похожи на живые, но не живутъ: не питаются, не растутъ, не могутъ умереть или завянуть и неимѣютъ никакихъ органовъ, необходимыхъ для жизни.

Вотъ сколько сходства нашли мы между животными и растеніями. Теперь поищемъ различія; постараемся отыскать что-нибудь такое у животныхъ, чего уже совершенно нѣтъ въ растеніяхъ.

1. У растеній нѣтъ глазъ, нѣтъ ушей, нѣтъ носа для обонянія запаха; ротъ, какъ мы видѣли, замѣняется у растеній корнями, но растенія не имѣютъ языка, которымъ они могли бы ощущать вкусъ. Кора растеній напоминаетъ кожу животныхъ; но эта кожа растеній ничего не чувствуетъ, слѣдовательно ее нельзя назвать органомъ осязанія. Итакъ у растеній нѣтъ ни одного изъ пяти органовъ чувствъ, которые есть у животныхъ. Растеніе, слѣдовательно, не имѣетъ чувства и необходимыхъ для него органовъ: вотъ уже одно очень важное отличіе растеній отъ животныхъ.

2. Другое, столь же важное отличіе состоитъ въ томъ, что растеніе не можетъ двигаться по своей волѣ, какъ двигается животное. Растенія двигаетъ иногда вѣтеръ, иногда животное; но по *собственной волѣ* растеніе не двигается. Оно, правда, подымается вверхъ, когда растетъ, развертываетъ листья, выгоняетъ новыя вѣтки, трескается, когда старѣетъ; но и животное, и человѣкъ, и растеніе растутъ и старѣются *не по своей волѣ* и даже не замѣчаютъ, какъ это съ ними дѣлается. Но такъ-какъ растеніе не движется по своей волѣ, то ему не нужны и мускулы, которыми животное приводитъ въ движеніе свое тѣло. Тѣло, которое, пожалуй, можно назвать и мясомъ, есть у растеній; но мускуловъ у него нѣтъ, да ему они и не нужны: вотъ другое важное отличіе растеній отъ животныхъ.

3. Мы знаемъ, что органы чувства чувствуютъ не сами собою и мускулы сжимаются также не сами собою: но что для этого необходимы нервы и мозгъ. Посредствомъ мозга и нервовъ животное видитъ, слышитъ, осязаетъ предметы, чувствуетъ запахъ пахучихъ, воздухообразныхъ тѣлъ, прикасающихся къ слизистой оболочкѣ носа, и вкусъ жидкихъ веществъ, прикасающихся къ языку. Посредствомъ мозга и нервовъ животное сжимаетъ и расширяетъ мускулы и тѣмъ самымъ двигаетъ всѣми членами тѣла. У растенія нѣтъ органовъ чувствъ и нѣтъ органовъ движенія—мускуловъ; а потому ему не нужны ни мозгъ, ни нервы. Ни въ одномъ растеніи нѣтъ ни мозга, ни нервовъ.

4. Но мы знаемъ, что мозгъ есть мягкая масса, а нервъ — тоненькая, бѣленькая ниточка, и что ни мозгъ, ни нервъ сами по себѣ не могутъ чувствовать, ни двигаться. Это органы безчувственные и неподвижные, посредствомъ которыхъ невидимая *душа* животнаго ощущаетъ предметы и двигаетъ тѣломъ.

5. У растеній нѣтъ органовъ чувства, нѣтъ органовъ движенія, нѣтъ мозга и нервовъ, нѣтъ въ нихъ и души. Растенія — существа живыя, но *неодушевленныя*; животныя — существа *живыя* и *одушевленныя*; животныя и растенія — существа *живыя* и *органическія*. Камни, металлы,

земли, соли, воздухъ, вода, газы, земля, облака, звѣзды, солнце, луна, дымъ, пламя, всѣ искусственные предметы, сдѣланные человѣкомъ (живыхъ предметовъ человѣкъ сдѣлать не можетъ), суть предметы не только *неодушевленные,* но не *живые* и *неорганическіе.*

СПОСОБНОСТИ ДУШИ.

Душа есть предметъ невидимый и недоступный ни одному изъ нашихъ пяти тѣлесныхъ чувствъ: ее нельзя ни слышать, ни видѣть, ни обонять, ни осязать, поэтому душу называютъ предметомъ *безтѣлеснымъ.* Но хотя ее нельзя ни видѣть, ни слышать, ни осязать, именно она то въ насъ видитъ, слышитъ, испытываетъ всѣ ощущенія и управляетъ нашими движеніями.

Богъ одарилъ безтѣлесную душу многими способностями:

1. Мы уже знаемъ, что душа имѣетъ способность *ощущать* то, что отражается въ глазахъ, раздается въ ухѣ, прикасается къ тѣлу. Бездушное тѣло можетъ сохранять всѣ органы, необходимые для ощущенія, но ощущать ничего не будетъ. Ощущаетъ душа, но не тѣло. Душа, слѣдовательно, имѣетъ *способность ощущенія.*

2. Если мы видѣли какой нибудь предметъ и потомъ увидимъ его снова, то припоминаемъ, что мы его видѣли уже прежде. Даже не видя снова предмета, мы можемъ вспомнить его, если что нибудь другое намъ его напомнитъ, а иногда и безъ напоминанія. Душа, слѣдовательно, имѣетъ способность не только что нибудь ощущать, но и *помнить* свои ощущенія. Эта способность называется способностью *памяти* или просто *памятью.* Душа имѣетъ способность ощущенія и память.

3. Если мы видѣли какой нибудь предметъ, то потомъ, и не видя уже этого предмета, можемъ по своей волѣ *представить* его себѣ; такъ что онъ какъ будто стоитъ передъ нашими глазами: такъ мы представляемъ себѣ знакомыхъ намъ людей, хотя бы эти люди въ это время и не находились передъ нами. Эта способность души представлять себѣ живо отсутствующіе предметы, называется *способностью представленія.*

4. Видѣвъ нѣсколько предметовъ, мы можемъ составить изъ нихъ въ своемъ умѣ новый предметъ, котораго на самомъ дѣлѣ не существуетъ: такъ поступаемъ мы всякій разъ, когда составляемъ какую нибудь картину. Въ одномъ мѣстѣ мы видѣли домъ, въ другомъ — рѣку, въ третьемъ — дерево, въ четвертомъ — дорогу, въ пятомъ — гору, въ шестомъ — мельницу; изо всѣхъ этихъ видѣнныхъ нами предметовъ, припоминая и представляя ихъ себѣ, мы составляемъ такой ландшафтъ, какого прежде никогда не видали и какого, можетъ быть, нигдѣ и нѣтъ. Эта способность — изъ припоминаемыхъ и представляемыхъ нами ощущеній составлять какія нибудь картины на бумагѣ или только въ головѣ нашей — называется *способностію воображенія* или просто *воображеніемъ.* Душа наша, слѣдовательно,

имѣетъ способность ощущать, помнить свои ощущенія, представлять ихъ себѣ и составлять изъ нихъ въ своемъ воображеніи новыя картины.

Когда мы спимъ и видимъ сны, тогда работаетъ въ душѣ нашей больше всего воображеніе. Изъ того, что мы видѣли и слышали на яву, воображеніе наше строитъ такія картины, которыхъ мы никогда не видали и которыя иногда пугаютъ насъ, а иногда доставляютъ намъ большое удовольствіе. Сны или, какъ ихъ иначе называютъ, сонныя *грезы*, — произведенія нашего воображенія. Не только во снѣ, но и на яву воображеніе часто овладѣваетъ нами. Посмотрите на мальчика, который, усѣвшись верхомъ на палочку, представляетъ себѣ, что онъ ѣдетъ верхомъ на лошади: лошадь существуетъ только въ его воображеніи. Дѣти часто воображаютъ себя большими героями, большими силачами, потому что они слыхали о геройхъ, о силачахъ.

5. Видя нѣсколько предметовъ или припоминая и представляя ихъ себѣ, мы сравниваемъ ихъ между собою: находимъ между ними сходство и различіе и выводимъ изъ этого свои заключенія. Такъ, напримѣръ, видя два яблока, мы заключаемъ, что одно изъ нихъ больше или меньше, краснѣе или желтѣе, лучше или хуже другаго; мы смотримъ, напримѣръ, на два растенія, сравниваемъ ихъ во всемъ и заключаемъ, что хотя оба эти растенія цвѣты, но что одинъ изъ этихъ цвѣтковъ—роза, а другой—гвоздика; видя двухъ животныхъ, мы сравниваемъ ихъ и заключаемъ, что оба они животныя, но что одно изъ этихъ животныхъ — птица, а другое лошадь, что у лошади нѣтъ крыльевъ, что у птицъ двѣ ноги, а у лошади ихъ четыре и т. д. Сравнивать какіе нибудь различные видимые или представляемые нами предметы между собою, находить между ними сходство и различіе, выводить изъ этого свои заключенія — называется *разсуждать;* а самая способность души разсуждать — называется *разсудкомъ*.

Душа имѣетъ способность ощущать предметы, припоминать и представлять ихъ себѣ, воображать новые, находить между предметами сходство и различіе и выводить изъ этого свои заключенія; душа имѣетъ способности: ощущенія, памяти, представленія, воображенія и разсудка.

6. Мы не только ощущаемъ холодъ, тепло, боль, вкусъ и запахъ, но и чувствуемъ, что одни изъ этихъ ощущеній для насъ пріятны, а другія непріятны. Мы испытываемъ въ душѣ нашей желаніе избѣгать непріятнаго и получать пріятное и кромѣ того множество другихъ *внутреннихъ* ощущеній и чувствъ: печаль, радость, гнѣвъ, благодарность. Эти внутреннія, душевныя ощущенія, въ отличіе отъ тѣхъ, которыя испытываетъ душа посредствомъ тѣла, называются *душевными*, *внутренними чувствами*. Душа имѣетъ пять внѣшнихъ, тѣлесныхъ чувствъ и много внутреннихъ или душевныхъ.

7. Мы уже знаемъ, что движеніями тѣла управляетъ душа и что тѣло,

несмотря на всѣ свои органы движенія, остается неподвижнымъ. Способность души управлять движеніями тѣла называется *произволомъ*.

Перечислимъ же теперь всѣ узнанныя нами способности души.

1) Пять внѣшнихъ чувствъ, 2) память, 3) способность представленія, 4) воображеніе, 5) разсудокъ, 6) нѣсколько внутреннихъ душевныхъ чувствъ и 7) произволъ. Душа наша получаетъ внѣшнія ощущенія, помнитъ ихъ, представляетъ ихъ себѣ, воображаетъ новыя картины, чувствуетъ удовольствіе или неудовольствіе отъ своихъ ощущеній и представленій, желаетъ избѣжать непріятнаго или получить пріятное, испытываетъ при этомъ разнообразныя внутреннія чувства: гнѣвъ, радость, печаль, надежду, отчаяніе, рѣшается избѣжать непріятнаго или получить пріятное и приводитъ для того въ движеніе нервы и мускулы, а посредствомъ ихъ и члены тѣла.

СХОДСТВО МЕЖДУ ЧЕЛОВѢКОМЪ И ЖИВОТНЫМЪ.

Между человѣкомъ и нѣкоторыми животными мы находимъ много сходства. 1) Человѣкъ родится отъ другихъ людей, животное родится отъ другихъ животныхъ. 2) Человѣкъ въ дѣтствѣ питается молокомъ матери: всѣ млекопитающія животныя — также. 3) Человѣкъ растетъ и изъ маленькаго дѣлается большимъ: животное также растетъ. 4) Человѣку, какъ и всякому животному, для жизни необходимы: пища, питье и воздухъ. 5) Человѣкъ имѣетъ пять внѣшнихъ чувствъ: бо̀льшая часть животныхъ также видятъ, слышатъ, имѣютъ осязаніе, ощущаютъ вкусъ и запахъ предметовъ. 6) Человѣкъ имѣетъ способность памяти; пчела отыскиваетъ дорогу въ свой улей и узнаетъ его между десятками другихъ ульевъ. 7) У человѣка есть способность воображенія, у животныхъ—также. Мы знаемъ что сны или грёзы производятся воображеніемъ; а нѣтъ сомнѣнія, что животныя видятъ сны, хотя и не могутъ разсказать ихъ: собака во снѣ иногда лаетъ и визжитъ, — слѣдовательно, ей что-нибудь снится; ослы во снѣ очень часто ревутъ и лягаются задними ногами; еслибы у этихъ животныхъ не было воображенія, то они не могли бы видѣть сновъ. 8) Человѣкъ имѣетъ способность сравнивать предметы и выбирать изъ нихъ тѣ, которые больше или лучше, или почему нибудь кажутся ему полезнѣе или пріятнѣе. Животное также имѣетъ способность сравнивать между собою предметы и выбирать изъ нихъ тѣ, которые кажутся ему лучше: собака, преслѣдуя зайца, изъ нѣсколькихъ дорогъ, выбираетъ самую кратчайшую; муравьи, строя свои жилища, изъ многихъ соломинокъ и вѣточекъ выбираютъ тѣ, которыя имъ по силамъ, — слѣдовательно и у животныхъ есть разсудокъ, хотя у нихъ его гораздо меньше, чѣмъ у человѣка. 9) Человѣкъ чувствуетъ удовольствіе и неудовольствіе и по произволу управляетъ движеніями своего тѣла: для животнаго также одно ощущеніе кажется пріятнымъ, другое непріятнымъ; оно также ищетъ перваго и избѣгаетъ

послѣдняго и управляетъ по произволу своими движеніями; животное также какъ и человѣкъ имѣетъ способность *произвола*. 10) У человѣка есть множество внутреннихъ душевныхъ чувствъ; у животнаго также мы можемъ различить ихъ нѣсколько: оно сердится, печалится, боится, любитъ, ненавидитъ, ощущаетъ радость и злость,—только выражаетъ все это не словами, а криками, тѣлодвиженіями и дѣйствіями. У животнаго, какъ и у человѣка, есть тѣло и душа, почему мы и называемъ животныхъ предметами одушевленными.

Но есть нѣчто такое у человѣка, чего нѣтъ у животнаго, и что составляетъ отличительную принадлежность людей.

ОТЛИЧІЕ ЧЕЛОВѢКА ОТЪ ЖИВОТНАГО.

Мы нашли много сходства у человѣка съ животнымъ: покажемъ же теперь различіе между ними.

1. У человѣка двѣ руки и двѣ ноги: двухъ рукъ и двухъ ногъ нѣтъ ни у одного животнаго: у птицы двѣ ноги и два крыла, у паука шесть ногъ и нѣтъ рукъ, у лошади четыре ноги и ни одной руки, у обезьяны четыре руки и ни одной ноги; только человѣкъ имѣетъ возможность, ходя на ногахъ, свободно распоряжаться своими руками. Вотъ единственное сколько нибудь рѣзкое отличіе человѣка отъ животныхъ по тѣлесному устройству. Другаго отличія, столь же рѣзкаго и кидающагося въ глаза, нѣтъ. Но зато, какое различіе мы видимъ между человѣкомъ и животнымъ въ ихъ дѣйствіяхъ!

2. Слушая разговоръ на иностранномъ, непонятномъ для насъ языкѣ, мы слышимъ звуки, *но не понимаемъ ихъ смысла*. Кто не умѣетъ читать тотъ, хотя и смотритъ въ книгу, но *не понимаетъ*, что въ ней написано. Мы чувствуемъ, какъ бьется наше сердце, но *не понимаемъ*, какъ и для чего оно бьется, пока намъ этого не объяснятъ. Мы видимъ, какъ вѣтеръ качаетъ деревья, слышимъ, какъ онъ воетъ въ трубѣ, ощущаемъ его движеніе нашимъ тѣломъ; но почему мы *узнали*, что это воздухъ, который движется, и почему *открываемъ причину* движенія воздуха? Мало еще видѣть, слышать, осязать, — надобно еще понимать то, что мы видимъ, слышимъ, осязаемъ, *узнавать* цѣль его и причину.

Животное такъ же, какъ мы, видитъ, слышитъ, и осязаетъ, помнитъ, воображаетъ и разсуждаетъ; но ничего *не понимаетъ*, — *не знаетъ* ничему причины и цѣли, ничего не можетъ узнать, ничему не можетъ само выучиться, хотя человѣкъ и можетъ пріучить иныхъ животныхъ къ различнымъ дѣйствіямъ. Способность понимать то, что мы слышимъ и видимъ, узнавать причину и цѣль того, что̀ дѣлается вокругъ насъ и съ нами, способность учиться и знать все больше и больше—принадлежитъ только людямъ: эта способность называется *разумомъ*. Разума нѣтъ у животныхъ.

3. Когда мы сдѣлаемъ что-нибудь дурное, то хотя намъ, можетъ быть, и пріятно было это сдѣлать, но мы чувствуемъ, что сдѣлали не то, что̀

слѣдовало. Когда мы сдѣлаемъ что-нибудь хорошее, то хотя бы намъ и непріятно было его дѣлать, но мы чувствуемъ, что сдѣлали то, что должны были сдѣлать, и довольны своимъ поступкомъ. У насъ есть способность, которая очень хорошо различаетъ добро отъ зла: эта способность называется *совѣстью*. У животныхъ совѣсти нѣтъ.

4. Мы не всегда дѣлаемъ то, что намъ пріятно: иногда мы принуждаемъ себя дѣлать и то, что намъ непріятно; но что *должно быть* сдѣлано. Животное этой способности не имѣетъ: оно дѣлаетъ всегда только то, что ему пріятно. Способность, которую имѣетъ человѣкъ — заставить себя дѣлать то, что должно — называется *свободною волею*, или просто *волею*. Животныя имѣютъ произволъ, но воли не имѣютъ.

5. Животное никогда не наслаждается ни красивымъ цвѣткомъ, ни хорошенькимъ видомъ, ни прекрасной картиной: оно чувствуетъ удовольствіе только отъ того, что для него полезно, или пріятно для его тѣлесныхъ чувствъ. Оно чувствуетъ пользу предметовъ и то тѣлесное удовольствіе, которое ему эти предметы доставляютъ. Кошка терзаетъ канарейку, не полюбовавшись ея прекрасными перышками; она точно также растерзаетъ и соловья: ей мало дѣла до его чудной пѣсни. Оселъ любитъ кушать розы, но не имѣетъ способности любоваться прекраснымъ цвѣткомъ. Одинъ только человѣкъ любуется безкорыстно прекрасными созданіями Божіими или прекрасными произведеніями другихъ людей. Онъ наслаждается, смотря на звѣзды, хотя онѣ не доставляютъ ему никакой пользы; онъ любуется чудесною статуею, хотя отъ этого холоднаго куска мрамора ему также нѣтъ никакой пользы. Эта способность безкорыстно любоваться красотою Божьихъ созданій и произведеній человѣка, называется *чувствомъ красоты*. Чувства красоты нѣтъ у животныхъ: оно принадлежитъ только людямъ.

6. Одинъ только человѣкъ имѣетъ *понятіе о Богѣ*, хотя и не видитъ Его; одинъ только человѣкъ имѣетъ способность вѣрить въ невидимаго Создателя міра, любить Его, молиться Ему, надѣяться на Его милосердіе и стараться исполнять Его волю. Животныя не молятся, и способность молиться составляетъ величайшее и самое рѣзкое отличіе человѣка отъ животнаго. Способностію вѣрить въ Бога, любить Его, надѣяться на Него, молиться Ему и исполнять Его волю, человѣкъ больше всѣхъ прочихъ своихъ способностей отличается отъ животныхъ. Человѣкъ, забывающій Бога, какъ бы онъ уменъ ни былъ, похожъ на животное болѣе, чѣмъ дикарь, не умѣющій сдѣлать для себя одежды и выстроить хижины, но призывающій имя невидимаго Создателя міра.

7. Всѣ эти способности, разумъ, совѣсть, воля, чувство красоты, вѣра въ Бога, любовь къ Нему и надежда на Него, принадлежатъ невидимому существу, живущему въ тѣлѣ и душѣ человѣка. Это существо называется *духомъ*. Иногда его называютъ также *душею безсмертною и ра-*

зумною въ отличіе отъ души животной. Богъ сотворилъ человѣка изъ земли; но вдохнулъ въ него душу безсмертную и разумную или духъ. Тѣло наше сгніетъ и распадется на тѣ вещества, изъ которыхъ оно составлено; но духъ нашъ безсмертенъ и возвратится къ Тому, Кто намъ далъ его.

Присутствіе божественнаго, безсмертнаго духа въ человѣкѣ даетъ людямъ возможность дѣлать многое, чего не въ состояніи дѣлать животныя.

1. Разумному духу, живущему въ насъ, мы обязаны *даромъ слова*. Животное, какъ и человѣкъ, выражаетъ удовольствіе и неудовольствіе, свои желанія, свои внѣшнія и внутреннія ощущенія различными звуками голоса. По лаю собаки можно отличить, радуется ли она или злится; по визгу можно слышать, визжитъ ли она отъ радости или отъ боли; она ворчитъ и стонетъ и выражаетъ тѣмъ различныя ощущенія. Но только одинъ человѣкъ умѣлъ придумать *слова* для выраженія своихъ понятій о предметахъ и связать эти слова въ правильную рѣчь, полную смысла. Обезьяна не говоритъ, хотя у нея во рту такой же языкъ, какъ и у человѣка: у нея нѣтъ разума. Попугая человѣкъ выучиваетъ даже произносить нѣсколько словъ: слѣдовательно толстый языкъ попугая способенъ къ произношенію *членораздѣльныхъ* звуковъ; но онъ произноситъ эти слова безъ всякаго смысла, не понимая самъ, что онъ говоритъ. Не языку и не органу голоса, а разуму обязанъ человѣкъ способностію выражать словами свои мысли,— обязанъ *даромъ слова*.

2. Животное съ какими способностями родится, съ такими и издыхаетъ; человѣкъ можетъ усилить всѣ свои способности, потому-что имѣетъ разумъ и волю надъ ними. Имѣя отъ природы зрѣніе гораздо слабѣе, чѣмъ у многихъ животныхъ, человѣкъ изобрѣлъ *телескопъ*, посредствомъ котораго видитъ онъ горы и пропасти на лунѣ, изучаетъ движеніе звѣздъ, отстоящихъ отъ насъ на безчисленные милліоны верстъ. Человѣкъ изобрѣлъ *микроскопъ*, посредствомъ котораго разсматриваетъ такихъ маленькихъ животныхъ, которыя недоступны ни для какого взора. Человѣкъ можетъ, упражняя свою память, усиливать ее и дѣлать ее способною помнить безчисленное множество предметовъ; точно также можетъ онъ усилить свое воображеніе и свой разсудокъ, и люди до того развили въ себѣ эти способности, что ихъ почти нельзя и сравнивать съ подобными же способностями у животныхъ; хотя и у животныхъ, какъ мы знаемъ, есть способность ощущенія, память, воображеніе и разсудокъ. У дикаря едва ли болѣе разсудка, чѣмъ у слона; но если мы сравнимъ разсудокъ слона, умнѣйшаго изъ животныхъ, съ разсудкомъ образованнаго европейца, то намъ даже можетъ показаться страннымъ назвать эти способности однимъ и тѣмъ же именемъ; такъ человѣкъ развилъ свой разсудокъ образованіемъ. У животныхъ мы видимъ признаки воображенія; но какое сравненіе съ воображеніемъ человѣка, которое создало столько художественныхъ произведеній!

3. Мы видимъ, какъ искусно птица вьетъ свое гнѣздо, пчела лѣпитъ свои соты и паукъ тчетъ свою паутину: такъ искусно, что и человѣкъ при всемъ своемъ искусствѣ не можетъ имъ подражать. И замѣчательно, что пчелка, едва родится, едва выползетъ изъ ячейки, какъ и принимается за работу. Она не учится ни у кого; а какъ только родится, такъ и знаетъ, что̀ ей нужно дѣлать. Такое знаніе, которому животное не учится, но съ которымъ оно родится, называется *инстинктомъ*. Это еще одна изъ способностей души животнаго, которой мы прежде не замѣтили. Зная, что животныя не могутъ учиться и пріобрѣтать познаній, какъ люди, но что для жизни ихъ, тѣмъ не менѣе, нужны нѣкоторыя знанія, Богъ далъ каждому животному необходимые для него *инстинкты*. Человѣку далъ Творецъ гораздо менѣе инстинктовъ, чѣмъ животнымъ: но зато Онъ далъ ему разумъ, т.-е., способность учиться и узнавать все, что ему нужно, и съ этою способностію люди пріобрѣли такое множество познаній, что ихъ нельзя и сравнивать съ врожденными знаніями или инстинктами животныхъ. Пчелка съ самаго созданія міра одинаковымъ образомъ дѣлаетъ свои соты; пауки ткутъ и теперь свою паутину точно такъ же, какъ ткали ее семь тысячъ лѣтъ тому назадъ. Но сравните дикаря, который умѣетъ только выломать дубину въ лѣсу и выкопать нору въ землѣ, съ европейцемъ, который покрылъ землю прекрасными городами, красивыми зданіями, дивными произведеніями художествъ, желѣзными дорогами, электрическими телеграфами, садами, парками, обработанными полями, изобрѣлъ тысячи матерій для одежды, наполнилъ свое жилище множествомъ искусственныхъ предметовъ, — и вы представите себѣ все огромное различіе между разумомъ человѣка и инстинктомъ животнаго. Щедрый Творецъ раздѣлилъ между животными нѣсколько врожденныхъ знаній, необходимыхъ имъ для жизни: человѣку же, котораго Онъ возлюбилъ болѣе всѣхъ своихъ созданій, далъ Господь самый источникъ знаній—разумъ: источникъ, изъ котораго человѣкъ черпаетъ, черпаетъ уже нѣсколько тысячелѣтій и не можетъ исчерпать всего, что въ немъ находится. Этотъ-то неисчерпаемый источникъ знанія, частица божественнаго разума, даетъ человѣку возможность образовываться, знать все болѣе и болѣе, становиться умнѣе и улучшать свое состояніе. И надобно сказать правду, что человѣкъ умѣлъ воспользоваться этимъ даромъ Божіимъ и сдѣлался властелиномъ земли и царемъ всѣхъ животныхъ, изъ которыхъ многія гораздо сильнѣе его. Слону такъ же легко раздавить человѣка, какъ намъ раздавить мышь; но человѣкъ, пользуясь своимъ разумомъ, заставилъ слона повиноваться себѣ. Во сколько разъ тигръ и левъ сильнѣе и ловче человѣка; но человѣкъ изобрѣлъ порохъ— и природная сила слона и льва пали передъ разумною силою человѣка.

Такъ щедро одарилъ Господь свое любимое созданіе,—человѣка! Онъ не только далъ ему тѣло и живую душу; но и вдохнулъ въ него безсмерт-

ный, разумный и свободный духъ. Онъ далъ ему разумъ—источникъ всѣхъ знаній; Онъ далъ ему совѣсть, чтобы онъ различалъ добро отъ зла; Онъ далъ ему волю, чтобы онъ свободно могъ дѣлать добро; Онъ далъ ему чувство красоты и, наконецъ, вложилъ въ него понятіе о Божествѣ. Какъ же намъ, видя такую любовь Творца къ людямъ, не любить Его, не молиться Ему, не исполнять Его воли, не полагаться на Его премудрость и на Его неисчерпаемое милосердіе? Но что же мы должны чувствовать, когда узнаемъ, что сотворившій насъ Богъ сходилъ къ намъ на землю, училъ насъ, какъ мы должны жить, и на крестѣ претерпѣлъ за насъ мучительныя страданія? Какъ же намъ всею силою духа нашего не любить Того, Кто такъ безпредѣльно насъ любитъ и такъ щедро осыпалъ насъ, осыпаетъ и теперь своими безчисленными благодѣяніями?

СОТВОРЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА.

Прекрасна была юная земля, только-что явившаяся по слову Божію; но человѣка на ней еще не было и некому было любоваться ея красотою. Днемъ яркое солнце всходило на небо и лило на землю свѣтъ и тепло; ночью подымалась кроткая луна и сверкали миріады звѣздъ; голубой сводъ неба, убранный золотыми и серебряными облаками, вздымался высоко чуднымъ, ненаглядным шатромъ; волновалось и шумѣло безбрежное море; высокія горы подымали выше облаковъ свои блестящія, серебряныя вершины; повсюду лилися полныя, синія рѣки, кипѣли и разсыпались брызгами пѣнистые водопады, журчали сверкающіе ручьи, пробираясь въ душистой, сочной травѣ; высокія пальмы качали своими гордыми верхушками; тѣнистые лѣса говорили съ легкимъ, прохладнымъ вѣтромъ; зеленыя поля, усыпанныя роскошными цвѣтами, благоухали; красивыя животныя прыгали и рѣзвились; ярко-пестрыя птицы и блестящія насѣкомыя, сверкая какъ алмазы, носились въ воздухѣ; соловей пѣлъ свою громкую пѣсню, но человѣка еще не было и некому было наслаждаться всею роскошью Божьяго міра.

Солнце, луна и звѣзды, блестящія, но безчувственныя, текли указаннымъ имъ путемъ, не видя и не чувствуя ничего, даже своей собственной прелести. Роза благоухала и красовалась, не зная, какъ она прекрасна; соловьиная пѣсня не услаждала ничьего слуха. Животныя, хотя и видѣли и слышали все, но не понимали ни красоты природы, ни премудрости законовъ, по которымъ она создана. Удовлетворивъ своимъ тѣлеснымъ потребностямъ, животное веселилось; не требуя красоты, искало только пищи и, пожирая премудрыя созданія Божіи, не подозрѣвало, сколько премудрости въ каждой, самой маленькой травкѣ. Ни одно изъ нихъ не могло даже поднять головы къ небу и сказать съ благодарностію: „Создатель, какъ Ты великъ и милостивъ! какъ я люблю Тебя!“ Все, что было создано, жило по законамъ Создателя

и не могло жить иначе, не имѣя своей воли: не могло грѣшить, зато не могло дѣлать и добра, не зная что такое зло и добро.

Увидя, какъ хорошъ міръ, Господь, исполненный любви, захотѣлъ создать существо, которое бы по безсмертному духу своему было подобно Ему Самому, Создателю Вселенной, — которое бы исполняло Его законы не по необходимости, какъ всѣ прочія твари, но понимая ихъ мудрость и благость;—стремилось бы къ истинѣ, добру и красотѣ по собственному желанію и убѣгало лжи, зла и грѣха изъ отвращенія къ нимъ.

„Создадимъ человѣка по образу и по подобію нашему," сказалъ Господь и, сотворивъ изъ земли чудно-прекрасное тѣло, вдохнулъ въ него изъ собственныхъ творческихъ устъ Своихъ безсмертную, разумную—и свободную душу. Открылъ глаза человѣкъ: съ удивленіемъ и восторгомъ взглянулъ онъ на міръ, и душа его, чувствуя свое божественное происхожденіе, исполнилась счастія, благодарности и любви къ Создателю.

„Какъ ни хороша земля, но грустно будетъ человѣку жить на ней одному," подумалъ Господь и, желая увеличить счастье человѣка, создалъ ему прекрасную подругу. Окончивъ созданіе, сказалъ Господь первымъ людямъ: „Любите другъ друга, размножайтеся, наполняйте землю и обладайте ею: все, что́ есть на ней, я дарю вамъ!"

Мѣсто, гдѣ жили первые люди, находилось въ теплой и роскошной странѣ: тамъ, гдѣ Тигръ и Евфратъ и теперь еще сливаютъ свои воды. Но, увы, теперь на этомъ мѣстѣ грустная и дикая пустыня! Видны развалины большихъ городовъ, занесенныхъ пескомъ; вокругъ все мертво; солнце жжетъ немилосердно—и только злой шакалъ и свирѣпый тигръ нарушаютъ своимъ ревомъ мертвое молчаніе пустыни.

ОТДѢЛЪ IV.

ПЕРВЫЕ УРОКИ ЛОГИКИ. *)

РОЗА И ГВОЗДИКА.

(Образецъ самаго простаго сравненія).

Роза и гвоздика имѣютъ много *сходства:* и роза, и гвоздика—растенія; у обѣихъ есть корень, листья, стволъ и цвѣты; обѣ развиваются изъ

*) Само собою разумѣется, что статьи, собранныя здѣсь въ одинъ отдѣлъ, не могутъ быть читаемы по порядку, а должны сопровождать постоянно чтеніе 2-й части «Дѣтскаго Міра». Кромѣ того, слѣдуетъ предварительно, уже при чтеніи 1-й части, упражнять дѣтей въ логическомъ мышленіи того или другаго рода, и потомъ уже, прочитавъ статьи логики, возвесть къ сознанію логическаго закона.

почекъ; обѣ цвѣтутъ недолго и вянутъ очень быстро; цвѣты розы и цвѣты гвоздики имѣютъ пріятный запахъ.

Но между гвоздикою и розою есть также и большое *различіе*: цвѣты ихъ имѣютъ различный запахъ; роза бываетъ одного цвѣту—розовая, бѣлая или желтая; а гвоздика обыкновенно бываетъ разноцвѣтная, пестрая; у розы широкіе, круглые листья, у гвоздики — узкіе и длинные; на розѣ есть шипы, на гвоздикѣ нѣтъ.

КЛАССНАЯ ДОСКА И ГРИФЕЛЬНАЯ ДОСКА.

(Образецъ сравненія).

Сходство: 1) Классная доска черна и грифельная также. 2) У классной доски четыре угла, у грифельной тоже. 3) Обѣ употребляются для письма. 4) Классная доска сдѣлана изъ дерева, на грифельной также есть дерево.

Различіе: 1) Классная доска стоитъ посреди класса на ножкахъ; грифельныя лежатъ на столахъ предъ учениками. 2) Классная доска въ классѣ бываетъ одна, рѣдко двѣ или три; а грифельныхъ бываетъ много: у каждаго ученика должно быть по одной. 3) Классная доска вся черна, грифельная нѣтъ. 4) Классная доска вся изъ дерева, грифельная изъ камня, только рамка у нея деревянная. 5) На классной доскѣ пишутъ мѣломъ, на грифельной — грифелемъ. 6) Классная доска больше грифельной.

Все, чѣмъ одинъ предметъ отличается отъ другаго, или въ чемъ одинъ предметъ имѣетъ сходство съ другимъ, называется *признакомъ*. Сравнивая два предмета одинъ съ другимъ, мы находимъ въ нихъ сходные или различные признаки *).

ЧТО ТАКОЕ РАЗЛИЧІЕ И СХОДСТВО?

Сынъ. Я часто слышу слова: сходство, различіе, но не совсѣмъ ихъ понимаю.—*Отецъ.* Вотъ два стула стоятъ рядкомъ: какъ ты думаешь, похожи ли они одинъ на другой?—*Сынъ.* Я думаю, что похожи.—*Отецъ.* И я думаю тоже. Они имѣютъ очень много сходныхъ признаковъ: оба назначены для того, чтобы на нихъ сидѣть; оба сдѣланы изъ дерева; оба одинаковой величины и одинаковой формы; словомъ, эти стулья различаются только по мѣсту: одинъ стоитъ направо, а другой налѣво. Вотъ почему мы можемъ сказать, что эти стулья похожи одинъ на другой. — *Сынъ.* Да, они очень похожи.—*Отецъ.* Но вотъ подлѣ стула я поставлю деревянную скамейку: похожа ли скамейка на стулъ? — *Сынъ.* Нисколько. — *Отецъ.* Чѣмъ же они различаются?—*Сынъ.* Стулъ обитъ кожею, а скамейка—нѣтъ; стулъ выкрашенъ черною краскою, а скамейка бѣлая; у стула есть спинка, у ска-

*) Сюда же по формѣ относятся сравненія растеній съ животными и человѣка съ животными, помѣщенныя въ другомъ отдѣлѣ по своему содержанію.

мейки — нѣтъ. — *Отецъ.* Однакоже у нихъ есть и сходные признаки: поищи. — *Сынъ.* Какое же между ними сходство? Кажется, никакого. — *Отецъ.* Скамейка сдѣлана изъ дерева, а стулъ? — *Сынъ.* Стулъ тоже изъ дерева. — *Отецъ.* У скамейки четыре ножки... *Сынъ.* И у стула тоже. — *Отецъ.* Стулъ назначенъ для того, чтобы на немъ сидѣть; а скамейка? — *Сынъ.* И скамейка назначена для тогоже. — *Отецъ.* Стулъ и скамейка, слѣдовательно, составляютъ двѣ различныя вещи, но сходны уже потому, что и стулъ и скамейка — мебель. Вотъ двѣ монеты: сходны ли онѣ между собою? — *Сынъ.* Нѣтъ, онѣ очень различны. — *Отецъ.* Однакоже у нихъ много сходныхъ признаковъ. Посмотри: онѣ обѣ одинаковой величины, обѣ круглы, обѣ тяжелы, обѣ употребляются на то, чтобы на нихъ покупать различныя вещи; обѣ сдѣланы изъ металла. — *Сынъ.* Однакоже одна монета сдѣлана изъ мѣди, а другая изъ серебра, и цвѣтъ у нихъ совершенно различный. — *Отецъ.* Слѣдовательно между этими двумя монетами есть сходство по величинѣ и по формѣ; но онѣ совершенно различаются по цвѣту, по металлу, изъ котораго каждая изъ нихъ сдѣлана; по цѣнѣ: одна гораздо дороже другой. Слѣдовательно между этими двумя монетами есть сходство и есть... *Сынъ.* Есть различіе. — *Отецъ.* Теперь ты понимаешь, что между двумя или нѣсколькими предметами всегда есть сходство и различіе, и если мы напримѣръ говоримъ, что одинъ человѣкъ не похожъ на другаго, то это только потому, что принимаемъ въ расчетъ одни тѣ признаки, по которымъ двое людей одинъ отъ другаго отличаются, и не думаемъ въ то же время о тѣхъ, по которымъ они сходны. Не правда ли, что между всѣми людьми много сходныхъ признаковъ? — *Сынъ.* Конечно. — *Отецъ.* Человѣкъ, который бы не имѣлъ никакихъ человѣческихъ признаковъ, не былъ бы... *Сынъ.* Не былъ бы человѣкомъ. — *Отецъ.* Но нѣтъ и такихъ двухъ сходныхъ предметовъ, между которыми не было бы никакого различія. Вотъ два листочка съ одного и того же дерева: кажется они совершенно похожи одинъ на другой; но всмотрись хорошенько, и ты найдешь между ними различіе. Нѣтъ въ мірѣ двухъ предметовъ, между которыми не было бы какого нибудь различія и сходства.

РАЗЛИЧІЕ ПРИЗНАКОВЪ.

Отецъ. Мы знаемъ теперь, что называется признакомъ. Признаками могутъ быть: цвѣтъ предмета, запахъ, вкусъ, величина, тяжесть, форма, матеріалъ, изъ котораго предметъ сдѣланъ и т. д. Но вотъ два одинаковые листа бумаги: между ними, вѣроятно, можно бы найти различіе; но должно очень долго всматриваться; не знаешь ли ты, какъ бы различить ихъ съ перваго взгляда? — *Сынъ.* Очень легко: одинъ листъ лежитъ на скамейкѣ, а другой на столѣ. — *Отецъ.* Хорошо; но здѣсь ты различаешь два предмета не по цвѣту, не по формѣ, не по вѣсу, а *по положенію.* Я

могу переложить одинъ предметъ на мѣсто другаго и тогда положеніе ихъ перемѣнится. Но если одинъ листъ будетъ черный, а другой бѣлый, то гдѣ бы я ни положилъ ихъ, они все будутъ различаться по цвѣту. Тѣ признаки, которые принадлежатъ самому предмету, называются *качествами или свойствами* предмета. Положеніе предмета тоже можетъ быть признакомъ, но не будетъ свойствомъ. Но кромѣ свойствъ и положенія предмета, можно еще различать предметы *по времени*. Такъ мы говоримъ: вчерашній день, вчерашній обѣдъ, завтрашній урокъ, утреннія занятія, вчерашній чай; здѣсь мы различаемъ предметы по времени. Вчерашній обѣдъ можетъ быть совершенно похожъ на сегоднишній, но тѣмъ не менѣе онъ вчерашній, и мы имъ сыты не будемъ. Для такого отличія мы употребляемъ названія мѣсяцевъ, дней недѣли, считаемъ часы, числа, годы. Можно еще отличать одинъ предметъ отъ другаго *по количеству*: въ этой комнатѣ шесть стульевъ, въ той двѣнадцать; два аршина сукна меньше трехъ и т. д. Но вотъ двѣ одинаковыя книги: какъ ты думаешь, чѣмъ всего скорѣе можно ихъ различить? — *Сынъ*. Одна изъ нихъ закрыта, а другая раскрыта. — *Отецъ*. Вотъ двѣ одинаковыя монеты: возьми ихъ въ руки и скажи проворнѣе, чѣмъ онѣ отличаются.—*Сынъ*. Одна изъ нихъ холодна, а другая тепла. — *Отецъ*. Вотъ два стула: найди различіе между ними.—*Сынъ*. Одинъ изъ нихъ лежитъ, другой стоитъ.—*Отецъ*. Здѣсь предметы различаются *по состоянію*, въ которомъ они находятся. Одинъ человѣкъ стоитъ, другой сидитъ, третій читаетъ, четвертый пишетъ, пятый бѣгаетъ: всѣ эти люди различаются по состоянію, въ которомъ они находятся. Можно еще различать предметы по *дѣйствію*, которое производитъ одинъ предметъ на другой, или которое онъ самъ претерпѣваетъ отъ другаго дѣйствующаго предмета: одинъ мальчикъ рѣжетъ палочку, а другой пускаетъ змѣя; одинъ крестьянинъ погоняетъ лошадь, а другой рубитъ дрова; одинъ мальчикъ былъ строго *наказанъ* отцомъ за шалости, а другой былъ награжденъ за прилежаніе. Часто также предметы различаются по *назначенію*: печка назначена для того, чтобы нагрѣвать комнату, а окошко для того, чтобы освѣщать ее; перочинный ножикъ назначенъ для того, чтобы чинить имъ перо и т. д. Не перечислишь ли ты мнѣ теперь, какими признаками можно различать предметы?

СУЖДЕНІЕ.

Отецъ. Находить сходство и различіе между предметами и приписывать имъ какіе либо признаки значитъ *судить, разсуждать*; а способность разсуждать называется *разсудкомъ*. Если я говорю, что у лошади нѣтъ роговъ, а у коровы нѣтъ гривы; что у льва втяжные, острые, когти, а у лисицы пушистый хвостъ; то, значитъ, я приписываю предметамъ тѣ или другіе признаки, или разсуждаю. Сужденія, какъ ты видишь, могутъ

быть *отрицательныя* и *положительныя*. Положительнымъ называется такое сужденіе, въ которомъ я приписываю предмету какой нибудь признакъ; отрицательнымъ—такое, въ которомъ я утверждаю, что какого нибудь признака въ предметѣ нѣтъ. Во всемъ, что мы говоримъ и думаемъ, есть непремѣнно сужденіе. Всякая мысль въ нашей головѣ; всякая фраза, если только въ ней есть какой нибудь смыслъ, непремѣнно заключаетъ въ себѣ *сужденіе*. — *Сынъ*. Неужели! Но если я скажу что нибудь на удачу?— *Отецъ*. Скажи, что хочешь. — *Сынъ*. Что бы мнѣ сказать такое? (*подумавъ*.) Сегодня холодно. — *Отецъ*. Здѣсь есть сужденіе: сегодняшнему дню ты приписываешь признакъ—холодъ.—*Сынъ*. Я хочу быть большимъ. *Отецъ*. Опять сужденіе: ты приписываешь себѣ признакъ — желаніе быть большимъ. Придумай еще что нибудь.—*Сынъ*. Нѣтъ, я ничего не могу придумать: во всемъ, что приходитъ мнѣ на мысль, есть сужденіе; есть предметъ и есть признакъ, который я ему приписываю. Какъ это странно! я никогда объ этомъ прежде не думалъ.

ТѢЛО.

Сынъ. Я вычиталъ сегодня въ книгѣ, что мѣсяцъ есть тѣло; я этого не понимаю: тѣло есть у человѣка, какое же у мѣсяца тѣло? — *Отецъ*. Книга говоритъ правду: тѣломъ называется всякій предметъ, который занимаетъ какое нибудь мѣсто, такъ что другой предметъ въ то же время того же мѣста занимать не можетъ. — *Сынъ*. Это я что-то не понимаю. — *Отецъ*. Налей полный стаканъ воды и брось туда порядочный камешекъ. Что сдѣлалось съ водою? — *Сынъ*. Воды не много вылилось черезъ край. *Отецъ*. Вотъ видишь-ли, вода уступила свое мѣсто камню: одного и того же мѣста въ одно и то же время камень и вода занимать не могли: слѣдовательно и камень и вода — тѣла. Ты помнишь также, что въ опытѣ, который мы дѣлали надъ воздухомъ, воздухъ не пускалъ воды въ стаканъ, вотъ почему и невидимый воздухъ мы называемъ тѣломъ. Въ этомъ смыслѣ и луна называется тѣломъ. Она занимаетъ мѣсто въ пространствѣ, точно также, какъ и наша земля.—*Сынъ*. Понимаю; но такимъ тѣломъ можно назвать всякій предметъ. Всѣ преметы — тѣла, не правда ли? — *Отецъ*. Многіе, очень многіе; но не всѣ. Видалъ ли ты тѣнь, которую оконныя рамы отбрасываютъ въ солнечный день на полъ? Можетъ ли эта тѣнь помѣшать тебѣ двинуть рукою, или поставить что нибудь на томъ самомъ мѣстѣ, и уходитъ ли она прочь, какъ уходитъ воздухъ, когда ты двигаешь рукою?—*Сынъ*. Нѣтъ, тѣнь хотя и видна, а притронуться къ ней нельзя: притронешься къ полу, а не къ тѣни. — *Отецъ*. Да; но подумай, отчего произошла тѣнь. Солнечные лучи, проходя сквозь прозрачное стекло, не могутъ пройти сквозь непрозрачную раму: вотъ почему фигура рамы изобразилась на полу. Тѣнь есть только отсутствіе свѣта, слѣдовательно ее

нельзя назвать тѣломъ: но мы можемъ думать и говорить о тѣни, она можетъ быть предметомъ нашихъ сужденій; слѣдовательно и тѣнь—предметъ. Всякое тѣло непремѣнно должно занимать какое нибудь мѣсто и, слѣдовательно, должно имѣть три свойства: длину, ширину и толщину.

РАЗЛИЧІЕ ПРЕДМЕТОВЪ.

— *Отецъ.* Всѣ предметы, которые занимаютъ какое нибудь опредѣленное мѣсто, называются *тѣлами,* или предметами *тѣлесными.* Но кромѣ тѣни, есть еще множество предметовъ, которыхъ нельзя назвать тѣлесными. Посмотри—я напишу на доскѣ слово *столъ*: что это, тѣлесный предметъ, или нѣтъ?— *Сынъ.* Столъ есть предметъ тѣлесный.—*Отецъ.* Правда; но то, что я написалъ на доскѣ, есть не самый предметъ, а только названіе предмета тѣлеснаго. Но вотъ я напишу 3, 4, 5—какихъ предметовъ это названія, тѣлесныхъ или безтѣлесныхъ? — *Сынъ.* Это цифры.—*Отецъ.* Да, цифра есть названіе числа. Два стола, это будутъ два тѣлесные предмета, а просто *два* будетъ названіемъ такого предмета, о которомъ мы можемъ думать, названіе котораго можемъ написать даже на доскѣ, но котораго не можемъ видѣть, ни осязать, который, словомъ, не имѣетъ тѣла.—*Сынъ.* Я понимаю, что чиселъ самихъ по себѣ видѣть нельзя.—*Отецъ.* Не однихъ чиселъ. Ты можешь видѣть и размѣрять длину, ширину и толщину какого нибудь предмета; но можешь ли ты видѣть или осязать длину, ширину, толщину сами по себѣ, безъ предмета?—*Сынъ.* Конечно нѣтъ. — *Отецъ.* Ты слыхалъ уже, что такое *земная ось;* но неужели земля вертится на своей оси, какъ колесо на оси телѣги? — *Сынъ.* О, нѣтъ! Ось земная есть линія воображаемая, умственная.—*Отецъ.* Однакоже мы говоримъ о ней; даже вычислили, сколько въ ней верстъ. Видалъ ли ты черныхъ птицъ, черное сукно, черные волосы, черную краску или тушь? — *Сынъ.* Конечно. — *Отецъ.* А видѣлъ ли ты черный цвѣтъ? —*Сынъ.* Да.—*Отецъ.* Гдѣ же ты его видѣлъ?— *Сынъ.* Да вотъ черная шляпа стоитъ на окнѣ.—*Отецъ.* Это черная шляпа, но не черный цвѣтъ. Видѣлъ ли ты черный цвѣтъ самъ по себѣ, а не на какомъ нибудь тѣлѣ. — *Сынъ.* Конечно нѣтъ. — *Отецъ.* Однакоже ты говоришь: я люблю черный цвѣтъ, или я не люблю его; слѣдовательно черный цвѣтъ есть предметъ, о которомъ можно думать и говорить; но не тѣло. Ты видалъ добрыхъ мальчиковъ, но доброты самой по себѣ ты никогда не видѣлъ; точно также нельзя видѣть ни злости, ни храбрости, никакихъ другихъ душевныхъ качествъ, хотя о нихъ можно думать и говорить. Предметы, о которыхъ можно думать и говорить, но которые не имѣютъ тѣла и отдѣльно отъ другихъ предметовъ сами по себѣ не существуютъ, называются предметами *мысленными* или *отвлеченными.* Но какъ ты думаешь: можно ли видѣть или осязать нашу душу?—*Сынъ.* Нѣтъ, я уже знаю, что она

безтѣлесна. — *Отецъ.* Но почему же ты знаешь что она существуетъ? — *Сынъ.* Потому что она во мнѣ слышитъ, видитъ, чувствуетъ, думаетъ, заставляетъ двигаться мое тѣло; безъ души тѣло было бы мертво. — *Отецъ.* А какъ ты думаешь, видитъ ли насъ въ это время Господь? — *Сынъ.* Какъ же не видѣть всего Тому, Кто далъ намъ зрѣніе? — *Отецъ.* Но почему же мы Его не видимъ? — *Сынъ.* Потому, что онъ безтѣлесенъ, потому что Онъ —Духъ. — *Отецъ.* Тѣмъ не менѣе ты знаешь уже, какъ Онъ насъ любитъ; ты знаешь, что Онъ создалъ міръ, что Онъ всѣмъ управляетъ. Такіе предметы, которые, хотя не имѣютъ тѣла, но тѣмъ не менѣе живутъ, чувствуютъ, думаютъ, дѣйствуютъ, — называются предметами *духовными.* Таковы: Богъ, ангелы и безсмертная душа человѣка, или духъ. — *Сынъ.* Что же называется предметомъ вообще? — *Отецъ.* Все, о чемъ мы можемъ только что нибудь подумать, или чему можемъ приписать какой нибудь признакъ.

РОДЫ И ВИДЫ.

— *Отецъ.* Какое общее названіе дашь ты борзымъ, гончимъ, лягавымъ, мордашкамъ, пуделямъ, водолазамъ? — *Сынъ.* Все это собаки. — *Отецъ.* Хорошо: вотъ это будетъ нѣсколько *видовъ* одного и того же собачьяго *рода.* А какое общее названіе дашь ты собакѣ, волку и лисицѣ? — *Сынъ.* Это все звѣри *псоваго* семейства. — *Отецъ.* Въ зоологіи это называется семействомъ; здѣсь же, для однообразія, и семейства, и отряды, и отдѣлы мы будемъ называть *родами* и *видами.* Такимъ образомъ ты видишь, что собаки, лисицы и волки будутъ тремя *видами* звѣрей одного и того же *рода,* псоваго. Но какое общее названіе дашь ты звѣрямъ псоваго рода, звѣрямъ кошачьяго рода и медвѣдямъ? — *Сынъ.* Все это будутъ хищные звѣри. — *Отецъ.* Да, это три *вида* одного и того же *рода,* звѣрей хищныхъ. Но кромѣ хищныхъ звѣрей ты знаешь еще грызуновъ, животныхъ однокопытныхъ, жвачныхъ, толстокожихъ и проч. Къ какому *роду* будетъ относиться всѣ эти *виды* животныхъ? — *Сынъ.* Къ *роду* животныхъ млекопитающихъ. — *Отецъ.* А животныя млекопитающія, птицы, земноводныя, пресмыкающіяся и рыбы будутъ пятью *видами* одного и того же *рода.... Сынъ.* Животныхъ позвоночныхъ. — *Отецъ.* Какихъ же животныхъ ты знаешь кромѣ позвоночныхъ? — *Сынъ.* Такихъ, у которыхъ нѣтъ позвоночнаго хребта. — *Отецъ.* Слѣдовательно животныя позвоночныя и животныя безпозвоночныя будутъ двумя *видами* одного и того же *рода* животныхъ вообще. Но кромѣ животныхъ не зналъ ли ты еще какихъ нибудь органическихъ тѣлъ. — *Сынъ.* Знаю — растенія. — *Отецъ.* Растенія и животныя, слѣдовательно, будутъ двумя *видами* одного и того же *рода* тѣлъ органическихъ. Но какія есть еще природныя тѣла, кромѣ органическихъ? — *Сынъ.* Тѣла неорганическія: вода, воздухъ, газы, минералы. — *Отецъ.* Тѣла органическія и неорганическія будутъ, слѣдовательно, двумя *видами*

тѣлъ природныхъ; тѣла природныя и искусственныя будутъ двумя *видами* тѣлъ вообще; предметы тѣлесные, отвлеченные и духовные будутъ тремя *видами* одного и того же *рода*—предмета вообще *). Теперь ты знаешь, что такое *роды* и *виды*. Эти слова ты будешь часто встрѣчать въ *логикѣ*. — *Сынъ*. А что такое логика?—*Отецъ*. Въ ботаникѣ изучаютъ, какъ живетъ растеніе, въ зоологіи изучаютъ, какъ живетъ животное: въ логикѣ же изучается, какъ думаетъ человѣкъ. Ты уже знаешь кое-что изъ логики: знаешь, напримѣръ, что во всякой нашей мысли есть предметъ и признакъ, который мы приписываемъ предмету.

ПРИЗНАКИ ВИДОВЫЕ И РОДОВЫЕ.

Отецъ. Ты вѣроятно не забылъ, какіе отличительные признаки лошади. —*Сынъ*. У лошади цѣльныя копыта. — *Отецъ*. Но и у осла также цѣльныя копыта.—*Сынъ*. Но у осла уши длинны и хвостъ коровій.—*Отецъ*. Слѣдовательно лошадь отличается отъ другихъ *видовъ* лошадинаго *рода* хвостомъ и ушами. Но по какимъ признакамъ причисляешь ты лошадь къ звѣрямъ лошадинаго рода? — *Сынъ*. Всѣ звѣри лошадинаго рода имѣютъ цѣльныя копыта.—*Отецъ*. Хорошо. Но по какому признаку ты относишь всю лошадиную породу къ звѣрямъ или млекопитающимъ?—*Сынъ*. Потому, что жеребенокъ питается молокомъ матери. — *Отецъ*. Слѣдовательно лошадь на всѣхъ млекопитающихъ похожа тѣмъ, что питаетъ своихъ жеребятъ своимъ молокомъ; а отличается отъ другихъ млекопитающихъ тѣмъ, что у нея цѣльныя копыта. Тѣ признаки, по которымъ одинъ предметъ отличается отъ другихъ предметовъ того же рода, какъ особый видъ этого рода, называются *видовыми признаками;* а тѣ признаки, по которымъ предметъ причисляется къ извѣстному роду предметовъ, называются *признаками родовыми*. Скажи мнѣ: къ какому роду предметовъ относятся всѣ искусственные предметы? —*Сынъ*. Къ роду предметовъ тѣлесныхъ.—*Отецъ*. Какой же видовой признакъ всякаго искусственнаго предмета? — *Сынъ*. Тотъ, что всякій искусственный предметъ сдѣланъ человѣкомъ. — *Отецъ*. Но какой же родовой признакъ всякаго искусственнаго предмета, по которому ты причисляешь его къ роду предметовъ тѣлесныхъ?—*Сынъ*. Всякій искусственный предметъ есть тѣло, занимаетъ извѣстное мѣсто и имѣетъ вѣсъ.

СПОРЪ.

(*Понятіе*).

Коля. Саша, а Саша, видалъ ли ты когда нибудь птицу? — *Саша*. Вотъ нашелъ диковинку! Конечно видалъ.—*Коля*. А я тебѣ говорю, что ты

*) Слѣдуетъ начертить на доскѣ таблицу этой статьи и по ней научить дѣтей различать роды и виды; это имѣетъ большое значеніе. Таблица чертится также, какъ и родословныя таблицы.

никогда птицы не видалъ.—*Саша.* Ты шутишь.—*Коля.* Нѣтъ, я не шутя говорю тебѣ, что ты никогда не видалъ птицы.—*Саша.* Вотъ вздоръ какой! Да я вотъ и теперь вижу канарейку, что виситъ въ клѣткѣ на окнѣ. — *Коля.* Это канарейка, а не птица. — *Саша.* Да развѣ канарейка не птица?— *Коля.* Канарейка—птица; но я говорилъ, что ты не видалъ не канарейки, а птицы вообще: не вороны, не курицы, не голубя, а вообще птицы, которая не была бы никакою особенною птицею. — *Саша.* Ну, такой птицы я конечно не видалъ: всѣ птицы бываютъ или канарейки, или голуби или вороны; а птицы, которая была бы себѣ просто птицей и болѣе ничѣмъ, — такой нѣтъ. *Коля.* Но хочешь, я тебѣ докажу, что ты и канарейки никогда не видалъ. — *Саша.* Нѣтъ, ужь этого ты мнѣ не докажешь.—*Коля.* Нѣтъ, докажу. Какого цвѣта наша канарейка?—*Саша.* Желтенькая; но въ крылышкахъ у нея есть и сѣроватыя перья.—*Коля.* А на головѣ?—*Саша.* На головѣ у нея хохолокъ.—*Коля.* У всѣхъ ли канареекъ есть на головѣ хохолокъ, а въ крыльяхъ сѣренькія перья?—*Саша.* Нѣтъ: у нашего сосѣда канарейка вся желтенькая и безъ хохолка.—*Коля.* Слѣдовательно канарейки бываютъ разныя, и ты не видалъ всѣхъ канареекъ, какія есть на свѣтѣ. Не правда ли?—*Саша.* Конечно нѣтъ. —*Коля.* Слѣдовательно, ты видалъ ту или другую канарейку: нашу канарейку, канарейку нашего сосѣда; а канарейки вообще не видалъ. *Саша.* Ты, кажется, смѣешься надо мною.—*Отецъ.* Нѣтъ, Саша, Коля говоритъ тебѣ правду. Мы можемъ видѣть только отдѣльные предметы; а говоря, напр., птица, звѣрь, лошадь, мы говоримъ часто о цѣломъ собраніи предметовъ, имѣющихъ общіе признаки. Но ты самъ, если только подумаешь, легко различишь, когда дѣло идетъ о цѣломъ родѣ или видѣ предметовъ, и когда о какомъ нибудь опредѣленномъ, *единичномъ* предметѣ. Слушай: у лошади цѣльное копыто, а сзади хвостъ; она ѣстъ траву, и поэтому называется животнымъ травоядным; какъ ты думаешь, говорю ли я здѣсь объ одной какой нибудь лошади, или о лошади вообще?—*Саша.* О лошади вообще: у всякой лошади есть грива, хвостъ и цѣльныя копыта, и всѣ лошади ѣдятъ траву.—*Отецъ.* А если я скажу: сегодня я купилъ лошадь.—*Саша.* Здѣсь конечно, дѣло идетъ объ одной лошади, которую вы купили. — *Отецъ.* Вотъ видишь ли, что Коля правъ. Но слушай же, что теперь я скажу тебѣ: въ мірѣ существуютъ только отдѣльные, единичные предметы, *особи,* какъ еще называютъ ихъ; но вообще лошади, дерева, цвѣтка—нѣтъ; точно такъ же, какъ нѣтъ вообще человѣка, города, села или рѣки. Подъ каждымъ изъ этихъ словъ разумѣется множество единичныхъ предметовъ, которые мы соединяемъ въ одно *понятіе,* потому что находимъ между ними общіе признаки и даемъ этому *понятію* какое нибудь названіе: городъ, село, дерево, птица, канарейка, лошадь, человѣкъ; каждое изъ этихъ словъ есть названіе понятія, а не отдѣльнаго предмета. Если же я хочу отличить ка-

кой нибудь единичный предметъ отъ всѣхъ прочихъ предметовъ того же вида или того же понятія, то я даю этому предмету собственное имя: говорю—Волга, а не рѣка уже вообще; Тула, Черниговъ, а не городъ вообще; Иванъ, Петръ, а не человѣкъ вообще. Если же дѣло идетъ о такихъ предметахъ, которымъ собственныхъ именъ не даютъ, то я отличаю одинъ предметъ отъ другаго, говоря: *вотъ этотъ* стулъ, *вотъ эта* лошадь, или указываю *мѣсто* и *время*, гдѣ и когда я предметъ видалъ; потому-что одного и того же мѣста, въ одно и тоже время, два тѣлесные предмета занимать не могутъ. Имя, которое мы даемъ какому нибудь единичному предмету, чтобы отличить его отъ всѣхъ предметовъ того же рода, называется *собственнымъ* именемъ; а то имя, которое мы даемъ цѣлому роду предметовъ, сходныхъ между собою по признакамъ, называется *нарицательнымъ* именемъ. Въ каждомъ собственномъ имени заключается *понятіе* объ единичномъ какомъ либо предметѣ со всѣми его отличительными признаками; въ каждомъ нарицательномъ имени заключается *понятіе* о цѣломъ родѣ предметовъ или, лучше сказать, о множествѣ признаковъ, которыми эти предметы отличаются отъ другихъ предметовъ. Понятія не существуютъ между тѣлесными предметами; но суть созданія нашего ума, и всякое имя собственное или нарицательное заключаетъ въ себѣ понятіе, т. е. собраніе родовыхъ и видовыхъ признаковъ, которые мы можемъ перечислить, если это понятіе намъ извѣстно.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ.

Всѣ мы очень хорошо знаемъ воду; но попробуйте сказать, что такое—вода, и вы увидите, что это не такъ легко, какъ кажется: для этого надобно перечислить всѣ тѣ признаки, которыми вода отличается отъ всѣхъ прочихъ предметовъ. Попробуйте же перечислить эти признаки.

Прежде всего мы видимъ, что вода есть *предметъ*, какъ и все, о чемъ мы можемъ говорить или думать; потомъ мы видимъ, что кромѣ того вода есть *тѣло* (почему?), которое занимаетъ опредѣленное мѣсто и имѣетъ вѣсъ. Если станемъ отличать воду отъ тѣлесныхъ предметовъ, то мы увидимъ, что вода есть тѣло *неорганическое* (почему?). Но мало ли другихъ неорганическихъ тѣлъ, кромѣ воды? Сравнивая воду съ другими неорганическими тѣлами, мы видимъ, что она есть тѣло *жидкое* или *жидкость* (чѣмъ это можно доказать?). Соединимъ же всѣ признаки воды, которые мы до сихъ поръ нашли: *вода есть тѣло неорганическое и жидкое*. Вмѣсто этихъ трехъ признаковъ, мы можемъ назвать только одинъ: сказать просто, что *вода есть жидкость*. Само собою разумѣется, что всякая жидкость есть тѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ не есть организмъ: такихъ организмовъ, которые были бы совершенными жидкостями, — нѣтъ.

Но, назвавъ воду жидкостью, мы еще не отличили ее отъ другихъ жидкостей, а только отъ всѣхъ твердыхъ тѣлъ, съ одной стороны, и отъ тѣлъ воздухообразныхъ или газовъ, съ другой. Чтобы отличить воду отъ другихъ жидкостей, должно сравнить ее съ другими жидкостями. Сравнивая, напримѣръ, воду съ ртутью, мы найдемъ, что ртуть непрозрачна, а вода прозрачна. Прибавимъ же этотъ новый признакъ къ тѣмъ, которые мы уже нашли: *вода есть прозрачная жидкость*. Но вода не единственная прозрачная жидкость: сквозь постное масло и вино, налитыя въ стаканъ, также отчасти видны предметы. Сравнивая воду съ постнымъ масломъ или съ виномъ, мы найдемъ, что масло и вино имѣютъ имъ свойственный цвѣтъ; у чистой же воды, взятой въ небольшомъ количествѣ, какое, напримѣръ, вмѣщается въ графинѣ, своего собственнаго цвѣта нѣтъ. Прибавимъ же этотъ признакъ къ тѣмъ, которые мы уже нашли, и скажемъ, что *вода есть жидкость прозрачная и безцвѣтная*.

Но спиртъ также есть жидкость безцвѣтная и прозрачная. Чтобы различить эти двѣ жидкости, стоитъ только ихъ понюхать и попробовать: у спирта есть свой особенный, ему свойственный запахъ и особенный вкусъ; у воды нѣтъ ни запаха, ни вкуса. Такимъ сравненіемъ мы нашли для воды еще два признака и можемъ прибавить ихъ къ прежнимъ: *вода есть жидкость прозрачная, безцвѣтная, неимѣющая ни вкуса, ни запаха*. Еслибы мы нашли другую такую же жидкость, то должны были бы искать новыхъ признаковъ, отличающихъ воду. Но такъ какъ другой такой жидкости мы не знаемъ, то намъ и не нужно отыскивать другихъ признаковъ для воды. Мы отличили ее отъ всѣхъ прочихъ предметовъ. Такое отличіе предмета по его признакамъ отъ всѣхъ прочихъ предметовъ и называется *опредѣленіемъ*. Мы *опредѣлили*, что такое вода.

Каждое понятіе, какъ и понятіе воды, заключаетъ въ себѣ множество признаковъ. Перечислить всѣ тѣ отличительные признаки, которые заключаются въ понятіи предмета, значитъ опредѣлить предметъ. Чтобы опредѣлить предметъ, должно сравнивать его съ другими предметами того же рода и отъискивать его отличительные признаки. Тотъ имѣетъ ясное понятіе о предметѣ, кто умѣетъ указать родъ, къ которому предметъ относится, и перечислить отличительные признаки, которыми этотъ предметъ отличается отъ другихъ предметовъ того же рода. Попробуйте опредѣлить нѣсколько знакомыхъ вамъ предметовъ: опредѣлите, что такое бѣлка, что такое кремень, что такое яблоко, что такое неорганическій предметъ, что такое тѣло. Если же мы хотимъ опредѣлить какой нибудь единичный предметъ, то должны отличить его отъ всѣхъ прочихъ предметовъ того *вида*, къ которому этотъ предметъ принадлежитъ.

ЯВЛЕНІЕ, ПРИЧИНА И СЛѢДСТВІЕ.

Сынъ. Въ книжкѣ, которую дала мнѣ сестра, я встрѣтилъ на первой же страницѣ слово *явленіе*, и не понимаю, что оно значитъ.—*Отецъ.* Ты помнишь, какъ я объяснилъ тебѣ слово признакъ? — *Сынъ.* Помню. — *Отецъ.* Не можешь ли ты перечислить признаковъ этой шторы?—*Сынъ.* Она зеленаго цвѣта.... *Отецъ.* Довольно: возьмемъ этотъ одинъ признакъ. Штора, говоришь ты, зеленаго цвѣта; но какъ ты думаешь, всегда ли она останется зеленою? — *Сынъ.* О, нѣтъ! Она, вѣроятно полиняетъ, какъ полиняла старая. — *Отецъ.* Слѣдовательно, ты видишь, что этотъ признакъ шторы не постоянный признакъ, что онъ измѣняется. Но скажи мнѣ: какой главный признакъ воды? Мы объ этомъ уже говорили.—*Сынъ.* Вода жидка: ее можно переливать и разливать; но нельзя ни сыпать въ кучу, какъ песокъ, ни разбивать на куски, какъ сахаръ или камень. — *Отецъ.* Хорошо; но какъ ты думаешь, если я вынесу воду на морозъ, останется ли она жидкою? — *Сынъ.* Нѣтъ, она замерзнетъ, превратится въ ледъ; а ледъ можно разбивать на куски. — *Отецъ.* Видишь ли: жидкое состояніе воды не есть постоянный признакъ. Ты конечно замѣтилъ, какъ въ теченіе лѣта измѣняется цвѣтъ листьевъ и плодовъ; величина дерева въ теченіе времени также измѣняется. А ты останешься ли всегда однимъ и тѣмъ же? — *Сынъ.* Нѣтъ, я выросту. — *Отецъ.* А потомъ станешь старѣться. У старика волосы сѣдѣютъ, на лицѣ появляются морщины. Животныя также растутъ и старѣются, какъ и люди. Значитъ, признаки всего на свѣтѣ безпрестанно мѣняются. Даже камень и тотъ измѣняется.—*Сынъ.* Этого я не замѣтилъ.—*Отецъ.* И трудно тебѣ было бы замѣтить, потому что ты живешь еще очень мало, а камни измѣняются очень медленно; но наблюдательные люди замѣтили, что и камни трескаются и разсыпаются въ песокъ. Да, все измѣняется: только одинъ Богъ вѣченъ и неизмѣненъ. Нѣтъ такого признака ни у одного предмета, который бы не могъ перемѣниться. — *Сынъ.* Но что же такое явленіе? — *Отецъ.* Вотъ эта-то *перемѣна признаковъ предмета и называется явленіемъ.* Дерево растетъ, становится толще, больше; человѣкъ старѣется; вода на морозѣ превращается въ ледъ, а на огнѣ въ паръ; камень, выпущенный изъ руки, перемѣняетъ свое мѣсто, падаетъ на землю; воздухъ переносится съ мѣста на мѣсто, отчего происходитъ вѣтеръ; свѣча горитъ и мало-по-малу сгараетъ; вода въ рѣкѣ течетъ, т. е. перемѣняетъ свое мѣсто: все это явленія. Явленіе, слѣдовательно, есть перемѣна признаковъ предмета.—*Сынъ.* Теперь я знаю, что такое явленіе; но отъ чего происходитъ эта перемѣна признаковъ?—*Отецъ.* Эта перемѣна не дѣлается сама собою, но всегда отъ того, что одинъ предметъ оказываетъ дѣйствіе на другой. Если бы огонь не дѣйствовалъ на желѣзо, то оно не сдѣлалось бы мягкимъ; если бы холодъ не

дѣйствовалъ на воду, то она не превратилась бы въ ледъ; если бы земля не притягивала къ себѣ тѣлъ, то онѣ никогда бы не падали; если бы воздухъ и влага, которая въ немъ находятся, не дѣйствовали на камень, то онъ никогда не превратился бы въ песокъ; если бы тотъ же воздухъ не прикасался къ желѣзу, то желѣзо никогда бы не ржавѣло: словомъ, если бы одинъ предметъ не дѣйствовалъ на другой, то не было бы никакихъ явленій. То, что дѣйствуетъ на предметъ и заставляетъ его измѣнять свои признаки, называется *причиною* явленія. Всякое явленіе непремѣнно имѣетъ причину, и безъ причины не бываетъ никакихъ явленій. Какъ ты думаешь, какая причина того явленія, что зимою вода замерзаетъ?—*Сынъ*. Холодъ.—*Отецъ*. А какая причина того явленія, что крылья мельницы вертятся? *Сынъ*. Вѣтеръ.—*Отецъ*. А какая причина вѣтра?—*Сынъ*. Та, что воздухъ нагрѣвается солнечными лучами не одинаково въ разныхъ мѣстахъ.—*Отецъ*. Теперь ты знаешь, что такое причина. То, что происходитъ отъ той или другой причины, называется *слѣдствіемъ*. Какая причина можетъ превратить кусокъ воску въ жидкость?—*Сынъ*. Жаръ.—*Отецъ*. Какое будетъ слѣдствіе, если кусокъ воску положить на горячую плиту? *Сынъ*. Онъ растопится и потечетъ, какъ вода.—*Отецъ*. Теперь ты знаешь, что такое *явленіе*, что такое *причина* и что *слѣдствіе*; но чѣмъ больше ты будешь учиться, тѣмъ больше будешь узнавать явленій, понимать ихъ причины и знать, отъ какихъ причинъ, какихъ должно ожидать послѣдствій. Какъ ты думаешь, если поднести тряпку очень близко къ огню, то какого должно ожидать слѣдствія?—*Сынъ*. Тряпка загорится.—*Отецъ*. Но если сначала помочить тряпку водою,—такъ же ли скоро она загорится?—*Сынъ*. Нѣтъ, сначала ей нужно будетъ высохнуть.—*Отецъ*. Но если ты обмокнешь тряпку не въ воду, а въ спиртъ или масло,—помѣшаетъ ли это ей загорѣться?—*Сынъ*. Нѣтъ, она загорится еще скорѣе.—*Отецъ*. Почему же это?—*Сынъ*. Потому, что спиртъ и масло горятъ, а вода нѣтъ.—*Отецъ*. Но почему же спиртъ и масло горятъ, а вода—нѣтъ?—*Сынъ*. Этого я не знаю.—*Отецъ*. Слѣдовательно ты не знаешь причины, почему спиртъ загорается. И много еще есть явленій, причинъ которыхъ ты не знаешь. Учись прилежнѣй—узнаешь многое; но узнаешь также, что въ мірѣ есть множество явленій, причинъ которыхъ никто не знаетъ. Скажи же мнѣ теперь нѣсколько явленій и объясни ихъ причины; потомъ скажи мнѣ нѣсколько причинъ, отъ которыхъ непремѣнно произойдетъ то или другое слѣдствіе.

СУЩЕСТВО И ЯВЛЕНІЕ.

Отецъ. Что ты такъ пристально смотришь на часы?—*Сынъ*. Хочу подмѣтить, какъ движется часовая стрѣлка. Движеніе минутной я, кажется, вижу.—*Отецъ*. Это потому, что минутная движется быстрѣе часовой;

движеніе же часовой стрѣлки слишкомъ медленно, чтобы можно было его замѣтить. Но почему же ты убѣжденъ, что она движется?—*Сынъ*. Потому что черезъ полчаса она будетъ на другомъ мѣстѣ.—*Отецъ*. Мнѣ пріятно, что ты думаешь о томъ, что видишь. Но скажи мнѣ, случалось ли тебѣ подмѣтить, какъ краснѣетъ вишня на деревѣ и какъ она изъ зеленой дѣлается ярко-красною?—*Сынъ*. Нѣтъ; потому что она краснѣетъ очень медленно. — *Отецъ*. Точно также не можемъ мы замѣтить, какъ желтѣетъ листокъ дерева; но, взглянувъ дня черезъ два или три на листокъ, который мы видѣли зеленымъ, мы находимъ, что онъ уже пожелтѣлъ. Ростъ дерева нельзя замѣтить не только черезъ день или два, но даже черезъ мѣсяцъ, хотя черезъ нѣсколько лѣтъ мы ясно видимъ, что дерево выросло. Чѣмъ медленнѣе совершается перемѣна признаковъ въ какомъ нибудь предметѣ, тѣмъ больше нужно времени, чтобы замѣтить эту перемѣну. Нѣкоторые предметы измѣняются до-того медленно, что мало человѣческой жизни, чтобы подмѣтить эту перемѣну. Крѣпкое каменное зданіе кажется намъ неизмѣннымъ; но пройдетъ нѣсколько сотъ лѣтъ, и оно разрушится. Этого мало: твердыя скалы и высокія горы, которыя кажутся намъ вѣчными, тоже измѣняются, но только измѣняются впродолженіе многихъ тысячелѣтій. Ученые люди доказываютъ, что песокъ образовался изъ скалъ, которыя трескались и разсыпались отъ дѣйствія воздуха и воды; что твердый гранитъ былъ когда-то въ жидкомъ, а прежде даже въ газообразномъ состояніи; что въ теченіе многихъ вѣковъ образуются новыя горы, новые острова, новыя земли; словомъ, что все на землѣ безпрестанно измѣняется, и только одинъ Богъ остается неизмѣннымъ и вѣчнымъ. Скажи же мнѣ теперь, что мы назвали явленіемъ? — *Сынъ*. Мы назвали явленіемъ перемѣну признаковъ въ предметѣ.—*Отецъ*. Но такъ какъ всѣ тѣлесные предметы измѣняются, и все, что существуетъ, безпрестанно, хотя многое и незамѣтно для насъ, перемѣняетъ свои признаки, то не въ правѣ ли мы сказать, что всякое существо есть въ то же время явленіе; что весь міръ, слѣдовательно, есть одно безграничное и безконечное явленіе? Но, какъ уже ты знаешь, всякое явленіе имѣетъ свою причину; причина же явленія всего міра—Господь Богъ, а потому Его именуютъ Творцемъ и Вседержителемъ.

ЦѢЛЬ и НАЗНАЧЕНІЕ.

Одни явленія происходятъ безъ участія человѣка и называются *естественными* или *природными;* другія — человѣкъ производитъ по своей волѣ. Вѣтеръ дуетъ въ окно и перевертываетъ листы книги; онъ не можетъ не перевертывать ихъ, если дуетъ: человѣкъ также перевертываетъ листы книги, но можетъ и не перевертывать ихъ, если захочетъ. Здоровое сѣмя, попавшее въ плодородную и влажную землю, согрѣтое

солнцемъ, *непремѣнно* прорастетъ: человѣкъ также производитъ множество измѣненій въ предметахъ; но можетъ и не производить ихъ, если ему не захочется.

Если человѣкъ производитъ какое-либо явленіе, то большею частію съ какою-либо *цѣлію:* рубитъ лѣсъ, чтобы выстроить себѣ домъ; пашетъ землю, чтобы посѣять хлѣбъ. Предметы бездушные не могутъ имѣть сами никакой цѣли, потому что не сознаютъ того, что съ ними дѣлается. Но тѣмъ не менѣе ничто въ мірѣ не дѣлается безъ цѣли, и если весною идетъ дождь и осенью дуетъ вѣтеръ, то мы знаемъ, для чего это дѣлается. Вѣтеръ и дождь не могутъ имѣть цѣли; но цѣль для нихъ указана Создателемъ: такая цѣль называется *назначеніемъ*. Все въ мірѣ имѣетъ свое назначеніе, хотя мы и не знаемъ назначенія многихъ явленій. Присмотритесь къ какому хотите растенію и подивитесь, какъ оно вѣрно выполняетъ свое назначеніе: какъ все въ немъ направлено къ тому, чтобы оно могло расти, приносить плоды и сѣмена, давать жизнь новымъ растеніямъ. Растенія не могутъ имѣть цѣли, потому что ничего не понимаютъ; но какъ они вѣрно выполняютъ свое назначеніе, какъ дѣятельно, какъ успѣшно покрываютъ землю зеленой одеждой и готовятъ пищу безчисленнымъ живымъ существамъ!

Животныя могутъ чувствовать, могутъ желать; а потому могутъ имѣть цѣль. Но цѣли животныхъ весьма однообразны; всякое изъ нихъ заботится только о томъ, чтобъ поддержать свою жизнь и жизнь своихъ дѣтенышей: заботится о пищѣ, питьѣ и жилищѣ. Однакоже мы знаемъ, что многія животныя, достигая своей собственной *цѣли*, вмѣстѣ съ тѣмъ выполняютъ какое нибудь *назначеніе*. Паукъ, разстилая свою искусную паутину, думаетъ только о томъ, какъ бы утолить свой голодъ: но, утоляя голодъ, онъ истребляетъ вредныхъ насѣкомыхъ. Кротъ, роясь подъ землею, ищетъ пищи, какъ и паукъ, и нисколько не заботится о корняхъ растеній: а между тѣмъ его острые зубы охраняютъ эти корни отъ червей. Такимъ образомъ мы видимъ, что животныя въ своей дѣятельности имѣютъ *цѣль*, которую несознаютъ, и имѣютъ *назначеніе*, о которомъ ровно ничего не знаютъ.

Человѣкъ также, достигая своихъ собственныхъ цѣлей, вмѣстѣ съ тѣмъ часто выполняетъ то, что назначено ему сдѣлать, съ тою только разницею, что животное, преслѣдуя свои цѣли, не понимаетъ своего назначенія и выполняетъ его *невольно*, а человѣкъ понимаетъ свое назначеніе и выполняетъ его *свободно*. Такъ крестьянинъ обработываетъ землю съ тою цѣлію, чтобы прокормить и одѣть себя и свою семью; но въ то же время понимаетъ, что трудами его и ему подобныхъ кормятся всѣ, и что трудъ его не только полезенъ ему самому, но и его ближнимъ.

Всякій честный человѣкъ старается выбрать для себя также дѣятельность, которая была бы полезна не только ему самому, но и всѣмъ людямъ.

Ремесленникъ, купецъ, воинъ, чиновникъ, писатель, учитель, священникъ кормятъ себя и свою семью своими трудами; но эти труды приносятъ пользу всѣмъ людямъ.

Бываютъ, впрочемъ, и такіе *добрые* люди, которые изъ любви къ своимъ *ближнимъ* жертвуютъ своей собственной пользой; бываютъ, наоборотъ, и такіе *злые*, которые для достиженія своихъ собственныхъ цѣлей жертвуютъ благомъ другихъ: кормятся и богатѣютъ,—не только не принося никому пользы, но даже нанося вредъ. Эти несчастные люди живутъ безчестно. Есть и такіе *бѣдняки*, которые и рады бы потрудиться для себя и на общую пользу, да не могутъ: таковы безсильныя дѣти, оставшіяся бѣдными сиротами, бѣдные старики и старухи, которые не могутъ уже работать, калѣки, слабоумные и юродивые. Эти бѣдные люди имѣютъ право кормиться трудами здоровыхъ, богатыхъ и сильныхъ: Богъ даетъ намъ здоровье, силу, умъ и богатство не для насъ однихъ.

ЗАКОНЪ.

Отецъ. Какой урокъ ты долженъ приготовить на завтрашній день?—*Сынъ*. Урокъ изъ Закона Божія.—*Отецъ*. А знаешь ли ты, что̀ такое Законъ Божій.—*Сынъ*. О, да! Законъ Божій все равно, что воля Божія, по которой мы должны поступать. — *Отецъ*. Но откуда же мы знаемъ, что̀ угодно Господу Богу? — *Сынъ*. Изъ Священнаго Писанія. — *Отецъ*. Ты правъ: поступая такъ, какъ повелѣно въ Священномъ Писаніи, мы исполняемъ волю Божію. Но какъ ты думаешь: по чьей волѣ растетъ дерево, приноситъ плодъ и сѣмена, не по своей ли собственной?—*Сынъ*. Конечно нѣтъ, у дерева нѣтъ воли; точно также какъ нѣтъ ея у камня, воды или желѣза.—*Отецъ*. Правда твоя. Однако же ты видишь, что камень, брошенный кверху, снова падаетъ на землю, и чѣмъ болѣе приближается къ землѣ, тѣмъ быстрѣе летитъ; ты знаешь также, что вода сжимается отъ холода, но когда начинаетъ замерзать, то вдругъ расширяется;—что намагниченная стрѣлка однимъ концомъ непремѣнно указываетъ сѣверъ, а другимъ югъ;—что дерево беретъ изъ земли, воды и воздуха именно тѣ элементы, которые ему нужны, и что на орѣшинѣ не выростетъ вишня, а на вишнѣ орѣхъ. Откуда же всѣ эти существа знаютъ, что̀ и какъ они должны дѣлать?—*Сынъ*. Это бездушныя существа: они ничего не знаютъ и знать не могутъ. Они уже такъ созданы.—*Отецъ*. Да, ты говоришь правду: всѣ эти существа уже такъ созданы, что не могутъ дѣлать ничего другаго, кромѣ того, что должны дѣлать. Богъ далъ всѣмъ этимъ существамъ такія свойства, что каждое изъ нихъ производитъ только тѣ явленія, для которыхъ оно назначено. Камень не можетъ сегодня падать на землю, а завтра не падать; желѣзо не можетъ сегодня тонуть въ водѣ, а завтра плавать по ней. Люди замѣчаютъ, какъ совершается каждое явленіе, и когда замѣтятъ, то говорятъ, что имъ извѣ-

стенъ *законъ явленія*, по которому всѣ подобныя явленія совершаются непремѣнно. Такъ, напримѣръ, люди замѣтили, что кусокъ дерева плаваетъ на водѣ, а кусокъ камня или желѣза тонетъ; стали сравнивать тѣ тѣла, которыя тонутъ, съ тѣми которыя плаваютъ; взвѣсили ихъ, взвѣсили и воду, и узнали, что всякое тѣло, удѣльный вѣсъ котораго больше удѣльнаго вѣса воды, тонетъ въ ней, и, наоборотъ, что всякое тѣло, удѣльный вѣсъ котораго меньше удѣльнаго вѣса воды, плаваетъ на ея поверхности. Узнавъ этотъ *законъ*, люди стали повѣрять его *опытами*, и убѣдились, что онъ совершенно вѣренъ, и что нѣтъ такого тѣла, которое, будучи легче воды, тонуло бы въ ней, или такого, которое, будучи тяжелѣе воды, плавало бы по ея поверхности. Вотъ что̀ называется *закономъ* явленія. Законы, по которымъ совершаются всѣ естественныя явленія въ природѣ, называются *естественными* законами; а науки, открывающія эти законы, — *естественными* науками.

ЗАКОНЪ ЕСТЕСТВЕННЫЙ И НРАВСТВЕННЫЙ.

Отецъ. Ты знаешь уже, что естественнымъ закономъ называется такое правило, выраженное Творцемъ въ свойствахъ различныхъ тѣлъ, по которому совершается въ природѣ какое нибудь естественное явленіе. Законъ этотъ, выраженный въ самыхъ свойствахъ того или другаго тѣла, не можетъ быть имъ нарушенъ. Но какъ ты думаешь: всегда ли люди выполняютъ тотъ законъ, который начерталъ для нихъ Господь въ Священномъ Писаніи?— *Сынъ*. О, нѣтъ! люди часто грѣшатъ и не выполняютъ закона Божьяго.— *Отецъ*. Слѣдовательно бездушныя вещи поступаютъ лучше людей?—*Сынъ*. Да, это правда. — *Отецъ*. Но бездушныя вещи поступаютъ такъ потому, что не могутъ поступать иначе.—*Сынъ*. Хорошо было бы, если бы и люди не могли грѣшить и не могли поступать иначе, какъ по закону Божію.— *Отецъ*. Едва ли это такъ. Послушай, я разскажу тебѣ сказку. У одного богатаго хозяина было двое дѣтей: одинъ изъ нихъ былъ очень уменъ, любилъ отца и не только всегда охотно исполнялъ его желанія, но даже угадывалъ и предупреждалъ ихъ; другой, напротивъ, былъ очень тупъ и безчувственъ: никого не любилъ и ничего не понималъ, а главное былъ такъ лѣнивъ, что самъ собою ничего не дѣлалъ, и ко всему его должно было принуждать. Однажды хозяину понадобилось послать своихъ дѣтей на торгъ, съ тѣмъ чтобы они продали товаръ и на вырученныя деньги закупили различныхъ необходимыхъ вещей для дома. Одному изъ сыновей отецъ далъ только товаръ и, не говоря больше ничего, отправилъ его въ дорогу, зная, что этотъ сынъ такъ его любитъ и такъ уменъ, что самъ будетъ знать, что ему дѣлать. Но на другаго своего сына хозяинъ понадѣяться не могъ, и зная, что онъ ничего не сдѣлаетъ по собственному желанію и безъ принужденія, отдалъ его подъ надзоръ двухъ слугъ. Продавъ товары и закупивъ все,

что было нужно, оба брата воротились домой и оба одинаково хорошо исполнили порученія. Но отецъ одного изъ своихъ сыновей обнялъ, поцѣловалъ, назвалъ своимъ милымъ сыномъ и посадилъ обѣдать съ собою, а другому не сказалъ даже спасибо, и отправилъ его обѣдать вмѣстѣ съ слугами. Какъ ты думаешь, съ которымъ изъ сыновей поступилъ отецъ такимъ образомъ? — *Сынъ*. Конечно съ тѣмъ, который исполнилъ данныя *ему* порученія подъ надзоромъ слугъ. — *Отецъ*. Но онъ однакоже исполнилъ свое порученіе не хуже брата! — *Сынъ*. Да, но не по своей волѣ: онъ не могъ бы исполнить его дурно, если бы и хотѣлъ. — *Отецъ*. Ты правъ: теперь ты понимаешь, почему Богъ далъ человѣку свободную волю и, давъ ему законъ, далъ ему возможность исполнять и не исполнять его. Законы *естественные*, по которымъ совершаются всѣ естественныя явленія, не могутъ не исполняться; законъ же *нравственный*, который данъ человѣку Богомъ и выраженъ въ Священномъ Писаніи и въ совѣсти каждаго человѣка, исполняется человѣкомъ *свободно*, изъ любви къ Богу и ближнему и изъ пониманія премудрости божественныхъ законовъ. Вотъ почему Господь одарилъ любимое свое созданіе, человѣка, разумомъ и свободою.

ХРИСТОМАТІЯ

ОТДѢЛЪ I.

СТИХИ.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.
По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска....
Ни огня, ни черной хаты....
Глушь и снѣгъ.... На встрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

А. Пушкинъ.

ДВѢ БОЧКИ.

Двѣ Бочки ѣхали: одна съ виномъ, другая пустая. Вотъ первая—себѣ безъ шуму и шажкомъ плететея, другая вскачь несется; отъ ней по мостовой и стукотня и громъ, и пыль столбомъ; прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страху жмется, ее заслышавши издалека. Но какъ та бочка ни громка, а польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

ПРОХОЖІЕ и СОБАКИ.

Шли два пріятеля вечернею порой, и дѣльный разговоръ вели между собой, какъ-вдругъ изъ подворотни дворняшка тявкнула на нихъ; за ней другая, тамъ еще двѣ-три, и вмигъ, со всѣхъ дворовъ, Собакъ сбѣжалося съ полсотни. Одинъ, было, уже Прохожій камень взялъ:

— „И, полно, братецъ!“ тутъ другой ему сказалъ: „Собакъ ты не уймешь отъ лаю, лишь пуще всю раздразнишь стаю; пойдемъ впередъ: я ихъ натуру лучше знаю.“

И подлинно, прошли шаговъ десятковъ пять, Собаки начали по-малу затихать, и стало, наконецъ, совсѣмъ ихъ не слыхать.

Завистники, на что ни взглянутъ, подымутъ вѣчно лай; а ты себѣ своей дорогою ступай: полаютъ да отстанутъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ и РАБОТНИКЪ.

Старикъ-крестьянинъ съ Батракомъ шелъ подъ-вечеръ лѣскомъ, домой, въ деревню, съ сѣнокосу, и повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу. Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ, какъ на него медвѣдь насѣлъ. Подмялъ Крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ, и, гдѣ бъ его почать, лишь мѣсто выбираетъ: конецъ приходитъ старику.

„Степанушка родной, не выдай, милой!“ изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился Батраку.

Вотъ, новый Геркулесъ, со всей собравшись силой, что только было въ немъ, отнесъ пол-черепа медвѣдю топоромъ, и брюхо прокололъ ему желѣзной вилой. Медвѣдь взревѣлъ, и за-мертво упалъ: медвѣдь мой издыхаетъ. Прошла бѣда; Крестьянинъ всталъ, и онъ же Батрака ругаетъ. Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.

„Помилуй,“ говоритъ: „за что?“

— За что, болванъ! чему обрадовался съ-дуру! Знай колетъ: всю испортилъ шкуру!“

И. Крыловъ.

ТРИ ПАЛЬМЫ.

(Восточное сказаніе).

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли три гордыя пальмы высоко росли. Родникъ между ними изъ почвы безплодной, журча, пробивался волною холодной, хранимый, подъ сѣнью зеленыхъ листовъ, отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы не слышно прошли; но странникъ усталый, изъ чуждой земли, пылающей грудью ко влагѣ студеной, еще не склонялся подъ кущей зеленой, и стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать: „на то ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать? Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы, колеблемы вихремъ и зноемъ палимы, ни чей благосклонный не радуя взоръ?.... Не правъ твой, о небо, святой приговоръ!“

И только замолкли — въ дали голубой столбомъ ужъ крутился песокъ золотой, звонковъ раздавались нестройные звуки, пестрѣли коврами покрытые вьюки, и шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ, верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ узорныя полы походныхъ шатровъ; ихъ смуглыя ручки порой подымали, и черныя очи оттуда сверкали.... И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня, арабъ горячилъ воронаго коня.

И конь на дыбы подымался порой, и прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой; и бѣлой одежды красивыя складки по плечамъ фариса вились въ безпорядкѣ; и, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку, бросалъ и ловилъ онъ копьемъ на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ; въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ. Кувшины, звуча, налилися водою, и, гордо кивая махровой главою, привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей, и щедро поитъ ихъ студеный ручей.

Но только-что сумракъ на землю упалъ, по корнямъ упругимъ топоръ застучалъ, и пали безъ жизни питомцы столѣтій! Одежду ихъ сорвали малыя дѣти, изрублены были тѣла ихъ потомъ, и медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Когда же на западъ умчался туманъ, урочный свой путь совершалъ караванъ: и слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодной: и солнце остатки сухіе дожгло, а вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ — не шепчатся листья съ гремучимъ ключомъ: напрасно пророка о тѣни онъ проситъ—его лишь песокъ раскаленный заноситъ, да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ, добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

М. Лермонтовъ.

ЧТО ТЫ СПИШЬ, МУЖИЧОКЪ?

Что ты спишь, мужичокъ? Вѣдь весна на дворѣ, вѣдь сосѣди твои работаютъ давно. Встань, проснись, подымись, на себя погляди: что ты былъ? и что сталъ? и что есть у тебя?

На гумнѣ — ни снопа, въ закромахъ — ни зерна; на дворѣ — по травѣ — хоть шаромъ покати! Изъ клѣтей домовой соръ метлою посмелъ, и лошадокъ за долгъ по сосѣдямъ развелъ. И подъ лавкой сундукъ опрокинутъ лежитъ и, погнувшись, изба, какъ старушка стоитъ. Вспомни время свое: какъ катилось оно по полямъ и лугамъ золотою рѣкой,—со двора и гумна по дорожкѣ большой, по селамъ, городамъ, по торговымъ людямъ! И какъ двери тебѣ растворяли вездѣ; и въ почетномъ углу было мѣсто твое! А теперь, подъ окномъ, ты съ бѣдою сидишь, и весь день на печи безъ просыпу лежишь. А въ поляхъ сиротой хлѣбъ не кошенъ стоитъ; вѣтеръ точитъ зерно, птица клюетъ его!

Что ты спишь, мужичокъ? Вѣдь ужь лѣто прошло, вѣдь ужь осень на дворъ черезъ прясло глядитъ. Вслѣдъ за нею зима въ теплой шубѣ идетъ, путь снѣжкомъ порошитъ, подъ санями хруститъ. Всѣ сосѣди на нихъ хлѣбъ везутъ, продаютъ, собираютъ казну, — бражку ковшикомъ пьютъ.

РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА.

Сяду я за столъ—да подумаю: какъ на свѣтѣ жить одинокому?

Нѣтъ у молодца друга вѣрнова, золотой казны, угла теплова, бороны-сохи, коня-пахаря.... Вмѣстѣ съ бѣдностью, далъ мнѣ батюшка лишь одинъ таланъ—силу крѣпкую; да и ту, какъ разъ, нужда горькая по чужимъ людямъ всю истратила.

Сяду я за столъ—да подумаю: какъ на свѣтѣ жить одинокому?

Кольцевъ.

СУДЪ БОЖІЙ НАДЪ ЕПИСКОПОМЪ.

Были и лѣто и осень дождливы; были потоплены пажиты, нивы; хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропалъ; сдѣлался голодъ, народъ умиралъ. Но у Епископа, милостью неба, полны амбары огромные хлѣба; жито сберегъ прошлогоднее онъ: былъ остороженъ Епископъ Гаттонъ.

Рвутся толпой и голодный и нищій въ двери Епископа, требуя пищи; скупъ и жестокъ былъ Епископъ Гаттонъ: общей бѣдою не тронулся онъ. Слушать и вопли ему надоѣло; вотъ онъ рѣшился на страшное дѣло: бѣдныхъ изъ ближнихъ и дальнихъ сторонъ, слышно, скликаетъ Епископъ Гаттонъ. „Дожили мы до нежданнаго чуда: вынулъ Епископъ добро изъ-подъ спуда; бѣдныхъ къ себѣ на пирушку зоветъ.“ Такъ говорилъ изумленный народъ.

Къ сроку собрался званые гости, блѣдные, чахлые, кожа да кости; старый, огромный сарай отворенъ; въ немъ угоститъ ихъ Епископъ Гаттонъ. Вотъ ужь столпились подъ кровлей сарая всѣ пришлецы изъ окружнаго края.... Какъ же ихъ принялъ Епископъ Гаттонъ?—Былъ имъ сарай и съ гостями сожженъ!

Глядя Епископъ на пепелъ пожарный, думаетъ: будутъ мнѣ всѣ благодарны; разомъ избавилъ я шуткой моей край нашъ голодный отъ жадныхъ мышей. Въ замокъ Епископъ къ себѣ возвратился, ужинать сѣлъ, пировалъ, веселился, спалъ какъ невинный, и сновъ не видалъ.... Правда! Но болѣ съ тѣхъ поръ онъ не спалъ.

Утромъ онъ входитъ въ покой, гдѣ висѣли предковъ портреты, и видитъ, что съѣли мыши его живописный портретъ, такъ, что холстины и признака нѣтъ. Онъ обомлѣлъ; онъ отъ страха чуть дышетъ. Вдругъ онъ чудесную вѣдомость слышитъ: „наша округа мышами полна, въ житницахъ съѣденъ весь хлѣбъ до зерна.“ Вотъ и другое въ ушахъ загремѣло: „Богъ на тебя за вчерашнее дѣло! Крѣпкій твой замокъ, Епископъ Гаттонъ, мыши со всѣхъ осаждаютъ сторонъ.“ Ходъ былъ до Рейна отъ замка подземный; въ страхѣ Епископъ дорогою темной къ берегу выдти изъ замка спѣшитъ: „въ Рейнской башнѣ спасусь“ (говоритъ).

Башня изъ Рейнскихъ водъ подымалась; издали острымъ утесомъ казалась, грозно изъ пѣны торчащимъ, она; стѣны кругомъ ограждала волна. Въ легкую лодку Епископъ садится; къ башнѣ причалилъ, дверь заперъ, и мчится вверхъ по гранитнымъ, крутымъ ступенямъ; въ страхѣ одинъ затворился онъ тамъ. Стѣны изъ стали казались слиты, были рѣшетками окна забиты, ставни чугунныя, каменный сводъ, дверью желѣзною запертый входъ. Узникъ не знаетъ, куда пріютиться; на полъ, зажмуривъ глаза, онъ ложится.... Вдругъ онъ испуганъ стенаньемъ глухимъ: вспыхнули ярко два глаза надъ нимъ. Смотритъ онъ.... кошка сидитъ и мяучитъ; голосъ тотъ грѣшника давитъ и мучитъ; мечется кошка, не весело ей: чуетъ она приближенье мышей. Палъ на колѣни Епископъ и крикомъ Бога зоветъ въ изступленіи дикомъ. Воетъ преступникъ.... а мыши плывутъ... ближе и ближе... доплыли... ползутъ.

Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ слышно, какъ лѣзутъ съ роптаньемъ и пискомъ; слышно, какъ стѣну ихъ лапки скребутъ; слышно какъ камень ихъ зубы грызутъ.

Вдругъ ворвались неизбѣжные звѣри; сыплются градомъ сквозь окна, сквозь двери, спереди, сзади, съ боковъ, съ высоты.... Что тутъ, Епископъ, почувствовалъ ты? Зубы объ камни они навострили, грѣшнику въ кости ихъ жадно впустили, весь по суставамъ раздернутъ былъ онъ... Такъ былъ наказанъ Епископъ Гаттонъ.

В. Жуковскій.

ВОЛКЪ НА ПСАРНѢ.

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню, попалъ на псарню. Поднялся вдругъ весь псарный дворъ. Почуя сѣраго такъ близко забіяку, псы залились въ хлѣвахъ, и рвутся вонъ на драку; псари кричатъ: „Ахти, ребята, воръ!“ и вмигъ ворота на запоръ; въ-минуту псарня стала адомъ. Бѣгутъ: иной съ дубьемъ, иной съ ружьемъ. — „Огня!“ кричатъ; „огня!“ — Пришли съ огнемъ. Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ, зубами щелкая и ощетиня шерсть; глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть; но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ, и что приходитъ, наконецъ, ему расчесться за овецъ, — пустился мой хитрецъ въ переговоры, и началъ такъ:

„Друзья! къ чему весь этотъ шумъ? Я, вашъ старинный сватъ и кумъ, пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры; забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ! а я, не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ, но самъ за нихъ съ другими грызться радъ, и волчьей клятвой утверждаю, что я....“

—„Послушай-ка, сосѣдъ,“ тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ: „ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ, и волчью вашу я давно натуру знаю; а потому

обычай мой: съ волками иначе не дѣлать мировой, какъ снявши шкуру съ нихъ долой." — И тутъ же выпустилъ на Волка гончихъ стаю.

И. Крыловъ.

СОЛНЦЕ и МѢСЯЦЪ.

Ночью, въ колыбель младенца Мѣсяцъ лучъ свой заронилъ.

—„Отъ чего такъ свѣтитъ мѣсяцъ? робко онъ меня спросилъ.

—Въ день-денской устало Солнце, и сказалъ ему Господь: „ляг, засни—и за тобою все задремлетъ, все заснетъ." И взмолилось Солнце брату: „другъ мой, Мѣсяцъ золотой! Ты зажги фонарь—и ночью обойди ты край земной. Кто тамъ молится, кто плачетъ, кто мѣшаетъ людямъ спать: все развѣдай — и поутру приходи и дай мнѣ знать." Солнце спитъ, а Мѣсяцъ ходитъ, сторожитъ земли покой, завтражъ рано-рано къ Солнцу постучится братъ меньшой. „Стукъ-стукъ-стукъ!" отворятъ двери. „Солнце, встань! Грачи летятъ, пѣтухи давно пропѣли, и къ заутренѣ звонятъ!"— Солнце встанетъ, Солнце спроситъ: „что, голубчикъ братецъ мой? Какъ тебя Господь-Богъ носитъ? что ты блѣденъ? что съ тобой?" И начнетъ разсказъ свой Мѣсяцъ, кто и какъ себя ведетъ. Если ночь была спокойна, солнце весело взойдетъ. Если нѣтъ, взойдетъ въ туманѣ; вѣтеръ дунетъ, дождь пойдетъ, въ садъ гулять не выдетъ няня, и дитя не поведетъ.

И задумался младенецъ, долго на небо глядѣлъ, долго онъ молчалъ и няню онъ позвать къ себѣ велѣлъ, и велѣлъ старушкѣ-нянѣ Богородицу читать, и за ней, сложа рученки, сталъ молитву повторять.

Полонскій.

КОСАРЬ.

Не возьму я въ толкъ, не придумаю... Отчего же такъ не возьму я въ толкъ? Охъ, въ несчастный день, въ безталанный часъ, безъ сорочки я родился на свѣтъ. У меня ль плечо—шире дѣдова; грудь высокая—моей матушки. На лицѣ моемъ кровь отцовская въ молокѣ зажгла зорю красную; кудри черныя лежатъ скобкою; что работаю — все мнѣ спорится; да въ несчастный день, въ безталанный часъ, безъ сорочки я родился на свѣтъ!

Прошлой осенью, я за Грунюшку, дочку старосты, долго сватался; а онъ, старый хрѣнъ, заупрямился! За кого же онъ выдастъ Грунюшку— не возьму я въ толкъ, не придумаю... Я ль за тѣмъ гонюсь, что отецъ ея богачомъ слыветъ? Пускай домъ его—чаша полная! Я ее хочу, я по ней крушусь.... Ахъ, вчера по мнѣ ты такъ плакала! Наотрѣзъ старикъ отказалъ вчера.... Охъ, не свыкнуться съ этой горестью!...

Я куплю себѣ косу новую; отобью ее, наточу ее — и прости-прощай село родное! Не плачь, Грунюшка: косой востроюне подрѣжусь я.... Ты прости, село, прости, староста: въ края дальніе пойдетъ молодецъ. Что внизъ по Дону, по набережью, хороши стоятъ тамъ слободушки! Степь

раздольная далеко вокругъ, широко лежитъ, ковылемъ-травой разстилается!... Ахъ ты, степь моя, степь привольная! Широко ты, степь, пораскинулась, къ Морю-Черному понадвинулась! Въ гости я къ тебѣ не одинъ пришелъ: я пришелъ самъ-другъ съ косой вострою; мнѣ давно гулять по травѣ степной, вдоль и поперекъ, съ ней хотѣлося....

Раззудись, плечо! Размахнись, рука! Ты пахни въ лицо, вѣтеръ съ полудня! Освѣжи, взволнуй степь просторную! Зажужжи, коса, засверкай кругомъ! Зашуми, трава, подкошоная; поклонись, цвѣты, головой землѣ!... Нагребу копенъ, намечу стоговъ — дастъ казачка мнѣ денегъ пригоршни. Я зашью казну, сберегу казну, ворочусь въ село — прямо къ старостѣ: не разжалобилъ его бѣдностью—такъ разжалоблю золотой казной!...

Кольцовъ.

АНГЕЛЪ.

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ,
И тихую пѣсню онъ пѣлъ,
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.
Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ,
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

М. Лермонтовъ.

ВОДОПАДЪ.

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми,
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.
Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ клубами въ дебряхъ темныхъ;
Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ;
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ.
О, водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!
Вѣтрами-ль сосны пораженны?—
Ломаются въ тебѣ въ куски;
Громами-ль камни отторженны? —
Стираются тобой въ пески;
Сковать-ли воду льды дерзаютъ —
Какъ пыль стеклянна ниспадаютъ.

Державинъ.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА.

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ-бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
Гремятъ раскаты молодые....
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нивы золотитъ,
Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный,
Все вторитъ весело громамъ....

Ѳ. Тютчевъ.

МІРСКАЯ СХОДКА.

Въ овечьи старосты у льва просился волкъ. Стараньемъ кумушки лисицы, словцо о немъ замолвлено у львицы. Но такъ какъ о волкахъ худой на свѣтѣ толкъ, и не сказали бы, что смотритъ левъ на лицы; то велѣно звѣриный весь народъ созвать на общій сходъ, и разпросить того, другаго, что въ волкѣ добраго онъ знаетъ, иль худаго. Исполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны; на сходкѣ голоса чинъ чиномъ собраны: Да что же овцы говорили? на сходкѣ вѣдь онѣ ужь, вѣрно, были?—Вотъ то-то нѣтъ! Овецъ-то и забыли! а ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.

ДВА МУЖИКА.

«Здорово, кумъ Ѳадей!»—«Здорово, кумъ Егоръ!»
—«Ну, каково, пріятель, поживаешь?»
—«Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!
Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до-тла свой дворъ,
И по міру пошелъ съ-тѣхъ поръ.»
—«Какъ-такъ? Плохая, кумъ, игрушка!»
—«Да такъ! О Рождествѣ была у насъ пирушка:
Я со свѣчей пошелъ дать корму лошадямъ;
Признаться въ головѣ шумѣло;
Я какъ-то заронилъ, насилу спасся самъ;
А дворъ и все добро сгорѣло.
Ну, ты какъ?»—«Охъ, Ѳадей, худое дѣло!
И на меня прогнѣвался, знать, Богъ:
Ты видишь, я безъ ногъ;
Какъ самъ остался живъ, считаю право, дивомъ.
Я, то жъ о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ,
И тоже черезъ-чуръ, признаться, я хлебнулъ
Съ друзьями полугару:
А чтобъ въ хмѣлю не сдѣлать мнѣ пожару,
Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ:
Анъ бѣсъ меня въ потьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ,
Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не-человѣка,
И вотъ я съ-той-поры калѣка.»
—«Пеняйте на себя, друзья!»
Сказалъ имъ сватъ Степанъ. «Коль молвить правду, я
Совсѣмъ не чту за чудо,
Что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:
Для пьянаго и со свѣчею худо,
Да врядъ, не хуже ль и въ потьмахъ.»

И. Крыловъ.

ОВСЯННЫЙ КИСЕЛЬ.

Дѣти, овсянный кисель на столѣ: читайте молитву; смирно сидѣть, не марать рукавовъ и къ горшку не соваться; кушайте: всякій намъ даръ со-

вершенъ и даяніе благо; кушайте, свѣты мои, на здоровье, Господь васъ помилуй.

Въ полѣ отецъ посѣялъ овесъ и весной заскородилъ. Вотъ Господь-Богъ сказалъ: „поди домой, не заботься; я не засну,—безъ тебя онъ взойдетъ, разцвѣтетъ и созрѣетъ.“ Слушайте-жъ, дѣти: въ каждомъ зернышкѣ тихо и мирно спитъ невидимкой малютка-зародышъ. Долго, долго спитъ онъ, какъ въ люлькѣ; не ѣстъ, и не пьетъ, и не пикнетъ, доколѣ въ рыхлую землю его не положатъ и въ ней не согрѣютъ. Вотъ онъ лежитъ въ бороздѣ, и малюткѣ тепло подъ землею; вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ и сосетъ, какъ младенецъ, сокъ изъ роднаго зерна, и ростетъ, и невидимо зрѣетъ; вотъ уползъ изъ пеленъ, молодой корешекъ пробуравилъ; роется въ глубь, и корма ищетъ въ землѣ, и находитъ. Чтоже?.... Вдругъ скучно и тѣсно въ потемкахъ.... „Какъ-бы провѣдать, что тамъ, на бѣломъ свѣтѣ, творится?...“ Тайкомъ, боязливо выглянулъ онъ изъ земли... Ахъ! Царь мой небесный, какъ любо? — Смотришь, — Господь-Богъ Ангела шлетъ къ нему съ неба: „дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здравствуй!“ Пьетъ онъ.... Ахъ, какъ-же малюточкѣ сладко, свѣжо и свободно!

Рядится красное солнышко; вотъ нарядилось, умылось, на горы вышло съ своимъ рукодѣльемъ; идетъ по небесной свѣтлой дорогѣ: прилежно работая, смотритъ на землю, словно какъ мать на дитя, и малюткѣ съ небесъ улыбнулось,—такъ улыбнулось, что всѣ корешки молодые взыграли! „Доброе солнышко, даромъ вельможа, а всякому ласка!“ Въ чемъ же его рукодѣлье? Точетъ облачко дождевое; смотришь: посмеркло; вдругъ каплетъ; вдругъ полилось, зашумѣло. Жадно зародышекъ пьетъ; но подулъ вѣтерокъ—онъ обсохнулъ. „Нѣтъ (говоритъ онъ) теперь ужь подъ землю меня не заманятъ. Что мнѣ въ потемкахъ? Здѣсь я останусь; пусть будетъ, что будетъ.“ Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй!

Ждетъ и малютку тяжкое время: темныя тучи и день и ночь на небѣ стоятъ, и прячется солнце; снѣгъ и мятель на горахъ, и градъ съ гололедицей въ полѣ. Ахъ, мой бѣдный зародышекъ, какъ-же онъ зябнетъ! какъ ноетъ! Что съ нимъ будетъ? Земля заперлась и—негдѣ взять пищи. Гдѣже (онъ думаетъ) красное солнышко? Что не выходитъ? или боится замерзнуть? иль и его нѣтъ на свѣтѣ? Ахъ, зачѣмъ покидалъ я родимое зернышко! Дома было мнѣ лучше: сидѣть бы въ пріютномъ теплѣ подъ землею.“ Дѣтушки, такъ-то бываетъ на свѣтѣ, и вамъ доведется вчужѣ межь злыми, чужими людьми, съ трудомъ добывая хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы сказать въ одинокой печали: „худо мнѣ: лучше-бы дома сидѣть у родимой за печкой....“ Богъ васъ утѣшитъ, друзья, всему есть конецъ; веселѣе будетъ и вамъ какъ былиночкѣ. Слушайте: въ ясный день майскій свѣжесть повѣяла.... солнышко яркое на горы вышло, смотритъ: гдѣ нашъ

зародышекъ? что съ нимъ? и крошку цѣлуетъ. Вотъ онъ ожилъ опять и себя отъ веселья не помнитъ. Мало по малу одѣлись поля муравой и цвѣтами; вишня въ саду зацвѣла; зеленѣетъ и слива, и въ полѣ гуще становится рожь, и ячмень, и пшеница, и просо; наша былиночка думаетъ: „я назади не останусь! Кстати-ль!“ Листки распустила.... Кто такъ прекрасно соткалъ ихъ? Вотъ стебелекъ показался.... Кто изъ жилочки въ жилку чистую влагу провелъ отъ корня до маковки сочной? Вотъ проглянулъ, налился и качается въ воздухѣ колосъ.... Добрые люди, скажите: кто такъ искусно развѣсилъ почки по гибкому стеблю на тоненькихъ, шелковыхъ нитяхъ? Ангелы! кто-же другой? Они отъ былинки къ былинкѣ, по полю взадъ и впередъ, съ благодатью небесной летаютъ.

Вотъ ужь и цвѣтомъ нѣжный, зыбучій колосикъ осыпанъ; наша былинка стоитъ, какъ невѣста въ уборѣ вѣнчальномъ. Вотъ налилось и зерно и тихохонько зрѣетъ; былинка шепчетъ, качая въ раздумьи головкой: „я знаю, что будетъ.“ Смотритъ: слетаются мошки, жучки, молодую поздравить; пляшутъ, толкутся кругомъ, припѣваютъ ей: многія лѣта!!! Въ сумерки-жъ, только что мошки, жучки позаснутъ и замолкнутъ, тащится въ травѣ свѣтлякъ съ фонаремъ—посвѣтить ей въ потемкахъ. Кушайте свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй!

Вотъ ужь и Троицынъ день миновался, и сѣно скосили: собраны вишни; въ саду ни одной не осталося сливы; вотъ ужь пожали и рожь, и ячмень, и пшеницу, и просо; ужь и на жниво сбирать босикомъ ребятишки сходились колосъ оброненный: имъ помогла тихомолкомъ и мышка.... Что-то былиночка дѣлаетъ? О, ужь давно пополнѣла; много, много въ ней зернушекъ; гнется и думаетъ: „полно: время мое миновалось; зачѣмъ мнѣ одной оставаться въ полѣ пустомъ межъ картофелемъ, пухлою рѣпой и свеклой?!“ Вотъ съ серпами пришли и Иванъ, и Лука, и Дуняша: ужь и морозъ покусалъ имъ утромъ и вечеромъ пальцы; вотъ и снопы ужь сушили въ овинѣ; ужь ихъ молотили съ трехъ часовъ по утру до пяти по полудни на ригѣ; вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ; началъ жерновъ молоть; и зернышки стали мукою; вотъ молочка надоила отъ пестрой коровки родная полный горшечикъ; сварила кисель, чтобъ дѣтушкамъ кушать; дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали: „спасибо!“

Жуковскій.

НИВА.

По нивѣ прохожу я узкою межой, поросшей кашкою и цѣпкой лебедой. Куда ни оглянусь—повсюду рожь густая! Иду — съ трудомъ ее руками разбирая. Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной, и колютъ мнѣ лицо.... Иду я наклоняясь, какъ-будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь, когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень, средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.

О, Божья благодать!... о, какъ прилечь отрадно мнѣ въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно! Заботы полные колосья надо мной бесѣду важную ведутъ между собой. Имъ внемля, вижу я — на всемъ полей просторѣ и жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ, ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы: вонъ—по зарѣ стучатъ проворные цѣпы; въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана и меда; вездѣ скрыпятъ возы; средь шумнаго народа на пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки, гуськомъ какъ журавли, проходятъ бурлаки, нагнувши головы, плечами напирая, и длинной бичевой по влагѣ ударяя.

А. Майковъ.

УТРО НА БЕРЕГУ ОЗЕРА.

Ясно утро. Тихо вѣетъ теплый вѣтерокъ; лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ, въ заревѣ востокъ. Окаймленное кустами молодыхъ ракитъ, разноцвѣтными огнями озеро блеститъ. Тишинѣ и солнцу радо, по равнинѣ водъ лебедей ручное стадо медленно плыветъ; вотъ одинъ взмахнулъ лѣниво крыльями—и вдругъ влага брызнула игриво жемчугомъ вокругъ.

Привязавъ къ ракитамъ лодку, мужики, вдвоемъ, близъ осоки, втихомолку, тянутъ сѣть съ трудомъ. По травѣ, въ рубашкахъ бѣлыхъ скачутъ босикомъ два мальчишка загорѣлыхъ на прутахъ верхомъ. Крупный потъ съ нихъ градомъ льется и лицо горитъ: звучно смѣхъ ихъ раздается, голосокъ звенитъ. „Ну, катай на перегонки!“ а на шалуновъ, съ тайной завистью, дѣвчонка смотритъ изъ кустовъ.

„Тянутъ, тянутъ!“ закричали ребятишки вдругъ: „вдоволь, чай, теперь поймали и линей и щукъ.

Вотъ на берегѣ отлогомъ показалась сѣть. — „Ну вытряхивай-ка съ Богомъ, нечего глядѣть!“ Такъ сказалъ старикъ высокой, весь какъ лунь сѣдой, съ грудью выпукло-широкой, съ длинной бородой. Сѣть намокшую подняли дружно рыбаки; на пескѣ затрепетали окуни, линьки. Дѣти весело шумѣли: „будетъ на денекъ!“ и на корточки присѣли рыбу класть въ мѣшокъ.

„Ты подкидышъ, къ намъ откуда? Не зови, — придетъ.... Убирайся-ка отсюда! Не пойдешь,—такъ вотъ!...“ И подкидыша мальчишка оттолкнулъ рукой.

— „Ну, за что ее ты, Мишка?“ Упрекнулъ другой.

„Экой малый уродился, — говорилъ старикъ; все-бъ дрался онъ да бранился, экой озорникъ! Ты бы внука-то маленько за вихоръ подралъ: онъ взялъ волю-то раненько! свату сватъ сказалъ.

„Эхъ!... дѣвчонка надоѣла.... Самъ я, знаешь, голь, тутъ подкидыша безъ дѣла одѣвать изволь.“

— „Потерпи: чай, не забудетъ за добро Господь! Вѣдь она работать будетъ, Богъ дастъ, подрастетъ.“

„Такъ-то такъ.... вѣстимо, надо къ дѣлу пріучить; да теперь беретъ

досада безъ-толку кормить. И дѣвчонка-то больная: сохнетъ, какъ трава, да все плачетъ.... дрянь такая! а на грѣхъ жива."

Мужики потолковали и въ село пошли; вслѣдъ мальчишки побѣжали, рыбу понесли. А дѣвчонка провожала грустнымъ взглядомъ ихъ, и слеза у ней дрожала въ глазкахъ голубыхъ.

МЕЛЬНИЦА.

Кипитъ вода, реветъ ручьемъ, на мельницѣ и стукъ и громъ, колесато въ водѣ шумятъ, а брызги вверхъ огнемъ летятъ, отъ пѣны-то бугоръ стоитъ, что мостъ живой, весь полъ дрожитъ. Шумитъ вода, рукавъ трясетъ, на камни рожь дождемъ течетъ, подъ жерновомъ муку родитъ, идетъ мука, въ глаза пылитъ.

НОЧЛЕГЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Душный воздухъ, дымъ лучины,
Подъ ногами соръ,
Соръ на лавкахъ, паутины
По угламъ узоръ;
Закоптѣлыя палати,
Черствый хлѣбъ, вода.

Кашель пряхи, плачъ дитяти....
О, нужда, нужда!
Мыкать горе, вѣкъ трудиться,
Нищимъ умереть....
Вотъ гдѣ нужно бы учиться
Вѣрить и терпѣть.

И. Никитинъ.

ДЕМЬЯНОВА УХА.

„Сосѣдушка, мой свѣтъ! Пожалуй-ста покушай."

— „Сосѣдушка, я сытъ по горло."

— „Нужды нѣтъ, еще тарелочку; послушай: ушица, ей-же-ей, на-славу сварена!"

— „Я три тарелки съѣлъ."

— „И, полно, что за счеты; лишь стало бы охоты,—а то во здравье, ѣшь до дна! Что за уха! Да какъ жирна: какъ будто янтаремъ подернулась она. Потѣшь же, миленькій дружочекъ! Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ! Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!"

Такъ подчивалъ сосѣдъ-Демьянъ сосѣда-Фоку, и не давалъ ему ни отдыху, ни сроку; а съ Фоки ужь давно катился градомъ потъ. Однако же еще тарелку онъ беретъ: сбирается съ послѣдней силой, и очищаетъ всю.

„Вотъ друга я люблю!" вскричалъ Демьянъ: „зато ужь чванныхъ не терплю. Ну, скушай же еще тарелочку, мой милой!"

Тутъ бѣдный Фока мой, какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой, схватя въ охабку кушакъ и шапку,—скорѣй безъ памяти домой, и съ той поры къ Демьяну ни ногой.

ТРИ МУЖИКА.

Три мужика зашли въ деревню ночевать. Здѣсь, въ Питерѣ, они извозомъ промышляли; поработали, погуляли, и путь теперь домой на родину держали. А такъ какъ мужичокъ не любитъ тощій спать, то ужинать себѣ спросили гости наши. Въ деревнѣ что за разносолъ: поставили пустыхъ имъ чашку щей на столъ, да хлѣба подали, да, что осталось, каши. Не то бы въ Питерѣ, — да не о томъ ужь рѣчь; все лучше чѣмъ голоднымъ лечь. Вотъ мужики перекрестились и къ чашкѣ пріютились. Какъ тутъ одинъ, по-смѣтливѣй изъ нихъ, увидя, что всего немного для троихъ, смѣкнулъ, какъ дѣломъ тѣмъ поправить (гдѣ силой взять нельзя, тамъ надо полукавить).

„Ребята," говоритъ: „вы знаете Ѳому, вѣдь въ нынѣшній наборъ забрѣютъ лобъ ему."

— „Какой наборъ?"

— „Да такъ." — Есть слухъ — война съ Китаемъ: нашъ Батюшка велѣлъ взять дань съ китайцевъ чаемъ."

Тутъ двое принялись судить и разсуждать (они же грамотѣ, къ-несчастью, знали: газеты и, подъ-часъ, реляціи читали), какъ быть войнѣ, кому повелѣвать. Пустилися мои ребята въ разговоры, пошли догадки, толки, споры; а нашъ того, лукавецъ, и хотѣлъ: пока они судили, да рядили, да войска разводили, онъ ни гугу — и щи и кашу, все пріѣлъ.

И. Крыловъ.

КАКЪ МЫШИ КОТА ХОРОНИЛИ.

(Разсказъ мышенка).

Глупымъ мышенкомъ былъ я еще и не зналъ ничего. И мнѣ захотѣлось высунуть носъ изъ подполья. Но мать Царица Парасковья съ крысой Онуфріемъ крѣпко-на-крѣпко мнѣ запретили норку мою покидать: но я не послушался, въ щелку выглянулъ; вижу камнемъ выстланный дворъ; освѣщало солнце его, и окна огромнаго дома свѣтились; птицы летали и пѣли. Глаза у меня разбѣжались. Выдти не смѣя, смотрю я изъ щелки, и вижу: на дальнемъ краѣ двора звѣрекъ усастый, сизая шкурка, розовый носъ, зеленые глазки, пушистыя уши, тихо сидитъ и за птичками смотритъ; а хвостикъ, какъ змѣйка, такъ и виляетъ. Потомъ онъ своею бархатной лапкой началъ усатое рыльце себѣ умывать. Облилося радостью сердце мое, и я ужь сбирался покинуть щелку, чтобъ съ милымъ звѣркомъ познакомиться. Вдругъ зашумѣло что-то вблизи; оглянувшись, такъ я и обмеръ: какой-то страшный уродъ ко мнѣ подходилъ; широко шагая, черныя ноги свои подымалъ онъ и когти кривые съ острыми шпорами были на нихъ; на уродливой шеѣ длинныя косы висѣли змѣями; носъ крючковатый; подъ

носомъ трясся какой-то мохнатый мѣшокъ и какъ будто-красный съ зубчатой верхушкой колпакъ, съ головы перегнувшись, по носу бился; а сзади какіе-то длинные крючья разнаго цвѣта торчали снопомъ. Не успѣлъ я отъ страха въ память прійти, какъ съ обоихъ боковъ поднялись у урода словно какъ парусы, начали хлопать, и онъ, раздвоивши острый носъ свой такъ заоралъ, что меня какъ дубиной треснуло. Какъ прибѣжалъ я назадъ въ подполье, не помню. Крыса Онуфрій, услышавъ о томъ, что случилось со мною, такъ и ахнулъ. „Тебя помиловалъ Богъ,“ онъ сказалъ мнѣ, „свѣчку ты долженъ поставить уроду, который такъ кстати крикомъ своимъ тебя испугалъ; вѣдь это нашъ добрый сторожъ пѣтухъ; онъ горланъ и съ своими большой забіяка; намъ-же мышамъ онъ приноситъ и пользу: когда закричитъ онъ, знаемъ мы всѣ, что проснулись наши враги; а пріятель, такъ обольстившій тебя своей лицемѣрною харей, былъ не иной кто, какъ нашъ злодѣй записной, объѣдало, котъ Мурлыка; хорошъ-бы ты былъ когда-бы съ знакомствомъ къ этому плуту подъѣхалъ; тебя-бъ онъ порядкомъ погладилъ бархатной лапкой своею будь же впередъ остороженъ.“

Долго разсказывать мнѣ объ этомъ проклятомъ Мурлыкѣ, каждый день отъ него у насъ недочетъ. Разскажу я только то, что случилось недавно.

Разнесся въ подпольѣ слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазутчики сами видѣли это глазами своими. Вскружилось подполье: шумъ, бѣготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска, — словомъ, мы всѣ одурѣли, и самъ мой Онуфрій премудрый съ радости такъ напился, что подрался съ царицей, и въ дракѣ хвостъ у нея откусилъ, за что былъ и высѣченъ больно. Что-же случилось потомъ? Не развѣдавши дѣла порядкомъ, вздумали мы кота погребать; и надгробное слово тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ поэтъ нашъ подпольный, Климъ, по прозванію Бѣшенный Хвостъ; такое прозваніе дали ему за то, что, стихи читая, всегда онъ въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ, какъ маятникъ, стукалъ. Все изготовивъ, отправились мы на поминки къ Мурлыкѣ. Вылѣзло множество насъ изъ подполья; глядимъ мы, и вправду котъ Мурлыка въ вѣтчинѣ виситъ на бревнѣ и повѣшенъ за ноги, мордою внизъ; оскалены зубы; какъ палка вытянутъ весь, и спина и хвостъ, и переднія лапы словно какъ мерзлыя; оба глаза глядятъ не моргая. Всѣ запищали мы хоромъ: „повѣшенъ Мурлыка, повѣшенъ котъ окаянный; довольно ты, котъ, погулялъ; погуляемъ нынче и мы.“ И шесть смѣльчаковъ тотчасъ взобрались вверхъ по бревну, чтобъ Мурлыкины лапки распутать; но лапы сами держались, когтями вцѣпились въ бревно, а веревки не было тамъ никакой, и лишь только къ нимъ прикоснулись наши ребята, какъ вдругъ распустилися когти, и на полъ хлопнулся котъ, какъ, мѣшокъ. Мы всѣ по угламъ разбѣжалися въ страхѣ, и

смотримъ, что будетъ. Мурлыка лежитъ и не дышетъ, усъ не тронется, глазъ не моргнетъ; мертвецъ — да и только.

Вотъ, ободрясь, изъ угловъ мы къ нему подступать понемногу начали; кто посмѣлѣе, тотъ дернетъ за хвостъ, да и тягу дастъ отъ него; тотъ лапкой ему погрозитъ; тотъ подразнитъ сзади его языкомъ; а кто еще посмѣлѣе, тотъ, подкравшись, хвостомъ въ носу у него пощекочетъ. Котъ ни съ мѣста, какъ пень. „Берегитесь," тогда намъ сказала старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти были знакомы (у ней онъ весь задъ ободралъ и на силу какъ-то она отъ него уплела), „берегитесь: Мурлыка старый мошенникъ; вѣдь онъ висѣлъ безъ веревки, а это знакъ не добрый; и шкурка цѣла у него." То услыша, громко мы всѣ засмѣялись. „Смѣйтесь, чтобъ послѣ не плакать," мышь Степанида сказала опять, „а я не товарищъ вамъ." И поспѣшно, созвавъ мышенятокъ своихъ, убралася съ ними въ подполье она. А мы принялись, какъ шальные, прыгать, скакать и кота тормошить.

Наконецъ, поуставши, всѣ мы усѣлись въ кружокъ передъ мордой его и поэтъ нашъ Климъ, по прозванью Бѣшенный Хвостъ, на Мурлыкино пузо взлѣзши, началъ оттуда читать намъ надгробное слово, мы же при каждомъ стихѣ хохотать; и вотъ что прочелъ онъ: „жилъ Мурлыка, былъ Мурлыка котъ Сибирскій, ростъ богатырской, сизая шкурка, усы, какъ у Турка; былъ онъ бѣшенъ, на кражѣ помѣшанъ, за то и повѣшенъ. Радуйся, наше подполье!"....

Но только успѣлъ проповѣдникъ это слово промолвить, какъ-вдругъ нашъ покойникъ очнулся. Мы бѣжать.... Куда ты! Пошла ужасная травля. Двадцать изъ насъ остались на мѣстѣ, а раненыхъ втрое болѣе было. Тотъ воротился съ ободраннымъ пузомъ, тотъ безъ уха, другой съ объѣденной мордой; иному хвостъ былъ оторванъ; у многихъ такъ страшно искусаны были спины, что шкурки мотались какъ тряпки; Царицу Прасковью чуть успѣли въ нору уволочь за заднія лапки, царь Иринарій спасся съ рубцемъ на носу; но премудрый крыса Онуфрій съ Климомъ поэтомъ достались Мурлыкѣ прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою.

В. Жуковскій.

НЕВОЛЬНИЧІЙ КОРАВЛЬ.

I.

Поставщикъ товаровъ, Мингерръ фонъ Коекъ, въ каютѣ ведетъ свои счеты: примѣрную прибыль и грузъ корабля считаетъ онъ, полонъ заботы. „Всѣхъ триста боченковъ и тюковъ: дадутъ и перецъ, и гумми доходецъ; слоновая кость тоже славный товаръ, но прибыльнѣй черный народецъ. Смѣхъ дешевы эти рабы: я шесть-сотъ отмѣнныхъ досталъ въ Сенегалѣ, по твердости мяса, по крѣпости жилъ все вылитыхъ будто изъ стали.

Далъ бусъ я въ обмѣнъ, да желѣзныхъ вещицъ, да водку, а славное дѣло! Пускай половина живетъ: осемсотъ процентовъ разсчитывай смѣло. Да, пусть только триста негровъ свезу до гавани Ріо Жанейро, по сотнѣ дукатовъ за штуку возьму я съ фирмы Гонзалесъ Перейра.“ Такъ высчиталъ вѣрно Мингерръ Ванъ-Коекъ, и этою мыслію дѣльной былъ занятъ, какъ вдругъ появился къ нему Ванъ-Смиссенъ, хирургъ корабельной. То былъ господинъ самъ, какъ щепка, сухой, а носъ угреватый, багровый. „Ну, что мои дѣтки?“ спросилъ Ванъ-Коекъ, „что черные? всѣ-ли здоровы?“ И докторъ сказалъ: „честь имѣю донесть, что мы къ сожалѣнью въ потерѣ: усилилась смертность въ послѣднюю ночь межъ ними въ значительной мѣрѣ. Въ день по двое гибло ихъ среднимъ числомъ, а нынѣ мы семь потеряли: четыре мужчины, три женщины вдругъ.... отмѣтилъ я убыль въ журналѣ. Всѣ трупы я тщательно самъ осмотрѣлъ: порой плутовскому народу прикинуться мертвымъ приходитъ на мысль, чтобъ только ихъ бросили въ воду. Оковы я снялъ съ мертвецовъ, и потомъ, какъ это устроено мною, всѣ трупы я выкинуть въ море велѣлъ ранехонько утромъ съ зарею. Посмотришь, ужь цѣлая стая акулъ шныряетъ, отколь ни взялася: мои вѣдь нахлѣбники это, они такъ падки до чернаго мяса. Съ тѣхъ поръ, какъ мы отплыли, гнались они за нами съ какою-то страстью: ужь чуютъ у насъ мертвечину скоты, и жадною, чавкаютъ пастью. Забавно глядѣть, какъ порой этотъ звѣрь несчастные трупы хватаетъ: тотъ голову цапнетъ, тотъ ногу порой, а этотъ обрывки глотаетъ. Какъ все ужь поглотятъ, вокругъ корабля тѣснится, ликуетъ ихъ стая: таращатъ глаза на меня, будто мнѣ за завтракъ любовь изъявляя.“ Но грустно прервалъ его рѣчь Ванъ-Коекъ: „Какое же злу облегченье? Въ виду возрастающей смертности сей какое принять намъ рѣшенье?“ „Да черные сами, хирургъ отвѣчалъ, виною, что такъ умираютъ: въ каютѣ имъ тѣсно, а воздухъ они дыханьемъ еще заражаютъ. Притомъ въ меланхоліи многіе мрутъ, тоска ихъ смертельная гложетъ; но музыка, пляска и воздухъ какъ разъ все это въ болѣзни поможетъ.“ „Совѣтъ превосходный! вскричалъ Ванъ-Коекъ: мой докторъ искуснѣе втрое, чѣмъ самъ Аристотель, имѣвшій своимъ птенцомъ Александра героя. Да, музыки, музыки! черныхъ плясать, на палубѣ здѣсь мы принудимъ, а кто заупрямится прыгать, того и плеткою пользовать будемъ.“

II.

Въ далекой и ясной тверди голубой несчетныя звѣзды мерцаютъ; большія и умныя, нѣгой онѣ, какъ очи красавицъ, сіяютъ. Глядятъ на широкое море съ небесъ: свѣтя фосфорическимъ блескомъ, далеко пурпурное льется оно съ чуть слышнымъ и сладостнымъ плескомъ. Какъ будто совсѣмъ разснащенный, корабль недвиженъ, и парусъ не бьется — на па-

лубѣ только блестятъ фонари и музыки гулъ раздается. Тамъ штурманъ усердно на скрипкѣ гудитъ, сталъ поваръ неволею флейщикъ, и юнга гремитъ въ барабанъ, а въ трубу тамъ трубитъ нашъ докторъ затѣйщикъ: до сотни невольничьихъ дѣвъ и мужчинъ ликуютъ, и въ дикомъ весельи кружатся и скачутъ: при каждомъ прыжкѣ въ тактъ музыкѣ цѣпи звенѣли... A maître des plaisirs все глядитъ палачемъ: имѣя веселье въ предметѣ, лѣнивыхъ танцоровъ не разъ понукалъ онъ бойко ударами плети. (*Изъ Гейне; перев. В. Водовозовъ.*)

ШОССЕ и ОБЫКНОВЕННАЯ ДОРОГА.

Прямая дорога, большая дорога!
Простору не мало взяла ты у Бога;
Ты вдаль протянулась, пряма, какъ стрѣла.
Широкою гладью, что скатерть, легла!
Ты камнемъ убита, жестка для копыта,
Ты мѣрена мѣрой, трудами добыта!...
Въ тебѣ, что ни шагъ, мужикъ работалъ:
Прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ:
Все дружною силой и съ пѣснями взято,—
Вколачивалъ молотъ, и рыла лопата,
И дебри топоръ вѣковыя просѣкъ....
Куда какъ упоренъ въ трудѣ человѣкъ!
Чего онъ не сможетъ, лишь было бъ терпѣнье,
Да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье!
А съ каменной рядомъ, поодаль немножко,
Окольная вьется живая дорожка!
Дорожка, дорожка, куда ты ведешь,
Безъ званья ли ты, иль со званьемъ слывешь?
Идешь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвамъ и долинамъ, чрезъ рѣчку и гору!
Не много ты мѣста себѣ отняла:
Просторомъ тележнымъ легла, гдѣ могла!
Тебя не ровняли топоръ и лопата,
Мягка ты копыту, и пылью богата,
И кочки мѣстами, и взрѣжетъ соха...
Грязна ты въ ненастье, а въ вёдро суха!

И. Аксаковъ.

КТО ОНЪ?

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ, по тропинкамъ и по мхамъ, ѣхалъ всадникъ, пробираясь къ свѣтлымъ невскимъ берегамъ. Только вотъ—рыбачья хата; у рѣки старикъ стоялъ, челнъ осматривалъ дырявый, и бранился и вздыхалъ. Всадникъ подлѣ—онъ не смотритъ. Всадникъ молвилъ: „здравствуй, дѣдъ!“ а старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ на привѣтствіе въ отвѣтъ. Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ: „Поздоровится тутъ, жди! Вре-

мена ужь не такія.... жди, да у моря сиди. Вамъ вѣдь все ничто боярамъ, а челнокъ для рыбака тожь, что бабѣ веретена, али конь для сѣдока. Шведы ль, наши ль шли тутъ утромъ, кто ихъ знаетъ — ото всѣхъ нынче пахнетъ табачищемъ.... ходитъ въ мірѣ, ходитъ грѣхъ! Чуть кого вдали завидишь — смотришь, въ лѣсъ бы.... Вѣдь грѣшно!.... лодка, вишь, имъ помѣшала и давай рубить ей дно.... Да, ужь стала здѣсь сторонка за теперешнимъ царемъ!.... Изъ-подъ Пскова вѣдь на лѣто промышлять сюда идемъ." Всадникъ прочь съ коня, и молча за работу принялся: живо дѣло закипѣло и поспѣло въ полчаса. Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ, такъ и тычетъ долото — и челнокъ на-славу вышелъ, а вѣдь былъ, что рѣшето. „Ну, старикъ, теперь готово, хоть на Ладогу ступай, да закинуть сѣть на счастье на Петрово попытай." „На Петрово! Эко слово молвилъ! — думаетъ рыбакъ—съ топоромъ гляди какъ ловокъ.... а по рѣчи.... Какъ же такъ?..." И развелъ старикъ руками, шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ, смотритъ долго въ ту сторонку, гдѣ чудесный гость исчезъ.

А. Майковъ.

ПѢСНЯ ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА.

Съ радости-веселья хмѣлемъ кудри вьются; ни съ какой заботы они не сѣкутся. Ихъ не гребень чешетъ — золотая доля, завиваетъ въ кольцы молодецка удаль.

Не родись богатымъ, а родись кудрявымъ: по щучью велѣнью все тебѣ готово. Чего душа хочетъ—изъ земли родится; со всѣхъ сторонъ прибыль ползетъ и валится. Что шутя задумалъ — пошла шутка въ дѣло; а тряхнулъ кудрями — въ одинъ мигъ поспѣло. Не возьмутъ гдѣ лоскомъ, возьмутъ кудри силой; а что худо — смотришь, по водѣ поплыло!

Любо жить на свѣтѣ молодцу съ кудрями, весело на бѣломъ съ чорными бровями! Во время да въ пору, медомъ рѣки льются и съ утра до ночи пѣсенки поются.

Честь и слава кудрямъ! Пусть ихъ волосъ вьется — съ ними все на свѣтѣ ловко удается! не подъ шапку горе головѣ кудрявой! — Разливайтесь, пѣсни! ходи, парень, браво!

Кольцовъ.

НИЩІЙ.

И вечерней и ранней порою
Много старцевъ и вдовъ и сиротъ
Подъ окошками ходитъ съ сумою,
Христа-ради на помощь зоветъ.
Надѣваетъ ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за трудъ, —
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!
Не откажутъ тебѣ въ подаяньи,
Не умрешь ты безъ крова зимой,—
Жаль разумное, Божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой!

Никитинъ.

КАПИТАНЪ БОППЪ.

На кораблѣ купеческомъ Медузѣ, который плылъ изъ Лондона въ Бостонъ, былъ капитаномъ Боппъ, морякъ искусный, но человѣкъ не добрый; онъ своихъ людей такъ притѣснялъ, былъ такъ безстыдно развратенъ, такъ ругался дерзко всякой святыней, что его весь экипажъ смертельно ненавидѣлъ; наконецъ готовъ былъ вспыхнуть бунтъ и капитану бъ не сдобровать.... но Богъ рѣшилъ иначе. Вдругъ занемогъ опасно капитанъ; надъ кораблемъ команду принялъ штурманъ; больной же, всѣми брошенный, лежалъ въ каютѣ: экипажъ рѣшилъ, чтобъ онъ безъ помощи издохъ, какъ зараженный чумой, и это съ злобнымъ смѣхомъ было ему объявлено. Ужь дни четыре, снѣдаемый болѣзнію лежалъ одинъ онъ, и никто не смѣлъ къ нему войти, чтобы хоть каплею воды его языкъ изсохшій освѣжить, иль голову повисшую его подушкой подпереть, иль добрымъ словомъ его больную душу ободрить; онъ былъ одинъ, и страшно смерть глядѣла ему въ глаза. Вдругъ слышитъ онъ однажды, что въ дверь его вошли, и что ему сказалъ умильный голосъ: „каковы вы, капитанъ?“ — То мальчикъ Робертъ былъ, ребенокъ лѣтъ двѣнадцати; ему сталъ жалокъ капитанъ; но на вопросъ больной сурово отвѣчалъ: тебѣ какое дѣло? убирайся прочь! Однако на другой день мальчикъ снова вошелъ въ каюту и спросилъ: „не нужно ль чего вамъ, капитанъ?“ — Ты это, Робертъ? чуть слышнымъ голосомъ спросилъ больной. — „Я, капитанъ.“ — Ахъ! Робертъ, я страдалъ всю ночь. — „Позвольте мнѣ, чтобъ я умылъ вамъ руки и лицо; васъ это можетъ немного освѣжить.“ — Больной кивнулъ въ знакъ своего согласья головою. А Робертъ, оказавъ ему услугу любви, спросилъ: „могу ли, капитанъ, теперь обрить васъ?“ Это тоже было ему позволено. Потомъ больнаго Робертъ тихонько приподнялъ, его подушки поправилъ; наконецъ, смѣлѣе ставши, сказалъ: теперь я напою васъ чаемъ. И капитанъ спокойно соглашался на все; онъ глубоко вздыхалъ и съ грустной улыбкою на мальчика смотрѣлъ. Увѣренъ будучи, что отъ своихъ людей онъ никакого милосердья надѣяться не долженъ, въ злобѣ сердца рѣшился онъ ни съ кѣмъ не говорить ни слова. Лучше умереть сто разъ, онъ думалъ, чѣмъ отъ нихъ принять услугу. Но милая заботливость ребенка всю внутренность его поколебала; непримиримая его душа смягчилась и въ глазахъ его, дотолѣ свирѣпо мрачныхъ, выступили слезы. Но дни его ужь были сочтены; онъ видимо слабѣлъ и наконецъ увѣрился, что жизнь его была на тонкомъ волоскѣ; и ужасъ душу его схватилъ, когда предстали разомъ ей смерть и вѣчность; съ страшнымъ крикомъ совѣсть проснулась въ немъ; но ей не поддалась бы его желѣзная душа; онъ молча бъ покинулъ свѣтъ озлобленный, ни съ кѣмъ не примиренный, еслибъ милый голосъ ребенка, посланнаго Богомъ, вдругъ его не пробудилъ. И вотъ однажды когда, опять къ

нему вошедши, Робертъ спросилъ: „не лучше ли вамъ, капитанъ?“ онъ простоналъ отчаянно: ахъ! Робертъ, мнѣ тяжело; съ моимъ погибшимъ тѣломъ становится ежеминутно хуже. А съ бѣдною моею душею!... Что мнѣ дѣлать? Я великій нечестивецъ! Меня ждетъ адъ; я ничего инаго не заслужилъ; я грѣшникъ, я навѣки погибшій человѣкъ. — „Нѣтъ, капитанъ, васъ Богъ помилуетъ; молитесь.“ — Поздно молиться; для меня ужь болѣ нѣтъ надежды на спасенье. Что мнѣ дѣлать? Ахъ! Робертъ, что со мною будетъ? — Такъ свое дотоль безчувственное сердце онъ исповѣдывалъ передъ ребенкомъ; и Робертъ дѣлалъ все, чтобъ возбудить въ немъ бодрость—но напрасно. Разъ, когда по-прежнему вошелъ въ каюту мальчикъ, больной, едва дыша, ему сказалъ: послушай, Робертъ, мнѣ пришло на умъ, что, можетъ быть, на кораблѣ найдется евангеліе; попробуй, поищи. И подлинно евангеліе нашлося. Когда его больному подалъ Робертъ, въ его глазахъ сверкнула радость. — Робертъ, сказалъ онъ, это мнѣ поможетъ, вѣрно поможетъ. Другъ, читай; теперь узнаю, что мнѣ ждать и въ чемъ мое спасенье. Сядь, Робертъ, здѣсь; читай; я буду слушать. — „Да что же мнѣ читать вамъ, капитанъ?“ Не знаю, Робертъ; я ни разу въ руки не бралъ евангелія; читай, что хочешь, безъ выбора, какъ попадется. — Робертъ раскрылъ евангеліе и сталъ читать, и два часа читалъ онъ. Капитанъ, къ нему съ постели голову склонивъ, его съ великой жадностію слушалъ; какъ утопающій за доску, онъ за каждое хватался слово; но при каждомъ словѣ молніею страшной душа въ немъ озарялась; онъ вполнѣ все недостоинство свое постигнулъ, и правосудіе Творца предстало ему съ погибелью неизбѣжимой; хотя и слышалъ онъ святое имя Спасителя, но вѣрить онъ не смѣлъ спасенію. Оставшися одинъ, во всю ту ночь онъ размышлялъ о томъ, что было читано; но въ этихъ мысляхъ его душа отрады не нашла. На слѣдующій день, когда опять вошелъ въ каюту Робертъ, онъ ему сказалъ: мой другъ, я чувствую, что мнѣ земли ужь не видать; со мною дѣло идетъ къ концу поспѣшно; скоро буду я брошенъ черезъ бортъ; но не того теперь боюсь я... что съ моей душею, съ моею бѣдною душею будетъ! Ахъ, Робертъ, я погибъ, погибъ на вѣки! Не можешь ли помочь мнѣ? Помолися, другъ, за меня. Вѣдь ты молитвы знаешь? — „Нѣтъ, капитанъ; я никакой другой молитвы, кромѣ „Отче нашъ“ не знаю; я съ матерью вседневно поутру и ввечеру ее читалъ“.—Ахъ! Робертъ, молися за меня; стань на колѣна; проси, чтобъ Богъ явилъ мнѣ милосердье, за это онъ тебя благословитъ. Молися, другъ, молися о твоемъ отверженномъ безбожномъ капитанѣ. — Но Робертъ медлилъ; а больной его просилъ и убѣждалъ, ежеминутно со стономъ восклицая: Царь небесный, помилуй грѣшника меня. И оба рыдали. — Ради Бога на колѣна стань, Робертъ, и молися за меня. — И увлеченный жалостію мальчикъ сталъ на колѣна и, сложивши руки, въ слезахъ воскликнулъ: „Господи, помилуй ты моего

больнаго капитана. Онъ хочетъ, чтобъ Тебѣ я за него молился — я молиться не умѣю. Умилосердись Ты надъ нимъ; онъ бѣдный боится, что ему погибнуть должно. Ты, Господи, не дай ему погибнуть. Онъ говоритъ, что быть ему въ аду — Ты, Господи, возьми его на небо; онъ думаетъ, что дьяволъ овладѣетъ его душей — Ты, Господи, вели, чтобъ Ангелъ твой вступился за него. Мнѣ жалокъ онъ; его больнаго всѣ покинули; но я, пока онъ живъ, ему служить не перестану; только спасти его я не умѣю; сжалься надъ нимъ Ты, Господи, и научи меня молиться за него.“ — Больной молчалъ; невинность чистая, съ какою ребенокъ за него молился, всю его проникла душу; онъ лежалъ недвижимъ, стиснувъ руки, погрузивъ въ подушки голову и слезъ потоки изъ глазъ его бѣжали. Робертъ, кончивъ свою молитву, вышелъ; онъ былъ также встревоженъ; долго онъ, едва дыханье переводя, на палубѣ стоялъ и перегнувшись черезъ бортъ, смотрѣлъ на волны. Ввечеру онъ, возвратившись къ больному, до ночи ему читалъ евангеліе, и капитанъ его съ невыразимымъ слушалъ умиленьемъ. Когда же Робертъ на другое утро опять явился, онъ былъ пораженъ, взглянувъ на капитана, перемѣной, въ немъ происшедшей: страхъ, который такъ усиливалъ естественную дикость его лица, носившаго глубокой страстей и бурь душевныхъ отпечатокъ, исчезъ; на немъ сквозь покрывало скорби, сквозь блѣдность смертную сіяло что-то смиренное, веселое, святое, какъ будто лучъ той свѣтлой благодати, которая отъ Бога къ намъ на вопль молящаго раскаянья нисходитъ.—Ахъ! Робертъ, тихимъ голосомъ больной сказалъ, какую ночь провелъ я! Что со мною было! Я того, мой другъ, словами выразить не въ силахъ. Слушай: когда вчера меня оставилъ ты, я впалъ въ какой-то полусонъ; душа была полна евангельской святыней, которая проникнула въ нее, когда твое я слушалъ чтенье; вдругъ передъ собою, здѣсь, въ ногахъ постели, увидѣлъ я — кого же? Самаго Спасителя Христа; Онъ пригвожденъ былъ ко кресту; и показалось мнѣ, что будто всталъ я и приползъ къ Его ногамъ и закричалъ, какъ тотъ слѣпой, о коемъ ты читалъ мнѣ: сынъ Давидовъ, Іисусъ Христосъ, помилуй. И тогда мнѣ показалось, будто на меня — да! на меня, мой другъ, на твоего злодѣя капитана, Онъ взглянулъ... О, какъ взглянулъ! какими описать словами этотъ взглядъ! Я задрожалъ; вся къ сердцу кровь прихлынула; душа наполнилась тоскою смерти; въ страхѣ, но и съ надеждой, я къ нему поднять осмѣлился глаза... и что же? Онъ... да, Робертъ!... Онъ отверженному мнѣ съ небесной милостію улыбнулся! О! что со мною сдѣлалось тогда! На это словъ языкъ мой не имѣетъ. Я на Него глядѣлъ... глядѣлъ... и ждалъ... чего я ждалъ? Не знаю: но о томъ мое трепещущее сердце знало. А онъ съ креста, который весь былъ кровью, бѣжавшею изъ ранъ Его, облитъ, смотрѣлъ такъ благостно, съ такой прискорбной и нѣжной жалостію на меня... И вдругъ Его уста пошевелились, и я Его услышалъ голосъ... чи-

стый, пронзающій всю душу, сладкій голосъ; и Онъ сказалъ мнѣ: „ободрись и вѣруй!“ Отъ радости разорвалося сердце въ моей груди, и я передъ крестомъ упалъ съ рыданіемъ и крикомъ... но видѣніе исчезло; и тогда очнулся я; мои глаза открылись... Не сонъ ли это былъ? Нѣтъ, не сонъ. Теперь я знаю: Тотъ меня спасетъ, кто ко кресту за всѣхъ и за меня былъ пригвожденъ; я вѣрую тому, что Онъ сказалъ на Вечери Святой, переломивши хлѣбъ и влившій въ чашу вино во оставленіе грѣховъ. Теперь ужь мнѣ не страшно умереть; мой искупитель живъ; мои грѣхи мнѣ будутъ прощены. Выздоровленья не жду я болѣе и не желаю; я чувствую, что съ жизнію разстаться мнѣ должно скоро, и ее покинуть теперь я радъ... — При этомъ словѣ Робертъ, дотолѣ плакавшій въ молчаньи, вдругъ съ рыданіемъ воскликнулъ: „капитанъ, не умирайте; нѣтъ, вы не умрете“. — На то больной съ усмѣшкой отвѣчалъ: не плачь, мой добрый Робертъ; Богъ явилъ свое мнѣ милосердье, и теперь я счастливъ; но тебя мнѣ жаль, какъ сына роднаго жаль; ты долженъ здѣсь остаться на кораблѣ межъ этихъ нечестивыхъ людей, одинъ, неопытный ребенокъ... Съ тобой будетъ тоже, что со мной! Ахъ! Робертъ, берегись, не попади на страшную мою дорогу; видишь, куда ведетъ она. Твоя любовь ко мнѣ была, другъ милый, велика; тебѣ я всѣмъ обязанъ; ты мнѣ Богомъ былъ посланъ въ страшный часъ... ты указалъ мнѣ, и самъ того незная, путь спасенья; благослови тебя за то Всевышній! Другимъ же всѣмъ на кораблѣ скажи ты отъ меня, что я прошу у нихъ прощенья, что я самъ ихъ всѣхъ прощаю, что я за нихъ молюсь. — Весь этотъ день больной провелъ спокойно; онъ съ глубокимъ вниманіемъ евангеліе слушалъ. Когда жъ настала ночь, и Робертъ съ нимъ простился, онъ его съ благословеньемъ, любовію и грустью проводилъ глазами до дверей каюты. Рано на слѣдующій день приходитъ Робертъ въ каюту; двери отворивъ, онъ видитъ, что капитана нѣтъ на прежнемъ мѣстѣ: поднявшися съ подушки, онъ приползъ къ тому углу, гдѣ крестъ ему во снѣ явился; тамъ, къ стѣнѣ оборотясь лицомъ, въ дугу согнувшись, головой припавъ къ постелѣ, крѣпко стиснувъ руки, лежалъ онъ на колѣняхъ. То увидя, встревоженный, въ дверяхъ каюты Робертъ остановился. Онъ глядитъ и ждетъ, не смѣя тронуться; минуты двѣ прошло... и вотъ онъ наконецъ шепнулъ тихонько: капитанъ! — отвѣта нѣтъ. Онъ, два шага ступивъ, шепнулъ опять погромче: капитанъ! но тихо все; и все отвѣта нѣтъ. Онъ подошелъ къ постелѣ. Капитанъ! сказалъ онъ вслухъ. По-прежнему все тихо. Онъ рукой его ноги коснулся: холодна нога, какъ лёдъ. Въ испугѣ закричалъ онъ громко: капитанъ! и за плечо его схватилъ. Тутъ положенье тѣла перемѣнилось; медленно онъ навзничь упалъ, и тихо голова легла сама собою на подушку; были глаза закрыты, щеки блѣдны, видъ спокоенъ, руки сжаты на молитву.

В. Жуковскій.

БЭДА-ПРОПОВѢДНИКЪ.

Былъ вечеръ. Въ одеждѣ, измятой вѣтрами,
Пустынной тропою шелъ Бэда слѣпой;
На мальчика онъ оперался рукой,
По камнямъ ступая босыми ногами.
И было все глухо и дико кругомъ:
Однѣ только сосны росли вѣковыя;
Однѣ только скалы торчали сѣдыя,
Косматымъ и влажнымъ одѣтыя мхомъ.
Но мальчикъ усталъ; ягодъ свѣжихъ отвѣдать
Иль просто слѣпца онъ хотѣлъ обмануть:
«Старикъ!—онъ сказалъ—я пойду отдохнуть;
А ты, если хочешь, начни проповѣдать—
Съ вершинъ увидали тебя пастухи;
Какіе-то старцы стоятъ на дорогѣ;
Вонъ, жены съ дѣтьми! говори имъ о Богѣ,
О Сынѣ, распятомъ за наши грѣхи!»
И старца лицо просіяло мгновенно,
Какъ ключъ, пробивающій каменный слой,
Изъ устъ его блѣдныхъ живою волной
Высокая рѣчь потекла вдохновенно...
Безъ вѣры такихъ не бываетъ рѣчей!
Казалось — слѣпцу въ славѣ небо являлось;
Дрожащая къ небу рука поднималась,
И слезы текли изъ потухшихъ очей!
Но вотъ, ужь сгорѣла заря золотая,
И мѣсяца лучъ блѣдный въ горы проникъ;
Въ ущелье повѣяла сырость ночная...
И вотъ, проповѣдая, слышитъ старикъ,
Зоветъ его мальчикъ, смѣясь и толкая;
Довольно, пойдемъ! никого уже нѣтъ....»
Замолкъ грустно старецъ, главой поникая;
Но только замолкъ онъ—отъ края до края
«Аминь!» ему грянули камни въ отвѣтъ.

Я. Полонскій.

ОТДѢЛЪ II.

ПРОЗА.

ПШЕНИЦА и ПЛЕВЕЛЫ.

(*Притча*).

Послалъ однажды хозяинъ работниковъ своихъ въ поле и приказалъ имъ засѣять его пшеницею. Работники, засѣявъ поле, легли отдохнуть и заснули; когда же они спали, пришелъ на поле недругъ ихъ хозяина и посѣялъ между пшеницею плевелы. Взошла и выросла пшеница, взошли и выросли плевелы. Работники скоро замѣтили ихъ, пришли къ хозяину и сказали ему: „Господинъ, между пшеницею выросли плевелы; не сходить ли

намъ на поле и не повырывать ли ихъ?“ — „Нѣтъ, не ходите, отвѣчалъ имъ хозяинъ: вырывая плевелы, вы нечаянно можете вырвать и пшеницу; пускай они растутъ вмѣстѣ, пока придетъ жатва. Когда же придетъ время жатвы, тогда я прикажу моимъ жнецамъ собрать отдѣльно плевелы и, связавъ ихъ въ снопы, сжечь, — а пшеницу перевезти ко мнѣ въ житницу.“

ВОСПИТАНІЕ.

Ребенокъ видѣлъ, какъ отецъ посадилъ въ своемъ саду дикую, лѣсную яблоньку. — Зачѣмъ ты это дѣлаешь? — спросилъ онъ отца: вотъ ужь такому негодному деревцу я бы не далъ мѣста въ саду.

— А почему ты знаешь, что это деревцо никуда не годится? — спросилъ отецъ.

— Это видно съ перваго взгляда, — отвѣчалъ мальчикъ.

— Да, оно, конечно, мало и не завидно; но въ немъ скрывается большая сила, и современемъ оно можетъ вырости и приносить плоды.

Черезъ нѣсколько времени мальчикъ опять увидѣлъ, что отецъ его заботливо возится около новой яблоньки: ставитъ колья, привязываетъ къ нимъ однѣ вѣтки, а другія срѣзываетъ.

— Зачѣмъ ты не даешь деревцу расти свободно?—спросилъ мальчикъ.

— Затѣмъ, чтобы вѣтеръ его не сломалъ и чтобы оно могло расти прямо и стройно.

Потомъ отецъ вскопалъ землю около корня и окружилъ деревцо кольями, чтобы скотъ не могъ его сломать.

— Посмотри, — сказалъ онъ сыну, — какъ я люблю это молодое деревцо; а люблю я его за ту жизненную силу, которая въ немъ скрыта, и о ней-то я хлопочу и забочусь.

На слѣдующую весну отецъ пришелъ къ деревцу съ отросткомъ, срѣзаннымъ съ другой, хорошей яблони, и съ ножемъ въ рукахъ: онъ разомъ срѣзалъ всю верхушку молодаго деревца.

— Что ты дѣлаешь? — вскричалъ мальчикъ въ испугѣ: теперь всѣ труды твои пропали даромъ!

Но отецъ улыбнулся, раскололъ немного стволъ деревца и, всадивъ въ него принесенную имъ вѣточку, заклеилъ разрѣзъ замазкою и тщательно обвязалъ тряпкою.

— Вотъ видишь ли, — сказалъ онъ сыну, когда работа была кончена: еслибъ деревцо осталось въ лѣсу, оно было бы и криво, и сучковато, и приносило бы современемъ такую кислицу, которой ѣсть было бы невозможно. Но я позаботился, чтобы оно росло прямо; а теперь, при наступленіи весны, далъ скрытымъ въ немъ силамъ новое, лучшее направленіе, прищепивъ къ нему вѣточку отъ хорошаго дерева, плоды котораго уже извѣстны.

Скоро молодое деревцо выросло, пустило новыя вѣтви и покрылось почками и цвѣтами; а къ осени вѣтки его уже гнулись подъ тяжестью большихъ румяныхъ яблокъ.

— Ну, что скажешь теперь? — спросилъ отецъ сына.

— Ахъ — отвѣчалъ тотъ: какое это прекрасное, благодарное дерево; труды твои не пропали даромъ.

— Дай Богъ, — продолжалъ отецъ: чтобы ты такъ же отблагодарилъ меня за мои заботы о твоемъ воспитаніи.

ОТЦОВСКІЙ ДОЛГЪ.

Происшествіе, о которомъ веду я свой разсказъ, не вымышленное: я слышалъ его отъ достовѣрныхъ людей. Случилось оно Московской губерніи, кажется въ Звенигородскомъ уѣздѣ.

„Жилъ-былъ одинъ крестьянинъ, не то чтобъ зажиточный, а хорошимъ домомъ, человѣкъ работящій и честный. Кромѣ жены, семья его состояла изъ трехъ дочерей да сына-молодца. Въ животѣ, въ смерти Богъ воленъ: кажись, крѣпокъ былъ нашъ Захаръ Антоновъ, а вдругъ свалился и отдалъ Богу душу. Новая изба, которую началъ было онъ строить, сбираясь женить своего Ваню, осталась недоконченною,—и долговъ нашлось на немъ не мало: сосѣдямъ—кому пять, кому десять рублей, а одному городскому купцу, у котораго забиралъ онъ кое-какой товаръ, безъ малаго пятьсотъ. Деньги браны были, какъ водится у простаго народа, на честномъ словѣ, безъ векселей и заемныхъ писемъ; должникъ умеръ; кажется, и дѣлу бы конецъ, анъ нѣтъ; по крестьянскому разумѣнію, отдать надобно; честное имя должно остаться незапятнаннымъ. Пристаютъ кредиторы ко вдовѣ, одинъ даже грозитъ пожаловаться начальству...—„Пообождите, кормильцы; молитъ она: вотъ управлюсь маленько съ дѣлами, къ Петрову дню телятъ пару, да лошадь продамъ...“ Куда—и слышать не хотятъ. Что дѣлать? Словно ножъ въ сердцѣ было слышать Ивану Захарову, какъ корятъ память отца; такъ и думается ему, что при всякомъ попрекѣ ворочаются въ могилѣ старыя кости... Эхъ-ма!... и задумалъ онъ что-то.

По губерніи объявленъ былъ рекрутскій наборъ; въ деревнѣ, гдѣ жилъ Иванъ, чередъ выставлять рекрута палъ на одинъ семьянистый, но богатый домъ. Приходится отдавать одного изъ троихъ взрослыхъ парней. Рады бы они нанять охотника, да негдѣ взять: время горячее, спѣшное. — „Да не возьмешь ли меня?“ спрашиваетъ вдругъ Иванъ Захаровъ у сосѣда.

— Иль шутить вздумалъ, Ванюха? — проговорилъ тотъ съ сердцемъ. — „Какія шутки! пойду я за твою семью служить Богу и великому Государю.“ — Да какъ же, любезникъ ты мой, мать-то твоя.... тово...., вѣдь ты одинъ у нея, какъ перстъ... — „Ну ужь это мое дѣло! Сколько же дашь?“ — Ахъ, родной! выручи! Тысячу рублевъ новенькими бумаж-

ками тебѣ отсчитаю; избу достроюю. — „Эва, дешево больно! Мнѣ непремѣнно надо двѣ, и копѣйки не уступлю!“ —Побойся Бога, Ваня, разорить хочешь. — „Вотъ то-то и есть, дядя Герасимъ; за пару хорошихъ коней, что ѣздятъ у тебя въ Москвѣ, заплатилъ почесть тысячу, а тутъ... Небойсь, не оскудѣешь!“

И какъ ни жался Герасимъ, а долженъ былъ порѣшить съ охотникомъ на двухъ тысячахъ.

Иванъ Захаровъ немедленно же отправился въ городъ, къ главному кредитору своего отца. — „Что, привезъ деньги!“ спрашиваетъ тотъ. — Со мной теперь нѣтъ, а извольте завтрашній день придти вотъ въ такой-то домъ, и получите, что слѣдуетъ. Только лишь росписочку изготовьте. — „Ладно.“

И прочимъ кредиторамъ повѣстилъ онъ то же самое.

На другой день всѣ они явились въ рекрутское присутствіе. Глядь, Иванъ, вѣ чемъ мать родила, стоитъ ужь вѣ пріемѣ: дошла очередь и до охотника. Присутствующіе начали разсматривать списокъ.

— Какъ же, братъ, ты одинъ сынъ у матери, а продаешься въ солдаты? спросилъ у Ивана одинъ изъ членовъ присутствія.

— Такъ слѣдуетъ, ваше благородіе.

— Какъ слѣдуетъ? Что нибудь да не такъ! Позвать сюда мать. Старушка подошла, вся въ слезахъ; за нею три дочери, тоже заплаканныя.

— Вѣрно, забубенная голова твой сынъ? — говорятъ ей.

— Избави Богъ, батюшка, ваше сіятельство! Онъ у меня послушливѣе овечки...

— Ну такъ, знать, дѣло не спорится у него?

— Да работящѣе его во всей деревнѣ нѣтъ.... Да я бы, ваше благородіе, скорѣе живая легла въ могилу, чѣмъ разсталась съ нимъ.... да вотъ долгъ-то... Вишь, онъ не хочетъ; баитъ: успокою батюшку...

— Какой долгъ?

— Матушка! — крикнулъ Иванъ, прерывая мать, которая начала было свой разсказъ; полно плакать-то! А вы, ваше благородіе, не извольте безпокоиться на счетъ эвтого. Матренѣ, сестрѣ моей, вотъ что стоитъ передъ вашей милостью, семнадцатый годъ пошелъ, а къ Красной Горкѣ она и невѣста. Мы ужь и ударили по рукамъ съ однимъ бобылемъ, принимаемъ его къ себѣ въ домъ; онъ малый знатный, у кого хотите извольте спросить. Такъ ужь не безпокойтесь... А я, осмѣлюсь доложить, по усердію иду на царскую службу.

Дѣлать нечего; поставили охотника въ мѣру, и крикнуло нѣсколько голосовъ: лобъ!

Получивъ отъ покупщика деньги, Иванъ Захаровъ позвалъ къ себѣ отцовскихъ кредиторовъ. — „Вотъ тебѣ, Степанъ Кузьмичъ, пятьсотъ руб-

левъ; ты, сватъ Андрей, получай свои безъ четверти двадцать пять..." тому столько-то, этому столько, и расплатился со всѣми до послѣдней копѣйки. Поняли тогда несговорчивые заимодавцы, откуда взялись у него деньги: иные стали отговариваться, не брать; кто предлагаетъ ихъ ему на дорогу. — „Ничего не надо мнѣ, родимые: деньги не мои, а батюшкины; не поминайте же его лихомъ, не говорите, что заѣлъ чужое добро... А ужь коли кто хочетъ наградить меня: такъ пусть запишетъ имя раба Божія Захара въ свое поминанье, да отслужитъ по немъ панихиду. Это дороже всего. Больше ни о чемъ не прошу. Да вотъ, если матушкѣ случится какая нужда..."—Не покинемъ сиротъ, отвѣчали въ одинъ голосъ всѣ заимодавцы.

Послѣ расплаты остается у молодаго рекрута только два полуимперіала. Одинъ отдаетъ онъ матери, другой сестрѣ на новую шубку, какъ пойдетъ замужъ.

— Голубчикъ, Ваня, съ чѣмъ же ты самъ-то останешься! со слезами промолвливаетъ мать.

—Меня будетъ кормить самъ надежа-Государь. Съ деньгами, пожалуй, еще избалуешься. Да не плачь же, родимая! Помнишь уговоръ? Въ побывку скоро приду... Благослови меня, родная!

Рыдая, сняла съ груди своей осиротѣлая мать мѣдный крестъ, и надѣла его на своего ненагляднаго. Святая материнская слеза прошибла и Ваню: не вытерпѣло ретивое,—заплакалъ и онъ, и замерли оба, обнявъ другъ друга.

Вѣсть о необыкновенномъ доказательствѣ сыновней любви тотчасъ же дошла до присутствующихъ; начальству сдѣлано было особенное представленіе — и молодцоватый собою Иванъ Захаровъ поступилъ въ царскую гвардію.

И. Кокоревъ.

БѢЛЕНЬКІЙ ЦВѢТОЧЕКЪ.

За городомъ, у самой дороги, стоялъ хорошенькій хуторокъ, окруженный прекраснымъ садомъ. Въ саду былъ богатый цвѣтникъ съ гордыми, блестящими цвѣтами; а на валу, окружавшемъ садъ, въ густой зеленой травѣ, росъ, ни для кого незамѣтно, самый скромный маленькій дикій цвѣточекъ съ бѣлыми лепестками, съ золотымъ сердечкомъ. Доброе солнце освѣщало и грѣло его съ такою же любовью, какъ и великолѣпные цвѣты въ прекрасныхъ клумбахъ. Дикій, бѣленькій цвѣточекъ не думалъ о томъ, что на его долю выпала такая скромная жизнь, былъ доволенъ своею судьбою, поворачивалъ свою головку за солнцемъ, любуясь его блескомъ, и заслушивался серебряныхъ трелей жаворонка, вьющагося высоко въ воздухѣ.

Въ одно свѣтлое утро маленькій цвѣточекъ былъ такъ счастливъ, какъ будто бы для него наступилъ великій праздникъ, а между тѣмъ это былъ только понедѣльникъ, и всѣ дѣти сидѣли въ школѣ; но тогда, какъ они сидѣли на своихъ скамьяхъ и учились,—бѣленькій цвѣточекъ также сидѣлъ

на своемъ маленькомъ стебелькѣ и также учился у грѣющаго солнца и у всего, что видѣлъ вокругъ, учился, какъ добръ и милостивъ Создатель. Бѣленькому цвѣточку казалось, что маленькій жаворонокъ въ своихъ звонкихъ пѣсняхъ выражалъ прекрасно эти же самыя чувства, и цвѣточекъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на счастливую птичку, которая могла пѣть и летать, и нисколько не огорчался, что самъ остается на одномъ мѣстѣ и не имѣетъ такого прекраснаго голоса. „Я слышу и вижу все это, думалъ цвѣточекъ: солнце освѣщаетъ меня и грѣетъ, вѣтеръ цѣлуетъ мои лепестки.... О, какъ я счастливъ!“

Въ саду возвышалось очень много важныхъ цвѣтовъ, и чѣмъ меньше у нихъ было запаха, тѣмъ болѣе они важничали. Ярко-красные піоны раздувались изо-всѣхъ силъ, чтобы быть больше и пышнѣе розъ: но величина и пышность не сдѣлаютъ еще піона розой! Ярко-цвѣтные, пестрые тюльпаны знали очень хорошо, что они красивы, и держались прямо, чтобы всѣ могли любоваться ихъ красотою. Они, конечно, не замѣчали, что тамъ, на валу, цвѣтетъ маленькій бѣленькій цвѣточекъ, но за то онъ смотрѣлъ на нихъ во всѣ глаза—смотрѣлъ и думалъ: „какъ они богаты и прекрасны! къ нимъ, навѣрное, къ нимъ слетитъ чудная птичка. Слава Богу, что я росту такъ близко и могу видѣть все это.“—Въ самомъ дѣлѣ, крикъ птички раздался близехонько, и она спустилась на землю.... только не къ величественнымъ піонамъ и не къ гордымъ тюльпанамъ, а въ зеленую траву около самаго бѣленькаго цвѣточка, у котораго отъ счастья занялось дыханіе.

Маленькая птичка весело прыгала вокругъ цвѣтка, прыгала и щебетала: „Ахъ, какая мягкая, зеленая, какая свѣжая травка! ахъ, какой хорошенькій, миленькій цвѣточекъ, сердечко золотое, платье серебряное!“

Какъ былъ счастливъ маленькій бѣленькій цвѣточекъ,— я и разсказать вамъ не могу; о, какъ онъ былъ счастливъ!—Жаворонокъ осторожно клюнулъ носикомъ въ самую середину цвѣточка, прощебеталъ что-то милое, очень милое, вспорхнулъ и снова полетѣлъ въ голубую высь.

Прошло вѣрно не менѣе получаса, пока цвѣточекъ успѣлъ опомниться отъ своего счастія. Ему даже было немножко стыдно, но каждый листочекъ его трепеталъ отъ восторга. Боязливо взглянулъ цвѣточекъ на гордые тюльпаны: они видѣли, какое счастіе выпало на долю бѣленькаго цвѣточка, и должны понимать, какою радостью бьется его золотое сердечко.

Но тюльпаны стояли попрежнему прямо, и, вѣрно отъ зависти, краснѣли еще больше, и отъ досады подымали свои головы еще выше. Какое счастье, что тупоголовые піоны не могутъ говорить, а то бы они наговорили много дерзостей маленькому бѣленькому цвѣточку. Счастливцу казалось, что пышные цвѣты не въ духѣ, и онъ отъ всей души пожалѣлъ о нихъ.

Въ это самое время пришла въ садъ дѣвушка съ острымъ блестящимъ

ножемъ въ рукахъ — пошла прямо къ тюльпанамъ и посрѣзывала ихъ гордыя головы.

— Охъ! почти вскрикнулъ бѣленькій цвѣточекъ, такъ это страшно: теперь для нихъ все кончено!

Цвѣточекъ радовался, что спрятанъ въ травѣ и что онъ не болѣе какъ простой бѣленькій цвѣточекъ; а когда зашло солнце, свернулъ свои листики и спокойно заснулъ. Но и во снѣ онъ видѣлъ солнце и милую птичку. Утромъ бѣленькій цвѣточекъ, полный счастья, снова распустилъ свои серебряные лепестки и скоро услыхалъ пѣніе жаворонка. Но, Боже мой, какую печальную пѣсню пѣла теперь птичка! И было чего печалиться: бѣдный жаворонокъ попался въ клѣтку, которая висѣла у открытаго окна. Птичка оплакивала свою свободную и счастливую жизнь, открытое поле, и съ тоской вспоминала, какъ свободно порхала она еще вчера въ чистомъ синемъ воздухѣ. Бѣдная птичка была въ самомъ дурномъ расположеніи духа: она сидѣла въ клѣткѣ.

Маленькій бѣленькій цвѣточекъ желалъ отъ всей души помочь бѣдной птичкѣ; но трудно было что нибудь придумать. Цвѣточекъ позабылъ, какъ все вокругъ него прекрасно, позабылъ даже яркое теплое солнышко, и думалъ только о плѣнной птичкѣ, которой не могъ помочь ни чѣмъ — рѣшительно ни чѣмъ!

Въ это самое время вошли въ садъ два мальчика, и въ рукахъ одного изъ нихъ блестѣлъ тотъ самый острый ножъ, которымъ дѣвушка срѣзала вчера головы гордымъ тюльпанамъ. Мальчики прямо шли къ бѣленькому цвѣточку; но онъ рѣшительно не понималъ, что имъ отъ него нужно.

— Вотъ гдѣ мы можемъ вырѣзать прекрасный кусокъ дерна для нашего жаворонка, сказалъ одинъ изъ мальчиковъ, и вырѣзалъ ножемъ изъ дерна четвероугольникъ, въ срединѣ котораго остался и бѣленькій цвѣточекъ.

— „Сорви цвѣтокъ,“ сказалъ другой мальчикъ, и бѣленькій цвѣточекъ задрожалъ: ему такъ хотѣлось жить именно теперь.

„Зачѣмъ? сказалъ первый мальчикъ: онъ такъ мило выглядываетъ изъ зеленой травы.“ Бѣленькій цвѣточекъ остался и былъ отнесенъ вмѣстѣ съ дерномъ въ клѣтку къ жаворонку.

Но бѣдная птичка, громко оплакивая свою потерянную свободу, билась крылышками о желѣзные прутья клѣтки; а бѣленькій цвѣточекъ, не смотря на все свое желаніе, не могъ сказать ей ни одного утѣшительнаго слова: такъ прошло все утро.

„Здѣсь нѣтъ воды,“ щебетала бѣдная птичка: „они всѣ ушли и забыли оставить мнѣ хоть одну каплю воды; горлышко мое пересохло, я все горю, я не могу дышать; ахъ, я должна умереть, должна покинуть навсегда и теплое солнышко, и свѣжую зелень — всё, всё! И птичка сунула

свой носикъ въ холодный кусокъ дерна, чтобы освѣжиться хоть немного: — тутъ она увидала знакомый, бѣленькій цвѣточекъ, поцѣловала его въ самое сердечко и сказала: „и ты долженъ здѣсь засохнуть, ты бѣдный, маленькій цвѣточекъ! Тебя и маленькій кусочекъ зеленаго дерна — вотъ все, что дали мнѣ люди — въ замѣнъ цѣлаго міра. Ахъ, вы напоминаете мнѣ только, какъ много я потеряла."

„Что же можетъ тебя утѣшить? думалъ съ тоскою бѣленькій цвѣточекъ, но не могъ двинуть ни однимъ листикомъ. Птичка однако же поняла его мысль, и хотя отъ тоски и жажды вырывала одна изъ дерна травку за травкой, но бѣленькаго цвѣточка не тронула.

Наступилъ вечеръ, и никто не принесъ воды бѣдной птичкѣ. Она распустила свои длинные крылышки, упала, склонившись головкой къ цвѣточку, задрожала — и умерла отъ тоски и жажды. Бѣленькій цвѣточекъ не могъ уже, какъ вчерашній вечеръ, свернуть своихъ листочковъ и заснуть спокойно: онъ увялъ, и головка его печально повисла.

Только уже на другой день утромъ пришли мальчики, и когда увидали мертвую птичку, то горько заплакали и плакали долго; потомъ вырыли хорошенькую могилку, убрали ее цвѣтами, положили птичку въ хорошенькій ящичекъ и зарыли въ землю съ большою почестью. Бѣдная птичка! когда она жила и пѣла, всѣ ее забывали, оставляли сидѣть въ клѣткѣ, заставляли терпѣть голодъ и жажду; а теперь, когда она замолкла навсегда, ее оплакиваютъ и убираютъ цвѣтами.

Кусокъ дерна съ увядшимъ бѣленькимъ цвѣточкомъ выбросили изъ клѣтки на пыльную дорогу; никто не подумалъ о томъ, кто больше всѣхъ на свѣтѣ любилъ маленькую птичку и такъ сильно желалъ ее утѣшить!

ГОСТИННИЦА ВЪ СТЕПИ.

Въ одну изъ тѣхъ декабрьскихъ ночей, когда, какъ говорится, свѣту Божьяго не видно, а вьюга злится и воетъ; когда ставни дрожатъ, а старушка, сидя на лежанкѣ, охаетъ и крестится, — шелъ по безлюдной степи молодой студентъ семинаріи; шелъ онъ на рождественскіе праздники, изъ города, гдѣ учился, въ село, въ которомъ отецъ его былъ священникомъ. Отъ города до села было верстъ сорокъ. Студентъ вышелъ рано утромъ и къ вечеру надѣялся быть дома. Уже мечталъ бѣднякъ, какъ встрѣтитъ его старикъ-отецъ, какъ обрадуется ему добрая мать, какъ заблестятъ глазки сестры, которую онъ очень любилъ, какъ выбѣгутъ къ нему навстрѣчу два младшіе брата, для которыхъ были у него въ карманѣ двѣ недорогія игрушки. Но съ полудня началась мятель, и студентъ, должно быть, сбился съ дороги; потому что ночь уже наступала, а родимаго села все еще не было видно.

Не хорошо было бѣдняку: темно, холодно; злостная вьюга била ему

прямо въ грудь и въ лицо, засыпала его мокрымъ снѣгомъ. Она какъ будто задала себѣ задачу свалить съ ногъ бѣднаго молодаго человѣка; а упади онъ только—и въ полчаса она намела бы надъ нимъ страшный сугробъ снѣгу.

Странникъ уже выбился изъ силъ и едва передвигалъ ноги, самъ не зная, куда идетъ; колѣна его подгибались, мысли путались, чувства переставали дѣйствовать: онъ почти ничего не видѣлъ, не слышалъ. Ему хотѣлось покориться своей судьбѣ: упасть на землю и заснуть, — заснуть, во что бы то ни стало; но онъ понималъ еще смутно, что если поддастся этому желанію, то неминуемо погибнетъ. Еще минутъ десять, съ отчаяніемъ въ душѣ, боролся онъ съ непогодою; съ усиліемъ вытаскивалъ свои ноги изъ глубокаго снѣгу, но мало подвигался впередъ. Наконецъ онъ не выдержалъ и, поручивъ себя милосердію Божію, въ изнеможеніи упалъ на снѣгъ.

Погибъ бы бѣднякъ непремѣнно, еслибъ чья-то сильная рука не подняла его и не повлекла насильно впередъ. Безъ мысли, безъ чувства, машинально шелъ студентъ, куда влекла его невидимая рука, и минутъ черезъ пять очутился передъ огромнымъ, ярко освѣщеннымъ домомъ, откуда неслись звуки музыки и веселые голоса гостей. Студентъ смутно ощущалъ, какъ невѣдомый благодѣтель взвелъ его на крыльцо, отворилъ передъ нимъ двери свѣтлаго дома и почти втолкнулъ его въ большую, теплую и освѣщенную комнату. Переходъ отъ глубокой тьмы къ яркому свѣту былъ такъ неожиданъ, что бѣднякъ студентъ лишился чувствъ и непремѣнно бы упалъ; но встрѣтившіе его люди поддержали его и усадили на диванъ.

Скоро студентъ почувствовалъ, какъ отрадная теплота начинала разливаться по его окоченѣвшимъ членамъ, и открылъ глаза. Передъ нимъ стояла прекрасная женщина; въ своихъ теплыхъ рукахъ отогрѣвала она его оледенѣвшія руки и глядѣла ему прямо въ лицо такъ ласково и нѣжно, что бѣднякъ полюбилъ ее съ перваго взгляда.

— Ты усталъ, бѣдняжка, и вѣрно очень голоденъ, сказала она студенту: поди же за мною, я накормлю тебя.

Студентъ, не говоря ни слова, повиновался этому ласковому голосу: ему казалось, что это былъ голосъ его матери. Въ роскошно-убранной, теплой и свѣтлой комнатѣ, куда прекрасная женщина привела студента, было накрыто множество столовъ, а за столами пировало множество людей. Студенту было неловко войти въ такое многолюдное собраніе въ своемъ старомъ, измокшемъ, изорванномъ платьѣ; но, взглянувъ въ большое зеркало, висѣвшее на стѣнѣ, онъ увидѣлъ, что платье на немъ было уже перемѣнено вѣроятно въ то время, когда онъ лежалъ безъ чувствъ.

—Вотъ мѣсто, которое я тебѣ приготовила, мой милый гость, сказала прекрасная женщина студенту, подводя его къ одному изъ столовъ и указывая на свободный приборъ: садись и кушай.

Студентъ не заставилъ себя долго упрашивать: онъ чувствовалъ силь-

ный голодъ, и кушанья, которыя подавала ему добрая женщина, исчезали мгновенно. Сама же она сидѣла противъ него, облокотясь на столъ и, казалось, наслаждалась его аппетитомъ. Она предлагала ему одно блюдо за другимъ и, когда онъ уже былъ совершенно сытъ, спросила его, не хочется ли ему еще чего нибудь.

— Мнѣ остается только благодарить тебя за твою доброту, за твою материнскую доброту. Скажи, какъ мнѣ называть тебя, моя спасительница?

— Зови меня матерью, если это тебѣ нравится, отвѣчала добрая женщина; а я буду звать тебя сыномъ; но благодарить меня тебѣ не-за что. Все, что я дала тебѣ, не мое: я сама здѣсь такая же гостья, какъ и ты. Но если въ твоемъ сердцѣ говоритъ благодарность, то обратись съ нею къ доброму Господину этого дома, къ тому, кто выстроилъ его для бѣдныхъ странниковъ пустыни, освѣтилъ, обогрѣлъ, приготовилъ въ немъ пищу и питье. Онъ-то и замѣтилъ тебя во мракѣ, подалъ тебѣ руку помощи, ввелъ сюда и поручилъ мнѣ заботиться о тебѣ, какъ о родномъ сынѣ.

— Кто же Господинъ этого дома и гдѣ найти его? Укажи мнѣ его, матушка: сердце мое переполнено благодарностію.

— У тебя хорошее, благодарное сердце, сынъ мой, сказала ему названная мать; но Господинъ этого прекраснаго дома не показывается гостямъ, и никто изъ насъ его не видалъ.

— Какъ же мнѣ поблагодарить его?

— Мы его не видимъ, но онъ насъ видитъ; онъ даже знаетъ, что мы думаемъ и чувствуемъ и теперь уже видитъ твою благодарность. Но мало быть благодарнымъ на словахъ: должно быть благодарнымъ на дѣлѣ.

— Чѣмъ же я, бѣдный студентъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, могу отблагодарить хозяина такого роскошнаго дома? Ты знаешь, что самое платье, которое на мнѣ, — не мое, прибавилъ онъ, краснѣя.

— Не стыдись этого, сынъ мой! Здѣсь всѣ, кого ты видишь, одѣты и накормлены его щедрою рукою; все, что здѣсь есть, принадлежитъ ему; но, тѣмъ не менѣе, ты можешь на дѣлѣ показать свою благодарность Господину дома.

— Скажи же скорѣе—чѣмъ? Что я могу для него сдѣлать? Я всѣмъ ему обязанъ — самою жизнію, и готовъ для него отдать ее!

— Онъ требуетъ очень немногаго, сказала, улыбаясь, добрая женщина: помни только всегда, что ты здѣсь гость; не безчинствуй въ его домѣ, веди себя, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку въ гостяхъ; будь вѣжливъ, ласковъ, услужливъ съ другими гостями, и одолжай каждаго изъ нихъ, чѣмъ можешь: — вотъ и все, чего желаетъ Владыка дома.

— Боже мой! отвѣчалъ студентъ: да это долгъ каждаго порядочнаго человѣка, который пришелъ въ гости и знаетъ, что такое вѣжливость. Но скажи мнѣ, матушка, долго ли я могу пробыть въ этомъ прекрасномъ до-

мѣ? прибавилъ молодой человѣкъ, невольно содрогаясь, потому что въ это самое время онъ поднялъ глаза на окно, въ которое смотрѣла со двора угрюмая, непроглядная ночь.

— Тебѣ еще рано думать объ этомъ, отвѣчала мать: для каждаго изъ гостей рано или поздно приходитъ время опять пуститься въ путь; невидимый крылатый слуга Господина является, налагаетъ свою невидимую руку на того, кому уже пришелъ срокъ, и уводитъ его изъ дому навсегда. Но не бойся, милый сынъ мой, прибавила она, замѣтивъ, что студентъ печально опустилъ голову: у нашего Господина не одинъ, а множество такихъ прекрасныхъ домовъ. Подойди со мною къ окну и взгляни безъ робости въ эту непроглядную тьму. Видишь ли ты, сколько тамъ вдали блеститъ огоньковъ? и числа имъ нѣтъ! Это все такіе же дома, какъ и тотъ, въ которомъ мы теперь гостимъ. Кто ведетъ себя здѣсь, какъ слѣдуетъ порядочному гостю, того невидимый слуга Владыки переноситъ мгновенно въ одинъ изъ этихъ прекрасныхъ домовъ; но кто забываетъ обязанности гостя, того оставляетъ онъ блуждать въ этой мрачной пустынѣ. Нашъ Хозяинъ богатъ, могучъ, мудръ и добръ,—добръ до безконечности. Довѣрься ему какъ довѣряется сынъ любимому отцу, и онъ не покинетъ тебя ни здѣсь, ни тамъ!— прибавила прекрасная женщина, указывая рукою на окно, за которымъ, посреди мрака пустыни, горѣли, какъ звѣздочки, тысячи яркихъ огоньковъ.

Сердце юноши исполнилось живою благодарностію и благоговѣніемъ къ невидимому Владыкѣ дома, и онъ жалѣлъ только объ одномъ, что не можетъ видѣть его — и со слезами благодарности припасть къ его стопамъ.

Прекрасная женщина угадала мысль своего названнаго сына.

— Живи, какъ онъ хочетъ, сказала она; не забывай его никогда и люби его; исполняй его волю; люби его гостей, какъ своихъ братьевъ; служи и помогай имъ, чѣмъ можешь, и ты увидишь его самаго, когда придетъ время.

— Но ты сама видѣла ли его? спросилъ студентъ.

— Я уже сказала тебѣ, что никто изъ живущихъ здѣсь его не видалъ; мы всѣ только гости, смѣнившіе другихъ гостей: пришли не на долго и уйдемъ скоро, уступая свое мѣсто другимъ.

— Откуда же ты узнала все, что говорила мнѣ?

— Прежде всего, отвѣчала она, мнѣ сказало это мое собственное сердце. Я также, какъ и ты, стала отыскивать, кого бы мнѣ поблагодарить за жизнь въ этомъ прекрасномъ домѣ, за тепло, за свѣтъ, за пищу, за все счастье, которое мы здѣсь испытываемъ; скоро нашла я почтеннаго старика, который живетъ здѣсь съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ выстроенъ этотъ домъ, видѣлъ Хозяина лицомъ къ лицу и разсказываетъ о немъ всѣмъ, кто только хочетъ слушать. Вотъ этотъ старикъ! посмотри: онъ идетъ сюда; я хочу тебя съ нимъ познакомить.

Въ это время къ нимъ подошелъ старикъ, сѣдой какъ лунь, но высокій и бодрый. Онъ былъ одѣтъ въ поношенное бархатное платье, похожее на одежду священника, и опирался на толстый костыль. Обнаженное высокое чело его говорило о глубокой мудрости; голубые задумчивые глаза смотрѣли привѣтливо, хотя немного грустно; бѣлая, какъ снѣгъ, борода разстилалась по широкой груди.

— Святой отецъ, сказала старику, цѣлуя его руку, названная мать студента: вотъ сынъ мой; молю тебя не оставь его, какъ не оставлялъ ты меня во всю мою жизнь здѣсь; научи его, чему меня училъ; не допусти его сбиться съ дороги и, когда ударитъ его часъ, приведи его къ Владыкѣ дома; будь ему отцомъ, наставникомъ и другомъ; замѣни ему меня; мой же часъ насталъ.

— Ты знаешь, отвѣчалъ старикъ, глядя ласково на юношу, что я никому не отказываю въ своемъ совѣтѣ и покровительствѣ; но ты знаешь также, что не всѣ хотятъ ими пользоваться. Я надѣюсь впрочемъ, что сынъ твой будетъ похожъ на тебя: тогда мы не разстанемся съ нимъ, и я сдамъ его съ рукъ на руки крылатому слугѣ Владыки.

— Намъ пора разстаться, сказала прекрасная женщина, обращаясь къ студенту; иди за святымъ отцомъ; не оставляй его ни на минуту; онъ покажетъ тебѣ все, что здѣсь есть. Люби его и слушайся, сынъ мой!

Голосъ женщины дрожалъ. Студентъ взглянулъ на нее: лице ея было грустно и страшно — страшно блѣдно.

— Прощай, сказала она ему, протягивая руку, холодную, какъ ледъ. Если ты любишь меня, люби и слушайся его, прибавила она, указывая на старика: прощай, — будь счастливъ!

Студентъ хотѣлъ схватить руку прекрасной женщины, — ему было смертельно жаль разстаться съ нею; но ея уже не было: видно, невидимый слуга Владыки унесъ ее.

Какъ грустно, какъ тяжело стало бѣдному юношѣ! Онъ оглянулся вокругъ: все чужія, незнакомыя лица; одинъ только старикъ стоялъ передъ нимъ и ласково смотрѣлъ на него.

— Пойдемъ сынъ мой, сказалъ онъ юношѣ: я любилъ мать твою и, надѣюсь, мы будемъ друзьями; пойдемъ, я покажу тебѣ все, что здѣсь есть: полюбуйся и восхвали мудрость и доброту Владыки этого дома. Не тоскуй о своей матери; слушайся меня — и ты увидишься съ нею, когда придетъ твое время.

Студентъ пошелъ за старикомъ по безчисленнымъ комнатамъ дома и былъ пораженъ и восхищенъ убранствомъ, роскошью и красотою зданія. Высокіе потолки темно-синяго цвѣта сдѣланы были сводомъ и такъ искусно, что, казалось, уходили въ небо: они были украшены золотыми и серебряными звѣздами и легкія облака были разбросаны по нимъ тамъ-и-

сямъ рукою отличнаго художника. Стѣнъ почти было совершенно невидно: такъ убраны были они роскошными живыми растеніями; многія изъ растеній были въ полномъ цвѣту, другія съ плодами; на вѣткахъ перепархивали рѣдкія птицы. Прекрасныя картины, нарисованныя до того искусно, что глазъ обманывался ими, видны были во множествѣ; фонтаны прохлаждали воздухъ, наполненный ароматами; а полы были устланы дорогими, мягкими коврами. Комнатъ было такое безчисленное множество, что, казалось, и счету имъ не было; дѣйствительно, можно было подумать, что этому великолѣпному зданію нѣтъ предѣловъ, еслибы повсюду въ окна не глядѣла темная непроглядная ночь.

Все, что сдѣлалъ хозяинъ, было удивительно хорошо и показывало его безконечную мудрость и неистощимую доброту; но, Боже мой! какъ странно, какъ неприлично вели себя многіе гости!

Въ одной изъ комнатъ, за большимъ столомъ, десятка два гулякъ безчинствовали до-того, что молодой человѣкъ остановился и съ удивленіемъ посматривалъ то на нихъ, то на своего сѣдаго спутника. Драгоцѣнное вино лилось и по столу, и на полъ; пьяныя, безумныя рѣчи, брань, неистовые крики раздавались громко; нѣкоторые изъ пирующихъ уже лежали подъ столомъ; другіе, задыхаясь отъ обжорства, все еще протягивали руки къ роскошнымъ кушаньямъ и драгоцѣннымъ винамъ.

— Боже мой! сказалъ молодой человѣкъ, отворачиваясь отъ этой сцены и спѣша уйти изъ комнаты за своимъ проводникомъ. Боже мой! какъ должно быть прискорбно Владыкѣ дома смотрѣть на эту отвратительную сцену; видѣть, какъ неприлично, какъ безумно растрачиваются его драгоцѣнные дары.

— О, ему не даровъ своихъ жаль! возразилъ старикъ; богатствамъ его нѣтъ счета: ему жаль этихъ безумцевъ; ему грустно видѣть ихъ развращенныя лица, слышать ихъ безумныя рѣчи; знать, что они позабыли обязанности гостей, и употребляютъ его богатые дары на то, чтобы уподобиться животнымъ.

Въ другой комнатѣ видѣлъ юноша сцену, еще болѣе отвратительную: гости передрались между собою за хозяйскія серебряныя блюда, и до-того разсвирѣпѣли, что здѣсь уже не вино, а кровь лилась рѣкою. Безумцы схватились за ножи, душили другъ друга за горло, и спорили на-смерть за то, что никому изъ нихъ не принадлежало и съ чѣмъ они должны были такъ скоро разстаться навсегда.

Въ одной изъ комнатъ увидѣлъ молодой человѣкъ страннаго, отвратительнаго старика, безуміе котораго превосходило все, что только можно себѣ вообразить: дряхлый, изможденный, дрожащій, едва переводя дыханіе, сидѣлъ онъ въ углу, стараясь прикрыть собою кучу серебряныхъ стакановъ, кубковъ и тарелокъ. Онъ умиралъ отъ голода; но боялся отой-

ти отъ сокровищъ, чтобы кто нибудь не воспользовался его отсутствіемъ и не унесъ ихъ.

— Посмотри, до чего можетъ дойти безуміе человѣческое! сказалъ студенту его сѣдой спутникъ: —черезъ пять минутъ этого старика здѣсь больше не будетъ: онъ не возьметъ съ собою ни одного изъ этихъ серебряныхъ кубковъ, ни одной изъ этихъ золотыхъ чашъ: все останется, его самаго только не будетъ болѣе здѣсь. Но погляди, какими волчьими глазами смотритъ онъ на каждаго, кто только близко подойдетъ къ нему: такъ онъ боится, чтобы кто нибудь не коснулся его сокровищъ.

Не смотря на роскошь и изобиліе, царствовавшія повсюду, молодой человѣкъ съ удивленіемъ видѣлъ множество несчастныхъ оборванныхъ, голодныхъ людей, которые съ завистью смотрѣли на роскошные столы, занятые другими, и часто безъ пользы молили о кускѣ хлѣба.

— Развѣ это не такіе же гости, какъ и всѣ? спросилъ юноша у старика, указывая на этихъ несчастныхъ.

— Да! это такіе же гости, отвѣчалъ старикъ, но ты видишь, какъ поступаютъ съ ними тѣ, кто посильнѣе и попроворнѣе: Владыка дома предоставилъ его въ распоряженіе гостей своихъ,—и вотъ, что они здѣсь дѣлаютъ!

— Но почему же онъ не прогонитъ отсюда такихъ гостей? вскричалъ юноша: зачѣмъ онъ позволяетъ имъ безчинствовать?

— Видишь ли, сынъ мой, онъ любитъ своихъ гостей: онъ знаетъ, какая страшная ночь, какой лютый холодъ и непроглядный мракъ ожидаютъ ихъ за стѣнами этого дома, и ему жаль этихъ безумцевъ: онъ все ждетъ, не исправятся ли они.

Юноша вспомнилъ, что̀ испытывалъ онъ въ открытой степи, и невольно содрогнулся.

— О, да! сказалъ онъ старику, ихъ дѣйствительно жаль; но пойдемъ же къ нимъ, напомнимъ имъ, чѣмъ они были, чѣмъ обязаны хозяину этого дома, и что съ ними будетъ, если они не исправятся.

— Не думай, чтобы они этого не знали, отвѣчалъ старикъ; впрочемъ, слѣдуй внушенію твоего добраго сердца: напоминай имъ ихъ обязанности, напоминай имъ о Владыкѣ дома; старайся помогать тѣмъ, которые страдаютъ; но знай, что при этомъ ты встрѣтишь много препятствій. Чтобы ты могъ судить, какъ Владыка дома любитъ своихъ гостей и какъ сожалѣетъ о нихъ, я разскажу тебѣ, что случилось здѣсь нѣсколько времени тому назадъ. Видя, что безчинство страшно возросло, что гости грабятъ и убиваютъ другъ друга, что сильные притѣсняютъ слабыхъ, что всѣ забыли о томъ, кто хозяинъ всему дому, Владыка послалъ къ нимъ единственнаго сына своего, чтобы тотъ напомнилъ имъ ихъ обязанности, и показалъ примѣромъ, какъ должны они жить. Сынъ Владыки явился сюда подъ видомъ

самаго скромнаго гостя. Онъ не садился за столы съ веселыми и богатыми; но жилъ въ обществѣ бѣдныхъ, помогалъ несчастнымъ, излечивалъ больныхъ, кормилъ голодныхъ, и всѣмъ говорилъ о Владыкѣ дома, всѣхъ хотѣлъ спасти отъ предстоящей имъ злой доли. Во все свое недолгое пребываніе здѣсь онъ не только не обидѣлъ никого, не только чего нибудь не отнялъ у другихъ, но помогалъ всѣмъ, кто только нуждался въ его помощи. Не было и не будетъ здѣсь никого, кто бы велъ себя скромнѣе и смирнѣе сына Владыки дома; онъ говорилъ только о любви, хотѣлъ примирить всѣхъ и всѣхъ обратить къ Отцу своему. Что же, ты думаешь, сдѣлали съ нимъ гости? Озлобленные его словами, въ которыхъ было много горькой для нихъ правды, они собрались и убили сына Владыки, убили за то, что, будучи полновластнымъ властелиномъ всего, онъ жилъ нищимъ, — за то, что онъ помогалъ несчастнымъ, — за то, что онъ хотѣлъ спасти всѣхъ! Поступать, какъ онъ поступалъ, ты не можешь, сынъ мой; но старайся сдѣлать все, что только можешь, изъ того, что онъ дѣлалъ.

Рѣчь старика глубоко запала въ сердце юноши. Кроткій образъ сына Владыки съ тѣхъ поръ стоялъ неотступно передъ его глазами. Вмѣшавшись въ толпу нищихъ, старыхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, студентъ старался помочь всякому, чѣмъ только могъ! Долго ходилъ такъ онъ со старикомъ изъ комнаты въ комнату, помогая бѣднякамъ, стараясь помирить противниковъ, напоминая о Владыкѣ дома всѣмъ тѣмъ, которые о немъ позабыли. Были такіе, на которыхъ подѣйствовали слова и примѣръ юноши, и они исправились; но были и такіе, которые встрѣчали совѣты молодаго человѣка грубо и отвергали ихъ съ презрѣніемъ; другіе бранили дерзкаго выскочку; третьи осыпали его насмѣшками; нашлись даже и такіе между гостями, которые замахивались на юношу, чѣмъ попало: такъ глубоко кололи ихъ слова истины! Но когда гордость молодаго человѣка возмущалась противъ такого обращенія съ нимъ, тогда старикъ, не покидавшій его ни на минуту, напоминалъ ему о сынѣ Владыки дома, который, будучи хозяиномъ всему, безъ злобы выносилъ насмѣшки, брань, побои и вынесъ даже самую смерть отъ тѣхъ, кто жилъ и питался щедрыми дарами его отца.

Страшный шумъ въ одной изъ комнатъ привлекъ вниманіе молодаго человѣка и его сѣдаго спутника. Они заглянули туда, и увидѣли кровопролитную драку. Роскошный столъ былъ опрокинутъ; черепки разбитыхъ блюдъ и вазъ, раскиданная серебряная посуда, обрывки дорогихъ цвѣтовъ попирались ногами дерущихся. Одни изъ гостей отчаянно боролись, другіе вцѣпились другъ другу въ волоса, третьи кусались, какъ волки: у большей части въ рукахъ блестѣли ножи; на полу уже было нѣсколько убитыхъ и множество раненыхъ, и послѣдніе, попираемые безжалостно ногами своихъ братьевъ, страшно вопили. Юноша поблѣднѣлъ, взглянувъ на эту сцену; но болѣе всего поразило его лицо одной женщины, которая, стоя на колѣняхъ,

съ растрепанными волосами, въ изорванномъ и забрызганномъ кровью платьѣ, старалась закрыть собою маленькихъ дѣтей; а они, блѣдныя, дрожащія, прижимались къ ней въ испугѣ. Несчастная мать порывалась было нѣсколько разъ уйти изъ комнаты, но между нею и дверьми шла страшная свалка; надъ головою бѣдняжки поминутно сверкали ножи, и она каждую минуту могла ожидать, что тотъ или другой изъ разъяренныхъ бойцовъ раздавитъ или задѣнетъ ножемъ ея дорогихъ дѣтей. Она вопила, громко призывая хозяина дома.

Юношѣ показалось, что кто-то сказалъ ему въ эту минуту: „иди и спасай!“ Не думая долго онъ пробился сквозь толпу сражающихся и, не замѣчая ударовъ, которые сыпались на него со всѣхъ сторонъ, почти вынесъ на рукахъ бѣдную женщину и ея малютокъ.

Когда они были уже въ другой комнатѣ, то спасенная женщина кинулась на колѣна передъ молодымъ человѣкомъ и, крѣпко прижимая къ груди своихъ дѣтей, со слезами благодарила его за спасеніе. Старикъ, спутникъ молодаго человѣка, былъ тутъ же, смотрѣлъ на юношу, ласково улыбаясь, и говорилъ ему: „ты кончилъ свое дѣло, теперь усни спокойно.“

Въ эту самую минуту студентъ почувствовалъ сильную боль въ груди и, оглянувшись на себя, увидѣлъ, что былъ тяжело раненъ ножемъ въ грудь и изъ широкой раны обильно струилась горячая кровь. Ноги подкосились у молодаго человѣка, и онъ непремѣнно упалъ бы на полъ, еслибъ старикъ не поддержалъ его на своей широкой груди.

— Я умираю, подумалъ молодой человѣкъ, и въ это самое мгновеніе увидѣлъ передъ собою крылатаго юношу ослѣпительной красоты, одѣтаго въ бѣлыя ризы, блестящія, какъ снѣгъ. Крылатый юноша протягивалъ молодому человѣку руку и говорилъ ему: „ты кончилъ свое дѣло, пойдемъ за мною; — Владыка дома зоветъ тебя.“

Невыразимо пріятное чувство разлилось по всему существу умирающаго: онъ затрепеталъ и вскрикнулъ отъ восторга, вскрикнулъ..... и проснулся!

Передъ нимъ, вмѣсто ангела, стояла его добрая сестра и держала его за руку; голова его дѣйствительно покоилась на груди отца, стараго священника, а мать, съ младшими братьями, стоя на колѣняхъ передъ образами, молилась Богу, чтобы Онъ возвратилъ ей ея старшаго сына. На столѣ, у образовъ, передъ которыми теплилась лампадка, лежала Библія въ истертомъ бархатномъ переплетѣ.

— Слава Богу, ты наконецъ очнулся, сказала сестра, увидѣвъ, что братъ ея открылъ глаза.

Нужно ли говорить, въ какомъ восторгѣ была вся семья?

Молодой человѣкъ, идя по степи, изнемогъ и упалъ; онъ вѣроятно погибъ бы; но одинъ крестьянинъ, ѣхавшій въ это время въ степи, поднялъ

его. Узнавъ въ безчувственномъ молодомъ человѣкѣ сына своего священника, добрый мужичокъ привезъ его домой, прямо къ отцу; но не раньше, какъ черезъ часъ, успѣли привести студента въ чувство.

Молодой человѣкъ жилъ долго послѣ этого, но никогда не забывалъ своего сна: ему всегда казалось, что весь этотъ міръ не болѣе, какъ гостинница, за дверьми которой ждетъ насъ ея невидимый хозяинъ.

Окончивъ курсъ семинаріи, студентъ сдѣлался священникомъ и былъ благодѣтелемъ своего прихода; всѣ несчастные, бѣдные, калѣки видѣли въ немъ истиннаго отца. Онъ не щадилъ денегъ на добрыя дѣла, и хотя самъ былъ бѣденъ, но раздавалъ все, что имѣлъ. Когда сосѣди и знакомые упрекали его въ такой, какъ они говорили, безразсудной щедрости, то онъ всякій разъ отвѣчалъ имъ:

— Все это не мое и не ваше; все это принадлежитъ Хозяину земли; всѣ мы здѣсь гости и должны помогать другъ другу.

Такъ глубоко врѣзался сонъ въ его душу.

ИСТИННО ХРИСТІАНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Въ одной изъ гористыхъ мѣстностей Франціи, посреди скалистыхъ Вогезовъ, вдали отъ богатыхъ городовъ и большихъ путей сообщенія, расположено нѣсколько деревень, составляющихъ одинъ округъ, который и носитъ названіе *Скалистаго*. Жители этого округа, лѣтъ семдесятъ тому назадъ, отличались бѣдностью, невѣжествомъ, предразсудками, грубостью нравовъ и вообще были очень несчастны. Они лѣниво обработывали свои покрытыя камнями поля, не знали никакихъ ремеслъ, рѣдко сообщались съ остальнымъ міромъ по причинѣ дурныхъ и опасныхъ горныхъ дорогъ, не имѣли ни садовъ, ни порядочныхъ огородовъ, ни больницъ, ни школъ,—и толпы нищихъ осаждали рѣдкаго путешественника, попадавшаго случайно въ эту полудикую страну.

Въ этотъ-то глухой округъ, въ 1767-мъ году, назначенъ былъ священникомъ Жанъ Фридрихъ Оберлейнъ, человѣкъ еще очень молодой, сынъ бѣднаго учителя страсбургской гимназіи, получившій, впрочемъ, отличное воспитаніе. Прибывъ на мѣсто, въ мѣстечко Вальдбахъ, гдѣ стоялъ скромный священническій домъ, Жанъ Оберлейнъ скоро убѣдился въ жалкомъ положеніи своихъ прихожанъ, жившихъ какъ въ Вальдбахѣ, такъ и въ окрестныхъ деревняхъ. Другой, быть можетъ, искалъ бы случая убѣжать изъ такой глуши; но молодой священникъ думалъ, что здѣсь-то именно и нужна его дѣятельность, и положилъ цѣлью своей жизни: извлечь несчастныхъ горцевъ изъ ихъ жалкаго состоянія.

— „Прежде всего надобно ихъ учить,“ сказалъ самъ себѣ Оберлейнъ: „люди, лишенные образованія, не могутъ понимать даже и собственной

своей пользы; и такъ съ учрежденія школы должно начать преобразованіе моего прихода."

Но невѣжество горныхъ жителей было такъ велико, что когда Оберлейнъ купилъ для постройки школьнаго дома кусокъ земли въ Вальдбахѣ, то прихожане допустили его приступить къ постройкѣ школы не иначе, какъ получивъ отъ него формальное обязательство, что онъ не будетъ требовать отъ нихъ денегъ на содержаніе школы. Оберлейнъ далъ это обязательство, и тридцать лѣтъ содержалъ школу изъ своихъ собственныхъ, всегда очень скудныхъ средствъ. Но въ продолженіе этого времени школа, основанная Оберлейномъ, оказала свое дѣйствіе: прихожане поняли пользу ученья и уже сами учредили мало по малу пять школъ въ различныхъ деревняхъ своего округа.

Но не одно обученіе дѣтей занимало Оберлейна: онъ скоро сдѣлался ангеломъ-хранителемъ всѣхъ несчастныхъ своего прихода. То онъ являлся утѣшителемъ въ семейства, пораженныя какимъ нибудь горемъ, то исправлялъ увѣщаніями людей, увлекшихся какими нибудь дурными стремленіями; то помогалъ бѣднымъ, то посѣщалъ больныхъ. Ни дурная погода, ни опасности пути не могли удержать его, когда онъ шелъ на какое нибудь доброе дѣло. Нерѣдко горцы видали, какъ Оберлейнъ, поздно вечеромъ, верхомъ на своей лошадкѣ, отправлялся въ Страсбургъ, до котораго было десять миль очень труднаго и опаснаго пути. Тамъ цѣлый день онъ хлопоталъ безъ устали по дѣламъ своего прихода, и чтобы не терять даромъ драгоцѣннаго времени, возвращался домой снова поздно вечеромъ; а рано поутру онъ уже разносилъ по больнымъ лекарства, купленныя въ городѣ.

Но минутной помощью тѣмъ, которые въ ней нуждались, Оберлейнъ не ограничился. Онъ хотѣлъ по возможности уничтожить самыя причины бѣдствій, и старался вводить между своими прихожанами разныя полезныя учрежденія.

Понятно само собою, что нововведенія, которыя задумывалъ Оберлейнъ, встрѣчали сильное сопротивленіе въ людяхъ, загрубѣвшихъ въ своей невѣжественной жизни, и они часто осыпали Оберлейна не только насмѣшками, но и угрозами. Но пасторъ побѣдилъ всѣ эти препятствія своею твердостью, хладнокровіемъ, благоразуміемъ, и современемъ самые жаркіе его противники сдѣлались самыми ревностными его сотрудниками въ дѣлѣ преобразованія.

Сообщеніе между жилыми мѣстами прихода было очень затруднительно: Оберлейнъ уговорилъ прихожанъ исправить дороги; но у пастора былъ планъ еще болѣе обширный: нужно было проложить удобный выходъ изъ скалистаго округа до большой дороги въ Страсбургъ; сдѣлать это было очень трудно; однакоже неутомимый пасторъ не испугался затрудненій. Вооружившись самъ ломомъ, онъ прилежно принялся за работу; примѣръ его подѣйствовалъ на всѣхъ, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ прекрасная дорога,

версты въ три длиною, открыла для жителей прихода удобное сообщеніе съ остальнымъ міромъ. Рѣчка Ла Брёшь, сбѣгая быстро съ горъ, не имѣла опредѣленнаго русла и затопляла поля: пасторъ и прихожане вырыли ей русло и построили на ней нѣсколько мостовъ.

Чтобы избавить жителей Скалистаго округа отъ бѣдности, Оберлейнъ старался улучшить хозяйство крестьянъ: подъ его руководствомъ, они очистили поля отъ камней, и теперь эти камни, мѣшавшіе прежде хлѣбопашеству, показываютъ границы полей и ограждаютъ посѣвы отъ скота. Оберлейнъ сообщалъ молодымъ людямъ полезныя свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ и постановилъ правиломъ, чтобы каждый молодой человѣкъ, прежде чѣмъ будетъ допущенъ въ первый разъ къ св. причащенію, посадилъ собственными своими руками, по крайней мѣрѣ, два дерева. Земледѣльцы съ большимъ трудомъ и съ большими издержками доставали земледѣльческія орудія: пасторъ устроилъ лавку, гдѣ необходимыя для земледѣльца орудія продавались по возможно дешевой цѣнѣ и притомъ въ долгъ. Крестьяне Скалистаго округа знали только дикую яблонь: Оберлейнъ собственнымъ примѣромъ побудилъ ихъ воспитывать плодовыя деревья лучшихъ сортовъ; а чтобъ побѣдить ихъ отвращеніе къ этому нововведенію, собственными руками развелъ садъ у самой дороги, такъ что всѣ, проходя мимо, могли видѣть плоды его трудовъ. Земля, истощенная невѣжественною обработкою, плохо вознаграждала трудъ земледѣльца: Оберлейнъ научилъ крестьянъ удобрять землю; улучшилъ породу домашняго скота, ввелъ искуственные луга и искусственное орошеніе. Картофель, главная пища жителей, на плохой землѣ выродился совершенно: Оберлейнъ выписалъ новыя сѣмена изъ Швейцаріи и Голландіи, и картофель сдѣлался главнымъ предметомъ торговли для жителей Скалистаго округа. Оберлейнъ ввелъ посѣвъ клевера и выписалъ лучшія льняныя сѣмена изъ Риги. Всякое нововведеніе онъ прежде испытывалъ самъ; а чтобы поддерживать улучшенія, устроилъ изъ крестьянъ общество сельскаго хозяйства.

Ремесла почти были неизвѣстны жителямъ Скалистаго округа: Оберлейнъ уговорилъ нѣсколькихъ родителей отдать своихъ дѣтей въ ученье различнымъ ремесленникамъ. Онъ ввелъ пряжу хлопчатой бумаги, и этимъ занятіемъ поправилъ очень скоро состояніе жителей.

Во время болѣзней, жители Скалистаго округа оставались безъ всякой помощи; не было ни лекарствъ, ни медиковъ: Оберлейнъ завелъ аптеку въ собственномъ своемъ домѣ, гдѣ лекарства раздавались даромъ, и послалъ одного смышленнаго молодаго человѣка въ Страсбургъ учиться медицинѣ и хирургіи, а нѣсколькихъ женщинъ пріучилъ ходить за больными; кромѣ того онъ распространилъ между крестьянами свѣдѣнія, какъ помогать утопленникамъ, замерзшимъ и задохшимся. Пожары часто истребляли жилища

крестьянъ, — и Оберлейнъ завелъ нѣсколько пожарныхъ инструментовъ: крючья, лѣстницы, пожарныя трубы.

Въ этой отдаленной и мало извѣстной мѣстности, заброшенной въ средину Вогезскихъ горъ, Оберлейнъ ввелъ множество такихъ учрежденій, облегчающихъ жизнь человѣка, которыя мало были распространены тогда даже въ самыхъ богатыхъ странахъ. Такъ, напримѣръ, онъ учредилъ сберегательную кассу съ тѣмъ условіемъ, что тотъ, кто хочетъ принять въ ней участіе, долженъ посылать своихъ дѣтей въ школу. Изъ этой кассы деньги раздавались въ долгъ безъ заклада и процентовъ, чѣмъ мало по малу было совершенно уничтожено нищенство въ Скалистомъ округѣ. Чтобы поддерживать и распространять между крестьянами образованіе, Оберлейнъ завелъ *странствующую* библіотеку, и первый подалъ примѣръ тѣхъ странствующихъ библіотекъ, которыхъ теперь такъ много развелось въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ.

Всѣ дни своей долгой жизни посвящалъ Оберлейнъ благу своихъ прихожанъ и во всемъ приходѣ не было радости, которой онъ хотя отчасти не былъ бы виновникомъ; не было горя, котораго бы онъ не облегчилъ по возможности; не было ссоры, въ которой бы онъ не былъ посредникомъ и примирителемъ. Его безчисленныя благодѣянія пріобрѣли ему такое уваженіе и такую любовь прихожанъ, что всѣ повиновались ему, какъ отцу; онъ пріобрѣлъ большую власть надъ ихъ умами, и былъ между ними самымъ могущественнымъ законодателемъ. Вотъ поразительный примѣръ его могущества: когда ассигнаціи потеряли во Франціи всякую цѣну, отчего многіе раззорились совершенно и впали въ нищету, Оберлейнъ своимъ авторитетомъ поддержалъ цѣнность ассигнацій въ Скалистомъ округѣ. Не желая, чтобы ущербъ, происходящій отъ упадка ассигнацій, упалъ на нѣкоторыхъ, но разложился понемногу на все народонаселеніе, Оберлейнъ постановилъ, чтобы ассигнація, переходя изъ рукъ въ руки, уменьшалась въ цѣнѣ своей на десять сантимовъ при каждомъ переходѣ.

Нужно-ли говорить, что всѣ жители прихода видѣли въ Оберлейнѣ своего отца и благодѣтеля? Они и не называли его иначе, какъ отцомъ. Когда же, удрученный годами, онъ не могъ уже болѣе взбираться на скалы, чтобы посѣщать деревни своего прихода,—тогда крестьяне возили его на смирной и спокойной лошадкѣ, и день, когда Оберлейнъ посѣщалъ какую нибудь деревню, былъ для нея праздникомъ.

Оберлейнъ прожилъ 86-ть лѣтъ и до конца своей жизни сохранилъ въ полной свѣжести всѣ свои душевныя силы, хотя ослабѣвшее тѣло и отказывалось уже служить ему.

1826 года 1-го іюня, въ шесть часовъ утра, еще разъ помолившись за своихъ дорогихъ прихожанъ, патріархъ Скалистаго округа уснулъ вѣчнымъ сномъ. Общая горесть и общій трауръ проводили его до могилы. Памятникъ,

изваянный знаменитымъ художникомъ и представляющій добрыя, кроткія черты истинно великаго человѣка, стоитъ теперь въ вальдбахской церкви; но и безъ этого памятника жители Скалистаго округа не забудутъ никогда Жана Оберлейна.

Вотъ, друзья мои, біографія истинно великаго человѣка, болѣе великаго, чѣмъ всѣ возможные Цезари, Наполеоны, Августы и Александры Македонскіе!

А какъ сильно и благодѣтельно дѣйствовалъ на прихожанъ высокій примѣръ истинно-христіанской жизни пастора! Одна шестнадцатилѣтняя крестьянка Скалистаго округа, Луиза Шеплеръ, хотя имѣла свое состояніе и могла бы жить самостоятельно, но поступила въ услуженіе къ Оберлейну и, не получая никакой платы за свою службу, около пятидесяти лѣтъ была самою ревностною исполнительницею его добрыхъ намѣреній; а послѣ смерти Оберлейна еще долго оставалась ангеломъ-утѣшителемъ для цѣлаго округа. Имя Луизы Шеплеръ, несмотря на ея скромныя обязанности, должно сохраниться въ исторіи, потому что она, пораженная тѣмъ, что дѣти, по уходѣ родителей на полевыя работы, остаются совершенно однѣ безъ всякаго призора, — изобрѣла *дѣтскіе пріюты*, и это благодѣтельное учрежденіе быстро распространилось по всей Европѣ. Какъ было бы хорошо, если бы и въ наши деревни, гдѣ дѣти, предоставленные самимъ себѣ, часто производятъ пожары, дѣлаются сами калѣками на всю жизнь и портятъ другъ друга нравственно, проникло благодѣтельное учрежденіе Луизы Шеплеръ,—и дѣти, собираясь въ одинъ домъ, подъ присмотръ какой нибудь доброй и умной женщины, проводили бы время не только безъ вреда для себя, но даже и съ пользою: пріучались къ порядку, опрятности, и играя, учились читать и писать. Сколько уже по всей Европѣ спасено дѣтей — изобрѣтеніемъ смиренной служанки Оберлейна!

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ РѢКУ.

Молодой человѣкъ, еще никогда не ѣздившій по водѣ, подошелъ къ берегу широкой и быстрой рѣки и попросилъ лодочника, чтобы тотъ перевезъ его на другую сторону. Деревня, куда нужно было прійти юношѣ, лежала на другой сторонѣ, какъ-разъ противъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ; но перевозчикъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать, куда хотѣлъ молодой человѣкъ, сталъ подыматься вверхъ по рѣкѣ и давно уже миновалъ деревню. — „Куда же ты ѣдешь, пріятель?“ спросилъ его юноша. — „Прямо туда, куда нужно,“ отвѣчалъ перевозчикъ. — „Если это называется прямо,“ сказалъ юноша, „то я ужь и не знаю, что значитъ криво. Если мы будемъ все такъ ѣхать, то пристанемъ шаговъ за пятьсотъ отъ деревни.“ — „Да мой добрый баринъ, еслибъ мы все *такъ* ѣхали,“ возразилъ перевозчикъ; „но когда мы выѣдемъ на середину рѣки, то сильное теченіе снесетъ насъ да-

леко внизъ. Мой покойный батюшка, дай Богъ ему царство небесное, говаривалъ часто: хорошій перевозчикъ, который хочетъ переѣхать прямо черезъ рѣку, точно также, какъ и хорошій христіанинъ, должны поставить себѣ цѣль повыше: одного снесетъ внизъ теченіе воды, а другаго теченіе жизни.“ И дѣйствительно, подъѣзжая къ другому берегу, перевозчикъ долженъ былъ употребить всѣ свои силы, чтобы не пристать ниже деревни. Выходя изъ лодки, молодой человѣкъ заплатилъ перевозчику двойную плату. — „Вотъ, тебѣ,“ сказалъ онъ, „за перевозъ и за добрый совѣтъ.“

СМЕРТЬ И СОНЪ.

Обнявшись по-братски, пролетали надъ землею Ангелъ смерти и Ангелъ сна. Это было вечеромъ и они остановились на холмѣ, невдалекѣ отъ людскихъ жилищъ. Кругомъ царствовала глубокая тишина. Тихо, молча, сидѣли оба благодѣтельные генія человѣчества. Ночь наступала.

Тогда поднялся Ангелъ сна на своихъ крыльяхъ и началъ неслышимо сѣять вокругъ невидимыя сѣмена дремоты. Вечерній вѣтерокъ понесъ ихъ къ тихимъ жилищамъ усталыхъ крестьянъ, — сладкій сонъ обнялъ жителей мирныхъ хижинъ: отъ старика, опирающагося на посохъ, до груднаго младенца, лежащаго въ колыбели, все наслаждалось сномъ. Больной забылъ свою болѣзнь, печальный — свое горе, бѣднякъ — свои заботы. Окончивъ свое дѣло, благодѣтельный Ангелъ сна воротился къ своему грустному брату. — „Когда настанетъ утро,“ сказалъ онъ, веселый и счастливый, „тогда поблагодарятъ меня люди, какъ своего друга и благодѣтеля. О, какъ пріятно незримо, въ тиши, разсыпать благодѣянія! Какъ счастливы мы съ тобою, милый братъ! Какъ прекрасно наше назначеніе!“ Такъ говорилъ дружественный Ангелъ сна. Ангелъ смерти посмотрѣлъ на брата съ горестью и слезы заблистали въ его большихъ темныхъ глазахъ. — „Ахъ!“ сказалъ онъ: „почему и я вмѣстѣ съ тобою не могу наслаждаться благодарностію людей? Жители земли зовутъ меня самымъ страшнымъ врагомъ своимъ!“ — „О, братъ мой!“ отвѣчалъ Ангелъ сна, „но развѣ, пробудившись, они не вспомнятъ тебя съ благодарностію и не пошлютъ тебѣ благословенія, какъ своему другу и благодѣтелю? Развѣ мы не братья съ тобою и не посланники одного и того же Небеснаго Отца?“

Такъ говорилъ Ангелъ сна и оба брата обнялись еще нѣжнѣе.

КОРОНА СТАРОСТИ.

На разумной и почтенной головѣ сѣдые волосы составляютъ прекрасную корону. Три глубокіе, сѣдые старика собрались разъ вмѣстѣ и разсказывали своимъ дѣтямъ, почему Богъ довелъ ихъ до такихъ лѣтъ. Одинъ изъ нихъ, священникъ и учитель, сказалъ: „я никогда не тяготился своею должностію и когда благословлялъ, то благословлялъ отъ всей души; вотъ

почему я дожилъ до такой старости.“ — Другой, купецъ, сказалъ: „я никогда не обогащался на счетъ моего ближняго и ничье проклятіе не тревожило моего сна; я охотно помогалъ бѣднымъ: и вотъ почему Господь подарилъ мнѣ такую старость.“ — Третій, судья, сказалъ: „я никогда не бралъ взятокъ и всегда старался узнать правду, какъ бы мнѣ это ни было трудно; вотъ почему благословилъ меня Господь глубокою старостью.“

Тогда подошли къ старикамъ ихъ дѣти и внуки и увѣнчали ихъ сѣдые волосы цвѣтами. Отцы благословили своихъ потомковъ и сказали: „пусть ваша старость будетъ подобна вашей юности! пусть ваши дѣти и внуки будутъ и для васъ цвѣтущимъ розовымъ вѣнкомъ на сѣдыхъ волосахъ.“

Старость есть прекрасный вѣнецъ жизни; но этого вѣнца достигаетъ только тотъ, кѣмъ управляютъ всю жизнь — умѣренность, справедливость и мудрость.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

День былъ осенній и пасмурный. Прибывъ на станцію, съ которой должно было мнѣ своротить на Горохино (такъ называлась наша деревня), нанялъ я вольныхъ и поѣхалъ проселочною дорогой. Хотя я нрава отъ природы тихаго, но нетерпѣніе увидѣть вновь мѣста, гдѣ провелъ я лучшіе свои годы, такъ сильно овладѣло мной, что я поминутно погонялъ моего ямщика; ямщикъ погонялъ свою тройку, но мнѣ казалось, что онъ, по обыкновенію ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутомъ, все-таки затягивалъ возжи. Наконецъ я завидѣлъ Горохинскую рощу и черезъ десять минутъ въѣхалъ на барскій дворъ; сердце мое сильно билось: я смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ необыкновеннымъ; восемь лѣтъ не видалъ я Горохина. Березки, которыя при мнѣ посажены были около забора, выросли и стали теперь высокими, вѣтвистыми деревами. Дворъ, нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками, межъ которыхъ шла широкая дорога, усыпанная пескомъ, теперь обращенъ былъ въ некошеный лугъ, на которомъ паслась бурая корова. Бричка моя остановилась у передняго крыльца. Человѣкъ пошелъ отворить двери, но онѣ были заколочены, хотя ставни открыты и домъ казался обитаемымъ. Баба вышла изъ людской избы и спросила, кого мнѣ надобно. Узнавъ, что баринъ пріѣхалъ, она снова побѣжала въ избу, и вскорѣ вся дворня меня окружила. Я былъ тронутъ до глубины сердца, увидя знакомыя и незнакомыя мнѣ лица и дружески со всѣми ими цѣлуясь: мои потѣшные мальчишки были мужиками, а дѣвочки, нѣкогда сидѣвшія на полу для посылокъ, замужними бабами. Мужчины плакали. Женщинамъ говорилъ я безъ церемоніи: „какъ ты постарѣла.“ И мнѣ отвѣчали съ чувствомъ: „какъ вы-то, батюшка, подурнѣли!“ Повели меня на заднее крыльцо; на встрѣчу мнѣ вышла моя кормилица и обняла меня съ плачемъ и рыданіемъ, какъ многострадальнаго

Одиссея. Побѣжали топить баню. Поваръ, давно въ бездѣйствіи отростившій себѣ бороду, вызвался приготовить мнѣ обѣдъ или ужинъ, ибо уже смеркалось. Тотчасъ очистили мнѣ комнаты, въ коихъ жила кормилица съ дѣвушками покойной матушки. Такъ очутился я въ смиренной отеческой обители и заснулъ въ той самой комнатѣ, въ которой за двадцать три года родился.

А. Пушкинъ.

ПЕРВЫЕ КАНИКУЛЫ ГИМНАЗИСТА.

Мы кое-какъ пообѣдали и сейчасъ принялись укладываться. Намъ какъ-то страшно было оставаться въ К — и, и каждый часъ промедленія казался долгимъ днемъ; къ вечеру все было готово. Вечеръ наступилъ теплый, совершенно лѣтній, и мы съ матерью легли спать въ каретѣ. На разсвѣтѣ, безъ всякаго шума, заложили лошадей и, не разбудивъ меня, тихо выѣхали изъ К—и. Когда я проснулся, яркое солнце свѣтило въ карету. Это было 19 мая, день рожденія моей милой сестры. Прекрасное, даже жаркое, весеннее утро настоящаго майскаго дня обливало горячимъ свѣтомъ всю природу. Въ окна кареты заглянули зеленыя, молодыя хлѣбныя поля, луга и лѣса; мнѣ такъ захотѣлось окинуть глазами всѣ края далекаго горизонта, что я попросилъ остановиться, выскочилъ изъ кареты и началъ и бѣгать и прыгать, какъ самое рѣзвое пятилѣтнее дитя; тутъ только я вполнѣ почувствовалъ себя на свободѣ. Мать любовалась, глядя на меня изъ кареты. Я обнялъ Евсеича и Ѳедора*), поздоровался съ кучеромъ и форрейторомъ, который успѣлъ сказать мнѣ, что рыба начинала шибко клевать, когда онъ уѣзжалъ изъ Аксакова. Я поздоровался также со всѣми лошадьми; Евсеичъ взялъ меня на руки, поднялъ, и я погладилъ каждую изъ нихъ. Это былъ славный шестерикъ, бурой и караковой масти, такой породы лошадей, о какой давно и слуху нѣтъ въ Оренбургской губерніи; но лѣтъ двадцать помнили ее и говорили о ней. Дѣдушка мой вывелъ такую породу; лошади были крупныя, четырехъ-вершковыя, сильныя до невѣроятности, рысистыя, не задушливыя на бѣгу и не знавшія устали. Въ тяжелыхъ экипажахъ дѣлали на нихъ по 80 и по 90 верстъ въ день. Боже мой, какъ было мнѣ весело! Насилу усадили меня въ карету, но я высунулся въ окошко и ѣхалъ такъ до самой кормежки, радостными восклицаніями привѣтствуя все, что попадалось на дорогѣ. Наконецъ сверкнула полоса воды — это была рѣка Мёша, не очень большая, но глубокая и чрезвычайно рыбная; по ней ходилъ довольно плохой плотъ на веревкѣ. Мы переправлялись долго: лошадей ставили только по одной парѣ, а карету едва перевезли; ее облегчили отъ сундуковъ и другихъ тяжестей, и несмотря на то, плотъ погружался въ воду. Мы съ матерью переѣхали прежде

*) Евсеичъ—дядька мальчика, отправляющагося въ деревню родителей, а Ѳедоръ—слуга.

всѣхъ на другой берегъ; цвѣтущая и душистая урема покрывала его. Я не помнилъ себя отъ восхищенія. Запасливый форрейторъ, страстный охотникъ удить, взялъ съ собою изъ деревни совсѣмъ готовую удочку съ удилищемъ, которая и была привязана подъ каретой къ дрожинѣ; ее сейчасъ отвязали, и покуда совершалась переправа, я уже удилъ на хлѣбъ и таскалъ плотву. Кромѣ Дёмы, я не видывалъ рѣки рыбнѣе Мёши; рыба кипѣла въ ней, какъ говорится, и такъ брала, что только успѣвай закидывать. Мудрено ли, что послѣ освобожденія изъ гимназическаго плѣна, эта кормежка показалась мнѣ блаженствомъ! На оставленномъ нами берегу находилась чья-то господская деревня; тамъ достали овса, сѣна, курицу, яицъ и всѣ нужные припасы. Какой обѣдъ на дорожномъ таганѣ приготовилъ намъ Евсеичъ, который былъ немножко и поваръ! Сковорода жареной рыбы также показалась очень вкуснымъ блюдомъ. Мы уже отъѣхали тридцать верстъ отъ К — ни, кормили четыре часа и пустились въ дальнѣйшій путь. Набѣжали тучи, загремѣлъ громъ, дождь вспрыснулъ землю, и ѣхать было не жарко и не пыльно; сначала ѣхали шагомъ, а потомъ бѣжали такою рысью, что уѣзжали болѣе десяти верстъ въ часъ. Скоро небо прояснилось и великолѣпное солнце осушило слѣды дождя; мы отъѣхали еще сорокъ верстъ и остановились ночевать въ полѣ, потому что на кормежкѣ запаслись всѣмъ нужнымъ для ночевки. Опять множество новыхъ удовольствій, новыхъ наслажденій! Выпрягли, спутали лошадей и пустили ихъ на сочную молодую траву; развели яркій огонь, наложили дорожный самоваръ, то-есть огромный чайникъ съ трубою, постлали кожу возлѣ кареты, поставили погребецъ и подали чай. Какъ онъ былъ хорошъ на свѣжемъ вечернемъ воздухѣ! Черезъ два часа напоили остывшихъ коней, разбили хребтуги съ овсомъ, привязавъ ихъ къ дышлу и вколоченнымъ въ землю кольямъ, и припустили къ овсу лошадей. Мы съ матерью улеглись въ каретѣ, и сладко заснулъ я, слушая, какъ жевали кони овесъ и фыркали отъ попадавшей въ ноздри пыли. На другой день поутру мы переправились немного повыше Шурана, черезъ Каму, которая была еще въ разливѣ. Я боялся (и теперь боюсь) большой воды: а тогда дулъ порядочный вѣтеръ. На перевозѣ оказалась *посуда**) большая и новая: на одну завозню поставили всѣхъ лошадей и карету; меня заперли въ нее, опустили даже гардинки и подняли жалюзи, чтобъ я не видалъ волнующейся воды; но я сверхъ того закуталъ голову платкомъ и все-таки дрожалъ отъ страха во все время переправы; дурныхъ послѣдствій не было. Весенняя пристань находилась еще въ Мурзихѣ; лѣтомъ она спускалась нѣсколько верстъ ниже. Мать отыскала въ Мурзихѣ своихъ провожатыхъ; она всѣмъ привезла хорошіе гостинцы: подарки были приняты безъ удивленія, но съ удоволь-

*) Такъ называются завозни, досчаники, паромы и проч.

ствіемъ и благодарностью. Мы проѣхали еще пятнадцать верстъ до мѣста своей кормежки. Такъ продолжался нашъ путь, и на пятый день пріѣхали мы ночевать въ деревню, Татарскій Байтуганъ, лежащую на рѣкѣ Сокъ, всего въ двадцати верстахъ отъ Аксакова. Рѣка Сокъ также очень рыбна; но боясь вечерней сырости, мать не пустила меня поудить, а форрейторъ сбѣгалъ и принесъ нѣсколько окуней и плотицъ. Поднявшись съ ночлега, по обыкновенію на зарѣ, мы имѣли возможность не заѣхать въ село Неклюдово, гдѣ жили родные намъ по бабушкѣ, Кальминскіе и Луневскіе; а также и въ Бахметевку, гдѣ недавно поселился новый помѣщикъ Осоргинъ съ молодою женою: и мы, и они еще спали во время нашего проѣзда. Версты за четыре до Аксакова, на самой межѣ нашего владѣнія, я проснулся, точно кто разбудилъ меня; когда проѣхали мы между Липовымъ и Общимъ Колкомъ и выѣхали на склонъ горы, должно было немедленно открыться наше Аксаково, съ огромнымъ прудомъ, мельницей, длиннымъ порядкомъ избъ, домовъ и березовыми рощами. Я безпрестанно спрашивалъ кучера: „не видно ли деревни?“ И когда онъ сказалъ наконецъ, наклонясь къ переднему окошку: „вотъ наше Аксаково, какъ на ладонкѣ,“—я сталъ такъ убѣдительно просить мою мать, что она не могла отказать мнѣ, и позволила сѣсть съ кучеромъ на козлахъ. Не берусь передать, что чувствовало мое сердце, когда я увидѣлъ милое мое Аксаково! Нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ для выраженія такихъ чувствъ!... *С. Аксаковъ.*

ЕРМОЛАЙ и ЕГО ВАЛЕТКА.

Мы съ Ермолаемъ отправились на охоту, но, извините, господа; я долженъ васъ сперва познакомить съ Ермолаемъ.

Вообразите себѣ человѣка лѣтъ сорока пяти, высокаго, худаго, съ длиннымъ и тонкимъ носомъ, узкимъ лбомъ, сѣрыми глазами, взъерошенными волосами и широкими, насмѣшливыми губами. Этотъ человѣкъ ходилъ и зиму и лѣто въ желтоватомъ нанковомъ кафтанѣ нѣмецкаго покроя, но подпоясывался кушакомъ; носилъ синіе шаровары и шапку со смушками, подаренную ему, въ веселый часъ, раззорившимся помѣщикомъ. Къ кушаку привязывались два мѣшка, одинъ спереди, искусно перекрученный на двѣ половины, для пороху и для дроби, — другой сзади — для дичи; хлопки же Ермолай доставалъ изъ собственной, повидимому, неистощимой шапки.

Онъ бы легко могъ на деньги, вырученныя имъ за проданную дичь, купить себѣ патронташъ и суму, но ни разу даже не подумалъ о подобной покупкѣ, и продолжалъ заряжать свое ружье по-прежнему, возбуждая изумленіе зрителей искусствомъ, съ какимъ онъ избѣгалъ опасности просыпать или смѣшать дробь и порохъ. Ружье у него было одноствольное, съ кремнемъ, одаренное притомъ скверной привычкой жестоко „отдавать,“ отчего у Ермолая правая щека всегда была пухлѣе лѣвой. Какъ онъ попадалъ изъ

этого ружья — и хитрому человѣку не придумать, но попадалъ. Была у него и лягавая собака, по прозванію Валетка, преудивительное созданіе. Ермолай никогда ее не кормилъ. „Стану я пса кормить, разсуждалъ онъ:— притомъ песъ — животное умное, самъ найдетъ себѣ пропитанье.“ И, дѣйствительно: хотя Валетка поражалъ даже равнодушнаго прохожаго своей чрезмѣрной худобой, но жилъ и долго жилъ; даже, не смотря на свое бѣдственное положеніе, ни разу не пропадалъ и не изъявлялъ желанія покинуть своего хозяина. Замѣчательнѣйшимъ свойствомъ Валетки было его непостижимое равнодушіе ко всему на свѣтѣ. Онъ обыкновенно сидѣлъ подвернувши подъ себя свой куцый хвостъ, хмурился, вздрагивалъ по временамъ и никогда не улыбался. (Извѣстно, что собаки имѣютъ способность улыбаться, и даже очень мило улыбаться). Онъ былъ крайне безобразенъ, и ни одинъ праздный дворовый человѣкъ не упускалъ случая ядовито насмѣяться надъ его наружностью; но всѣ эти насмѣшки и даже удары Валетка переносилъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Особенное удовольствіе доставлялъ онъ поварамъ, которые тотчасъ отрывались отъ дѣла и съ крикомъ и бранью пускались за нимъ въ погоню, когда онъ, по слабости, свойственной не однѣмъ собакамъ, просовывалъ свое голодное рыло въ полурастворенную дверь соблазнительно теплой и благовонной кухни. На охотѣ онъ отличался неутомимостью, и чутье имѣлъ порядочное; но если случайно догонялъ подраненнаго зайца, то ужь и съѣдалъ его съ наслажденіемъ всего, до послѣдней косточки, гдѣ-нибудь въ прохладной тѣни, подъ зеленымъ кустомъ, въ почтительномъ отдаленіи отъ Ермолая, ругавшагося на всѣхъ извѣстныхъ діалектахъ.

Ермолай принадлежалъ одному изъ моихъ сосѣдей, помѣщику старинаго покроя. Ермолаю было приказано доставлять на господскую кухню разъ въ мѣсяцъ пары двѣ тетеревей и куропатокъ, а, впрочемъ, позволялось ему жить, гдѣ хочетъ и чѣмъ хочетъ. Отъ него отказались, какъ отъ человѣка, ни на какую работу не годнаго—„лядащаго,“ какъ говорится у насъ въ Орлѣ. Пороху и дроби, разумѣется, ему не выдавали, слѣдуя точно тѣмъ же правиламъ, въ силу которыхъ и онъ не кормилъ своей собаки. Ермолай былъ человѣкъ престраннаго рода: беззаботенъ, какъ птица, довольно говорливъ, разсѣянъ и неловокъ съ виду; сильно любилъ выпить, не уживался на мѣстѣ, на ходу шмыгалъ ногами и переваливался съ боку на бокъ, — и, шмыгая и переваливаясь, улепетывалъ верстъ шесть-десять въ сутки. Онъ подвергался самымъ разнообразнымъ приключеніямъ: ночевалъ въ болотахъ, на деревьяхъ, на крышахъ, подъ мостами, сиживалъ не разъ взаперти на чердакахъ, въ погребахъ и сараяхъ, лишался ружья, собаки, самыхъ необходимыхъ одѣяній, бывалъ битъ сильно и долго, — и все-таки, черезъ нѣсколько времени, возвращался домой одѣтый, съ ружьемъ и съ собакой. Нельзя было назвать его человѣкомъ веселымъ, хотя онъ

почти всегда находился въ довольно изрядномъ расположеніи духа; онъ вообще смотрѣлъ чудакомъ. Ермолай любилъ покалякать съ хорошимъ человѣкомъ, особенно за чаркой, но и то не долго: встанетъ, бывало, и пойдетъ.—„Да куда ты, чортъ, идешь? Ночь на дворѣ.“—А въ Чаплино.—„Да на что тебѣ тащиться въ Чаплино, за десять верстъ?“—А тамъ у Софрона-мужичка переночевать.—„Да ночуй здѣсь.“—Нѣтъ ужь, нельзя. И пойдетъ Ермолай съ своимъ Валеткой въ темную ночь, черезъ кусты да водомойни; а мужичокъ Софронъ его, пожалуй, къ себѣ на дворъ не пуститъ, да еще, чего добраго, шею ему намнетъ: не безпокой-де честныхъ людей. За то никто не могъ сравниться съ Ермолаемъ въ искусствѣ ловить весной, въ полую воду, рыбу, доставать руками раковъ, отыскивать по чутью дичь, подманивать перепеловъ, вынашивать ястребовъ, добывать соловьевъ.

ЛЬГОВЪ.

— Поѣдемте-ка въ Льговъ, сказалъ мнѣ однажды, уже извѣстный читателямъ, Ермолай:—мы тамъ утокъ настрѣляемъ вдоволь.

Хотя для настоящаго охотника дикая утка не представляетъ ничего особенно-плѣнительнаго, но, за неимѣніемъ пока другой дичи, я послушался моего охотника и отправился въ Льговъ.

Льговъ—большое степное село, съ весьма древней каменной, одноглавой церковью и двумя мельницами на болотистой рѣчкѣ Росотѣ. Эта рѣчка, верстъ за пять отъ Льгова, превращается въ широкій прудъ, по краямъ и кой-гдѣ по серединѣ заросшій густымъ тростникомъ, по орловскому—майеромъ. На этомъ-то прудѣ, въ заводахъ или затишьяхъ, между тростниками, выводилось и держалось безчисленное множество утокъ всѣхъ возможныхъ породъ: кряковыхъ, полукряковыхъ, шилохвостыхъ, чирковъ, нырковъ и пр. Небольшія стаи то-и-дѣло перелетывали и носились надъ водою, а отъ выстрѣла поднимались такія тучи, что охотникъ невольно хватался одной рукой за шапку и протяжно говорилъ: фу-у!—Мы пошли было съ Ермолаемъ вдоль пруда, но, во-первыхъ, у самаго берега утка, птица осторожная, не держится; во-вторыхъ, если даже какой-нибудь отсталый и неопытный чирокъ и подвергался нашимъ выстрѣламъ и лишался жизни, то достать его изъ сплошнаго майера наши собаки не были въ состояніи: не смотря на самое благородное самоотверженіе, онѣ не могли ни плавать, ни ступать по дну, а только даромъ рѣзали свои драгоцѣнные носы объ острые края тростниковъ.

— Нѣтъ, промолвилъ, наконецъ Ермолай:—дѣло не ладно: надо достать лодку.... Пойдемте назадъ въ Льговъ.

Мы пошли. Не успѣли мы ступить нѣсколько шаговъ, какъ намъ на встрѣчу, изъ-за густой ракиты выбѣжала довольно дрянная лягавая собака, и вслѣдъ за ней появился человѣкъ средняго роста, въ синемъ, сильно

потертомъ сюртукѣ, желтоватомъ жилетѣ, панталонахъ цвѣта гри-де-лень или блен-д-амуръ, наскоро засунутыхъ въ дырявые сапоги, съ краснымъ платкомъ на шеѣ и одноствольнымъ ружьемъ за плечами. Пока наши собаки, съ обычнымъ, ихъ породѣ свойственнымъ, китайскимъ церемоніаломъ, снюхивались съ новой для нихъ личностью, которая видимо трусила, поджимала хвостъ, закидывала уши и быстро перевертывалась всѣмъ тѣломъ, не сгибая колѣней и скаля зубы,—незнакомецъ подошелъ къ намъ и чрезвычайно вѣжливо поклонился. Ему на видъ было лѣтъ двадцать-пять; его длинные русые волосы, сильно пропитанные квасомъ, торчали неподвижными косицами,—небольшіе каріе глазки привѣтливо моргали; все лицо, повязанное чернымъ платкомъ, словно отъ зубной боли, сладостно улыбалось.

— Позвольте себя рекомендовать, началъ онъ мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ: —я здѣшній охотникъ—Владиміръ.... Услышавъ о вашемъ прибытіи и узнавъ, что вы изволили отправиться на берега нашего пруда, рѣшился, если вамъ не будетъ противно, предложить вамъ свои услуги.

Охотникъ Владиміръ говорилъ, ни дать ни взять, какъ провинціальный молодой актеръ. Я согласился на его предложеніе и, не дойдя еще до Льгова, уже успѣлъ узнать его исторію. Онъ былъ вольноотпущенный дворовый человѣкъ; въ нѣжной юности обучался музыкѣ, потомъ служилъ камердинеромъ, зналъ грамотѣ, почитывалъ, сколько я могъ замѣтить, кой-какія книжонки и, живя теперь, какъ многіе живутъ на Руси, безъ гроша наличнаго, безъ постояннаго занятія, питался только-что не манной небесной. Выражался онъ необыкновенно изящно и видимо щеголялъ своими манерами. Между прочимъ, онъ мнѣ далъ замѣтить, что посѣщаетъ иногда сосѣднихъ помѣщиковъ, и въ городъ ѣздитъ въ гости, и въ преферансъ играетъ, и съ столичными людьми знается. Улыбался онъ мастерски и чрезвычайно разнообразно; особенно шла къ нему скромная, сдержанная улыбка, которая играла на его губахъ, когда онъ внималъ чужимъ рѣчамъ. Онъ васъ выслушивалъ, онъ соглашался съ вами совершенно; но все-таки не терялъ чувства собственнаго достоинства, и какъ будто хотѣлъ вамъ дать знать, что и онъ можетъ, при случаѣ, изъявить свое мнѣніе. Ермолай, какъ человѣкъ неслишкомъ образованный и уже вовсе не „субтильный,“ началъ-было его „тыкать.“ Надо было видѣть, съ какой усмѣшкой Владиміръ говорилъ ему: вы-съ....

— Зачѣмъ вы повязаны платкомъ? спросилъ я его. Зубы болятъ?

— Нѣтъ-съ, возразилъ онъ: это болѣе пагубное слѣдствіе неосторожности. Былъ у меня пріятель, хорошій человѣкъ-съ, но вовсе не охотникъ, какъ это бываетъ-съ. Вотъ-съ, въ одинъ день говоритъ онъ мнѣ: любезный другъ мой, возьми меня на охоту, я любопытствую узнать — въ чемъ состоитъ эта забава. Я, разумѣется, не захотѣлъ отказать товарищу: досталъ

ему, съ своей стороны, ружье-съ и взялъ его на охоту-съ. Вотъ-съ мы, какъ слѣдуетъ, поохотились; наконецъ, вздумалось намъ отдохнуть-съ. Я сѣлъ подъ деревомъ; онъ-же, напротивъ того, съ своей стороны, началъ выкидывать ружьемъ артикулъ-съ, при чемъ цѣлился въ меня. Я попросилъ его перестать, но, по неопытности своей, онъ не послушался-съ. Выстрѣлъ грянулъ, и я лишился подбородка и указательнаго перста правой руки.

Мы дошли до Льгова. И Владиміръ и Ермолай оба рѣшили, что безъ лодки охотиться было невозможно.

— У Сучка есть дощаникъ *), замѣтилъ Владиміръ: — да я не знаю, куда онъ его спряталъ. Надобно сбѣгать къ нему.

— Къ кому? спросилъ я.

— А здѣсь человѣкъ живетъ, прозвище ему Сучокъ.

Владиміръ отправился къ Сучку съ Ермолаемъ. Я сказалъ имъ, что буду ждать ихъ у церкви, и сталъ разсматривать могилы на кладбищѣ....

....Приходъ Ермолая, Владиміра и человѣка съ страннымъ прозвищемъ Сучокъ — прервалъ мои размышленія.

Босоногій, оборванный и взъерошенный, Сучокъ казался съ виду отставнымъ дворовымъ, лѣтъ шестидесяти.

— Есть у тебя лодка? спросилъ я.

— Лодка есть, отвѣчалъ онъ глухимъ и разбитымъ голосомъ: — да больно плоха.

— А что?

— Расклеилась, да изъ дырьевъ клепки повывалились.

— Велика бѣда! подхватилъ Ермолай: — паклей заткнуть можно.

— Извѣстно, можно, подтвердилъ Сучокъ.

— Да ты кто?

— Господскій рыболовъ.

— Какъ-же это ты рыболовъ, а лодка у тебя въ такой неисправности?

— Да въ нашей рѣкѣ и рыбы-то нѣту.

— Рыба не любитъ ржавчины болотной, съ важностью прибавилъ мой охотникъ.

— Ну, сказалъ я Ермолаю: — поди, достань пакли и справь намъ лодку, да поскорѣй.

Ермолай ушелъ.

— А, вѣдь, этакъ мы, пожалуй, и ко дну пойдемъ? сказалъ я Владиміру.

— Богъ милостивъ, отвѣчалъ онъ. Во всякомъ случаѣ должно предполагать, что прудъ не глубокъ.

---

*) Плоская лодка, сколоченная изъ старыхъ барочныхъ досокъ.

— Да, онъ не глубокъ, замѣтилъ Сучокъ, который говорилъ какъ-то странно, словно съ просонья: — да на днѣ тина и трава, и весь онъ травой заросъ. Впрочемъ, есть тоже и колдобины *).

— Однакоже, если трава такъ сильна, замѣтилъ Владиміръ: — такъ и грести нельзя будетъ.

— Да кто-жъ на дощаникахъ гребетъ? Надо пихаться. Я съ вами поѣду; у меня тамъ есть шестикъ,—а то и лопатой можно.

— Лопатой неловко: до дна въ иномъ мѣстѣ, пожалуй, не достанешь, сказалъ Владиміръ.

— Оно правда, что неловко.

Я присѣлъ на могилу въ ожиданіи Ермолая. Владиміръ отошелъ, для приличія, нѣсколько въ сторону и тоже сѣлъ. Сучокъ продолжалъ стоять на мѣстѣ, повѣся голову и сложивъ руки за спиной.

Черезъ четверть часа мы уже сидѣли въ дощаникѣ Сучка. (Собакъ мы оставили въ избѣ подъ надзоромъ кучера Іегудіила). Намъ не очень было ловко, но охотники народъ неразборчивый. У тупаго, задняго конца стоялъ Сучокъ и „пихался;“ мы съ Владиміромъ сидѣли на перекладинѣ лодки; Ермолай помѣстился спереди, у самаго носа. Не смотря на паклю, вода скоро появилась у насъ подъ ногами. Къ счастію, погода была тихая, и прудъ словно заснулъ.

Мы плыли довольно медленно. Старикъ съ трудомъ выдергивалъ изъ вязкой тины свой длинный шестъ, весь перепутанный зелеными нитями подводныхъ травъ: сплошные, круглые листья болотныхъ лилій тоже мѣшали ходу нашей лодки. Наконецъ, мы добрались до тростниковъ, и пошла потѣха. Утки шумно поднимались, „срывались“ съ пруда, испуганныя нашимъ неожиданнымъ появленіемъ въ ихъ владѣніяхъ; выстрѣлы дружно раздавались вслѣдъ за ними и весело было видѣть, какъ эти кургузыя, тяжелыя птицы кувыркались на воздухѣ, тяжко шлепались объ воду. Всѣхъ подстрѣленныхъ утокъ мы, конечно, не достали: легко пораненныя ныряли, иныя, убитыя на-повалъ, падали въ такой густой майеръ, что даже рысьи гласки Ермолая не могли открыть ихъ; но все-таки къ обѣду лодка наша черезъ край наполнилась дичью.

Владиміръ, къ великому утѣшенію Ермолая, стрѣлялъ вовсе не отлично и послѣ каждаго неудачнаго выстрѣла удивлялся, осматривалъ и продувалъ ружье, недоумѣвалъ и, наконецъ, излагалъ намъ причину, почему онъ промахнулся. Ермолай стрѣлялъ, какъ всегда, побѣдоносно, я — довольно плохо по обыкновенію. Сучокъ посматривалъ на насъ глазами человѣка, смолоду состоявшаго на барской службѣ, изрѣдка кричалъ: „вонъ, вонъ еще утица!“ — то и дѣло почесывалъ спину — не руками, а приве-

*) Глубокое мѣсто, яма въ прудѣ или рѣкѣ.

денными въ движеніе плечами. Погода стояла прекрасная: бѣлыя, круглыя облака высоко и тихо неслись надъ нами, ясно отражаясь въ водѣ; тростникъ шушукалъ кругомъ; прудъ мѣстами, какъ сталь, сверкалъ на солнцѣ. Мы уже собирались вернуться въ село, какъ вдругъ съ нами случилось довольно непріятное происшествіе.

Мы уже давно могли замѣтить, что вода къ намъ понемногу все набиралась въ дощаникъ. Владиміру было поручено выбрасывать ее вонъ посредствомъ ковша, похищеннаго, на всякій случай, моимъ предусмотрительнымъ охотникомъ у зазѣвавшейся бабы. Дѣло шло, какъ слѣдовало, пока Владиміръ не забывалъ своей обязанности. Но къ концу охоты, словно на прощанье, утки стали подниматься такими стадами, что мы едва успѣвали заряжать ружья. Въ пылу перестрѣлки мы не обращали вниманія на состояніе нашего дощаника,—какъ вдругъ, отъ сильнаго движенія Ермолая (онъ старался достать убитую птицу и всѣмъ тѣломъ налегъ на край), наше ветхое судно наклонилось, зачерпнулось и торжественно пошло ко дну, къ счастію, не на глубокомъ мѣстѣ. Мы вскрикнули, но уже было поздно: черезъ мгновенье мы стояли въ водѣ по горло, окруженные всплывшими тѣлами мертвыхъ утокъ. Теперь я безъ хохота вспомнить не могу испуганныхъ и блѣдныхъ лицъ моихъ товарищей (вѣроятно, и мое лицо не отличалось тогда румянцемъ); но въ ту минуту, признаюсь, мнѣ и въ голову не приходило смѣяться. Каждый изъ насъ держалъ свое ружье надъ головой, и Сучокъ, должно быть по привычкѣ подражать господамъ, поднялъ шестъ свой кверху. Первый нарушилъ молчаніе Ермолай.

— Тьфу ты пропасть! пробормоталъ онъ, плюнувъ въ воду: — какая оказія! А все ты, старый чортъ! прибавилъ онъ съ сердцемъ, обращаясь къ Сучку: — что это у тебя за лодка?

— Виноватъ, пролепеталъ старикъ.

— Да и ты хорошъ, продолжалъ мой охотникъ, повернувъ голову въ направленіи Владиміра: — чего смотрѣлъ? чего не черпалъ? ты, ты, ты..

Но Владиміру было ужь не до возраженій; онъ дрожалъ, какъ листъ, зубъ на зубъ не попадалъ, и совершенно безсмысленно улыбался. Куда дѣвалось его краснорѣчіе, его чувство тонкаго приличія и собственнаго достоинства?

Проклятый дощаникъ слабо колыхался подъ нашими ногами... Въ мигъ кораблекрушенія вода намъ показалась чрезвычайно холодной, но мы скоро обтерпѣлись. Когда первый страхъ прошелъ, я оглянулся: кругомъ, въ десяти шагахъ отъ насъ, росли тростники; вдали, надъ ихъ верхушками, виднѣлся берегъ. „Плохо!„ подумалъ я.

— Какъ намъ быть? спросилъ я Ермолая.

— А вотъ, посмотримъ; не ночевать-же здѣсь, отвѣтилъ онъ. На, ты, держи ружье, сказалъ онъ Владиміру.

Владиміръ безпрекословно повиновался.

— Пойду сыщу бродъ, продолжалъ Ермолай, съ увѣренностью, какъ будто во всякомъ прудѣ непремѣнно долженъ существовать бродъ,—взялъ у Сучка шестъ и отправился въ направленіи берега, осторожно выщупывая дно.

— Да ты умѣешь-ли плавать? спросилъ я его.

— Нѣтъ, не умѣю, раздался его голосъ изъ-за тростника.

— Ну, такъ утонетъ, равнодушно замѣтилъ Сучокъ, который и прежде испугался не опасности, а нашего гнѣва, и теперь, совершенно успокоенный, только изрѣдка отдувался и, казалось, не чувствовалъ никакой надобности перемѣнить свое положеніе.

— И безъ всякой пользы пропадетъ-съ, жалобно прибавилъ Владиміръ.

Ермолай не возвращался болѣе часу. Этотъ часъ намъ показался вѣчностью. Сперва мы перекликивались съ нимъ очень усердно; потомъ онъ сталъ рѣже отвѣчать на наши возгласы, наконецъ умолкъ совершенно. Въ селѣ зазвонили къ вечернѣ. Межъ собой мы не разговаривали, даже старались не глядѣть другъ на друга. Утки носились надъ нашими головами, иныя собирались сѣсть подлѣ насъ, но вдругъ поднимались кверху, какъ говорится, „коломъ,“ и съ крикомъ улетали. Мы начинали костенѣть. Сучокъ хлопалъ глазами, словно спать располагался.

Наконецъ, къ неописанной нашей радости, Ермолай вернулся.

— Ну, что?

— Былъ на берегу; бродъ нашелъ.... Пойдемте.

Мы хотѣли-было тотчасъ отправиться; но онъ сперва досталъ подъ водой изъ кармана веревку, привязалъ убитыхъ утокъ за лапки, взялъ оба конца въ зубы и побрелъ впередъ; Владиміръ за нимъ, я за Владиміромъ. Сучокъ замыкалъ шествіе. До берега было около двухъ-сотъ шаговъ. Ермолай шелъ смѣло и безостановочно (такъ хорошо замѣтилъ онъ дорогу), лишь изрѣдка покрикивая: „лѣвѣй,—тутъ направо колдобина!“ или: „правѣй,—тутъ налѣво завязнешь...“ Иногда вода доходила намъ до горла, и раза два бѣдный Сучокъ, будучи ниже всѣхъ насъ ростомъ, захлебывался и пускалъ пузыри.—„Ну, ну, ну!“ грозно кричалъ на него Ермолай, — и Сучокъ карабкался, болталъ ногами, прыгалъ и таки выбирался на болѣе мелкое мѣсто, но даже въ крайности не рѣшался хвататься за полу моего сюртука. Измученные, грязные, мокрые, мы достигли, наконецъ, берега.

Часа два спустя, мы уже всѣ сидѣли, по мѣрѣ возможности обсушенные, въ большомъ сѣнномъ сараѣ, и собирались ужинать. Кучеръ Іегудіилъ, человѣкъ чрезвычайно медлительный, тяжелый на подъемъ, разсудительный и заспанный, стоялъ у воротъ и усердно подчивалъ табакомъ Сучка. (Я замѣтилъ, что кучера въ Россіи очень скоро дружатся). Сучокъ нюхалъ съ

остервененіемъ, до тошноты: плевалъ, кашлялъ и, повидимому, чувствовалъ большое удовольствіе. Владиміръ принималъ томный видъ, наклонялъ головку на бокъ и говорилъ мало. Ермолай витиралъ наши ружья. Собаки съ преувеличенной быстротой вертѣли хвостами въ ожиданіи овсянки; лошади топали и ржали подъ навѣсомъ.... Солнце садилось; широкими багровыми полосами разбѣгались его послѣдніе лучи; золотыя тучки разстилались по небу все мельче и мельче, словно вымытая, разчесанная волна.... На селѣ раздавались пѣсни.

ВИРЮКЪ.

Я ѣхалъ съ охоты вечеромъ одинъ, на бѣговыхъ дрожкахъ. До дому еще было верстъ восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бѣжала по пыльной дорогѣ, изрѣдка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная, ни на шагъ не отставала отъ заднихъ колесъ. Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась изъ-за лѣса; надо мною и мнѣ на встрѣчу неслись длинныя, сѣрыя облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жаръ внезапно смѣнился влажнымъ холодомъ; тѣни быстро густѣли. Я ударилъ возжей по лошади, спустился въ оврагъ, перебрался черезъ сухой ручей, весь заросшій лозниками, поднялся въ гору и въѣхалъ въ лѣсъ. Дорога вилась передо мною между густыми кустами орѣшника, уже залитыми мракомъ; я подвигался впередъ съ трудомъ. Дрожки прыгали по твердымъ корнямъ столѣтнихъ дубовъ и липъ, безпрестанно пересѣкавшимъ глубокія продольныя рытвины—слѣды телѣжныхъ колесъ; лошадь моя начала спотыкаться. Сильный вѣтеръ внезапно загудѣлъ въ вышинѣ, деревья забушевали, крупныя капли дождя рѣзко застучали, заплепали по листьямъ, сверкнула молнія и гроза разлилась. Дождь полилъ ручьями. Я поѣхалъ шагомъ и скоро принужденъ былъ остановиться: лошадь моя вязла, я не видѣлъ ни зги. Кое-какъ пріютился я къ широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, ожидалъ я терпѣливо конца ненастья, какъ вдругъ, при блескѣ молніи, на дорогѣ почудилась мнѣ высокая фигура. Я сталъ пристально глядѣть въ ту сторону,— та же фигура словно выросла изъ земли подлѣ моихъ дрожекъ.

— Кто это? спросилъ звучный голосъ.

— А ты кто самъ?

— Я здѣшній лѣсникъ.

Я назвалъ себя.

— А, знаю! вы домой ѣдете?

— Домой. Да видишь, какая гроза....

— Да, гроза, отвѣчалъ голосъ.

Бѣлая молнія озарила лѣсника съ головы до ногъ; трескучій и короткій ударъ грома раздался тотчасъ вслѣдъ за нею. Дождикъ хлынулъ съ удвоенной силой.

— Не скоро пройдетъ, продолжалъ лѣсникъ.

— Что дѣлать!

— Я васъ, пожалуй, въ свою избу проведу, отрывисто проговорилъ онъ.

— Сдѣлай одолженіе.

— Извольте сидѣть.

Онъ подошелъ къ головѣ лошади, взялъ ее за узду и сдернулъ съ мѣста. Мы тронулись. Я держался за подушку дрожекъ, которыя колыхались, „какъ въ морѣ челнокъ," и кликалъ собаку. Бѣдная моя кобыла тяжко шлепала ногами по грязи, скользила, спотыкалась; лѣсникъ покачивался передъ оглоблями направо и налѣво, словно привидѣнье. Мы ѣхали довольно долго; наконецъ мой проводникъ остановился. — „Вотъ мы и дома, баринъ," промолвилъ онъ спокойнымъ голосомъ. — Калитка заскрипѣла, нѣсколько щенковъ дружно залаяли. Я поднялъ голову и, при свѣтѣ молніи, увидалъ небольшую избушку посреди обширнаго двора, обнесеннаго плетнемъ. Изъ одного окошечка тускло свѣтилъ огонекъ. Лѣсникъ довелъ лошадь до крыльца и застучалъ въ дверь. — „Сичасъ, сичасъ!" раздался тоненькій голосокъ, послышался топотъ босыхъ ногъ, засовъ заскрипѣлъ, и дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, въ рубашонкѣ, подпоясанная покромкой, съ фонаремъ въ рукѣ, показалась на порогѣ.

— Посвѣти барину, сказалъ онъ ей: — а я ваши дрожки подъ навѣсъ поставлю.

Дѣвочка глянула на меня и пошла въ избу. Я отправился вслѣдъ за ней.

Изба лѣсника состояла изъ одной комнаты, закоптѣлой, низкой и пустой, безъ палатей и перегородокъ. Изорванный тулупъ висѣлъ на стѣнѣ. На лавкѣ лежало одноствольное ружье, въ углу валялась груда тряпокъ; два большихъ горшка стояли возлѣ печки. Лучина горѣла на столѣ, печально вспыхивая и погасая. На самой серединѣ избы висѣла люлька, привязанная къ концу длиннаго шеста. Дѣвочка погасила фонарь, присѣла на крошечную скамейку и начала правой рукой качать люльку, лѣвой поправлять лучину. Я посмотрѣлъ кругомъ, — сердце во мнѣ заныло; не весело войдти ночью въ мужицкую избу. Ребенокъ въ люлькѣ дышалъ тяжело и скоро.

— Ты развѣ одна здѣсь? спросилъ я дѣвочку.

— Одна, произнесла она едва внятно.

— Ты лѣсникова дочь?

— Лѣсникова, прошептала она.

Дверь заскрипѣла, и лѣсникъ шагнулъ, нагнувъ голову, черезъ порогъ. Онъ поднялъ фонарь съ полу, подошелъ къ столу и зажегъ свѣтильню.

— Чай, не привыкли къ лучинѣ? проговорилъ онъ, и тряхнулъ кудрями.

Я посмотрѣлъ на него. Рѣдко мнѣ случалось видѣть такого молодца.

Онъ былъ высокаго роста, плечистъ и сложенъ на славу. Изъ-подъ мокрой замашной рубашки выпукло выставлялись его могучія мышцы. Черная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; изъ-подъ сросшихся широкихъ бровей смѣло глядѣли небольшіе каріе глаза. Онъ слегка уперся руками въ бока и остановился передо мною.

Я поблагодарилъ его и спросилъ его имя.

— Меня зовутъ Ѳомой, отвѣчалъ онъ: — а по прозвищу Бирюкъ *).

— А, ты Бирюкъ?

Я съ удвоеннымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на него. Отъ моего Ермолая и отъ другихъ я часто слышалъ разсказы о лѣсникѣ Бирюкѣ, котораго всѣ окрестные мужики боялись, какъ огня. По ихъ словамъ, не бывало еще на свѣтѣ такого мастера своего дѣла: „Вязанки хворосту не дастъ утащить; въ какую-бы ни было пору, хоть въ самую полночь, нагрянетъ, какъ снѣгъ на голову, и ты не думай сопротивляться, — силенъ дескать, и ловокъ какъ бѣсъ.... И ничѣмъ его взять нельзя: ни виномъ, ни деньгами; ни на какую приманку не идетъ. Ужь не разъ добрые люди его сжить со свѣту собирались, да нѣтъ — не дается.“

Вотъ какъ отзывались сосѣдніе мужики о Бирюкѣ.

— Такъ ты Бирюкъ, повторилъ я: — я, братъ, слыхалъ про тебя. Говорятъ, ты никому спуску не даешь.

— Должность свою справляю, отвѣчалъ онъ угрюмо: — даромъ господскій хлѣбъ ѣсть не приходится.

Онъ досталъ изъ-за пояса топоръ, присѣлъ на полъ и началъ колоть лучину.

— Аль у тебя хозяйки нѣтъ? спросилъ я его.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, и сильно махнулъ топоромъ.

— Умерла, знать?

Ребенокъ проснулся и закричалъ; дѣвочка подошла къ люлькѣ. — На, дай ему, проговорилъ Бирюкъ, сунувъ ей въ руку запачканный рожокъ.

— Да.... умерла, прибавилъ онъ и отвернулся.

— Вы, чай, баринъ, началъ онъ: — нашего хлѣба ѣсть не станете, а у меня окромя хлѣба....

— Я не голоденъ.

— Ну, какъ знаете. Самоваръ-бы я вамъ поставилъ, да чаю у меня нѣтъ.... Пойду, посмотрю, что ваша лошадь....

Онъ вышелъ и хлопнулъ дверью. Я въ другой разъ осмотрѣлся. Изба показалась мнѣ еще печальнѣе прежняго. Горькій запахъ остывшаго дыма непріятно стѣснялъ мнѣ дыханіе. Дѣвочка не трогалась съ мѣста и не под-

*) Бирюкомъ называется въ Орловской губерніи человѣкъ одинокій и угрюмый.

нимала глазъ; изрѣдка поталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускавшуюся рубашку; ея голыя ноги висѣли, не шевелясь.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ я.

— Улитой, проговорила она, еще болѣе понуривъ свое печальное личико.

Лѣсникъ вошелъ и сѣлъ на лавку.

— Гроза проходитъ, замѣтилъ онъ, послѣ небольшаго молчанія: — коли прикажете, я васъ изъ лѣсу провожу.

Я всталъ. Бирюкъ взялъ ружье и осмотрѣлъ полку.

— Это зачѣмъ? спросилъ я.

— А въ лѣсу шалятъ.... У Кобыльяго Верху*) дерево рубятъ, прибавилъ онъ въ отвѣтъ на мой вопрошающій взоръ.

— Будто отсюда слышно?

— Со двора слышно.

Мы вышли вмѣстѣ. Дождикъ пересталъ. Въ отдаленіи еще толпились тяжелыя громады тучъ, изрѣдка вспыхивали длинныя молніи; но надъ нашими головами уже виднѣлось кое-гдѣ темносинее небо, звѣздочки мерцали сквозь жидкія, быстро летѣвшія облака. Очерки деревьевъ, обрызганныхъ дождемъ и взволнованныхъ вѣтромъ, начинали выступать изъ мрака. Мы стали прислушиваться. Лѣсникъ снялъ шапку и потупился. — „Во... вотъ, проговорилъ онъ вдругъ и протянулъ руку: вишь какую почку выбралъ.“ — Я ничего не слышалъ, кромѣ шума листьевъ. Бирюкъ вывелъ лошадь изъ-подъ навѣса. „А эдакъ я, пожалуй, прибавилъ онъ вслухъ:—и прозѣваю его.“ — „Я съ тобой пойду... хочешь?“ — „Ладно, отвѣчалъ онъ и попятилъ лошадь назадъ: — мы его духомъ поймаемъ, а тамъ я васъ провожу. Пойдемте.“

Мы пошли: Бирюкъ впереди, я за нимъ. Богъ его знаетъ, какъ онъ узнавалъ дорогу, но онъ останавливался только изрѣдка, и то для того, чтобы прислушаться къ стуку топора. — „Вишь, бормоталъ онъ сквозь зубы: слышите? слышите?“ — „Да гдѣ?“ — Бирюкъ пожималъ плечами. Мы спустились въ оврагъ, вѣтеръ затихъ на мгновенье — мѣрные удары ясно достигли до моего слуха. Бирюкъ глянулъ на меня и качнулъ головой. Мы пошли далѣе по мокрому папоротнику и крапивѣ. Глухой и продолжительный гулъ раздался....

— Повалилъ.... пробормоталъ Бирюкъ.

Между тѣмъ небо продолжало расчищаться: въ лѣсу чуть-чуть свѣтлѣло. Мы выбрались наконецъ изъ оврага. — „Подождите здѣсь,“ шепнулъ мнѣ лѣсникъ, нагнулся и, поднявъ ружье къ верху, исчезъ между кустами. Я сталъ прислушиваться съ напряженіемъ. Сквозь постоянный шумъ вѣтра чудились мнѣ невдалекѣ слабые звуки: топоръ осторожно стучалъ по сучьямъ, колеса скрыпѣли, лошадь фыркала.... „Куда? стой!“

*) Верхомъ называется въ Орловской губерніи оврагъ.

загремѣлъ вдругъ желѣзный голосъ Бирюка. — Другой голосъ закричалъ жалобно, по заячьи... Началась борьба. „Вре-ешь, вре-ешь, твердилъ, задыхаясь, Бирюкъ:—не уйдешь...“ Я бросился въ направленіи шума и прибѣжалъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, на мѣсто битвы. У срубленнаго дерева, на землѣ копошился лѣсникъ; онъ держалъ подъ собою вора и закручивалъ ему кушакомъ руки на спину. Я подошелъ. Бирюкъ поднялся и поставилъ его на ноги. Я увидалъ мужика мокраго, въ лохмотьяхъ, съ длинной растрепанной бородой. Дрянная лошаденка, до половины закрытая угловатой рогожкой, стояла тутъ-же вмѣстѣ съ телѣжнымъ ходомъ. Лѣсникъ не говорилъ ни слова; мужикъ тоже молчалъ и только головой потряхивалъ.

— Отпусти его, шепнулъ я на ухо Бирюку: — я заплачу за дерево.

Бирюкъ молча взялъ лошадь за холку лѣвой рукой: правой онъ держалъ вора за поясъ. „Ну, поворачивайся, ворона!“ промолвилъ онъ сурово.— „Топорикъ-то, вонъ, возьмите,“ пробормоталъ мужикъ. — „Зачѣмъ ему пропадать?“ сказалъ лѣсникъ и поднялъ топоръ. Я шелъ позади... Дождикъ началъ опять накрапывать, и скоро полилъ ручьями. Съ трудомъ добрались мы до избы. Бирюкъ бросилъ пойманную лошаденку посреди двора, ввелъ мужика въ комнату, ослабилъ узелъ кушака и посадилъ его въ уголъ. Дѣвочка, которая заснула-было возлѣ печки, вскочила и съ молчаливымъ испугомъ стала глядѣть на насъ. Я сѣлъ на лавку.

— Экъ его какой полилъ, замѣтилъ лѣсникъ: — переждать придется. Не хотите-ли прилечь?

— Спасибо.

— Я-бы его, для вашей милости, въ чуланчикъ заперъ, продолжалъ онъ, указывая на мужика:—да, вишь, засовъ....

— Оставь его тутъ, не трогай, перебилъ я Бирюка.

Мужикъ глянулъ на меня изъ подлобья. Я внутренно далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, освободить бѣдняка. Онъ сидѣлъ неподвижно на лавкѣ. При свѣтѣ фонаря я могъ разглядѣть его испитое, морщинистое лицо, нависшія желтыя брови, безпокойные глаза, худые члены... Дѣвочка улеглась на полу у самыхъ его ногъ и опять заснула. Бирюкъ сидѣлъ возлѣ стола, опершись головою на руки. Кузнечикъ кричалъ въ углу.... дождикъ стучалъ по крышѣ и скользилъ по окнамъ; мы всѣ молчали.

— Ѳома Кузьмичъ, заговорилъ вдругъ мужикъ голосомъ глухимъ и разбитымъ: — а, Ѳома Кузьмичъ?

— Чего тебѣ?

— Отпусти.

Бирюкъ не отвѣчалъ.

— Отпусти.... съ голодухи.... отпусти!

— Знаю я васъ, угрюмо возразилъ лѣсникъ: — ваша вся слобода такая — воръ на ворѣ.

— Отпусти, твердилъ мужикъ, — прикащикъ... раззорены, во-какъ.... отпусти!

— Раззорены!... Воровать никому не слѣдъ....

— Отпусти, Ѳома Кузьмичъ.... не погуби. Вашъ-то, самъ знаешь, заѣстъ, во-какъ.

Бирюкъ отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Онъ встряхивалъ головой и дышалъ неровно.

— Отпусти, повторилъ онъ съ унылымъ отчаяньемъ: — отпусти, ей-Богу, отпусти! я заплачу, во-какъ, ей-Богу. Ей-Богу, съ голодухи... дѣтки пищатъ, самъ знаешь. Круто, во-какъ приходится.

— А ты все-таки воровать не ходи.

— Лошаденку, продолжалъ мужикъ: — лошаденку-то, хоть ее-то.... одинъ животъ и есть.... отпусти!

— Говорятъ, нельзя. Я тоже человѣкъ подневольный: съ меня взыщутъ. Васъ баловать тоже не приходится.

— Отпусти! Нужда, Ѳома Кузьмичъ, нужда, какъ есть того... отпусти!

— Знаю я васъ!

— Да отпусти!

— Э, да что съ тобой толковать, сиди смирно, а то у меня, знаешь? Не видишь, что-ли барина?

Бѣднякъ потупился.... Бирюкъ зѣвнулъ и положилъ голову на столъ. Дождикъ все не переставалъ. Я ждалъ, что будетъ.

Мужикъ внезапно выпрямился. Глаза у него загорѣлись, и на лицѣ выступила краска. „Ну, на, ѣшь, на, подавись, на,“ началъ онъ, прищуривъ глаза и опустивъ углы губъ: — на, душегубецъ окаянный: пей христіанскую кровь, пей...“

Лѣсникъ обернулся.

— Тебѣ говорю, тебѣ, азіятъ, кровопійца, тебѣ!

— Пьянъ ты, что-ли, что ругаться вздумалъ? заговорилъ съ изумленіемъ лѣсникъ. — Съ ума сошелъ, что-ли?

— Пьянъ.... не на твои-ли деньги, душегубецъ окаянный, звѣрь, звѣрь, звѣрь?

— Ахъ, ты.... да я тебя!...

— А мнѣ что? Все едино — пропадать; куда я безъ лошади пойду? Пришиби — одинъ конецъ; что съ голоду, что такъ — все едино. Пропадай все: жена, дѣти, — околѣвай все.... А до тебя, погоди, доберемся!

Бирюкъ приподнялся.

— Бей, бей, подхватилъ мужикъ свирѣпымъ голосомъ — бей, на, на, бей... (Дѣвочка торопливо вскочила съ полу и уставилась на него.) Бей! бей!

— Молчать! загремѣлъ лѣсникъ и шагнулъ два раза.

— Полно, полно, Ѳома, закричалъ я: — оставь его.... Богъ съ нимъ.

— Не стану я молчать, продолжалъ несчастный. Все едино — околѣвать-то. Душегубецъ ты, звѣрь, погибели на тебя нѣту.... Да постой, не долго тебѣ чваниться: затянутъ тебѣ глотку, постой.

Бирюкъ схватилъ его за плечо.... Я бросился на помощь мужику....

— Не троньте, баринъ! крикнулъ на меня лѣсникъ.

Я-бы не побоялся его угрозы и уже протянулъ было руку; но къ крайнему моему изумленію, онъ однимъ поворотомъ сдернулъ съ локтей мужика кушакъ, схватилъ его за шиворотъ, нахлобучилъ ему шапку на глаза, растворилъ дверь и вытолкнулъ его вонъ.

— Убирайся къ чорту съ своею лошадью! закричалъ онъ ему вслѣдъ: — да смотри, въ другой разъ у меня....

Онъ вернулся въ избу и сталъ копаться въ углу.

— Ну, Бирюкъ, примолвилъ я наконецъ: — удивилъ ты меня: ты, я вижу, славный малый.

— Э, полноте, баринъ, перебилъ онъ меня съ досадой: — не извольте только сказывать. Да ужь я лучше васъ провожу, прибавилъ онъ: —знать дождика-то вамъ не переждать....

На дворѣ застучали колеса мужицкой телѣги.

— Вишь, поплелся! пробормоталъ онъ: — да я его!...

Черезъ полчаса онъ простился со мной на опушкѣ лѣса.

И. Тургеневъ.

КИТАЙЦЫ и ИНДІЙЦЫ.

Что за живописный народъ Индійцы, и что за неживописный — Китайцы! Первые стройны, развязны, свободны въ движеніяхъ; у нихъ въ походкѣ, въ жестахъ есть какая-то торжественная важность, лѣнь и грація. Говорятъ они горломъ, почти не шевеля губами. Грація эта не изысканная, не умышленная: будь тутъ хоть капля сознанія, нельзя было бы не расхохотаться, глядя, какъ они медленно и осторожно ходятъ, какъ-будто несутъ что-нибудь на головѣ и боятся разбить; какъ размѣренно машутъ руками. Но это къ нимъ идетъ: торопливость была бы имъ не къ лицу. Вся верхняя часть тѣла у Индійцевъ голая, темнокоричневаго цвѣта; они чѣмъ-то мажутся, чуть-ли не кокосовымъ масломъ: иначе никакая кожа не устоитъ противъ этого солнца. На ногахъ у нихъ родъ юбки изъ бумажной синей или красной матеріи. Въ ушахъ серьги непремѣнно, у иныхъ по двѣ, въ верхней и нижней части уха, наконецъ, у одного продѣта въ ухо какая-то серебряная шпилька, а у другаго сережка въ правой ноздрѣ. Этотъ былъ старъ, одѣтъ въ бѣлую юбку, а верхняя часть тѣла прикрыта красной матеріей; на головѣ чалма. Стали всѣхъ ихъ собирать въ одинъ уголъ судна, на шкафутъ, чтобъ они не бродили вездѣ;

старикъ усердно помогалъ въ этомъ. Матросы, прогнавъ всѣхъ, наконецъ прогнали и его самаго туда же. Китайцы свѣтлѣе Индійцевъ; они просто смуглы: у нихъ тѣло почти какъ у насъ, только глаза и волосы совершенно черные. Они тоже ходятъ полуголые. У многихъ старческія физіономіи, бритыя головы, кромѣ затылка, отъ котораго тянется длинная коса, болтаясь въ ногахъ. Морщины и отсутствіе усовъ и бороды дѣлаютъ ихъ чрезвычайно-похожими на старухъ. Ничего мужественнаго, бодраго. Лица точно вылиты одно въ другое. А что за физіономіи на лодкахъ! Вотъ старый Индіецъ, черный, съ сѣдыми бакенбардами и бородой, растущей ниже губъ, кругомъ подбородка; а вотъ Малаецъ, цвѣта красной мѣди, гребетъ двумя вмѣстѣ связанными веслами, толкая ихъ впередъ отъ себя. Одни лежали прямо подъ солнцемъ, другіе сидѣли на пяткахъ непостижимымъ для европейца образомъ.

И. Гончаровъ.

МАРКА.

Городишко, гдѣ происходитъ ярмарка, принадлежитъ къ самымъ ничтожнымъ уѣзднымъ городамъ губерніи. Глядя на него въ обыкновенное время, нельзя даже было подумать, чтобъ онъ могъ служить цѣлію какой бы то ни было поѣздки: онъ является скорѣе на пути какъ *средство* ѣхать далѣе; куда ни глянешь: колеса, деготь, оглобли, кузницы, баранки, — и только; такъ развѣ, перехватить кой-чего на скорую руку, подмазать колеса, сѣсть, и снова въ дорогу. Но въ ярмарочную пору, и особенно осенью, онъ принималъ такую оживленную, разнообразную наружность, что трудно даже было узнать его. И не мудрено: сколько ни находится въ околодкѣ мужичковъ съ залежными гривнами и пятаками, съ припасенными про случай ржицею, гречею, мукою и сѣномъ, всѣ окрестные купцы, барышники, мѣщане, промышленники всякаго рода и сброда, — все стекалось сюда, кто для барышей и дѣла, а кто, какъ водится, погулять, поглазѣть, да мошну повытрясти. Впрочемъ, и то сказать надо: есть на что посмотрѣть, есть что накупить *въ коренную ярмарку *)* Ишь сколько однихъ навѣсовъ, ятокъ, стоекъ, шатровъ постановлено, не только на площадкѣ, но даже по всѣмъ переулкамъ, закоулкамъ, по всему скату горы, вплоть до самаго берега! И чего ужь нѣтъ-то подъ ними, какого надо еще добра и товара? Тутъ пестрыми группами возносятся кубышки, крыночки, ложки кленовыя, бураки берестовые, чашки липовыя золоченыя суздальскія, жбанчики и лагунчики березовые, горшки, и горшки-то все какіе — муравленые коломенскіе! Тамъ цѣлыя горы жемковъ, стручьевъ, орѣховъ, мякушекъ, сластей патошныхъ, медовыхъ пряниковъ, писанныхъ сусальнымъ золотцемъ.... Здѣсь мечутся въ глаза яркою рябизною своею полосушки, набойки, холстинки, миткали всякіе.... А сколько платковъ, и сизыхъ, и

*) Такъ называются вообще въ средней Россіи осеннія ярмарки.

желтыхъ, и алыхъ, съ разводами и городочками, развѣваются по воздуху! сколько александровки, кумачу, ситцевъ московскихъ, стеклярусу!... а сколько костромскаго товару: запонокъ, серегъ оловянныхъ подъ фольгою и тавлинокъ подъ слюдою! кажись на весь бы свѣтъ съ залишкомъ стало.

Поглядите-ка теперь, сколько посреди всего этого народу движется, толкается и суетится! какая давка, тѣснота! то прихлынутъ въ одну сторону, то въ другую, а то и опять сперлись всѣ на одномъ мѣстѣ,—хоть растаскивай! Крикъ, шумъ, разнородные голоса и восклицанія, звонъ желѣза, вой, блеянье, топотъ, ржаніе, хлопанье по рукамъ,—и все это сливается въ какой-то общій, нестройный гамъ, изъ котораго выхватываешь однѣ только отрывчатыя, несвязныя рѣчи.... *Д. Григоровичъ.*

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ШАРМАНЩИКИ.

Взгляните на этого человѣка, медленно переступающаго по тротуару; всмотритесь внимательнѣе во всю его фигуру. Разодранный картузъ, изъподъ котораго въ безпорядкѣ вырываются длинные, какъ смоль черные, волосы, осѣняя худощавое загорѣвшее лицо, куртка безъ цвѣта и пуговицъ, гарусный шарфъ, небрежно обмотанный вокругъ смуглой шеи, холстинные брюки, изувѣченные сапоги и наконецъ огромный органъ, согнувшій фигуру эту въ три-погибели, все это составляетъ принадлежность злополучнѣйшаго изъ петербургскихъ ремесленниковъ — шарманщика. Въ-особенности наблюдайте за нимъ на улицѣ: лѣвая рука его съ трудомъ вертитъ мѣдную ручку, прикрѣпленную къ одной изъ сторонъ органа; звуки то заунывные, то веселые вырываются изъ инструмента, оглашая улицу, между-тѣмъ какъ взоры хозяина внимательно устремлены на окна домовъ; онъ прислушивается къ малѣйшему крику, зову, и едва встрѣчаетъ привѣтливый взглядъ, какъ тотчасъ ставитъ свою шарманку и начинаетъ играть лучшую піесу своего репертуара. Каждый разъ, какъ которая-нибудь изъ трубъ, позабывъ уваженіе къ человѣческимъ ушамъ, завизжитъ неестественно и нескладно,—посмотрите, какъ старательно завертитъ онъ рукою, думая тѣмъ загладить недостатки пискливаго своего инструмента и не возбудить въ слухѣ вашемъ непріятнаго ощущенія. Форточка отворяется: пятакъ или грошъ, завернутый въ бумажку, падаетъ къ ногамъ его въ награду за труды: но часто, весьма часто, истощивъ напрасно свой репертуаръ, онъ медленно удаляется, грустный, унылый, не произнося ни жалобы, ни ропота. Онъ уже давно привыкъ къ такой жизни. Какая бы на улицѣ ни стояла погода—знойный жаръ, дождь, трескучій морозъ, вы его увидите въ томъ же костюмѣ съ тою же шарманкою на спинѣ,—и все для того, чтобъ получить мѣдный грошъ, а иногда и „надлежащее распеканье“ отъ дворника, присланнаго какимъ-нибудь регистраторомъ, вернувшимся изъ департамента и послѣ сытнаго обѣда расположившимся лихо всхрапнуть. Часто шарманка

его кормитъ цѣлое семейство, и тогда можете себѣ представить, сколько ужасныхъ чувствъ волнуетъ горемыку при каждомъ тщетномъ покушеніи растрогать бо́льшею частію несострадательную къ нему публику. Изъ всѣхъ ремеслъ, изъ всѣхъ возможныхъ способовъ, употребляемыхъ народомъ для добыванія хлѣба, самое жалкое, самое неопредѣленное есть ремесло шарманщика. Нѣтъ ремесленника, который пріобрѣталъ бы копѣйку, не имѣя въ виду явнаго барыша: полунищая баба въ грязномъ салопѣ, покрытомъ заплатками сверху до низу, продающая на Сѣнной площади варенный картофель, прикрываемый, для-сохраненія въ немъ надлежащей теплоты, извѣстнымъ способомъ, то-есть безъ помощи чего-нибудь посторонняго, кромѣ тряпья, составляющаго ея исподнее платье, — приглашая гг. инвалидовъ и мужиковъ „на картофель, на горячій, служба, служба! на карто, на карто... кавалеръ, на горячій, на карто, на карто...," и та даже совершенно увѣрена, что вернется домой съ доброю краюхой хлѣба. Шарманщикъ же, спускаясь изъ-подъ кровли пяти-этажнаго дома или подымаясь изъ своего подвала, рѣдко бываетъ увѣренъ, доставитъ ли ему скудный его промыселъ кусокъ хлѣба, соберетъ ли онъ столько денегъ, чтобы въ концѣ мѣсяца заплатить за квартиру, — большею частію уголъ, нанимаемый имъ у той же торговки картофелемъ, которая за неисправный платежъ будетъ въ правѣ прогнать его со двора. Вникнувъ хорошенько въ моральную сторону этого человѣка, находишь, что подъ грубою его оболочкою скрывается очень часто доброе начало — совѣсть. Онъ могъ бы, какъ другіе бѣдняки, просить подаяніе; что́ останавливаетъ его? Къ чему таскаетъ онъ цѣлый день на спинѣ шарманку, лишаетъ себя свободы, убиваетъ цѣлые мѣсяцы на дрессировку собаченокъ, или изощряетъ свое терпѣніе, чтобы выучить обезьяну дѣлать разныя штуки? Что же вынуждаетъ его на такіе подвиги, если не чувство, говорящее ему, что добывать хлѣбъ подаяніемъ или плутовствомъ — безчестно? Я не хочу здѣсь представлять шарманщика идеаломъ добродѣтели; еще менѣе расположенъ я доказывать, что добродѣтель составляетъ въ наше время исключительный удѣлъ шарманщиковъ и что, слѣдовательно, вы должны запастись шарманкою и отправиться съ нею по улицамъ, если считаете себя добродѣтельнымъ; далекъ я также отъ мысли разсчитывать на ваше состраданіе, представляя шарманщика злополучнѣйшимъ изъ людей. Нѣтъ, я хочу только сказать, что въ шарманщикѣ, въ его частной и въ общественной, уличной жизни, многое достойно вниманія.

Д. Григоровичъ.

ПОМѢСТЬЕ ПЛЮШКИНА.

Чичиковъ и не замѣтилъ, какъ въѣхалъ въ середину обширнаго села со множествомъ избъ и улицъ. Скоро однакожъ далъ замѣтить ему это препорядочный толчекъ, произведенный бревенчатою мостовою, предъ которою городская каменная была ничто. Эти бревна, какъ фортепьянные

клавиши, подымались то вверхъ то внизъ, и необерегавшійся ѣздокъ пріобрѣталъ или шишку на затылокъ, или синее пятно на лобъ, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно кончикъ собственнаго же языка. Какую-то особенную ветхость замѣтилъ онъ на всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ: бревно на избахъ было темно и старо; многія крыши сквозили какъ рѣшето; на иныхъ оставался только конёкъ вверху, да жерди по сторонамъ въ видѣ рёберъ. Кажется, сами хозяева снесли съ нихъ дранье и тёсъ, разсуждая, и конечно справедливо, что въ дождь избы не кроютъ, а въ вёдро и сама не каплетъ. Окна въ избенкахъ были безъ стеколъ, иныя были заткнуты тряпкой или зипуномъ; балкончики подъ крышами съ перилами, неизвѣстно для какихъ причинъ дѣлаемые въ иныхъ русскихъ избахъ, покосились и почернѣли, даже не живописно. Изъ-за избъ тянулись во многихъ мѣстахъ рядами огромныя клади хлѣба, застоявшіяся какъ видно долго; цвѣтомъ походили онѣ на старый, плохо выжженный кирпичъ, на верхушкѣ ихъ росла всякая дрянь, и даже прицѣпился сбоку кустарникъ. Хлѣбъ, какъ видно, былъ господскій. Изъ-за хлѣбныхъ кладей и ветхихъ крышъ, возносились и мелькали на чистомъ воздухѣ, то справа, то слѣва, по мѣрѣ того какъ бричка дѣлала повороты, двѣ сельскія церкви, одна возлѣ другой; опустѣвшая деревянная и каменная, съ желтенькими стѣнами, испятнанная, истрескавшаяся. Частями, сталъ выказываться господскій домъ, и наконецъ глянулъ весь въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь избъ прервалась, и на мѣсто ихъ остался пустыремъ огородъ, или капустникъ, обнесенный низкою, мѣстами изломанною городьбою. Какимъ-то дряхлымъ инвалидомъ глядѣлъ сей странный замокъ, длинный, длинный непомѣрно. Мѣстами былъ онъ въ одинъ этажъ, мѣстами въ два: на темной крышѣ, не вездѣ надежно защищавшей его старость, торчали два бельведера, одинъ противъ другаго, оба уже пошатнувшіеся, лишенные когда-то покрывавшей ихъ краски. Стѣны дома обнаруживали мѣстами нагую штукатурную рѣшетку, и какъ видно много потерпѣли отъ всякихъ непогодъ, дождей, вихрей и осеннихъ перемѣнъ. Изъ оконъ только два были открыты; прочія были заставлены ставнями, или даже забиты досками. Эти два окна съ своей стороны были тоже подслѣповаты; на одномъ изъ нихъ темнѣлъ наклеенный треугольникъ изъ синей, сахарной бумаги.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохлый, казалось, одинъ освѣжалъ эту обширную деревню и одинъ былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи. Зелеными облаками и неправильными, трепетолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурею или грозою, подымался изъ этой зеленой гущи и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая